Д. И. Эварницкий

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Д. И. Эварницкій.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 ноября 1889 г.

ПОСВЯЩАЮ

Георгію Петровичу Алексѣеву

на память пребыванія

въ Котовкѣ

лѣтомъ

1889 года.

Милостивые

Государи!

Развитіе археологіи въ западной Европѣ. Первобытная археологія есть наука новѣйшихъ временъ, она началась съ того времени, когда ученые обратили серьезное вниманіе на культурные остатки каменнаго вѣка и впервые подвергли сомнѣнію божественность происхожденія каменныхъ орудій. Каменныя орудія извѣстны были съ незапамятныхъ временъ всѣмъ народамъ, но, странно сказать, ни люди древняго міра, ни люди среднихъ вѣковъ совершенно не знали ихъ значенія. Вѣрили, что кремневыя стрѣлки падали съ неба на землю, лежали въ землѣ семь лѣтъ и потомъ выходили на поверхность ея; вѣрили, что каменные молотки бросались на землю богами для исцѣленія недуговъ человѣка; оттого люди, находя эти молотки, или нагрѣвали ихъ на огнѣ, или варили въ водѣ, потомъ воду давали пить больнымъ, а самые молотки прикладывали къ животу. Первый высказался противъ священнаго происхожденія каменныхъ орудій прусскій ученый Гельвигъ, за нимъ итальянскій ученый Меркотти, германскій Эстерлингъ, французскіе де-Жюлье и Макюдень и русскій академикъ Гмелинъ. Но настоящимъ отцомъ первобытный археологіи считаютъ французскаго ученаго Буше де-Перта, родомъ изъ Аббевиля, находящагося въ департаментѣ Соммы, впервые основательно изслѣдовавшаго остатки каменнаго вѣка вмѣстѣ съ костями допотопнаго мамонта и носорога въ наносахъ рѣки Соммы. «Съ давняго времени и всегда случайно вмѣстѣ съ костями допотопныхъ животныхъ находимы были какіе-то отбитые куски кремня, рѣже

костяныя вещи и глиняные черепки, еще рѣже человѣческія кости. Великія палеонтологическія открытія Кювье навели нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что все это слѣды людей, жившихъ одновременно съ исчезнувшими млекопитающими. Но самъ Кювье безусловно отвергъ эту мысль, и мнѣніе великаго натуралиста надолго оставалось господствующимъ, своимъ авторитетомъ дѣйствовало подавляюще и тогда, когда въ 1836 году французскій археологъ Буше де-Пертъ впервые выступилъ съ сочиненіемъ «Antiquités celtiques et antediluviennes», въ которомъ доказывалъ, что человѣкъ существовалъ въ Европѣ одновременно съ исчезнувшими крупными млекопитающими и что, если трудно надѣяться, что гдѣ-либо будутъ найдены кости этого человѣка, зато смѣло можно разсчитывать, что слѣды его дѣятельности окажутся на какомъ-нибудь предметѣ. Сочиненіе это большинствомъ ученыхъ было оставлено безъ вниманія, а у нѣкоторыхъ вызвало даже насмѣшки. Такой пріемъ, разумѣется, не убѣдилъ Буше де-Перта въ ошибочности его гипотезы; напротивъ, съ настойчивостью великаго ученаго онъ послѣ этого десятки лѣтъ роется въ нѣдрахъ земли, чтобы найти побольше доказательствъ для высказаннаго имъ положенія... Онъ обращается со своими находками къ ученому обществу въ Аббевилѣ, но встрѣчаетъ равнодушіе и недовѣріе. Въ слѣдующемъ году онъ ѣдетъ въ Парижъ и представляетъ свои кремни разнымъ членамъ академіи наукъ, но и здѣсь вызываетъ лишь сомнѣнія и заподазриванія. Оставленный учеными, Буше де-Пертъ обращается къ рабочимъ и при помощи ихъ продолжаетъ свои изслѣдованія. Въ сочиненіи «Antiquités celtiques et antediluviennes» мы встрѣчаемъ уже около 1,000 изображеній добытыхъ имъ предметовъ посредствомъ раскопокъ. Его примѣръ вызываетъ подражателей, но ученый міръ еще долго съ полнымъ равнодушіемъ относится къ его открытіямъ или даже вовсе отвергаетъ ихъ. О каменныхъ орудіяхъ говорили, что они продуктъ огня, что они выброшены вулканомъ въ жидкомъ состояніи и, попавши въ воду, приняли свою форму; другіе, напротивъ, утверждали, что кремневые голыши, трескаясь отъ мороза, принимали оригинальную форму

орудій... Англичанамъ принадлежитъ честь перваго отклика на изслѣдованія французскаго археолога. Послѣ личнаго присутствія нѣсколькихъ англійскихъ ученыхъ на работахъ въ долинѣ Соммы, наконецъ и серъ Лейэль, президентъ Британскаго геологическаго общества, посѣтилъ раскопки. До этого времени онъ былъ упорнымъ противникомъ теоріи Буше де-Перта; по возвращеніи, въ 1853, году въ Лондонъ онъ торжественно въ собраніи англійскихъ натуралистовъ возвѣстилъ всему ученому міру о своемъ переходѣ къ новому ученію; рѣчь свою онъ могъ бы начать словами: veni, vidi, victus sum. Теперь наконецъ обратили вниманіе на это дѣло и французскіе ученые, и Буше де-Пертъ, умершій въ 1868 году, унесъ съ собою увѣренность, что его наука стала на ноги, что его изслѣдованія и открытія не пропадутъ для потомства»[1]).

Начало археологіи въ Россіи. Такъ возникла наука о первобытныхъ временахъ человѣка въ западной Европѣ. Съ какихъ же поръ стали обращать вниманіе на предметы древности у насъ въ Россіи? Собиранію древностей въ Россіи положилъ начало Петръ Великій. Вниманіе Петра было обращено на различные предметы древностей: на развалины бывшаго на берегу Камы и Волги болгарскаго царства, завоеваннаго въ 1236 году татарами, какъ-то: его дворцы, мечети, башни, статуи, училища, бани, водопроводы, разныя надгробія, домашнія вещи и т. п., которыя Петръ приказывалъ или охранять новыми постройками, или отсылать въ сѣверную столицу, Петербургъ; на человѣческіе скелеты, камни, монеты, старинныя лѣтописи, отдѣльныя рукописи, оффиціальные документы, которые Петръ велѣлъ списывать и отправлять въ Петербургъ, опредѣляя плату за всякую находку «Ежели чрезвычайнаго величества скелетъ—тысячу рублей, а за голову пятьсотъ рублей: за старыя монеты и прочія вещи съ подписью — вдвое противъ того, что онѣ стоили; за камни съ надписью—по разсужденію. Одинъ гробъ съ костьми привезть не трогая; всему

---

[1]) В. Л. Беренштамъ. Доисторическія времена, Псковъ, 1880, 3—5.

дѣлать чертежи, какъ что найдутъ» [1]). Тотъ же Петръ Великій далъ средства отправиться въ путешествіе по Сибири въ свое время знаменитому ученому Даніэлю Мессершмидту и приказалъ ему собирать разнаго рода древности, «курьезныя» серебряныя и золотыя вещи присылать въ Петербургъ, не переливая ихъ. Наконецъ, Петръ Великій положилъ начало императорской публичной библіотекѣ и кунсткамерѣ при академіи наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ царствованіе императрицы Анны Ивановны является знаменитый историкъ, археологъ, географъ и этнографъ Василій Никитичъ Татищевъ; онъ издаетъ уже подробную инструкцію для собиранія археологическихъ древностей, принятую во вниманіе академіей и разосланную по губерніямъ. «Не находится-ли гдѣ въ степяхъ каменныхъ болвановъ или камней съ надписями, или какое-либо начертаніе, которое, елико возможно, живописцу надлежитъ назнаменовать и, описавъ его мѣру и цвѣтъ, притомъ же сообщить»; всякій предметъ древности какъ можно хранить: «Особливо находятся горшки и кувшины въ гробахъ, на которыхъ надпись есть, да когда ихъ откопавъ скоро вынесть, то они истрескаются или скоро развалятся, того рода оные откопавъ надобно нескоро вынимать, провѣтрить на мѣстѣ, а потомъ вынесть, поставить, чтобы отъ солнца высохли... О томъ такимъ гробокопателямъ надлежитъ объявить, чтобы знали и невѣдѣніемъ такихъ вещей не портили, или за страхъ, что у нихъ даромъ отымутъ, не таили» [2]). Во второй половинѣ XVIII вѣка на поприщѣ археологіи заявили себя также ученые Миллеръ, Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Зуевъ, Рычковъ; въ то время для помѣщенія всякаго рода древностей устроенъ былъ въ С.-Петербургѣ Императорскій Эрмитажъ, пріобрѣвшій потомъ громадное значеніе, какъ центральное помѣщеніе древнихъ рѣдкостей, находимыхъ въ разныхъ концахъ Россіи [3]).

---

[1]) Русская старина, 1872, октябрь, 475.

[2]) К. Н. Бестужевъ - Рюминъ. Біографіи и характеристики. Спб., 1882. 144.

[3]) Эрмитажъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ зданій, соединенныхъ впослѣдствіи вмѣстѣ, первое въ 1728, второе въ 1765 и третье въ 1775 году.

Однако, въ продолженіе XVIII вѣка дѣятельность ревнителей собиранія старины въ Россіи проявлялась, такъ сказать, спорадически и временно; послѣдовательно и основательно это дѣло поставлено было только съ первой половины текущаго столѣтія. Въ 1804 году основано было первое «Общество исторіи и древностей россійскихъ» въ Москвѣ; потомъ въ 1839 году возникло «Общество исторіи и древностей» въ Одессѣ, гдѣ стяжали себѣ безсмертныя имена Ашикъ, Дебрюксъ, Брунъ, Мурзакевичъ, Надеждинъ, Люценко и другіе; за «Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей» послѣдовало въ 1846 году, 15 мая, открытіе «С.-Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества», преобразованнаго потомъ въ «Императорское Русское археологическое общество», гдѣ пріобрѣли заслуженную извѣстность Уваровъ, Сахаровъ, Савельевъ, Срезневскій, Забѣлинъ, Тизенгаузенъ, Ровинскій, Стасовъ и другіе; спустя четыре года, основатель этого общества, графъ А. С. Уваровъ уже приступилъ къ раскопкамъ мерянскихъ кургановъ. Въ 1850 году при кабинетѣ Его Императорскаго Величества учреждена была «Императорская Археологическая коммиссія», на которую возлагалась обязанность спеціально собирать или слѣдить за собираніемъ древностей въ Россіи и завѣдывать раскопками кургановъ, городищъ и замѣчательныхъ урочищъ. Въ это время (съ 1829 по 1834 годъ), благодаря покровительству императора Николая Павловича и усердному содѣйствію въ свое время знаменитаго графа Л. А. Перовскаго, у насъ снаряжено было нѣсколько ученыхъ экспедицій въ 14 сѣверныхъ губерній: архангельскую, вологодскую, владимірскую, вятскую, московскую, казанскую, костромскую, новгородскую, нижегородскую, олонецкую, псковскую, санктпетербургскую, тверскую и ярославскую—для приведенія въ извѣстность всѣхъ архивовъ и старинныхъ библіотекъ и для извлеченія изъ нихъ важнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, дипломатики, правовѣдѣнія и т. п. Въ 1863 году возникло въ Москвѣ «Императорское археологическое общество», гдѣ трудились Уваровъ, Герцъ, Котляревскій, Румянцевъ, Филимоновъ и другіе.

Результатами дѣятельности ученыхъ археологическихъ об-

ществъ и археологической коммиссіи былъ цѣлый рядъ раскопокъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи: области бывшихъ владѣній европейскихъ скиѳовъ И. Е. Забѣлина; области ильменскихъ славянъ Л. К. Ивановскаго; области кривичей М. Ф. Кусцинскаго; области сѣверянъ Д. Я. Самоквасова; области древлянъ В. Б. Антоновича; области полянъ того же В. Б. Антоновича и графа А. А. Бобринскаго. Послѣ изысканій названныхъ ученыхъ теперь не подлежитъ сомнѣнію важное историческое значеніе того громаднаго и едва-ли чѣмъ-либо замѣнимаго матерьяла, который открытъ въ курганахъ разныхъ концовъ Россіи и который обогатилъ, расширилъ горизонтъ нашей исторіи и во многомъ даже измѣнилъ точку зрѣнія нашихъ историковъ. Впрочемъ, нужно сказать, что и у насъ, какъ и въ западной Европѣ, на первыхъ порахъ мало придавали значенія археологіи и мало цѣнили безкорыстные и неустанные труды адептовъ этой науки. «Доселѣ, замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, археологическую науку разсматривали у насъ только теоретически, какъ необходимую вѣтвь отечественной исторіи, но на самомъ дѣлѣ мало обращали вниманія на вещественные памятники и ихъ значеніе. Въ первый разъ мы видимъ въ «Русской исторіи» К. П. Бестужева—Рюмина причисленіе вещественныхъ памятниковъ къ источникамъ исторіи. О нихъ обыкновенно упоминали только вскользь, какъ объ излишнемъ предметѣ роскоши при изученіи исторіи. Если доселѣ такъ мало заботились о памятникахъ, сохранившихся на поверхности земли, то тѣмъ менѣе заботились о важномъ значеніи тѣхъ предметовъ, которые еще скрыты въ глубинѣ могилъ и кургановъ. Такое равнодушіе къ монументальной археологіи должно было отозваться, какъ на самыхъ раскопкахъ могилъ, такъ и на мнѣніи о результатѣ, котораго можно было ожидать отъ этихъ раскопокъ. Многіе рѣшали a priori, что результатъ изслѣдованій славянскихъ могилъ не будетъ соотвѣтствовать ни законному ожиданію, ни труду на нихъ потраченному» [1]). Въ настоящее время, однако, чѣмъ

[1]) Труды Московскаго археологическаго общества, Москва, 1873, т. III, выпускъ III. 266.

дальше, тѣмъ болѣе археологія пріобрѣтаетъ гражданскихъ правъ, какъ наука весьма необходимая для историка; теперь рѣдко можно найти профессора, который бы не начиналъ свой курсъ исторіи въ университетѣ съ археологіи, т. е., съ обозрѣнія доисторическихъ временъ Россіи.

Послѣ ряда изысканій дознано, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, свѣтѣ, человѣчество переживало пять цикловъ постепеннаго развитія: палеолитическій періодъ, переходную и неолитическую эпоху [1]), бронзовый періодъ и желѣзный періодъ. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется особыми изобрѣтеніями и открытіями, такъ или иначе отличающими его отъ другаго.

Палеолитическій періодъ, по преобладающей древесной растительности, называемый, иногда сосновымъ, начинается съ отдаленнѣйшихъ отъ насъ временъ и доходитъ, по приблизительному счету, до V вѣка предъ Р. Х.; онъ характеризуется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ это время человѣкъ живетъ въ естественныхъ, преимущественно сталактитовыхъ, пещерахъ, впослѣдствіи называемыхъ змѣиными, по берегамъ рѣкъ, озеръ, морей и вблизи кремня и лѣса; таковы у насъ пещеры по берегамъ Днѣстра; въ этихъ пещерахъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, оттого здѣсь можно находить разнаго рода кухонные остатки или сорные отброски вмѣстѣ съ костьми разныхъ животныхъ и каменными орудіями; отъ скученности населенія и плохаго оздоровленія пещеръ въ нихъ господствовали страшныя эпидеміи, истреблявшія поголовно цѣлыя поколѣнія первобытнаго населенія пещеръ; во-вторыхъ, въ палеолитическомъ

---

[1]) Палеолитическій періодъ подраздѣляютъ то на три, то на четыре эпохи: 1) эпоха пещернаго медвѣдя, 2) эпоха мамонта, 3) эпоха сѣвернаго оленя; 1) эпоха мамонта, 2) эпоха сѣвернаго оленя и кухонныхъ остатковъ, 3) эпоха мегалитическихъ памятниковъ; 1) эпоха Сентъ-Ашель, 2) эпоха Мустье, 3) эпоха Солютре и 4) эпоха Маделеня; 1) эпоха до-ледниковая, 2) эпоха ледниковая, 3) эпоха послѣдниковая и 4) эпоха свайныхъ построекъ. См. А. С. Уварова, Археологія Россіи, Москва, 1881, I, 26.

періодѣ человѣкъ не знаетъ еще металла и вмѣсто него употребляетъ разныхъ породъ камень—кварцитъ, агатъ, халцедонъ, кремень, роговикъ, яшму, обсидіанъ и другія въ этомъ родѣ твердыя породы; изъ этого камня человѣкъ палеолитическаго періода дѣлаетъ разнаго рода орудія, частію для домашняго употребленія, частію для защиты отъ звѣрей и людей, довольно большой величины, яйцевидной формы, или находимыя въ естественномъ видѣ, въ видѣ голышей и кругляковъ, или обиваемыя съ обѣихъ сторонъ и потому называемыя отбивными орудіями; каменныя орудія онъ оправляетъ или въ потерянные животными рога, или вставляетъ въ расщепленные сучья, отломленные отъ деревьевъ, или привязываетъ къ палкѣ, замѣнявшей собой топорище, посредствомъ древесныхъ кореньевъ, содранныхъ съ липы лыкъ, толстыхъ мочалъ, животныхъ кишекъ, жилъ и т. п.; иногда, привязавъ орудіе, напримѣръ, кремневое копье, къ древку, человѣкъ палеолитическаго періода заливалъ мѣсто связки горной смолой, даже асфальтомъ, въ то время уже извѣстнымъ ему; въ-третьихъ, въ палеолитическомъ періодѣ посудой для человѣка служатъ раковины, большія орѣховыя скорлупы, рога звѣрей, черепа животныхъ, черепа людей, какъ въ томъ убѣждаютъ насъ не только находки этого рода посуды, но и свидѣтельства отца исторіи, Геродота и нашихъ русскихъ лѣтописцевъ [1]); въ-четвертыхъ, въ палеолитическомъ періодѣ человѣкъ ходитъ или совсѣмъ безъ платья или въ шкурахъ убитыхъ звѣрей, сшитыхъ жилами или ремнями животныхъ посредствомъ костяной, заостренной книзу иголки, похожей на большую шпайку или желѣзный гвоздь; въ-пятыхъ, человѣкъ сперва совсѣмъ не знаетъ способа добыванія огня, потомъ добываетъ его посредствомъ тренія одного бревна о другое, считая, что это искусство послано людямъ съ неба самими богами и изображая самое добываніе его на разной посудѣ въ видѣ особаго знака, назы-

---

[1]) Геродотъ, переводъ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 325. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, Спб., 1872, 72.

ваемаго свастикой; наконецъ, въ-шестыхъ, человѣкъ палеолитическаго вѣка, живетъ одновременно съ носорогомъ, мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ, пещернымъ львомъ, пещерной гіеной, исполинскимъ оленемъ, туромъ, первобытной козой, canis lupus-vulpes canis, громадныхъ размѣровъ орломъ, однимъ словомъ, почти со всѣми хищными животными и птицами, кромѣ домашнихъ [1]); не знаетъ хлѣбныхъ растеній, не знаетъ домашнихъ животныхъ, питается рыбой, мясомъ дикихъ звѣрей, мясомъ человѣка, плодами, кореньями, съѣдаетъ все до-чиста въ сыромъ видѣ, предпочитая всему мозгъ костей; татуируется остріями костей,носитъ украшенія въ видѣ раковинъ и зубовъ медвѣдей и т. п

Переходная эпоха характеризуется также нѣсколькими признаками, отличающими ее отъ предыдущаго и послѣдующаго времени. Во-первыхъ, въ это время открыто искусство дѣлать изъ глины черепковую посуду—горшки, ложки, грузила, иначе пряслица или кистени; думаютъ, что начало керамическихъ, т. е. гончарныхъ издѣлій положено еще въ концѣ палеолитическаго періода, но полное развитіе его относятъ уже къ переходной эпохѣ [2]); добывая въ землѣ камни для своихъ орудій, человѣкъ случайно наткнулся на пластъ глины и воспользовался ею для выдѣлки посуды; случайно онъ научился мѣсить глину, можетъ быть, послѣ сырой и дождливой погоды, когда босой прошелся по ней; научившись мѣсить глину, человѣкъ сталъ изъ нея лѣпить посуду, сперва на колѣняхъ, рукой, преимущественно женской или дѣтской, на что указываютъ отпечатки пальцевъ на посудѣ, придавая ей форму черепообразную и яйцевидную и подмѣшивая къ глинѣ гравій, т. е. крупный песокъ, и дресву, т. е. разложившійся отъ дѣйствія огня гранитъ; до этого времени человѣкъ, рядомъ съ черепами, употреблялъ посуду, сплетенную изъ древесныхъ вѣтвей; теперь, чтобы посуда не про-

---

[1]) Труды Моск. археол. общества, Москва, 1874, т. IV, вып. I, археол. извѣстія, стр. 1.

[2]) Мнѣніе Вилланова, Бёска, Каппелини и графа А. С. Уварова.

пускала воды, человѣкъ сталъ обмазывать ее глиной: потомъ, видя, какъ она твердѣетъ на солнцѣ, человѣкъ мало-по-малу научился обжигать ее сперва на солнцѣ, потомъ на огнѣ; далѣе для лѣпки посуды онъ сталъ употреблять послѣдовательно простую дощечку, за ней гончарный станокъ; первоначально посуду дѣлалъ безъ всякой наружней отдѣлки и украшенiй, а потомъ сталъ придавать ей разную технику и украшенія: плетенкой изъ стеблей растенiй, отпечатками травы, скрѣпой посредствомъ стеблей растенiй или жилъ животныхъ, охватывающихъ сосудъ съ наружней стороны въ видѣ косыхъ линiй, отпечатками рыбьей чешуи, отпечатками волосъ, ткани сѣтей, а у приморскихъ первобытныхъ жителей въ видѣ изображенiй морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей, коралловъ, раковинъ, улитокъ, далѣе собственнымъ ногтемъ, костью животныхъ въ видѣ ямочекъ или точекъ [1]); сперва безъ всякой окраски, а потомъ съ окраской посредствомъ различныхъ сортовъ глины, окиси желѣза и смолы, сперва безъ полировки, потомъ съ полировкой посредствомъ натиранія сосуда какимъ-либо твердымъ предметомъ. Во-вторыхъ, въ переходной эпохѣ видны первые начатки шлифовки каменныхъ орудiй, еще неполная шлифовка, а только полушлифовка, въ видѣ удаленія лишнихъ частей въ камнѣ, въ видѣ зазубриванія или острія или реберъ кремневыхъ копiй посредствомъ мелкихъ ударовъ, въ видѣ желобовъ на каменныхъ молоткахъ для привязыванія къ нимъ деревянныхъ топорищъ, въ видѣ, наконецъ, усовершенствованiй отбивки орудiй изъ сланца, аспида и особенно кремня, имѣющаго свойство быть не столь твердымъ тотчасъ послѣ извлеченія его изъ земли и дѣлаться очень твердымъ на открытомъ воздухѣ. Въ-третьихъ, въ переходную эпоху дѣлаются орудія уже и изъ костей животныхъ, а жилье въ видѣ искусственныхъ пещеръ, выкапываемыхъ близъ воды въ лёсѣ, т. е. желтой глинѣ, непропускающей воды, съ очагами и ходами вдоль

[1]) П. А. Путятинъ. О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ, Спб. 1881, 7, 19—20.

пещеръ; таковы въ Россіи пещеры Кирилловскія въ правомъ берегу Днѣпра, подъ Кіевомъ. Въ-четвертыхъ, въ эту эпоху уже сходятъ со сцены мамонтъ, носорогъ и пещерный медвѣдь: зато въ замѣнъ ихъ являются зубры, быки, лошади, козули, свиньи, раковые моллюски, прѣсноводныя рыбы и разные звѣри, которыхъ человѣкъ ловитъ себѣ для пищи, загоняя ихъ въ ямы. Въ-пятыхъ, наконецъ, въ переходную эпоху замѣтны слѣды погребенія покойниковъ на кострахъ, съ горшками, съ костьми въ горшкахъ, орудіями и разными церемоніями, доказывающими уваженіе къ покойнику.

Въ неолитическую эпоху человѣкъ окончательно переселяется въ искусственныя пещеры, выкапываемыя все также близъ воды и въ томъ же лѣсѣ; но къ искусственнымъ пещерамъ онъ прибавляетъ въ это времяеще свайныя постройки среди рѣкъ, озеръ и заливовъ, среди искусственныхъ острововъ на искусственныхъ прудахъ, называемыя въ Ирла́ндіи и Шотландіи крэноджами, въ Италіи терамаррами: онѣ возводились въ 50 или 100 саженяхъ отъ береговъ рѣкъ, соединялись съ берегами посредствомъ подъемныхъ мостовъ, строились изъ вѣтвей, хворосту и глины и представляли изъ себя нерѣдко обширныя поселенія въ нѣсколько сотъ хижинъ. О существованіи свайныхъ построекъ у первобытныхъ народовъ упоминаетъ еще отецъ исторіи Геродотъ, когда говоритъ о пеонахъ, жившихъ во Ѳракіи, близъ горы Пангея на озерѣ Прасіадѣ. «У нихъ вошло въ обыкновеніе поступать такъ: каждый пеонъ по случаю своей женитьбы обязанъ вколачивать три сваи, добываемыя на горѣ Орбелѣ, а пеоны женятся на многихъ женщинахъ. Такъ они живутъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ на бревнахъ хижину для жительства съ опускною дверью, ведущей чрезъ бревна къ озеру; малыхъ дѣтей они привязываютъ за ногу веревкой изъ опасенія, какъ бы тѣ не скатывались внизъ» [1]). Въ наше время множество свайныхъ построекъ открыто было въ 1853 году въ Швейцаріи на Цюрихскомъ озерѣ; въ этотъ и послѣдующіи

[1]) Геродотъ, переводъ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, II, 7.

годъ въ Цюрихскомъ озерѣ сильно упала вода, и тогда жители, производя постройки на берегу озера, неожиданно наткнулись на остатки свайныхъ построекъ и различнаго рода орудія, домашнія вещи, украшенія и т. п. Это обстоятельство привлекло вниманіе ученыхъ, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени въ Швейцаріи найдены слѣды свайныхъ построекъ болѣе, чѣмъ на двадцати озерахъ. Въ самое послѣднее время свайныя постройки были открыты нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Н. Н. Миклухою-Маклаемъ на ново-гвинейскихъ островахъ; у насъ пока открыты свайныя постройки въ Западномъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ. Причинами построенія свай на водѣ были или обиліе рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, которую первобытный человѣкъ свободно бралъ, опуская черезъ отверстіе въ полу сваи плетеную корзину, или стремленіе обезопасить себя отъ хищныхъ звѣрей и злыхъ людей на случай ихъ внезапнаго нападенія. Кромѣ искусственныхъ пещеръ и свайныхъ построекъ въ неолитической эпохѣ человѣкъ созидаетъ еще такъ называемыя мегалитическія («мегалиты»—большіе камни) или циклопическія постройки, т. е. особыя сооруженія изъ громадныхъ цѣльныхъ камней, каковы: дольмены («dol»—камень и «maen» столъ, отсюда, дольменъ —.каменный столъ), кромлехи («crom»—окружность и «lech» — мѣсто), менгиры («maen» — камень и «hir» длинный), колеблющіеся и чашечные камни; дольменами назывались крытыя, четырехугольныя камеры, сложенныя изъ четырехъ плитъ, прикрытыхъ сверху одною цѣльною плитою, сооруженныя на поверхности земли и рѣдко покрываемыя насыпью, видимо предназначавшіяся для жилья человѣка; кромлехи—тѣ же дольмены, но окруженныя рядомъ камней или сами поставленныя паралельными рядами, въ видѣ одного или нѣсколько полукруговъ, служившіе, можетъ быть, мѣстами для народныхъ собраній, можетъ быть, сборищами для религіозныхъ отправленій; менгиры — цѣльные четырехугольные камни, поставленные иногда прямо, иногда отвѣсно, подпертые для поддержки, когда стоятъ въ отвѣсномъ положеніи, со всѣхъ другихъ сторонъ другими камнями, имѣвшіе иногда до пяти саженъ

высоты и воздвигавшіеся, какъ кажется, для увѣковѣчиванья какихъ-либо важныхъ событій [1]); колеблющіеся камни—pierres vacilantes—ставившіеся на весьма гладкомъ основаніи и какъ-бы всякій разъ готовые упасть на землю и никогда непадавшіе, сооружались, какъ кажется, надъ прахомъ людей, ознаменовавшихъ себя какимъ-либо важнымъ подвигомъ; чашечные камни— особыя углубленія, въ видѣ чашекъ, сдѣланныя на цѣльныхъ камняхъ, означали собой, по различнымъ толкованіямъ, межевые знаки, отмѣрки скалъ, вмѣстилища для собиранія жертвенной крови, изображенія небесныхъ свѣтилъ, какія-то письмена, или указатели какихъ-либо важныхъ событій. Въ Россіи пока слѣды мегалитическихъ построекъ открыты въ Сибири, Крыму и на Кавказѣ [2]). Помимо жилья, характернымъ отличіемъ неолитической эпохи считается шлифовка и сверленіе каменныхъ орудій. Шлифовка орудій дѣлалась на особыхъ камняхъ, похожихъ на простой мужицкій хлѣбъ съ приподнятой срединой и съ глубокими желобами, подобно радіусамъ, расходящимися отъ центра къ оконечностямъ, лучшимъ образцомъ которыхъ можетъ служить камень, бывшій на послѣдней выставкѣ Н. Н. Миклухи-Маклая и добытый имъ у дикарей въ каменномъ вѣкѣ; чтобы отполировать какое-либо изъ каменныхъ орудій, его клали въ одинъ изъ желобовъ точильнаго камня и терли руками то вверхъ, то внизъ, подсыпая въ жолобъ песку и подливая въ него воды. Вмѣстѣ со шлифовкой человѣкъ неолитической эпохи научился уже и сверлить орудія, именно каменные молотки для насаживанія ихъ на деревянныя ручки. Сверленіе происходило поперемѣнно то съ одной, то съ другой стороны помощью особаго станка и заостренной, пустой въ срединѣ, звѣриной кости, которая приводилась веревкой въ движеніе и подъ которую подкладывали тростникъ и подсыпали песокъ, обильно смачиваемый водой; такой станокъ сдѣланъ былъ въ наше время знаменитымъ аме-

---

[1]) Названія—«дольменъ, кромлехъ и менгиръ» придуманы французскимъ ученымъ Бодэномъ.

[2]) Труды московскаго археологическаго общества, т. VI, в. III, 270; т. VII, в. III, 256—274.

риканскимъ археологомъ Карломъ Рау, умѣвшимъ превосходно и сравнительно въ короткое время сверлить каменные молотки. Такимъ образомъ въ неолитическую эпоху приготовляются уже орудія болѣе совершенныя, чѣмъ въ предшествующее время, вмѣстѣ съ этимъ меньшія по размѣрамъ и изъ камня менѣе твердаго, чѣмъ раньше — діорита, нефрита, змѣевика или серпентина, сланца, афанита, песчаника и др.; такими орудіями были молотки, для борьбы съ врагомъ копья и стрѣлки, для соскабливанія мяса съ костей скребки, для раскалыванія костей и добыванія въ костяхъ мозга клинки или прямыя долотца, далѣе ножи, пилки, пращи; кремневая масса, изъ которой отбивались всѣ мелкія орудія, кромѣ молотка, носитъ названіе нуклеуса, т. е. ядра или ядрища. Кромѣ сверленія орудій, человѣкъ въ неолитическую эпоху уже зналъ и первые начатки земледѣлія, взрыхляя землю палками, медвѣжьей челюстью, оленьими рогами, каменными кирками, засѣвая пшеницу, ячмень, овесъ, просо и ленъ; хлѣбныя растенія онъ вынималъ изъ земли съ корнемъ, хлѣбныя зерна мололъ на ручной, изъ двухъ небольшихъ съ углубленіемъ камней, мельницѣ; изъ муки дѣлалъ, подобныя малорусскимъ «паляныцямъ», лепешки съ цѣльными зернами и соломой; изо льна ткалъ грубый холстъ и вилъ толстыя веревки, для самаго же тканья употреблялъ особый станокъ, утвержденный на каменныхъ пряслицахъ; наконецъ, въ это время человѣкъ умѣлъ уже перевозить и свои клади на телѣгахъ съ колесами изъ сплошнаго дерева безъ спицъ; изъ животныхъ въ то время человѣкъ зналъ козу, свинью индійской и неополитанской породы, рогатый скотъ двухъ породъ—степной породы, крупный—въ родѣ англійскаго и фрисландскаго, прародителемъ котораго былъ туръ до IX вѣка въ западной Европѣ и до XVI въ Литвѣ и Польшѣ, и короткорогій, въ родѣ калмыцкаго, шедшій съ востока на югъ; лошадь, пока существовала въ дикомъ видѣ, была предметомъ охоты и шла въ мясо [1]).

[1]) Д. Н. Анучинъ, Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи. Труды VI археологическаго съѣзда.

Бронзовый періодъ, по преобладающей древесной растительности называемый иногда дубовымъ, приблизительно за 7000 лѣтъ до нашего времени, характеризуется прежде всего тѣмъ, что въ немъ на смѣну орудій каменныхъ выступаютъ бронзовыя. Добывая камни для орудій въ землѣ, человѣкъ случайно наткнулся на металлы—золото, мѣдь, олово—главнымъ образомъ въ Хоросанѣ—[1]) и воспользовался ими для своихъ потребностей: золотомъ сталъ обкладывать, въ видѣ тонкихъ листочковъ, различныя вещи для своего обихода, а мѣдь смѣшивалъ съ оловомъ ($^9/_{10}$ мѣди и $^1/_{10}$ олова) и получалъ бронзу; изъ бронзы сталъ дѣлать орудія: кельты, имѣвшіе подобія молотковъ или кирокъ, на столько распространенныхъ, что отъ нихъ и самый періодъ бронзовый называютъ кельтическимъ; мечи, большею частью похожіе на тростниковые листья, кистени для убиванія звѣрей и птицъ, серпы для срѣзыванья колосьевъ хлѣбныхъ растеній, шлемы, щиты, зеркала, діадемы, шпильки, кольца, фибулы, т. е. застежки для плащей, гребни, бусы и т. п. Открытію металла человѣкъ придавалъ такое важное значеніе, что находку его приписывалъ не себѣ лично, а самимъ богамъ, для объясненія чего сочинилъ цѣлый циклъ миѳическихъ разсказовъ и баснословныхъ легендъ. Всѣ предметы бронзоваго издѣлія приготовлялись или въ западной Европѣ или въ Азіи: издѣлія Европы отличались всегда бо́льшими размѣрами, чѣмъ издѣлія Азіи; это объясняется, по мнѣнію авторитетныхъ археологовъ, тѣмъ, что издѣлія Азіи приготовлялись семитами, отличающимися сравнительно съ арійцами меньшею развитостью рукъ и всего тѣла: извѣстно, что главными разносителями вещей бронзоваго издѣлія въ Европѣ были финикіяне, принадлежавшіе къ семитической расѣ. Кромѣ названныхъ отличій, бронзовый періодъ характеризуется еще полнымъ одомашненіемъ животныхъ: въ это время человѣкъ приручаетъ къ себѣ овцу, рогатый скотъ, лошадь—небольшаго роста, съ короткой головой, строй-

[1]) Записки московскаго археологическаго общества, Москва, 1878, т. VII, в. III, 237.

ными конечностями: далѣе конику и собаку: послѣдняя приручается на югѣ Европы, по выходѣ человѣка изъ Азіи; въ первобытное время она была въ двухъ породахъ—величиною или съ небольшую лягавую, или съ довольно крупнаго шакала, съ низкой головой, стоячими ушами и узкой мордой, приспособленной къ хватанію; съ теченіемъ времени она дѣлается уже крупнѣе и сильнѣе, приспособляется къ растительной пищѣ и сильно одомашняется; наконецъ, въ бронзовый періодъ она дѣлается еще крупнѣе, имѣетъ несомнѣнную помѣсь съ волкомъ и существуетъ въ двухъ породахъ — индійской и тибетской [1]. Чѣмъ ближе европейскія страны находились къ Средиземному морю, тѣмъ скорѣе къ нимъ проникали издѣлія бронзоваго періода, и чѣмъ дальше отъ Средиземнаго моря, тѣмъ медленнѣе: въ Троѣ уже за 3,000 до Р. Х. начался переходъ отъ бронзоваго періода къ желѣзному, а въ Скандинавіи въ это самое время только начинался періодъ бронзы. Особаго развитія бронзовый вѣкъ достигъ въ Перу и Мексикѣ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить и то, что далеко не во всѣхъ странахъ свѣта бронзовый періодъ слѣдовалъ за неолитической эпохой: часто отъ неолитической эпохи человѣкъ переходилъ прямо къ желѣзному періоду.

Желѣзный вѣкъ, по преобладающей древесной растительности называемый иногда буковымъ, приблизительно за 6000 лѣтъ до нашего времени, отличается отъ бронзоваго тѣмъ, что въ это время найдено было желѣзо, изъ котораго люди стали дѣлать разныя вещи для своего обихода. Полагаютъ, что на первыхъ порахъ первобытный человѣкъ бралъ для своихъ потребностей такъ называемое метеорическое желѣзо, весьма удобное для ковки, какъ по своей чистотѣ, такъ и по мягкости. Въ то время такое желѣзо несомнѣнно попадалось на поверхности земли, какъ это доказываетъ Гренландія, въ которой находятъ очень большіе и очень многочисленные метеориты, состоящіе изъ чистаго желѣза. Пола-

---

[1]) Д. Н. Анучинъ, Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, Труды VI археологическаго съѣзда.

гаютъ также, что первоначально человѣкъ умѣлъ только ковать желѣзо, а не плавить. Отъ метеорическаго желѣза далѣе человѣкъ перешелъ къ желѣзу въ землѣ и, какъ думаютъ, впервые нашелъ его въ Ассиріи и Египтѣ. Открытіе желѣза повлекло за собой громадныя, едва исчислимыя, послѣдствія для человѣка: чѣмъ больше онъ жилъ, тѣмъ больше пользовался имъ; въ настоящее время мы живемъ положительно въ желѣзномъ вѣкѣ: по желѣзу ѣздимъ, желѣзомъ сообщаемся, на желѣзѣ плаваемъ, желѣзомъ сражаемся, желѣзомъ шьемъ себѣ платья, желѣзомъ пишемъ, даже желѣзомъ лѣчимся. Въ желѣзномъ вѣкѣ наступаетъ уже полная осѣдлость человѣка: въ это время человѣкъ знаетъ разные виды торговли, разнаго вида деньги въ родѣ раковинъ, кусковъ соли, скота, металлическихъ слитковъ, прутиковъ и шариковъ, знаетъ письмо, земледѣльческія орудія, стекло, слоновую кость, кораллы, усовершенствованныя суда, возы, телѣги и т. п.

У насъ, въ Россіи, огромный матеріалъ для первобытной археологіи дали раскопки могилъ и кургановъ; на этихъ раскопкахъ мы и остановимся, но предварительно выяснимъ себѣ названія могилъ и кургановъ, затѣмъ опредѣлимъ ихъ происхожденіе, перечислимъ способы раскопокъ ихъ и, наконецъ, скажемъ о наиболѣе интересныхъ результатахъ разработокъ кургановъ.

Слово «могила» впервые упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 945 годомъ: «И повелѣ Олга людемъ съсути могилу велику, и яко съсопоша, повелѣ трызну творити» [1]); далѣе, подъ 1147 годомъ: «Изяславъ поиде потиху, ожидая брата своего Ростислава: и ста Изяславъ, идѣже есть Черная Могила, и ту приде къ нему братъ Ростиславъ» [2]). Филологи возводятъ это слово къ корню «мог, мог-ти», откуда происходитъ слово «мощи», тѣмъ какъ бы показывается назначеніе могилъ—хранить «мощи», т. е. останки человѣка, имѣвшіе священное значеніе у славянъ-язычниковъ [3]). Слова «курганъ» впервые встрѣчается въ пер-

[1]) Лѣтопись по ипатьевскому списку, Спб., 1872, 36.

[2]) Тамъ-же 251.

[3]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, Москва, 1868, 130.

ной новгородской лѣтописи подъ 1224 годомъ, однако, не въ собственномъ его смыслѣ, а въ смыслѣ городища. Дѣло идетъ о томъ, какъ Мстиславъ Удалой, перешедъ Днѣпръ, передъ началомъ несчастной для насъ Калкинской битвы, напалъ съ тысячью воиновъ своихъ на передовую стражу татаръ и разбилъ ее: остатокъ-же этой стражи, со своимъ воеводой Гемябегомъ, спрятался въ Половецкомъ курганѣ, но и тутъ однако не могъ удержаться: «Тогда же Мстиславъ, перебродяся Днѣпръ, перейде съ тысячью вои на стражы татарския и побѣди я, а прокъ (т. е. остатокъ) ихъ въбѣже съ воеводью своимъ Гемябегомъ въ курганъ Половчьскый, и ту имъ не бы мочи» (т. е. и тутъ или не было помощи) [1]). Ясно, что тутъ слово «курганъ» слѣдуетъ понимать именно въ смыслѣ «городища» и городища довольно большаго, потому что въ немъ скрылся остатокъ разбитаго отряда войска въ нѣсколько человѣкъ. Въ собственномъ значеніи курганъ впервые упоминается лишь въ грамотахъ XVI вѣка; уже изъ этого одного видно, что слово «курганъ» не славянскаго происхожденія: нѣтъ сомнѣнія, что оно заимствовано русскими отъ тюрковъ: въ новоперсидскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ слово «gurchane», въ джигитайскомъ—«kurgan», что на обоихъ языкахъ значитъ «могильный домъ» [2]). На сѣверѣ Россіи и въ средней полосѣ ея могилы и курганы носятъ другія названія: паны, кочи, бугры, пупки, сопки, горы, тоболки, валганы, кижилы, мары и только иногда именуются могилами и могилицами.

Пріемы раскопокъ кургановъ. Пріемы для раскопокъ кургановъ практиковались и практикуются различные: копаютъ курганы канавами крестъ на крестъ, копаютъ подходомъ, крѣпя своды его лѣсами, подобно пріему горнозаводскому, копаютъ колодцемъ, вынимая только средину, копаютъ глухою и сквозною траншеей, т. е. широкой канавой, или отъ половины кургана, или чрезъ весь курганъ отъ одного конца къ другому, копаютъ и весь

[1]) Новгородская лѣтопись, Спб., 1888, 218.

[2]) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, Москва, 1868, 22.

курганъ, отъ его вершины до самаго основанія. Предпослѣдній способъ раскопокъ считается обыкновеннымъ, а послѣдній самымъ надежнымъ, но зато дорогимъ и мало практичнымъ. Пріемъ раскопки кургана часто зависитъ отъ самаго устройства его: курганъ каменнаго вѣка слѣдуетъ копать послойно весь на сносъ, потому что находимыя въ немъ вещи разбросаны по всему основанію его; курганъ желѣзнаго вѣка цѣлесообразнѣе копать колодцемъ или траншеей, потому что главное содержимое его заключается въ большинствѣ случаевъ въ центрѣ кургана; курганы, въ которыхъ предполагаютъ каменную постройку, копаютъ подходомъ, имѣя цѣлью найти въ немъ входъ въ постройку и потомъ сохранить насыпь надъ каменною постройкою; способъ копанія кургановъ крестъ на крестъ большинствомъ археологовъ теперь совсѣмъ оставленъ.

Археологъ, являющійся въ извѣстную мѣстность для раскопокъ кургановъ, употребляетъ слѣдующіе пріемы. Прежде чѣмъ приступить къ раскопкамъ, онъ объѣзжаетъ поле или степь извѣстной мѣстности, подробно осматриваетъ всѣ курганы большіе и малые, подводитъ ихъ подъ господствующіе типы данной мѣстности и потомъ выбираетъ для своихъ раскопокъ по одному, по два и по три кургана изъ каждаго типа. Послѣ этого археологъ беретъ тетрадь и подробнѣйшимъ образомъ записываетъ все, что касается отмѣченныхъ кургановъ; это называется вести дневникъ раскопокъ; дневникъ необходимъ для раскопки кургана: безъ дневника раскопка кургана считается погибшею. Въ дневникѣ археологъ пишетъ: губернію, уѣздъ, волость, село или деревню, разстояніе отъ усадьбы, рѣки, лѣса, балки, гдѣ находится намѣченный для роскопки курганъ, заноситъ названіе его, преданіе существующее о немъ, форму, строеніе, величину по основанію и чрезъ вершину отъ одного конца къ другому; послѣ чего копаетъ близъ него небольшую, въ квадратный аршинъ, такъ называемую пробную яму, чтобы узнать материкъ данной мѣстности, до котораго онъ обязанъ докопаться подъ курганомъ; затѣмъ находитъ самую отвѣсную сторону изъ четырехъ сторонъ кургана и по ней направляетъ

свою траншею,—если раскопка будетъ идти посредствомъ траншеи—такъ, чтобы эта отвѣсная сторона приходилась какъ разъ противъ средины траншеи: если отвѣсная сторона кургана будетъ на югѣ или сѣверѣ, то траншею нужно вести отъ сѣвера къ югу, если же отвѣсная сторона будетъ на востокѣ или западѣ, то и траншею нужно вести отъ востока къ западу; послѣ этого археологъ взводитъ на курганъ партію рабочихъ, смотря по величинѣ кургана отъ 5 до 100 и болѣе человѣкъ, ставитъ ихъ нѣсколькими рядами вдоль отмѣченной траншеи и приступаетъ къ работѣ, дѣлая тутъ же въ своемъ дневникѣ отмѣтку: «Курганъ такой-то; слой первый.» Каждую найденную вещь онъ оставляетъ пока на мѣстѣ, потомъ срисовываетъ или фотографируетъ ее, мѣряетъ разстояніе отъ центра къ ней, замѣчаетъ, въ какой сторонѣ она находится, записываетъ все это въ свой дневникъ, потомъ беретъ ярлычокъ, пишетъ на немъ названіе кургана, обозначаетъ слой, наклеиваетъ или привязываетъ этотъ ярлычокъ къ найденной вещи и послѣ этого убираетъ ее съ мѣста. Такимъ же порядкомъ разрабатываетъ второй, третій, четвертый и послѣдующіе слои до самаго материка, на которомъ стоитъ курганъ. Когда археологъ дойдетъ до материка, то большую часть рабочихъ онъ отсылаетъ до другого кургана, а съ меньшею частью продолжаетъ дальнѣйшую работу все въ томъ же курганѣ. Пока онъ еще работалъ въ такъ называемомъ культурномъ, т. е. насыпномъ слоѣ; снявъ же культурный слой, онъ долженъ искать въ материкѣ такъ называемаго чернаго пятна, въ которомъ именно и состоитъ главная сущность его поисковъ. Черное пятно есть просто-на-просто яма или могила, выкопанная среди степи въ материкѣ, гдѣ погребенъ былъ покойникъ какого-либо племени, сверху зарытый мѣшанной землей, которая отъ этого самаго будетъ казаться черной сравнительно съ нетронутымъ по сторонамъ ея материкомъ; въ этой ямѣ или черномъ пятнѣ зарывался главный вождь, ханъ, царь или знатный человѣкъ, для котораго и сооружался цѣлый курганъ; въ культурномъ же слоѣ хоронились его рабы, животныя, оружія и вещи для домашняго обихода.

Отсюда не найти въ курганѣ чернаго пятна, значитъ не найти въ немъ ничего главнаго и для того, чтобы распознать его, прибѣгаютъ или къ бураву или къ небольшимъ пробнымъ ямамъ: пробныя ямы копаются по всей поверхности, бывшей подъ курганомъ, рядами одна возлѣ другой; въ нихъ льютъ воду, около полуведра въ каждую и наблюдаютъ: если вода тотъ же часъ уходитъ въ землю, значитъ въ томъ мѣстѣ и черное пятно, если же она стоитъ въ ямѣ десять, двадцать, тридцать минутъ, значитъ то цѣлина; кромѣ этого черному пятну въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуетъ вершина кургана или воронка, сдѣланная на немъ; бываютъ, впрочемъ, курганы, въ которыхъ находятъ нѣсколько черныхъ пятенъ, одно или два въ центрѣ, другія по бокамъ. Найденное подъ культурнымъ слоемъ черное пятно разрабатывается уже иначе, чѣмъ насыпь надъ нимъ. Для этого берутъ шесть или восемь рабочихъ и ставятъ парами одинъ противъ другаго; они копаютъ канаву шириною около полутора аршина вокругъ чернаго пятна, не трогая послѣдняго до тѣхъ поръ, пока подъ чернымъ пятномъ также покажется материкъ; тогда копаніе канавы оставляютъ и приступаютъ къ разработкѣ самаго пятна, похожаго чаще всего на большій четыреугольный или круглый столбъ, высоты отъ одного до трехъ аршинъ. Столбъ этотъ разбирается отъ верху и до низу съ самыми тщательными предосторожностями при помощи ручной лопаточки, ножа и вѣника; осторожность эта наблюдается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходятъ къ искомому скелету. Когда рабочіе дойдутъ до скелета, то тутъ внушается имъ правило, что брать по частямъ кости скелета или вещи, положенныя съ нимъ, ни въ какомъ случаѣ не дозволяется; если кость или вещь случайно отскочитъ отъ скелета, то ее слѣдуетъ тотчасъ же положить на ея мѣсто. Это дѣлается для того, чтобы, разработавъ скелетъ, можно было видѣть полную картину его похоронъ. Вырытый такимъ образомъ скелетъ слѣдуетъ тотчасъ же нарисовать или, еще лучше, сфотографировать; послѣ этого измѣрить его длину, записать положеніе, мѣстонахожденіе при немъ вещей, тщательно осмотрѣть всѣ мелочи при немъ — куски бревенъ,

кости животныхъ, краску, черепки, орудія, посуду—и обо всемъ этомъ сдѣлать отмѣтки въ дневникѣ; затѣмъ дать нѣсколько времени окрѣпнуть на воздухѣ скелету, навести даже лакомъ черепъ, если онъ слишкомъ ветхій и послѣ этого разбирать кости и положенныя при нихъ вещи, приклеивая къ каждой изъ нихъ ярлычекъ съ надписью: «курганъ такой-то, черное пятно». Вынувъ скелетъ нужно тщательно осмотрѣть землю подъ нимъ, даже просѣять ее на рѣшетѣ, чтобы собрать мелкія вещицы, смѣшанныя съ землею, также тщательно нужно осмотрѣть и самое ложе или мѣсто, на которомъ лежалъ скелетъ, такъ какъ практика показываетъ, что подъ однимъ скелетомъ можетъ лежать другой, а подъ другимъ третій, и притомъ иногда разныхъ періодовъ—желѣзнаго, бронзоваго и каменнаго. Сверхъ этого нужно осмотрѣть внимательно и самыя стѣны ямы, въ которой лежалъ скелетъ; были случаи, что въ самой ямѣ скелета вовсе не оказывалось; тогда окапывались стѣны ямы и подъ ними находились ступени, подъ ступенями сводъ, а подъ сводомъ скелеты въ полной сохранности и при полномъ вооруженіи. Только послѣ такихъ поисковъ раскопка кургановъ считается оконченной.

Послѣ этого спрашивается: что же дали намъ раскопки кургановъ? Не будемъ говорить вообще, скажемъ только о курганахъ новороссійскаго края, такъ какъ находки въ нихъ затмили собой находки другихъ кургановъ.

Типы кургановъ новороссійскихъ. По своему происхожденію курганы новороссійскаго края могутъ быть подведены къ слѣдующимъ одиннадцати господствующимъ типамъ: 1) курганы каменнаго періода, 2) курганы бронзоваго періода, 3) курганы скиѳскіе, 4) курганы тюркско-татарскіе, 5) курганы славянскіе, 6) курганы памяти, 7) курганы границъ, 8) курганы сторожевые, 9) курганы боевые, 10) курганы путевые и 11) курганы телеграфные. По внѣшнему виду всѣ эти курганы трудно отличимы одинъ отъ другаго въ виду того, что многіе изъ нихъ испорчены какъ самымъ временемъ, такъ и въ особенности человѣкомъ.

Курганы каменнаго вѣка. Болѣе или менѣе вѣрными признаками кургановъ каменнаго періода служатъ слѣдующіе указатели: большинство изъ нихъ стоитъ при водѣ, близъ лѣса или близъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда былъ лѣсъ; большинство изъ нихъ имѣетъ видъ или придавленнаго, расползшагося полушара, или видъ длинной могилы съ присыпкой или хвостомъ съ одной стороны, и почти всѣ они состоятъ только изъ земляной насыпи, безъ признаковъ камней въ слояхъ. Типичнѣйшими образцами кургановъ каменнаго періода, неолитической эпохи, могутъ служить курганы, расположенные, группами и спорадически, вдоль лѣваго берега рѣки Орели въ новомосковскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, на границѣ съ полтавской, особенно курганы въ мѣстечкѣ Котовкѣ, имѣніи Г. П. Алексѣева. Произведенныя мной здѣсь раскопки привели къ заключенію, что одни изъ кургановъ относятся къ типу такъ называемыхъ одноэтажныхъ могилъ, въ которыхъ покойники погребены въ одинъ пріемъ, по одному въ каждомъ черномъ пятнѣ, ниже линіи горизонта; другіе представляютъ типъ двухъэтажныхъ могилъ, гдѣ покойники погребены, такъ сказать, въ два пріема—въ культурномъ слоѣ посредствомъ трупосожженія и въ черномъ пятнѣ посредствомъ погребенія, по два человѣка въ рядъ; третьи относятся къ типу одноэтажнаго строенія, съ цѣльнымъ скелетомъ въ культурномъ слоѣ и съ частями скелета въ трехъ деревянныхъ срубахъ по линіи горизонта. Во всѣхъ трехъ видахъ кургановъ при скелетахъ были находимы каменныя орудія и предметы домашняго употребленія: шлифованные молотки, кремневыя копья, стрѣлки, ножи, скребки, песчаные працы, каменные точильные оселки, ручные жернова, известковыя пряслица или кистени, костяные амулеты, глиняные, яйцевидные или совсѣмъ близкіе къ нашимъ формамъ горшки, куски ярко-красной или оранжевой глины для раскрашиванія, какъ кажется, татуировавшагося лица погребеннаго человѣка [1]).

[1]) Кажется къ тому же каменному вѣку нужно отнести и наши находки въ курганѣ Мухиной-Горы, екатеринославской губерніи, павлоградскаго уѣзда. См. Труды московскаго археологическаго общества, т. XI. III, 90.

Вотъ дневники раскопокъ кургановъ каждаго изъ названныхъ трехъ типовъ. Первый типъ. Курганы первый и второй, оба безъ названія, имѣютъ видъ полушара, стоятъ въ степи въ пяти верстахъ отъ усадьбы владѣльца, прямо по направленію къ югу. Въ первомъ курганѣ послѣ снятія четырехъ слоевъ земли найденъ былъ одинъ скелетъ, повидимому, въ деревянномъ склепѣ; онъ лежалъ головой на западъ, ногами на востокъ съ кремневымъ копьемъ у лѣваго плеча и песчаниковымъ пращемъ подъ спиной. Во второмъ курганѣ, послѣ снятія также пяти слоевъ земли, найденъ былъ скелетъ человѣка, положенный головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, правымъ бокомъ внизъ, лѣвымъ вверхъ, съ ногами, согнутыми въ колѣняхъ, съ правой рукой вдоль праваго бока и лѣвой на нижней части живота. Второй типъ. Курганъ третій и четвертый, также безъ названія, оба имѣютъ видъ полушара, стоятъ въ одной верстѣ отъ усадьбы владѣльца, прямо къ югу за такъ называемымъ старымъ садомъ. Въ третьемъ курганѣ, послѣ снятія шести слоевъ земли, найдены были три человѣческихъ скелета: одинъ положенъ головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, лицомъ вверхъ, съ руками, согнутыми дугообразно на нижней части живота (погребенный точно поддерживаетъ свой животъ) и съ ногами, положенными одна на другую—лѣвая на правую, близъ самыхъ колѣнъ, такъ что колѣнная чашечка правой ноги приходилась въ подколѣнную ямочку лѣвой; два другіе положены вмѣстѣ въ одномъ черномъ пятнѣ и въ томъ же направленіи, но въ другой позѣ—ноги одна возлѣ другой и руки вдоль боковъ, оба обмазаны сухой оранжевой краской — у одного лицо, у другого голова. Въ четвертомъ курганѣ, послѣ снятія десяти слоевъ земли, найдены были также три человѣческихъ скелета: одинъ головой на сѣверо-востокъ ногами на юго-западъ, лицомъ вверхъ, съ руками по бокамъ, съ ногами раздвинутыми и нѣсколько изогнутыми въ колѣняхъ, подобно тому, какъ раздвигаетъ и сгибаетъ ихъ всадникъ, сидящій верхомъ на лошади; два другіе скелета лежали вмѣстѣ въ одномъ черномъ пятнѣ, одинъ за

спиной другого, головами на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, правыми боками внизъ, лѣвыми вверхъ, съ ногами, согнутыми въ колѣняхъ и положенными одна возлѣ другой,—притомъ правая дальше отъ скелета, лѣвая ближе къ нему, съ правыми руками вдоль правыхъ боковъ, съ лѣвыми — на нижнихъ частяхъ животовъ: у обоихъ скелетовъ грудь, лѣвыя руки и ступни ногъ окрашены сухой оранжеваго цвѣта краской; оба положены на берестовой корѣ; изъ нихъ большій имѣлъ два аршина и двѣнадцать вершковъ роста, три съ половиной вершка длины черепъ (долихокефалы): у каждаго изъ скелетовъ необыкновенно развиты надбровныя дуги, почти вертикально поднята носовая кость, особенно выпяченъ наружу подбородокъ и сильно, какъ у старой лошади, подточены зубы,—какъ будто эти люди не ѣли, а растирали. Третій типъ. Курганъ пятый, съ названіемъ Красной могилы, въ 15 верстахъ отъ усадьбы, по направленію къ юго-востоку, имѣетъ видъ продолговатой могилы, 90 саженъ кругомъ и 20 саженъ черезъ вершину; разрытъ открытой траншеей, восемь саженъ ширины, по направленію отъ востока къ западу; при разработкѣ кургана въ первомъ слоѣ его, въ самомъ центрѣ, найдены были: кремневый ножъ, деревянный столбъ и на полтора аршина отъ него къ западу кости лошади; во второмъ слоѣ, на пять аршинъ отъ центра къ востоку, найдены: большой горшокъ безъ всякой орнаментики, кромѣ вѣнчика по краямъ, и около горшка желѣзныя удила; на шесть аршинъ къ сѣверо-востоку бронзовая пряжка; въ центрѣ деревянный столбъ, продолженіе столба перваго слоя, у самаго столба двѣ конскія головы, одна положенная по линіи глазами, другая воткнутая въ землю, зубами внизъ, лбомъ вверхъ въ томъ же направленіи; на одинъ аршинъ отъ центра къ югу найденъ человѣческій черепъ, мало развитой, съ узкимъ лбомъ и приподнятой макушкой; въ третьемъ и четвертомъ слояхъ тотъ же деревянный столбъ; въ пятомъ слоѣ у южнаго конца траншеи открытъ неполный скелетъ человѣка, головой на югъ, ногами на западъ, лѣвымъ бокомъ внизъ,съ руками накрестъ надъ головой, съ горшкомъ въ головахъ и пепломъ въ горшкѣ и съ кускомъ дерева на обломкахъ черепа.

имѣвшій въ бедренной кости 9 вершковъ, плечевой 8, лучевой и локтевой съ 2 дюймами по 8 вершковъ, около скелета кремневый скребокъ, каменный пращъ, известковое пряслице и точильный камень; въ послѣдующихъ слояхъ не оказалось ничего: наконецъ, по линіи горизонта найдены были два деревянные изъ громадной толщины дубовыхъ отрубковъ сруба, одинъ въ западномъ концѣ кургана, на 18 аршинъ отъ центра, другой къ восточному концу, на $1^1/_2$ аршина отъ центра, первый 2 аршина длины и $1^1/_2$ ширины; второй 3 аршина длины и $1^1/_2$ аршина ширины; оба имѣли подобіе колодца съ дубовой настилкой наверху; въ первомъ найденъ горшокъ съ превосходной орнаментикой изъ треугольниковъ у вѣнцовъ и вертикальныхъ линій у дна, и нѣсколько сильно пережженыхъ, до удивительной бѣлизны, позвонковъ и реберъ человѣка; въ другомъ найденъ амулетъ изъ какой-то кости съ просверленной дыркой въ срединѣ и нѣсколько костей человѣка, зарытыхъ безъ огня въ землю.

Курганы бронзоваго періода по внѣшнему виду менѣе типичны, чѣмъ курганы каменнаго вѣка, да и самое число ихъ неизмѣримо меньше числа кургановъ другихъ вѣковъ и народностей; на сколько можно судить по найденнымъ доселѣ бронзовымъ серпамъ и кельтамъ, курганы бронзоваго періода насыпались также близъ воды, особенно около Днѣпра, Буга и Днѣстра, по внѣшнему виду нѣсколько напоминали курганы предшествовавшаго каменнаго періода и по устройству состояли большею частію изъ земляной насыпи съ камнями вокругъ. Курганы бронзоваго періода далеко не такъ распространены въ новороссійскомъ краѣ, какъ курганы предшествовавшаго и послѣдующаго періодовъ: мы знаемъ лишь одинъ курганъ, находки котораго позволяютъ отнести его къ бронзовому вѣку. Быть можетъ, это обстоятельство указываетъ на то, что нашъ югъ, едва вступивъ въ бронзовый вѣкъ, какъ уже перешелъ въ желѣзный. Издѣлія бронзоваго вѣка находятся чаще всего на поверхности земли, чѣмъ въ курганахъ, и то больше въ видѣ мелкихъ вещей, чѣмъ крупныхъ, каковы: фибулы, пряжки, спирали, серьги, наконечники стрѣлъ — двухгранные, безъ зазубринъ на концахъ и съ зазубринами,

трехгранные безъ дырочекъ и съ дырочками для запусканія въ нихъ яда; рѣже серпы, кинжалы, кельты и еще рѣже мечи. Главныя мѣста находокъ этихъ вещей—херсонскій уѣздъ, выше и ниже Херсона, потомъ екатеринославскій уѣздъ около села Волнѣгъ и мѣстечка Никополя, наконецъ мѣста по правымъ притокамъ Днѣпра, Омельнику [1]) и Мокрой Сурѣ. Дознано, что всѣ бронзовые копья и мечи, находимые въ новороссійскомъ краѣ, привознаго характера, преимущественно западно-европейскаго такъ называемаго кельтическаго издѣлія; сравнительно съ сѣверомъ Россіи, на югѣ бронзовыхъ орудій попадается больше, что объясняется, можетъ быть, большею воинственностью обитателей юга и большею склонностью къ мирной жизни обитателей сѣвера.

Единственнымъ образцомъ кургана бронзоваго вѣка служитъ безыменный курганъ, разрытый въ 1868 году, 27 мая, А. П. Зосимовичемъ въ поселкѣ Веселомъ екатеринославской губерніи и уѣзда, сурской волости, бывшемъ имѣніи Л. В. Ломаковской. Этотъ курганъ стоялъ на лугу, въ 2 верстахъ отъ поселка, въ 11 отъ рѣки Днѣпра, въ 5 верстахъ отъ трехъ кургановъ Братовъ и въ 4 отъ большаго кургана Галаганки; по внѣшнему виду онъ имѣлъ продолговатую овальную форму: длины 6 саженъ и 2 аршина, ширины 3 сажени и 2 аршина, высоты $2^1/_2$ аршина. при основаніи былъ обложенъ изрѣдка большими гранитными камнями, и на вершинѣ, съ западной стороны, имѣлъ въ одинъ аршинъ углубленіе, образовавшееся, по объясненію крестьянъ, отъ постройки куреня пастухами на вершинѣ кургана. Раскопка производилась сплошь отъ поверхности кургана съ сѣверной стороны. Послѣ снятія слоя земли, около одного съ четвертью аршина глубины, прежде всего въ курганѣ найдены были толстые черепки большаго сосуда, перемѣшанные съ углями и золой; затѣмъ послѣ снятія земли еще на одну четверть аршина найденъ былъ, на твердомъ грунтѣ земли, бронзовый кельтъ вмѣстѣ съ углями, золой и обугленными костями животныхъ; ниже кельта

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, Одесса, 1872. VIII, 441.

шла нетронутая земля и здѣсь раскопка кургана съ сѣверной стороны была окончена; тогда работы пошли съ восточной стороны. Въ восточной сторонѣ открыта была могила (т. е. черное пятно), состоявшая изъ земли, смѣшанной съ глиной и имѣвшая $4^1/_2$ аршина длины и $3^1/_2$ аршина ширины; въ могилѣ, на глубинѣ 1 аршина, найденъ былъ плоскій гранитный камень, треснувшій пополамъ, въ три четверти аршина ширины, въ два съ половиной длины и въ одну четверть толщины; стѣны и дно могилы оказались выложенными плоскими камнями; въ срединѣ могилы открытъ былъ цѣлый скелетъ, кромѣ черепа, раздавленнаго уже рабочими при снятіи одной половины камня; скелетъ лежалъ по прямой линіи, головою на югъ, ногами на сѣверъ, съ лѣвой рукой, положенной на грудь; на лѣвой рукѣ скелета былъ спиральный бронзовый браслетъ, возлѣ головы, при позвонкахъ, бронзовая привѣска, въ видѣ лопаточки съ ушкомъ, въ одинъ вершокъ длины; послѣ очистки земли у стѣнъ могилы найдены были два раздавленныхъ черной глины горшка, оба наполненные золой; далѣе обнаружена была цѣлинная земля, и раскопки покончены [1]). Найденныя бронзовыя вещи—кельтъ, браслетъ и привѣски переданы были въ музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Въ дополненіе къ этому бывшая владѣлица Веселаго Л. В. Ломаковская сообщила, что въ 1885 году, 24 октября, въ другомъ курганѣ, близъ раскопаннаго, найдены были крестьянами — 8 бронзовыхъ кельтовъ разныхъ видовъ, 17 бронзовыхъ серповъ и 2 большихъ куска бѣлаго металлическаго сплава; изъ 8 кельтовъ и 17 серповъ 5 кельтовъ и 11 серповъ поступили въ собраніе А. Н. Поля.

Курганы скиѳскіе въ большинствѣ случаевъ отличаются отъ другихъ громадными размѣрами: съ вершины скиѳскаго кургана открывается горизонтъ иногда верстъ на тридцать, сорокъ и болѣе; малороссы весьма мѣтко и весьма правдоподобно называютъ ихъ: говстыми могылами»; они состоятъ изъ земли съ камнями, имѣютъ острую вершину, иногда съ небольшою

[1]) Изъ рукописнаго дневника А. П. Зосимовича, жителя г. Екатеринослава.

площадкою наверху. О скиѳскихъ курганахъ, во многихъ мѣстахъ разбросанныхъ по новороссійскому краю, находимъ описанія и въ исторіи Геродота и въ дневникахъ археологовъ. Геродотъ даетъ описаніе двухъ типовъ кургановъ у скиѳовъ: кургановъ богу войны и кургановъ умершихъ царей, т. е. кургановъ жертвенныхъ и кургановъ похоронныхъ. У скиѳовъ, какъ людей воинственныхъ, было развито почитаніе бога войны, Арея. Послѣ каждой войны, они приносили въ жертву Арею лошадей, рогатый скотъ и людей—чужеземцевъ. Для этого въ разныхъ мѣстахъ скиѳскаго царства скиѳы сооружали особыя «святилища»: складывался курганъ изъ хвороста почти двѣсти шестьдесятъ два сажня длины и столько-же ширины [1]) но нѣсколько меньше высоты; на самомъ верху этого кургана дѣлалась четырехъугольная площадка съ тремя сторонами отвѣсными и съ четвертой пологой; къ этому кургану, въ виду того, что онъ отъ непогоды осѣдалъ, ежегодно подвозилось полтораста новыхъ возовъ хворосту; на каждомъ такомъ курганѣ водружался желѣзный старинный мечъ, который и составлялъ кумиръ Арея. Этому-то мечу ежегодно приносили въ жертву рогатый скотъ и лошадей, какъ вообще всѣмъ другимъ божествамъ, а кромѣ этого каждаго сотаго мужчину, взятаго въ плѣнъ на войнѣ: его приносили въ жертву такимъ образомъ: предварительно дѣлали возліяніе на голову, потомъ рѣзали горло надъ сосудомъ, кровь зарѣзаннаго несли на кучу хвороста и возливали на воткнутый мечъ [2]). Нужно думать, что о такомъ именно мечѣ, посвященномъ скиѳскому богу войны, Арею, говоритъ гунское преданіе; гунскій пастухъ замѣтилъ, что одна изъ его коровъ поранила себѣ ногу: идя по окровавленному слѣду коровы, онъ нашелъ старый мечъ и доставилъ его своему царю, Аттилѣ «Сами боги послали его мнѣ, чтобы покорить вселенную!»—воскликнулъ царь. Курганы погребальные устраивались скиѳами иначе, чѣмъ курганы жертвенные. Когда у ски-

---

[1]) Собственно три стадіи, но каждая стадія имѣетъ 87 съ половиной саженъ длины.

[2]) Геродотъ, переводъ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 324.

ѳовъ умиралъ царь, то тѣло его бальзамировали, вынимали изъ него внутренности, наполняли благовонными травами и сѣменами купера, ладана, селдерея, аниса, зашивали животъ, обливали тѣло воскомъ, клали на высокую колесницу, въ колесницу запрягали лошадей и потомъ возили его по землѣ подвластныхъ умершему царю народовъ: всѣ встрѣчавшіеся съ царской колесницей, должны были, въ знакъ траура, отрѣзывать себѣ часть уха, стричь кругомъ волосы, дѣлать на рукахъ порѣзы, расцарапать лобъ и носъ, проколоть лѣвую руку стрѣлами и сопровождать тѣло царя до мѣста погребенія. Мѣсто погребенія называлось Герросъ, какъ думаютъ, близъ днѣпровскихъ пороговъ. Здѣсь выкапывали большую четыреугольную камеру, по угламъ ея дѣлали небольшія пещеры, полъ ямы выстилали соломенной подстилкой, по сторонамъ трупа ставили копья, на нихъ клали брусья и все покрывали рогожей; въ угольныхъ пещерахъ хоронили главную жену умершаго, предварительно задушивши ее, потомъ виночерпія, повара, слугу, конюха, письмовода, вѣстовщика, нѣсколько царскихъ коней и первенцовъ всякаго другого скота: вмѣстѣ съ людьми и конями клали драгоцѣнную посуду, оружія, вещи домашняго обихода, одежду, большею частію все золотое, потому что серебро и мѣдь мало употреблялись у скиѳовъ. Послѣ этого насыпали надъ могилой курганъ, прилагая особенное стараніе о томъ, чтобы онъ вышелъ какъ можно больше. По истеченіи года, устраивали умершему поминки, причемъ убивали 50 коней и 50 юношей, наполняли ихъ внутренности отрубями и зашивали; коней ставили вокругъ кургана, юношей сажали на коней и поддерживали ихъ столбами и кольями въ сидящемъ положеніи [1]).

Свидѣтельство Геродота подтверждается раскопками современныхъ археологовъ. Особенно богаты въ этомъ отношеніи результатами раскопки кургана Чортомлыцкаго, Луговой могилы и Куль-Обской.

Чортомлыцкая или Толстая могила находится въ имѣніи гене-

---

[1]) Геродотъ, переводъ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 328.

рала-маіора Зейфарта, екатеринославскаго уѣзда, близъ Никополя. Раскопка ея была начата въ 1862 году на средства правительства подъ руководствомъ археолога И. Е. Забѣлина, и результаты этой раскопки превзошли самое пылкое воображеніе. На глубинѣ шести саженъ отъ поверхности земли, подъ культурнымъ слоемъ, найдена была главная камера съ четырьмя, по угламъ, отдѣльными пещерами. Главная камера, послѣ осмотра ея, оказалась ограбленной, зато боковыя пещеры оказались вполнѣ уцѣлѣвшими; отсюда главныя цѣнности найдены въ боковыхъ пещерахъ, въ центральной же камерѣ только случайно осталось нѣсколько вещей; таковы: два массивныхъ золотыхъ перстня, одно массивное золотое кольцо, нѣсколько большихъ золотыхъ бляхъ, шесть съ рукоятками, обложенными золотомъ мечей, одинъ золотой наконечникъ отъ ноженъ меча, двѣ большія чеканнаго золота пластины со сценами изъ греческой миѳололіи, двѣ бронзовыя вазы, бронзовая чаша, бронзовое ведро, мѣдный свѣтильникъ, пять кожаныхъ колчановъ, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько желѣзныхъ съ костяными ручками ножей и тутъ же остовъ человѣка, держащаго въ одной рукѣ свѣтильникъ, въ другой вазочку; полагаютъ, что это остовъ вора, подкопавшагося подъ курганъ, успѣвшагося уже было похитить вазу, но потомъ засыпаннаго землей и истлѣвшаго.

Далѣе слѣдуютъ находки въ четырехъ угловыхъ пещерахъ. Въ первой пещерѣ найдены два человѣческіе остова, женскій и мужской. Женскій остовъ лежалъ въ саркофагѣ, на шеѣ его надѣтъ былъ массивный золотой обручъ, на лбу золотая пластинка, около ушей двѣ золотыя серьги, вокругъ головы множество золотыхъ бляшекъ, на рукахъ золотые браслеты, на каждомъ пальцѣ по золотому перстню; возлѣ правой руки бронзовое съ костяною ручкою зеркало, возлѣ лѣваго бока какой-то черноватый камень. Мужской скелетъ найденъ безъ саркофага; на рукахъ у него надѣты были бронзовые браслеты; по бокамъ колчанъ со стрѣлами, ножъ съ костяною ручкою и амфора изъ красной глины. Вблизи этихъ двухъ скелетовъ найдена была большая серебряная ваза для вина, теперь сдѣлавшаяся извѣ-

стной подъ именемъ чортомлыцкой или царской вазы, пріобрѣвшая извѣстность во всей Европѣ и хранящаяся въ настоящее время въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ; подлѣ вазы открыто было большое серебряное блюдо съ серебряными гирляндами, позолоченными узорами и женскими фигурами: на блюдѣ лежала большая серебряная ложка, ручка которой оканчивается кабаньей головой; кромѣ всего этого по стѣнамъ первой пещеры найдены еще 14 глиняныхъ амфоръ. Во второй пещерѣ открыты также два остова. У одного на шеѣ золотой обручъ: на обѣихъ рукахъ по золотому браслету и золотому кольцу, вокругъ головы нѣсколько золотыхъ бляшекъ; съ лѣвой стороны желѣзный мечъ на бронзовомъ поясѣ съ золотыми ножнами и рукоятью, ножикъ съ костяною ручкою, колчанъ съ бронзовыми стрѣлами, желѣзныя копья; въ головахъ серебряная чашка и серебряный кувшинчикъ, а за ними колчанъ съ бронзовыми стрѣлами. Въ третьей пещерѣ найденъ одинъ человѣческій остовъ съ бронзовымъ шейнымъ обручемъ, съ золотой серьгой близь уха и золотымъ кольцомъ на пальцѣ; при остовѣ желѣзный ножъ, колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ, бронзовое зеркало, серебряная ложка, шесть обыкновенныхъ амфоръ, нѣсколько костяныхъ позлащенныхъ дощечекъ, остатки ткани и множество разнообразныхъ золотыхъ украшеній. Въ четвертой пещерѣ человѣческаго остова не оказалось: здѣсь найдены остатки ткани, небольшая бронзовая ваза, нѣсколько колчановъ съ бронзовыми стрѣлами, пять разбитыхъ амфоръ и кости какого-то небольшаго животнаго. Въ нѣсколькихъ саженяхъ къ западу отъ главной гробницы, къ верхнемъ слоѣ материковой земли, открыто было еще пять могилъ. Три изъ этихъ могилъ заключали въ себѣ остовы лошадей съ золотыми, серебряными и бронзовыми уздечками и сѣдельными украшеніями, а двѣ остальныя скрывали въ себѣ по человѣческому скелету съ колчаномъ бронзовыхъ стрѣлъ при каждомъ. Кромѣ того на обоихъ этихъ остовахъ лежали шейные золотые обручи, а на одномъ золотая серьга и золотое кольцо, мѣстами остатки платья, видимо, висѣвшаго по стѣнамъ могилъ. Еще далѣе къ западу за этими пятью могилами открыто нѣсколько

маленькихъ могилокъ, въ томъ же верхнемъ слоѣ материка: въ нихъ найденъ одинъ остовъ взрослаго человѣка и нѣсколько остововъ дѣтей: за послѣдними могилками въ материкѣ открытъ остовъ лошади съ желѣзными удилами въ челюстяхъ. Наконецъ, кромѣ всего этого, въ сѣверо-западной части кургана вырытъ цѣлый слой конскихъ костей и глиняныхъ черепковъ [1]).

Подводя счетъ всѣмъ находкамъ Чортомлыцкаго кургана, мы получаемъ 2,500 разнаго рода вещей, изъ коихъ первое мѣсто занимаютъ золотыя, потомъ бронзовыя, далѣе серебряныя и наконецъ желѣзныя. По объясненію спеціалистовъ, находки Чортомлыцкаго кургана свидѣтельствуютъ, что онъ насыпалъ въ IV вѣка до Р. Х., что въ немъ погребенъ одинъ изъ скиѳскихъ царей и что скиѳы, по крайней мѣрѣ, ихъ высшій слой, въ значительной степени усвоили себѣ греческую культуру, въ особенности греческое искусство; въ послѣднемъ случаѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ найденная въ курганѣ ваза: на ней представлены главнѣйшія черты изъ жизни скиѳовъ, весьма близко знакомой художнику: прирученіе дикихъ коней къ уздечкѣ и сѣдлу. Тутъ скиѳы представлены остриженными въ кружокъ, съ роскошными шапками на головахъ, въ короткой исподней съ длинными рукавами одеждѣ, въ оригинальномъ, на подобіе казакина, кафтанѣ сверхъ исподняго платья, иногда съ развѣвающимся плащомъ, въ широкихъ, но короткихъ шароварахъ, въ большихъ съ ремнемъ поперекъ подошвы и на ладыжкахъ сапогахъ, съ національнымъ вооруженіемъ изъ колчановъ, луковъ (мечей на вазахъ нѣтъ), ножей, сѣкиръ; тутъ же представлены растенія, птицы и животныя, свойственныя землѣ скиѳовъ, теперешнимъ новороссійскимъ степямъ, каковы: глухари, журавли, туры, олени и грифоны, баснословно-миѳическія птицы, означавшія губительную силу степей и сравниваемыя съ такою же миѳическою птицей сфинксомъ: послѣ нимъ художникъ хотѣлъ представить богатство земли скиѳской и борьбу обитателей съ страшной губительной силой степи, вѣтромъ и засухою. Кромѣ

[1]) Отчетъ Императорской археологической коммиссіи за 1863 года; Древности Геродотовой Скиѳіи, 1872, II.

этого крайне интересна и самая композиція рисунковъ вазы. Здѣсь идетъ дѣло о ловлѣ и укрощеніи дикихъ степныхъ коней. Съ задней стороны рисунка, въ центрѣ, представлена такая сцена: двѣ лошади пасутся на свободѣ; посторонамъ этихъ двухъ лошадей стоятъ два скиѳа; тутъ же представлено, что лошади уже пойманы скиѳами, стремятся бѣжать, а скиѳы всѣми силами упираются въ землю, чтобы ихъ удержать. Съ передней стороны рисунка представлены три скиѳа, которые усиливаются повалить дикаго коня на землю, чтобы взнуздать его: два скиѳа, стоящіе впереди коня, тянутъ его веревками—одинъ за правую переднюю ногу, другой за обѣ заднія: а третій скиѳъ, стоящій позади, тянетъ коня за лѣвую переднюю ногу. Слѣва за названными двумя скиѳами стоитъ конь уже взнузданный: его треножитъ скиѳъ, притягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому кольцу узды, съ цѣлью оставить его въ этомъ неестественномъ положеніи и чтобъ тѣмъ пріучить слушаться повелѣній узды. Справа за названными двумя скиѳами конь уже взнузданъ, осѣдланъ въ спокойномъ состояніи, и скиѳъ безбоязненно треножитъ ему переднія ноги; впереди треножащаго скиѳа стоитъ, лицомъ къ зрителю, со спущеннымъ съ плеча кафтаномъ, послѣдній скиѳъ и не то смотритъ, не искусано-ли лошадью его плечо, не то ищетъ, нѣтъ-ли въ кафтанѣ какихъ-либо нечистыхъ насѣкомыхъ; по породѣ всѣ представленныя на вазѣ лошади частію европейскаго происхожденія, частію азіятскаго—степнаго, долихоцефальныя и микрокефальныя. Знатоки греческаго искусства утверждаютъ, что описанная ваза по простотѣ и непринужденности рисунка, по строгой симметріи группъ и отдѣльныхъ фигуръ людей и лошадей есть лучшее произведеніе греческаго искусства времени послѣ Фидія.

Кромѣ вазы, остальныя находки Чортомлыцкаго кургана даютъ также богатѣйшій матеріалъ для представленія о жизни скиѳовъ: «Ни одно изъ описаній не можетъ дать такого понятія о предметахъ культуры скиѳовъ, какъ находки самыхъ вещей: онѣ лучше, чѣмъ разсказъ Геродота, рисуютъ намъ жизнь скиѳовъ.» Такъ, по найденнымъ вещамъ и раскопкамъ

кургановъ мы можемъ видѣть способъ похоронъ у скиѳовъ, можемъ видѣть ростъ (обыкновенный), наружность, прическу, одежду, обувь, ткань (сукно, парчу и т. п.), украшенія—обручи, бусы, серьги, кольца, перстни, басмы, медузы, вѣнцы, скрутни, привѣски; вооруженія—копья, мечи [1]), стрѣлы, ножи, луки, колчаны; посуду—котлы для жертвоприношеній и для пищи, свѣтильники о шести рожкахъ, глиняные горшки съ узорами, въ видѣ треугольниковъ и съ вѣнчиками по краямъ, сбрую—удила, бляхи, колокольчики, наконецъ пищу — конина, баранина [2]) и всю жизнь скиѳа—у котла, близъ огня и въ степи, въ погонѣ за лошадьми, звѣрями и птицами.

Луговая могила находится въ 70 верстахъ отъ Днѣпра, въ 30 верстахъ отъ рѣки Базавлука и въ 3 верстахъ отъ казеннаго селенія Александрополя, на землѣ владѣльца Краснокутскаго; въ окружности имѣла 150 саж., высоты отъ одного основанія къ другому 10 саж., прямого отвѣса 2½ саж. Поводомъ къ раскопкѣ Луговой могилы послужила находка мѣстныхъ крестьянъ осенью 1851 года: добывая изъ-подъ подошвы кургана камни для фундамента церкви Александрополя, крестьяне неожиданно для себя наткнулись на нѣсколько предметовъ золотаго, серебрянаго, бронзоваго и желѣзнаго издѣлій и распространили молву о своей находкѣ. Скоро объ этомъ донесено было въ Петербургъ графу Л. А. Перовскому, завѣдывавшему въ то время археологическими разысканіями въ Россіи, и графъ Перовскій отправилъ для раскопокъ Луговой могилы А. В. Терещенка. Но Терещенко не съумѣлъ выполнить возложеннаго на него порученія: онъ небрежно велъ дневникъ и небрежно поступилъ съ найденными вещами, растерявъ ихъ на-половину. Работы Терещенка продолжались въ теченіе трехъ лѣтъ: 1852, 1853 и 1854 годовъ, но, къ счастью, за это время онъ успѣлъ только снять культурный слой, а самую сущность кургана поручено было дослѣдовать директору керченскаго музея А. Е.

[1]) Мечи находятся только въ курганахъ, всѣ они привозные; между скиѳскими и славянскими мечами нѣтъ ничего общаго.

[2]) Конь и баранъ приносились также скиѳами въ жертву.

Люценку. Люценко прибылъ на мѣсто и докончилъ раскопку кургана. Онъ нашелъ у южной оконечности кургана, въ материкѣ, гробницу, въ гробницѣ открылъ остовъ верховой лошади, стоявшей на колѣняхъ, съ головой, покоившейся на небольшомъ приступѣ; на спинѣ лошади сѣдло, выкрашенное въ красную краску, съ золотыми наколками на передней и задней лукахъ, у сѣдла колчанъ съ бронзовыми стрѣлами и желѣзную пряжку отъ подпруги; около головы двѣ золотыя съ ушками бляхи, въ зубахъ желѣзныя съ золотыми бляхами по концамъ удила; кромѣ того нѣсколько бронзовыхъ кружковъ, цѣпокъ, бубенчиковъ, пластинокъ, нѣсколько серебряныхъ бусъ, серебряныхъ пуговицъ и серебряное кольцо. Кромѣ гробницы открыты были — четыреугольное углубленіе, галлерея, большая, главная во всей могилѣ катакомба, съ нишами, къ сожалѣнію, уже ограбленная, другая галлерея и еще четыре углубленія. Во всѣхъ этихъ углубленіяхъ, катакомбахъ и галлереяхъ найдены были: одна колесница съ шестью колесами, два человѣческихъ остова, какъ думаютъ, царскихъ стражей, изъ коихъ на одномъ остовѣ были двѣ большія серебряныя серьги, бронзовое, въ видѣ спирали, въ два обода на шеѣ кольцо, желѣзный на рукѣ выше кисти браслетъ, два человѣческихъ черепа безъ нижнихъ челюстей, одинъ полный человѣческій черепъ съ золотыми украшеніями, остатками ткани у изголовья, серебряными подвѣсками, трубочками, бубенчиками, серебрянымъ жезломъ; семь скелетовъ лошадей, нѣсколько костей животныхъ, особенно головы и лопатки, больше 700 разныхъ золотыхъ вещицъ, украшавшихъ одежды покойниковъ, каковы: бусы, маленькіе бюсты, олени, львы, тигры, птички, цвѣтки, грифоны, человѣческія головы, розетки, треугольники, пуговицы и т. п.; далѣе серебряный кувшинъ, бронзовый тазъ, золотыя бляхи, золотыя накладки отъ сѣдла, золотой шейный уборъ, состоящій изъ длинной ленты съ висящими на ея концахъ двумя полукруглыми подвѣсками съ изображеніями грифовъ и драконовъ, нѣсколько серебряныхъ вещицъ конскаго убора, нѣсколько бронзовыхъ украшеній отъ колесницъ, костяныхъ дощечекъ, точеныхъ колонокъ,

карнизовъ, бронзовыхъ стрѣлъ, желѣзныхъ чешуйныхъ кольчугъ, обломковъ вазъ, амфоръ, мѣдной и желѣзной посуды; ко всему этому надо еще прибавить находки въ культурномъ слоѣ, открытыя Терещенкомъ; таковы: множество золотыхъ гвоздиковъ, нѣсколько золотыхъ украшеній съ головками звѣрей и ящирицъ, нѣсколько, въ видѣ дерева, серебряныхъ пластинокъ, одно изображеніе изъ дутаго листоваго золота кабана, пятьсотъ-десять бронзовыхъ бляхъ, триста-восемнадцать мѣдныхъ бляхъ, двѣсти-сорокъ-четыре бронзовыхъ полубубенчиковъ, шестьдесятъ-шесть бронзовыхъ трубочекъ, шестьдесятъ изображеній на мѣдныхъ листахъ какихъ-то неизвѣстныхъ животныхъ, восемнадцать мѣдныхъ для привѣсокъ колокольчиковъ, четыре плоскихъ бронзовыхъ въ рамкахъ изображеній грифоновъ, три на мѣдныхъ доскахъ изображенія коней, два бронзовыхъ изображенія на четырехгранныхъ трубкахъ птицъ и нѣсколько желѣзныхъ полосъ и обручей. Большинство зототыхъ и серебряныхъ вещицъ отличается хорошимъ греческимъ стилемъ и относится. если не нъ III, то къ IV вѣку до Р. Х. [1]).

Куль-Обскій курганъ находился въ 6 верстахъ къ западу отъ Керчи и получилъ свое названіе отъ татарскихъ словъ «куль-оба», что значитъ «гора пепла». Раскопка этого кургана начата также случайно: въ 1831 году жители Керчи брали здѣсь камни на свои постройки и наткнулись на гробницу. Объ этомъ стало извѣстно правительству, и тогда на мѣсто находки командированъ былъ археологъ Поль де-Брюксъ. Поль де-Брюксъ дѣйствительно нашелъ каменный склепъ подъ сводами кургана, подобный склепамъ, устраиваемымъ въ греческихъ курганахъ, и въ каменномъ склепѣ три человѣческихъ остова: остовъ мужской близъ лошадиныхъ костей, очевидно, конюха, остовъ женскій, подъ саркофагомъ съ прекрасною живописью, покрытый на два вершка землею съ великолѣпнѣйшей діадемой изъ чистаго золота на головѣ и съ прекраснѣйшимъ ожерельемъ

---

[1]) Древности Геродота Скиѳіи, 1866, вып. I. IV. 28; Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологич. разысканіяхъ въ 1853 году, 189.

изъ самаго чистаго золота на шеѣ, съ двумя золотыми медальонами у пояса,—это остовъ царицы; остовъ мужской, въ большомъ кипарисовомъ ящикѣ, также съ золотой діадемой на головѣ, съ большимъ золотымъ прутомъ на шеѣ, съ большимъ золотымъ кольцомъ на правой рукѣ выше локтя, съ такими же золотыми кольцами на обѣихъ рукахъ ниже локтей, съ золотыми запястьями на кистяхъ рукъ, съ большимъ съ золотой рукояткой мечемъ при боку; у ногъ остова три большихъ серебряныхъ вазы съ овечьими костями внутри и цѣлыя кучи кремневыхъ осколковъ, выше головы валеная шапка,—это остовъ царя. Кромѣ названныхъ вещей, найдены еще: одинъ прутъ изъ самаго чистаго золота, два золотыхъ запястья, нѣсколько золотыхъ фляжекъ, нѣсколько золотыхъ пуговицъ, нѣсколько золотыхъ розетокъ, нѣсколько золотыхъ треугольниковъ, множество золотыхъ пластинокъ, двѣ серебряныя, каждая о двухъ ручкахъ, лохани, въ каждой лохани по серебряной вазѣ, серебряная чаша, серебряные рожки, ваза изъ электрума [1]), съ четырьмя группами скиѳовъ, бронзовыя каски, бронзовая тарелка, бронзовые сапоги или подобія сапогъ, кожаная плеть, такой же щитъ, чехолъ на лукъ, нѣсколько копій, дротиковъ, наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько съ слоновыми ручками ножей, нѣсколько украшеній человѣческой одежды, зеленый точильный съ золотою ручкою камень, остатки деревяннаго музыкальнаго инструмента съ рисунками, сдѣланными иглой; нѣсколько статуэтокъ скиѳскаго Геркулеса, изъ коихъ одна изображаетъ группу обнявшихся скиѳовъ съ чашами въ рукахъ, нѣсколько сосудовъ съ группами скиѳовъ, изъ коихъ на одномъ сосудѣ изображенъ скиѳъ, которому рвутъ зубы, и замѣчательно, что въ остовѣ царя не найдено двухъ зубовъ.

Три дня работалъ Поль де-Брюксъ, не разгибая спины, подъ сводами треснувшаго каменнаго склепа, ежеминутно готоваго обрушиться надъ головой неутомимаго и безстрашнаго адепта

---

[1]) Электрумъ—въ древности янтарь, теперь смѣсь золота съ серебромъ.

науки, который, стоя на колѣняхъ, копировалъ открываемыя вещи на мѣстѣ и заносилъ ихъ описаніе въ дневникъ. На четвертый день, изнемогая отъ усталости, Поль де-Брюксъ ушелъ въ городъ, оставивъ курганъ подъ охрану трехъ человѣкъ; между тѣмъ въ городѣ разнеслась вѣсть о несмѣтномъ количествѣ найденныхъ въ Куль-Обскомъ курганѣ золотыхъ вещей, и тогда къ кургану ночью явилась шайка грабителей, разогнала сторожей и бросилась грабить то, что было не убрано и что не было раскопано. Нераскопаннымъ оставалось еще основаніе кургана ниже пола; тутъ грабители, какъ послѣ оказалось, нашли шейный золотой жезлъ съ змѣями, вѣрнѣе, какое-то золотое оружіе, золотой шейный обручъ, золотое изображеніе оленя и множество другихъ золотыхъ вещей, которыя были подѣлены и частію проданы, частію сплавлены. Когда объ этомъ дошла вѣсть въ Петербургъ, то грабителямъ обѣщано было полное прощеніе, если они возвратятъ вещи, и тогда нѣсколько вещей было возвращено частію въ цѣльномъ видѣ, частію въ испорченномъ, въ видѣ слитковъ.

Несомнѣнно, что въ Куль-Обскомъ курганѣ найдены остовы скиѳскаго царя и скиѳской царицы, но какихъ же именно временъ? На основаніи найденныхъ въ курганѣ предметовъ и сдѣланныхъ на нихъ надписей, время сооруженія Куль-Обскаго кургана относятъ къ III или IV вѣку до Р. Х. и въ найденномъ царѣ видятъ или Сатира I, а, можетъ быть, преемника его Левка I (около 393 года до Р. Х.), или же Пересада II, а, можетъ быть, Сатира II или брата послѣдняго, Притана (около 309 г. до Р. Х.). Куль-Обскій курганъ интересенъ особенно тѣмъ, что найденныя въ немъ вещи свидѣтельствуютъ о началахъ только заpaждавшейся скиѳской цивилизаціи.

Курганы тюркско-татарскаго происхожденія преобладаютъ въ новороссійскомъ краѣ надъ другими; они легко отличимы отъ другихъ кургановъ и въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ земляной насыпи съ большими камнями на верху, по бокамъ, снаружи и внутри кургана, по формѣ остроконечны или съ воронкой на самой срединѣ, съ узкимъ подъемомъ, въ видѣ дорожки

или спирали отъ основанія кургана и до вершины его; на многихъ курганахъ тюркско-татарскаго происхожденія стоятъ или, по крайней мѣрѣ, стояли такъ называемыя каменныя бабы.

Всякому, кто часто проѣзжалъ въ лѣтнее время по безмѣрнымъ степямъ нашего новороссійскаго края, неминуемо приходилось видѣть или, по крайней мѣрѣ, слышать о такъ называемыхъ каменныхъ бабахъ и, быть можетъ, неминуемо приходилось задавать себѣ вопросъ: какой такой народъ былъ, который ставилъ бабы на курганахъ и что означали собой эти бабы? Вопросъ о каменныхъ бабахъ занималъ многихъ изъ русскихъ археологовъ; его касались Теренцевко, Спасскій, Клапротъ, Гакстаузенъ, Кеппенъ, Пассекъ, Флоренсовъ, Мельгуновъ, Пискаревъ, Кельсіевъ, Уваровъ, Ядринцевъ и другіе [1]). Изъ мнѣній названныхъ археологовъ можно вывести то общее заключеніе, что каменныя бабы ставились еще въ глубочайшей древности въ разныя времена до Р. Х. и послѣ Р. Х. совмѣстно у многихъ народовъ: гунновъ, половцевъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизъ-койсаковъ, хакасовъ, усуновъ, дулгасцевъ, гетовъ, саковъ и иногда у скиѳовъ; вообще у народовъ, принадлежавшихъ къ одному племенному семейству или, по крайней мѣрѣ, къ одной языческой религіи, каковы народы тюркско-татарскаго происхожденія; исключеніе составляютъ только скиѳы; но и на курганахъ скиѳовъ постановку каменныхъ бабъ приписываютъ не имъ лично, а народамъ тюркско-татарскаго происхожденія, которые пользовались уже готовыми могилами, хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ и ставили на вершинахъ ихъ грубыя изваянія каменныхъ бабъ [2]). Извѣстно, что ни на одной бабѣ не найдено никакихъ надписей; отсюда слѣдуетъ думать, что всѣ онѣ принадлежатъ народамъ, еще незнавшимъ письменъ.

Первое упоминаніе о каменныхъ бабахъ принадлежитъ голландскому монаху Вильгельму Рубруквису, ѣздившему въ 1253 году посломъ отъ короля Людовика IX къ монгольскому царю Мангу-

[1]) Труды V археологическаго съѣзда, 76; Труды I археологическаго съѣзда, Москва, 1871, II, 501; Древніе памятники и письмена Сибири, Спб. 1885; Записки одесскаго общества исторіи и древн., т. II, отд. III, 822.

[2]) Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, Москва, 1880, II, 528.

Хану: Вильгельмъ Рубруквисъ, направляясь въ Великую Монголію, на пути своего слѣдованія былъ у половцевъ, называемыхъ иначе куманами: здѣсь онъ видѣлъ похороны умершаго и говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Куманы имѣютъ обыкновеніе насыпать землю надъ могилою умершаго и ставить статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую сосудъ обѣими руками у пупа чрева. Богатымъ они воздвигали пирамиды или маленькіе четырехугольные домики, но въ этихъ домикахъ ничего не находится. Я видѣлъ также одну могилу, гдѣ они повѣсили шестнадцать лошадиныхъ кожъ, по четыре противъ каждой изъ четырехъ странъ свѣта, потомъ ставили кумысъ, чтобы ѣсть и пить» [1]). Далѣе о каменныхъ бабахъ упоминаютъ новгородскія лѣтописи подъ 1398 годомъ: «Преставися святой Стефанъ... сей научи пермскую землю вѣрѣ христовѣ, а прежде кланялися звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и златой бабѣ» [3]). Въ такъ называемомъ Тмутороканскомъ болванѣ нѣкоторые также видятъ одну изъ каменныхъ бабъ, которыхъ такъ много было на Тмутороканскомъ, теперешнемъ Таманскомъ, полуостровѣ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Волзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканскый болване» [2]). Потомъ въ XVI вѣкѣ (1517—1526) о каменныхъ бабахъ говоритъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ германскихъ императоровъ Максимильяна I и Карла V къ русскому великому князю Василію III Ивановичу, авторъ «Записокъ о Московіи»: «Золотая баба, т. е. золотая старуха, есть идолъ у устьевъ Оби, въ области Обдорѣ: онъ стоитъ на правомъ берегу. Разсказываютъ, или справедливѣе баснословятъ, что этотъ идолъ Золотой бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ ея внукъ. Кромѣ того увѣряютъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые

[1]) Путешествіе Рубруквиса, изданіе Бержерона, т. 1, гл. X.

[2]) Н. М. Карамзинъ, Исторія государства россійскаго. Спб. 1852, VI, прим. 125.

[3]) А. А. Потебня, Слово о полку Игоревѣ, Воронежъ, 1878, 26.

издаютъ постоянный звукъ, въ родѣ трубнаго» [1]). Затѣмъ о каменныхъ бабахъ упоминаетъ въ XVI вѣкѣ книга большаго чертежа: «А на рѣчкѣ на Терновкѣ [2]) стоитъ человѣкъ каменный, а у него кладутъ изъ Бѣлаграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на Самарѣ и у двухъ дѣвокъ каменныхъ. А по правой странѣ по тому истукану изъ кладязей Какуйгыръ—люди каменные болваны, противъ тое соли, что емлютъ Азоевцы» [3]). Потомъ о каменныхъ бабахъ упоминаетъ германскій посланникъ Эрихъ Ласота въ 1594 году и итальянскій путешественникъ Гваньини (1538—1614): «Пятаго іюля верхами проѣхали мы чрезъ ненаселенное дикое поле и рѣку Суру; замѣтивши стоявшій на пути маякъ или каменную статую мужчины, поставленную на курганѣ или могилѣ, поѣхали къ ней и осмотрѣли» [4]). «Въ Обдорской области, близь устья рѣки Оби, есть одинъ стариннѣйшій, высѣченный изъ камня, идолъ называемый московитами золотой бабой, т. е. золотой старухой. Это есть подобіе старой женщины, въ нѣдрѣ своемъ держащей младенца и имѣющей другого возлѣ себя ребенка, котораго они называютъ внукомъ ея обитателя» [5]). Далѣе о каменныхъ бабахъ говоритъ Манштейнъ въ 1771 году и Томиловъ въ 1774 году. «Въ сихъ степяхъ достойны примѣчанія татарскія могилы, составляющія большія насыпи или курганы чрезъ нѣкоторое разстояніе, отъ Самары на двадцать миль до Перекопи. На вершинѣ многихъ изъ сихъ насыпанныхъ холмовъ находятся каменные въ ростъ человѣческій истуканы, весьма грубо сдѣланные, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ мужчинъ, а другіе женщинъ. Вырывали нѣкоторыя изъ сихъ могилъ и находили въ нихъ урны или кувшины, наполненные прахомъ съ нѣсколькими золотыми и мѣдными медалями, на которыхъ виды

[1]) Записки о Московіи, переводъ Анонимова, Спб. 1866, 126.

[2]) Терновка—правый притокъ рѣки Самары екатеринославской губ., павлоградскаго уѣзда.

[3]) Книга большаго чертежа, изданіе Спасскаго, Москва, 1846, 18, 55.

[4]) Путевыя записки Эриха Ласоты. Одесса, 1873, 53; также 52.

[5]) Описаніе Европейской Сарматіи, Спира, 1851, глав. 85, 86.

арабскія слова въ половину изгладившіяся» [1]). «Курганы видно отъ погребенія кочующихъ въ древности идолопоклонниковъ насыпаны, потому что на нѣкоторыхъ высѣченные изъ камня виды человѣка, и болѣе широкорожіе съ малыми глазами статуи поставлены были, мужескъ и женскъ полъ изображающія» [2]). Наконецъ о каменныхъ бабахъ даютъ подробныя описанія русскіе ученые прошлаго вѣка—Фалькъ, Зуевъ, Лепехинъ, Гюльденштедтъ, Палласъ и др.

Большинство каменныхъ бабъ высѣчено изъ крупно-зернистаго кварцоваго и раковистаго песчаника, легко вывѣтривающагося отъ дурной погоды, или же изъ мѣстнаго известняка и сѣроватаго цвѣта гранита; только одинъ разъ найдена была небольшихъ размѣровъ баба серебрянаго изваянія, на берегу рѣки Кумы [3]).

Обыкновенный портретъ каменныхъ бабъ представляется въ такомъ видѣ: придавленный лобъ; короткій затылокъ; плоское, круглое, съ широкими скулами и щеками лицо, всегда обращенное на востокъ, можетъ быть, для указанія первобытнаго отечества, откуда вышли всѣ тюркско-татарскія племена; большой туповатый подбородокъ; узенькіе глаза, маленькій ротъ, приплюснутый носъ, плоская спина, отвислая грудь, выпученный животъ, прижатыя локтями къ бокамъ руки, короткія ноги, можетъ быть, для означенія сидячаго положенія фигуры [4]); маленькія ступни и неизбѣжно сложенныя на животъ руки, держащія какую-то ступку, продолговатую чашку или бутылку.

Отклоненія отъ этого общераспространеннаго типа составляютъ или совершенно обнаженныя бабы, кромѣ головнаго убора и высокихъ до колѣнъ сапогъ, или бабы обнаженныя до пояса,

---

[1]) Х. Г. Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 213.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.

[3]) Труды археологическаго съѣзда, Москва, 1871, II, 504.

[4]) Въ такомъ видѣ и до сихъ поръ хоронятъ своихъ покойниковъ сельскіе татары казанской, симбирской и оренбургской губерній: Записки одесскаго общебства ист. и древн., т. II, отд. III, 822. Есть, впрочемъ, бабы и въ нагнувшемся и даже прямомъ положеніи.

ниже котораго идетъ короткое до колѣнъ платье, а иногда вмѣсто платья узкіе штаны и съ острыми голенищами сапоги, или же бабы фаллосовыя. Послѣднія составляютъ большую рѣдкость и, сколько намъ извѣстно, такихъ бабъ всего лишь три: одна въ елисаветградскомъ реальномъ училищѣ [1]), другая въ частномъ собраніи каменныхъ бабъ Г. П. Алексѣева, въ мѣстечкѣ Котовкѣ, новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, и третья въ собраніи А. Н. Поля, въ имѣніи Дубовой-Балкѣ, верхне-днѣпровскаго уѣзда, той же губерніи. Фаллосовыя бабы, елисаветградская и котовская, имѣютъ въ общемъ одинъ и тотъ же типъ, такъ что по портрету одной бабы можно судить и о портретѣ другой: котовская баба имѣетъ около двухъ съ половиной аршинъ высоты, до двухъ четвертей толщины, представляетъ изъ себя фигуру мужскаго пола съ сильно выпученнымъ животомъ, но со стертымъ отъ времени лицомъ, съ типичной низко придавленной на головѣ шапочкой и съ тремя, въ видѣ толстыхъ жгутовъ, косами, идущими вдоль спины до стана: ниже стана на спинѣ бабы рельефомъ сдѣлана фигура пляшущаго мужчины, поднявшаго обѣ руки вверхъ, съ фаллосомъ внизу. Фаллосовая баба дубово-балчанская имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ двѣ другія названныя бабы: это плоскій камень въ четыре съ половиной аршина высоты, имѣющій видъ толстой доски, три четверти аршина толщины и одинъ аршинъ съ двумя вершками ширины, съ одной стороны которой выбита фигура человѣка съ лицомъ совершенно круглымъ и скорѣе славянскимъ, чѣмъ монголовиднымъ, съ кинжаломъ въ правой рукѣ, съ какимъ-то рогомъ, можетъ быть, для питья, въ лѣвой рукѣ и съ фаллосомъ въ полъаршина длины внизу.

Каменныя бабы изображаютъ собой оба пола и всѣ возрасты: мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвицъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ дѣтей. Признаками бабъ мужскаго пола служатъ: на губахъ тонкіе усы; на головѣ небольшой колпачекъ, или круглая низкая, на подобіе ермолки, шапочка, иногда съ каймою или полями по

[1]) Труды московскаго археологическаго общества, т. XI, вып. II, 87.

вѣнцу колпачка; на спинѣ три косы, или скрученныя жгутами, или перевязанныя накрестъ и идущія одна возлѣ другой до пояса; въ ушахъ иногда серьги; у пояса съ лѣвой стороны иногда ножъ или мечъ [1]), съ правой стороны колчанъ, иногда гребешокъ, мѣшочекъ; на ногахъ или вовсе ничего или сапоги, ременные переплеты и крючки для поддерживанія голеницъ; поверхъ всей фигуры длинный кафтанъ съ узкими рукавами, съ нашивками или каймами по фалдамъ и обшлагамъ, съ треугольными вырѣзками на тазѣ, перехваченный на груди ремнемъ, идущимъ съ груди на спину и здѣсь скрѣпляющимся большой между лопатками бляхой, потомъ выходящимъ подъ обѣ мышки на грудь и тутъ закрѣпляющимся двумя бляхами; наконецъ на плечахъ поверхъ кафтана иногда нашивки и разныя украшенія. Признаками бабъ женскаго пола служатъ: на головѣ высокая, иногда шишкообразная, кверху съуживающаяся, съ широкими полями, шапочка; спереди выбивающіеся изъ-подъ шапочки волосы; по вискамъ, въ родѣ бараньихъ роговъ, жгуты волосъ; на груди иногда четырехъугольная коробочка и ниже коробочки сильно отвислыя груди; въ ушахъ серьги съ подвѣсками, на шеѣ ожерелье изъ бусъ и обручей; на спинѣ двѣ косы, спускающіяся одна возлѣ другой до пояса, и длинный платокъ съ заостренными лопастями [2]).

Существованіе бабъ обоего пола, какъ справедливо замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, даетъ поводъ думать, что у народовъ, оставлявшихъ послѣ себя подобнаго рода памятники, мужчины и женщины пользовались одинаковымъ уваженіемъ и одинаковымъ правомъ на памятникъ. Въ процентномъ отношеніи между количествомъ бабъ мужскаго пола и женскаго замѣ-

[1]) «Судя по формѣ мечей и ножей, замѣчаетъ графъ А. С. Уваровъ, можно, кажется, отнести эти изваянія къ желѣзному вѣку, потому что бронзовыя орудія отличаются совершенно другою формою».

[2]) Всего больше къ этому портрету подходитъ такъ называемая кубанская баба: Археологическій вѣстникъ, Москва, 1868, ноябрь — декабрь, 282.

чена та особенность, что сибирскія бабы изображают больше мужчинъ, тогда какъ южно-русскія больше женщинъ

Начало каменныхъ бабъ—центральная Азія; конецъ—западный край Россіи. Н. М. Ядринцевъ, взявшій на себя трудъ спеціально прослѣдить мѣста нахожденія въ Сибири каменныхъ бабъ, послѣ тщательныхъ розысковъ, пришелъ къ заключенію, что каменныя бабы встрѣчаются въ Сѣверной Монголіи, Кемчикѣ, Минусинскомъ округѣ, Алтаѣ, къ югу отъ него около Кульджи, около Вѣрнаго, Исыкъ-Куля, въ Киргизской степи близъ Балхаша, и отсюда переходятъ въ южную Россію [1]). Изъ Южной Россіи каменныя бабы идутъ въ западную Россію до калишской губерніи и Галичины [2]).

Подвигаясь постепенно изъ центральной Азіи, путемъ перекочеванія съ одного мѣста на другое, тюркско-татарскія племена вездѣ оставляли за собой слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ бабъ, которыя въ данномъ случаѣ служатъ столбами для указанія пути передвиженія человѣчества изъ Азіи въ Европу въ древнѣйшія времена и служатъ ключемъ для разгадки родства между европейскими и азіатскими народами; причемъ наблюдается фактъ, что бабы Азіи далеки отъ совершенства бабъ южной Россіи; первыя въ сравненіи съ послѣдними просто каменныя глыбы или, въ лучшемъ видѣ, грубо вытесанные фетиши, тогда какъ послѣднія суть полныя подобія человѣка: въ нихъ нѣтъ ни одной формы и ни одного члена тѣла сверхъестественнаго, напротивъ, все такъ правдоподобно и соразмѣрно, что невольно бросается въ глаза всякому; это достойно особеннаго вниманія въ виду того обстоятельства, что всѣ произведенія каменныхъ бабъ носятъ на себѣ характеръ полной самостоятельности и сохраняютъ всѣ особенности типа тюркско-татарскихъ народовъ, безъ всякаго подражанія классической скульптурѣ.

Главныя мѣста распространенія каменныхъ бабъ—югъ Россіи,

---

[1]) Древніе памятники и письмена въ Сибири, Спб., 1885, 19.

[2]) А. С. Уваровъ, Труды I археологическаго съѣзда, Москва, 1871 II, 517.

преимущественно таврическая, екатеринославская, южная часть харьковской и херсонская губерніи, гдѣ малороссы иногда называютъ ихъ «мамаями». Особенно много каменныхъ бабъ было въ славяно-сербскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и александрійскомъ херсонской, близъ знаменитаго Чернаго лѣса, въ которомъ нѣкогда находили себѣ пріютъ страшные для поляковъ и жидовъ гайдамаки. На Томаковской, Луговой и Чертомлыцкой могилахъ екатеринославскаго уѣзда стояли также каменныя бабы; баба Чертомлыцкой могилы особенно интересна тѣмъ, что ей приписывалась сверхъестественная сила: она будто-бы отвращала засуху и излѣчивала людей отъ лихорадки. «Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною до 3³/₄ аршина, въ томъ числѣ самое изображеніе длиною въ 3 аршина, а подножіе ³/₄ аршина; шириною камень въ плечахъ одинъ аршинъ, въ подолѣ кафтана пятнадцать вершковъ, толщиною около одиннадцати вершковъ. Любопытны разсказы окрестныхъ поселянъ объ этой каменной бабѣ. Тому лѣтъ двадцать или тридцать ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. А какъ между поселянами существовало, да и теперь существуетъ вѣрованіе, что эта баба исцѣляетъ отъ лихорадокъ, то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки, и случай этотъ сопровождался будто-бы четырехлѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ, вѣроятно, была отбита у ней голова и сама она потомъ поставлена къ востоку (тогда какъ раньше стояла лицомъ къ западу). Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезть бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибленную голову и приладилъ ее, какъ подставу у своего погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда

голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ дѣйствительно и случилось. Вообще изъ разсказовъ открывается, что чертомлыцкая баба пользуется особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басенъ старые чабаны или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертва, приносимая ей въ чаяніи исцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собирается тайно тѣми же чабанами. Намъ разсказывала между прочимъ одна старуха изъ Чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ она носила къ бабѣ своего двѣнадцатилѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ), и съ той поры сынъ исцѣлѣлъ... Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ на восходѣ солнца, мы встрѣтили тамъ старика чабана, который благоговѣйно объяснилъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на восходѣ солнца, она какъ будто спроситъ: «Покайся, що зъ молоду робивъ?» Такое суевѣрное поклоненіе чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки, и многіе поселяне, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и иногда цѣловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на Долгой могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась ей въ землю, приложилась къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей-землекоповъ» [1]).

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1876, I, 625—672.

Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, каменныхъ бабъ гораздо больше было въ новороссійскихъ степяхъ, чѣмъ теперь: въ настоящее время онѣ или обезображены до неузнаваемости, или совсѣмъ истреблены, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше ихъ становится. Ѣдетъ бывало по шляху чумакъ, видитъ вдали отъ дороги стоитъ каменная-баба. «Стойте, хлопцы! Чого вона, падлюка, тамъ стоить? Пидемъ ій голову дегтемъ вымажемъ!» Пойдутъ и вымажутъ. И стоитъ каменная баба съ вымазанной дегтемъ головой на посмѣшище невѣждъ и зѣвакъ. Но это еще полбѣды: бѣда, коли каменныхъ-бабъ совсѣмъ уничтожаютъ. Въ новомосковскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ одинъ очень расторопный исправникъ: онъ задумалъ сдѣлать у себя каменный погребъ и рѣшилъ, что лучшимъ матеріаломъ для этого могутъ служить каменныя бабы; чтобы собрать ихъ возможно больше, а главное чтобъ не расходоваться на эту статью, сообразительный исправникъ разослалъ яко-бы полученный имъ изъ столицы приказъ крестьянамъ по волостямъ, чтобы они, у кого найдутся каменныя бабы, отправляли бы ихъ немедленно въ Петербургъ. Мужики взмолились и послали отъ себя слезное прошеніе исправнику, чтобы онъ упросилъ высшее начальство объ отмѣнѣ распоряженія везти бабъ въ столицу. Исправникъ долго не соглашался покривить душой, но потомъ, снисходя усиленнымъ просьбамъ крестьянъ, сопровождаемымъ нѣкоторыми прилагательными, въ видѣ засаленныхъ мужицкихъ кредитовъ, внялъ, наконецъ, мольбамъ просителей и позволилъ везти каменныхъ бабъ вмѣсто Петербурга на свой исправницкій дворъ. И скоро послѣ этого во дворѣ благодѣтельнаго исправника возникъ отличный погребъ, можно сказать, основанный на бабахъ. Это — фактъ, за который ручаются свидѣтели и теперь еще благополучно живущіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Кильчени, въ деревнѣ Пріютѣ, и собственными глазами видѣвшіе основанный на бабахъ погребъ.

Что же означаютъ собою каменныя бабы? Слово «баба»,

какъ думаютъ, заимствовано русскими съ татарскаго языка, на которомъ оно, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ слова, значитъ «предокъ, отецъ». Но этимологія слова не опредѣляетъ его значенія, а письменные памятники не раскрываютъ его смысла. Отсюда разныя попытки объяснить значеніе каменныхъ бабъ: одни считали ихъ за божества какого-либо изъ древнѣйшихъ народовъ: другіе считали ихъ монгольскими идолами; третьи приписывали ихъ тюрко-татарамъ и видѣли въ нихъ изображенія умершихъ, можетъ быть, главныхъ начальниковъ улусовъ, ихъ женъ и дѣтей [1]). Послѣднее мнѣніе намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ; это мнѣніе можно лишь расширить нѣсколько въ томъ смыслѣ, что каменныя бабы суть портреты или изображенія умершихъ, которымъ живые воздавали особыя почести, преклонялись предъ ними. Доказательствами этого могутъ служить, во-первыхъ, то, что каменныя бабы изображаютъ собой разные полы и возрасты людей; во-вторыхъ, то, что на всѣхъ каменныхъ бабахъ изображенныя человѣческія фигуры неизбѣжно держатъ въ своихъ рукахъ какую-то чашу, можетъ быть, для жертвоприношеній или поминокъ по умершемъ; тщетно нѣкоторые изыскатели старины пытались видѣть въ этомъ сосудѣ не чашу, а платокъ,—здѣсь и подобнаго нѣтъ ничего платку, тѣмъ болѣе, что въ разрываемыхъ курганахъ съ каменными бабами были находимы такія же точно каменныя чаши, какія представлены въ рукахъ фигуръ; въ-третьихъ, наконецъ, и то, что на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ представлены пляшущія фигуры мужчинъ, явно напоминающія собой греческія фаллосовыя фигурки, носимыя эллинскими женщинами, во время религіозныхъ процессій, вокругъ жертвенника Діониса, съ цѣлью испросить у бога плодородія вообще и увеличенія членовъ семьи въ частности.

Собственныя раскопки тюрко-татарскихъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерніи дали

[1]) Ueber Tumuli. Bull. de l'Akademie, 1831, T. I. Списокъ кургановъ. Сѣв. Пч. 1837; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. III, 822.

весьма интересные результаты; приведемъ дневники только наиболѣе выдающихся раскопокъ, въ деревнѣ Вороной, новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, деревнѣ Басанкѣ, селѣ Тарасовкѣ екатеринославскаго уѣзда, деревнѣ Богодарѣ александровскаго уѣзда той же губерніи или селѣ Бѣлозеркѣ херсонскаго уѣзда.

Деревня Вороная стоитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ двухъ его пороговъ Лоханскаго и Звонецкаго, и принадлежитъ владѣльцу А. М. Миклашевскому; на всей землѣ А. М. Миклашевскаго имѣется около 110 кургановъ: изъ нихъ самыя большія: Рясная могила, въ окружности 72 сажня и черезъ вершину 10 саженъ, съ двадцатью пятью малыми могилами вокругъ нея; Яцева, въ окружности 70 саженъ и черезъ вершину 9 саженъ, съ пятнадцатью малыми вокругъ нея: Сѣриковы, Москалевы и Долгенькія. Изъ всѣхъ этихъ могилъ розрыто двадцать, причемъ однѣ вскрыты А. А. Карцевой, дочерью владѣльца, другія Д. Я. Самоквасовымъ, третьи лично мной. Наиболѣе любопытные результаты раскопокъ дали слѣдующіе два кургана, оба безъ названія.

Курганъ первый въ окружности двадцать два сажня, черезъ вершину шесть съ половиной, формы овальной, съ небольшимъ на вершинѣ углубленіемъ, разрытъ глухой траншеей по направленію отъ сѣвера къ югу. Послѣ снятія земли на три четверти аршина глубины въ курганѣ найденъ былъ сперва небольшой глиняный сѣраго цвѣта кувшинчикъ и тутъ же обнаруженъ слой пережженной краснаго цвѣта массы, очень плотно сложившейся и нераспускающейся въ водѣ; само собою разумѣется, что такое устройство кургана сразу дало поводъ думать, что подъ красной массой сохранялось нѣчто важное, что нужно было предохранить отъ дурной погоды и тлѣнія: на аршинъ ниже пережженой массы открыто было черное пятно, съ небольшимъ три аршина длины и почти столько же глубины: въ черномъ пятнѣ найденъ былъ среднихъ размѣровъ женскій скелетъ, головой на сѣверъ, ногами на югъ, съ руками, сложенными крестообразно на плечахъ,—лѣвая на правомъ плечѣ, правая на лѣвомъ; на груди

скелета найдены три серебряныя позлащенныя брошки съ горными хрусталиками въ срединѣ, золотая длинная коробочка съ такимъ же хрусталикомъ въ срединѣ; около колѣна правой ноги бронзовый съ дужкой котелокъ кованной работы, вмѣстимостью на четыре стакана воды, и въ котелкѣ маленькая серебряная чашечка, выкованная изъ тонкаго серебра, по формѣ похожая на грибокъ, перевернутая въ котелкѣ вверхъ дномъ, вмѣстимостью съ небольшую рюмку воды; около колѣна лѣвой ноги, на парчевой подушкѣ, шитой золотомъ съ коричневыми узорами, круглое, бронзовое зеркало, бѣловатаго оттѣнка, очевидно съ большой дозой олова въ мѣди; ниже колѣна лѣвой ноги зеленый съ поливою кувшинъ; у самыхъ ногъ перержавленные куски желѣза; поверхъ всего скелета кусокъ красной шелковой матеріи и тринадцать серебряныхъ позлащенныхъ звѣздъ, разбросанныхъ по всей могилѣ, очевидно, отъ какой-то ткани, которою было покрыто тѣло погребенной. Изъ раскопокъ другихъ кургановъ аналогичнаго устройства съ нашимъ видно, что въ раскопанномъ курганѣ была погребена женщина тюрско-татарскаго племени; въ томъ особенно убѣждаютъ найденные при скелетахъ татарскія монеты съ именами хановъ Узбека и Джанибека XIV столѣтія [1]).

Курганъ второй, также безъ названія, стоитъ на полусклонѣ открытой степи, въ восьми верстахъ отъ деревни Вороной и въ четырехъ верстахъ отъ лѣваго берега Днѣпра, въ окружности сорокъ семь саженъ, черезъ вершину пятнадцать, на видъ продолговатъ, съ двумя также продолговатыми воронками, глубиною въ сажень, внутри выложенный дикимъ камнемъ, и съ каменнымъ кругомъ по линіи горизонта вокругъ всего кургана; раскопка сдѣлана посредствомъ колодца, глубины въ восемь съ половиной аршинъ, ширины въ два сажня; при раскопкѣ обнаружено, что курганъ отъ самой вершины и до шести аршинъ глубины насыпанъ былъ правильно смѣнявшими одинъ другой

[1]) Д. Я. Самоквасовъ, Могильныя древности екатеринославской губерніи. Одесса. 1883. 18.

слоями: за слоемъ земли слѣдовалъ слой дикаго камня, за слоемъ дикаго камня шелъ слой земли и т. д.; всѣ щели между камнями были забиты очень тщательно; самые же камни попадались иногда такой величины, что для одного изъ нихъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста, требовалось нерѣдко десять-двѣнадцать человѣкъ; всѣхъ слоевъ земли культурной насыпи колодца кургана снято было восемнадцать; въ нихъ послѣдовательно найдены были: нѣсколько горшковъ, нѣсколько кусковъ свѣтло-желтой глины, огромное кострище изъ толстыхъ березъ, нѣсколько бровенъ серебристаго тополя и сосны, нѣсколько костей человѣка, лошадей, собакъ, телятъ, нѣсколько углей, наконечниковъ стрѣлъ, гвоздей, два кинжала—одинъ съ серебряной ручкой, другой безъ ручки, наконечникъ копья, желѣзный ножъ, желѣзные метательные дротики, бронзовыя пряжки, остатки сѣделъ и два кремневыхъ осколка, кажется, случайно попавшихъ въ курганъ черезъ нору звѣрька; черное пятно было открыто какъ разъ въ центрѣ, въ видѣ правильнаго квадрата, но въ немъ кромѣ трехъ реберъ человѣческаго скелета да одной кости курицы, называемой на языкѣ малороссовъ «кобылкою», не оказалось ничего другого.

Деревня Басанка стоитъ въ четырнадцати верстахъ отъ праваго берега Днѣпра и въ двѣнадцати верстахъ отъ острова Томаковки, бывшей запорожской Сичи, противъ села Червышовки или Красно-Григорьевки, принадлежитъ владѣльцу Н. М. Тереницу. На четырехъ тысячахъ десятинъ земли Н. М. Тереанина насчитываютъ до ста большихъ и малыхъ кургановъ, изъ коихъ самые высокіе носятъ названія Близницъ, Каменныхъ, Заячьей и Скаженой; въ большинствѣ случаевъ эти курганы имѣютъ острую форму, состоятъ изъ земляной насыпи, проложенной слоями дикаго камня. Для раскопокъ взятъ былъ средней величины курганъ, около тридцати въ окружности и около пятнадцати саженъ черезъ вершину, въ двухъ верстахъ отъ усадьбы владѣльца. Вскрытіе кургана привело къ слѣдующимъ результатамъ. Въ семи культурныхъ слояхъ и въ черномъ пятнѣ не было найдено ничего; зато къ сѣверу отъ чернаго пятна от-

крытъ былъ сводъ, тщательно забитый и замазанный землей; по очисткѣ земли оказалось, что въ сводъ вели три, очень широкія, сверхъ трехъ четвертей аршина, ступеньки, тщательно выглаженныя и обрубленныя узенькими лопаточками, отъ которыхъ сохранились слѣды въ видѣ вогнутыхъ вертикальныхъ желобковъ. На всѣхъ трехъ ступенькахъ зарытъ былъ скелетъ человѣка по частямъ; на верхней положены руки и около нихъ нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ; на средней, у лѣвой стѣны ступеньки, посоженъ скелетъ безъ головы, рукъ и ногъ и противъ него нѣсколько метательныхъ дротиковъ и бронзовыхъ чашечекъ да деревянныя ручки стрѣлъ; на нижней разбросаны ноги и противъ ногъ желѣзныя метательныя копьеца; наконецъ ниже ступенекъ, подъ самымъ сводомъ, положена голова характернаго тюркско-татарскаго типа съ короткимъ и широкимъ черепомъ.

Слобода Тарасовка стоитъ у праваго берега Днѣпра между знаменитымъ островомъ Хортицей и мѣстечкомъ Никополемъ, близъ знаменитаго Герроса Геродота, въ которомъ скиоы погребали своихъ царей; принадлежитъ владѣльцу А. П. Струкову. На 12 тысячъ десятинъ земли А. П. Струкова имѣется до 300 кургановъ; изъ нихъ самые большіе—Балоцкая, теперь называемая Городской отъ дороги, идущей мимо нея изъ села въ городъ Екатеринославъ, Круглая, Скотоватая, Острая, Марчиха, Куликова, Косолапова и др. Для первой пробы взято было два кургана, находящіеся въ трехъ верстахъ отъ усадьбы владѣльца, прямо къ сѣверу; оба кургана не носятъ никакого названія и стоятъ близъ огромной могилы Балоцкой. Произведенная раскопка этихъ кургановъ привела къ слѣдующимъ результатамъ. Курганъ первый имѣлъ 40 саженъ кругомъ и 10 саженъ черезъ вершину, въ культурной насыпи его не было найдено ничего; въ черномъ пятнѣ открыты два человѣческихъ скелета, рядомъ одинъ возлѣ другаго, ногами на западъ; оба безъ головъ, въ замѣнъ которыхъ къ каждому изъ скелетовъ были *приложены бараньи черепа*; разница между ними была та, что первый имѣлъ длины $8^1/_2$ четвертей, въ кости грудной клѣтки $3^1/_2$ дюйма, правая рука его была поло-

жена отдѣльно въ юго-западномъ углу чернаго пятна, лѣвая—на нижнюю часть живота: близъ головы два большихъ кольца, можетъ быть, для аркана: вдоль праваго бока—желѣзное съ остатками деревянной ручки копье; въ лѣвой рукѣ—120 бронзовыхъ трехгранныхъ. съ какою-то примѣсью, въ видѣ серебра, стрѣлъ; подъ лѣвымъ колѣномъ одна бронзовая стрѣлка; въ правой рукѣ два желѣзныхъ, одно надъ другимъ, копья, $2^1/_2$ четверти каждое длины; подъ скелетомъ куски полусгнившей деревянной доски; второй скелетъ съ тѣми же особенностями, кромѣ того, что онъ имѣлъ $2^1/_4$ аршина длины и близъ лѣвой руки его положены были кусокъ извести и 50 трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлъ. Второй курганъ также безъ названія, въ 65 саженяхъ отъ перваго, въ окружности имѣлъ 45, черезъ вершину 12 саженъ. Раскопка его привела къ слѣдующимъ результатамъ. Въ пятомъ слоѣ культурнаго слоя, на глубинѣ одного аршина съ четвертью, найдены желѣзныя удила и скелетъ человѣка; положеніе скелета головой на востокъ, ногами на западъ, лѣвая рука приложена къ лѣвому колѣну, правая рука локтемъ къ правому колѣну, кистью наотлетъ; черепъ скелета—короткоголовый, съ узкимъ лбомъ, вдавленными костьми лица, небольшими отверстіями для глазъ, съ особенно возвышающимися, какъ бы нависшими, костями надъ внѣшними углами глазъ и съ сильно развитой нижней челюстью: въ правую руку скелета вложены были желѣзныя удила, желѣзное стремя и бронзовая пластинка; подъ скелетомъ, въ шестомъ слоѣ, въ центрѣ кургана, два большихъ обтесанныхъ камня.

Деревня Богодаръ, имѣніе землевладѣльца Ѳ. И. Михеева, стоитъ на возвышенномъ склонѣ, при сліяніи двухъ степныхъ рѣкъ Ганчула и Волчьей, несущихъ свои воды, при посредствѣ рѣки Самары, въ Днѣпръ. На тысячѣ десятинъ земли Ѳ. И. Михеева имѣется около полусотни кургановъ, изъ которыхъ самые большіе носятъ названіе Стрѣльцовой и Острой могилъ; по внѣшнему виду всѣ пятьдесятъ кургановъ данной мѣстности сводятся къ тремъ господствующимъ типамъ: курганы продолговатые съ особымъ хвостомъ или присыпкой; курганы съ воронкой на вер-

нинѣ и курганы островерхіе, нѣсколько приплюснутые и какъ будто расползшіеся. Къ послѣднему типу относятся и тѣ шесть кургановъ, которые насыпаны на возвышенной склонности, при сліяніи Ганчула съ Волчьей, въ полуторюста саженяхъ отъ дома владѣльца, къ сѣверу. На первый разъ былъ взятъ самый большій изъ шести, безъ имени: онъ имѣлъ въ окружности 28 саж., а черезъ вершину, отъ одного основанія къ другому, 7 саж.; вскрытъ глухой траншеей, по направленію отъ сѣвера къ югу; съемка производилась послойно, каждый слой въ четверть аршина глубины. Раскопка привела къ слѣдующимъ результатамъ. Въ первомъ слоѣ культурной почвы не было найдено ничего: во второмъ слоѣ открытъ былъ скелетъ молодого человѣка, положенный лицомъ вверхъ, головой на востокъ, ногами на западъ, съ руками сложенными накрестъ на лобковой кости, причемъ правая рука протянута гораздо дальше, чѣмъ лѣвая, ноги безъ ступней, а весь скелетъ безъ признаковъ гроба и какихъ бы то ни было вещей: въ третьемъ слоѣ также не было найдено ничего: въ четвертомъ открыты двѣ лошадиныя головы, одна глазами на востокъ, другая—на западъ; обѣ положены на кости собственныхъ ногъ: обѣ взнузданы желѣзными удилами довольно примитивнаго устройства: близъ первой лошадиной головы найденъ скелетъ собаки, а близъ второй—три желѣзныхъ метательныхъ копьеца и три костяныхъ иголки, длиною въ полторы четверти каждая и толщиною нѣсколько болѣе карандаша; въ пятомъ слоѣ, подъ головами лошадей, открыты три скелета: мужчины, женщины и взрослаго мальчика, видимо, жены, мужа и ихъ сына: скелеты не были зарыты въ особой ямѣ («черномъ пятнѣ»), какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ кургановъ, а были положены горизонтально поверхъ нетронутой земли; скелеты женщины и мужчины головами на востокъ, ногами на западъ, скелетъ мальчика въ срединѣ между женскимъ и мужскимъ скелетами, въ обратномъ имъ положеніи, т. е. головой на западъ, ногами на востокъ, съ руками, протянутыми вдоль боковъ: при этомъ скелетъ женщины былъ покрытъ плечевыми лопатками лошади, замѣнявшими собою гробъ:

скелетъ мальчика былъ покрытъ толстой кожей и имѣлъ близъ правой руки желѣзный съ деревянной рукояткою ножъ; скелетъ мужчины огражденъ былъ съ правой стороны доской и раздѣленъ на нѣсколько частей: въ одномъ мѣстѣ руки, въ другомъ ноги, а въ третьемъ голова: близъ послѣдней стоялъ глиняный горшечекъ для пищи, на половину бѣлаго, на половину землянистаго цвѣта, съ орнаментикой по вѣнчикамъ, сдѣланной частью ногтемъ, въ видѣ крестика, частью тупой палочкой, въ видѣ точекъ; около каждаго изъ трехъ скелетовъ найдены костяныя иглы и желѣзные дротики. Судя по черепамъ найденныхъ скелетовъ, можно предполагать, что въ курганѣ были зарыты люди, всего вѣроятнѣе, тюркско-татарскаго происхожденія: они представляли собою наѣздниковъ, воиновъ, можетъ быть, пастуховъ и даже домоводовъ (на что указываетъ присутствіе собаки въ курганѣ), умѣвшихъ ковать оружіе, дѣлать посуду, шить кожаное платье.

Село Бѣлозерка находится въ четырнадцати верстахъ отъ города Херсона къ югу, по правую сторону Днѣпра, на пятьдесятъ верстъ выше устья рѣки Буга. На западъ отъ села Бѣлозерки, за рѣчкой того же имени, находится весьма интересная въ археологическомъ отношеніи мѣстность. Интересъ этой мѣстности состоитъ въ томъ, что на огромномъ своемъ пространствѣ и почти безпрерывно она усѣяна небольшими курганами, представляющими собой цѣлый могильникъ, и едва только возвышающимися отъ поверхности земли: нужно имѣть черезчуръ опытный глазъ, чтобы отличить среди ровной степи искусственныя насыпи.

Всмотрѣвшись пристально, видишь, что это настоящій некрополь; мѣстами не знаешь даже, гдѣ кончается могила и гдѣ начинается нетронутая степь. Крайне заинтересованный этою мѣстностью, я рѣшилъ произвести здѣсь раскопку, при непосредственномъ участіи самого господина владѣльца Бѣлозерки, Г. Л. Скодовскаго. Взяты были два небольшихъ курганчика. Мнѣ казалось, что я имѣю дѣло съ очень ничтожными насыпями, но уже послѣ вскрытія пер-

ваго кургана, убѣдился, что разработка могилъ въ данной мѣстности—дѣло далеко не легкое: нужно углубляться въ землю, по меньшей мѣрѣ, на двѣ сажени, чтобы извлечь изъ могилы покойника и добыть положенныя при немъ вещи. Мало того: углубившись на двѣ сажени въ землю, нужно искать кости погребеннаго не прямо противъ центра насыпи, какъ это бываетъ въ большинствѣ кургановъ, а въ сводѣ, устроенномъ сбоку отъ центра, именно къ сѣверу. Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что самый цѣлесообразный способъ раскопки кургановъ указанной мѣстности будетъ состоять въ разработкѣ ихъ по сектору и, притомъ, такимъ образомъ, чтобы основаніе его приходилось на сѣверъ, а вершина на югъ. Однако, не зная напередъ способа погребенія жившихъ въ данной мѣстности народовъ, я разрылъ первый изъ намѣченныхъ кургановъ глухой траншеей; зато второй—прямымъ треугольникомъ, основаніемъ на западъ, а вершиной на востокъ. Внѣшній осмотръ кургановъ и послѣдовательный ходъ ихъ раскопки показалъ слѣдующее.

Курганъ первый, безъ названія, находится въ открытой степи, въ двухъ съ половиной верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы, за рѣкой Бѣлозеркой, по направленію къ сѣверо-западу; въ окружности имѣетъ 35 саж., черезъ вершину $10^1/_2$ саж., покрытъ дерномъ и состоитъ изъ земляной насыпи, безъ камней внутри и въ основаніи; раскопанъ широкой траншеей въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку, длины 16 аршинъ, ширины 8 аршинъ. Всѣхъ слоевъ земли (иначе — «штыховъ» или четвертей) снято пять, послѣ чего открыто черное пятно, соотвѣтствующее обыкновенной могильной ямѣ, въ которой хоронятъ покойниковъ и въ наше время. Въ первомъ слоѣ снятой земли вырыто нѣсколько лошадиныхъ костей, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; во второмъ слоѣ снятой земли найдены черепокъ разбитаго горшка, кости суслика, кости гнилаго дерева и два ребра человѣческаго скелета. Въ третьемъ слоѣ найдены: кость лошади, небольшой обломокъ деревянной доски и въ самомъ центрѣ кургана—скелетъ человѣка, положенный

на спину, по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, длины два съ половиной аршина, съ руками, протянутыми вдоль боковъ («по швамъ») и съ небольшой кучкой золы у праваго плеча; подъ скелетомъ найдена деревянная лѣстница, длины 3 аршина, съ пятью поперечными перекладинами, замѣнявшая собою нижнюю доску гроба, а поверхъ скелета остатки тонкой доски, обитой небольшими желѣзными гвоздями, очень грубой работы. Послѣ разработки земли около скелета, оказалось, что у ногъ его стоялъ большой желѣзный котелокъ, кованной работы, на подобіе жаровни, полтора аршина въ діаметрѣ, съ толстой желѣзной ручкой, въ четверть длины. Самый скелетъ, къ великому сожалѣнію, оказался испорченнымъ: голова совсѣмъ была отдѣлена отъ позвонковъ и въ двухъ мѣстахъ проверчена буравомъ. Это обстоятельство показываетъ, что курганъ уже былъ тронутъ кладоискателями: жажда золота и мертвымъ не даетъ покоя!.. Судя по уцѣлѣвшимъ обломкамъ, черепъ былъ весьма оригинальной конструкціи: всего больше достойна вниманія въ немъ затылочная часть: она имѣетъ полторы четверти длины и сравнительно со лбомъ кажется черезчуръ непомѣрной. За четвертымъ слоемъ слѣдовалъ пятый, а за пятымъ—черное пятно. Послѣднее открыто въ самомъ центрѣ кургана, формы овала, въ діаметрѣ шесть аршинъ. При разработкѣ чернаго пятна, на глубинѣ двухъ аршинъ, къ западной окраинѣ, найдены кости переднихъ ногъ лошади, сложенныя крестообразно, одна на другую; соотвѣтственно переднимъ, къ восточной окраинѣ пятна найдены кости заднихъ ногъ лошади и возлѣ нихъ двѣ латиновыя стрѣлки вмѣстѣ съ обломками небольшаго желѣзнаго дротика или метательнаго копья, полаго внутри. Ниже двухъ аршинъ черное пятно стало уменьшаться, а потомъ совсѣмъ исчезло, послѣ чего въ сѣверной окраинѣ его обнаружился сводъ, въ видѣ правильно устроеннаго устья печи, заложеннаго желтой глиной. Въ очищенномъ отъ глины сводѣ найденъ былъ другой скелетъ человѣка, положенный въ направленіи отъ запада къ востоку, лицомъ вверхъ, съ руками, протянутыми по-надъ боками, съ ногами только до

колѣнъ и съ черепомъ обыкновенныхъ размѣровъ, но безъ девяти зубовъ въ верхней челюсти. У изголовья скелета былъ вбитъ толстый деревянный столбъ, подъ спину были положены три небольшихъ дубовыхъ перекладины, а у ногъ скелета былъ воткнутъ желѣзный кинжалъ съ маленькой деревянной ручкой. Ниже втораго скелета, на глубинѣ двухъ саженъ отъ поверхности кургана, найденъ третій скелетъ человѣка, положенный въ томъ же направленіи, какъ и второй, но безъ головы. При третьемъ скелетѣ также, какъ и при второмъ, не найдено ничего, кромѣ небольшихъ обломковъ желѣзнаго копья. Неполнота двухъ послѣднихъ скелетовъ заставляетъ думать, что мы имѣли дѣло, если не съ убитыми въ сраженіи, то съ покойниками, погребенными по частямъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ черномъ пятнѣ не было ограбленія ни со стороны людей, ни со стороны сусликовъ или хомяковъ, которые, забираясь въ курганы и выкапывая въ нихъ норы, перетаскивали съ мѣста на мѣсто попадавшіяся по пути вещи и тѣмъ портили построеніе могилы.

Курганъ второй, безъ названія, находится на разстояніи пятнадцати саженъ отъ перваго кургана, по направленію къ востоку, въ окружности имѣетъ 27 саж., черезъ вершину $9^1/_2$ саж., покрытъ дерномъ и состоитъ изъ земляной насыпи безъ камней внутри и въ основаніи; разрытъ треугольникомъ, основаніемъ на западъ, вершиной на востокъ, длиною въ $5^1/_2$ саж. въ каждой линіи. Всѣхъ слоевъ земли снято четыре, послѣ чего открыто черное пятно, въ самомъ центрѣ кургана, восьми аршинъ въ діаметрѣ. При разработкѣ кургана во всѣхъ четырехъ слояхъ не найдено ничего, кромѣ черепковъ разбитаго горшка, повидимому, позднѣйшей обработки, и полнаго скелета хомяка. Черное пятно, кромѣ земли, совсѣмъ не имѣло ничего; по снятіи земли, въ немъ обнаружился, въ сѣверной окраинѣ, сводъ, въ который вели двѣ ступеньки. Основаніе свода оказалось гладко выровненнымъ и смазаннымъ красною глиной, отъ свода отдѣлялись три небольшихъ хода къ востоку, западу и сѣверу, изъ которыхъ два первые оказались пустыми, а по-

слѣдній скрывалъ въ себѣ скелетъ человѣка. Скелетъ положенъ былъ лицомъ вверхъ, съ открытымъ ртомъ, по направленію отъ запада къ востоку, съ руками, протянутыми по-надъ боками, безъ кисти правой руки, съ ногами, сложенными крестообразно одна на другую, правая на лѣвую, около самыхъ ступней. Скелетъ имѣлъ два съ половиной аршина длины, въ правую руку его было вложено 46 патиновыхъ стрѣлъ разной величины и формы, которыя находились, повидимому, въ деревянномъ колчанѣ изъ березовой коры. При обработкѣ скелета оказалось, что у изголовья его, съ обѣихъ сторонъ, параллельно черепу, положено было по одной небольшой птичьей кости, а подъ правую ногу, также параллельно кости, положенъ былъ одинъ палецъ отрубленной правой руки. Весь скелетъ лежалъ на гладко выровненномъ и устланномъ березовой корой сводѣ. Черепъ скелета обыкновенныхъ размѣровъ; въ немъ можно отмѣтить лишь прекрасно сохранившіеся зубы, по 16-ти въ каждой челюсти; затѣмъ особенно раздвинутыя отверстія глазъ и очень высоко поднятую носовую кость. При дальнѣйшей обработкѣ скелета найденъ желѣзный дротикъ и метательное копье, полъаршина длины, пустое въ срединѣ, положенное у лѣваго плеча скелета подъ угломъ, а около дротика толстое желѣзное копье; выше дротика и. копья, у изголовья скелета, найдены кости лошади вмѣстѣ съ остатками деревяннаго сѣдла, обложеннаго по краямъ тонкою желѣзною пластинкою, которая была прибита къ древесинѣ небольшими желѣзными гвоздиками.

Курганы славянскіе—рѣдкое явленіе въ новороссійскомъ краѣ; оно и понятно: Новороссія не была селищемъ славянъ, здѣсь славяне только случайно, во время походовъ противъ тюрко-татаръ, проходили и случайно хоронили въ курганахъ своихъ соплеменниковъ; такіе курганы должны быть близъ Днѣпра, противъ пороговъ и на различныхъ островахъ его, такъ какъ Днѣпръ въ самыя далекія времена служилъ естественнымъ путемъ изъ «Варягъ въ Царьградъ» для русскихъ славянъ: проѣзжая по Днѣпру, нѣкоторые изъ нихъ умирали или отъ болѣз-

ней или отъ схватокъ съ враждебными племенами, и тогда покойниковъ должны были хоронить въ курганахъ тутъ же, на берегахъ или на островахъ; возстановить, однако, типъ подобныхъ кургановъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ ихъ никто еще не искалъ и не занимался ими. Изъ похоронъ сѣверянъ видно, что славяне хоронили своихъ покойниковъ частію на общихъ кладбищахъ, частію на частныхъ мѣстахъ, тѣло заворачивали въ берестъ или вкладывали въ гробъ и хоронили всего чаще по линіи горизонта, трупъ клали головой на сѣверъ съ руками протянутыми вдоль скелета, или головой на югъ съ руками на правой или лѣвой щекѣ; около покойника ставили сосуды съ жжеными костьми, иногда скелетъ лошади съ удилами въ зубахъ, съ сѣдлами и стременами около скелета или на немъ, со множествомъ разнаго рода вещей, наконецъ умершаго или хоронили или сожигали [1]). А какъ происходило трупосожжене умершихъ славянъ, это показываетъ писатель половины X столѣтія по Р. Х. Ибнъ-Фадланъ.

Ибнъ-Фадланъ пріѣзжалъ въ означенное время къ болгарамъ, жившимъ нѣкогда на средней Волгѣ и ея притокѣ Камѣ, чтобы укрѣпить ихъ въ мусульманской вѣрѣ, только что принятой ими, видѣлъ нашихъ предковъ, русскихъ славянъ, пріѣзжавшихъ на Волгу съ торговыми цѣлями, присутствовалъ при погребеніи одного умершаго изъ знатныхъ особъ и описалъ эту церемонію въ такихъ словахъ. Сперва умершаго положили въ саванѣ въ могилу, поставили туда горячительный напитокъ, плоды и лютню, могилу накрыли крышкой, крышку присыпали землей и оставили въ такомъ видѣ покойника на десять дней; потомъ занялись кройкою и шитьемъ его одежды; это дѣлается такъ: для бѣднаго человѣка устраиваютъ судно, кладутъ его туда и сожигаютъ, а съ богатымъ поступаютъ иначе: собираютъ все его имущество и раздѣляютъ на три части—треть даютъ семьѣ умершаго, за треть кроятъ ему одежду, а на треть покупаютъ горячій напитокъ для поминокъ

[1]) Д. Я. Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи.

(отъ слова *три*, думаютъ, произошло и слово *тризна*). Послѣ этого, по существовавшему обычаю, семья умершаго обращалась къ дѣвушкамъ и мальчикамъ, не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ добровольно умереть съ покойникомъ; охотница всегда находилась: и разъ она соглашалась, возврата назадъ для нея не было. Тогда ей назначали двухъ прислужницъ, чтобъ онѣ стерегли ее и мыли ей своими руками ноги; дѣвушка-же ходила вездѣ, каждый день пѣла, веселилась и радовалась, до тѣхъ поръ, пока шилось платье и готовилось все нужное для покойника. Между тѣмъ въ назначенный для похоронъ день около рѣки ставили приготовленное для покойника судно, поднимали его на четыре подпоры, ставили около него огромныя деревянныя изображенія и ходили взадъ и впередъ и говорили какія-то слова; покойникъ пока оставался въ землѣ; затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно, покрыли вышитыми коврами, дорогими тканями и подушками; послѣ этого отправились къ могилѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, очистили землю, приняли крышку и вынули вмѣстѣ съ саваномъ изъ ямы покойника,—онъ казался почернѣвшимъ отъ холода; вмѣстѣ съ покойникомъ вынули изъ могилы горячительный напитокъ, плоды и лютню; тогда надѣли на него широкія шаровары, носки, сапоги, куртку, кафтанъ изъ дорогой матеріи съ золотыми пуговицами и шапку изъ такой же матеріи съ соболемъ, отнесли къ палаткѣ, сдѣланной въ суднѣ, посадили его на коверъ и подперли подушками; принесли горячительный напитокъ, плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо и лукъ и положили къ нему; принесли собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно; принесли оружіе и положили о бокъ его; привели двухъ лошадей, гоняли ихъ до пота, разрубили мечами и бросили въ судно; пригнали двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; принесли курицу и пѣтуха, зарѣзали ихъ и бросили туда же. Между тѣмъ дѣвушка, согласившаяся добровольно умереть съ господиномъ, ходила отъ палатки къ палаткѣ ближайшихъ родственниковъ умершаго и прощалась съ ними... «Скажи твоему господину, что я сдѣлалъ это по любви къ тебѣ». Въ пятницу, когда

наступало время между полуднемъ и заходомъ солнца, дѣвушку повели къ чему-то, сдѣланному на подобіе карниза у дверей. тутъ она поставила свои ноги на руки мужчинъ, поднялась на карнизъ и сказала: «здѣсь вижу я отца моего и мать мою»; тогда ее спустили, повели къ другому карнизу: она поднялась вторично и сказала: «вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими»: ее опять спустили, повели къ третьему карнизу; она поднялась въ третій разъ и сказала: «вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай этотъ прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики, онъ зоветъ меня, посему ведите меня къ нему». Дѣвушку повели къ судну; здѣсь она сняла съ себя запястья и подала старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти, черной, толстой, съ лютымъ видомъ; затѣмъ сняла ножные обручи и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, служившимъ ей и называвшимся дочерьми старухи ангела смерти; далѣе дѣвушку подняли на судно и оставили около палатки стоявшей тамъ; тутъ пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку съ горячительнымъ напиткомъ; она пропѣла надъ ней пѣсню и выпила напитокъ; этимъ она прощалась съ своими подругами; послѣ этого ей дали другую кружку, она взяла ее въ руки и запѣла длинную пѣсню; старуха же торопила ее выпить кружку и идти въ палатку къ своему господину: она колебалась и всунула голову между палаткой и судномъ: тогда старуха взяла ее за голову, ввела въ палатку и сама вошла съ ней; тутъ мужчины начали стучать палками по щитамъ, чтобъ не были слышны звуки ея криковъ и чтобъ эти крики не удержали другихъ дѣвушекъ, когда имъ нужно будетъ умирать со своими господами; затѣмъ въ палатку вошли шесть человѣкъ, простились съ дѣвушкой, простерли ее о бокъ съ умершимъ господиномъ, двое изъ нихъ схватили ее за ноги, двое за руки, старуха ангелъ смерти обвила ей вокругъ шеи веревку и противоположные концы ея подала двумъ мужчинамъ, чтобъ они тянули ихъ въ разныя стороны, сама же подошла къ дѣвушкѣ съ большимъ широколиннымъ кинжаломъ и начала то вонзать его между реберъ, то вынимать, а двое

мужчинъ, державшіе концы веревки, душили дѣвушку, пока она не умерла. Тогда задушенную дѣвушку положили рядомъ съ ея господиномъ, подъ судно набросали дровъ, и тутъ являлся ближайшій родственникъ умершаго безъ платья, нагой; онъ бралъ кусокъ дерева, зажигалъ его, подходилъ спиной къ судну и поджигалъ подъ судномъ дрова; за нимъ подходили другіе люди, съ лучинами и дровами; каждый изъ нихъ несъ зажженный кусокъ дерева и бросалъ его подъ дрова судна; тогда огонь охватывалъ дрова, судно, палатку съ мужчиной, дѣвушкой и всѣмъ, что при нихъ было, и скоро пожиралъ все это и превращалъ въ пепелъ; сожженіе дѣлалось въ виду того, чтобы дорогаго и милѣйшаго покойника не бросать въ землю и не предавать его на съѣденіе пресмыкающимся и червямъ. Наконецъ въ заключеніе всего руссы воздвигали на мѣстѣ стоянки судна, когда его вытащили изъ рѣки, что-то подобное круглому *холму*, въ средину его поставили большое буковое или березовое дерево, написали на немъ имя умершаго господина и имя русскаго царя и удалились [1]).

Единственнымъ образцомъ славянскаго кургана для насъ можетъ служить, если только мы въ томъ сильно не ошибаемся [2]), курганъ близъ села Вольнаго у праваго берега рѣки Самары, вскрытый лично нами три года тому назадъ. Курганъ находился на разстояніи двухъ верстъ къ югу отъ усадьбы владѣльца А. А. Короленка и по внѣшнему виду представлялъ изъ себя небольшую, какъ бы расползшуюся съ приподнятой вершиной могилу, состоявшую изъ одной земляной насыпи и имѣвшую кругомъ десять, а черезъ вершину шесть саженъ. Послойная роскопка этого кургана привела къ слѣдующимъ результатамъ. Въ первомъ слоѣ кургана найденъ былъ скелетъ человѣка, головой

---

[1]) А. Я. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, Спб., 1870. 96—101.

[2]) По крайней мѣрѣ, и Д. Я. Самоквасовъ, какъ кажется, склоненъ подобнаго рода курганы относить къ славянскимъ курганамъ. См. Могильныя древности александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, Одесса, 1883, 18.

на востокъ, ногами на западъ, съ небольшимъ землянистаго цвѣта горшкомъ на лѣвомъ плечѣ; послѣдующіе три слоя оказались пустыми; ниже этихъ трехъ пустыхъ слоевъ найдено черное пятно и въ немъ три человѣческихъ скелета, погребенныхъ посредствомъ трупосожженія. Главный изъ этихъ скелетовъ, длины два съ половиной аршина, лежалъ головой на сѣверо-западъ, ногами на юго-востокъ, лицомъ вверхъ, съ правой рукой, закинутой черезъ лицо къ лѣвому уху (покойникъ точно спитъ, закрывши лицо рукой) и съ лѣвой рукой, протянутой вдоль лѣваго бока. Сверхъ скелета и по бокамъ его найдены остатки тонкихъ досокъ, которыми онъ, видимо, былъ прикрытъ во время похоронъ. При разборкѣ скелета у самаго затылка его найдено было небольшое бронзовое кольцо, обложенное съ лицевой стороны тонкой пластинкой золота, у лѣваго плеча найдены одиннадцать бронзовыхъ полуколецъ, подобныхъ тѣмъ, которыя вдѣваютъ въ простыя дуги, также съ лицевой стороны обложенныхъ тонкими пластинками золота, съ двумя дырочками на каждомъ концѣ полукольца; далѣе найденъ желѣзный дротикъ съ полусгнившей деревянной ручкой, янтарная бусинка, большая бронзовая пряжка съ ушкомъ на самой срединѣ ея, стоявшая ребромъ въ землю, и наконецъ на три вершка выше пальцевъ лѣвой руки другой желѣзный дротикъ, нѣсколько меньше перваго. Видимо около лѣваго плеча скелета зарытъ былъ колчанъ, окованный одиннадцатью бронзовыми съ накладнымъ золотомъ полукольцами, и въ колчанъ вложенъ былъ дротикъ для стрѣльбы. Весь скелетъ, благодаря слабому дѣйствію огня, сохранился удивительно хорошо: это— человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ прекрасно сохранившимися зубами, высокимъ развитымъ лбомъ, очень правильнымъ и даже красивымъ черепомъ, которому могутъ позавидовать многіе и въ настоящее время. Подъ первымъ скелетомъ чернаго пятна найдены были еще два скелета, положенные въ томъ же направленіи, какъ и первый: головами на сѣверозападъ, ногами на юговостокъ, но не спинами, а боками внизъ: тотъ, который къ югу, положенъ былъ на лѣвый бокъ, а который къ сѣверу, по-

ложенъ былъ на правый бокъ: головы обоихъ этихъ скелетовъ сходились вмѣстѣ, ноги расходились врозь, такъ что въ общемъ оба скелета представляли изъ себя правильный треугольникъ, вершину котораго составляли головы, а двѣ линіи—ихъ бока: при этомъ руки скелета, лежавшаго къ югу, сложены были вмѣстѣ и протянуты вдоль скелета, а ноги закинуты одна на другую; длина его—три аршина; это—очень крупный человѣкъ съ необыкновенно развитыми позвонками и съ сохранившимся, въ обугленномъ видѣ, въ черепѣ мозгомъ; другой скелетъ едва сохранился и видимо гораздо меньше перваго; на головахъ этихъ послѣднихъ скелетовъ лежала голова перваго.

Курганы памяти насыпались для памяти знаменитыхъ людей: это дѣлалось у татаръ, турокъ, поляковъ и запорожскихъ козаковъ; было въ обычаѣ, гдѣ бы кто ни умеръ и гдѣ бы ни былъ погребенъ, а въ степи въ честь его насыпали большой курганъ, чтобы увѣковѣчить память знаменитаго человѣка [1]). Очевидно, подобные курганы не представляютъ изъ себя ничего погребальнаго и не должны имѣть въ срединѣ своей ни чернаго пятна, ни скелета умершаго человѣка; быть можетъ, къ этому типу кургановъ относится разрытый въ деревнѣ Вороной и описанный выше подъ нумеромъ вторымъ. Такую могилу Ольга соорудила своему мужу Игорю, убитому древлянами: «И повелѣ Олга людемъ съсути могилу велику, и яко съпонши, повелѣ тризну творити» [2]).

Курганы границъ воздвигались въ разныхъ мѣстахъ степи для обозначенія извѣстныхъ урочищъ, поземельныхъ межъ и границъ владѣній между близкими сосѣдями; часто по этимъ курганамъ получали прозвища и урочища; они насыпались татарами или турками и запорожскими козаками или русскими во время утвержденія границъ между государствами [3]), казенными землемѣрами при нарѣзкѣ земель послѣ паденія запорожской Сичи, какъ это можно видѣть изъ любаго владѣльче-

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78.

[2]) Лѣтопись по ипатскому списку, Спб., 1871, 36.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 834.

скаго плана прошлаго столѣтія екатеринославской и херсонской губерній.

Курганы сторожевые насыпались правильной линіей вдоль границъ запорожскихъ владѣній, чтобы съ вершины ихъ слѣдить за движеніями непріятелей, татаръ и турокъ, и заранѣе давать о томъ знать обывателямъ извѣстной мѣстности посредствомъ зажиганія соломы, хворосту или такъ называемыхъ фигуръ, т. е. особо, въ видѣ пирамидъ, одинъ рядъ на другой сложенныхъ бочекъ, осмоленныхъ кругомъ и поставленныхъ около кургановъ. Часто, однако, для сторожевыхъ же цѣлей брались уже курганы, насыпанные многими вѣками раньше появленія въ степи казаковъ; тогда вершина кургана срѣзывалась, на ней дѣлалось углубленія, въ углубленіи иногда ставилась пушка и тутъ же около пушки садился козакъ, который и слѣдилъ за движеніемъ врага.

Курганы боевые насыпались запорожцами и польскими войсками во время продолжительныхъ войнъ, когда приходилось тѣмъ и другимъ стоять лагерями въ виду другъ друга и защищаться отъ нападеній: въ козацкой Украйнѣ для этой цѣли существовалъ особый классъ людей, называвшихся могильниками и замѣнялъ собой теперешнихъ саперовъ; они очень быстро накапывали цѣлые ряды кургановъ противъ вражескаго стана, около кургановъ устраивали въ нѣсколько рядовъ глубокіе рвы, въ видѣ правильныхъ ложементовъ для залеганія стрѣльцовъ и тѣмъ давали возможность козакамъ отсиживаться въ земляныхъ крѣпостяхъ и выдерживать упорное нападеніе; часто въ козацкихъ пѣсняхъ сама могила разсказываетъ, что она «обкипила кровью козацькою и на половину изъ лядською»; подобные курганы малороссы называютъ робленными могилами, каковы у рѣчки Желтыхъ-Водъ на мѣстѣ битвы Богдана Хмельницкаго съ Стефаномъ Потоцкимъ.

Курганы путевые насыпались вдоль большихъ проѣзжихъ трактовъ для того, чтобы дать возможность путникамъ, особенно въ зимнее время, не сбиться съ дороги; степь—море; въ ней и

въ лѣтнее время легко потеряться и блукать нѣсколько дней безъ конца и безъ края; оттого вдоль главныхъ дорогъ степей въ самыя отдаленныя отъ насъ времена насыпались земляные холмы, служившіе указателями караванамъ, двигавшимся черезъ степь въ населенныя мѣста [1]).

Курганы телеграфные воздвигались уже въ наше время, во время севастопольской войны, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ; образцы ихъ можно видѣть въ херсонской губерніи, вдоль рѣки Буга; это огромныя сооруженія съ каменными строеніями на самой вершинѣ, поставленныя въ линію; съ нихъ, посредствомъ особыхъ знаковъ, давалось знать о томъ или другомъ направленіи отдѣльныхъ отрядовъ русской арміи, такъ что эти курганы съ ихъ каменными строеніями замѣняли въ то время настоящіе телеграфы.

Для археологіи имѣютъ значеніе только курганы погребальные, т. е. изъ одиннадцати насчитанныхъ нами видовъ кургановъ, лишь первые шесть—курганы каменнаго, бронзоваго вѣка, курганы скиѳскіе, тюрско-татарскіе, славянскіе и курганы памяти. Что же они даютъ археологіи? «Курганы хранятъ въ себѣ драгоцѣнные матерьялы для всей науки древности: они могутъ неопровержимымъ фактомъ свидѣтельствовать о бытѣ, характерѣ народа, степени матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и художественнаго развитія его, самостоятельности его культуры или зависимости отъ другихъ болѣе образованныхъ племенъ, военныхъ и мирныхъ связяхъ народа и т. п. Выступая въ большинствѣ случаевъ съ характеромъ самостоятельнаго свидѣтельства, курганы представляютъ и надежный повѣрочный и объяснительный матеріалъ того, что извѣстно изъ другихъ свидѣтельствъ и что требуетъ ближайшаго объясненія или подтвержденія» [2]). Въ частности находки кургановъ даютъ указанія на предѣлы разселеній извѣстнаго народа, на его физическое

---

[1]) Люценко, Труды III археологическаго съѣзда, Кіевъ, 1878, 199.

[2]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, Москва, 1868, 155.

строеніе, особенности и ростъ тѣла, на его предметы вѣрованія, вооруженіе, конскую сбрую, одежду, убранства, украшенія, предметы земледѣлія, домашняго быта, т. е. утвари и хозяйства: на его предметы торговли, ремеслъ, виды хлѣбныхъ растеній, породы дикихъ звѣрей, домашнихъ животныхъ и время ихъ прирученія; большинство изъ этихъ ископаемыхъ предметовъ древностей ничѣмъ другимъ незамѣнимо; какъ бы подробно ни описывалъ лѣтописецъ, хронистъ или историкъ обстановку извѣстнаго народа, но ни одно изъ описаній не дастъ того, что дадутъ самые предметы, сохранившіеся отъ народа до нашего времени; описаніе можетъ вызвать ложныя представленія о предметѣ, а самый видъ его—исправить ложное представленіе и закрѣпить въ воображеніи человѣка; къ тому же бытъ каждаго народа описанъ далеко не во всѣхъ подробностяхъ, да и далеко не всѣ народы имѣли своихъ бытописателей; сама исторія является гораздо позже появленія народовъ; для исторіи остается громадный пробѣлъ доисторическихъ временъ, который и пополняетъ наука о древностяхъ, археологія.

Д. И. Эварницкій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ

И

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова. Надеждинская, 39.
1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее изданіе вошли одиннадцать очерковъ, относящихся къ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края; изъ нихъ одна часть была напечатана въ видѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, другая только была приготовлена къ печати; къ одиннадцати отдѣльнымъ очеркамъ приложено двѣнадцать дѣлъ, прямо или косвенно касающихся исторіи бывшаго запорожскаго края. Изъ одиннадцати очерковъ первый—Иванъ Максимовичъ Синельниковъ—печатается въ третій разъ, чтó вполнѣ зависѣло отъ матеріала, который авторъ постепенно получалъ для біографіи И. М. Синельникова: въ первый разъ авторъ располагалъ матеріаломъ, доставленнымъ ему Алексѣемъ Васильевичемъ Васильевымъ; во второй разъ онъ имѣлъ подъ рукой дневникъ Александра Васильевича Страхова, свойственника Синельникова, и въ третій разъ онъ пользовался свѣдѣніями, добытыми изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, настоящаго представителя, по мужской линіи, поколѣнія И. М. Синельникова. Авторъ съ большой охотой останавливался на личности «перваго екатеринославскаго правителя», такъ какъ эта

личность представляется ему во всѣхъ отношеніяхъ симпатичной: дѣльный, честный, умный и разсудительный, Синельниковъ дѣйствительно былъ «правой рукой свѣтлѣйшаго» при устройствѣ имъ новороссійскаго края. Въ очеркѣ авторъ не высказываетъ Синельникову ни похвалы, ни порицанія, заставляя говорить за себя факты. Изъ остальныхъ очерковъ въ третій разъ печатается «Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ»; въ первый разъ этотъ очеркъ былъ напечатанъ по русски; во второй разъ неизвѣстнымъ автору В. Сѣчевикомъ—по галицки, въ журналѣ «Зоря» 1889 года, и въ третій разъ, въ исправленномъ и пополненномъ видѣ, въ настоящемъ изданіи. За переводомъ встрѣчавшихся въ очеркахъ турецкихъ и татарскихъ словъ авторъ обращался къ спеціалисту турецко-татарскихъ языковъ, профессору императорскаго с.-петербургскаго университета, Василію Дмитріевичу Смирнову, которому и выражаетъ свою полную признательность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Иванъ Максимовичъ
Синельниковъ.

Доз. ценз. Спб., 4 Нояб. 1889 г. Тип. Н. Скороходова, Надеж., 39.

I.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель, 1784—1788 г.[1]

Дворянскій родъ Синельниковыхъ становится документально извѣстнымъ со второй половины XVII вѣка. Изъ «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи»[2] мы узнаемъ первѣе всего о Өедорѣ Акимовичѣ Синельниковѣ и тутъ же находимъ описаніе герба Синельниковыхъ: въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле, крестообразно изображены серебряная сабля, копье и шпага, обращенныя острыми концами вверхъ: щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною; наметъ на щитѣ голубой, подложенный серебромъ. Въ «Сыскныхъ и отказныхъ книгахъ 7200 года до Р. Х. или 1692 года по Р. Х.» мы находимъ, что, по указу царей Ивана и Петра Алексѣевичей, «Өедоръ Акимовъ Синельниковъ верстанъ помѣстнымъ окладомъ» воронежской губерніи, полатовскаго уѣзда (теперь бирючинскаго) подъ большою яругою и большимъ полатовскимъ лѣсомъ въ деревнѣ Старой-Пузиной.

«Въ 7200 году находился въ бывшемъ городѣ Полатовѣ въ приказѣ изъ дѣтей боярскихъ Өедоръ Акимовъ сынъ Синельни-

---

[1]) По фамильнымъ бумагамъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, матерьяламъ Алексѣя Васильевича Васильева и печатнымъ даннымъ.

[2]) Часть VIII, отдѣленіе I, стр. 124.

ковъ, сынъ боярскій; денежный окладъ ему пять рублей да земли двѣсти четвертей и третій жеребій мельницы на рѣчкѣ Мосеѣ обще съ полатовцемъ Евтихіемъ Ждановымъ» [1]). Изъ фамильныхъ же документовъ теперешнихъ Синельниковыхъ видно, что у Ѳедора Акимовича былъ старшій сынъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, у Ѳедора Ѳедоровича — Максимъ Ѳедоровичъ, а у Максима Ѳедоровича—два сына Иванъ Максимовичъ и Алексѣй Максимовичъ. Максимъ Ѳедоровичъ считался небогатымъ помѣщикомъ воронежской губерніи, служилъ сперва въ военной службѣ, потомъ въ статской секретаремъ валуйской провинціальной канцеляріи и только впослѣдствіи (1781 года, 3 сентября), чрезъ своего сына и по представленію князя Г. А. Потемкина, получилъ мѣсто прокурора въ верхнемъ земскомъ судѣ и сразу чинъ надворнаго совѣтника.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ родился въ 1741 году, воспитаніе получилъ домашнее [2]) и началъ свою службу при отцѣ, въ должности повытчика той же валуйской канцеляріи. Но статская служба не нравилась ему, и онъ нѣсколько разъ просилъ позволенія у отца поступить въ военную службу. Отецъ всякій разъ отказывалъ сыну; сынъ, однако, настаивилъ на своемъ и въ концѣ концовъ успѣлъ привести въ исполненіе свое желаніе. Онъ воспользовался временнымъ пребываніемъ въ валуйскомъ уѣздѣ графа Петра Антоновича Девіера, въ свое время пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора Петра III. Узнавъ, что графъ Девіеръ располагалъ уѣхать изъ имѣнія въ Петербургъ, Иванъ Максимовичъ неожиданно явился къ нему и обратился съ усердною просьбой взять его съ собой въ Петербургъ для поступленія въ полкъ. Девіеръ благосклонно выслушалъ просьбу Синельникова и согласился взять его съ собой. Но, по пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Девіеръ почелъ за лучшее отправить Синельникова въ военную службу на югъ. От-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Въ формулярномъ спискѣ И. М. Синельникова 1782 года показано: «по россійски читать и писать умѣетъ».

пуская отъ себя Синельникова, графъ Девіеръ далъ ему на прощанье письмо къ своему пріятелю, генералъ-маіору Христофору Өедоровичу Штофельну. Генералъ Штофельнъ командовалъ кавалерійскими полками на такъ называемой днѣпровской линіи, отъ Бѣлевской крѣпости [1]) до крѣпости Александровской на Днѣпрѣ [2]), имѣя свою штабъ-квартиру въ крѣпости Козловской [3]).

Синельниковъ явился къ генералу Штофельну и былъ принятъ имъ на службу ротнымъ писаремъ. Это было 1761 года 23 мая; въ этомъ же году Синельниковъ произведенъ былъ сперва каптенармусомъ, потомъ вахмистромъ, а въ слѣдующемъ 1762 году генералъ Штофельнъ назначилъ его своимъ «флигель-адъютантомъ полковничьяго ранга» для разныхъ при своей особѣ порученій. Синельниковъ исполнялъ эту должность адъютанта до 1764 года, когда получилъ чинъ поручика.

Сдѣлавшись поручикомъ, И. М. Синельниковъ изъявилъ желаніе поступить во фронтъ и, вопреки настояній генерала Штофельна, обѣщавшаго ему свою протекцію, перешелъ въ ямбургскій карабинерный полкъ, состоявшій подъ командою графа Богдана Антоновича де-Бальмена. Здѣсь 1 января 1764 года онъ былъ произведенъ въ чинъ ротмистра, послѣ чего, не переходя изъ этого полка, числясь въ немъ оффиціально, получилъ въ командованіе донецкій пикинерный полкъ «для искорененія въ немъ своеправія». Дѣло объясняется тѣмъ, что донецкій пикинерный полкъ, стоя въ 1769 году на зимнихъ квартирахъ, взбунтовался противъ своего начальства: онъ не хотѣлъ принимать названія пикинернаго, не сталъ повиноваться своимъ начальникамъ и оставилъ ввѣренный ему постъ противъ непріятеля. Синельникову предписано было, чтобъ онъ «всячески постарался возбудить прежнюю россійскихъ воиновъ къ своему монарху и отечеству верность и усердіе, употребить при первомъ случаѣ въ

---

[1]) Теперь Константиноградъ полтавской губерніи.

[2]) Теперь городъ Александровскъ екатеринославской губ.

[3]) Теперь село того же имени.

нынѣ наставшую войну въ храбромъ сраженіи съ непріятелемъ такой ихъ проступокъ и большое прегрѣшеніе омыть своею кровію» [1]). Назначеніе Синельникова въ донецкій пикинерный полкъ состоялось по распоряженію бывшаго предводителя 2 арміи генералъ-аншефа графа П. И. Панина.

Въ 1770 году Синельниковъ принималъ участіе въ наставшей въ то время первой русско-турецкой войнѣ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Романіуса. Командуя донецкимъ пикинернымъ полкомъ, Синельниковъ храбро сражался подъ Перекопомъ и Колончакомъ, за что въ слѣдующемъ году произведенъ въ премьеръ-маіоры. Въ томъ же году былъ при взятіи Перекопа, переходѣ русскихъ черезъ Сивашъ, покореніи Кафы и поискахъ непріятеля въ горахъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика князя Прозоровскаго. Храбрые подвиги Синельникова въ эту войну засвидѣтельствованы аттестаціями его командировъ, генералъ-поручика Романіуса и генералъ-маіора князя Прозоровскаго. «1771 года августа дня данъ ямбургского карабинерного полку, господину премеръ-маиору Ивану Синелникову втомъ, что оной с полкомъ донецкимъ пикинернымъ всю прошлую компанію находясь у меня вкомандѣ велъ себя добро порядочно и на бывшихъ подъ Перекопомъ июля 19 и 24 сраженіяхъ равно и сентября 24 числа, когда я отряженъ былъ со особливымъ деташементомъ къ преследованію хана идущаго изъ Очакова чрезъ Кинбурнъ, в Перекопъ, неустрашимостію своею не одинъ разъ отличалъ себя храбро и предпріимчиво, и что сей полкъ первую компанію служилъ безъ всякой регулы козаками и не хотя принять названія пикинерного в зимнія свои квартиры бунтовалъ; то оный маиоръ опредѣленъ будучи прошлого 1770 году в февралѣ мѣсяцѣ по особливой ево Синелникова способности бывшимъ предводителемъ второй арміи господиномъ генералъ аншефомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ недоволно что истребилъ изъ нихъ своеправие, но и в столь короткое время тру-

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

дами своими, не имея у себя ни единого изъ регулярныхъ помощника, сформируя ихъ по отряду регулярного войска и обмундировавъ по данному отъ его сиятелства образцу: довелъ до такого состоянія и исправности, что оной полкъ в делѣ противъ неприятеля равными с прочими регулярными войсками; и исполняя данное ему от помянутого бывшего предводителя особливое повеленіе, чтоб оной полкъ вину свою заслужилъ предъ ея императорскимъ величествомъ кровію: то сей маиоръ Синелниковъ столько былъ усерденъ оправдать ихъ проступокъ храбрымъ ополченіемъ выраженный, что нередко подвергалъ себя опасностямъ, а колми паче во второе сраженіе, когда полкъ ево окруженъ былъ великими толпами, в глазахъ моихъ самъ рубилъ двухъ турокъ, и всемъ далъ образецъ симъ новымъ людямъ удержать свое мѣсто и прогнать непріятеля с пораженіемъ; о чемъ от меня тогда и х командѣ засвидѣтельствовано. Генералъ поручикъ Аврамъ Романіусъ» [1]). Но самъ Синельниковъ приписывалъ подвиги на войнѣ не себѣ лично, а своему полку, для котораго онъ усердно хлопоталъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи. И его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. О храбрыхъ поступкахъ донецкаго пикинернаго полка, подъ руководствомъ премьеръ-маіора Ивана Синельникова, донесено было въ 1772 году 9 ноября въ военную коллегію сперва генералъ поручикомъ Бергомъ, а потомъ генералъ-аншефомъ княземъ Долгорукимъ. «Соображая нынѣшнѣе ихъ известное состояніе, скоторымъ действително уже сопряжено совершеннѣйшее ихъ повиновеніе и по долгу верноподданической своей присяги, кслужбе усердіе, а того болше подкрепивъ его премеръ маиора упованіе безпрестанно изливающимся природнымъ вашего императорскаго величества человеколюбіемъ и безпримѣрнымъ к подданнымъ своимъ милосердіемъ, осмѣливается онъ поставить себѣ прямымъ долгомъ к поощренію ихъ службѣ, а кольми паче офицеровъ, которые раздѣляютъ с нимъ маіоромъ труды, а наименше, чтобъ во оной и впредь охотнѣе входить могли вольноопределяю-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

щіяся благородные люди, исходатайствовать оному полку отъ высочайшей воли вашего императорскаго величества прощенія.» Изъ военной коллегіи просьба была передана на высочайшее имя императрицѣ Екатеринѣ II. Императрица, прочитавъ донесеніе военной коллегіи, отвѣтила всемилостивѣйшимъ прощеніемъ: «Богъ проститъ, 4 ноября, 1772 года въ санкпетербурге» [1]).

Будучи премьеръ-маіоромъ, И. М. Синельниковъ избранъ былъ въ 1772 году, 11 марта, валуйскимъ уѣзднымъ дворянствомъ депутатомъ въ коммиссію «для сочиненія проэкта новаго уложенія». За участіе въ этой коммиссіи онъ получилъ депутатскую золотую медаль на золотой цѣпочкѣ для ношенія въ петлицѣ [2]).

Въ 1773 и 1774 годахъ И. М. Синельниковъ продолжалъ службу на Крымскомъ полуостровѣ. Во время прибытія туда турецкаго дессанта и поднятія оружія татарами, на Синельникова возлагались троякія обязанности: командованіе донецкимъ пикинернымъ полкомъ, развѣдываніе черезъ особыхъ военныхъ агентовъ о непріятеляхъ и надзоръ «надъ отдѣльными легкаго войска деташементами» [3]).

Между тѣмъ въ это самое время въ юго-восточной Россіи свирѣпствовалъ Емельянъ Пугачевъ со своею ватагою. Положеніе дѣлъ въ юго-восточномъ краѣ на столько казалось серьезнымъ, что императрица тотчасъ послѣ мира съ Турціей, въ 1774 году, приказала двинуть туда полки. Это приказаніе получилъ и донецкій пикинерный полкъ. Ивану Максимовичу Синельникову велѣно было оставить Крымъ и двинуться въ оренбургскій край «на усмиреніе въ черни мятежа»... Синельниковъ оставилъ Крымъ въ ноябрѣ того же 1774 года и быстро пришелъ къ мѣсту своего назначенія, расположившись штабъ-квартирою въ пригородѣ Тетюшахъ, казанской губерніи, въ домѣ помѣщицы Страховой. Пребываніе въ домѣ Страховой имѣло

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Съ этой медалью Иванъ Максимовичъ изображенъ и на фамильномъ портретѣ.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

для Синельникова то значеніе, что здѣсь ему суждено было найти подругу жизни, въ лицѣ дочери умершаго премьеръ-маіора Василія Михайловича Страхова. Домъ Страховыхъ Синельниковъ нашелъ сперва пустымъ, такъ какъ хозяева его, опасаясь злодѣйствъ со стороны пугачевцевъ, скрылись въ ближайшемъ лѣсу; но потомъ, съ прибытіемъ въ Тетюши полка, Страховы возвратились въ домъ, и тутъ въ 1775 году въ январѣ мѣсяцѣ, къ общему удовольствію гостя и хозяевъ, состоялось бракосочетаніе Ивана Максимовича Синельникова и дѣвицы Авдотьи Васильевны Страховой. Синельникову въ это время было 34 года. Младшій изъ братьевъ А. В. Страховой, Александръ Васильевичъ Страховъ, остался при Синельниковѣ, впослѣдствіи поступилъ къ нему въ полкъ и не разлучался съ нимъ до самой его смерти [1]). Ему мы обязаны первыми свѣдѣніями о жизни И. М. Синельникова.

По усмиреніи мятежа, Синельниковъ весною 1775 года изъ Тетюшъ выступилъ со своимъ полкомъ въ Симбирскъ. Въ Симбирскѣ уже въ то время содержался въ желѣзной клѣткѣ пойманный Емельянъ Пугачевъ. Когда Синельниковъ представился мѣстному губернатору, то послѣдній пригласилъ его взглянуть на страшнаго разбойника. Синельниковъ послѣдовалъ приглашенію и вмѣстѣ съ губернаторомъ вошелъ въ тюрьму, гдѣ содержался Пугачевъ. Но едва онъ показался на порогѣ тюрьмы, какъ Пугачевъ быстро привсталъ съ своего мѣста и громко крикнулъ: «Здравствуй, батюшка Иванъ Максимовичъ!» Оказалось, что Пугачевъ служилъ у Синельникова козакомъ въ Крыму и за дурное поведеніе часто подвергался отъ строгаго маіора разнымъ взысканіямъ.

Изъ Симбирска Синельниковъ пришелъ съ полкомъ въ Саратовъ. Но здѣсь его постигло неожиданное несчастье: онъ былъ арестованъ. Причина этого ареста остается намъ неизвѣстною;

---

[1]) Самъ Александръ Васильевичъ Страховъ скончался въ 1836 году. Черезъ Страховыхъ Синельниковы стали свойственниками съ писателями Державинымъ и Панаевымъ.

въ послужномъ спискѣ Ивана Максимовича на этотъ счетъ стоитъ краткое замѣчаніе. «Въ Саратовѣ находился въ арестованіи и въ препровожденіи изъ Саратова на новоднѣпровскую линію двухъ баталіоновъ, артиллерійскаго и гарнизоннаго». А. В. Страховъ ставитъ этотъ арестъ въ связь съ бунтомъ донецкаго пикинернаго полка. Не зная того, что Синельниковъ состоялъ въ ямбургскомъ карабинерномъ полку и только временно командовалъ донецкимъ пикинернымъ полкомъ; не зная того, что онъ даже способствовалъ усмиренію полка, новое начальство И. М. Синельникова, по словамъ Страхова, получивши императорскую грамоту о прощеніи полка, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, подвергло аресту въ числѣ другихъ офицеровъ и «премьеръ-маіора донецкаго пикинернаго полка Ивана Синельникова». Ему приказано было отправиться на новоднѣпровскую линію въ крѣпость Александровскую и сдать тамъ свой полкъ бригадиру Лалошу.

Видя, что это не больше, какъ ошибка, Иванъ Максимовичъ подалъ просьбу своему начальству, въ которой объяснялъ, что «царское прощеніе до него не можетъ относиться, ибо онъ состоялъ въ ямбургскомъ карабинерномъ полку и, командуя донецкимъ пикинернымъ полкомъ, заслужилъ послѣднему всемилостивѣйшее прощеніе». Просьба Ивана Максимовича была разсмотрѣна, и положеніе его съ этого времени даже улучшилось: въ февралѣ мѣсяцѣ 1775 года онъ былъ произведенъ въ маіоры кинбурнскаго драгунскаго полка, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года въ подполковники астраханскаго драгунскаго полка. Однако, въ астраханскомъ драгунскомъ полку Синельниковъ только числился по списку, въ дѣйствительности же состоялъ въ Бѣлевской крѣпости при азовскомъ губернаторѣ Васильѣ Алексѣевичѣ Чертковѣ, послѣ открытія незадолго предъ этимъ (14 февраля 1775 года) азовской и новороссійской губерніи.

Въ тоже время И. М. Синельниковъ выпросилъ и для своего брата премьеръ-маіора Алексѣя Максимовича Синельникова сперва выше собственнаго имѣнія Николаевки, по правую сторону Днѣпра, 3,359 десятинъ и 361 квад. саж., гдѣ основана была слобода Алексѣевка никопольскаго уѣзда; а потомъ 1,500

десятинъ земли по лѣвую сторону Днѣпра, между Самарскимъ ретраншементомъ и крѣпостью Александровскою, по теченію рѣчки Татарки съ лѣвой стороны, противъ порога Сурскаго, лежащаго въ Днѣпрѣ. На послѣдней землѣ А. М. Синельниковъ основалъ деревню Норовку, впослѣдствіи называвшуюся отъ имени владѣльца Алексѣевкой и въ настоящее время именующуюся Любимовкой [1]).

Въ 1777 году И. М. Синельниковъ состоялъ уже при новороссійскомъ губернаторѣ, генералъ-маіорѣ Матвѣѣ Васильевичѣ Муромцевѣ и, по порученію Муромцева, въ началѣ этого же года открылъ въ городѣ Полтавѣ такъ называемую «провинціальную канцелярію» новороссійскаго края съ правомъ прикомандировать къ ней надлежащій штатъ чиновниковъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что полтавская губернія, по своему географическому положенію, входила въ это время въ составъ новороссійской губерніи, но такъ какъ въ послѣдней еще не было устроено губернскаго города, то канцелярію губерніи велѣно было временно открыть въ городѣ Полтавѣ. Обязанность открытія «провинціальной канцеляріи» и была возложена на И. М. Синельникова, который вмѣстѣ съ этимъ былъ назначенъ воеводою города Полтавы. Осенью этого же года Синельниковъ по порученію того же генералъ-маіора Муромцева, открылъ «провинціальную канцелярію» уже на мѣстѣ бывшей запорожской Сичи, послѣдней по времени, на рѣкѣ Подпильной, въ городкѣ названномъ тогда Покровскомъ, и вмѣстѣ съ этимъ назначенъ былъ командиромъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ это время императрицу Екатерину II и князя Г. А. Потемкина сильно занималъ вопросъ о колонизаціи пустыннаго и ничѣмъ, послѣ паденія запорожской Сичи, незащищеннаго новороссійскаго края. Чтобы заселить край, приказано было принимать отовсюду всякихъ выходцевъ и колонизовать ими пустыя

---

[1]) А. М. Синельниковъ не былъ женатъ и при жизни по духовному завѣщанію передалъ свое имѣніе племяннику Василію Ивановичу Синельникову.

степи, въ особенности черноморскія окраины. Чрезъ князя Потемкина Екатерина II узнала о желаніи переселиться въ предѣлы Россіи грековъ-христіанъ, оставившихъ свою родину, вслѣдствіе притѣсненій со стороны турокъ, въ Архипелагѣ и временно удалившихся въ Крымъ. Императрица изъявила желаніе принять ихъ въ свое подданство и приказала отвести имъ мѣста для поселенія около Азовскаго моря. Переселеніе грековъ-христіанъ изъ Крыма на Азовское побережье она возложила на знаменитаго князя А. В. Суворова, стоявшаго тогда съ полкомъ въ Крыму. Суворовъ, исполняя царское повелѣнье, искалъ себѣ помощниковъ; между другими лицами ему указали и на И. М. Синельникова. Слыша отовсюду похвалы Синельникову, Суворовъ рѣшился остановиться на немъ и поручилъ ему переселеніе грековъ изъ Крыма на указанныя имъ мѣста вмѣстѣ съ обязанностію продовольствія переселенцевъ.

Въ 1778 году для осмотра положенія дѣлъ и успѣховъ колонизаціи въ новороссійскій край выѣхалъ двоюродный братъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Графъ Потемкинъ между прочимъ произвелъ ревизію и у Синельникова; въ его распоряженіяхъ онъ нашелъ «какія-то неисправности» и грозилъ донести объ этомъ князю Потемкину. Синельниковъ тщетно оправдывался независящими отъ него обстоятельствами и подъ конецъ нашелъ нужнымъ ѣхать въ Петербургъ для объясненія дѣлъ самому князю. Но грозившее несчастье обратилось для него въ счастье: Синельниковъ нашелъ себѣ въ Петербургѣ защитника въ лицѣ правителя канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попова и, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то самъ графъ Потемкинъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, рекомендовалъ его князю Потемкину, какъ человѣка честнаго и весьма необходимаго по устройству новороссійскаго края. Князь Потемкинъ давно искалъ такого человѣка и пожелалъ лично видѣть Синельникова. Синельниковъ былъ представленъ свѣтлѣйшему, и съ этихъ поръ роль его въ новороссійскомъ краѣ ясно опредѣлилась: на него возлагались спеціально обязанности колонизаціи и устройства края. Возвра-

тясь изъ Петербурга на югъ, Синельниковъ прежде всего, по данному ему порученію, перевелъ «провинціальную канцелярію» изъ города Покровска, мѣста бывшей Сѣчи, въ бывшее селеніе запорожскихъ козаковъ, Никитино, наименовавъ его, по волѣ князя Никополемъ, т. е. городомъ побѣдъ, и занялся его устройствомъ.

За особое усердіе къ службѣ И. М. Синельниковъ въ 1779 году, 22 сентября, былъ произведенъ въ полковники и получилъ въ командованіе херсонскій пикинерный полкъ, сформированный изъ запорожскихъ козаковъ послѣ разоренія Сѣчи; принявъ его отъ бригадира Маркова въ селеніи Петриковкѣ [1]), И. М. Синельниковъ перевелъ полкъ въ мѣстечко Новый-Кодакъ, лежащій на правомъ берегу Днѣпра, на восемь верстъ выше теперешняго города Екатеринослава.

Уже въ это время, послѣ паденія запорожской Сѣчи, И. М. Синельникову дано было у лѣваго берега рѣки Днѣпра, при устьѣ рѣчки Вороной 6,742 десятины и 288 квадр. саженъ земли [1]); на пожалованной землѣ Синельниковъ основалъ село Васильевку, названную имъ по имени старшаго сына, Василія, съ лѣвой стороны Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога.

«Геометрическій спеціальный планъ азовской губерніи екатеринославскаго уѣзда деревни Васильевки съ принадлежащими къ ней всѣми землями, которыя даны по указу азовской губернской канцеляріи изъ дикопорозжихъ казенныхъ земель во владѣніе полковнику Ивану Максимовову сыну Синельникову, межеваніе учинено въ 1779 году сентября дня, межевщикомъ подпоручикомъ Емельяномъ Тимофѣевымъ, а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ одною окружною межею, по нынѣшней межѣ состоитъ пашенной земли и степи подъ хлѣбопашество способной 4,300 десятинъ, сѣнокосовъ 525 десятинъ, мелкаго лѣсу 135 десятинъ, подъ посе-

[1]) Въ «Вѣдомости 1776 года, учиненной въ азовской губернской канцеляріи», показано 9,374 десятины. См. «Екатеринославскій юбилейный листокъ» 1887 года 16-го апрѣля.

леніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 40 десятинъ, подъ столбовою дорогою, лежащею изъ города Екатеринослава въ крѣпость Александровскую, 45 десятинъ, подъ проселочными дорогами 17 десятинъ, подъ половиною рѣки Днѣпра, рѣчки Вороной, озерами, оврага Ракова 86 десятинъ: подъ бичевникомъ 14 десятинъ, подъ песками и глинистою 858 десятинъ, каменистой и гористой 722 десятины и 288 квадр. саженъ; состоящей же деревни Васильевки податныхъ малороссіянъ мужскаго пола 45 и женска 25 душъ.»

Въ 1780 году И. М. Синельникову пожалованы были новыя земли въ количествѣ 3536 десятинъ и 750 квадр. саж., да особо женѣ его, Авдотьѣ Васильевнѣ Синельниковой, по правую сторону Днѣпра въ соотвѣтствіе съ землями впервые дарованными. Здѣсь, въ 1736 году, во время войны русскихъ съ турками, во всю длину Ненасытецкаго порога, устроенъ былъ Ненасытецкій ретраншементъ, а въ 1741 году у «Ненасытецкаго ретраншемента» возникло уже поселеніе изъ малороссійскихъ козаковъ и крестьянъ [2]). И. М. Синельниковъ далъ этому поселенію названіе села Николаеки, по имени другого своего сына Николая; имѣніе же Авдосьи Васильевны Синельниковой получило названіе деревни Войсковой, потому что населено было остатками запорожскаго войска.

«Геометричаскій специальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Николаевки съ принадлежащими къ ней всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской губернской канцеляріи изъ порозжихъ казенныхъ земель во владѣніе полковнику Ивану Максимову сыну Синельникову, межеваніе учинено 1780 года декабря 15 дня, прапорщикомъ и межевщиковъ Яковомъ Пономаревымъ, а внутри того владѣнія обмежованнаго отъ всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ: степи

---

[1]) Теперь посадъ Новая—Прага, херсонской губерніи.

[2]) Записки одес, общ. ист. и древн., VII, 174, прим. 31; Полное собраніе законовъ, XI, № 8813, 943.

способной къ хлѣбопашеству 3101 десятина, сѣнныхъ покосовъ 30 десятинъ 1000 квадр. саж., подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 3 десятины, подъ половиною рѣки Днѣпра, праваго берега и протоками 88 десятинъ и 2611 квадр. саж., подъ бичевниками 10 десятинъ и 200 квад. саж., подъ дорогами проселочными и полевыми 37 десятинъ, подъ крутыми косогорами и оврагами 148 десятинъ 900 квадр. саж., подъ старымъ ретранжаментомъ называемымъ Ненасытецкимъ 50 десятинъ; всего 3536 десятинъ 760 квадр. саж., а за исключеніемъ неспособной къ пашнѣ земли во владѣніи слободы Николаевки осталось 3180 десятинъ; въ той слободѣ Николаевкѣ подданныхъ малороссіянъ мужска пола 20 душъ, женска 15 душъ».

«Геометрическій специальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Войсковой съ принадлежащими къ ней части острова Дубоваго и всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской губернской канцеляріи изъ порозжихъ казенныхъ земель во владѣнье полковницѣ Авдотьѣ Васильевой дочери Синельниковой, межеванія учиненнаго прапорщикомъ и межевщикомъ Яковомъ Пономаревымъ; а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ: степи способной къ хлѣбопашеству 2561 десятина, сѣнныхъ покосовъ 25 десятинъ 800 квадр. саж., лѣсу дровяного и мелкого 230 десятинъ, подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 3 десятины 1600 квадр. саж., подъ половиною рѣки Днѣпра праваго берега и протоками 136 десятинъ и 1075 квадр. саж., подъ каменьями 128 десятинъ, подъ бичевниками 23 десятины 1600 квадр. саж., подъ крутыми косогорами 52 десятины, подъ песками 4 десятины и 30 квадр. саж.; всего 3187 десятинъ и 1075 квадр. саж., во владѣніи слободы Войсковой подданныхъ малороссіянъ мужеска пола 19, женска 13 душъ».

Въ 1781 году И. М. Синельникову велѣно было поселить около теперешняго города Павлограда тысячу человѣкъ колони-

стовъ, вышедшихъ съ острова Корсики. Въ 1782 году онъ получилъ во владѣніе село Медвѣдовку, теперь полтавской губерніи, константиноградскаго уѣзда[1]), и около же этого времени земли «около Плетеницкаго Рога», теперь таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда; на послѣднихъ основано было село Ивановское, названное по имени самаго владѣльца Ивана, Ивановскимъ.

«Геометрическій специальный планъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда села Ивановскаго съ принадлежащими къ нему всѣми землями, которые состоятъ во владѣніи маіора и кавалера Василія Иванова сына Синельникова. Межеваніе учинено въ прошломъ 1806 году старшимъ землемѣромъ титулярнымъ совѣтникомъ Щелкуновымъ. А внутри того владѣнія обмежеваннаго одною окружною отъ всѣхъ смежныхъ дачъ и владѣльцевъ межею по нынѣшней мѣрѣ и по исчисленію земли состоитъ: пашенной 656 десятинъ 300 квадр. саж., сѣнного покосу и степи способной къ хлѣбопашеству 12,962 десятинъ 1102 квадр. саж., лѣсу мелкого дровяного 94 десятины 1700 квадр. саж., подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и конопляниками, въ томъ числѣ и у священно и церковно служителей 39 десятинъ 1200 квадр. саж., подъ церковью и кладбищемъ 1500 квадр. саж., подъ большею столбовою дорогою 59 десятинъ 1200 квадр. саж., подъ проселочными дорогами 16 десятинъ 1500 квадр. саж., подъ песчаными и кучугуристыми мѣстами 2703 десятины 2287 квадр. саж.; подъ болотистыми мѣстами 12 десятинъ 269 квадр. саж., подъ половинами пролива Днѣпровскаго, рѣки Конски, подъ рѣчкою Ушкалкою, озерами, косогорами, крутостью горъ и береговъ 283 десятины 1700 квадр. саж., а всего во всей окружной межѣ удобной и неудобной земли 16,819 десятинъ 768 квадр. саж., а а за исключеніемъ неудобныхъ мѣстъ осталось одной удобной земли 13742 десятины 1902 квадр. саж.; за исключеніемъ же одной большой столбовой дороги осталось всякихъ угодій земли

---

[1]) «Въ 1782 года, а можетъ быть и раньше»; такъ показывалъ сынъ Ивана Максимовича, Василій Ивановичъ Синельниковъ.

16759 десятинъ 1968 квадр. саж., да изъ того числа вырѣзано къ состоящей въ томъ селѣ церкви во имя преподобнаго Іоанна Кущника... Да сверхъ сего въ силу даннаго правительствующаго сената межевой экспедиціи землемѣрамъ наставленія 5 части 7 пункта повелѣно всѣмъ священно и церковно служителямъ, кои дѣйствительно при церквахъ, въ лѣса принадлежащія тѣмъ селеніямъ и деревнямъ, какъ въ той церкви въ приходѣ, не исключая и на пустошахъ имѣющихся, въ коихъ владѣльцы и сами лѣса рубятъ, а не въ заказные для рубки, имѣютъ пріѣздъ въ лѣсъ безвозбранно; затѣмъ въ дѣйствительномъ владѣніи села Ивановскаго осталось всякихъ угодій: земли 16,693 десятины 144 квадр. саж.; въ томъ селѣ за маіоромъ и кавалеромъ Синельниковымъ состоитъ господскій домъ, при немъ дворовыхъ людей не имѣется, крестьянскихъ дворовъ 115, въ нихъ по ревизіи мужеска 317, женска пола 282 душъ».

Въ томъ же 1782 году, «по учрежденіи на правой сторонѣ Днѣпра двухъ провинцій словенской и херсонской», И. М. Синельниковъ несъ должность воеводы и коменданта обѣихъ провинцій, съ правами заселенія новороссійскаго края на самыхъ широкихъ началахъ. Въ то время поселеніе одного человѣка обходилось Синельникову не дороже пяти рублей. Въ 1782 году И. М. Синельникову особымъ ордеромъ отъ князя Г. А. Потемкина поручено было осмотрѣть во всей подробности новороссійскую губернію и сдѣлать описанія и планы важнѣйшихъ мѣстъ ея.

Въ 1783 году И. М. Синельниковъ вызванъ былъ изъ Новаго-Кодака княземъ Потемкинымъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ приказаніе перевести съ острова Даго тысячу человѣкъ шведовъ для поселенія ихъ въ новороссійскомъ краѣ. Приказаніе было исполнено немедленно: Синельниковъ привезъ и поселилъ ихъ близь города Казыкерменя [1]), давъ наименованье ихъ поселку Шведской колоніи.

Въ томъ же 1783 году, 1 апрѣля, И. М. Синельниковъ произведенъ былъ въ бригадиры, а 2 февраля назначенъ но-

---

[1]) Теперь городъ херсонской губерніи и уѣзда.

вороссійскимъ вице-губернаторомъ или, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, поручикомъ и товарищемъ, при губернаторѣ, генералъ-поручикѣ Т. И. Тутолминѣ. Теперь, вслѣдствіе новыхъ обязанностей, Синельниковъ долженъ былъ передать свой полкъ подполковнику Алексѣю Депрерадовичу. Въ это время И. М. Синельниковъ жилъ попеременно то въ Кременчугѣ, то въ Никополѣ, то въ Херсонѣ.

Въ этомъ же году 1 іюля отъ имени князя Потемкина изданъ былъ ордеръ къ бывшимъ козакамъ запорожскаго войска: «Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ азовской губерніи въ словенской и елисаветградской провинціяхъ жителямъ, кои въ бывшемъ войскѣ запорожскомъ служили, что полковому старшинѣ и арміи капитану Головатому препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ козачьемъ званіи подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тоже число, которымъ опредѣляется довольное жалованье и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ господину бригадиру Синельникову» [1]). Сверхъ этого тогда же Синельникову поручено было заняться поселеніемъ въ городѣ Херсонѣ мастеровыхъ людей, выдавъ каждому изъ нихъ по пяти рублей на обзаведенье, и водворенныхъ московскихъ, стародубскихъ и елисаветградскихъ раскольниковъ на рѣкѣ Бѣлозеркѣ близь Днѣпра, почти противъ Никополя.

Въ это время императрицѣ Екатеринѣ II угодно было соединить двѣ обширныя губерніи новороссійскую и азовскую въ одно громадное съ 15 уѣздами намѣстничество, съ Екатеринославомъ во главѣ, въ которое входили три теперешнія губерніи: екатеринославская, херсонская, полтавская и одинъ уѣздъ— маріупольскій—таврической. Первымъ дѣломъ предстояло построить новый городъ, Екатеринославъ. Хотя городъ уже и существовалъ на рѣкѣ Кильчени (близь теперешняго города Но-

---

[1]) А. А. Скальковскій. Хронологическое обозрѣніе новороссійск. края, Одесса, 1836, I, 159.

вомосковска), но онъ стоялъ на очень низменной мѣстности, оттого ежегодно заливался весенней водой, и жители его страдали отъ гнилостныхъ испареній, развивавшихся какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ. Поэтому высочайшимъ указомъ приказано было перенести городъ съ низменнаго берега рѣчки Кильчени на возвышенный правый берегъ рѣки Днѣпра, на мѣсто бывшаго селенія запорожскихъ козаковъ Половицы.

Въ 1784 году велѣно было новороссійскому правителю генералъ-поручику Тимофею Ивановичу Тутолмину открыть екатеринославское намѣстничество. Открывъ намѣстничество, Тутолминъ, однако, опредѣленъ былъ архангельскимъ и олонецкимъ генералъ-губернаторомъ; назначеніе же перваго екатеринославскаго «правителя» получилъ 22 мая бригадиръ И. М. Синельниковъ. Ему опредѣлено было жить въ городѣ Кременчугѣ, временномъ губернскомъ городѣ екатеринославскаго намѣстничества. Въ томъ же году 22 сентября И. М. Синельникову пожалованъ былъ орденъ Владиміра 3-й степени: въ 1785 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1786 году 22 сентября получилъ новый орденъ Владиміра 2-й степени.

Съ назначеніемъ въ правители екатеринославскаго намѣстничества на И. М. Синельникова возлагались самыя разнообразныя обязанности по устройству новороссійскаго края: онъ былъ охранителемъ края, колонизаторомъ степей, начальникомъ коммисіи по продовольствію переселенцевъ изъ разныхъ странъ въ Новороссію и въ провинціи, вновь пріобрѣтенныя Россіей послѣ войны съ Турціей, начальникомъ заготовленія провіанта для русской арміи, находившейся тогда въ новороссійскомъ краѣ, главнымъ управителемъ всѣхъ соляныхъ и питейныхъ сборовъ въ краѣ и наконецъ строителемъ городовъ, въ особенности самаго города Екатеринослава.

Каковы въ частности были обязанности, возлагавшіяся на Синельникова, и какъ онъ къ нимъ относился, это всего лучше видно изъ его писемъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, Василію Степановичу Попову. Синельниковъ заботился о правильной организаціи пикинеровъ, несшихъ въ то время обя-

занности пограничной въ Новороссіи стражи, о привлеченіи къ пикинерной службѣ козаковъ-раскольниковъ, о вызовѣ изъ-за Дуная въ предѣлы Россіи запорожскихъ козаковъ, о покупкѣ въ Польшѣ лѣса для построекъ въ разныхъ городахъ и селахъ новороссійскаго края, о сохраненіи драгоцѣнныхъ сосудовъ упраздненной, послѣ паденія Сичи, сичевой покровской церкви и въ особенности объ искорененіи «заразительной болѣзни»—чумы, въ то время страшно поразившей край, особенно города: Елисаветградъ, Кременчугъ, Крыловъ, мѣстечко Петриковку и др. «Я теперь выписываю къ себѣ, извѣщалъ Синельниковъ Попова, г. Самойловича, дабы онъ всмотрѣлся въ здѣшнія кременчугскія болѣзни, которыя хотя мною неусыпнѣйшимъ стараньемъ пресѣкаются, однакоже не видя конца, долженъ я опасаться наступающей осени и сырыхъ погодъ, ибо всѣми нами, здѣшними жителями, примѣчено, среди лѣта, а особенно въ жары имѣетъ та болѣзнь дѣйствіе слабое, а въ сырыя погоды сильное; и потому хотя я и самъ называю тѣ болѣзни сомнительными столько и прилипчивыми, но предосторожность въ городѣ имѣю также, какой сильнѣе быть не можетъ, въ разсужденіи, что наполнены всѣ кварталы медицинскими и квартальными смотрителями и что ни одинъ изъ города и въ городъ, а паче на квартиру безъ свѣдѣнія моего выѣхать не можетъ, и что я о благосостояніи каждаго дома дѣйствительно извѣстенъ; а также и въ уѣздахъ взята же всевозможнѣйшая осторожность; словомъ надѣясь на Бога, ничего нужнаго къ защищенію отъ сего зла не упустить... Первая моя забота будетъ вникать съ г. Самойловичемъ въ болѣзнь кременчугскую, ибо, благодаря Бога, вездѣ благополучно, и какъ не могу я предъ свѣтлѣйшимъ княземъ солгать ни въ чемъ, то и буду разсказывать истинную правду... Теперь благодаря Бога, въ городѣ всѣ жители, и на островъ Днѣпровскій выведенные здоровы и болѣзнь не оказывалась пять дней; а только управлюсь съ колодниками, которые обыкновенно чищивали домы и что въ острогъ выпущены были послѣ осми надѣль, бывшіе же колодники въ карантинѣ; и потому, какъ видно, залѣзло къ нимъ сіе зло, не смотря на всѣ

чинимыя и крѣпкія предосторожности, изъ давнихъ временъ. Да сильно я сомнѣваюсь въ домахъ, которые хотя и обмазываю дегтемъ и известью и выкуриваю, но все однакожъ они кажутся мнѣ опасными, такъ какъ въ нѣкоторыхъ послѣ сей церемоніи и стоянія ихъ впустѣ девяти недѣль, вошедшіе получали болѣзни» [1]). «Не знаю, какъ Богъ поможетъ нынѣ. А впрочемъ прежде былъ щастливъ въ прогоненіи сей трясцы, обращаясь съ нею бѣдокуркою нерѣдко, и имѣлъ въ памяти, что на огонь потребна вода, и съ огнемъ обходиться должно осторожно и гасить его надобно поспѣшно. Кажется мнѣ, хотя бы чортова была чума, то съ такою яростію, съ какою мы гоняемся за нею, зарѣжемъ ее безъ ножа. Воровъ изъ острога гдѣ было ея гнѣздо, вывелъ въ поле; корсиканцевъ, притащенныхъ изъ Херсона и таскающихся по городу, перевелъ на Днѣпровскій островъ, а гарнизонныхъ и мастеровыя роты, со всею ихъ рухлядью, гдѣ всѣхъ вывѣтриваю и питаю; а чтобы дурно хлѣба не ѣли, строятъ больницы, ко успокоенію впредь нищихъ. Первый гренадерскій баталіонъ въ лагерѣ, и всѣмъ чиноначальникамъ далъ по части дворовъ на обозрѣніе почти ежечасное... На послѣдокъ истребя большой рынокъ, а опредѣля малыя во всякомъ кварталѣ, для торговокъ избирая мѣста на подвозъ изъ другихъ мѣстъ и на продажу съѣстныхъ припасовъ со осторожностію особливо устроенною: кому когда продавать и какъ деньги принимать,—и сими, и всѣми средствами истребляю чуму и надѣюсь на Бога, что изчезнутъ злыя дѣянія и мерзкія слѣды ея скоро... Данило Самойловичъ господинъ Самойловичъ сей часъ пришелъ ко мнѣ въ роту, осмотрѣлъ больныхъ и увѣряетъ что чума жало свое притупляетъ и просилъ о пожалованіи ему обѣщанныхъ митроскоповъ (sic), посмотрѣть чрезъ нихъ: животная ль или неживотная чума. Пожалуйте пришлите; и я на нее окаяну посмотрю» [2]). «Видно о чумѣ много накричали изъ Малороссіи: да и правда, они резонъ имѣютъ: тамъ народъ непри-

[1]) Писано 1784 года іюля 31 дня.

[2]) Писано 1784 года августа 21 дня.

вычный употреблять себя на сокрушеніе ея; полиція, какъ вижу, опасывается однакожъ строго. Примѣчаю я, что есть тамъ хотѣніе сдѣлать привязку къ нашей странѣ; но, совсѣмъ тѣмъ, кажется мнѣ, удачи не будетъ. Я пишу на поспортахъ, чтобы держали на ихъ границахъ карантинъ, по указу; но вмѣсто того ѣздятъ благополучно; и можно-ль имъ усмотрѣть такъ, какъ должно, когда въ Городищѣ и въ Лубнахъ заставы, а между тѣмъ пространное поле? Наша чума, ей-Богу изчезаетъ, и, съ помощію Божіею и наступаемыхъ морозовъ, надѣюсь будетъ ей конецъ; что же не сдѣлаетъ она пораженія многимъ, то я увѣрить могу, что сего быть не можетъ: дѣйствія нашей полиціи, право, хороши, а что не искореняютъ ея поспѣшно, то чѣмъ же мы виноваты, что заведено доброе гнѣздо? Въ Кременчугѣ, въ новыхъ домахъ, нигдѣ не открывается; въ Петриковкѣ 15, а въ Крыловѣ 8 дней не оказывается. Въ сіи селенія, сколько постигаю, забрела изъ Александріи, нынѣ благополучной, отъ разъѣхавшихся отсюда, послѣ открытія, секретарей и столоначальника» [1]). «Слава Богу, болѣзнь у насъ исчезаетъ и, надѣюсь на Бога, что искоренимъ ее всеконечно. Полиція у насъ такъ хороша, что никакъ возникнуть ей не даетъ, и мы среди опасностей, довольно веселы: а сказать вамъ матку-правду, здѣсь она нарочитое было свила гнѣздо отъ недоумѣнія жителей, таившихъ сіе зло въ домахъ своихъ, или ближе сказать, какъ будто нарошно играя зломъ и нося его за пазухой и сообщая другимъ не вѣрили, что умираютъ они отъ того; а кто умретъ, о томъ говорили, что только ему жить положено. Но нынѣ, однакоже разули свои глаза и смотрятъ ими остро, каждый проклиная свое прежнее невѣріе и недоумѣніе. Нуждъ мы никакихъ въ городѣ, а болѣе въ карантинѣ не имѣемъ да и не повстрѣтимся съ ними, ибо забота сія есть у насъ изъ первыхъ. Каждый призрѣнъ, и о довольствіи всякаго простирается испытаніе; а чтобъ при семъ случаѣ не имѣла казна излишнихъ расходовъ, то взятыя мною 1000 рублей издержи-

---

[1]) Писано въ томъ же году, но безъ обозначенія числа и мѣсяца.

ваются хозяйственнымъ образомъ: по 6 копеекъ въ день на душу, достаточно питаетъ бѣдныхъ, по мѣрѣ доставляемой провизіи. Словомъ, надѣемся на Бога искоренить чуму, и не будетъ намъ стыдно. И мнѣ хочется, чтобъ кременчугская полиція была примѣромъ и могла указать, что гдѣ употребляется равнодушное попеченіе и сильный присмотръ, тамъ язва не можетъ пожирать много людей» [1]).

«Изъ препровождаемаго у сего, подъ открытою печатью, къ его свѣтлости князю Григорію Александровичу рапорта моего усмотрѣть изволите оказавшееся, близь Херсона, нѣкоторое сомнительство, въ разсужденіи примѣненныхъ въ слободѣ г. генералъ-маіора Репнинскаго болѣе обыкновеннаго больныхъ, гдѣ хотя и не признано дѣйствительной опасности, я однакожъ принужденнымъ нашелся предпринять надъ тѣмъ селеніемъ должную предосторожность со стороны земской. Сіе обстоятельство побудило меня повторить вамъ, м. г., мысль мою въ предшедшемъ письмѣ изображенную, что край здѣшній не можетъ быть безопасенъ, доколѣ не послѣдуетъ рѣшительнаго предписанія о выдержаніи въ херсонскомъ карантинѣ всѣхъ безъ изъятія, приходящихъ изъ Турціи людей и всякого рода товаровъ чрезъ шестинедѣльное время, сообразно карантину ольвіопольскому, откуда никогда еще болѣзнь заразительная не могла быть приносима въ наши границы; почему и прошу покорнѣйше распространить сію пользу и къ сторонѣ Херсона, ибо я крѣпко опасаюсь военныхъ распоряженій и поспѣшно летающихъ оттоль съ апельсинами и другими фруктами курьеровъ; и, кажется мнѣ, что не можемъ мы здѣсь сказать смѣло о безопасности, кою насилу мы стрясли съ шеи по тамошнимъ разнообразнымъ начальствамъ.—N.B. Офицеръ карантинный ни о чемъ меня не рапортуетъ и, кажется, прилично военную стражу имѣетъ впереди, а когда придутъ въ карантинъ, то тамъ дѣло не ихъ; правда, сказать могутъ, что промышленникамъ покажется карантинъ и всѣ предосторожности скучными; но намъ однакожъ тягостнѣе видѣть

[1]) Писано 1784 года августа 28 дня.

умирающихъ и быть цѣлымъ намѣстничествомъ въ стѣсненіи и терпѣть во всѣмъ дороговизну. Сію часть я вижу въ такомъ положеніи, что въ случаѣ несчастія не буду знать, кто просмотрѣлъ и кто виноватъ; такъ какъ и было, что всѣ правы; къ отвѣту же я поближе всѣхъ, и первому мнѣ сотворите оплеуху, ибо между служивыми рѣдко найдутся больныя, такъ какъ и я здѣсь находилъ чрезъ шпіоновъ и обысканіи, а мужики скоро закричатъ, что «болѣзнь прошла, а отколь незнаемъ» [1]).

Изъ тѣхъ же писемъ къ В. С. Попову мы узнаемъ, что одновременно съ заботами объ искорененіи чумы И. М. Синельникова занимали вопросы о заведеніи въ городѣ училища, учрежденіи межевой экспедиціи, назначеніи переводчиковъ, объ устройствѣ аптеки, мостовъ, перевозовъ, почтъ въ краѣ, объ увеличеніи жалованья курьерамъ намѣстническаго правленія, о переводѣ смоленскаго драгунскаго полка въ бахмутскій и донецкій уѣзды «для способствованія въ пресѣченіи донцамъ непозволительнаго вывода людей изъ намѣстничества екатеринославскаго». «Таковое въ сихъ обстоятельствамъ споспѣшествованіе тѣмъ больше нужно, что хотя я, по мѣрѣ возможности старанія, съ желаемымъ успѣхомъ возбудилъ охоту въ польскомъ украинскомъ народѣ къ переселенію въ здѣшнюю губернію, который начинаетъ стекаться сюда со многихъ тамошнихъ мѣстъ; но въ то самое время, когда первая часть губерніи распространяется и наполняется новыми жителями, лѣвая опустошается своими же сосѣдями.» [2]).

Тѣ же письма говорятъ, сколько хлопотъ выпало на долю И. М. Синельникова, когда ему сообщено было о намѣреніи цесаревича и великаго князя Павла Петровича отправиться въ путешествіе по Новороссіи, съ цѣлью обозрѣнія мѣстъ и нуждъ народа [3]), а еще больше того при передвиженіи раскольниковъ

---

[1]) Писано 1785 г. марта 3 дня. Записки одес. общ. истор. и древн., т. IX, стр. 261—270.

[2]) Тамъ же, стр. 265.

[3]) Путешествіе это, однако, не состоялось.

села Знаменскаго таврической губерпіи въ село Бѣлозерку [1]), о сооруженіи церквей въ слободѣ Дицовкѣ и селѣ Новогригорьевскомъ, о построеніи таможни въ Красносельѣ и о колонизаціи всего новороссійскаго края. Князь Потемкинъ особымъ ордеромъ писалъ Синельникову, «Весьма желательно, чтобы знаменскіе раскольники склонились проситься на таврической степи по рѣчкѣ Бѣлозеркѣ. Вамъ извѣстны изящныя тамошнія мѣста, дайте объ нихъ знать и, изъясня всѣ выгоды тамошняго пребыванія, посовѣтуйте имъ утвердить тамъ свое жительство; скажите, что домы имъ построятся отъ казны, церковь каменная и монастырь, и что доставятся разныя выгоды; сіе для того наипаче желательно, что имѣвъ тамъ достаточное число земли, можно будетъ умножить селеніе желающими съ ними поселиться, чево по скудности земли въ настоящемъ пребываніи быть не можетъ. Я буду ожидать отъ васъ скораго на сіе донесенія, а между тѣмъ съ особливымъ пребываю почтеніемъ, 28 октября 1784 года» [2]). Исполняя волю князя Потемкина, И. М. Синельниковъ писалъ въ отвѣтъ на его ордеръ В. С. Попову, что «знаменскихъ раскольничьихъ дворовъ 120, мужска пола 499 душъ и ежели дано будетъ по 50 рублей на дворъ, полагая въ ономъ 4 души, а всего 6.250 рублей и льготы на 5 лѣтъ, то безъ сумнѣнія переведутца они на Бѣлозерку, давъ притомъ имъ время на избраніе своихъ домовъ и на переселеніе нынѣшнее лѣто, которымъ начавъ весною, перейтить они совсѣмъ туда будутъ должны; и сею малою потерею казенныхъ денегъ будетъ тамъ населеніе началомъ ко умноженію народа; а церковь или обѣщанный монастырь какъ угодно строить; а къ тому же надобно знать, что сія слобода правовѣрна, въ коей и священникъ Мартьяновъ сынъ, то, мнѣ кажется, имъ монастырь ненадобно... Хотя и не получилъ я отъ васъ на представленіе мое резолюціи его свѣтлости о заплатѣ за сторгованные у знаменцевъ 70 дворовъ денегъ, но какъ жители сего села, изготовляясь къ извѣстному переселенію, не прочутъ уже своихъ жилищъ, слѣдо-

---

[1]) Теперь той же губерніи, мелитопольскаго уѣзда.

[2]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., IX, 283.

вательно и опустошать могутъ, а нѣкоторые распродываютъ въ постороннія руки, то и принужденъ я учинить заплату имъ, какъ за тѣ 70 дворовъ, въ коихъ имѣете вы доставленную отъ меня вѣдомость, 1050 р., 50 к., такъ и за вновь сторгованные 8, о коихъ также прилагается за рукою г. Стромберха, вѣдомость. 91 р., 50 к., а всего за 78 дворовъ 1142 рубля, изъ имѣющейся у меня его свѣтлости суммы, съ такимъ намѣреніемъ, что ежели обѣщанные его свѣтлостію русскіе крестьяне весною сюда и не будутъ, то до того будутъ въ тѣ домы впущены формируемые изъ за границы поселенцы, могущіе, по прибытіи крестьянъ, переселитца на другое мѣсто, дабы тѣмъ сохранить и жилища и церковь готовую, отъ переселенія тѣхъ знаменщевъ остаться на мѣстѣ долженствующею. Начинаю также населять, сверхъ нововозведенныхъ трехъ слободъ, третью, при самой границѣ, противъ польскаго села Нерубая, на выгодномъ и для вербованія поселянъ свободномъ мѣстѣ, для которой 14 семей на первый случай уже и выбрано; только прошу покорно испросить у его свѣтлости повелѣніе, какое сей новой слободѣ дать наименованіе... Въ слободѣ Дицовкѣ, онажъ и Гутницкая, купленной у Семена Тимофѣевича Порошина, начинается строеніемъ церковь, по желанію мужиковъ, во имя святителя чудотворца Николая, собственнымъ ихъ коштомъ; а другая будетъ строитца въ новозаведенномъ селѣ Новогригорьевкѣ, также по желаю мужиковъ, собственнымъ ихъ коштомъ изъ валежника княжихъ лѣсовъ; такъ прошу доложить: какому святому дѣлать оную, или обождать и дѣлать впередъ каменную, какъ разбогатѣемъ, а на первый случай здѣлать часовню. На Самоткани его свѣтлость изволилъ пожелать сдѣлать какой-то по секрету домъ; а между тѣмъ не пришелъ бы въ гнилость лѣсъ, тамъ припасенный: то не благоугодно ли будетъ повелѣть между тѣмъ сдѣлать мнѣ и тамъ пріѣзжій домикъ готическій, дабы возможно было хозяину имѣть пристанище, о коемъ и планъ у сего слѣдуетъ. Присланнаго сюда отъ господина фонъ-Сталя [1]) кубовой краски мастера купца тульскаго Канилова, по обозрѣніи

[1]) Управляющій имѣніемъ князя Потемкина, въ могилевской губерніи.

нимъ удобныхъ къ тому водворѣнію въ елисаветградскихъ его свѣтлости деревняхъ мѣстъ. отправилъ я, по его (князя Потемкина) желанію, для личныхъ объясненій къ вамъ, чрезъ Дубровну, съ тѣмъ чтобы господинъ фонъ-Сталь при окказіи, препроводилъ его изъ Дубровны далѣе, или же дождался объ немъ вашего извѣщенія [1]). Копію съ сенатскаго указа о людяхъ и земляхъ, отшедшихъ сюда изъ Воронежа и раздѣливпшихъ по душамъ (о запорожцахъ знаю что сказать), ибо о нихъ былъ манифестъ, чтобъ ишли по разрушеніи Сѣчи, куда пожелаютъ, изъ коихъ нѣкоторые пожелавшіе и записались за помѣщиками, по ихъ желаніямъ... Въ слободѣ Гутницѣ или Лицовое дѣлаю церковь: и прислали мужики просьбу о постройкѣже церкви въ Новогригорьевской слободкѣ вновь, съ прошлаго года не желаемой, то и тамъ поговорю съ мужиками, довольно-ли имѣютъ къ тому пріуговленія. Благодарю за позволеніе купить сѣно; а о построеніи таможни въ Красносельѣ замолчали по боярски; видно у васъ и зимою льда не выпросишь; а я, кажется, дѣло представлялъ, когда таможня съ служителями квартируетъ по мужицкимъ дворамъ, по очереди, и таможенного орла, какъ будто вывѣску изъ улицы въ улицу переносятъ присутствующіе. Въ Красносельѣ церковь хорошо будетъ окрашена; торги умножаютца; все село покрывается вмѣсто соломы бывшей дубовою гонтою изъ валежника; избы переправлены и у всякаго двора поставлены большія ворота съ таковою же крышею, а усажены улицы деревьями и ростутъ. Садъ, занятый въ прошломъ году не меньше кременчугскаго, благодаря Бога, растетъ, и садовникъ хорошъ; пруды подняты и воды много; а не дождавшись резолюціи о таможнѣ, дѣлаемъ, для жилья своего, близь господскаго двора, три изрядныхъ дома: Комбурлея, Аникеева и Карамала, и Красноселье похоже на барское мѣстечко. Надобно еще усилить торги и подѣлать каменныя лавки и прочее, съ позволенія хозяина, какъ умножится кирпича и какъ, Богъ дастъ, обзаведусь хлѣбопашествомъ. Раздѣляя земли для удоб-

---

[1]) Писано 1786 года марта 2-го дня.

наго владѣнія и господской экономіи, назначилъ слободки Кануновку и Титову свести въ село Михайловское (которое однакожъ люди называютъ Плоское), дабы сіе село съ селеніемъ соединить съ хуторомъ, и чтобъ въ одномъ было 400 дворовъ и построена въ немъ была другая церковь; и тутъ будетъ главное хлѣбопашество, а красносельскіе жители доведены будутъ, сверхъ хлѣбопашества, къ торгу. Дицовка, гдѣ теперь кирпичной заводъ, и при коей будетъ сдѣланъ винной заводъ, Русская Богданка, Новогригорьевское, Рудая, Нуховка останутся при своихъ земляхъ, изъ коихъ кромѣ первой, надобно много еще добавить по числу людей. У знаменскихъ всѣ 172 двора куплены; и домы цѣлы, и сады сбережены; и ожидаю русскихъ крестьянъ обѣщанныхъ 1000 душъ. Прикосновенную къ селу Плоскому деревушку съ 13 дворами и 120 десятинами земли велѣлъ купить у попа за 800 р.; но священникъ хочетъ 1000, а я не даю. Надобно необходимо еще купить три слободы, одну у г. Араповой, другую у капитанши Радойчиной, а третью близь Знаменки и прикосновенную къ землямъ Русской Богдановки, о коихъ сторгуяся пришлю подробное описаніе. Въ Красносельи надобно сдѣлать магазины, чтобъ скупать изъ Польши хлѣбъ и, при удобномъ случаѣ, продавать въ магазины удаленные. Водяныя мельницы переправлены; но помышляю еще сдѣлать одну добрую вѣтряную и мастера нѣмца выписываю. Дай Богъ только мнѣ собраться съ силами, хлѣбомъ и деньгами, — а то будетъ хорошо. Имѣя помышленіе о польскихъ выходцахъ и о строгости поляковъ ко удержанію своихъ мужиковъ, коимъ однакожъ всѣхъ дорогъ пресѣчь никогда они не могутъ, не проминулъ я навѣдаться моимъ примѣчаніемъ о знатныхъ слободахъ, въ харьковской и воронежской губерніи лежащихъ, и нашелъ, что нѣкоторые господа по тысячи, по двѣ и по три, душъ черкасъ, съ землями и совсѣми выгодами продаютъ, прося по 50 и 40 рублей мужска полу душу. Сіи черкасы платятъ въ казну по 70 коп. съ души, а рекрутъ дать на одинъ украинскій бывшій гусарскій полкъ, комплектуя его тѣми помѣщичьими черкасами, коимъ доводится,

по множеству ихъ, давать рекрута съ 1000, а иногда и съ 1500 душъ; и мнѣ кажется, что казна мало имѣетъ отъ нихъ прибыли, въ разсужденіи русскихъ крестьянъ; а еслибы употребить сумму, и, купя таковыхъ черкасъ у помѣщиковъ въ казну, лучшихъ изъ нихъ людей оставить на тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, положа на нихъ, сверхъ подушныхъ и рекрутъ, оброку по 2 р. съ души,—то много-бы было прибыли, напримѣръ: 2000 душъ дастъ нынѣ въ казну подушныхъ 1400 р., а если изъ сего числа перевести на пустыя земли, въ екатеринославское намѣстничество или таврическую область, 1429 душъ, а оставить тамъ на прежнемъ жилищѣ съ вышеписаннымъ оброкомъ только 571 душу, то тоже самое получать-бы могла казна, что и всѣ 2000 душъ платили оную, и тотъ-же самый комплектовался-бы полкъ, который комплектуется изъ многаго числа душъ, коихъ также останется множество-же, въ разсужденіи многаго числа душъ сихъ черкасъ у помѣщиковъ. И такимъ образомъ, не открывая сего публикѣ, легко можно тысячъ десятка два душъ скупить. Поселеніе-жъ сихъ людей въ новыхъ мѣстахъ стоило-бы развѣ только самой малости, въ разсужденіи опредѣленія къ нимъ начальниковъ и вспоможенія частію лѣса. А впрочемъ, давъ имъ льготы на 10 лѣтъ и показавъ выходы земель и что оныя выдутъ изъ подданства въ казенныя обыватели, то сами они, своимъ иждивеніемъ, переселятся, яко люди привычные съ мѣста на мѣсто къ переходамъ и не боящіеся болѣзней отъ здѣшняго воздуха. А здѣсь они будутъ платить поземельный окладъ, и народъ лѣнивый и довольно глупый выучится у насъ, пограничныхъ жителей, называться воинскими обывателями, какихъ имѣемъ мы нынѣ, дающихъ рекрутъ отъ 30 душъ и содержащихъ одною губерніею 10 полковъ. А къ тому-жъ и плодоноснаго нашего края земля, небывалая во многихъ мѣстахъ подъ плугомъ, увидѣла-бы въ скоромъ времени на себѣ хлѣбопашцевъ»[1]).

Письма И. М. Синельникова къ В. С. Попову даютъ много

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., IX, 277—280.

указаній на заботы его и о другихъ, менѣе важныхъ, дѣлахъ: о пріѣздѣ въ Тавриду молодаго графа Строганова, о прибытіи въ Новороссію перессы миледи Кравенъ, «острякъ-молодицы» [1]), о результатахъ ученыхъ занятій секретаря Якимова, которому порученъ былъ княземъ Потемкинымъ переводъ Иліады Гомера, и о назначеніи ему, по его бѣдности и немощи, пенсіи въ 300 рублей, о поискахъ серебряныхъ рудъ «вмѣстѣ съ жидомъ-мастеромъ, каторжнымъ колодникомъ, двумя купцами и пьянымъ аптекаремъ», о посылкѣ четырехъ учениковъ мѣстныхъ казенныхъ училищъ въ Петербургъ для обученія скульптурѣ, о большомъ весеннемъ наводненіи въ Днѣпрѣ, объ отпускѣ въ Бѣлоруссію 200,000 пудовъ соли, «для того, что здѣсь соль дешева въ продажѣ 25, 26 и 28 копѣекъ за пудъ», о прибыли отъ почтъ, мостовъ и перевозовъ. «Гдѣ содержатели почтъ брали отъ пары по 117 рублей, тамъ нынѣ 65; мостъ кременчугскій прежде содержался во всѣ четыре года по 7,200 рублей, а нынѣ первый годъ, 6,825, а послѣдніе по 5,775 рублей. Такъ я думаю, на всякой всячинѣ будетъ барышъ; новой же казенной палатѣ открыть способы я готовъ [2]). Тутъ же И. М. Синельниковъ проситъ В. С. Попова о наградахъ достойныхъ лицъ: нѣкоего Быстрицкаго за переводъ богословскаго сочиненія съ латинскаго языка на русскій, Шпеера — «пограничной таможни цольнера», Титова, Наковальнина, Смирнова, Шкляревича, Емцова, Самойловича за особое усердіе къ службѣ. «Объ немъ—Самойловичѣ—иначе промолвить нельзя, какъ герой чумной, или истинный Эскулапій или, когда хотите, Иппократъ. Ей, ей, я передъ вами не солгу» [3]). Благодаритъ за снисхожденіе наказанія нѣкоему Анисимову. «Благодарю за спасеніе отъ кнута и обрѣзанія ушей Анисимова, коему добрая дана школа сидѣніемъ въ мурьѣ, отъ ареста и отъ чумныхъ двухсрочныхъ карантиновъ, да еще пошколитца. Нужно здѣсь учить и многихъ, но отъ по-

---

[1]) Ученая англичанка, напечатавшая сочиненіе въ 1786 году о Крымѣ и Константинополѣ.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей,. IX, 271.

[3]) Тамъ же, стр. 270.

губленія сохрани насъ, Господь Богъ! Губить людей прилично безумнымъ боярамъ и богачамъ, а нашему добродѣтельному князю сіе несоотвѣтственно. Къ намъ же та пословица, что въ старину говорили: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней—вовсе нейдетъ, ибо мы и не бояре и не богачи» [1]). Проситъ о снисхожденіи къ проступку капитана Фридриха Геки. «Вчерась привели въ Кременчукъ мужики съ дубинами препровождаемаго отъ мѣста до мѣста въ симбирскій драгунскій полкъ, разжалованнаго изъ капитановъ, бывшаго волошскаго гусарскаго полку въ драгуны, Фридриха Гека; я его вины не знаю, а слышу, что онъ разжалованъ военною коллегіею за слабое содержаніе своей команды, коя ограбила татаръ. А мнѣ кажется, слабость съ глупостью родня; дуракамъ-же потребно наказаніе, а не несчастіе, коего они чувствовать не умѣютъ, и имъ не принадлежитъ. Здѣлай милость, естли его вина неважна, походатайствуй, чтобъ его, отдавъ чинъ, выгнали изъ службы, яко простака, и избавь несчастія жену, и дѣтей везущей за нимъ на телѣгѣ и волахъ. Ей, Богу больно: сіе чудо или, ближе сказать, нещастіе маршируетъ чрезъ губернію свѣтлѣйшаго и человѣколюбиваго князя, душевно привязаннаго къ добру. Прочти, Христа ради, письмо; а мнѣ многіе гворили, что онъ погибъ отъ глупости» [2]).

Въ тѣхъ-же письмахъ И. М. Синельниковъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ при исполненіи своихъ обязанностей, въ особенности вслѣдствіе медленности движенія курьеровъ, и сложности порученій, на него возлагаемыхъ.

«Сейчасъ только пріѣхалъ курьеромъ господинъ Волховскій, съ посылкою Осипа Михайловича де-Рибаса, поѣхавшій прежде Балка за три дня, и поспѣвшій послѣ его въ двѣнадцатыя сутки. Я думаю, онъ подвигъ сей дѣлалъ скоро потому, что родня его Петръ Степановичъ, приказалъ ему, какъ можно скорѣе спѣшить и безъ сумнѣнія слѣдующимъ словами: «смотри-жъ, небоже, идь

[1]) Тамъ же, стр. 268.

[2]) Письмо 1786 года января 6 дня, тамъ-же, 273.

да худко идь, бо ты теперь не просто идешъ, а хурьеромъ»,—то онъ такъ и исполнилъ и ѣхалъ не просто, а натурально заѣзжалъ къ родычамъ и въ домъ свой въ Полтаву оббанытысь и попастысь галушками. Поклонитесь отъ меня Петру Степановичу и попросите его, чтобъ онъ родычамъ своимъ на дорогу галушокъ не давалъ, а то онъ ихъ необычайными подвижностями занудитъ» [1]). «Такъ ли я написалъ Коховскому о порученіи ему провіантской таврической коммиссіи? Здѣлайте милость, пишите, какъ надобно, только избавьте меня таврическихъ магазиновъ, гдѣ одинъ маленькій чинъ безъ помощи губернатора тамошняго, ничего успѣшнаго сдѣлать не можетъ. Князь изволилъ приказать написать ордеръ отъ его свѣтлости, что онъ Варыпаева, за неисполненіе Коховскаго повелѣній, напишетъ въ солдаты; то на семъ увѣдомляю, а также и покорнѣйше прошу прочитать Коховскаго рапортъ и приложенныя къ нему отъ Варыпаева, которыя кажутся мнѣ, что онъ возилъ хлѣбъ безъ помощи его, хотя оной отъ него просилъ, да не выпросилъ. Впрочемъ я, какъ не мастеръ вину слагать на маленькихъ людей, то и не могу судить Варыпаева, не исполнилъ, или нельзя было ему лучше произвесть, то есть: не дано подводъ, такъ надобно нанимать, и сколько успѣлъ, столько нанялъ, а Коховскій могъ ему приказать, какъ хотѣлъ, ибо онъ и отъ меня о сей матеріи два сообщенія имѣлъ, даже и цѣну положилъ по его благоразсмотрѣнію; но онъ чуждался, какъ будто посторонній, а обязанъ столько-же, по его званію, сколько и я, пещися о продовольствіи войскъ» [2]).

Работая энергично, безпрестанно и неусыпно, заботясь всего больше о благѣ края, о нуждахъ другихъ лицъ, И. М. Синельниковъ мало, однако, былъ отличаемъ въ Петербургѣ; въ письмахъ къ А. С. Попову онъ замѣчаетъ о невниманіи къ себѣ начальства. «Посылаю къ вамъ поданную челобитную отъ Ларіона Спиридоновича [3]) о владимірскомъ орденѣ: а намъ съ старикомъ Воино-

---

[1]) Тамъ же, стр. 267.

[2]) Тамъ же, стр. 271.

[3]) Л. С. Алексѣева.

вымъ [1]) хотя бы уже изъ особой милости свѣтлѣйшаго князя тутъ же пожаловали, причитая намъ въ работизну провіантское ремесло [2]), и что есть въ насъ надежда и впредь къ собранію денегъ; а для меня лестно было-бы больше, потому что извѣстно вамъ: два предводителя Панинъ и Долгоруковъ за драку съ турками обѣщали, да не доставили; а свѣтлѣйшій благотворитель и за новыя и за старыя службы награждать трудящихъ успѣваетъ... Помнитца мнѣ и вы знаете, что я, премьеръ-маіоромъ будучи, командовалъ и Штеричемъ и Шевичемъ, а Дунинъ часто былъ въ моей командѣ; да я не знаю, они какъ-то выслужилися меня прежде, и потому далеко отъ нихъ отсталъ, и осталося при немъ одно: что милостивъ Богъ и добръ свѣтлѣйшій князь. Онъ мнѣ изволилъ сказать: «поѣзжай и постарайся и будь мнѣ вѣренъ, а за мною дѣло не станетъ пещися о награжденіи тебя»; сіе было тогда, какъ вы дружески уцѣпились защищать меня отъ клеветы. И такъ я, помня сіе веду себя и вѣрнымъ и усерднымъ, день и ночь потѣю надъ бумагами и надъ вычетами, какъ бы копѣйки не прощитать... Прескверно; я уже четвертую недѣлю кашляю и похожъ сталъ на жирнаго и громогласнаго Матвѣя Аѳонина [3]); ужъ и баса пѣть не могу! Апропо: сему Матвѣю Философову о жалованьи ничего не упомянули; а онъ говоритъ, что желудокъ его воздуха не варитъ. Іосифъ Михайловичъ де-Рибасъ и за водами и за дѣвками, гостилъ здѣсь до сего дня».

Таковы были обязанности И. М. Синельникова по устройству края вообще, но на него возложено было кромѣ того и построеніе самаго города Екатеринослава на берегу Днѣпра. Къ постройкѣ Екатеринослава онъ долженъ былъ приступить немедленно, со всею скоростью, «гигантскими шагами». «Правителю

---

[1]) Вице-губернаторъ при И. М. Синельниковѣ, бригадиръ Воиновъ.

[2]) Не нужно забывать, что Синельниковъ завѣдывалъ и провіантомъ войскамъ.

[3]) Товарищъ по университету Потемкина, отличавшійся особенною худобою.

[4]) Тамъ-же, стр. 261, 265, 273.

намѣстничества екатеринославскаго, господину генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. Предложа екатеринославской казенной палатѣ объ отпускѣ вашему превосходительству 200,000 рублевъ на строеніе губернскаго города Екатеринослава, предлагаю вамъ, по принятіи означенной суммы, приступить *немедленно* къ заготовленію матеріаловъ и припасовъ сколь можно въ большемъ числѣ по близости къ означенному отъ меня подъ тотъ городъ мѣсту, гдѣ теперь находится деревня Половица. Ваше превосходительство, примите также мѣры къ пріисканію мастеровыхъ и рабочихъ людей, дабы такимъ образомъ ничего уже не препятствовало открытію и произведенію работъ на семъ новомъ городѣ, посвященномъ славѣ имени величія нашея самодержавицы. Князь Потемкинъ, 10 октября, 1786 года»[1]).

Постройка города Екатеринослава затѣвалась на самыхъ широкихъ началахъ; въ немъ должны быть: университетъ[2]), музыкальная академія, академія художествъ, ботаническій садъ, колоссальный городской соборъ[3]), нѣсколько православныхъ и неправославныхъ церквей, двѣнадцать различныхъ казенныхъ фабрикъ, гостинный дворъ, городскія пропилеи съ биржею и театромъ въ срединѣ, городскія палаты во вкусѣ греческихъ и римскихъ, архіепископія съ дикастеріей и духовной схолой, дома— инвалидовъ, губернаторскій, вице-губернаторскій, дворянскій, наконецъ аптека, колодцы, бассейны, фонтаны и плотины, а въ остальныхъ городахъ намѣстничества по «одному главному училищу для большихъ классовъ и для приготовленія самихъ учителей какъ для русскихъ такъ и для тѣхъ, кои греческій

---

[1]) Владиміровъ. Первое столѣтіе г. Екатеринослава. Екатеринославъ, 1887, 56.

[2]) По преданію, на островѣ Монастырскомъ или Потемкинскомъ. Ордеръ объ основаніи университета данъ былъ княземъ Потемкинымъ на имя И. М. Синельникова. Записки одес. общ. исторіи и древн.. II, отд. II, 743.

[3]) Во имя Преображенія Господня, по плану архитектора Геруа, 71 саж. длины, 21 саж. съ аршиномъ ширины и 65 саж. съ однимъ аршиномъ съ третью высоты. Этотъ соборъ долженъ быть «на одинъ аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ Петра въ Римѣ» (слова Потемкина).

или татарскій языкъ употребляютъ, по примѣру с.-петербургскихъ народныхъ школъ». Для самаго города и его предмѣстьевъ отведено было пространство земли въ 20 верстъ длины и 15 ширины, т. е. площадь въ 300 квадратныхъ верстъ, и къ этому особый выгонъ для пастбища скота въ 80 тысячъ десятинъ; кромѣ выгона къ городу предполагали еще присоединить острова Монастырскій, для заведенія на немъ ботаническаго сада при университетѣ, и Становой для увеселенія жителей и ловли рыбы около него въ Днѣпрѣ, съ цѣлью увеличенія городскихъ доходовъ. Для постройки города единовременно отпущено было 200,000 рублей, выдача которыхъ продолжена была потомъ еще на пять лѣтъ, высланы были на три года 12 полковъ, опредѣлены всѣ суммы упраздненныхъ новороссійской и азовской губерній, всѣ деньги, поступавшія въ уѣздныя казначейства екатеринославскаго намѣстничества, и наконецъ, спеціально ассигнованная ежегодная субсидія въ 2,000 рублей «на непредвидѣнныя надобности». Самому «правителю» екатеринославскаго намѣстничества, И. М. Синельникову опредѣлено было «столовыхъ денегъ» 250 рублей въ мѣсяцъ, т. е. 3,000 рублей въ годъ, которые онъ долженъ былъ получать изъ строительной суммы. «Правителю намѣстничества екатеринославскаго генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. По возложеніи на васъ строенія города Екатеринослава опредѣляю я вашему превосходительству столовыхъ денегъ по двести по пятидесяти рублевъ на мѣсяцъ, которые имѣете получить изъ строительной суммы. Князь Потемкинъ, октября 10 дня 1786 года.»

Для фабрикъ возникавшаго Екатеринослава выписывались отовсюду мастеровые люди, для возведенія городскихъ зданій назначена была «экспедиція построенія города» съ особымъ штатомъ чиновниковъ, для скорѣйшаго сооруженія частныхъ домовъ позволена была строителямъ ссуда казенныхъ матеріаловъ, выборъ лучшихъ мѣстъ и свобода отъ постоевъ солдатъ, наконецъ для учено-эстетическихъ учрежденій опредѣлены исторіографъ де-Гюенъ (de-Guenne) съ жалованьемъ въ 1,500 рублей въ годъ, профессора Ливановъ, Прокоповичъ и Гибалъ съ

жалованьемъ по 800 рублей, художники Неретинъ, Захарченко и Бухаровъ, съ жалованьемъ по 150 рублей каждому въ годъ и наконецъ директоръ музыкальной академіи Сарти. «Правителю намѣстничества екатеринославскаго господину генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. Чтобы споспѣшествовать по сей возможности созданію города Екатеринослава и побудить частныхъ людей къ построенію домовъ, палатей, предполагаю я преподавать онымъ способствованіе ссудою нужныхъ матеріаловъ отъ стороны казенной, ваше превосходительство, имѣете о томъ объявить во всемъ намѣстничествѣ, присовокупивъ къ сему, что кто прежде другихъ начнутъ строиться, тѣ воспользуются лучшимъ мѣстомъ и за таковое доброе начало получатъ увольненіе отъ постоевъ. Князь Потемкинъ Таврическій, іюня 17 дня 1787 года». «Правителю намѣстничества екатеринославскаго генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. По представленію вашему считаю занужно учрежденіе экспедиціи для строенія губернскаго города Екатеринослава утверждаю я препровождаемый здѣсь штатъ оныя и деньги по тому штату на чиновъ слѣдующія девятьсотъ пятьдесятъ рублевъ предписываю отпустить изъ строительной суммы. Что-жъ принадлежитъ до опредѣленія чиновъ, то имѣете на ваканцію присутствующаго помѣстить одобряемаго вами надворнаго совѣтника Михаила Замятина, въ казначеи титулярнаго совѣтника Ивана Нечаева, на прочія же мѣста опредѣлить достойныхъ людей по вашему разсмотрѣнію. Сія экспедиція состоя подъ точнымъ вашимъ вѣдомствомъ долженствуетъ всемѣрно пещись объ успѣхахъ въ строеніи города совсевозможнымъ наблюденіемъ пользы казенной. Князь Потемкинъ Таврическій, іюля 5 дня 1787 года. Кременчугъ» [1]). «Правителю екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору Синельникову. Директоръ екатеринославской музыкальной академіи господинъ Сарти отправленъ отъ меня въ Кременчугъ, которому извольте приказать отвесть выгодную

---

[1]) Владиміровъ. Первое столѣтіе города Екатеринослава, Екатеринославъ, 1887 г., 56 и 57.

квартиру и надлежащее по требованію его чинить удовлетвореніе, для чего предлагается здѣсь переводъ съ заключеннаго съ нимъ контракта [1]). Распоряженія его касательно музыки долженствуютъ быть исполняемы. Князь Потемкинъ, 14 марта 1787 года» [2]).

При постройкѣ города Екатеринослава И. М. Синельниковъ встрѣтилъ разныя затрудненія и прежде всего со стороны самой стихіи—разлива весенней воды. Апрѣля 21 числа онъ писалъ В. С. Попову. «Я ѣду въ шлюпкѣ по улицамъ (Кременчуга) къ княжескому дому смотрѣть, какъ вода, прорвавъ плотину, ворвалась въ нижнюю куртину сада, а оттоль въ Крюковъ на помощь къ Тебекину, изловившему и установляющему на большіе якоря большія для соли здѣланныя суда, которыя вчерашнею сильною бурею сорвало съ малыхъ якорей. Вотъ какъ гуляетъ наша полая вода! Цѣлая половина города въ водѣ, а еще пребываетъ... Чуть не унесло мачтовыхъ деревъ, слѣдующихъ въ Херсонъ; каждую порознь переловя привязали къ канатамъ. Представьте ширину, болѣе семи верстъ, сильными вѣтрами всколебавшуюся вчерась; строеніе и что могло быть слабымъ ломаетъ вода... Божественными усты говорилъ свѣтлѣйшій князь, что мы дураки для чего селились на низкихъ мѣстахъ». Нѣтъ ни единаго погреба и ледника, въ коемъ не было бы воды; какое-же будетъ здоровье для людей, когда сольетъ вода и наступятъ жары, станутъ парить прокислую воду?» [3]) «Однако же, какъ ни велика она была, но сыскались такіе люди, кои большей водѣ показывали мѣста, гдѣ она бывала въ давнія времена и я вымѣривая нашелъ, что была больше полтора аршина. Словомъ, теперешняя вода во многихъ

[1]) По контракту Сарти получалъ 3,500 руб. въ годъ, кромѣ подъемныхъ 2,500 руб. на проѣздъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ, казенную квартиру и дрова, за что обязывался учить музыкѣ и сочинять музыкальныя пьесы, въ которыхъ окажется надобность.

[2]) Гавріилъ. Очеркъ повѣствованій о новороссійскомъ краѣ. Тверь, 1857 г., II. 14.

[3]) Записки одесск. общ. истор. и древн., IX. 277.

доликахъ была подъ крышу, а та переѣхала бъ подъ потолокъ» [1]).

Это обстоятельство заставило И. М. Синельникова сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы жители строившагося города Екатеринослава селились на возвышенномъ берегу Днѣпра, ближе къ Монастырскому острову. «Я перестану теперь планы на дворы подписывать, не измѣривши самихъ мѣстъ, опасаясь, чтобы не накостыляли мнѣ шеи. Теперь-то много охотниковъ садиться на горѣ, гдѣ будетъ новый Екатеринославъ. Всякій говоритъ, чтобъ садиться отъ Днѣпра повыше; однакожъ и тамъ, селеніе Половицы, лежащаго надъ городомъ, вода не занимала» [2]). Разумѣется, это обстоятельство въ сильной степени задерживало построеніе Екатеринослава. Не мало также задержало построеніе города и слишкомъ продолжительное разсматриваніе плановъ, для сооруженія города, представленныхъ И. М. Синельниковымъ на утвержденіе князя Потемкина въ Петербургъ. «Честь имѣю препроводить при семъ два плана, снятые по инструменту: одинъ съ прожектомъ и раздѣленіемъ города на кварталы, съ другой съ показаніемъ положенія мѣста,—то и не будетъ ли благоугодно сей планъ апробовать и меня онымъ снабдить для приступленія къ строенію. Я буду ожидать вашего разрѣшенія. Многіе изъ желающихъ строиться просятъ у меня отводу мѣстъ, къ чему такожъ безъ плана приступить неможно; то симъ обстоятельствомъ не признано ль будетъ за нужное означить на планѣ особо казенныя строенія отъ партикулярныхъ? Какъ же въ прошломъ году писано было ко мнѣ, что присланы будутъ ко мнѣ планы и смѣты, то не угодно ли будетъ прислать одни только планы, а смѣты я могу сдѣлать на мѣстѣ, соображаясь къ здѣшнимъ цѣнамъ и найму рабочихъ людей, а потому и означиться тамъ строеніе, сходно съ высочайшимъ указомъ» [3]). Не малою также помѣхою для построенія

[1]) Тамъ же, 275.
[2]) Тамъ же, 275.
[3]) Тамъ же, 276.

города служила и медленная выдача казенныхъ субсидій, и еще больше того—недостатокъ рабочихъ рукъ.

Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ основанія Екатеринослава, князь Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Я, матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стези другаго». И «матушка-государыня» пожелала воззрѣть на вновь пріобрѣтенный и устраиваемый южный край, чтобы самолично и воочію убѣдиться, на сколько справедливы были толки придворныхъ завистниковъ и недоброжелателей Потемкина, представлявшихъ Новороссію безводной и безплодной пустыней, а дѣйствія князя по ея устройству—химерой и фантазіей. Въ 1786 году было объявлено, что императрица Екатерина II предпринимаетъ путешествіе въ новороссійскій край, съ цѣлью лично обозрѣть вновь заселенныя мѣста. Предъ этимъ князь Потемкинъ вызвалъ изъ Екатеринослава въ Петербургъ И. М. Синельникова и тутъ далъ ему приказаніе устроить дороги, поставить каменныя мили, насадить плантаціи, открыть кирпичные и черепичные заводы, вырыть колодцы, заготовить матеріалы для постройки города Екатеринослава, соорудить временные дворцы и тріумфальныя ворота въ мѣстахъ екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ будетъ проѣзжать, по заранѣе составленному маршруту, государыня [1]). Возвратясь на мѣсто, И. М. Синельниковъ отрядилъ подполковника Наковальнина и далъ ему отъ себя порученіе осмотрѣть дороги, мосты, переправы и мѣста для сооруженія дворцовъ и тріумфальныхъ воротъ. Но Потемкинъ и послѣ этого не оставлялъ Синельникова. Послѣ отъѣзда Ивана Максимовича изъ Петербурга въ Екатеринославъ, князь отправлялъ ему частыя письменныя наставленія, въ виду «шествія императрицы», и, называя его въ своихъ ордерахъ «усерднымъ

---

[1]) Маршрутъ напечатанъ въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, от. II и III., 7—59; IX, 280.

и дѣятельнымъ слугою отечества [1]), всячески побуждалъ къ скорѣйшему окончанію необходимыхъ построекъ для встрѣчи императрицы. Синельниковъ отвѣчалъ въ канцелярію князя жалобою на неимѣніе денегъ, на которыя онъ могъ бы закупить матеріалъ и перевести его черезъ длинныя степныя пространства къ опредѣленнымъ мѣстамъ. «Часто вы говорите: давай да подавай, а денегъ нѣтъ ни копѣйки»; нѣтъ и рабочихъ силъ, чтобы дѣлать дѣло. «Гдѣ крестьяне, обѣщанные въ домы знаменскихъ раскольниковъ, кои куплены и караулятъ ихъ? Хоть уже тѣхъ бы 300 душъ прислали, которыя сторгованы Державинымъ; онъ ко мнѣ писалъ, что 1000 ищетъ, да еще не сыскалъ» [2]). Синельниковъ жаловался на то, что у него даже нѣтъ шлюпки, на которую можно было бы принять императрицу при выходѣ ея изъ судна въ Кременчугѣ, и нѣтъ достаточнаго количества каретъ, и просилъ прислать изъ Петербурга по крайней мѣрѣ 6 каретъ «для господъ» [3]).

Во время наставшаго въ 1787 году путешествія императрицы, И. М. Синельниковъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ при особѣ государыни и князя Потемкина, какъ хозяинъ новороссійскаго края.

Изъ Петербурга императрица Екатерина II, въ январѣ мѣсяцѣ 1787 года, прибыла сперва въ Кіевъ. Изъ Кіева ранней весной, 22 апрѣля, она отправилась внизъ по Днѣпру со всею своею свитою, съ разными послами, на 80 галерахъ, нарочно для ея путешествія устроенныхъ, ярко раззолоченныхъ, разукрашенныхъ амурами и флагами, снабженныхъ музыкантами и пѣвцами. И. М. Синельниковъ встрѣтилъ императрицу у мѣстечка Крылова, на западной границѣ екатеринославскаго намѣстничества и потомъ послѣдовалъ за нею внизъ по Днѣпру въ городъ Кременчугъ, слободу Святотроицкую и мѣстечко Переволочну. Плаванье сильно затруднялось поднявшимися на Днѣпрѣ

---

[1]) Тамъ же. 748.

[2]) Тамъ же, IX, 278.

[3]) Тамъ же, 281.

противными вѣтрами. Седьмаго мая, не доѣхавъ еще и до Новаго Кодака, императрица получила извѣстіе отъ графа М. II. Румянцева, что на встрѣчу ей выѣхалъ изъ города Херсона австрійскій императоръ Іосифъ II съ графомъ Кобленцомъ, прибывшій въ Россію для переговоровъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Императрица тотчасъ вышла на берегъ, сѣла въ карету и, въ сопровожденіи принца де-Линя, графа Дмитріева-Мамонова и графини Браницкой, выѣхала въ спепь. Въ 30 верстахъ отъ Новаго-Кодака [1]) императрица и императоръ, по выраженію самой Екатерины, встрѣтились «носъ съ носомъ», потомъ сѣли вдвоемъ въ одинъ экипажъ и направились обратно, къ Новому-Кодаку [2]). Въ Новомъ-Кодакѣ для высокихъ гостей устроены были тріумфальныя ворота и временный дворецъ. Тріумфальныя ворота разукрашены были гирляндами всевозможныхъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ и имѣли изъ большихъ золотыхъ буквъ надпись: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносящихъ». Здѣсь императрицу и императора встрѣтилъ князь Потемкинъ и генералъ-маіоръ Синельниковъ: они стояли на колѣняхъ и держали въ рукахъ хлѣбъ-соль.

Изъ Новаго-Кодака И. М. Синельниковъ послѣдовалъ за императрицей въ село Половицу, гдѣ воздвигался городъ, долженствовавшій *прославить имя ея, Екатеринославъ*. Въ то время вся Половица представляла изъ себя громаднѣйшій складъ разнороднаго строительнаго матеріала: даже предмѣстья ея были загромождены множествомъ камней, извести, алебастра и кирпича съ его заводами, а берега Днѣпра покрыты были плотами сплавнаго строеваго лѣса. Тутъ, на возвышенности съ правой стороны Днѣпра, гдѣ онъ, поворотивъ съ востока на югъ, обра-

[1]) По преданію, близь корчмы козака Галайды.

[2]) Изъ писемъ императрицы Екатерины II къ Гримму. С. и. общ., XXII. О томъ же самомъ см. «Журналъ путешествія императрицы Екатерины II, (Москва. 1787 г.). По извѣстію первыхъ, свиданіе произошло въ 30 верстахъ отъ Новаго-Кодака, а по извѣстію втораго—въ 3 верстахъ. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ указаніе самой императрицы.

зуетъ довольно широкій и возвышенный полуостровъ, среди зелени майскихъ цвѣтовъ, была устроена царская палатка съ походной полковой церковью, у которой встрѣтилъ великую государыню архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій Амвросій съ крестомъ въ одной рукѣ и святою водой въ другой. Выслушавъ литургію въ походной церкви, императрица приложилась къ кресту и, поклонившись на всѣ четыре стороны народу, положила первый камень въ основаніе соборнаго храма Преображенія Господня въ городѣ Екатеринославѣ; второй камень положилъ австрійскій императоръ Іосифъ II; третій—свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, четвертый—высокопреосвященнѣйшій Амвросій и наконецъ пятый—генералъ маіоръ, правитель губерніи, Синельниковъ, какъ представитель всего народа екатеринославскаго намѣстничества. Такъ совершилась закладка екатеринославскаго собора, по своей величинѣ въ то время единственнаго въ мірѣ [1]). Теперешняя ограда екатеринославскаго собора служитъ указаніемъ минувшихъ великихъ предначертаній императрицы Екатерины II, померкнувшихъ со смертью князя Потемкина и перваго правителя Екатеринослава, «правой руки и лучшаго друга свѣтлѣйшаго», И. М. Синельникова.

Въ Екатеринославѣ императрицѣ поднесли, какъ издѣліе мѣстной фабрики, шелковые чулки до того тонкіе, что ихъ можно было вложить въ скорлупу грецкаго орѣха [2]).

При громѣ пушекъ, грохотѣ ружей и восторженныхъ кликахъ радостнаго народа императрица съ императоромъ, послами и свитой отправилась того же дня отъ мѣста Екатеринослава въ имѣніе самого И. М. Синельникова, у праваго берега Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога; здѣсь назначенъ былъ царскій обѣдъ. Сюда же велѣно было привести и царскія галеры, которыя были поручены управленію каменскихъ лоцмановъ, послѣ того, какъ они замѣнили въ нихъ рули на стерна; мѣстомъ

[1]) Одинъ фундаментъ, выведенный для церкви, стоилъ 71,102 руб. и 45¼ коп.

[2]) Впрочемъ, уже въ то время ходили слухи, что за этими чулками свѣтлѣйшій посылалъ особаго курьера въ Парижъ.

сбора ихъ назначенъ былъ островъ Козловъ, стоящій при входѣ въ самый порогъ Ненасытецъ. На всемъ пространствѣ своего имѣнія, по обѣ стороны дороги, гдѣ должна была проѣзжать государыня, И. М. Синельниковъ насадилъ въ окопанныхъ треугольникахъ большіе кусты цвѣтущихъ розъ [1]). А противъ самого Ненасытеца, на возвышенныхъ вершинахъ вѣковыхъ огромныхъ скалъ, сглаженныхъ наносною землей и покато вдавшихся неправильными уступами въ порогъ, Синельниковъ соорудилъ для пріема высокой гостьи великолѣпный деревянный дворецъ съ балкономъ [2]), съ котораго открывался чарующій видъ на дикій, грозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественный и могучій порогъ, извѣстный у славянъ-язычниковъ подъ именемъ Неясыти, у русскихъ христіанъ—Ненасытца, у мѣстныхъ лоцмановъ — «хмурого, сердитаго Дида».

Отобѣдавъ императрица вышла на балконъ и приказала спустить свои галеры черезъ Ненасытецкій порогъ. Рѣшено было, сперва, въ видѣ опыта и для указанія хода, пустить черезъ порогъ два небольшихъ судна: большую рыбачью лодку или такъ называемый дубъ и особенное судно подполковника Фалѣева. Въ дубъ сѣли пять человѣкъ рыбаковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ И. М. Синельникова; изъ нихъ одинъ, по фамиліи Бѣляй, былъ за кормчаго. Рыбаки безстрашно сѣли въ дубъ, набожно перекрестились и быстро пустились въ порогъ. Уже прошли они благополучно одиннадцать лавъ или уступовъ порога, но вотъ на послѣдней, двѣнадцатой, лавѣ дубъ ихъ быстро нырнулъ въ каскадъ кипучихъ волнъ и, казалось, совершенно безслѣдно исчезъ подъ водою. Императрица, сидѣвшая въ это время на балконѣ дворца и слѣдившая съ живѣйшимъ интересомъ за плывшимъ по Днѣпру дубомъ, съ испугомъ отворотилась и, взглянувъ на князя Потемкина, съ недоумѣніемъ спросила: «Какъ развѣ они погибли?» Князь самъ

[1]) Треугольники эти сохранились до нашего времени и только лѣтъ двадцать тому назадъ были безслѣдно перепаханы.

[2]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у настоящей владѣлицы М. А. Синельниковой калитка для выхода изъ сада на порогъ.

былъ встревоженъ, но И. М. Синельниковъ, привыкшій часто видѣть подобныя явленія на порогѣ и знавшій ловкость и находчивость своихъ рыбаковъ, спокойно указалъ князю на отважныхъ пловцовъ, очутившихся уже далеко ниже порога. Но государыня только тогда успокоилась, когда сама увидала ихъ. Она тотчасъ призвала къ себѣ кормчаго Бѣляя и лично пожаловала ему 50 рублей. Послѣ этого прошло судно подполковника Фалѣева; князь Потемкинъ и принцъ де-Линь тщетно пытались спуститься на этомъ суднѣ черезъ Ненасытецъ: императрица воспретила имъ. За судномъ Фалѣева пустились царскія галеры, подъ управленіемъ каменскаго лоцмана Моисея Ивановича Полторацкаго и его помощника Непокрытенка. Суда прошли благополучно, и императрица щедро наградила отважныхъ лоцмановъ за ихъ подвигъ. Главный лоцманъ, Полторацкій, управлявшій царскими судами, произведенъ въ дворяне и пожалованъ землей и чиномъ поручика, 13-лѣтній сынъ его прапорщикомъ, помощникъ Непокрытенко и остальные лоцмана получили денежныя награды.

Послѣ этого, налюбовавшись Ненасытецомъ и безподобнымъ видомъ, открывающимся съ него на Днѣпръ и ближайшія окрестности, императрица того же дня 9-го мая оставила Ненасытецъ и направилась дальше черезъ балку Канцлерку, слободу Хортицу,—имѣніе тайнаго совѣтника Черткова, станцію Томаковку, городъ Никополь, станцію Базавлукъ, слободу Еленскую-Грушевку—имѣніе князя Вяземскаго, балку Золотую, слободу Носоковку—имѣніе бригадира Перета, рѣку Каменку, городъ Бериславъ, балку Бургунку, село Никольское при рѣкѣ Тягникѣ, слободу Николаевку и наконецъ 12-го мая прибыла въ Херсонъ. Во время путешествія императрицы Екатерины II И. М. Синельниковъ, какъ правитель намѣстничества, безотлучно находился при особѣ государыни. Она съ большою любознательностію разспрашивала его обо всемъ, что касалось края, осталась очень довольна его отвѣтами и еще больше того распоряженіями.

Изъ Херсона И. М. Синельниковъ, въ числѣ другихъ, со-

провождалъ государыню въ слободу Бѣлозерку, принадлежавшую графу Александру Андреевичу Безбородку [1]), потомъ снова въ Херсонъ, изъ Херсона обратно въ Бериславъ. Въ Бериславѣ 18-го мая императрица сѣла на шлюпку, объѣхала лежащій среди Днѣпра противъ города островъ Тавань, находящійся между Днѣпромъ и Конкой, и потомъ вышла на таврическій берегъ, гдѣ ее встрѣтилъ таврическій правитель Михаилъ Васильевичъ Коховскій. Здѣсь И. М. Синельниковъ былъ отпущенъ до времени возвращенія императрицы въ Бериславъ, т. е. до 1-го іюня.

Перваго іюня И. М. Синельниковъ уже вновь встрѣтилъ императрицу и потомъ отъ Берислава сопровождалъ ее въ деревню Новую-Почту, Давыдовъ-Бродъ, слободу Блакитную, Шестерню, Пономареву, Кривой-Рогъ, Недай-Воды, Евстафіевку, Анновку,—принадлежавшую тому же графу Безбородку, Желтую, Курью-балку, село Зыбкое, Онуфріевку и наконецъ въ городъ Кременчугъ. При отбытіи императрицы изъ Кременчуга, И. М. Синельниковъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ оршанскимъ старостомъ въ Бѣлоруссіи съ 500 крѣпостныхъ душъ, золотою табакеркою, украшенною брильянтами [2]). Это старостwо потомъ куплено было у Синельникова княземъ Потемкинымъ за 50 т. руб. «Въ семъ намѣстничествѣ, писала императрица изъ Кременчуга въ Москву главнокомандующему генералу Еропкину, вездѣ видна дѣятельность, которая увеселяетъ премного, 30 апрѣля 1787 года».

По отъѣздѣ императрицы Екатерины II изъ новороссійскаго края И. М. Синельниковъ, вновь обратился къ своимъ обязанностямъ, построенію города Екатеринослава и заселенію Новороссіи. Князь Потемкинъ особымъ ордеромъ 1787 года предписалъ Синельникову «какъ для занятія пустыхъ мѣстъ области

[1]) Что село Бѣлозерка принадлежало въ то время графу Безбородку, въ томъ убѣждаетъ насъ «Журналъ путешествія императрицы Екатерины II» (Москва, 1787, 68) и «Дневникъ Храповицкаго» (С.-Петербургъ, 1874, 35).

[2]) Въ настоящее время хранится у генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

таврической, такъ и для нужнаго въ тѣхъ мѣстахъ пристанища и возбужденія къ выходу и поселенію на изобилующихъ многими выгодами земляхъ переселить изъ екатеринославскаго намѣстничества (прежде всего полтавскаго и кременчугскаго уѣзда) и другихъ заграничныхъ людей до 7000 душъ, водворивъ оныхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ урочища Мечетной и Западной Каиръ внизъ по Днѣпру до Алешекъ, снабдивъ каждый дворъ по 24 рубля, давъ на каждую душу по 15 десятинъ земли, позволивъ имъ продать въ свою пользу дома и строенія и освободивъ отъ платежа поземѣльныхъ денегъ на 10 лѣтъ»[1]).

Въ 1787 году, 21 августа, открылась вторая турецкая война при императрицѣ Екатеринѣ II[2]). Теперь екатеринославскому правителю, И. М. Синельникову особенно много выпало заботъ по устройству черноморскаго флота и продовольстія арміи. Въ тоже время ему вмѣнено было въ обязанность каждые полмѣсяца рапортовать князю Потемкину о дѣлахъ въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ и въ особенности слѣдить за движеніями турокъ. Но дѣла казались на столько важны, что И. М. Синельниковъ вызванъ былъ, по особому ордеру князя Потемкина, въ Петербургъ. При отъѣздѣ изъ Екатеринослава въ Петербургъ И. М. Синельниковъ поручилъ управленіе намѣстничествомъ вице-губернатору бригадиру Воинову и далъ ему порученія: 1) заботиться о благосостояніи заведенныхъ училищъ. 2) о сохраненіи университетской суммы (300,000 рублей) и 3) отправлять къ нему каждый мѣсяцъ и каждую треть объ этомъ вѣдомости.

Насталъ 1788 годъ; война была въ полномъ разгарѣ, самъ свѣтлѣйшій былъ въ это время на югѣ, въ лагерѣ подъ Очаковомъ. И. М. Синельниковъ оставался пока въ Екатерино-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отдѣлъ II и III, 764.

[2]) См. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отдѣлъ II и III, стр. 762.

славѣ и слѣдилъ за движеніями рекрутъ черезъ Новороссію въ Тавриду и Херсонъ, направлялъ ихъ движеніе по болѣе прямымъ путямъ сообщенія, очищалъ для больныхъ удобныя помѣщенія, заботился о томъ, чтобы они не спѣшили въ пути и подольше бы жили въ хорошихъ квартирахъ, особенно въ виду страшной распутицы отъ полой воды [1]). Но князь Потемкинъ нашелъ нужнымъ вызвать И. М. Синельникова подъ Очаковъ, чтобы дать ему нѣкоторыя инструкціи по вопросу о доставленіи въ русскій лагерь провіанта. Но эта поѣздка оказалась роковой для Синельникова. 25 іюля [2]) 1778 года князь Потемкинъ, въ сопровожденіи генераловъ и полковниковъ, выѣхалъ для рекогносцировки укрѣпленій Очакова. Синельникову было приказано явиться къ князю. Несмотря на головную боль, которую онъ чувствовалъ съ самаго ранняго утра этого дня, Синельниковъ немедленно явился на призывъ князя, сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ за княземъ вокругъ крѣпости. Въ этотъ моментъ турки пустили со стѣны крѣпости нѣсколько ядеръ: одно пушечное ядро попало у проѣзжавшаго вблизи И. М. Синельникова: оно такъ сильно ударило его выше колѣна правой ноги, что вся нога его оказалась переломленною пополамъ. Раненый немедленно унесенъ былъ въ палатку; тутъ прежде всего изъ кармана его мундира вынули всѣ отчетныя бумаги, а затѣмъ впустили къ нему шурина Александра Васильевича Страхова, который доложилъ Синельникову, что всѣ его бумаги находятся въ исправности и тутъ же подъ диктовку больного на особомъ листѣ записалъ отчетъ суммъ, израсходованныхъ на продовольствіе арміи, переселеніе колонистовъ и устройство Екатеринослава. Между тѣмъ ему становилось хуже. Двадцать седьмаго іюля тяжко больной Иванъ Максимовичъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе своей женѣ, Авдотьѣ Васильевнѣ Синельниковой. Въ завѣщаніи, распредѣливъ имѣніе между сыновьями и женой,

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 282.

[2]) Въ показаніяхъ чиселъ мѣсяца разница противъ того, что сказано было нами въ статьѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 г., іюль, 638.

Синельниковъ давалъ послѣдней наставленіе 1) уплатить долгъ 27,000 рублей, взятый изъ университетской суммы города Екатеринослава; 2) построить въ собственномъ селѣ Николаевкѣ церковь во имя чудотврца Николая; 3) обращаться за помощью, въ случаѣ надобности, къ бригадиру Василію Степановичу Попову, «расположеннаго ко мнѣ много дружбою», и къ брату Алексѣю Максимовичу Синельникову; 4) воспитывать дѣтей не жалѣя денегъ и 5) выдать племянницу Марью Акимовну Лукашову за честнаго и добраго человѣка, давъ ей 3,000 рублей приданаго. Завѣщаніе подписано было самимъ «генералъ-фельдмаршаломъ и кавалеромъ княземъ Потемкинымъ, въ лагерѣ при Очаковѣ и духовникомъ игуменомъ Моисеемъ». Того же 27 іюля операторъ Массотъ нашелъ нужнымъ отнять больному ногу. Синельниковъ согласился и, по свидѣтельству доктора князя Потемкина, Тимана, перенесъ операцію съ удивительною твердостью: въ шутку называлъ врачей жидами-мучителями, шутя говорилъ, что отрѣзанную ногу слѣдовало бы послать въ спирту къ женѣ и послѣ операціи серьезно просилъ у своего камердинера «понюхать табачку». Однако рана оказалась такъ опасна, что отнятіе ноги не помогло, и 29 іюля, на 47 году отъ роду, И. М. Синельниковъ скончался. Князь Потемкинъ, находившійся у постели умершаго, какъ гласитъ семейное преданіе, прослезился и невольно сказалъ, что онъ «лишился правой руки, потерялъ лучшаго друга, а отечество героя-воина и честнаго слугу». 31 іюля Иванъ Максимовичъ былъ погребенъ, черезъ днѣпровскій лиманъ отъ Очакова, въ церкви крѣпости Кинбурна, но впослѣдствіи сынъ умершаго, Василій Ивановичъ, поставилъ ему памятникъ въ оградѣ крѣпостной церкви города Херсона, построенной при императрицѣ Екатеринѣ II.

Послѣ Ивана Максимовича Синельникова изъ мужскаго поколѣнія остались три сына: Николай, Василій и Викторъ. У Николая былъ сынъ Евдокимъ и внукъ Александръ, убитый на Кавказѣ; съ Александромъ линія Николая прекратилась. У Василія, женатаго на дочери екатеринославскаго губернатора, тайнаго совѣтника Ивана Яковлевича Селецкаго, Софьѣ Ивановнѣ

Селецкой, приходившейся по матери правнучкой бывшему малороссійском гетману Даніилу Апостолу [1]), было три сына: Иванъ, Николай и Василій: у перваго сыновей не было, последній умеръ совсѣмъ бездѣтнымъ; отъ средняго генералъ-лейтенанта Николая Васильевича Синельникова, кромѣ четырехъ дочерей, остался одинъ сынъ, теперь генералъ-маіоръ Алексѣй Николаевичъ Синельниковъ, женатый на Надеждѣ Ивановнѣ Дурново и имѣющій сына Ивана Алексѣевича. Такимъ образомъ Иванъ Алексѣевичъ Синельниковъ есть единственный представитель мужскаго поколѣнія послѣ Ивана Максимовича Синельникова.

[1]) Другая сестра Софьи Ивановны, Варвара Ивановна Селецкая, была замужемъ за бывшимъ екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Дмитріемъ Илларіоновичемъ Алексѣевымъ.

II.

Замѣчательная страница изъ исторіи запорожскихъ козаковъ.

Богданъ Хмельницкій умирая имѣлъ слабость передать гетманскую булаву молодому и совсѣмъ неопытному сыну своему Юрію Хмельницкому. Но «до булавы треба головы», а между тѣмъ Юрій хотя и имѣлъ голову, но голову почти безъ здраваго смысла и совсѣмъ безъ политическихъ соображеній. «Тому гетманишкѣ прилично бы гуси пасть, а не гетмановать» [1]). Это былъ «отъ природы евнухъ», «Юрась небожчикъ», нравомъ злой, умомъ ограниченный, тѣломъ слабый юноша. Неудивительно, что «при его боку» тотъ же часъ послѣ смерти отца завелись честолюбцы, преслѣдовавшіе свои личные интересы, и неудивитетьно, что и во всей Малороссіи настали въ то время такіе раздоры, смуты и междоусобія, которые дали поводъ писателямъ того времени назвать Украину «ярмаркой самолюбій». Броженіе умовъ выражалось постояннымъ колебаніемъ «властныхъ людей» Малороссіи то между Польшей и Россіей, то между Россіей и Турціей: тогда какъ одни изъ малороссійскихъ гетмановъ старались играть въ одну руку съ польскими королями, другіе простирали свои взоры къ московскому царю, а третьи, болѣе дальновидные, открыто вступили въ союзъ съ турецкимъ

---

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ, 1851 г., II, 10.

султаномъ и искали у него протекціи для всей Малороссіи. Въ этомъ отношеніи запорожскіе козаки составляли исключеніе: они твердо держались православнаго царя и православной Руси и всячески сторонились польскаго короля и католической вѣры, а еще больше того турецкаго султана и мусульманской вѣры. Эту политическую программу они получили отъ Богдана Хмельницкаго: за православную вѣру и православнаго царя сражался съ поляками Богданъ Хмельницкій; за это же стояли, въ союзѣ съ гетманомъ, запорожцы; за это же они рѣшили стоять и послѣ «стараго Хмеля». И нужно сказать, что запорожцы строго выдержали свое политическое statu quo въ теченіи первыхъ трехъ десятковъ лѣтъ послѣ Богдана Хмельницкаго. Отступленіе отъ политической программы дѣлалось лишь временно, по капризу отдѣльныхъ какихъ-либо личностей, и то по весьма уважительнымъ причинамъ, когда сами «московскіе люди» нарушали въ чемъ-либо права малороссійскаго народа и запорожскихъ козаковъ, массовое же движеніе всегда было на сторонѣ русскаго царя. Этого мало, запорожскіе козаки даже выступали съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ изъ малороссійскихъ гетмановъ, которые шли въ разрѣзъ съ ихъ симпатіями къ русскому царю. Въ свою очередь и гетманы, видѣвшіе осуществленіе политической свободы для своей родины чрезъ союзъ съ Польшей или Турціей невозможнымъ, мстили запорожскимъ козакамъ. Но поднимать оружіе противъ запорожцевъ сами они, однако, не рѣшались, стараясь только или пускать въ ходъ ложные доносы на невѣрность запорожцевъ московскому царю, или же подстрекать противъ нихъ заклятыхъ недруговъ, татаръ и турокъ. Яркимъ примѣромъ послѣдняго служитъ событіе 1675 года, происшедшее въ самой Сичи по интригѣ малороссійскаго гетмана Петра Дорошенка, сторонника турецкаго султана и врага московскаго царя, а вмѣстѣ съ царемъ врага и всего запорожскаго низоваго войска.

Гетманъ Дорошенко, создавъ себѣ планъ отторженія всей Малороссіи отъ Великой Россіи, передался со всею правобережной Украйной подъ протекцію турецкаго султана, разсчитывая чрезъ него возвратить своей родинѣ прежнюю политическую свободу,

которой она пользовалась до Богдана Хмельницкаго. Но на этомъ пути онъ встрѣтилъ страшныхъ противниковъ—запорожскихъ козаковъ: склонить ихъ на сторону султана не было никакой возможности для Дорошенка. Тогда онъ рѣшилъ тайно поднять противъ нихъ турецкаго султана и крымскаго хана, внушивъ послѣднимъ мысль внезапно напасть на самую Сичь и выбить всѣхъ находившихся тамъ козаковъ. На ту пору султаномъ былъ Магометъ IV (1648—1687), крымскимъ ханомъ—Селимъ Герай I (1671—1678), кошевымъ атаманомъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, слава и гордость запорожцевъ, гроза и страхъ мусульманъ; самая же Сичь находилась въ то время у устья рѣки Чертомлыка, праваго притока Днѣпра, ниже его пороговъ. Эта Сичь носила названіе Чертомлыцкой или Старой Сичи; она представляла изъ себя городокъ всего лишь въ 900 саженъ кругомъ, обнесенный земляныимъ валомъ, въ шесть саженъ высоты. Въ срединѣ его съ западной стороны были набиты пали и устроены бойницы, съ восточной сдѣланы деревянные коши, насыпанные землей, съ правой поставлена башня, мѣрою двадцать саженъ кругомъ, особая бойница близь нея и восемь «фортокъ» или «пролазовъ» такой ширины, чтобы можно было одному человѣку пройти по воду на рѣку Чертомлыкъ [1]). Ко всему этому—церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и кругомъ всей площади тридцать восемь куреней. Самые курени представляли изъ себя большія избы, длины около 44 аршинъ, ширины около 8 аршинъ съ равными имъ по длинѣ и по величинѣ сѣнями; въ стѣнѣ, отдѣлявшей сѣни отъ куреня, устраивалась груба, т. е. изразцовая для отопленія куреня печь, посреди самыхъ сѣней стояла кабыця или очагъ, въ длину около пяти аршинъ и болѣе; чрезъ кабыцю проводился на «переметныхъ» стѣнахъ сволокъ, куда вбивались желѣзныя цѣпи съ крючьями для навѣшиванія на нихъ большихъ казановъ, въ которыхъ козаки варили себѣ пищу. Въ самомъ куренѣ во всю его длину, отъ порога до противоположной ему стѣны ставился столъ, называвшійся сырномъ, состояв-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, № 5, 12.

ній изъ одной доски больше трехъ четвертей аршина ширины, прибитой желѣзными гвоздями ко вкопаннымъ въ землю столбамъ; противъ стола, съ трехъ сторонъ, по надъ стѣнами настилался помостъ или накатъ, замѣнявшій козакамъ кровати; на немъ могли спать отъ 30 до 150 человѣкъ и болѣе; на «покути» т. е. въ красномъ углу висѣла неугасаемая лампада и тутъ же стояла «карнавка» для опусканія въ нее денегъ; по стѣнамъ куреня развѣшено было оружіе. Близъ каждаго куреня стояла особо скарбница или амбаръ, гдѣ всѣ козаки извѣстнаго куреня складывали свое добро, считавшееся достояніемъ всего куреннаго товарищества, а не отдѣльныхъ лицъ [1]). Кромѣ скарбницы при каждомъ куренѣ были еще и другія малыя жилья, въ одномъ мѣстѣ построенныя [2]); нужно думать, послѣднія пристраивались въ виду того, что далеко не всѣ козаки могли помѣщаться въ главномъ куренномъ строеніи.

Итакъ, событіе произошло на Чертомлыцкой Сичи, по теперешнему на мѣстѣ деревни Капуливки, екатеринославскаго уѣзда. Вотъ какъ объ немъ разсказываетъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко.

«Не насытившись поглощеніемъ премногаго козако-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Ладыжинымъ и Уманью, не удовольствовавшись обращаніемъ ихъ въ пепелъ и сравненіемъ съ землею, турецкій султанъ задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый кошъ [3]) его; на это дѣло онъ прислалъ осенью 1674 г. на корабляхъ изъ Константинополя въ Крымъ пятнадцать тысячъ отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всей крымской ордой, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ прика-

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древ., VI, 645; Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. С.-Петербургъ. 1888., II, 16. 17, 189.

[2]) Щекатовъ и Максимовичъ. Новый и полный георафическій словарь. Москва 1788 II, 7—47.

[3]) «Кошъ» на татарскомъ языкѣ означаетъ вообще всякое помѣщеніе, потомъ становище, лагерь.

заніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ налегкѣ тою же осенью въ Стамбулъ и, недолго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ; все время послѣ этого онъ совѣтовался со своими крымскими солтанами, агами и мурзами и выискивалъ способовъ, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его кошемъ. Послѣ совѣта постановлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непремѣнно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать. И вотъ, какъ скоро тогдашняя зима, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ», замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевыя твердыми льдами и пріодѣла достаточными снѣгами, тогда крымскій ханъ тотъ же часъ приказалъ *сорока тысячамъ* крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а *пятнадцати* тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ войскомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, стараясь держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь способомъ не узнало о томъ. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на извѣстномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ безпечно по куренямъ и что другой стражи нѣтъ ни около ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ же, выбравши самаго лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести пѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту форточку [1]), которая, по показанію самихъ сто-

[1]) Фортка—въ смыслѣ калитки, прохода или «пролаза».

рожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичу съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, «учинить належитій военній надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ». Самъ же между тѣмъ, объѣхавши съ ордой вокругъ Сичь и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку напоготовѣ, чтобы не выпустить и «духа имѣющихъ утекать» запорожцевъ. Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: «що человѣкъ себѣ обѣщуе, тое Богъ нищуе»: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый кошъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безпечно спать, но не припомнилъ того, что множество этого же самаго войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ [1]) и что большинство изъ этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ насталъ «полуночный часъ»: все войско не слыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи бусурманъ, «запшунтовавшись» въ куреняхъ, безпечно опочивало: въ это самое время янычары, тихо введенные чрезъ открытую фортку пойманнымъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичу и наполнили собой всѣ ея улицы и переулки и такъ стѣснились, какъ то бываетъ въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичу, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какимъ способомъ разорить то рыцарское гнѣздо низово-днѣпровыхъ козаковъ, нашихъ мальтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣснотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собой, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ. Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичу, захвативъ всѣ сичевыя арматы, заступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько вре-

[1]) Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1 января каждаго новаго года.

мени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи; когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ соблюсти въ цѣлости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда онъ отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, козаку одного куреня; этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку [1]), началъ сквозь оконную щель присматриваться, рано ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей-турокъ, всю улицу заполонившихъ собой; Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ, сообщилъ знаками пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще неложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, закрывшимся тамъ и игравшимъ въ карты. Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, заразъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда-ли то, что сказалъ Шевчикъ. Когда же и сами увидѣли, что Сичь ихъ наполнена непріятелями-турками, то немедлено и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутороста человѣкъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро повставали, тихо пооддѣвались, осторожно забрали въ руки оружіе и потомъ послѣ совѣта съ куренымъ атаманомъ, рѣшили устроить слѣдующее: поставить къ каждому окну по нѣсколько человѣкъ лучшихъ стрѣльцовъ, чтобы они безпрестанно стрѣляли, а другіе, чтобы только заряжали ружья и первымъ подавали. Устроивши все это безъ великаго шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли всѣ окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ; тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всѣхъ сторонъ чрезъ куренныя окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжко поражая турокъ, кои отъ одного

---

[1]) «Кватерка съ польскаго» собственно значитъ «четвертая часть» окна, въ нашемъ смыслѣ «форточка» окна.

выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и. «аки козлы между собою мятущися», падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови. Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась въ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней на непріятелей, они стрѣляли другъ противъ друга и наносили себѣ тѣмъ вредъ, крикнули единогласно до ручнаго боя; и такъ по той командѣ тотчасъ всѣ разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, и всю божественную церковь и всѣ арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровію, а всѣ сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили; трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственною кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время; какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, разсчитывая завоевать запорожскую Сичу. Пораженный, вслѣдствіе этого несчастья великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Скоро послѣ смутной и кровопролитной ночи пришлось людскимъ очамъ увидѣть пасмурный и невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войсковаго совѣта, а болѣе всего послѣ приказа

кошеваго Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго запорожскаго товариства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичу кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль «о полтретѣ» и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товариство повернуло назадъ къ Сичѣ и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагоутробной защитницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою: всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человѣкъ, а ранено до осьмидесяти; убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ «честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ» и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоустъ неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цырульникамъ съ награжденіемъ изъ войсковаго скарба. Послѣ этого козаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію: трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошеваго, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ: одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по бусурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ предать ихъ на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; другой, если палить, много дровъ пришлось бы истребить; третій, если отдать на снѣденіе звѣрямъ,

то звѣри разстервившись и живому войску могутъ принести шкоду; а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось: повытаскивъ изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ человѣкъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ»; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Такъ около условленнаго часа козаки, работавшіе на Днѣпрѣ, дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ по десять, по двадцать и больше того, «плитами и брилами» прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей на Днѣпрѣ пѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіеся трупы янычаръ въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволокти изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало; ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, кожухи, шаровары, шапки, пояса, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплошными смерзшимися плитами, такъ что если бы кто захотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, то развѣ отрубливалъ бы одинъ трупъ отъ другаго топоромъ, а дорогое одѣяніе сдиралъ бы шматками; также, если кто хотѣлъ вынуть изъ-подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніи битвы вынуто было изъ подъ труповъ еще несмерзшихся), то опять-таки долженъ былъ разрубывать трупы, а рога и шабелтасы [1]) просто обрѣзывать около нихъ.

[1]) Шабелтасы съ татарскаго «шабультасъ» на русскій значитъ пороховая сумка, носимая при помощи ремня чрезъ плечо.

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, почищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и за Сичь все съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообмывало всѣ страшно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебенъ отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые козаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошеваго атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ [1]).

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, и затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку «прикрое и досадительное» письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошеваго Сирка. Сирко послалъ его чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи. Дорошенко, прочитавъ то письмо, страшно разъярился на запорожскихъ козаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ; напротивъ того, питаетъ дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, смягчились и въ свою очередь увѣряли, что они кромѣ пріязни ничего другаго не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ

---

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

плѣну полтараста человѣкъ янычаръ и четыре аги: они скрылись въ разныхъ мѣстахъ между строеніями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились. Тогда ханъ прислалъ за ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ киндяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтараста невольниковъ янычаръ, снабдивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ аговъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи левовъ съ каждаго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи, страшно озлился на своего визиря, который посовѣтовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ; онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но, потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; зато забралъ все его имущество въ царскую казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ козаковъ съ цѣлью искорененія ихъ войсковаго коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турокъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ. «Того же 1675 года въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низоваго запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему на главной радѣ идти на Крымъ и отомстить крымскому хану за прошлозимнее нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску: а именно за то, что ханъ, пришедъ ночью съ турецкими янычарами и ворвавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а все нахо-

дившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать. На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ изъ Сичи все войско по рѣкамъ и вѣткамъ, приказалъ ему изготовиться въ походъ на Крымъ на три недѣли, запастись харчей и прочими военными принадлежностями, и чрезъ двѣ недѣли явиться въ Сичу. Войско, охотно исполнивъ приказаніе, явилось въ Сичь со всѣмъ необходимымъ: тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ козаковъ, числомъ около двадцати тысячъ и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Разсчетъ его вполнѣ удался: татары дѣйствительно не замѣтили его и не могли дать знать о томъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро прошедъ со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ крымское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма надъ Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо всѣ крымскія мѣста и осѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ, «несчадно струснути» и на пятый день возвратиться къ сивашской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ «вѣтроногихъ» коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись съ общаго совѣта на нѣсколько частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его Козловъ, Карасевъ, даже столицу ханскую Бахчисарай и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія. Ханъ, узнавъ «о такой фуріи несподѣванныхъ и нединкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими солтанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы: туда же бѣжала къ хану одна часть

татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія: другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ и селахъ. Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ начальникомъ и главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу; тогда, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человѣкъ, устремился къ той самой сивашской переправѣ, чрезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе козаки; онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сивашской переправы ханъ имѣлъ остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, грассовавшаго по Крыму.

И дѣйствительно, ханъ прибылъ со своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско разсчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку на переправу. Увидя у переправы запорожское войско подъ начальствомъ Сирка, ханъ вообразилъ, что здѣсь собралось все козацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое войско, которое тамъ гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивашу на переправу, войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло для обмана татаръ мусульманскія знамена, взятыя въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко и со всею силою ударилъ на Сирка; но, не смогши сломить его, напротивъ того потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко, увидя позади хана войско и узнавъ, что то было его собственное, сталъ строиться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ; ханъ въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вто-

ричню на Сирка, онъ подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды урономъ вновь отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и началъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а козацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно разсыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза козацкому войску, бывшему позади нея. А козаки, гоняясь за перепуганными по полю татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самого хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все козацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши свою добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сивашской переправѣ какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись пищею, оно немедленно двинулось изъ Крыма чрезъ Сивашъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сиваша до Запорожья. Пройдя Сивашъ передъ заходомъ солнца и уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шло изъ Сичи въ Крымъ, войско вдалось отъ переправы на Колончакъ, къ Черной долинѣ и Кочкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Кочкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много рогатаго скота и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя множество добычи и тринадцать тысячъ ясыру [1])—плѣнныхъ татаръ и бывшихъ въ крымской неволѣ христіанъ. Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго попаска мѣстѣ, Сирко однимъ изъ козаковъ приказалъ побольше наварить каши, чтобы ея было достаточно какъ для войска, такъ и для ясыра, а другимъ велѣлъ разлучить надвое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было

[1]) «Ясырь» съ арабскаго «эсырь» значитъ плѣнникъ.

сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ бусурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: «Кто хочетъ, идите съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ». Христiане и родившіеся отъ христіанъ въ Крыму «тумы», услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, нашли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украину. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ; отпуская послѣднихъ, спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ: спрошенные отвѣчали, что въ Крыму у нихъ есть осѣдлости и господарства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская тѣхъ людей, Сирко не вполнѣ еще вѣрилъ, чтобы они дѣйствительно пошли въ Крымъ, но надѣялся, что они вернутся на Русь, и, поднявшись на бывшую тамъ могилу, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ козакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единаго и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотрѣть, все-ли будетъ исполнено по его приказу. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, козаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе. Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ козаковъ, а къ мертвымъ трупамъ сказалъ слѣдующія слова: «Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель». Послѣ этого Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища; прибли-

зившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичу, первымъ дѣломъ со всѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу всесильному Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на всѣ курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ; два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились безпрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого разошлись въ рѣчки и вѣтки, а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоего пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыра одна часть послана въ Москву, другая къ гетману Самойловичу, а третья, числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ; если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то всѣ они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услыша эти слова Сирка, всѣ татары вздрогнули и сейчасъ же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ всѣ, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горячимъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичу. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всѣмъ товариствомъ написалъ письмо хану; въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія козаковъ въ Крымъ, происшедшаго по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ козаковъ, и тутъ же напомнилъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

«Ясневельможнѣйшій мосце хане крымскій со многими ордами, близкій нашъ сосѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою

милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны; ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго и найвельможнѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не «по кавалерству» выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и нечающихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій нашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская моцъ хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злаго умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосцѣ и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, по рыцарски. И Богъ сердцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ вашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та «гостина» наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ «недишкретною», то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо козаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного нрава: одни стрѣляли

направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ добре, что всѣ въ цѣль попадали. Да и «недишкреціи» той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо, непринявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, чрезъ которую мы вошли въ ваше панство: стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ нибудь обезпокоили вашу ханскую мосць и вамъ показалось что нибудь съ нашей стороны «недишкретнымъ», то извини насъ на томъ, ваша ханская мосць; не забывай, однако, что всякая «недишкреція» обыкновенно платится за такую же «недишкрецію». Разумѣется, вашей ханской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть (конечно, не вслѣдствіе нашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало и насъ, войско запорожское, ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать; въ противномъ же случаѣ, если будешь поступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всесильной божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна вое-

вали Крымъ и царство турецкое [1]), то намъ ихъ наслѣдникамъ, кто же можетъ запретить идти тѣмъ же славнымъ воинскимъ путемъ нашихъ предковъ? И такъ мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ: однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги вашихъ и нашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ; сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники, сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ и посылаютъ чрезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣе и прислать его къ намъ въ кошъ съ особымъ отъ вашей ханской дишкреціи на насъ, войско запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясневельможной ханской мосцѣ доброжела-

[1]) Самоилъ Кошка, Өедоръ Богданко, Петро Конашевичъ Сагайдачный, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Сулима «коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, довольно мушкетнымъ дымомъ окуривши: Синопъ и Трапезонтъ выстинали; мощному Бѣлагороду не разъ крылья осмаливали».

тельные пріятели Иванъ Сирко, Атаманъ кошовый со всѣмъ войска низоваго запорожскаго товариствомъ [1])».

Видимо объ этой самой побѣдѣ, въ томъ-же году, 1 сентября, кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сирко писалъ гетману Ивану Самойловичу: «Прежде этого мы извѣщали тебя, нашего благодѣтеля, сообщая о первомъ нашемъ изъ-подъ Перекопа возвратѣ. Такъ и нынѣ, божіею милостію и счастіемъ великаго государя нашего, будучи въ Крыму вмѣстѣ съ помянутыми (московскими) войсками, мы разбили немалое число непріятелей, вышедшихъ противъ насъ, опустошили села огнемъ, взяли много добычи, захватили ихъ самихъ живьемъ, немало освободили душъ христіанскихъ изъ неволи. и сами со всею цѣлостью и безъ всякаго урона своего войска возвратились въ кошъ» [2]). Однако ненависть мусульманъ къ запорожскимъ козакамъ и всему христіанскому населенію Украйны послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки въ 1680 году рѣшились предпринять или, по крайней мѣрѣ, распускали слухъ, что имѣютъ предпринять походъ на запорожскую Сичу и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичу, турецкій султанъ Магометъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отвѣтили султану письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть у него и жестоко смѣялись надъ кичливостью «непобѣдимаго рыцаря». У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копіи этого, можетъ быть, мнимаго письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ. Одно изъ такихъ писемъ открыто было извѣстнымъ нашимъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и напечатано имъ въ журналѣ «Русская Старина» [3]). Нѣсколько подобныхъ писемъ имѣется въ распоряженіи автора настоящей статьи:

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 372—382.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 259, № 89, 2.
[3]) Русская Старина, 1872, VI, 450.

изъ нихъ здѣсь приводится письмо, доставленное автору священникомъ села Выше-Тарасовки, екатеринославскаго уѣзда, отцомъ Іоанномъ Куриловымъ, добытое имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовной семинаріи. «Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ козакамъ въ 1680 году. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV.» «Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій [1]), проклятаго чорта братъ и товарышъ, и самого люцыперя секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое військо пожирае. Не будешъ ты годенъ сынивъ хрестьянскихъ надъ собою мати [2]); твого війська мы не боимось, землею и водою будемъ бытьця зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонській колесныкъ, іерусалимській броварныкъ [3]), александрійскій козолупъ, Великого й Малòго Египта свынарь, армяньска свыня, татарскій сагайдакъ [4]), каминецькій катъ, подолянській злодіюка, самого гаспида [5]) внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень [6]), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, рызныцька собака, нехрещеной лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче [7])! Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіянъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!.. Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ коштомъ запорожськимъ».

[1]) Шайтанъ—чортъ; [2]) Мати—имѣть; [3]) Броварныкъ—пивоваръ. [4]) Сагайдакъ—козелъ. [5]) Гаспидъ—дьяволъ. [6]) Блазень—глупецъ. [7]) Плюгавецъ—поганецъ.

III.

Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ [1]).

У каждаго народа свои нравы и обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи; народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, возводитъ исполненіе обычаевъ въ культъ; народъ, хотя и болѣе развитой, чѣмъ первобытный, но еще не создавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, живущій только преданіями, считаетъ свои обычаи непреложнымъ закономъ. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить отъ какого либо обычая—значитъ потерять честь и навлечь не только на себя, но и на весь свой родъ и даже на самое общество, среди котораго онъ живетъ, вѣчную поруху и вѣчное безславіе. Такъ бываетъ у всѣхъ народовъ въ первыя времена ихъ общественнаго развитія. Запорожскіе козаки, съ ихъ общественнымъ устройствомъ, основывающемся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей козац-

---

[1]) Источники: Исторія о козакахъ запорожскихъ князя Мышецкаго (Одесса, 1852); Записки о Россіи Манштейна (Москва, 1832, I, 27); Новый и полный географическій словарь Максимовича и Щекатова (Москва, 1788, II); Три книги хотинской войны Якова Собѣскаго (Данцигъ, 1646); Выборы въ кошевые атаманы, судьи, писаря и есаулы въ 1749 году—изъ собственнаго архива; Народныя преданія, лично собранныя.

кой общины ихъ лежалъ обычай: по обычаю они не допускали въ Сичь женщинъ, по обычаю судили преступниковъ, по обычаю раздѣлялись на курени и паланки, по обычаю ежегодно мѣняли всю свою старшину. Дѣлежъ земли и выборъ старшины происходили у запорожскихъ козаковъ перваго января каждаго новаго года. Вотъ какъ это дѣлалась. Еще за нѣсколько дней до наступленія новаго года всѣ козаки, бывшіе въ зимовникахъ, на рѣкахъ, озерахъ, степяхъ и занимавшіеся тамъ, кто домашнимъ хозяйствомъ, кто рыбною ловлею, а кто звѣриной охотою,—всѣ спѣшили, въ виду предстоящаго дѣлежа земли и выбора старшины, въ столицу своей козацкой общины, Сичу. Въ самый день перваго января новаго года они поднимались на ноги особенно рано, тотъ-же часъ умывались холодною водой, выряжались въ самое лучшее платьѐ штофныя узорчатыя черкески, красные съ широкими вылетами кафтаны, сафьяновые сапоги, высокія шапки, пестрые шелковые пояса, вооружались саблями, пистолетами, кинжалами, ятаганами и спѣшили, по звону колоколовъ, въ сичевую церковь, непремѣнно Покрова пресвятой Богородицы: въ церкви они слушали сперва заутреню, потомъ обѣдню. Божественную службу у нихъ правили всегда два іеромонаха кіевскаго спасо-преображенскаго Межигородскаго монастыря, отъ которыхъ требовалась особенная трезвость жизни и умѣнье краснорѣчиво говорить проповѣди; при іеромонахахъ были два діакона, непремѣнно голосистыхъ, два дьячка, пономарь и цѣлый хоръ пѣвчихъ, старшаго и младшаго возрастовъ, учившихся чтенію и пѣнію въ сичевой школѣ и жившихъ на особыхъ общинныхъ правахъ, независимо отъ общаго сичеваго управленія. Войдя въ церковь, козаки становились по особымъ мѣстамъ: старшина—за такъ называемыми бокунами, или стасидіями, простые козаки длинными рядами, одинъ за другимъ, среди церкви. Служба происходила въ этотъ день съ особенною торжественностью и благолѣпіемъ: во время заздравной ектеніи, послѣ членовъ царской фамиліи россійскаго дома, назывались по именамъ четыре человѣка сичевой старшины: кошевой, судья, писарь и асаулъ; во время заупокойной ектеніи прочитывались,

имена убитыхъ на брани козаковъ, написанныя на особой лопаточкѣ, которую діаконъ держалъ въ рукѣ во время чтенія предъ алтаремъ; а при чтеніи священникомъ евангелія, козаки брались за ручки своихъ сабель и вынимали ихъ до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности сражаться за слово божіе съ невѣрными народами.

По окончаніи божественной службы, козаки расходились изъ церкви по куренямъ для обѣда. Придя въ курень, они молились на иконы, поздравляли одинъ другого съ праздникомъ, потомъ снимали съ себя на время дорогое верхнее платье и садились за общій столъ, называвшійся у нихъ сыриомъ, уступая всегда куренному атаману мѣсто въ красномъ углу подъ образами, гдѣ висѣла неугасаемая лампада и стояла карнавка, т. е. кружка для опусканія въ нее денегъ. Отобѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ— соломахой, тетерею, щербою, ухой, рыбой, иногда дичиной, рѣдко галушками и еще рѣже варениками, и обильно запивъ, ради большаго праздника, горилкою, пивомъ, медомъ, брагою или варенухою, козаки вставали изъ-за стола, молились Богу, благодарили атамана, куреннаго кухаря, одинъ другого, бросали по одному, иногда по два, по три шага въ карнавку для закупки провизіи къ слѣдующему дню, потомъ, поодѣвавшись въ верхнее платье, всѣ высыпали изъ куреней на площадь для предстоящей войсковой рады. Между тѣмъ, кошевой атаманъ отдавалъ приказаніе войскому довбышу или барабанщику идти въ свой курень взять оттуда всегда хранившіяся у него литаврныя палки, затѣмъ идти въ церковь, гдѣ у запорожскихъ козаковъ находились всѣ ихъ войсковые клейноты, или войсковые знаки, отыскать тамъ же литавры и потомъ бить въ нихъ для сбора козаковъ на раду. Довбышъ шелъ въ церковь, выносилъ оттуда литавры, билъ въ нихъ сперва одинъ разъ «мелкою дробью»: на бой литавръ являлся прежде всего войсковой асаулъ, который также входилъ въ церковь, бралъ оттуда большое войсковое знамя, иначе стягъ, корогву или прапоръ, выносилъ его на площадь и ставилъ около церкви. Тутъ довбышъ снова билъ въ литавры уже два раза. На его бой спѣшили, какъ пчелы на

медь, козаки на радную или вѣчевую площадь, гладко выровненную, усыпанную пескомъ, обставленную кругомъ, въ видѣ правильной подковы, тридцатью-восьмью куренями, имѣвшую одну пушкарню или артиллерійскій цейхгаузъ, цѣлую сотню торговыхъ лавокъ и оканчивающуюся обыкновенно на южной сторонѣ сичевою церковью съ особою при ней колокольнею, замѣнявшею собой боевую башню, а на сѣверной окраинѣ — предмѣстьемъ съ особыми дворами для пришлыхъ мастеровыхъ и торговыхъ людей. За простыми козаками выступала на площадь сичевая старшина: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой асаулъ и тридцать восемь куренныхъ атамановъ, каждый со знакомъ своего достоинства: кошевой съ большой палицей или булавой, судья съ большой серебряною печатью, писарь съ перомъ и серебрянымъ каламаремъ или чернильницей, асаулъ съ малой палицей. Довбышъ, завидя идущую старшину, отдавалъ ей честь боемъ въ литавры. Вся старшина шла съ открытыми головами и, выйдя на средину, становилась на площади въ одинъ рядъ, другъ подлѣ друга, по старшинству своихъ членовъ, и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся «славному низовому товариству». Товариство, также съ открытыми головами, становилось за куренными атаманами, кругомъ церкви, зачиная правымъ флангомъ отъ кошеваго, кончая лѣвымъ флангомъ у войсковаго асаула; а иногда при полномъ войсковомъ сборѣ, не вмѣстясь въ городкѣ Сичи, влазило на курени, колокольню, канавы или становилось по валу и по рѣкѣ. На поклоны старшины отвѣчало поклонами. Вслѣдъ за этимъ на площадь являлся священникъ и предъ начатіемъ рады служилъ церковную службу. Послѣ окончанія службы кошевой атаманъ объявлялъ собравшемуся товариству о цѣли рады.

— Паны молодцы! у насъ теперь новый годъ: надлежитъ намъ, по древнему нашему обычаю, произвести раздѣлъ между товарищами рѣкъ, озеръ, урочищъ, звѣриныхъ уходовъ и рыбныхъ ловель.

— Да, слѣдуетъ, слѣдуетъ! Будемъ дѣлить, какъ искони заведено у насъ, по жребію, по лясамъ.

Тутъ выступалъ на сцену войсковой писарь, который заблаговременно расписывалъ по куренямъ всѣ угодья на маленькихъ ярлыкахъ, клалъ въ шапку всѣ ярлыки, встряхивалъ ихъ и предлагалъ куреннымъ атаманамъ подходить къ шапкѣ и разбирать ярлыки. Атаманы подходили и разбирали, писарь прочитывалъ, и что какому куреню доставалось, тѣмъ онъ и владѣлъ въ теченіе всего года, до новаго раздѣла: тутъ споровъ и прекословій не бывало: атаманы благодарили старшину и становились на свои мѣста. Такъ дѣлилась вся земля запорожскихъ козаковъ отъ устья рѣки Самары до верховья рѣки Конки и отъ порожистой части Днѣпра до устья Буга. Этотъ ежегодный по жребію дѣлежъ земли происходилъ въ виду неодинаковаго богатства запорожскихъ урочищъ: одни изъ нихъ были слишкомъ изобильны, другія—слишкомъ бѣдны. Поэтому, чтобы долговременное владѣніе богатыми угодіями не возбуждало зависти и не подавало повода къ раздорамъ въ средѣ товариства, ихъ дѣлили каждый годъ по жребію. Въ такомъ случаѣ всякъ доволенъ былъ доставшимся ему угодьемъ и не думалъ завидовать товарищу, которому, по счастью, доставался лучшій жребій.

Послѣ дѣлежа угодій довбышъ вновь билъ въ литавры, и козаки вновь прибывали,—иногда ихъ собиралось до пяти тысячъ человѣкъ. Тутъ кошевой атаманъ опять обращался съ рѣчью къ сичевому товариству.

— Паны молодцы! у насъ сегодня новый годъ; не желаете ли вы, по старому обычаю, перемѣнить свою старшину и вмѣсто нея выбрать новую.

Если товариство довольно было своею старшиною, то въ такомъ случаѣ на предложенный кошевымъ вопросъ отвѣчало:

— Вы, добрые паны, пануйте еще надъ нами!

Тогда кошевой, судья, писарь и асаулъ кланялись козакамъ, благодарили ихъ за честь и расходились по куренямъ. Если же товариство было недовольно чѣмъ-нибудь на свою старшину, то тогда, послѣ вызова кошеваго, объявляло ему, чтобы онъ отнесъ

свою булаву или палицу къ знамени и положилъ бы ее на шапку. Съ кошевымъ, оказавшимся несправедливымъ или въ чемъ-либо провинившимся, козаки не церемонились.

— Покинь, скурвый сыну, свое кошевье, ты уже козацкого хлиба наився! Иди себѣ прочь, негодный сыну, ты для насъ неспособенъ! Положи! Положи!..

Кошевой немедленно повиновался: онъ бросалъ на землю свою шапку, сверхъ шапки клалъ палицу, кланялся товариству, благодарилъ его за честь, которую оно оказывало ему въ теченіе года, и уходилъ въ свой курень. Тоже самое дѣлали судья, писарь и асаулъ. Впрочемъ, если изъ послѣднихъ кто-либо былъ угоденъ козакамъ, то они кричали, чтобы онъ «не складывалъ съ себя своего чина», и онъ безпрекословно повиновался. Иногда, прежде чѣмъ отпустить старшину, товариство требовало отъ нея отчета въ разныхъ дѣйствіяхъ и предагало ей разные вопросы. Въ результатѣ, однако, рѣдко старшина оказывалась виновною: пользуясь своею властью всего лишь одинъ годъ и имѣя въ виду въ концѣ года отчетъ, она рѣдко дѣйствовала по собственному произволу, больше же по желанію всего войска, и потому рѣдко оказывалась виновною. Въ случаѣ удаленія старой старшины приступали къ избранію новой. При этотъ выступали на сцену чисто народныя начала: ни куренные атаманы, никто другой изъ лицъ начальственныхъ не имѣли въ этомъ случаѣ никакого значенія, всѣмъ дѣломъ руководила чернь, такъ называемая «сиромашня́». Естественно, что при этомъ поднимались споры, пререканія и раздоры, тѣмъ болѣе, что многіе въ этотъ день, праздника ради, иногда чрезъ край хватали «пьяного зилья»—горилки. Спорили прежде всего о томъ, кого именно выбрать въ кошевые атаманы — каждый курень выставлялъ своего кандидата и настаивалъ на выборѣ именно его, а не другого кого-либо. Споры длились иногда по нѣскольку часовъ. Всѣ кандидаты, имена которыхъ выкрикивались на площади, должны были тотъ же часъ оставлять площадь и уходить въ свои курени, чтобы своимъ личнымъ участіемъ не помогать своему избранію. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, останавливались на одномъ

изъ всѣхъ названныхъ кандидатовъ. Тогда изъ всего товарнства отдѣлялись десять человѣкъ козаковъ или больше и шли въ тотъ курень, гдѣ сидѣлъ выбранный въ кошевые козакъ. Пришедшіе объявляли избранному волю всего товариства и просили его принять предлагаемую ему честь. Если избранный станетъ отговариваться, то двое изъ пришедшихъ козаковъ берутъ его подъ руки, двое или трое пихаютъ сзади, нѣсколько человѣкъ толкаютъ въ бока и ведутъ на площадь приговаривая: «Иды, скурвый сыну, бо намъ тебе треба, ты теперь нашъ батько, ты будешь у насъ паномъ». Такъ приводятъ избраннаго въ раду, тутъ вручаютъ ему палицу и объявляютъ желаніе всего войска видѣть его кошевымъ атаманомъ. Избранный, однако, по древнему обычаю, долженъ былъ сперва два раза отказаться отъ предлагаемой ему чести и только послѣ третьяго предложенія бралъ въ руки палицу. Тогда войско приказывало довбышу пробить честь новому кошевому атаману, а старые сичевые козаки, «славные низовые лыцари», поочередно подходили къ нему и сыпали на бритую голову его песку или мазали макушку головы грязью, если на ту пору случится дождливая погода, въ знакъ того, чтобы онъ не забывалъ о своемъ низменномъ происхожденіи и не стремился бы къ возвышенію надъ всѣмъ товариствомъ. Кошевой долженъ былъ кланяться на всѣ четыре стороны и благодарить товариство за честь, на что товариство отвѣчало ему крикомъ: «Будь, пане, здоровый та гладкый! Дай тоби, Боже, лебедывый викъ, а журавлыный крыкъ!» Тѣмъ избраніе кошеваго и оканчивалось. Въ тотъ же день перваго января и такимъ же порядкомъ происходило избраніе судьи, писаря, асаула и куренныхъ атамановъ, съ тою только разницею, что войсковому судьѣ при избраніи вручали печать, войсковому писарю—чернильницу, а войсковому асаулу—жезлъ. Втораго января избирали довбыша, потомъ слѣдующихъ за нимъ чиновъ: пушкаря, шафаря, кантаржея и др.

Далеко, однако же, не всегда такъ мирно и такъ скоро оканчивались выборы новой старшины. Иногда, при общемъ голосованіи, страсти козаковъ до того разгорались, что дѣло дохо

дило и до смертоубійствъ. Спорящіе въ такомъ случаѣ раздѣлялись въ концѣ концовъ на двѣ половины: одну составляли такъ называемые нижніе курени, а другую такъ называемые верхніе курени, и каждая сторона, желая видѣть кошевымъ атаманомъ своего кандидата, не признавала другого. Тогда начинался споръ, за споромъ слѣдовала ссора, за ссорой драка. Дерущіеся въ своемъ ожесточеніи доходили до того, что даже бросались на курени, разоряли ихъ, ломали все на своемъ пути и наносили одни другимъ великія обиды. Въ это время кандидаты той или другой стороны немедленно оставляли площадь и скрывались въ свои курени, сидя за запорахъ. Но это не спасало ихъ. Вотъ козаки одной какой-либо стороны вскакиваютъ въ курень, гдѣ сидитъ ихъ кандидатъ, тащатъ его на площадь и объявляютъ кошевымъ. Но противная сторона не желаетъ видѣть объявленнаго кандидата кошевымъ; самъ выбранный отказывается отъ предлагаемой ему чести, не идетъ на площадь и упирается ногами. Но его сторонники не успокаиваются: они толкаютъ его въ шею, пихаютъ въ спину, бьютъ кулаками подъ бока и, когда онъ все такъ же будетъ упираться ногами, порвутъ на немъ все платье, выщиплютъ на головѣ чупрыну, помнутъ ему всѣ ребра и, можетъ статься, что все-таки противная сторона не признаетъ его своимъ кошевымъ. Въ подобныхъ случаяхъ перевѣсъ, разумѣется, остается всегда за болѣе сильною стороной.

Частая смѣна старшины происходила, конечно, въ видахъ гарантіи политической свободы въ средѣ запорожскихъ козаковъ; такъ понимало это и само сичевое товариство, но лица, не принадлежавшія къ запорожской общинѣ, объясняли это тѣмъ, что, часто мѣняя кошевыхъ, запорожскіе начальные козаки соблюдали будто бы свою личную выгоду, такъ какъ русскій дворъ обязанъ былъ дѣлать всякому новому кошевому подарокъ 7,000 р., которые онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между начальными козаками для расположенія ихъ въ свою пользу [1]). Избраніемъ войсковой старшины запорожская сиромашня иногда пользова-

[1]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 27.

лась, какъ случаемъ поживиться чужимъ добромъ. Въ предмѣстьѣ Сичи, на крамномъ базарѣ, у запорожцевъ всегда жили разнаго рода и различныхъ національностей ремесленники и торговцы: котляры, кузнецы, пушкари, шинкари, купцы, мелкіе торговцы изъ грековъ, армянъ, великороссіянъ и малороссіянъ, наѣзжавшіе въ Сичь для занятій ремеслами, промыслами и торговлею. Сиромашня, завидовавшая богатству ремесленниковъ и торговцевъ, во время избранія старшины дѣлала между собою стачку, съ цѣлью нападенія на «базарныхъ людей». Пользуясь всеобщей безурядицей, она неожиданно нападала на нихъ, разгоняла изъ предмѣстья, бросалась на ихъ лавки и шинки, вытаскивала оттуда товары, выпускала изъ бочекъ напитки и забирала все, что попадалось подъ руку. «Базарные люди» старались защищать свое добро. Они въ свою очередь составляли стачку, вооружались ружьями, дубинами, становились у сичевой колокольни и старались не впускать сиромашню въ свое предмѣстье, простаивая по днямъ и по ночамъ у воротъ, ведшихъ изъ самой Сичи въ предмѣстье ея. Но сиромашня не унималась Тогда противныя стороны схватывались между собой, и нерѣдко дѣло доходило до жестокихъ дракъ и смертоубійствъ. Кошевой атаманъ, судья, писарь и асаулъ всѣми мѣрами старались унять враждовавшихъ, дѣйствуя, однако, не лично, а чрезъ куренныхъ атамановъ и старыхъ «сивоусыхъ» козаковъ. Послѣдніе, дѣйствуя частію палками, частію увѣщаніями, отвращали подъ конецъ сиромашню отъ хищныхъ намѣреній и водворяли спокойствіе въ Сичи. Но такія явленія были, какъ исключенія; обыкновенно же запорожцы заканчивали важное дѣло избранія старшины генеральной попойкой и самымъ безшабашнымъ весельемъ, какое только можетъ выдумать вольная голова запорожца.

Послѣ окончанія избранія войсковой старшины, съ площади уносятся всѣ войсковые и властные знаки, и тутъ сцена сразу перемѣняется. На площадь выходятъ пѣвчіе, являются музыканты, выкачиваются съ разными питьями бочки, вытаскиваются груды бубликовъ, выставляются куски сала, вывозятся цѣлые

возы рыбы, колбасъ и всякаго рода лакомства на счетъ выбранной старшины, и тогда начинается настоящее разливанное море во всей Сичи: и въ куреняхъ, и на площадяхъ, и на козацкихъ слободахъ. Тутъ звенитъ кобза, свиститъ сопилка, глухо гудитъ бубенъ, а тамъ раздается пѣсня изъ устъ цѣлой сотни сичевыхъ школяровъ,—пѣсня, громко, отчетливо и звонко разливающаяся по чистому морозному воздуху. А подъ звуки музыки уже носятся, какъ легкія тѣни, удалые козаки. И чего они не выдѣлываютъ своими неутомимыми ногами? Иной, прежде чѣмъ пуститься въ плясъ, неожиданно присядетъ на корточки, потомъ моментально подскочетъ вверхъ, снова спустится внизъ, затѣмъ молодецки возьмется въ боки и потомъ пойдетъ писать и передомъ, и задомъ, и скокомъ, и бокомъ, и направо, и налѣво, и на головѣ, и на рукахъ. Другой выскочитъ въ средину плящущихъ, круто заломитъ на затылокъ свою красную, съ острымъ верхомъ шапку и начнетъ выбивать своими сафьяновыми на серебряныхъ подковахъ сапогами мелкаго козачка, поддерживая одной рукой свою звенящую саблю въ дорогой съ каменьями оправѣ, а другой, взявшись за свой усъ, черный, какъ смоль, а длинный какъ «дивоча» коса. Только и видно отъ него, какъ то туда, то сюда мотается на козацкой головѣ, точно въ зеленомъ огородѣ созрѣвшій макъ, кончикъ красной шапки. А третій и шапку бросилъ «къ нечистой матери» и носится какъ толкачъ, чѣмъ сало толкутъ, съ открытой, гладко выбритой головой, высоко вскинувъ свою чупрыну на макушку, плотно заложивъ свои «страшенныя усища» за оба уха и сбросивъ съ себя верхнее платье, кунтушъ. Гуляй, душа, безъ кунтуша!.. Четвертымъ и танцы ни почемъ: они закупили нѣсколько бочекъ горилки и раздаютъ ее даромъ всякому встрѣчному и поперечному. Всякъ спѣшитъ къ даровому «пойлу», кто съ котлами, кто съ горшками, кто съ ведрами, кто съ коновками, а кто съ цѣлыми куфами.

И тогда чего только не выдумаетъ изобрѣтательная фантазія запорожца? Вотъ подкатили запорожцы огромную бочку горилки къ хатѣ, что строится при всякомъ куренѣ, вылили въ

нее горилку, повскакивали сами въ хату, заперли за собою дверь и плавають по горилкѣ, какъ по настоящей рѣкѣ... А вотъ цѣлый десятокъ добрыхъ молодцевъ уставили среди площади преогромный казанище, налили въ него водки и деревянными ложками черпаютъ изъ него «пьяное питье», какъ черпаютъ борщъ, опрокидывая ложки подъ свои длинныя усища и закусывая любимымъ лакомствомъ — бубликами. И тутъ же около нихъ какой-нибудь «химерный запорожецъ» переродился въ чорта съ коротенькими рожками, куцымъ хвостикомъ, собачьями когтями, на тонкихъ ножкахъ, и, для большаго сходства съ нечистымъ, облился съ ногъ до головы дегтемъ. Настоящій чортъ!.. А рядомъ съ «химернымъ запорожцемъ» какой-нибудь «молокососъ» споритъ со старымъ козакомъ, кто скорѣе вскарабкается на высокій, гладко выструганный столбъ, врытый въ землю и, чтобы обмануть стараго «козарлюгу», мажетъ свои шаровары медомъ, быстро поднимается на самый верхъ столба и заливается веселымъ хохотомъ отъ неудачи «сивоусаго лыцаря». А тамъ, за городкомъ Сичи, гарцуютъ на бойкихъ коняхъ нѣсколько человѣкъ лихихъ наѣздниковъ: они обгоняютъ другъ друга на коняхъ, стрѣляютъ на всемъ скаку изъ пистолетовъ въ воздухъ и тутъ же, бѣшено разгоняя своихъ коней, перепрыгиваютъ невѣроятно высокіе барьеры. Но были и такіе, которые предпочитали всякимъ «скокамъ, спивамъ и выгадкамъ» на площади игру въ «чупрундырь» въ куренѣ: они садились среди куреня, раздѣлялись на партіи и съ страшнымъ задоромъ рѣзались въ карты, при чемъ побѣдившая сторона всякій разъ усердно тягала побѣжденную за чубы; въ куренѣ стоялъ здоровый дружный и веселый хохотъ счастливыхъ побѣдителей, безмѣрно торжествовавшихъ свою побѣду надъ противниками.

Вездѣ шумъ, гамъ, крикъ, невообразимое веселье. А надъ всѣмъ этимъ опрокинулось высокое чистое небо, на которомъ плаваютъ миріады мигающихъ звѣздъ, и въ ночномъ холодномъ воздухѣ разливается мягкій, серебристый свѣтъ луны.

IV.

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ.

Какъ въ выборѣ войсковой старшины и раздѣлѣ земель, такъ и въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожскіе козаки руководились не писанными законами, а «стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ». Писанныхъ законовъ отъ нихъ нельзя было ожидать прежде всего потому, что община козаковъ слишкомъ мало имѣла за собой прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ въ систему и выразить на бумагѣ, а затѣмъ и потому, что вся историческая жизнь запорожскихъ козаковъ была наполнена почти безпрерывными войнами, непозволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ своей жизни. Оттого самыя наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ всего больше касались уголовныхъ и имущественныхъ преступленій; это—общее правило у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія: прежде всего человѣку нужно оградить свою личность и свое имущество, а потомъ уже думать о другихъ болѣе сложныхъ сочетаніяхъ общественной жизни. Оттого же у запорожскихъ козаковъ за такое преступленіе, какъ воровство, влекущее за собой въ благоустроенномъ государствѣ штрафъ или лишеніе свободы преступника, опредѣлялась смертная казнь: «у нихъ за едино путо

или плѣть вѣшаютъ на деревѣ» [1]). Обычай, въ замѣнъ писанныхъ законовъ, признавался, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, и русскимъ правительствомъ; такъ императрица Екатерина II, вооружаясь противъ возстанія гайдамаковъ, въ своемъ указѣ 1768 года, 12 іюля, повелѣвала «поступать съ ними, по всей строгости запорожскихъ обрядовъ» [2]). Нельзя сказать при этомъ, однако, чтобы запорожскіе судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ исключительно обычаемъ, дозволяли себѣ произволъ и допускали волокиту дѣлъ: и незначительное число запорожскаго товарищества, и чисто народное устройство его, и полнѣйшая доступность всякаго члена козацкой общины къ высшимъ начальникамъ дѣлали судъ въ Запорожьѣ простымъ, скорымъ и правымъ въ полномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ; обиженный и обидчикъ словесно излагали передъ судьями сущность своего дѣла, словесно выслушивали рѣшеніе ихъ и тутъ же прекращали свои распри и недоразумѣнія, причемъ передъ судьями были одинаково равны—и простой козакъ и значный товарищъ. Дошедшіе до насъ акты, касающіеся судебныхъ козацкихъ дѣлъ, показываютъ, что у запорожцевъ признавались право перваго займа (jus primae occupationis), право договора между товарищами, право давности владѣній,—послѣднее, впрочемъ, допускалось только въ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ городахъ; оно касалось не пахотныхъ земель и угодій, бывшихъ всеобщимъ достояніемъ козаковъ, а небольшихъ при домахъ огородовъ и усадебныхъ мѣстъ; признавался обычай увѣщанія преступниковъ отстать отъ худыхъ дѣлъ и жить въ добромъ поведеніи; допускались слѣдствія «по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ» во всякое время, кромѣ постныхъ дней первой седьмицы; практиковались предварительныя заключенія преступниковъ въ войсковую тюрьму или пушкарню и пристрастный судъ или пытки: наконецъ дозволялась порука всего войска и духовныхъ лицъ за преступниковъ, особенно если эти преступники выказывали себя раньше

---

[1]) Лѣт. дѣйствія презѣльной брани Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854, 19.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 157, 160, 165. 167, 168.

съ выгодной для всего войска стороны или почему-либо нужны были ему. Тѣже акты и свидѣтельства современниковъ даютъ нѣсколько примѣровъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства у запорожскихъ козаковъ. Изъ преступленій гражданскаго судопроизводства важнѣйшими считались дѣла по неправильной денежной претензіи, неуплатному долгу, обоюднымъ ссорамъ, разнаго рода шкодамъ или потравамъ. Изъ преступленій уголовныхъ самымъ большимъ считались убійство козакомъ товарища; побои, причиненные козакомъ товарищу въ трезвомъ или пьяномъ видѣ; воровство чего-либо козакомъ у товарища и укрывательство краденной вещи [1]); связь съ женщиной и содомскій грѣхъ въ виду обычая, запрещавшаго бракъ сичевымъ козакамъ; обида, когда козакъ «опорочитъ не по пристойности» женщину, потому что подобное преступленіе «къ обезславленію всего войска запорожскаго простирается» [2]); дерзость противъ начальства, особенно въ отношеніи чиновныхъ людей русскаго правительства [3]); насилія, когда козакъ отнималъ у товарища лошадь, скотъ и имущество; дезертерство, т. е. самовольная отлучка козака подъ разными предлогами въ степь во время похода противъ непріятеля; гайдамачество, т. е. воровство лошадей, скота и имущества у мирныхъ поселенцевъ польскихъ и татарскихъ областей и проѣзжавшихъ по запорожскимъ степямъ купцовъ и путешественниковъ; пьянство во время походовъ на непріятеля, считавшееся уголовнымъ преступленіемъ и ведшее за собой строжайшее наказаніе [4]).

Судьями у запорожскихъ козаковъ была вся войсковая старшина [5]), т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой асаулъ довбышъ, паланочный полковникъ и иногда весь кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57, 58.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 161.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 162,
[4]) Адмиралъ Корнелій Крюйсъ. Сѣверный Архивъ, 1824, XI.
[5]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.

верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ [1]); рѣшеніе суда кошемъ иногда сообщалось особой бумагой, на которой писалось: «съ повелѣнія господина кошеваго атамана такого-то войсковой писарь такой-то»; войсковой судья только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ своихъ опредѣленій; войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ; иногда извѣщалъ осужденныхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, жившихъ не въ самой Сичи, а въ паланкахъ, иначе отдаленныхъ отъ Сичи округахъ или станахъ; войсковой асаулъ выполнялъ роль слѣдователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ атамана и всего коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей; войсковой довбышъ былъ помощникомъ асаула, «приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ западной Европѣ Prevôt»,—онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни или на войсковой радѣ; куренные атаманы, весьма часто выполнявшіе роль судей въ средѣ козаковъ собственныхъ куреней,—при куреняхъ имѣли такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ [2]); наконецъ паланочный полковникъ, съ его помощниками—писаремъ и асауломъ, жившій вдали отъ Сичи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управлявшій сидѣвшими въ степи въ особыхъ хуторахъ и слободахъ козаками [3]), во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сичевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также выполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ, смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались привязываніе къ пушкѣ на площади за оскорбленіе начальства [4])

---

[1]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго. Данцигъ, 1646.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 43.
[3]) Василій Чернявскій, Описаніе запорожской Сѣчи, Одесса, 1852, 82.
[4]) А. А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.

и особенно за денежный долгъ: если козакъ будетъ долженъ козаку и не захочетъ или не будетъ въ состоянiи уплатить ему долгъ, то виновнаго приковываютъ къ пушкѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока или онъ самъ не заплатитъ своего долга или кто другой не поручится за него [1]); битье кнутомъ подъ висѣлицей за воровство и гайдамачество; повреждение членовъ — «изломленiемъ одной ноги на сходкѣ» за нанесенiе ранъ въ пьяномъ видѣ ножомъ [2]); ссылка въ Сибирь, вошедшая, впрочемъ, въ употребленiе только въ послѣднiя времена историческаго существованiя запорожскихъ козаковъ въ предѣлахъ Россiи, при императрицѣ Екатеринѣ II; наконецъ, преданiя столѣтнихъ стариковъ указываютъ еще на одинъ видъ судебныхъ наказанiй у запорожскихъ козаковъ,—сѣченiе розгами [3]), но акты о томъ не говорятъ, и потому можно думать, что подобнаго рода наказанiе допускалось только какъ единичное явленiе, къ тому же мало гармонирующее съ честью запорожскаго «лыцаря».

Казни, какъ и наказанiя также опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ, смотря по роду преступленiй, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Самою страшною казнью было *закапыванiе* преступника живымъ въ землю; это дѣлали съ тѣмъ, кто убивалъ своего товарища: убiйцу клали живого въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ и обоихъ закапывали землей; впрочемъ, если убiйца былъ храбрый воинъ и добрый козакъ, то его освобождали отъ этой страшной казни и опредѣляли штрафъ [4]). Но наиболѣе популярною казнью было забиванiе у позорнаго столба кiями; къ позорному столбу и кiямъ приговаривались лица, совершившiя воровство или скрывшiя уворованныя вещи, позволившiе себѣ прелюбодѣянiе, содомскiй грѣхъ, побои, насилiя, дизертерства. *Позорный столбъ* стоялъ на сичевой площади близъ сичевой колокольни; около него всегда лежала связка сухихъ дубовыхъ бичей съ головками на концахъ, называвшихся кiями и

[1]) Мышецкiй, Исторiя о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 58.
[2]) А. А. Скальковскiй, Исторiя Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 163.
[3]) Д. И. Эварницкiй, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II. 1—5.
[4]) С. И. Мышецкiй, Исторiя о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57.

похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ: кіи замѣняли у запорожцевъ великорусскіе кнуты. Если одинъ козакъ украдетъ что-либо маловажное у другого, въ самой ли то Сичи или внѣ ея, и потомъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, пока онъ не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи; причемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго, другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его, третьи предлагаютъ ему деньги, четвертые, захвативши съ собой горилку и калачи, поятъ и кормятъ его принесеннымъ; и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить, ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать: «Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешь пить, то будемъ тебе, скурвого сына, бить!» кричали проходившіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то приставшіе къ нему козаки говорятъ: «Теперь же, брате, дай мы тебе трохи попобьемъ!» Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи козаки упорно отвѣчаютъ: «За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поили, что намъ тебе треба попобить!» Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу и уходили; за ними являлись другіе. Обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ одни сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско; случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ своихъ товарищей деньги [1]). Иногда наказаніемъ кіями замѣнялась смертная казнь; въ такомъ случаѣ у наказаннаго отбирали скотъ и движимое имущество, одну часть скота отдавали на войско, другую—паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество виновнаго женѣ и дѣтямъ его, если онъ былъ женатымъ человѣкомъ. Рядомъ съ позорнымъ столбомъ практиковались у запарожцевъ шибеница и же-

¹) **Мышецкій,** Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57—58.

лѣзный гакъ; къ нимъ присуждались за «великое» или нѣсколько разъ повторяемое воровство [1]). *Шибеницы* или висѣлицы ставились въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей надъ большими дорогами или шляхами и представляли изъ себя два столба съ поперечной перекладиной наверху и съ веревочнымъ сильцомъ, т. е. петлей на перекладинѣ; для того, чтобы совершить казнь, преступника сажали верхомъ на лошадь, подводили подъ висѣлицу, набрасывали на шею его петлю, лошадь быстро прогоняли вонъ, и преступникъ оставался висѣть въ петлѣ. *Желѣзный гакъ* или желѣзный крюкъ (съ нѣмецкаго «Haken»—крюкъ) таже висѣлица, но съ замѣною петли веревкой съ стальнымъ острымъ крюкомъ на концѣ; преступника приводили къ висѣлицѣ, продѣвали подъ ребра острый крюкъ и оставляли его въ такомъ положеніи висѣть до тѣхъ поръ, пока на немъ не разлагалось тѣло и не разсыпались кости, на страхъ злодѣямъ и ворамъ; снять трупъ повѣшеннаго не позволялось никому подъ угрозою смертной казни [2]). *Острая паля* или острый колъ практиковалась у поляковъ и у татаръ [3]) и, вѣроятно, отъ нихъ заимствована запорожскими козаками: это—высокій деревянный столбъ съ желѣзнымъ шпицемъ наверху; для того, чтобы посадить на острую палю преступника, его поднимали нѣсколько человѣкъ по круглой лѣстницѣ и сажали на колъ; острый конецъ кола пронзалъ всю внутренность человѣка и выходилъ между позвонками на спину; запорожцы рѣдко, впрочемъ, прибѣгали къ такой казни, и о существованіи ея у нихъ есть только указанія въ преданіяхъ глубокихъ стариковъ, въ дошедшихъ же до насъ актахъ нѣтъ свидѣтельствъ. Зато поляки очень часто прибѣгали къ этой казни для устрашенія козаковъ; запорожцы называли смерть на острой палѣ «столбовой смертью: такъ умеръ покійникъ мій батько, такъ и я умру потомственною столбовою смертью».

---

1) Тамъ же, 57; Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 171.
2) Н. Коржъ. Журналъ министерства народн. просв., 1838, XVIII, 487—513.
3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 482.

Очевидецъ судебныхъ порядковъ у запорожскихъ козаковъ, 104-лѣтній старецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее. «Права запорожскія, по которымъ они судили и рѣшали тяжебныя дѣла, суть слѣдующія. Когда случалось, примѣрно сказать, что два козака промежъ собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаютъ, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, или другую какую-нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ примириться, то оба, купивши на базарѣ по калачу, идутъ позываться въ паланку, къ которой принадлежатъ, и, положивши калачъ на сырно, становятся возлѣ порога, кланяются низехонько судьямъ [1]) и говорятъ: «Кланяемся, панове, хлѣбомъ и солью». Судьи начинаютъ спрашивать: «Яке ваше дило, панове молодцы?» Тогда обиженный говоритъ первый, указывая на своего товарища: «Отъ, панове, яке наше дило. Отъ-цей мене обидывъ, отъ-стилько-то шкоды мини своимъ скотомъ зробывъ и не хоче мини уплатыть и поповныть, що слидуе за спашъ сина и за выбой хлиба». Судьи обращаются къ обидчику: «Ну, братчику, говори, чи правда то, що товарищъ на тебе каже»? На что обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, панове? Те все правда, що я шкоду сдилавъ моему сосиду и не отрекаюсь, но не могу его удовольствовать за тимъ, що винъ лишне одъ мене требуе и шкоды немае стилько». Выслушавъ ихъ, паланка посылаетъ отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, ежели жалоба оказывалась справедлива, судьи говорили обидчику: «Ну що-жъ ты, братчику; согласенъ-ли заплатить шкоду своему сосѣду или нѣтъ»? Обидчикъ тогда опять кланяется судьямъ и возражаетъ: «Та що жъ, панство, лишне винъ зъ мене требуе, я несогласенъ уплатить, въ воли вашей». Судьи долго обѣ стороны уговариваютъ примириться и если тяжущіеся согласны, то паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ. Если же обидчикъ упрямится

---

[1]) Очевидно, здѣсь разумѣются паланочные полковникъ, писарь и асаулъ.

и не примирится въ паланкѣ, то ихъ отсылаютъ въ Сичь. Когда тяжущіеся пріѣдутъ въ кошъ, то другъ у друга спрашиваютъ: «А въ чій же куринь попереду поідемъ». Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: «Ходимъ, брате, до нашего куриня».— «Ну, добре, ходимъ и до вашего куреня», отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень, являются оба къ атаману (куренному) и говорятъ ему: «Здоровъ, батьку!» — «Здоровы булы, паны молодцы!»—отвѣчаетъ атаманъ,—«сидайте». «Та ни, батьку, николи сидити, мы дило до тебе маемъ». «Ну, говорите, яке ваше дило?» спрашиваетъ атаманъ, и тогда обиженный разсказываетъ все происшествіе и свою обиду и то, какъ они судились въ паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика, какого онъ куреня и узнавъ закричитъ на хлопцивъ: «Пидите лишь такого-то куреня атамана попросите до мене». Когда этотъ атаманъ явится и усядется, то первый атаманъ его спрашиваетъ: «Чи це нашого куреня козакъ?» Второй атаманъ, справившись о томъ у козака, получаетъ въ отвѣтъ, «Такъ, батьку, вашего куреня». Послѣ чего дѣло опять разсказывается, и атаманы говорятъ другъ другу: «Ну що, брате, будемъ робыть съ сими козаками?» а второй атаманъ обращается къ нимъ: «Такъ васъ уже, братчики, и паланка судила?» «Судыла, батьку», отвѣчаютъ они и кланяются. Атаманы уговариваютъ тяжущихся: «Помиритесь, удовольствуйте тутъ же одинъ другаго, да не мордуйте начальства». Когда же обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, батьки, коли винъ лишне требуе»—то атаманы, видя его упрямство, говорятъ своимъ козакамъ: «Ну, теперь же, братчики, сходимъ всѣ четыре до судьи, що ще скаже судья».—«Добре».—отвѣчаютъ козаки,—«обождите-жъ, батьки, мы пидемъ на базаръ да купимъ калачи». Такимъ образомъ, всѣ четверо отправляются къ судьѣ. Сперва входятъ атаманы и поклонившись говорятъ: «Здорови булы, пане добродію!» Судья отвѣчаетъ: «Здорови и вы, панове атаманы! прошу сидать». Потомъ являются тяжущіеся козаки, кланяются судьѣ, кладутъ калачи на сырно и говорятъ: «Кланяемся вамъ, добродію, хлибомъ и силью».—«Спасибо, паны-молодцы, за хлибъ и за силь», отвѣчаетъ судья и,

обращаясь къ атаманамъ, спрашиваетъ: «Що се у васъ за козаки? яке дило маютъ?» Одинъ изъ атамановъ разсказываетъ подробно все дѣло, рѣшеніе паланки и ихъ собственное. Тогда судья обращается къ обидчику: «Такъ якъ же ты, братчику, рѣшився съ симъ козакомъ, когда уже васъ судили и паланка и атаманы и я присуждаю обиженнаго подовольствовать, а ты не хочешь того зробыть зъ упрямства, даромъ що зо всихъ сторонъ виноватъ». Но случается, что обидчикъ несогласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прежде: «Та що-жъ, добродію, коли винъ лишне требуе». «Такъ ты несогласенъ, братчику?» — «Ни, добродію Ну. теперь же вы, панове атаманы, идите съ ними до кош тамъ уже будетъ имъ конечный судъ — рѣшеніе; ступайте съ Богомъ, панове атаманы, а вы, братци, забирайте съ собою и свіи хлибъ съ сырна». «Да ни, добродію, мы соби купимъ на базари». — «Забирайте, забирайте», съ гнѣвомъ повторяетъ судья, «и не держите атамановъ, бо имъ не одно дило ваше». Наконецъ, взявъ свои калачи, козаки съ атаманами идутъ въ курень кошевого: всѣ кланяются, приговаривая: «Здорови булы, вельможный пане!» Козаки, положивъ калачи, присовокупляютъ: «Кланяемся, вельможный пане, хлибомъ и солью» — и, остановясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются; на что кошевой отвѣчаетъ: «Здоровы, паны атаманы! спасибо, молодци, за хлибъ, за силь, а що се, панове атаманы, у васъ за козаки?» Атаманы опять разсказываютъ подробно все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: «Ну, якъ же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ? васъ рѣшила паланка, васъ рѣшили атаманы, васъ рѣшилъ и судья войсковой, и теперь дило дошло и до мене. И я, розслухавшись, признаю, що паланка рѣшила ваше дило добре, которое и я утверждаю и нахожу тебе во всемъ виновнымъ. Такъ що-жъ ты мини скажешъ? Согласенъ ты обиженнаго подовольствовать»? — «Ни, вельможный пане, требуе лишне». Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: «Такъ ты, братчику, несогласенъ»? — «Такъ, вельможный пане, несогласенъ, у воли вашей». «Ну, добре», вставъ и выходя изъ

куреня, говоритъ кошевой: атаманы и козаки дѣлаютъ тоже и кланяясь говорятъ ему: «Прощай, вельможный пане»!—«Прощайте, паны молодцы, прощайте да и насъ не забывайте», говоритъ кошевой, и вышедъ изъ куреня, сзываетъ свою дворню: «Сторожа, кiивъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ кiи оберемками (т. е. вязками). Тогда вельможный скажетъ: «Ну, лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и панивъ шанувати»!—«Помилуй, вельможный пане!» возопiетъ тогда козакъ не своимъ голосомъ. «Ни, братику, нема уже помилованья, коли ты такiй упрямый. Козаки, на рукахъ и на ногахъ станьте! Сторожа, быйте его добре кiями, щобъ знавъ, почёмъ кивнiъ лиха!» Когда кiи начнутъ между собою разговоривать по ту и по другую сторону, виновный козакъ все молчитъ да слушаетъ, що скажутъ. И когда виновнаго уже добре употчиваютъ, т. е. дадутъ 50 или 100 кiивъ, тогда кошевой крикнетъ: «годи»! Сторожа, поднявши кiи свои на плеча, стоятъ какъ солдаты съ ружьями на часахъ, но козаки еще придерживаютъ виновнаго, дожидаясь послѣдняго рѣшенiя. Кошевой опять обращается къ виновному: «Послухай, братчику, якъ тебе палавка рѣшила и скилько обиженный требуе, заплаты ему безпремѣнно, да сей-часъ заплаты, при моихъ очахъ!» Тогда виновный отвѣчаетъ: «Чую, вельможный пане, чую и готовъ все исполнить, що прикажешь!» Кошевой продолжаетъ: «А що це тебе выбыли, то сноси здорово, щобъ ты недуже мудрувавъ и не упрямывся. А може тоби еще прибавить кiивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ проситъ: «Буде зъ мене и сего, до вику не буду противиться, буду пановати панство!» Тогда наконецъ кошевой угамуется и скажетъ козакамъ и сторожамъ: «Ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кiи подальше ховайте» [1]).

---

[1]) А. А. Скальковскiй, Исторiя Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 170—175.

V.

Одежда и вооруженіе у запорожскихъ козаковъ.

Одежда у запорожскихъ козаковъ въ первое время была слишкомъ проста; на первыхъ порахъ своего историческаго существованія запорожскіе козаки серьезно и не могли думать о томъ, чтобы заниматься своею внѣшностью и выряжаться въ дорогія «шаты»: тогда нищета и козакъ были синонимы; къ тому времени вполнѣ могутъ быть приложимы къ состоянію козака слова малорусской пѣсни—«сыды́ть козàкъ на моги́ли тай штаны́ латае», или слова козацкой вирши: «козакъ — душà правды́ва—сорочки не мае». Гоняясь за звѣремъ по безмѣрнымъ степямъ, глубокимъ балкамъ, непролазнымъ лѣснымъ трущобамъ, проводя ночи большею частію подъ открытымъ небомъ, высиживая по нѣскольку часовъ въ топкихъ болотахъ и густыхъ камышахъ, запорожцы были скорѣе похожи на жалкихъ оборвышей, чѣмъ на «славныхъ лыцарей», имя которыхъ уже въ раннюю пору ихъ существованія гремѣло въ Европѣ. Даже и въ поздній періодъ запорожской исторіи, когда у козаковъ уже вошли въ силу извѣстные обычаи и извѣстный костюмъ, многіе изъ нихъ, въ силу разнаго рода случаевъ на войнѣ или у себя дома, въ силу бѣдности и нищеты, даже иногда въ силу особаго желанія шикнуть нищенскимъ убранствомъ своего костюма, часто одѣвались черезчуръ просто: «бывало обрѣтъ себѣ запорожецъ

голову, заправитъ оселедецъ свой за ухо, завяжется тряпицей, натянетъ на себя епанчу, надѣнетъ изъ свиной кожи опорки, да и ходитъ себѣ; а иной поймаетъ козу, обдеретъ ее, облупитъ кожу, очиститъ отъ шерсти, одѣнется, обуетъ постолы́ изъ кожи, толщины въ вершокъ, а длины въ двѣ четверти, да и блукаетъ по степи. А другой еще и лучше: или вырядится въ такія постолы, что въ нихъ можно Днѣпръ переплыть, или на одну ногу натянетъ постолъ, а на другую сафьяновый сапогъ да еще и припѣваетъ.

«Одна нога у постоли, а друга въ сапьяни—
Подывыся, Ганно, якій постилъ гарный:
Чи сей, чи сей, чи сей, чи сей?»

Бывало и того краше: совсѣмъ голый ходитъ; тогда и выходило, какъ тамъ говорятъ: «увесь Хвесь—куды схоче, туды и скаче, нихто за нимъ не заплаче». «Днемъ человѣкъ, а ночью звѣрюка» [1]). Въ какомъ видѣ являлись запорожцы послѣ войны, это всего лучше рисуетъ извѣстная народная дума «О Ганджѣ Андыберѣ».

«Гей гулявъ козакъ-нетяга симъ годъ ще й чотыри,
Та потерявъ съ-пидъ сѐбе три кони воронія.
На четвертый годъ навертае,
Козакъ-нетяга до города до Черкасъ прибувае,
Що на козаку, бидному нетязи, три сыромязи:
Опончина рогозова́я,
Поясына хмелёва́я,
Одна негожа, а третя й на хливъ неагожа,
А ще на козаку, бидному-нетязи,
Сапьньяци—выдны пьяты й пальци,
Ша́пка-бырка—зверху дирка,
Хутро́ голе
Околици Бигъ мае
Вона дощемъ покрыта,
Травою пошита,
А витромъ пидбита:
Куды вiе—туды и провивае,
Молодого козака тай прохоложае».

[1]) Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 24.

Вначалѣ, по свидѣтельству малоросійсскаго лѣтописца, одеждой у запорожскихъ козаковъ было одно или два платья, и, только потомъ, когда они повоевали турецкую и татарскую землю, очень одобычились и сдѣлались богаты всякимъ достаткомъ [1]). Въ XVII вѣкѣ оршанскій староста Филонъ Кмита описываетъ черкасскихъ козаковъ оборвышами [2]), а французъ Дельбурку— нищими [3]). Современникъ Петра Великаго, раскольничій попъ, Иванъ Лукьяновъ, проѣзжая изъ Москвы въ Іерусалимъ черезъ Малороссію и видя у Фастова козацкую ватагу полковника Семена Палія, изображаетъ ее въ своемъ дневникѣ въ такихъ словахъ: «Городина то хорошая, красовито стоитъ на горѣ; острогъ деревянной кругъ жилья всего: валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ, что звѣри. По земляному валу ворота частые; а во всѣхъ воротѣхъ копаны ямы, да солома послана въ ямы; тамъ Палѣевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати: голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни въ чемъ: все рвутъ, что собаки: дрова солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай... А того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя: всѣ козаки, Палѣевщина, и свадьбы покинули; а все голудба безпорточная; и на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы и лихи́, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ отроду не видали: у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного» [4]). Въ тойже мѣрѣ и вполнѣ справедливо можно приложить описаніе попа Лукьянова и къ запорожскимъ козакамъ: сами запорожцы говорили о себѣ: «у насъ проклята мате мà—ни сорочки, ни шта-

---

[1]) Григорій Грабянка. Лѣт. дѣйствія презѣльной войны, Кіевъ, 1854, 19.
[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874. I, 175.
[3]) Anecdotes de Pologne ou memoires secretes du regne de Jean Sobieski.
[4]) Путешествіе въ святую землю, Москва, 1862, 15.

нивъ—одна проклята срома» [1]). «На нихъ ни чобитъ, ни штанйвъ, ни сорочки не було: а на иншоему сами рубци высять; мовъ той цыганъ иде, пьятами свите» [2]). «Запорожецъ якъ надивъ сорочку, такъ увесь годъ и не скида ій, покы сама не спаде съ плечъ, и йдё банитьця, штанивъ не скиде: «не годытця»—каже».

Съ теченіемъ, однако, времени съ одной стороны богатыя удачи на войнѣ, съ другой и самое развитіе жизни многое измѣнило въ понятіяхъ и обстановкѣ запорожскихъ козаковъ: разбивъ татаръ или турокъ, пограбивъ пановъ или жидовъ, козаки, возвращаясь въ Сичу, привозили съ собой множестю денегъ, платьевъ и дорогихъ матерій. Дошедшія до насъ свѣдѣнія показываютъ, что именно изъ одежды добывали себѣ запорожскіе козаки на войнѣ—шубы, кафтаны, шаровары, рубашки, шапки, сапоги, чекмени, барашковыя шкуры и т. п. [3]); тогда довольство добычи выражалось тѣмъ, что запорожцы рвали шелковую и китайчатую матерію на куски и обертывали этими кусками вмѣсто онучъ ноги.

Первыя указанія объ одеждѣ запорожскихъ козаковъ находимъ въ путевыхъ запискахъ XVI вѣка германскаго посла Эриха Ласоты; Ласота говоритъ, что у запорожцевъ были въ употребленіи татарскіе кобеняки—Kepenikh—или мантіи, составлявшія главное ихъ одѣяніе, и тутъ же прибавляетъ, что главный начальникъ козаковъ, отпуская посла изъ Сичи, далъ ему въ подарокъ кунью шубу и мѣховую изъ черныхъ лисицъ шапку [4]). Въ XVII вѣкѣ находимъ указанія объ одеждѣ козаковъ въ сочиненіи французскаго инженера Боплана: Бопланъ говоритъ о рубахахъ, шароварахъ, шапкахъ и кафтанахъ, сдѣланныхъ изъ толстаго сукна и составлявшихъ повседневное одѣяніе козаковъ [5]).

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1840, 51.

[2]) Кіевская Старина, 1883, V,-763, 764.

[3]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб, 1888, 19, 20, 21.

[4]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 45, 46.

[5]) Описаніе Украйны, Спб. 1882, 64.

Однако, указанія эти слишкомъ общи и мало опредѣленны. Въ XVIII вѣкѣ польскіе писатели говорятъ уже подробнѣе о запорожскихъ костюмахъ; по имъ словамъ, запорожскіе козаки носили шаровары съ широкимъ золотымъ галуномъ вмѣсто опушки, суконные съ откидными рукавами полукунтуши, бѣлые шелковой матеріи жупаны, шелковые съ золотыми кистями пояса и высокія шапки съ смушковыми околышами сѣраго цвѣта и краснымъ шелковымъ верхомъ, оканчивающимся золотой кисточкой [1]). Въ концѣ тогоже столѣтія современникъ запорожскихъ козаковъ, запорожецъ Никита Коржъ называетъ главнымъ одѣяніемъ запорожцевъ каптанъ, черкеску, саетовые яркихъ цвѣтовъ шаровары, ширины четыре аршина, сафьяновые цвѣтные сапоги, шалевый поясъ, шапку кабардинку изъ рѣчного звѣря каборги или видпихи, иначе выдры, обложенную накрестъ позументомъ, и наконецъ косматую шерстяную, для ненастнаго времени, бурку, называвшуюся у поляковъ вильчурой; такое одѣяніе, по словамъ Коржа, запорожцы носили дома въ Сичи и на походахъ во время войны [2]). Лица, жившія гораздо позже Никиты Коржа и видѣвшія запорожское платье, описываютъ его такими словами: «Жупаны у нихъ были синіе и дѣлались изъ такого хорошаго сукна, что оно никогда не линяло; отворы на рукавахъ (ихъ звали прежде «закаврашами») красные, и поясъ красный, а шаровары синія китайчатыя на очкурѣ. Вотъ такой самый жупанъ былъ и у моего отца: сине-темный, а закавраши зеленые, застегивался онъ до самаго верха посредствомъ гапликовъ, воротничекъ въ немъ былъ тоненькій въ два пальца и на воротничку два крючечка и двѣ бабки; гаплички шли отъ верха каптана до самаго пояса и такъ густо были усажены, что за ними не было видно и крючечковъ. Какъ у кого, поясъ былъ зеленый или другой какой, но мой батька всякій разъ носилъ красный, и ему это очень шло; звалъ онъ свой жупанъ каптанкомъ; рукава въ немъ были узенькіе и на концахъ застегива-

---

[1]) А. А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 267.
[2]) Изустныя преданія, Журналъ мин. нар. просв., 1839, н. 2, 186.

лись крючечками при самой рукѣ. Такъ же точно одѣвался и дѣдъ» [1]). Однако и эти описанія неполны дошедшія до насъ письменные документы въ числѣ запорожскаго одѣянія называютъ еще суконныя широкія киреи и короткія юбки, на манеръ турецкихъ куртокъ [2]), а старинныя картины представляютъ крюмѣ того запорожскихъ козаковъ въ короткихъ курткахъ изъ кожи, называемыхъ кожанками [3]).

Ясное и болѣе или менѣе точное представленіе о запорожскомъ одѣяніи даютъ дошедшія до насъ гравюры, иконы, знамена и портреты. Таковы: три гравюры въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Ригельмана «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи», гдѣ представленъ выборъ войсковой старшины и два изображенія запорожскихъ козаковъ; запорожцы одѣты здѣсь въ широкія шаровары, длинные каптаны, низкія шапки и косматыя бурки [4]). Двѣ иконы, одна въ публичномъ одесскомъ музеѣ древностей, другая въ церкви села Покровскаго екатеринославскаго уѣзда, гдѣ нѣкогда была послѣдняя по времени запорожская Сича: на первой представлена группа запорожцевъ, молящихся Богоматери и одѣтыхъ въ красныя нижнія черкески и верхніе темно-зеленые съ откидными рукавами каптаны, широкія, низко опущенныя, краснаго цвѣта шаровары, опоясанныхъ разноцвѣтными, съ наборами и безъ наборовъ, поясами, и обутыхъ въ красные съ острыми носками сапоги; на другой иконѣ представлены два запорожца, стоящіе на колѣняхъ, и одѣтые въ нижніе узкаго покроя черкески и въ верхніе, очень широкіе жупаны, похожіе на киреи [5]). Большое войсковое знамя, хранящееся въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ, на которомъ запорожцы изображены въ разноцвѣтныхъ каптанахъ,

[1]) Кіевская Старина, 1886, XV, 760.

[2]) А. А. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 271.

[3]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 58.

[4]) Гравюра, приложенная къ сочиненію «Вооруженія россійскихъ войскъ», кажется, сильно утрирована.

[5]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 58, 192.

нижнихъ черкескахъ, шелковыхъ поясахъ, разныхъ видовъ шапкахъ—низкихъ придавленныхъ и высокихъ остроконечныхъ, съ барашковымъ околышемъ и суконнымъ или шелковымъ верхомъ, въ широкихъ шароварахъ и непремѣнно съ длинной хусткой, т. е. платкомъ у пояса вдоль шароваръ. Портреты запорожскаго полковника Афанасія Ѳедоровича Колпака и двухъ незначныхъ запорожцевъ, Ивана и Якова Шіяновъ, писанные масляными красками почти во весь ростъ съ натуры и находящіеся первый въ Самарскомъ пустынно-николаевскомъ монастырѣ, близъ города Новомосковска екатеринославской губерніи, два другіе въ одесскомъ публичномъ музеѣ древностей: здѣсь представлены запорожцы съ открытыми головами, съ шапками или подъ мышкой или въ рукѣ, въ красныхъ каптанахъ, шелковыхъ штофныхъ съ узорами черкескахъ, широкихъ краснаго шелка поясахъ и сафьяновыхъ красныхъ или желтыхъ сапогахъ [1]). Эти портреты всего вѣрнѣе передаютъ костюмъ запорожскихъ козаковъ; къ ихъ описанію можно прибавить лишь то, что хранится въ собственномъ собраніи автора настоящей статьи, и немного изъ того, что находится въ другихъ частныхъ собраніяхъ запорожскихъ древностей по части одѣянія. Запорожское платье собственнаго собранія состоитъ изъ двухъ нижнихъ одѣяній, такъ называемыхъ черкесокъ, на человѣка большого роста и малаго: одно изъ нихъ бураковаго цвѣта [2]), другое краснаго: оба длиною нѣсколько ниже колѣнъ; оба имѣютъ по два уса назади, какъ кафтаны черкесовъ или кубанскихъ козаковъ, и шелковыя бабки на коротенькихъ шелковыхъ снуркахъ спереди; оба имѣютъ на концахъ рукавовъ небольшіе отвороты изъ темнаго бархата, прикрѣпленные къ рукаву металлическими крючками; оба въ плечахъ довольно широки и въ перехватѣ довольно узки; наконецъ, оба подбиты клѣтчатой китайчатой матеріей; достоинство покроя этихъ черкесокъ состоитъ въ томъ,

---

[1]) Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, I, 100; II, 62, 64.

[2]) Буракомъ называютъ въ Малороссіи то, что на сѣверѣ извѣстно подъ именемъ свеклы.

что онѣ даютъ полную свободу человѣку махать рукой впередъ и назадъ, нисколько не стѣсняя его дѣйствій; отъ этихъ же черкесокъ имѣются и пояса, одинъ вытканный изъ шелковаго персидскаго сырца, шириною двѣ съ половиной четверти [1]), длиною одиннадцать аршинъ, бураковаго цвѣта, съ позолоченными концами, длины въ три четверти каждый конецъ, и съ шелковыми плетеными снурками, длиною въ аршинъ, прикрѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса; другой вытканный также изъ шелка, такой же ширины, но семь аршинъ длины, лиловаго цвѣта, съ посеребренными концами и шелковыми снурками на концахъ; третій такой же ширины и такой же длины, но безъ позолоты на концахъ и вытканный изъ великолѣпной шелковой матеріи съ цвѣтами и узорами, подобно матеріямъ шалей, и потому называемый шалевымъ. Черкески и два первыхъ пояса добыты у внука запорожца, крестьянина села Лапинки екатеринославскаго уѣзда, Мокія Лося, хранившіеся у него отъ дѣда по настоящее время безъ всякой передѣлки, что засвидѣтельствовано всею волостью села [2]); теперь эти черкески и пояса находятся въ частномъ музеѣ собирателя козацкихъ древностей Георгія Петровича Алексѣева въ Петербургѣ. Къ этому описанію остается только сказать нѣсколько словъ о кожаныхъ поясахъ: нѣсколько кожаныхъ запорожскихъ поясовъ находится въ собраніи древностей Александра Николаевича Поля въ Екатеринославѣ; длина ихъ не больше той, какая необходима для того только, чтобы охватить животъ, но внѣшняя отдѣлка—самая разнообразная, состоящая изъ различныхъ металлическихъ накладокъ, подобно черкескимъ поясамъ на Кавказѣ.

Сто-восемнадцати-лѣтній старикъ, Иванъ Игнатовичъ Россолода, самъ запорожецъ, родившійся на отцовскомъ зимовникѣ, часто видѣвшій своего отца въ запорожскомъ одѣяніи, долго хранившій потомъ это одѣяніе у себя, и до сихъ поръ еще живущій въ селѣ Чернышовкѣ екатеринославскаго уѣзда, описы-

[1]) Для опоясыванія онъ складывался втрое изнанкою въ средину.

[2]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 68, 70.

ваетъ его въ такихъ словахъ: «Ходили запорожцы хорошо, одѣвались и роскошно и красиво; головы они, видите ли, брили: обрѣютъ да еще и мыломъ намажутъ, чтобы, видишь, лучше волосы росли; одну только чупрыну [1]) оставляли на головѣ, длины, вѣроятно, съ аршинъ, черную да курчавую. Заправитъ ее, замотаетъ раза два или три за лѣвое ухо да и повѣситъ, она и виситъ у него до самаго плеча, да такъ за ухомъ и живетъ... А иной возьметъ да перевяжетъ свою чупрыну ленточкой, закрутитъ ее на лбу, такъ и ляжетъ спать, а утромъ какъ встанетъ да какъ распуститъ ее, такъ она точно хвостъ у овцы сдѣлается. То все на выхвалку! Дѣвчата косы отращиваютъ, а запорожцы чупрыны. А если уже черезчуръ длинная выроститъ, тогда козакъ замотаетъ ее сперва за лѣвое ухо, а потомъ проведетъ по-за затылкомъ на правое ухо, да такъ и ходитъ. Бороды тоже брили, только одни усы оставляли и ростили ихъ долгіе-предолгіе. Вотъ это какъ нафабритъ ихъ, какъ начернитъ да какъ расчешетъ гребнемъ, такъ хоть онъ и старый будетъ козакъ, а такой выйдетъ козарлюга, что только хить-хить! Страшно долгіе усы отрощали! Иной возьметъ ихъ обѣими руками, подниметъ вверхъ да и позакладаетъ на самыя уши, а они еще ниже ушей висятъ. Вотъ какіе они были усари! Правда, у нѣкоторыхъ были и маленькіе усы — такъ, какъ у кого волосъ растетъ, а только усы они очень любили... Вотъ это какъ запорожецъ чупрыну замоталъ, усы расчесалъ, тогда уже одѣвается въ свое платье. А платье было у нихъ на дроту [2]), на ватѣ, на шелковыхъ снуркахъ да на пуговицахъ, изъ тонкаго сукна разныхъ цвѣтовъ: тотъ надѣнетъ голубое, тотъ зеленое, тотъ красное, кто какого пожелаетъ; только сорочки были собственнаго рукодѣлія, потому что бумажной ткани они тогда не знали. На голову надѣвали высокую шапку

---

[1]) Чупрына отъ слова «чубъ», а слово «чубъ» съ персидскаго «чобъ гроздь, кисть, пучекъ».

[2]) «Дротъ вставлялся въ средину: сколько хочешь, столько й бей, а не пробьешь».

острую, со смушковымъ околышемъ, въ четверть ширины, съ суконнымъ краснаго или зеленаго цвѣта дномъ [1]), въ полторы четверти высоты, на ватѣ, съ золотыми перекрестами, съ серебряной китицей на самомъ вершку и съ крючкомъ для китицы, пристегивать, чтобы не моталось. Околышъ шапки часто служилъ козаку вмѣсто кисета или кармана: туда онъ иногда клалъ табакъ, огниво, люльку или рожокъ съ табакомъ; особенно люльку: какъ вынулъ изо-рта, такъ и заткнулъ ее за околышъ. Шапки больше всего дѣлались по куренямъ: какой курень, такая и шапка, такой и цвѣтъ на ней. Прежде чѣмъ надѣть на себя шапку, козакъ заматываетъ свою чупрыну за ухо и потомъ уже надѣваетъ шапку на голову: какъ надѣлъ шапку, то онъ уже и козакъ; это—самое первое и самое главное одѣяніе козака. Потомъ уже надѣваетъ черкеску, длины до колѣнъ, красную, съ пуговицами, на шелковыхъ снуркахъ, съ двумя сборами назади, съ двумя крючками для пистолетовъ на бокахъ и съ небольшими отворотами изъ бархата на концахъ рукавовъ, пристегиваемыхъ желѣзными крючками. Застегнетъ ту черкеску пуговицами, завяжетъ поясомъ, и готовъ. А пояса дѣлались или изъ шали или изъ турецкаго и персидскаго шелка, широкіе и долгіе: не такіе, что теперь парубки носятъ, которые они заматываютъ на срединѣ живота и завязываютъ узломъ, а такіе, напримѣръ, какъ монахини дѣлаютъ попамъ: длины аршинъ десять или больше того, а ширины четверти полторы, а то и совсѣмъ двѣ; концы на нихъ золотились или серебрились, а къ самымъ краямъ привязывались шелковые снурочки. Вотъ какъ надо козаку опоясаться, то онъ привяжетъ поясъ снуркомъ къ гвоздю да и качается кругомъ, такъ и намотаетъ весь поясъ на себя. Потомъ снурки завяжетъ или позади себя на спинѣ, или на боку, а позолоченные концы оставитъ спереди, на животу, да такъ и ходитъ, кокъ истый лыцарь. Пояса были разныхъ цвѣтовъ: зеленые, красные, голубые, коричневые.

[1]) Краснымъ вершкомъ, называвшимся у нѣкоторыхъ «солодкимъ дномъ».

Кромѣ долгихъ поясовъ, носили запорожцы и короткіе, сдѣланные изъ кожи или волоса: на нихъ сзади нашивались китицы, а спереди крючки, пряжки, ремни для кинжаловъ, сабель и люлекъ. Вотъ какъ надѣлъ запорожецъ красную черкеску, опоясался поясомъ, навѣсилъ на себя кинжалъ, приладилъ саблю, тогда онъ надѣваетъ каптанъ или жупанъ. Это уже одежда просторная и долгая, почти до самыхъ косточекъ, съ широкими рукавами, такъ какъ будто подрязникъ у попа или то платье, что архіерейскіе пѣвчіе надѣваютъ по городамъ. Каптанъ уже былъ другого цвѣта, чѣмъ черкеска: если черкеска красная, то каптанъ голубой или синій: онъ тоже былъ на сборахъ и на снуркахъ, весь гаптованъ золотомъ, съ разными росписными и узорчатыми полосками, позументами, гапликами, пуговицами, съ тонкимъ дротомъ въ срединѣ и съ широкими-пре широкими рукавами или, какъ тамъ говорятъ, роздёрами или роспорами [1]). Роспоры эти дѣлались какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгибалась рука по локтю, четверти полторы въ длину; внизъ за роспорами шелъ уже сшитый рукавъ до самаго конца. Въ такіе рукава просовывали руки или прямо черезъ концы ихъ, или черезъ роспоры, что по срединѣ рукавовъ. Когда руки просунуты прямо черезъ концы рукавовъ каптана, то тогда изъ-подъ нихъ выдавались бархатные отвороты черкески и на каждой рукѣ выходило по два рукава [2]); а когда руки просовывались черезъ роспоры, тогда выходило, будто на каждой рукѣ козака надѣто по четыре рукава: два лежатъ, а одинъ сзади «метляется». Тѣ, что «метлялись» сзади, можно было заложить за спину и вмѣстѣ связать. Отъ этого и выходило, что какъ ѣдетъ бывало запорожецъ верхомъ съ завязанными рукавами, то кажется, какъ будто на спинѣ его придѣланы крылья: по тѣмъ-то крыльямъ и узнаютъ издали запорожца. Поверхъ кап-

---

[1]) То, что у поляковъ извѣстно подъ названіемъ вылётовъ и у малоросовъ заковрашъ.

[2]) Годъ тому назадъ, записывая слова И. И. Россолоды, мы передали ихъ неточно, теперь, вновь увидясь съ Россолодой, исправляемъ свою неточность.

тана иногда надѣвалась кирея, это совсѣмъ долгое одѣяніе, по самыя пятки, сдѣланное или изъ кожи или изъ волны, безъ рукавовъ, похожее на плащъ. Вотъ какая у нихъ была одежда! Такая одежда, что онъ одной сорочки не продастъ за сто рублей; какъ идетъ по улицѣ, такъ какъ будто убранъ звѣздами или цвѣтами. До этой широкой и просторной одежды приставали широкія и просторныя шаровары, суконныя, нанковыя, кожаныя, съ обѣихъ сторонъ съ карманами: и тутъ карманъ и тутъ карманъ, оба обложенные по краямъ сверху золотыми позументами, разныхъ цвѣтовъ, а больше всего синяго цвѣта: матни въ штанахъ дѣлались такія, что до самой земли касались: какъ будто что волочится. Какъ идетъ козакъ, то и слѣдъ за собой мететъ. Къ шароварамъ пригонялись долгіе очкуры, шелковые или шерстяные, съ золотыми китицами на обоихъ концахъ. Холоши шароваръ носились поверхъ голенищъ не такъ, какъ теперь дѣлаютъ, что вкладываютъ ихъ въ сапоги, а поверхъ сапогъ; онѣ привязывались къ голенищамъ серебряными подвязками или шелковыми снурками съ золотыми и серебряными китицами на концахъ; а самыя подвязки привязывались такъ, что отъ нихъ видны были только китицы. Какъ идетъ запорожецъ, то такъ и видишь, какъ тѣ китицы изъ-подъ шароваръ мотаются. Подъ шаровары уже надѣвались сафьяновые чоботы, желтые, зеленые, красные, съ золотыми, серебряными и мѣдными подковками, съ узенькими носками; отъ сапогъ виднѣлись одни носки или каблуки: такъ запорожцы напускали на нихъ низко свои шаровары [1]): издали кажется, точно баба въ юбкѣ стоитъ: а какъ идетъ козакъ, точно парусъ роспускаетъ; а ширина такая, что въ иныя шаровары можно штукъ тридцать арбузовъ вложить; какъ двадцать аршинъ матеріи, то такія шаровары называются «рясными», а какъ пятнадцать, называются шароварами «зъ достàтку» [2]).

---

[1]) На портретахъ Колпака и братьевъ Шіяновъ шаровары, однако, не такъ низко опущены.

[2]) Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II. 20—24.

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что самыя дорогія платья запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита. Платья изъ шелковой штофной съ узорами матеріи, подобной матеріямъ шалей, назывались у запорожцевъ шалевыми; платья изъ польскаго и англійскаго сукон назывались саетами отъ польскаго слова «sajeta» съ тѣмъ же значеніемъ; платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазинными отъ татарскаго слова «кырымызы»—красный; наконецъ платья изъ аксамита назывались аксамитными; аксамитъ — это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ, почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова «ἑξάμιτον,» составленнаго изъ двухъ словъ «ἕξ»—шесть и «ἱμάτιον»—платье, откуда латинское «examitum», нѣмецкое «samet», нижне-лужицкое «samot»; аксамитъ—золотая или серебряная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и разныхъ цвѣтовъ узорами, какъ парча, шитая золотыми и серебряными петлями; аксамитъ добывался главнымъ образомъ изъ Византіи и у древнихъ русскихъ шелъ на церковныя облаченія, одежды князей и богатыхъ бояръ [1]), а у запорожцевъ главнымъ образомъ на нижнее платье, черкеску.

Изъ оружій были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ арматы, ружья, пистолеты, копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, якирьци, кинжалы и ножи. Первыя указанія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ находимъ у Якова Собѣскаго начала XVII вѣка; Яковъ Собѣскій говоритъ, что многіе изъ запорожскихъ козаковъ не употребляли сабель, но ружьями владѣли всѣ [2]); далѣе въ томъ же вѣкѣ объ оружіи козаковъ говоритъ Бопланъ; по словамъ Боплана у запорожцевъ были въ употребленіи фальконеты, ядра, порохъ, пищали и сабли; каждый козакъ, отправляясь въ походъ, бралъ одну саблю,

---

[1]) Труды московскаго археологическаго общества, т. IV, вып. I, 31.

[2]) Записки о хотинской войнѣ; Черниговк. губерн. вѣд., 1849, ноября 25 и декабря 16.

двѣ пищали, шесть фунтовъ пороху, причемъ тяжелые боевые снаряды складывалъ въ лодку, легкіе оставлялъ при себѣ [1]); въ томъ же XVII вѣкѣ въ дошедшихъ до насъ актахъ есть указанія, что у запорожскихъ козаковъ были въ ходу пушки и пищали для охраны крѣпостей: «въ Сѣчѣ пушечнаго наряду: пушка мѣдная ломовая, а къ ней сто ядръ вѣсомъ по восемь гривенокъ ядро, одиннадцать пушекъ полевыхъ, а къ нимъ по сто ядръ, вѣсомъ по четыре и по три гривенки ядро; да затинниныхъ пищалей двѣ мѣдныхъ да три желѣзныхъ, а къ нимъ двѣсти ядръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и полугривенкѣ ядро... Городокъ Кодакъ—пушекъ въ немъ двѣ желѣзные городовые да двѣ затинные пищали» [2]); въ томъ же XVII вѣкѣ объ оружіи запорожскихъ козаковъ находимъ указанія въ лѣтописи Самовидца; по свидѣтельству Самовидца у запорожцевъ были въ ходу самопалы, сабли, списы, т. е. копья, стрѣлы и обухи, т. е. калепа или боевые молотки [3]); въ половинѣ XVIII вѣка находимъ свѣдѣнія о вооруженіи запорожскихъ козаковъ въ исторіи князя Семена Мышецкаго; по его словамъ, въ войскѣ запорожскомъ, какъ у стараго, такъ и у малаго, имѣется огненное оружіе—рушницы или флинты, пистолеты, холодное оружіе — копья и сабли; а порохъ и свинецъ покупаютъ въ Польшѣ и Малороссіи, свой же хотя и дѣлаютъ, но онъ не отличается хорошимъ качествомъ [4]). Большинство изъ этого оружія добывалось запорожцами у поляковъ, русскихъ и особенно у татаръ и турокъ [5]); главнѣйшіе же запасы пороха шли сперва отъ польскаго правительства, а потомъ, съ переходомъ запорожскихъ козаковъ въ подданство русскому царю, при Богданѣ Хмельницкомъ, отъ русскаго: отправляя ежегодно изъ Москвы въ Сичу

---

[1]) Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 64.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13, 14.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1854, 20.

[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.

[5]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 19, 21, 22.

жалованье запорожскимъ козакамъ, русское правительство съ тѣмъ вмѣстѣ отправляло имъ извѣстное количество пудовъ пороху [1]).

Изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ запорожскихъ арматъ или пушекъ большая часть польскаго издѣлія: въ самой Польшѣ пушки стали выливаться впервые при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572): оттого въ первой половинѣ XVI вѣка онѣ были весьма рѣдки какъ въ самой Рѣчи-Посполитой, такъ и въ запорожскихъ вольностяхъ: имъ знали счетъ, знали, сколько было поставлено пушекъ въ каждой изъ польскихъ крѣпостей и сколько въ каждой изъ крѣпостей запорожскихъ. Сохранившіяся до нашего времени пушки запорожскихъ козаковъ имѣютъ четыре вида: мортиры, мѣдныя пушки, желѣзныя кованныя и чугунныя; образцы всѣхъ этихъ видовъ пушекъ мы имѣемъ въ общественныхъ и частныхъ музеяхъ козацкихъ древностей [2]); мортира мѣдная представляетъ изъ себя мѣдную ступку длины 100, ширины 90 и отверстія 40 миллиметровъ; пушка мѣдная состоитъ изъ мѣднаго ствола длины пять, толщины четыре четверти, отверстія одной четверти, со шпилемъ съ глухой стороны длины полторы четверти [3]); пушка желѣзная состоитъ изъ желѣзной кованной трубы, скрѣпленной осьмью желѣзными кольцами и открытой съ обоихъ концовъ: къ одному изъ этихъ концовъ (откуда заряжаютъ пушки) придѣланы желѣзныя скобы, въ которыя вкладывался желѣзный ящикъ для зарядовъ пушки; длина трубы 640 миллиметровъ, длина самаго ящика 240 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки 880 миллиметровъ, ширина ящика съ верхняго конца — 175, съ нижняго—110 миллиметровъ, внутренній діаметръ трубы 60 миллиметровъ, толщина стѣнокъ трубы—по 20 миллиметровъ; пушка чугунная состоитъ изъ чугуннаго ствола съ хвостомъ и подставкою для

[1]) Тамъ же, страницы 90, 129, 160, 173, 185.

[2]) Въ частномъ музеѣ Александра Николаевича Поля въ Екатеринославѣ, въ общественномъ въ городѣ Одессѣ.

[3]) Въ мѣстечкѣ Качановкѣ черниговской губерніи, въ собраніи В. В. Тарновскаго.

прицѣла; длина ствола—640, длина хвоста—120 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки—760 миллиметровъ, діаметръ при хвостѣ—160, при дулѣ—125 миллиметровъ, діаметръ самаго дула—55 миллиметровъ [1]). Ружья или рушницы (правильнѣе ручницы отъ слова «рука») употреблялись запорожскими козаками всевозможныхъ видовъ; большинство изъ нихъ имѣли длинные стволы, оправленныя серебромъ съ насѣчками и чернью ложи, и стрѣляли посредствомъ положеннаго на полку пороха и прилаженнаго къ полицѣ и курку кремня. Въ такомъ же видѣ, только меньше размѣрами, обыкновенно до пяти четвертей длины, съ «просторыми» дулами, были и пистолеты, называвшіеся у запорожскихъ козаковъ пистолями; каждый козакъ имѣлъ при себѣ по два пистолета и носилъ ихъ или за поясомъ, или въ кожаныхъ кобурахъ, (съ татарскаго «кубур»—кожаный чехолъ, футляръ), придѣланныхъ снаружи къ шароварамъ [2]). Ружьями, пистолетами да саблями запорожскіе козаки особенно любили щеголять и потому большое вниманіе обращали на нихъ, придавая имъ дорогую оправу и украшенія и всегда стараясь держать ихъ въ большой чистотѣ (отчего и сложилось выраженіе «ясная зброя»): «оружіе у нихъ все было убрано въ золото да въ серебро, на оружіе они все богатство свое покладали: то и не козакъ, коли у него скверное оружіе» [3]); только въ виду походовъ запорожцы смачивали ружья и пистолеты разсоломъ, чтобы дать имъ ржавчину и не заставлять «играть вражеское око на ясной зброи». Копья или списы и ратища (отъ слова «рать») были также въ большомъ употребленіи у запорожскихъ козаковъ; изъ сохранившихся до нашего времени копій видно, что всѣ они дѣлались изъ тонкаго и легкаго древка, въ пять аршинъ длины, окрашеннаго спирально красною и черною кра-

---

[1]) Образцы пушекъ см. «Запорожье», Д. И. Эварницкаго, Спб., 1888, I, 54.

[2]) Такъ запорожцы изображены на большомъ войсковомъ знамени, хранящемся въ Петербургѣ, въ эрмитажѣ, и на гравюрѣ Ригельмана «Изображеніе запорожскаго козака» № 25.

[3]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 24.

скою и имѣющаго на верхнемъ концѣ желѣзный наконечникъ и на нижнемъ двѣ небольшія, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надѣваемой на ногу [1]). На нѣкоторыхъ древкахъ копій дѣлалась еще желѣзная перепонка для того, чтобы проткнутый копьемъ врагъ сгоряча не просунулся по копью до самыхъ рукъ козака и не схватился бы снова драться съ нимъ, ибо случалось, что иному и животъ распорятъ, а у него кровь не брызнетъ, онъ даже не слышитъ и продолжаетъ лѣзть въ драку. Нѣкоторыя копья дѣлались съ остріями на обоихъ концахъ, которыми можно было и сюда класть враговъ и туда класть. Часто у запорожскихъ козаковъ копья служили во время переходовъ черезъ болота вмѣсто мостовъ: когда дойдутъ они до топкаго мѣста, то сейчасъ же кладутъ одинъ за другимъ два ряда копій—въ каждомъ ряду копье и вдоль и поперекъ, да по нимъ и переходятъ: когда пройдутъ чрезъ одинъ рядъ, то сейчасъ же станутъ на другомъ, а первый снимутъ и изъ него помостятъ третій; да такъ и переберутся [2]). Сабли употреблялись не особенно кривыя и не особенно длинныя, средней длины пять четвертей, но зато очень острыя: «какъ рубнетъ кого, то такъ надвое и разсѣчетъ,—одна половина головы сюда, а другая туда»: лезвія сабель вкладывались въ деревянныя обшитыя кожей или обложенныя металломъ пихвы (отъ слова «пихать») или ножны, украшенныя нерѣдко на концѣ рукоятки какимъ-нибудь вырѣзаннымъ изъ дерева звѣремъ или птицей; на самыхъ лезвіяхъ часто дѣлались золотыя насѣчки; сабли носились у лѣваго бока и привязывались посредствомъ двухъ колецъ, одного вверху, другого ниже средины, узенькимъ ремнемъ подъ поясъ [3]). Сабля столь необходима была для запорожскихъ козаковъ, что въ пѣсняхъ ихъ она называется всегда «шаблею-сестрицею, ненькою-ридненькою, панночкою молоденькою».

---

[1]) Такое копье добыто авторомъ у купца города Бериславля И. П. Шила, внука запорожца.

[2]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 25.

[3]) См. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана, Москва, 1847, приложеніе № 26.

«Ой, панночка наша шаблюка!
Зъ бусурменомъ зустривалась,
Не разъ, не два цилувалась».

Какъ истинный «лыцарь», запорожецъ саблю предпочиталъ всякому другому оружію, особенно пулѣ, и называлъ ее «чеснымъ оружіемъ». Келепа или боевые молотки, чеканы—ручное оружіе, состоявшее изъ деревянной, въ аршинъ длины, ручки съ желѣзнымъ на верхнемъ концѣ молоткомъ, имѣвшимъ съ одной стороны тупой обушокъ, съ другой острый носъ; какъ боевое оружіе, келепа употреблялись въ Россіи, напримѣръ у «воровскихъ» козаковъ Стеньки Разина, одновременно съ этимъ у турокъ XVII вѣка [1]) и у запорожскихъ козаковъ: «сегожъ де, государь, числа (3 сентября 1658 года) въ ночи пришли въ село Крупецъ изъ Глухова черкасы (т. е. черкасскіе козаки) пѣши и его—драгуна Ваську Кондратова — били и мучили... битъ онъ чеканомъ по головѣ и рука правая отшиблена» [2]). Въ народныхъ козацкихъ думахъ есть также двустишіе, въ которомъ келепу приписывается значеніе боеваго оружія.

«А козакъ козачій звычай знае —
Келепомъ по ребрахъ торкае.

Якирьцы или рогульки, извѣстные еще подъ именемъ желѣзнаго или троицкаго чеснока [3]), также считались у запорожцевъ иногда принадлежностью вооруженія; якирьцы похожи на четыре толстыхъ гвоздя, къ концу сильно заостренныхъ и въ центрѣ вмѣстѣ соединенныхъ; видимо якирьцы дѣлались изъ продолговатаго куска желѣза до самой средины расщепленнаго на три части и потомъ отдѣльно ручнымъ способомъ выкованнаго [4]); какъ бое-

---

[1]) Сказанія Сахарова, т. II, Путешествія, 216; А. Поповъ, Матеріалы для исторіи Ст. Разина, Москва, 1857, 24. Множество келеповъ находится въ музеѣ Соловецкаго монастыря видѣнныхъ мной въ 1887 году.

[2]) Акты южной и западной Россіи, IV, 140.

[3]) Такъ прозвали ихъ монахи Троицко-Сергіевской лавры во время осады ея поляками, въ началѣ XVII вѣка.

[4]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 26.

вое орудіе, они употреблялись въ древнее время у русскихъ [1]), поляковъ [2]) и затѣмъ несомнѣнно у татаръ и запорожскихъ козаковъ; назначеніе ихъ было ранить копыта лошадямъ, поэтому они разбрасывались запорожцами по степи въ виду движенія вражеской конницы, чтобы замедлить движеніе кавалеріи: «какъ ни положить его, а все одинъ рожокъ якирьця будетъ торчать вверхъ и непремѣнно вонзится въ копыто лошади». Стрѣлы видимо употреблялись запорожскими козаками въ очень раннюю пору ихъ историческаго существованія и были заимствованы отъ татаръ и турокъ; извѣстный кошевой запорожскихъ и гетманъ малороссійскихъ козаковъ, Петръ Конашевичъ Сагайдачный (1605—1622) на старой гравюрѣ XVII вѣка представленъ верхомъ на конѣ съ булавой въ рукѣ, съ сагайдакомъ при боку и съ стрѣлами въ немъ за спиной [3]). Сагайдакъ съ татарскаго «сагайдакъ» или «саадакъ»—дикій козелъ или кожа съ дикаго козла для обшиванія лука и даже самый лукъ—употреблялся запорожскими козаками для той же цѣли, какъ у татаръ—для храненія въ немъ стрѣлъ—и носился посредствомъ ремня за плечами; сагайдаки добывались запорожскими козаками главнымъ образомъ у татаръ [4]).

Ко всему описанному вооруженію запорожскихъ козакахъ надо прибавить еще ятаганы, кинжалы и ножи, которые также были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ, хотя и не составляли ихъ, такъ сказать, національнаго вооруженія, заносились изъ отдаленныхъ отъ запорожскихъ вольностей земель и странъ; наконецъ къ вооруженію запорожскихъ козаковъ нужно отнести также лядунки и череса. Лядунки или пороховицы употреблялись запорожцами разныхъ родовъ и разныхъ видовъ:

---

[1]) Филаретъ, Описаніе харьковской епархіи, Москва и Рига, 1848, IV, 3.

[2]) А. Н. Поповъ, Изборникъ хронографовъ, Москва, 132.

[3]) Историческіе дѣятели сѣв.-зап. Руси Антоновича и Беца, Кіевъ, 1885, обложка.

[4]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи зап. коз., Спб., 1888, 19.

костяныя, металлическія, кожаныя, въ видѣ тыквъ, рожковъ, фляжекъ и т. п.; онѣ во множествѣ сохранились до нашего времени и наполняютъ собой частные музеи собирателей козацкихъ древностей; кожаные широкіе череса носились запорожцами на груди, наполнялись въ два или въ три ряда патронами съ пулями и потому замѣняли собой патронташи.

Соотвѣтственно вооруженію самого козака дѣлалась и сбруя его боевого коня: на коней надѣвались кульбаки [1]), т. е. сѣдла съ дорогимъ разукрашеннымъ чапракомъ, съ подвѣшенными по бокамъ сѣдла, на пряжкахъ, нерѣдко тисненными и расписанными, подтебеньками, т. е. кожаными полами или лопастями—отъ татарскаго «тебенéкъ, тебенькú» — кожаныя лопасти въ сѣдлѣ—[2]) и съ ременными тороками—отъ татарскаго слова «терки» ремни—, прикрѣпляемыми сзади сѣдла для привязыванія къ нимъ мѣшка, сумы съ вещами или какой-либо поклажей; такъ дѣлали татары еще въ 1283 году, послѣ побѣды надъ русскими: «начаша бесурмане вязати головы боярскыя къ торокомъ, а рукы вкладоша въ судно» [3]): такъ дѣлали и запорожскіе козаки, привязывая къ торокамъ разную одежду во время отправленія въ походъ и разное добро послѣ похода; наконецъ, для походной ѣзды необходимы были запорожцамъ и плети, называемыя у нихъ то малахаями, то нагаями и сохранившіяся до нашихъ временъ въ частныхъ собраніяхъ козацкихъ древностей [4]).

---

[1]) «Kulbaka» — польское слово, что значитъ «сѣдло»; вѣроятно это слово сложено изъ двухъ татарскихъ «кол»—рука и «баг» завязка, тесемка, ремень.

[2]) А. А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Варшава, 1883, IV, 49.

[3]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, Спб., 1872, 457.

[4]) Напримѣръ въ музеѣ А. Н. Поля въ городѣ Екатеринославѣ.

VI.

Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды.

Клейнодами или клейнотами, съ нѣмецкаго «Kleinod», польскаго «Kleinot»—драгоцѣнная вещь или драгоцѣнность, назывались у запорожскихъ козаковъ войсковые знаки, регаліи или аттрибуты власти, при которыхъ происходили у нихъ большія или малыя рады и которые употреблялись старшинами, сообразно должности каждаго изъ нихъ. Но что же именно разумѣлось подъ этими войсковыми знаками въ частности? На этотъ вопросъ прежде всего даетъ отвѣтъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко. Подъ 1648 годомъ, апрѣля 9 дня, у него сказано слѣдующее: «По якой елекціи (послѣ прибытія Богдана Хмельницкаго на Сичу Никитинскую и объясненія его съ запорожцами), заразъ отъ кошевого посланъ до скарбницѣ войсковой писарь сѣчовій, зъ нѣсколькома атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взявши тамъ и принесши въ раду клейноти войсковіи. тіи прéто посланніи въ скарбницѣ бывши и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до рады и вручили ихъ заразъ Хмельницкому. Клейноти зась именно были тіи: корюговъ королевская, злотописанная, барзо красная; бунчукъ, тожъ велце модній, зъ позлоцѣстою галкою и древцемъ; булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать сребная войсковая и котли новіи мѣдніи великіе зъ добошемъ;

къ тому тежъ и три штуки арматъ полевыхъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль (т. е. пуль), зъ арматами и пушкарами»[1]). Затѣмъ въ грамотѣ о запорожскихъ клейнодахъ, данной императрицей Екатериной II запорожскимъ козакамъ, въ 1763 году, февраля 6 дня, мы читаемъ: «Имяннымъ нашимъ указомъ сего 1763 года, февраля 6 дня, повелѣно взнакъ квойску запорожскому нашего императорскаго благоволенія и высочайшей милости тому войску попрошенію ихъ дать войсковые клейноты, яко-то: булаву, знамя, бунчукъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости»[2]). Такимъ образомъ здѣсь прибавлены три новые знака: перначъ, значки и трости, зато не названы арматы или пушки. Слѣдуетъ прибавить еще то, что спеціальный историкъ запорожскихъ козаковъ, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, находившійся въ Сичѣ съ 1738 по 1740 годъ, принадлежностью кошеваго считаетъ не булаву, а палицу, «въ которой кошеваго вся честь состоитъ»[3]). Также изображенъ кошевой атаманъ и въ лѣтописи Ригельмана, въ ея приложеніяхъ къ четвертой части[4]).

Впервые клейноды пожалованы были войску запорожскому еще польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ знаки на независимое существованіе низовыхъ козаковъ отъ польскаго правительства. «Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля польскаго козаки въ лучшій еще строй учинени... Видя у козаковъ мужество великое и зъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана и присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву и на печати гербъ рицерь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и всякихъ воениихъ припасовъ»[5]). Затѣмъ клейнодами жаловали запорожцевъ и русскіе цари: въ 1708 году Петръ I, въ 1734 году Анна Ивановна и въ 1763 году Екатерина II.

Булавой назывался серебряный позлащенный, иногда уни-

[1]) Лѣтопись Самоила Величка, Кіевъ, 1848 г., I, ст. 51.

[2]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888 года, 183.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 37.

[4]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847 года.

[5]) Лѣтопись Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854 года, стр. 21.

занный драгоцѣнными камнями шаръ, надѣтый на металлическую или деревянную изъ орѣха палку, гладко выструганную, окрашенную въ темную краску и имѣющую до трехъ съ половиной четвертей длины [1]). Теперь дознано, что употребленіе булавы извѣстно было уже въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, въ концѣ неолитической эпохи и въ началѣ бронзоваго вѣка: каменныя булавы находились при раскопкахъ Трои; жители Кавказа, Сибири, Финляндіи, Западнаго края знали ее задолго до Р. Х.: затѣмъ послѣ Р. Х. употребленіе булавы сдѣлалось извѣстнымъ татарамъ, черезъ татаръ—полякамъ, а черезъ поляковъ—и запорожскимъ козакамъ [2]). Знаменемъ, хоругвью или корогвою и прапоромъ назывался шелковый ярко-краснаго цвѣта платокъ съ изображеніемъ на немъ въ срединѣ или бѣлаго польскаго орла, когда запорожцы были за польскимъ королемъ, или двуглаваго русскаго орла, когда запорожцы перешли къ московскому царю, а по бокамъ Спасителя и архангела Михаила. Бунчукомъ называлась простая, окрашенная въ черную краску палка, длины четыре съ половиной аршина, на верхній конецъ которой набивался мѣдный шаръ, а подъ самый шаръ вкладывались волосы изъ конскаго хвоста съ четырьмя или шестью косами поверхъ волосъ. Печать войсковая — круглой формы, сдѣлана изъ серебра съ изображеніемъ козака въ остроконечной шапкѣ на головѣ, въ кафтанѣ съ пуговицами на груди, съ саблей и пороховницей при боку, съ ружьемъ черезъ лѣвое плечо, съ копьемъ «стоящимъ пред рицеромъ, воина бодрствующаго знаменующимъ» и съ надписью по краямъ съ лицевой стороны: «Печать славного воиска запорозкого нізового», или «Печать войска ея імператорскаго величества запорожскаго низового». Печати паланочныя или куренныя—серебряныя круглыя или четыреугольныя съ изображеніями львовъ, оленей, коней,

---

[1]) Яковъ Собѣскій въ своемъ сочиненіи «Три книги о хотинской войнѣ» говоритъ, что атаманская булава дѣлалась изъ тростника. Разумѣется, это возможно было въ началѣ XVII вѣка, когда запорожцы простоту считали выше всякаго богатства и блеска.

[2]) Труды московскаго археологическаго общ., 1885 г., т. X, стр. 1—7.

луны, звѣздъ, коронъ, копій, сабель и луковъ. Перначъ, иначе шестоперъ или жезлъ — таже булава, только меньшихъ размѣровъ, съ серебрянымъ или желѣзнымъ шаромъ на верхнемъ концѣ палки, съ вертикальными вырѣзками вдоль шара, или же съ особыми, въ видѣ желѣзковъ отъ копій, возвышеніями, насаженными поперекъ шара, иногда съ шестью перьями надъ шаромъ. Перначи, какъ и булавы, употреблялись также въ очень древнія времена; желѣзные и бронзовые перначи извѣстны были осетинамъ и сванетамъ до Р. Х. отъ V до VII вѣка.— особенно много ихъ было въ Сванетіи, которая можетъ считаться родиной перначей; затѣмъ они встрѣчались у татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, какъ знакъ начальственной власти: по татарски «буздыханъ» или «буздычанъ»—воеводскій жезлъ, у котораго яблоко набито было острыми гвоздями и который вмѣстѣ означалъ и булаву и перначъ [1]). Литаврами назывались сперва желѣзные, а потомъ серебряные котлы съ натянутою на нихъ кожею и съ деревянными палочками для удара по кожѣ и извлеченія звука. Значки—знамена куреней или сотенъ. Трости — обыкновенныя палки, толстыя, гладко выструганныя, выкрашенныя подъ орѣхъ, съ обоихъ концовъ оправленныя серебромъ и съ тупымъ желѣзкомъ на концѣ. Арматы, или пушки и мортиры—мѣдныя, желѣзныя, окованныя обручами, небольшихъ размѣровъ, большію частію польскаго и турецкаго издѣлія.

Каждый изъ клейнодовъ составлялъ принадлежность только извѣстнаго лица изъ запорожской старшины. Булава давалась кошевому, она держалась имъ въ правой рукѣ во время войсковыхъ радъ,—отсюда сложилась малоросійская пословица: «до головы́ трéба булавы́»; знамя или хоругвь жаловалось всему войску, но носилось хорунжимъ; бунчукъ — кошевому, но носился бунчужнымъ или бунчуковымъ товарищемъ, державшимъ его надъ головою атамана; войсковая печать—войсковому судьѣ; куренная или паланочная печать—куренному атаману или паланочному полковнику; перначъ или жезлъ—полковнику, кото-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1—7.

рый носилъ его у себя за поясомъ и иногда вручалъ его проѣзжему черезъ запорожскія степи путнику для полной его безопасности въ пути; литавры—всему войску запорожскому, но въ особое вѣдѣніе довбыша или политаврщика; значки для всѣхъ тридцати осьми запорожскихъ куреней, но въ вѣдѣніе значковыхъ товарищей; трости—войсковому асаулу; арматы—всему войску, но въ вѣдѣніе войскового пушкаря. Всѣ эти клейноды, исключая «палокъ до литавръ» и войсковыхъ арматъ, хранились запорожцами или въ сичевой покровской церкви или въ войсковой скарбницѣ, откуда выносились только по особому приказу кошеваго атамана въ виду общей или частной рады; литаврныя палки находились всегда въ куренѣ войсковаго довбыша, а всѣ арматы—въ артиллерійскомъ цейхаузѣ или сичевой пушкарнѣ, на рукахъ особаго старшины, пушкаря.

Послѣ этого естественно спросить: гдѣ же искать всѣ эти запорожскіе войсковые клейноды? Всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, войсковыхъ клейнодовъ нигдѣ нельзя найти; только въ отдѣльности, по частямъ, можно видѣть ихъ прежде всего въ частныхъ музеяхъ нашихъ южно-русскихъ собирателей древностей, каковы: въ Екатеринославѣ А. Н. Поль; въ Котовкѣ, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, Г. П. Алексѣевъ; въ Качановкѣ; черниговской губерніи, борзенскаго уѣзда, В. В. Тарновскій; затѣмъ можно видѣть ихъ въ одесскомъ музеѣ исторіи и древностей, въ музеѣ московской оружейной палаты, въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ въ Петербургѣ и въ собраніи с.-петербургскаго императорскаго эрмитажа.

Музеи частныхъ лицъ еще ждутъ своего описанія; музеи одесскій и московскій уже описаны; въ числѣ прочихъ древностей описаны и запорожскіе клейноды, но древности преображенскаго собора и императорскаго эрмитажа далеко не всѣ приведены въ извѣстность. Такъ, между прочимъ, неизвѣстны и находящіеся въ нихъ запорожскіе войсковые знаки.

Въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ [1]), надъ боковыми

---

[1]) На Спасской улицѣ, близъ Литейнаго проспекта.

дверями, съ правой стороны, размѣщены, по рисунку архитектора Стасова, слѣдующіе запорожскіе войсковые знаки: двадцать куренныхъ знаменъ, на простыхъ деревянныхъ древкахъ: три бунчука, длиною каждый четыре съ половиной аршина, одна серебряная булава, три съ половиной четверти длиною; одинъ серебряный позлащенный жезлъ, три четверти аршина длины. Внизу подъ каждымъ изъ этихъ знаковъ сдѣлана на табличкѣ соотвѣтствующая надпись: «Бунчукъ запорожской Сѣчи и знамена». «Булава запорожской Сѣчи». «Жезлъ запорожской Сѣчи». Кромѣ клейнодовъ, въ томъ же преображенскомъ соборѣ находятся еще восемь запорожскихъ паникадилъ, риза съ епитрахилемъ, шитая золотомъ и серебромъ, серебреная позлащенная кадильница, серебряный позлащенный напрестольный крестъ и одно евангеліе, въ великолѣпной серебряной позлащенной оправѣ, печатанное въ Москвѣ, въ 1825 году. Всѣ эти вещи перешли въ преображенскій соборъ въ 1829 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, во время войны русскихъ съ турками. Онѣ принадлежали запорожцамъ, жившимъ въ Дунавцѣ, подъ верховенствомъ турокъ, послѣ разоренія послѣдней Сичи императрицею Екатериною II въ предѣлахъ Россіи. Въ происшедшую между русскими и турками войну (1828—1829) нѣкоторая часть запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ во главѣ, перешла на сторону русскаго царя и вывезла съ собой значительную часть своего сичеваго добра, а въ томъ числѣ, очевидно, и находящіеся въ преображенскомъ соборѣ названные клейноды и церковныя вещи.

Въ императорскомъ эрмитажѣ находятся семнадцать запорожскихъ значковъ и одно войсковое знамя, хоругвь или корогва. Послѣднее замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: и само по себѣ, и какъ матеріалъ для историка и художника. Это знамя сдѣлано изъ шелковой ярко-красной матеріи и имѣетъ въ длину три аршина и четыре вершка, а въ ширину два аршина и четыре съ половиной вершка. Съ лицевой стороны на немъ сдѣланы изображенія: въ срединѣ большаго двуглаваго орла со звѣздами надъ нимъ и вокругъ него съ правой стороны—Спасителя, бла-

гословляющаго на брань, съ семнадцатью звѣздами кругомъ него, съ лѣвой стороны—архангела Михаила съ огненнымъ мечомъ въ правой рукѣ. По краямъ знамени сдѣлана золотыми буквами по церковно-славянски надпись: «Сіе знамя въ войско ея императорскаго величества запорожское низовое здѣлано коштомъ пѣхоты воюющей тогожъ войска по черном морю также по рѣкам днепру и дунаю». Ниже двуглаваго орла, Спасителя и архангела Михаила изображено большое военное судно. Это—такъ называемый трехмачтовый, двухдечный корабль; съ лицевой стороны этого корабля видны: бортъ съ четырьмя каютными люминаторами, на подобіе правильныхъ кружковъ, и высокая двухъ ярусная рубка, имѣющая видъ палатки, для помѣщенія находящихся на суднѣ главныхъ лицъ команды, съ восьмью отверстіями, на подобіе дверей, въ каждомъ ярусѣ по четыре. Въ нижнемъ декѣ корабля сдѣлано семь большихъ люковъ, въ верхнемъ декѣ—три малыхъ люка; въ соотвѣтствіе этому столько же должно быть люковъ и на другой сторонѣ. Итого, всѣхъ люковъ съ обѣихъ сторонъ нижняго и верхняго дековъ судна двадцать: изъ нихъ видны концы выставленныхъ пушекъ. Сзади судна поставлена толстая, но низкая корма съ разными вырѣзками и рисунками и съ однимъ военнымъ флагомъ, разрѣзаннымъ пополамъ и прикрѣпленнымъ на невысокомъ древкѣ къ кормѣ. На носу корабля лежитъ такъ называемый якорный значекъ, къ которому прикрѣпленъ такой же флагъ, только нѣсколько меньше по величинѣ, чѣмъ на кормѣ. Между кормой и носомъ поставлены три высокія мачты для трехъ парусовъ, съ двумя веревочными лѣстницами къ каждому; на каждой изъ трехъ мачтъ высится по одному развѣвающемуся флагу, такой же величины и формы, какъ и на кормѣ.

Представленное на знамени судно несходно ни съ однимъ изъ тѣхъ судовъ, какія употреблялись у запорожскихъ козаковъ. Изъ судовъ, бывшихъ въ употребленіи у запорожцевъ, мы знаемъ челны и кадриги. Но ни тѣ, ни другія не подходятъ къ судну, изображенному на знамени. «Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго,

длиною около 45 футовъ: оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается кверху. На оном можно замѣтить толстые канаты изъ камыша, которые обвиты лыками или боярышникомъ и, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Козаки осмаливаютъ ихъ и придѣлываютъ къ каждой по два руля, чтобы не терять напрасно времени при поворотѣ своихъ длинныхъ судовъ, когда нужда заставитъ отступать. Челны козацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ козаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія» [1]). «Кадриги (или галеры, каторги) турецкія имѣли по три паруса и по два тента, которыми, какъ палатками, покрывалась галера. На простыхъ галерахъ они были изъ бѣлаго холста, но иногда нижній тентъ на кормѣ дѣлался изъ египетскаго полосатаго бѣлаго съ синимъ холста. Пушекъ имѣла галера обыкновенно большихъ три и меньшихъ четыре; флаги были большею частію желтые и красные. Снаружи суда турецкія часто разрисовывались яркими красками... На простой галерѣ бываетъ людей 180—200, если туда не сажаютъ большаго числа янычаръ, до 120 гребцовъ, и отъ 30 до 40 ghimini, т. е. свободныхъ моряковъ, 20 бомбардировъ, которымъ даетъ жалованье хозяинъ. Обычное число пушекъ на большой галерѣ, баштардѣ семь... Это — плоское, длинное, очень узкое, двухмачтовое судно, длиною почти 50 метровъ, на 10 метровъ ширины, идущее въ одно время на веслахъ и на парусахъ. Гребцы сидѣли прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и заграждавшихъ палубу на по-

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832 годъ, стр. 62.

ловину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамьѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверхъ палубы» [1]).

Очевидно, корабль, представленный на запорожскомъ знамени, совсѣмъ ничего не имѣетъ сходнаго съ запорожскими челнами и весьма отдаленное съ кадригами или галерами. Это есть совершенно новый видъ судна, на которомъ запорожцы едва-ли могли плавать въ XVII и даже въ первой половинѣ XVIII вѣка и который, какъ надо думать, дарованъ былъ имъ русскимъ правительствомъ для войны противъ турокъ уже при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ немъ можетъ помѣститься, по меньшей мѣрѣ, до 250 человѣкъ команды при пяти или десяти человѣкахъ начальниковъ.

Какъ матеріалъ, знамя интересно тѣмъ, что на суднѣ, представленномъ на немъ, изображено двадцать фигуръ запорожскихъ козаковъ, при чемъ каждая фигура представляетъ изъ себя настоящую выставку козацкой одежды и вооруженія. Всѣ они писаны несомнѣнно съ натуры и представляютъ изъ себя весьма разнообразные и весьма характерные типы запорожскихъ козаковъ. Впереди всѣхъ стоитъ фигура запорожца съ чупрыной на бритой головѣ, съ закрученными усами, одѣтаго въ бѣлую холщевую сорочку и такія же шаровары; одежда этого перваго запорожца мало, впрочемъ, чѣмъ отличается отъ одежды любаго малоросса какого-нибудь изъ глухихъ уѣздовъ полтавской или екатеринославской губерніи нашего времени. За нимъ слѣдуетъ запорожецъ, также съ открытой, низко выбритой головой, съ чупрыной на лбу, съ черными, какъ смоль, на концахъ закрученными кверху, въ видѣ колецъ, усами; на немъ сверху каптанъ съ откидными рукавами сѣраго цвѣта и подъ каптаномъ красная черкеска съ тремя гудзыками на груди: черкеска опоясана поясомъ краснаго цвѣта, ширины нѣсколько меньше, по-

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малор. народа, Кіевъ, 1874 г., I, 220.

видимому, поповскихъ поясовъ, застегнутымъ при помощи двухъ пряжекъ напереди; на груди фигуры изъ-подъ черкески виднѣется сорочка, застегнутая красной стежкой: правой рукой фигура держится за мачту, лѣвой придерживаетъ саблю съ витою ручкою съ кисточкой. Изъ-за плечъ этой фигуры виднѣется фигура третьяго козака съ поднятымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ, обращеннымъ ко лбу: онъ о чемъ-то какъ-будто разсуждаетъ. За тремя первыми представленъ четвертый: на головѣ его большая, на подобіе архіерейской митры, шапка, зеленаго цвѣта съ вертикальными полосами вверхъ отъ околицы къ вершку и съ красною звѣздою напереди. Онъ одѣтъ въ сорочку, а можетъ быть, въ кожанокъ темно-синяго цвѣта и широкія ярко-краснаго цвѣта шаровары, за очкуромъ которыхъ виситъ платокъ розоваго цвѣта, спускающійся до самаго колѣна лѣвой ноги; съ лѣваго бока у него виднѣется ручка сабли; съ правой, тамъ, гдѣ у насъ дѣлается карманъ, кобура, въ которую вложены два пистолета съ ручками, расходящимися въ противоположныя стороны; выше ручекъ пистолетовъ свѣшивается лядунка, т. е. пороховница, надѣтая при помощи ремня черезъ лѣвое плечо козака. Въ правой рукѣ его копье съ желѣзнымъ трехграннымъ наконечникомъ на деревянномъ древкѣ, книзу очень тонко заостреннымъ; лѣвая рука свободна. За этою четвертою фигурою стоитъ пятая, на плечахъ которой виднѣется лишь одинъ кафтанъ желтаго цвѣта и на головѣ шапка, совершенно отличная отъ шапокъ на другихъ фигурахъ: она состоитъ изъ бѣлаго барашковаго околыша, довольно значительной ширины, къ которому придѣланъ вершокъ изъ какой-то, видимо, суконной матеріи желтаго цвѣта. Въ общемъ эта шапка похожа на теперешнія шапки донскихъ козаковъ, только въ этихъ послѣднихъ околыши нѣсколько больше околыша нарисованной на знамени шапки, и на тѣ высокія шапки, которыя изображены у Николая Сементовскаго въ извѣстномъ его сочиненіи «Малороссійская, запорожская и донская старина» [1]). Далѣе

---

[1]) С.-Петербургъ. 1846. 12. 14.

слѣдуетъ шестая фигура запорожца. одѣтая въ свѣтло-голубую черкеску изъ узорчатой штофной матеріи, опоясанная поясомъ такой ширины, какіе теперь носятся простыми малороссійскими крестьянами. Эта фигура важная типичная, можетъ быть, атамана всей ватаги; онъ стоитъ безъ шапки и смотритъ куда-то вверхъ, поднявъ высоко свою голову, на которой развивается черная чупрына. При лѣвомъ боку у него сабля съ витою ручкою, при правомъ боку желтаго цвѣта лядунка, надѣтая также черезъ лѣвое плечо, а ниже лядунки пара пистолетовъ: за поясомъ платокъ бѣлаго цвѣта, спускающійся до колѣнъ. Затѣмъ слѣдуютъ остальныя фигуры въ такихъ же костюмахъ, но съ варіацiей цвѣтовъ: одинъ представленъ во всемъ малиновомъ съ платкомъ за поясомъ, кромѣ самаго пояса синяго цвѣта, съ концами, завязанными напереди. Другой, совсѣмъ молодой, еще безусый козакъ изображенъ одѣтымъ въ темнозеленую бурку или епанчу и зеленовато-желтый кожанокъ, или же матроскую сорочку, съ большою низкаго вершка шапкою на головѣ, на подобіе архіерейской митры; онъ оперся правымъ колѣномъ о бортъ лодки и держитъ въ правой рукѣ такое же копье, какое держитъ и описанная уже четвертая фигура запорожца. Наконецъ, тутъ же есть фигуры въ темно-синихъ кожанкахъ (а можетъ быть матроскихъ сорочкахъ) и коричневыхъ шароварахъ, въ сорочкѣ зеленоватаго цвѣта и красномъ поясѣ, въ сорочкѣ голубаго цвѣта и шапкѣ зеленаго цвѣта, въ сорочкахъ синихъ («жандармъ-цвѣтъ»), съ красной застежкой. бѣлыхъ и коричневыхъ; въ темно-синихъ шапкахъ и безъ шапокъ. Въ большинствѣ случаевъ фигуры представлены съ открытыми шеями, въ шапкахъ низкихъ, но широкихъ. По всему этому знамя представляетъ изъ себя богатый матеріалъ какъ для историка за порожскихъ козаковъ, такъ и для художника, который бы пожелалъ взять сюжетомъ для своей картины какой-либо моментъ изъ исторіи низовыхъ запорожскихъ козаковъ.

Снимокъ со знамени въ эрмитажѣ.

Дов. ценз. Спб., 4 Нояб. 1889 г.

Тип. И. Скороходова, Надеж., 39

VII.

Мѣстечко Котовка и село Лычково екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

Мѣстечко Котовка нѣкогда составляло одно изъ селеній вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ; но когда оно возникло и кѣмъ основано, на то нѣтъ документальныхъ данныхъ. Ни на генеральной картѣ инженеръ-полковника Дебоксета 1751 года, ни на картѣ елисаветградской провинціи 1772—1774 года, ни въ показаніяхъ запорожца Никиты Леонтьевича Коржа Котовки вовсе нѣтъ, —у Никиты Коржа по рѣкѣ Орели названы только два селенія: Гупаловка и Петриковка [1]). Только на картѣ А. А. Скальковскаго 1770 года, въ числѣ девяти запорожскихъ селеній по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Орели, въ вѣдомствѣ орельской паланки запорожскихъ вольностей, стоитъ и селеніе Котовка [2]). Народное преданіе говоритъ, что основателемъ Котовки былъ какой-то запорожецъ Василь Котъ: онъ жилъ «на двѣ половины»,—въ одной, гдѣ стояла старая церковь, въ другой, гдѣ теперь панскій капустникъ; первый поселокъ назывался Васькивка, а второй—Котивка; этотъ Котъ имѣлъ переправу

---

[1]) Изустныя преданія о новороссійскомъ краѣ. «Журналъ м. н. пр.», 1838, II, 512.

[2]) А. А. Скальковскій. «Исторія Новой Сѣчи». Одесса, 1886, I, 36; III, приложеніе.

черезъ рѣку Орель и, какъ былъ человѣкъ очень домовитый, держалъ при себѣ очень много собакъ; какъ-то эти собаки напали на переправлявшагося черезъ Орель купца и разорвали его; хозяину собакъ, запорожцу Коту, грозила бѣда; тогда онъ обратился за покровительствомъ къ сосѣднему помѣщику Алексѣеву, котораго «державá» была на рѣчкѣ Очеретоватой; Алексѣевъ обѣщалъ защитить Кота, но подъ условіемъ: «оддáй мини, кáже, свою землю, я тебе вы́зволю»; Котъ согласился и уступилъ пану свою землю, а самъ устроилъ себѣ сéлище по правую сторону Орели, гдѣ и теперь живетъ его поколѣніе [1]). Изъ дошедшихъ до насъ актовъ видно, что въ селеніи Котовкѣ въ 1774 году было уже семьдесятъ три двора, гдѣ жили вышедшіе изъ Сичи и поженившіеся запорожскіе козаки. Изъ тѣхъ же актовъ и тогоже 1774 года, 5 октября, видно, что по представленію кошеваго атамана войска запорожскаго Петра Ивановича Калнишевскаго со всею старшиною и товариствомъ и по донесенію генералъ-фельдмаршала и главнокомандующаго первою россійскою арміей, графа Петра Александровича Румянцева митрополиту кіевскому и галицкому Гавріилу, въ селеніи Котовкѣ заложена была первая деревянная церковь во имя Преображенія Господня; въ слѣдующемъ году къ строющейся церкви уже рукоположенъ былъ священникомъ бывшій запорожскій козакъ кисляковскаго куреня Иванъ Андреевичъ Высота, восемнадцать лѣтъ проживавшій въ числѣ церковниковъ при войсковой сичевой школѣ и потому «въ сраженіяхъ небывшій и никого на войнѣ неубившій» [2]). Въ это время въ духовномъ отношеніи Котовка принадлежала старокодацкой духовной «намѣстніи». До 1775 года Котовка оставалась во владѣніяхъ земель войска низоваго запорожскаго; съ 1775 года она сдѣлалась собственностью «гвардіи поручика» Илларіона Спиридоновича Алексѣева, впослѣдствіи псковскаго губернатора. Семейное преданіе

---

[1]) Преданіе записано мной отъ крестьянъ Котовки Степана Сатаны и Якова Колваха.

[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I. 346.

разсказываетъ, будто первый изъ владѣльцевъ Котовки, Иларіонъ Спиридоновичъ Алексѣевъ, купилъ ее у запорожца Кота еще въ 1758 году при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; но съ этимъ преданіемъ согласиться нельзя по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что земли запорожскаго войска не были достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, а составляли «вольности» всего низового войска и никогда не продавались и не отдавались въ частныя руки, особенно же въ руки пановъ; во-вторыхъ, и потому, что гораздо позже означеннаго 1758 года, въ 1774 году, Котовка считалась собственностію запорожскихъ козаковъ, такъ какъ въ это время хлопочетъ объ устройствѣ въ ней церкви не владѣлецъ, о которомъ нѣтъ и рѣчи въ церковныхъ актахъ, а кошевой атаманъ всего войска запорожскаго низоваго П. И. Калнишевскій вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ графомъ П. А. Румянцевымъ. Послѣ паденія Сичи Котовка нѣкоторое время оставалась пока въ вѣдѣніи старокодацкой духовной «намѣстніи»; въ 1776 году священнику слободы Котовки, Ивану Высотѣ, прислано было изъ правленія духовной старокодацкой «намѣстніи» предложеніе о представленіи дѣтей священно и церковно-служительскихъ въ кіевскую академію для высшихъ наукъ, вслѣдствіе малолюдства въ ней студентовъ [1]). Въ этомъ же году слобода Котовка считалась уже отчисленной къ самарскому духовному правленію: седьмого января этого года изъ самарскаго духовнаго правленія пришло предложеніе священникамъ и церковнослужителямъ слободъ Котовки, Личковки, Гупаловки, Бабайковки, Могилева, Шульговки, Петриковки, Каменки и Новоселицы о томъ, «чтобъ они, естли какая кому церковная или своя надобность будетъ къ его преосвященству или вдуховную словенскую консисторию спрошеніями минуя духовное правленіе, ни подъ какимъ видомъ под опасениемъ великого штрафа, не входили, а являлись бы в оное духовное правление и оттуда получа полное наставление, в то время представляли ли бы или къ его преосвященству или въ словенскую духовную конси-

[1]) Изъ бумагъ церковнаго архива Котовки.

сторию» [1]). Въ 1784 году Котовка именуется слободой екатеринославскаго намѣстничества алексапольскаго уѣзда [2]), а церковь ея считается зависимой отъ духовнаго алексапольскаго правленія: въ 1785 году въ слободѣ Котовкѣ окончена была первая церковь во имя Преображенія Господня, заложенная еще при запорожцахъ, но оконченная на собственныя средства помѣщика статскаго совѣтника и кавалера Илларіона Спиридоновича Алексѣева; тогда на дьячковскую должность при новой церкви Котовки опредѣленъ былъ церковникъ Ѳедоръ Чернявскій. Въ 1791 году въ слободѣ Котовкѣ было уже сто тридцать пять «подданническихъ» дворовъ, церковь ея все еще находилась въ вѣдомствѣ алексапольскаго духовнаго правленія; тогда алексапольское духовное правленіе сдѣлало представленіе архіепископу екатеринославскому Амвросію о необходимости устройства въ слободѣ Котовкѣ новой церкви вмѣсто старой обветшавшей; резолюція послѣдовала 10 сентября 1791 года: церковь приказано было устроить во имя тогоже праздника Преображенія Господня, но на новомъ мѣстѣ. Въ 1797 году Котовка считалась уже въ числѣ населенныхъ слободъ новомосковскаго уѣзда. Въ настоящее время—это одно изъ многолюдныхъ селеній того же новомосковскаго уѣзда екатеринославской губерніи: оно считается мѣстечкомъ, расположено по лѣвому берегу рѣки Орели, въ семидесяти пяти верстахъ отъ города Екатеринослава и принадлежитъ владѣльцу Гофмейстеру Высочайшаго Двора, Георгію Петровичу Алексѣеву, извѣстному въ новороссійскомъ краѣ собирателю древностей и нумизмату, располагающему большой коллекціей всякаго рода доисторическихъ древностей.

Отъ пребыванія въ Котовкѣ запорожскихъ козаковъ сохранилось нѣсколько воспоминаній въ видѣ серебряной утвари, богослужебныхъ книгъ въ мѣстной церкви и нѣсколькихъ названій могилъ и урочищъ. Въ церкви Котовки отъ запорожскихъ коза-

---

[1]) Изъ бумагъ церковнаго архива мѣстечка Котовки.

[2]) Теперь мѣстечко Царичанка полтавской губерніи, на правомъ берегу Орели.

ковъ осталась большая серебряная позлащенная чаша, одинъ деревянный кипарисовый въ серебряной оправѣ напрестольный крестъ съ надписью: «Сей: крестъ и сею чашу отмѣнилъ(ъ) рабъ божій Андрей за упокой раба божия Іосипа у сло (=слободу) Котивку до храму Спаса 1775 году»: изъ книгъ—три евангелія, одно въ красномъ бархатѣ и серебряномъ окладѣ по угламъ, московской печати 1760 года при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; другое въ сплошномъ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, тойже печати 1764 года, и третье въ зеленомъ бархатѣ съ серебрянымъ окладомъ по угламъ, кіевской печати 1773 года: двѣнадцать книгъ общей минеи, кіевской печати 1750 года, общая минея московской печати 1763 года и книга постовой тріоди съ надписью по листамъ: «Купленъ Семеономъ... за цену 3 р. 50 к. до храму преображенія господня 1775 году мѣсяца іюня 2-го дня в село Котовку». Изъ могилъ, связанныхъ съ пребываніемъ запорожцевъ въ Котовкѣ, интересны двѣ—Пилипчина и Настина, обѣ ниже усадьбы владѣльца, близъ лѣваго берега рѣки Орели. Пилипчина могила получила свое названіе отъ запорожца Осипа Пилипенка: «Винъ бувъ колы́сь хлопцемъ у козакивъ, вары́въ имъ ӥсти, а живъ незабаромъ передъ тимъ, якъ запорожцивъ выгонылы видциля: а воны, якъ бигли звидциля, то закопували у могылахъ клады́: закопа та щей закля́ття положе: «хто вiзьме оцей кладъ, тому хай заразъ очи повылазють»; отó ӥ закопали вонú суму у могылi за ричкою Заплавкою [1]) на Шагаривськимъ хýтори: закопали и подалы́сь соби геть, а Пилыпенко зоставсь тутъ: бачивъ винъ, де сховали запорожци суму, тай сивъ тамъ хуторомъ, сивъ и живе: прыжнвъ сына, диждавсь и онýка: а якъ онýкъ зробы́вcь уже чималымъ парубкомъ, то дидъ ему и розскажи́ про те, що захóвали запорожци въ могыли: а той и давай прохати дида, щобъ винъ выкопавъ грóши. «Я бъ, каже дидъ, и вы́копавъ, такъ очи повылáзють».—«Та ничого, дидýсь, я васъ догодýю до смерти». Дидъ и выкопавъ, якъ вы-

[1]) Заплавка—притокъ Орели съ лѣвой стороны, ниже усадьбы владѣльца.

копавъ, такъ и ослипъ, та ії живъ слипымъ, онукъ таки догодувавъ ёго до смерти» [1]). Настина же могила, разсказываютъ, получила свое названіе отъ какоі-то дивки Насти. «Тамъ жила дивка Настя; вона держала у себя ватагу козакивъ, а нихто того не знавъ, що вона дивка; кажуть у неи вусыки маненьки булй, то и считали ій за свого брата, и скильки, може, годъ вона правыла за козака, а якъ умерла, то тоди тильки й дизнали, що вона дивка» [1]). Изъ урочищъ съ названіемъ отъ запорожскихъ козаковъ самое интересное урочище Левенцево къ сѣверу отъ усадьбы владѣльца, у лѣваго берега Орели. Урочище Левенцево получило свое названіе отъ какого-то Левенца, сына вдовы Левенчихи: онъ бѣжалъ изъ Гетманщины отъ притѣсненія пановъ, поселился на Орели и былъ не то гайдамака, не то запорожецъ. «Давно-давно те було, якъ казали наши батькй, въ старовыну. Живъ-бувъ на Орели, биля самои горы не то казакъ, не то гайдамака, славный молодець Левенець. Тодй времья було погане, — нехрещена орда буйнувала: то попалыть села, то зруйнуе святи церквы, то оджене багацько народу въ неволю; одна бида була: ныхто не знавъ, що зъ нимъ и буде завтра. Ото Левенець молодець якъ побачивъ, що дило погане, перехрыстывсь трычи тай каже: «ну, проклята орда, я жъ тоби докажу правды! недовго жъ тобй мудрувать мижъ нами»! Зробывъ соби на майдани биля рички Орили куринь тай ставъ воювать зъ нехрыстами. То бувало прыйде татарва, обступе тоі куринь та й ну гукать на Левеньця молодця: «Здавайся, сучій сыну, а то мы тебѣ закыдаемъ стрилками». А Левенець молодець и крычить имъ: «А кидайте, кидайте, погани сыны»! А голосъ у его такый бувъ, що одъ него усп дерева у лисахъ и очереты у рички, наче видъ витру, заколыхнутця. Тоди татарва одскоче одъ Левеньця, стане де-небудь подальше видъ куриня тай ну кидать стрилами. А ёму й байдуже: стоить соби, сердешный, та сміетця, а стрилкй округъ нёго тилько свыстять та на землю падають. «А що, каже, настриляли багацько? Ну, те-

[1]) Записано отъ старика Котовки Степана Сатаны.

перь я буду стрилятиі»! Та якъ пальне изъ рушныци, або зъ лука на поганыхъ нехрыстивъ, то такъ и повáле зразу цилу тысячу. Побáче татарва, що ничого не зробе зъ такимъ лыцаремъ та навтикача видъ нёго; а винъ визьме ломаку та за ними, та й ну дубасыть по чимъ попало, ажъ поки вся земля свята не застелется ихъ трупомъ. Такъ довго Левенець молодець мурдувавсь зъ ордою и беригъ нашу святу землю видъ поганыхъ. Бачить погана татарва, що силою ничого не визьме та й ну лукавить. Почула, що у Левеньця було два сыны, таки, що вже й помогають батькови быться противъ супостатъ, та й давай клята погань пидлащатись до сынивъ. Такъ и тутъ ничого не зробыла. Тилько на лыхо соби, кажуть, Левенець молодець давъ таке заклятти сынамъ, щобъ вони усю жисть не знались зъ дивчатами; колы жъ одинъ изъ ёго сынивъ визьми та крадькома видъ батька и поженыхайсь зъ дивкою; а та дивка черезъ парубка и роспизнала, де Левеньця молодця можно було захопить нышкомъ, узнала тай переказала поганій татарви, а татарва и пидстерегла его серденного у Плавахъ [1]), якъ винъ лигъ спати; а якъ вивъ бувъ дуже сильный чоловикъ, то противъ него выйшовъ самъ ханъ поганый, та й не одинъ, а зибравъ коло себе ажъ пьятцотъ чоловика орди: выйшовъ, пидстеригъ Левеньця, накинувсь на него ничью, звязавъ руки сырицею, прывивъ на могылу та й давай ёго пекти та мучити; пикъ-пикъ, мучивъ-мучивъ, а дали вбывъ его и голову одрубавъ. Якъ покотылась же та голова по земли, то вся земля задрижала и пиднявсь велыкій-превелыкій витеръ, що уси дерева до низу похылылысь, а вся татарва на землю повалылась, та съ тихъ пиръ, кажуть, и загынула проклята. Отъ якій бувъ той Левенець, а теперь якъ згадаешъ про него, то слезы такъ и ижать изъ очей. Винъ лежить закопаный десь у могилы, середъ лиса, у самому Левенцевому, биля Орили, видъ того по Левеньцю молодцю и Левенцево прозвалось. Балакають, будьто винъ дуже богатый бувъ чоловикъ и богатство свое закопавъ десь биля озера Домахи

[1]) Плавы—озеро, на лѣвомъ берегу Орели, недалеко отъ Левенцева.

надъ Орилю у Левенцевому, коло тихъ дубивъ, що три вкупи зрослысь. Колысь прыиздыли люде изъ Крыму шукать биля тыхъ трехъ дубивъ казны Левеньця, та ничого не найшли» [1]).

Въ Котовкѣ и теперь старыя бабы поютъ пѣсню о Левенцѣ молодцѣ: въ пѣснѣ онъ изображается ненавистникомъ пановъ, любителемъ чужого добра и разбойникомъ, однимъ словомъ, тѣмъ, что называютъ теперь гайдамакою; изображая его гайдамакою, народъ, однако, симпатизируетъ ему, какъ можно видѣть изъ самой пѣсни, гдѣ къ нему не прикладывается ни одного позорящаго имени эпитета, напротивъ того, имя его называется въ уменьшительномъ и даже какъ бы ласкательномъ видѣ.

«Ой снигъ иде, то зима буде,
На тебѣ, Левенцю, та бида буде.
На тебе, Левенцю, паны встали,
Зъ порадою хотять взяти та зъ громадою.
Ой хочъ бида й буде, та тилько не заразъ,
Та тильки не заразъ, а трошки згодивши,
Ведуть Левенчика, ведуть уловывши.
Скували ноги зализами, зъязали руки сырыцею,
Везуть Левенчика, везутъ вулыцею.
Сырыця сухая руки истягае,
За нимъ иде ненька та плаче рыдае:
«Чи я тоби, сынку, тай не говорила,
Не рубай лиса, лиса Лебедина,
Та не гниви пана, пана господина,
Та не суши серця, мого юдовина.
Коли рубавъ лиса, було бъ зволочити,
Коли вгнивывъ пана, було бъ упросити.
Ажъ ты порубивъ-зволочивъ, зволочивши-запаливъ,
Зволочивши-запаливъ, самъ соби славы наробывъ».
—«Годи тоби, мамо, мене вговоряти,
Печаль къ серцю годи прикладати;
Якъ укравъ я соби, мамо, чепелынку,
Ты сказала, мамо: «гараздъ буде, сынку».
Якъ укравъ я, мамо, корову рябую,
Ты сказала, мамо: «украдь ще другую»!
Якъ укравъ я, мамо, коня вороного,

[1]) Записано Г. П. Алексѣевымъ отъ старика Котовки, дида Дуньки.

Ты сказала, мамо: «пиди по другого».
Якъ укравъ я, мамо, та пару жупанивъ.
Ты, мамо, сказала: «порубай ще й панивъ»
Тоди паны були милостыви,
Узяли Левенця, на волю пустыли,
Левенця пустили, Левенцеву неньку въ кайданы забыли.
Якъ пишовъ Левенчикъ темными лугами,
Та темными лугами, съ тугыми луками;
Лежать паны порублены-попечени.
Левенцевыхъ ручекъ невтечени.
«Оце жъ вамъ, пáны, та за ваши кары,
Щобъ вы, паны, якъ треба карали:
Було бъ же вамъ, паны, Левенця не брати,
Вы жъ его зловили, кары не зробили.
Левенцеву неньку въ кайданы забыли,
Було бъ же вамъ, пáны, Левенця карати,
Та зъ плечъ головку знятн» [1]).

Кромѣ урочища Левенцева близъ Котовки есть еще урочище Заклятый Кутъ, ниже усадьбы владѣльца: тамъ «заклятые» люди жили, запорожцы. «О, то бидовый народъ бувъ; вони оце задумають кого-нибудь обибрати, то выберутъ темну-претемну ничъ, схоплютця чоловикъ дванадцять умисти та й гайда до хаты; якъ пидберутця до хаты, то заразъ одинъ стане коло викна, а другый роздинетця увесь до-гола, визьме въ руку шаблю, пиднимется першому на плечи, ускоче черезъ викно въ хату, стане середъ стола тай кричить: «Ось и я! треба вамъ комышника?» А кругомъ хаты ще десять чоловикъ. Тоди хозяинъ сюды-туды, та никуды: подавай и гропи и все добро, чого забажають» [2]).

Самое названіе рѣки Орели ведетъ свое начало будто бы отъ тѣхъже запорожцевъ. «Тутъ колысь живъ змій та запорожець: змій по ту сторону, а запорожець по цю сторону: жили вони, жили та якось и не поладнали—давай спорытьця за гряныцю: спорили-спорили, бились-бились, а дали змій и каже: «давай проведемъ грянницю, тоди у насъ и спорки не буде;» «да-

[1]) Записана А. П. Базаряниновой отъ крестьянки мѣстечка Котовки Марьи Якимовны Чапчихи.

[2]) Записано мной отъ старика мѣстечка Котовки Летючаго.

вай,» каже запорожець. Та ото змій запрягся у плугъ тай пюоравъ гряныцю, а по тій *рилли* и пишла ричка *Ориль*» [1]). Разсказываютъ, что въ старину близъ Котовки по степи росли такія травы, что какъ пустишь было пастись воловъ, то въ другомъ гонѣ и не увидишь ихъ, а когда свернетъ возъ съ дороги, то за травой и не вылѣзешь; близъ рѣки водились дикія козы, а въ самой рѣкѣ было видимо-невидимо рыбы: тогда и озеръ гораздо больше было и рѣчки полноводнѣе текли: «чи воно земля росте, що теперь меньшъ воды стало, чи воно що друге въ свити божому діетця; мабуть, земля росте, человикъ же росте, то й земля повынна рости, видъ того й воды теперь меньше стало, чимъ у стари годы».

Близъ мѣстечка Котовки стоитъ село Лычково. Село Лычково—старѣйшее изъ селъ, находящихся по лѣвому берегу рѣки Орели новомосковскаго уѣзда: начало ему положено запорожскими козаками во второй половинѣ XVII вѣка, а документально извѣстнымъ оно становится въ началѣ XVIII вѣка: въ то время оно входило въ составъ вѣдомства орельской паланки, т. е. округа запорожскихъ земель, и уже въ 1706 году имѣло у себя деревянную церковь; съ 1709 по 1734 годъ въ селѣ Лычковомъ нашли себѣ пріютъ тѣ изъ запорожскихъ козаковъ, которые остались вѣрными русскому царю Петру первому, послѣ измѣны гетмана Ивана Мазепы и кошевого атамана Константина Гордіенка, и не послѣдовали за своими собратьями въ Турцію на новыя Сичи Каменскую и Алешковскую; въ 1737 и 1738 годахъ Лычково подверглось страшнымъ бѣдствіямъ—моровой язвѣ и набѣгу татаръ, разорившихъ въ немъ дома, церковь и истребившихъ много жителей мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но эти бѣдствія не были, однако, роковыми для села: черезъ три года послѣ нашествія татаръ и спустя два года послѣ страшной чумы въ селѣ Лычковомъ устроена была часовня, въ которую назначенъ былъ изъ ближайшаго запорожскаго монастыря на рѣкѣ Самарѣ іеромонахъ для отправленія въ ней богослуженія, а спустя тридцать

[1]) Записано мной отъ старика мѣстечка Котовки Степана Сатаны.

два года. въ 1772 году, въ немъ сооружена была и церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы. Церковь эта была перенесена въ Лычково изъ села Бригадировки, основаннаго въ 1767 году, между лѣвымъ берегомъ рѣки Орели и Днѣпра, но залитаго днѣпровскими водами и засыпаннаго рѣчнымъ иломъ и береговымъ пескомъ. «Будучи на низкомъ очень къ Днѣпру и песковатомъ мѣстѣ учреждена, каждой весны полонною водою обливается такъ, что во время весенняго залива въ церковь бродятъ водою, съ лѣтняго времени окружена оная жъ церковь кучугурами и пескомъ; отъ песку аппаратовъ церковныхъ, да и самыхъ божественныхъ таинъ уберечь никакъ (не) можно, при томъ же и вся церковь, причиною нетвердости земли и раздавшагося подъ нею песку, на одну сторону повернулась такъ, что и дверей съ одной стороны отворить насилу можно. И мы (т. е. войсковая запорожская старшина)... разсудили за пристойное сей церквѣ перенесенной быть здѣшнихъ вольностей— изъ села Бригадировки—въ село Лычково, какъ мѣсто, ради сооруженія церкви, не низкое и не песковатое, но со всѣми удобствами самопристойнѣйшее» [1]).

Въ настоящее время отъ прошлыхъ временъ въ церкви села Лычкова хранятся два колокола и шесть священныхъ книгъ съ характерными надписями, сдѣланными на нихъ. Колоколъ большой съ надписью: «Сей звонъ: в слободу Благодировку до храму Покрови пресвятой Богородици коштомъ козаковъ лечковскихъ Павла Брехаря да Хоми и Ивана Чорного здѣланъ 1756 года»; колоколъ меньшій съ надписью: «1756 року божія»; евангеліе кіевской печати 1733 года, временъ императрицы Анны Ивановны, въ серебряномъ окладѣ съ надписью: «Силами и трудами Афанасея Емельянова сына Сенюкова»; цвѣтословъ, московской печати 1763 года, съ надписью по листамъ: «1764 году купленна сия книга цвѣтословъ стараниемъ и коштомъ козаковъ Іоаномъ і братомъ его Іоавраамомъ куреня кислаковскаго до храму покрови пресвятия Богоматере в вольность

---

[1]) Феодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880. I, 325.

запорожскую в брегадировку; трудомъ Іоанномъ Мовчаномъ въ Кіевѣ»; житія Іоанна Дамаскина, Варлаама пустынножителя и Іосафа индійскаго, московской печати 1680 года, съ двумя превосходными гравюрами, исполненными знаменитымъ представителемъ русской школы живописи, называемой «царской школой», второй половины XVII вѣка, Симономъ Ушаковымъ; изъ нихъ одна изображаетъ «миръ,» т. е. женщину, стоящую на головѣ барашка съ цвѣтами въ рукѣ; другая изображаетъ «брань;» т. е. воина съ копьемъ и мечемъ въ рукѣ и со шлемомъ на головѣ; подъ фигурами означено имя гравера: «Начерталъ Симонъ Ушаковъ ахп», а внизу книги на первомъ же мѣстѣ сдѣлана по-польски надпись: «1773 Miesionca Apryla 11 Wydalem Ieskarbcu Cerhiewica»; поученія епископа Ильи Минятія, московской печати 1759 года; бесѣды Іоанна Златоустаго, тойже печати 1768 года; трофолой безъ обозначенія года напечатанія, но съ длинною надписью по листамъ: «Во имя отца и сына и святаго духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. По благословенію Его Преосвященщаго (sic) митрополита Кіевскаго, Галицкаго, Малия Росии отменилъ сию книгу трофолой (и) купилъ его Степанъ Порошко до веси Каетановки до храму Пресвятія Богородици нашея Покрови (,) купленъ цѣною рублѣй десять и купилъ его за свои власніи денги при честному отцу иерею Михаилу (;) а хто бъ его моглъ отдалити отъ храму святого покрови (,) отъ той будетъ судимъ во второе пришествіе (,) 1754 года мѣсяца февраля дня 6 (;) по которой (-послѣ которой) куплѣ сея книги нарицаемой трофолой козакомъ запорожскимъ и товаришемъ куреня Доньского Даниломъ Махиновскимъ отдалъ ко храму святаго чудотворца Николая вѣдомства орельскаго, личковской часовне честному отцу Іерею... 1776 года мѣсяца ноября 22 дня».

Послѣ паденія Сичи, въ 1775 году, село Лычково, по раздѣлу земель, было пожаловано маіору Михаилу Семеновичу Кочубею, а въ настоящее время состоитъ во владѣніи княгини Натальи Ивановны Черкаской.

VII.

Изъ поѣздки по бывшимъ запорожскимъ вольностямъ.

Осенью 1885 года, послѣ продолжительныхъ и трудныхъ раскопокъ кургановъ въ одномъ изъ мѣстъ бывшихъ вольностей запорожскихъ козаковъ, близъ теперешней деревни Вороной, имѣнія владѣльца А. М. Миклашевскаго, пониже города Екатеринослава, медленно тащился я на парѣ захудалыхъ лошаденокъ, запряженныхъ въ огромную нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика съ придѣланнымъ къ нему дышломъ. Мой путь лежалъ отъ села Славгорода, павлоградскаго уѣзда, къ селу Покровскому, александровскаго уѣзда. День былъ превосходный: на небѣ ни облачка; солнце хотя и припекало, но не жгло и не палило такъ, какъ оно жжетъ и палитъ въ лѣтніе мѣсяцы; въ степи было такъ тихо, точно природа погрузилась на время въ сладкую дремоту, въ легкій полусонъ, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Я сидѣлъ на такъ-называемомъ креслѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенной при помощи толстыхъ ремней на поперечныя стѣнки брички, и слегка покачивался, то нависая всѣмъ тѣломъ напередъ, то наклоняясь правымъ или лѣвымъ бокомъ на ту или на другую сторону брички; покойное сидѣніе и тихая ѣзда убаюкивали меня. Передо мною на передней дощечкѣ сидѣлъ кучеръ, типичный новороссійскій хохолъ, бѣлокурый, съ длинными русыми усами, съ короткой рыжеватой,

давно небритой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ, зеленаго цвѣта, поясомъ. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на ходу и вскользь. замѣчанія моего возницы сразу дали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора.

— Пане!

— А что?

— Я хотѣлъ спросить васъ о чемъ-то, да и самъ не знаю, какъ оно вамъ покажется.

— Спроси, можетъ быть и хорошо покажется?

— Вы подчасъ не изъ тѣхъ, что курганы копаютъ?

— Нѣтъ, братецъ не изъ тѣхъ; цуръ имъ совсѣмъ! Я съ тѣми и знаться не знаюсь и вѣдаться не вѣдаюсь. А что, развѣ ты знаешь кого-нибудь изъ нихъ?

— Самъ-то ихъ не знаю, а вотъ слыхать объ нихъ—слыхалъ.

— А что же именно ты объ нихъ слыхалъ?

— Да слыхалъ, будто они много золота выкапываютъ въ курганахъ. Вотъ тамъ, надъ Днѣпромъ, близъ Лоханскаго порога, стоитъ деревня пана Миклашевскаго, и близъ той деревни Богъ насѣялъ страшное множество кургановъ. Такъ вотъ до этихъ-то кургановъ выѣхалъ изъ Петербурга панъ; говорятъ, и молодой еще, а бѣдовый, каторжный человѣкъ... Ну, такъ этотъ панъ и выѣхалъ до кургановъ, выѣхалъ онъ до кургановъ и давай ихъ копать. И что бы вы думали, что онъ выкопалъ? Выкопалъ сорокъ пудовъ золота!.. Выкопалъ, навалилъ на воловъ да и посунулъ въ губернію. Кожа на волахъ трещитъ, а онъ сунетъ; а изъ губерніи прямо до царя повезъ. Вотъ оно что!.. И какъ вы думаете, спрошу я васъ, своею онъ то силою выкопалъ тѣ деньги? Думаю, что не своею. Потому, видите ли, прежде чѣмъ копать курганъ, онъ всходитъ на самую вершину его, вынимаетъ изъ кармана какую-то стрѣлочку и на нее смотритъ, а она уже ему и показываетъ, гдѣ и клады

лежатъ, гдѣ и что другое [1]). Она такъ и «типается» у него въ рукахъ; онъ говоритъ: тутъ кладъ! А она показуетъ: нѣтъ, неправда, вотъ тутъ!

— Нѣтъ братику, я не изъ такихъ. И неужелижъ-таки правда тому, что въ тѣхъ курганахъ богатство зарыто?

— Вѣроятно, что правда, коли у насъ всѣ такъ говорятъ: сорока—сорокѣ, ворона—воронѣ, а за ними уже и мы.

— Да кто же зарывалъ его тамъ?

— Гм! Кто зарывалъ? Куцые черти да чубатые запорожцы!

— Какъ такъ?

— А вы не знаете, какъ? Дивно мнѣ; вы, кажется, и грамотный человѣкъ, а той причты, какъ чортъ да запорожскій кузнецъ зарывали въ курганы деньги и не знаете.

— И слыхомъ не слыхалъ.

— Э, такъ вы, значитъ, не знаете и того, какъ старыхъ людей передѣлываютъ на молодыхъ?

— Ну, ужъ этого, братику, я и понять-то не могу, не то что не знаю.

— А коли не знаете, такъ послушайте! Вотъ какъ оно было. Жилъ когда то между запорожцами одинъ кузнецъ, да не такой кузнецъ, какіе теперь повелись,—пьянюги да мошенники,—а кузнецъ настоящій, честный, трезвый человѣкъ, еще стариннаго завѣту. И ковалъ онъ коней чуть-ли не на всю Сичь. Чуть свѣтъ, а онъ уже и въ кузницѣ, уже й «гукаетъ» молотомъ. Только сколько онъ ни дѣлалъ, сколько ни годилъ себѣ и козакамъ, а все бѣднякомъ былъ: ни на немъ, ни подъ нимъ. Вотъ какъ-то разъ приходитъ онъ къ своей кузницѣ «у-досвита», а на дворѣ было еще такъ темно, что хочь въ глазъ коли, такъ ничего не видно. Отомкнулъ кузнецъ дверь: вошелъ въ средину А тамъ, у него, видите-ли, всегда висѣло двѣ картины: на одной срисованъ былъ Господь Інсусъ Христосъ, а на другой намалеванъ чортяка съ рогами; первая кар-

---

[1]) Рѣчь идетъ о моихъ собственныхъ раскопкахъ; разсказчикъ разумѣетъ магнитную стрѣлку, которую я употребляю при раскопкахъ кургановъ для опредѣленія точекъ ихъ положеній.

тина прибита была на стѣнѣ, что прямо противъ дверей, а вторая на стѣнѣ, что надъ дверьми. Такъ вотъ какъ бывало войдетъ кузнецъ въ кузницу, то сейчасъ же станетъ лицомъ къ иконѣ и помолится Богу, а потомъ обернется назадъ и плюнетъ чорту, да и плюнетъ какъ разъ въ самую рожу. Такъ онъ дѣлалъ каждый день: Богу помолится, а чорту плюнетъ. Такъ сдѣлалъ и на этотъ разъ: вошелъ въ кузницу, перекрестился на икону, плюнулъ въ самую харю чорту, потомъ взялъ въ руки молотокъ и началъ гукать. Но только ударилъ раза два или три, коли гулькъ, а передъ нимъ стоитъ парняга, здоровый, красовитый, съ такими черными усами, что они такъ у него и «вылыснуются», а на видъ нѣсколько смугловатый.

— Здоровъ, дядьку!

— Здоровъ, парняга!»

— Часъ добрый тебѣ ковать и не перековать, брать деньги и не перебрать.

— Хорошо говоришь, да не ладно выходитъ.

— А что такъ?

— А то, что сколько я ни работаю, а нѣтъ ни на мнѣ, ни подо мною.

— Жалко мнѣ тебя, дядьку, но что дѣлать, коли у тебя такая скверная наука? Вотъ если бы ты зналъ той науки, которую я знаю, тогда бы ты и горемъ объ землю покатилъ.

— А какая же твоя наука?

— Моя такая наука, что я по ней могу старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.

— Неужели можешь?

— Могу!

— Научи меня, спасибо тебѣ!

— Э, не хотѣлось мнѣ, но жаль ужь очень тебя. Такъ вотъ же что: пойдемъ вмѣстѣ по свѣту, посмотришь ты, какъ я дѣло дѣлаю, то и себѣ научишься.

— Пойдемъ.

Вотъ и пошли они. Идутъ-идутъ; приходятъ въ одну слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—

«Панская»—«А есть тутъ панъ?»— «Есть!—«А что онъ старый или молодой?»—«Да лѣтъ съ девяносто будетъ».—«Ну, вотъ это и нашъ; идемъ къ нему.» Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и вылазитъ панъ, старый-престарый, сморщенный, на силу ноги волочитъ. «А что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли, пане. называться вамъ работою» «А какую же вы работу можете исполнять.—Мы можемъ, пане, старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.

— Неужели можете?

— Можемъ.—«Сдѣлайте милость, передѣлайте меня!—«А что дадите?» «А что возьмете?»—«Да съ васъ тысячу рублей надо, потому что вы ужъ больно стары.»—«Нельзя-ли взять восемьсотъ?—«Нѣтъ, пане, никакъ нельзя, струментъ дорого стоитъ». Сюды-туды, сторговались за тысячу. Тогда тотъ молодой парняга взялъ долбню, «ошелешилъ» ею пана по лбу, изрѣзалъ его на куски, повкидалъ тѣ куски въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ золы, взялъ весилку да и давай все это мѣшалъ весилкою. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ дунулъ—плюнулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною какъ листъ передъ травою»! Тутъ по этому слову изъ бочки выскочилъ такой молодецъ, что ажъ любо на него посмотрѣть, молоденькій-молоденькій, какъ будто ему лѣтъ семнадцать Получилъ парняга тотъ деньги, часть далъ кузнецу, а часть зарылъ зачѣмъ-то въ курганъ. Пошли дальше. Идутъ-идутъ; приходятъ въ другую слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—«Панская.»—«А кто тутъ живетъ—панъ или паня?»—«Паня.» «А старая она?»—«Да лѣтъ сто, а то и больше будетъ.»—«Вотъ это и наша; идемъ.» Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и выносятъ имъ паню на подушкахъ. Такая старая, такая старая смотрѣть на нее нельзя. «Что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли называться работою.» «А что вы можете работать?»—«Можемъ старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.—«Можете?»—«Можемъ!»—Сдѣлайте божескую милость, передѣлайте меня!»—«А чтожъ, можно! Только дадите вы намъ двѣ тысячи рублей?»—«Нельзя-ли полторы?»—Никакъ нельзя,

струментъ дорого стоитъ». Ну, вотъ, такъ-сякъ, за двѣ тысячи договорились. Вотъ тотъ парняга вновь взялъ свою долбню, хватилъ ею паню по лбу, порѣзалъ тѣло на куски, повкидалъ куски въ бочку, налилъ воды, насыпалъ золы, взялъ весилку и давай ею мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» а оттуда и вышла такая красавица, такая красавица, что ажъ «сіяетъ»: точно ей годовъ шестнадцать. Получили деньги, подѣлили; опять часть ихъ парняга зачѣмъ-то зарылъ въ курганъ, и пошли въ третью слободу. Тутъ они тоже нашли какого-то пана и передѣлали его изъ стараго на молодого. Вотъ кузнецъ видитъ, что наука того парня не особенно мудра, и говоритъ самъ себѣ: «Э, катъ тебя бери! Я и самъ теперь могу тоже самое сдѣлать! Положились спать. Вотъ только-что нашъ парняга заснулъ, а кузнецъ поднялся да и ушелъ. Приходитъ въ первую слободу и сейчасъ же спрашиваетъ: «А есть-ли тутъ панъ?» — «Есть — «А старъ онъ?» — «Да годовъ семьдесятъ будетъ.» — «Вотъ это и мой.» Приходитъ; доложился объ себѣ. Выходитъ панъ хилый-прехилый, да еще и сгорбленный. «А что скажешь, мужичекъ?» — «Да пришелъ работою называться, пане. — «А какую ты работу можешь дѣлать?» — «Могу изъ старыхъ людей дѣлать молодыхъ.» — «Можешь.» — «Могу!» — «А что ты возьмешь передѣлать меня?» — «Тысячу рублей!» «О, какъ дорого! возьми восемьсотъ — «Никакъ нельзя, пане, струментъ дорого стоитъ.» Такъ — сякъ, за тысячу согласились. Вотъ тотъ кузнецъ взялъ долбню, убилъ ею пана, изрѣзалъ его на кусочки, побросалъ тѣ кусочки въ бочку, налилъ воды, насыпалъ золы, взялъ весилку и давай мѣшать ею. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ какъ свистнетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» А оно ничего и не выходитъ. Онъ вновь мѣшать: мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, потъ бѣднягу пронибаетъ, снова какъ свистнетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» и снова ничего не выходитъ. Онъ и въ третій разъ, и въ третій не выходитъ. Что тутъ дѣлать? А дѣти убитаго пана пристаютъ,

чтобы кузнецъ воротилъ имъ отца, а не воротитъ, то въ Сибирь зададутъ. «Погодите,»—говоритъ кузнецъ,—«старъ онъ черезчуръ: не вкипѣлъ!» Да снова мѣшать. Вотъ уже и ночь обняла его; усталъ бѣдный кузнецъ, сѣлъ и задумался. «Эхъ, побила бы меня лихая година! И на что я ушелъ отъ этого парня? И гдѣ онъ теперь есть?» Только онъ сказалъ эти слова, коли тутъ кто-то торкъ его за руку! Оглянулся кузнецъ, а это парняга, тотъ самый съ блескучими глазами и черными усиками.

— Чего это ты, дядьку, такъ зажурился?

— Э, голубчикъ мой сивый, выручь изъ бѣды! Покарала меня нечистая година: я думалъ, что уже научился твоей наукѣ, взялъ да ушелъ отъ тебя и давай передѣлывать старыхъ людей на молодыхъ, а вотъ оно вышло такъ, что я ничего не умѣю: убилъ человѣка, а теперь и не воскрешу. Сдѣлай милость, помоги въ бѣдѣ! До вѣку не забуду!» Задумался парняга, а кузнецъ все проситъ, все молитъ его.

— Ну, вотъ же что: я тебѣ помогу, только дай мнѣ одинъ зарокъ.

— Какой твоей душѣ угодно, такой и дамъ: что именно тебѣ нужно?

— Да что? Не будешь ты плевать на ту картину, которая виситъ у тебя въ кузницѣ надъ дверьми?

— Да это та, что чортъ на ней намалеванъ?

— Та самая.

Понялъ тогда кузнецъ, что у него за товарищъ и какая его наука... Ну, что же было дѣлать?

— Не буду!.. До вику не буду».

Съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать чорту въ рожу, съ тѣхъ же поръ люди и пословицу сложили: «Бога не забывай, да и чорта не обижай».

Это сдѣлалось между запорожцами, а отъ нихъ уже и къ намъ перешло... А что хороша моя баечка?

— Хороша твоя баечка, но только я не пойму, зачѣмъ же чортъ зарывалъ заработанныя имъ деньги въ курганы?

— А затѣмъ, что то христіанскія деньги,—онѣ бы его спалили.

— Ну, а слыхали жъ вы, пане, какъ можно достать тѣ деньги изъ кургана, что зарывалъ чортъ съ запорожскимъ кузнецомъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Зубомъ изъ мертвеца!

— Какъ такъ?

— А такъ, что нужно вырвать изо рта мертвеца кутній зубъ,—такъ съ тѣмъ зубомъ можно находить клады, отпирать замки, «обертать» къ себѣ дивчатъ. На этотъ счетъ тоже есть старинная байка.

— Какая такая?

— А вотъ слушайте. Когда-то въ очень давнюю давину, тутъ-таки у насъ, на Запорожьѣ, былъ себѣ безродный, неимущій козакъ, сирома, голякъ. Только й богатства у него, что конь, кресало да люлька. И такой онъ былъ безстрашный человѣкъ, что вездѣ бывало бродитъ то по степи, то по балкамъ, то по лѣсу; день или ночь, лѣто или зима, — ему все равно. Вотъ какъ-то, въ зимнее время, ночью выѣхалъ онъ изъ Запорожья въ «Гетманщину на́ городы». Выѣхалъ, погода была хорошая, а потомъ поднялась такая «хуртеча», что, Боже, сохрани! И свѣта божьяго не видно! Одно куритъ, одно куритъ, и все дальше больше, дальше больше. А козакъ все ѣдетъ: ѣхалъ-ѣхалъ, наконецъ, сбился съ пути. Сюды-туды, сюды-туды, нѣтъ дороги: пришлось такъ, что хоть Богу душу отдавай... «Ну, что-жъ теперь дѣлать? Пущу коня, пусть онъ самъ ѣдетъ, куды знаетъ». Пустилъ коня и опять ѣдетъ; ѣхалъ-ѣхалъ, вдругъ конь тыцъ и сталъ. Что такое? Смотритъ козакъ, ограда, а за оградой церковь. «А, слава Богу! Вѣроятно, тутъ же гдѣ-то и слобода». Привязалъ козакъ коня до ограды, а самъ пошелъ искать слободы; искалъ-искалъ, нѣтъ слободы да и только! Хотѣлъ было вернуться до коня, но и тутъ бѣда: слѣдъ потерялъ. «Вотъ когда уже такъ смерть»! Что-жъ теперь-то ужъ дѣлать?.. А дай позову коня». Позвалъ коня, конь заржалъ гдѣ-то вдали. Козакъ пошелъ на голосъ коня и наконецъ кое-какъ добрался до него. «Нѣтъ, теперь я вотъ что сдѣлаю: коня за

веду подъ колокольню, самъ сяду подъ дверь церкви, закурю люльку и буду сидѣть до утра: хоть грѣхъ, хоть два курить подъ церковью, а вже-же пусть Богъ проститъ: не буду курить,—засну, а засну, замерзну». Вотъ завелъ онъ коня подъ колокольню, самъ сѣлъ спиной къ церковной двери и куритъ люлечку. Сидитъ себѣ и сидитъ, изъ люлечки попыхиваетъ. Вдругъ слышитъ, въ церкви какъ будто что-то сорвалось со стѣны и шарахнулось объ полъ. Такъ по всей церкви и раздался гулъ... Козакъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться... Не слышно ничего: все тихо. «Это, вѣроятно, мнѣ вздремнулось да въ дремотѣ и пригрезился какой-то стукъ». Поправилъ козакъ на головѣ шапку, пощупалъ чупрыну, наложилъ табачку, придавилъ его пальцемъ, накрылъ крышечкой и опять сидитъ и попыхиваетъ люлечку. Но вдругъ чудится ему, какъ будто кто-то ходитъ по церкви... Такъ тихо идетъ, не спѣша: «шамъ-шамъ-шамъ»... «Что же это такое? Нѣтъ, это уже не во-снѣ»... Козакъ вскочилъ съ мѣста и сталъ осматривать церковную дверь. Видитъ, въ двери торчитъ ключъ. «Эге, тутъ что-то неладно!» Тотчасъ же досталъ изъ сапога соломенную «устильку», выкресалъ огню, приложилъ трутъ къ «устилькѣ», помахалъ ею, чтобы зажечь, нѣсколько разъ въ рукѣ, потомъ отворилъ дверь, вошелъ въ церковь, нащупалъ тамъ свѣчу, зажегъ ее и сталъ осматривать церковь. Видитъ, среди церкви стоитъ гробъ, а около гроба на полу лежитъ крышка. Козакъ подошелъ къ гробу, заглянулъ въ него, въ гробу лежитъ мертвецъ, лежитъ такъ, какъ и слѣдуетъ ему лежать. «Значитъ, это не онъ стучитъ: кто-жъ бы это могъ?» Пошелъ козакъ по церкви, заглянулъ въ углы, никого нѣтъ. На одномъ клиросѣ—никого нѣтъ, на другомъ—тоже нѣтъ; пошелъ въ алтарь: заглянулъ подъ жертвенникъ, никого нѣтъ; поднялъ одѣяніе на престолѣ, смотритъ подъ престолъ, а тамъ сидитъ какая-то женщина. «Чего ты сюда забралась? А вылазь да скажи, кто ты такая и чего ты вобралась ночью въ церковь?» Вылѣзла та женщина изъ-подъ престола да заразъ бухъ въ ноги козаку. Голубчикъ, такой сякой, не губи меня, я все тебѣ разскажу.

Я пришла сюда, чтобы вырвать у мертвеца «кутній» зубъ, бо такимъ зубомъ можно отмыкать замки, доставать изъ земли клады, привертать дивчатъ. Такъ вотъ я украла у попа ключи, пробралась въ церковь, гдѣ стоялъ покойникъ, и уже совсѣмъ было наладилась, чтобы вырвать у него зубъ, какъ тутъ услыхала, будто кто-то идетъ въ церковь, побѣжала въ алтарь и спряталась тамъ подъ престолъ. Теперь, если хочешь, я достану для тебя зубъ, и будешь ты богачемъ на весь міръ: чего хочешь, того и просишь».—«Богъ съ тобой и съ твоимъ зубомъ! Былъ я сиромой-голякомъ и умру такимъ же, а ты выходи изъ церкви, я тебѣ покажу, какъ заниматься такимъ ремесломъ». Тутъ козакъ выволокъ изъ церкви женщину, изрубилъ ее въ мелкіе куски, бросилъ куски въ снѣгъ, заперъ церковь, самъ сѣлъ на коня и, такъ какъ было уже къ свѣту, скоро нашелъ слободу, гдѣ и разсказалъ о своемъ приключеніи людямъ, а тѣ люди своему поколѣнію, а то поколѣніе намъ, а мы уже вамъ.

Вотъ чѣмъ добываютъ клады изъ земли! Не захотѣлъ козакъ попользоваться, а былъ бы и богатъ и счастливъ. А отчего не попользовался? Боялся, вѣроятно, заклятія; какъ закапывали люди клады, то клали на нихъ огонь, а на огонь баранчика, связаннаго по ногамъ желѣзнымъ дротомъ; жарили того баранчика да й приговаривали: «Вотъ какъ этому баранцю, связанному дротомъ, тяжко та нудно лежать на огнѣ, такъ пусть будетъ тяжко и нудно тому, кто осмѣлится взять изъ-подъ него закопанные гроши».

Послѣ этого мой разсказчикъ умолкъ. Тутъ бричка наша поднялась на небольшой пригорокъ, потомъ скатилась внизъ, и черезъ десять—пятнадцать минутъ мы очутились въ селѣ Николаевкѣ. Передъ нами потянулись вереницы чистенькихъ, выбѣленныхъ хатъ съ ихъ зеленѣющими садиками и высокими, стройными тополями, то тамъ, то сямъ пирамидально подымающимися кверху. А вотъ, среди села, у самой дороги, показалась и корчма, съ большой бутылкой, привязанной къ палкѣ, воткнутой подъ стрѣху хаты, и съ желѣзной вывѣской, стоящей на соломенной крышѣ, съ изображеніемъ бочки и ухаживающаго

возлѣ нея полупьянаго хохла съ огромнымъ рожкомъ для табаку въ лѣвой рукѣ.

— Пане, а пане! что я вамъ скажу?

— Говори, если что есть.

— Вы не знаете, какъ я страдаю животомъ?

— Нѣтъ, не знаю; но если ты страдаешь животомъ, то ты бы побывалъ у доктора.

— Я былъ у доктора.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Да что онъ мнѣ сказалъ? Ты, говоритъ, хлопче, ничѣмъ другимъ не можешь вылѣчиться, какъ горилкою: какъ будешь ѣхать мимо корчмы, такъ и не минай.

— Ну, коли тебѣ такъ докторъ сказалъ, то подвертай къ корчмѣ.

... Уже солнце совсѣмъ склонялось къ горизонту, когда мы оставили корчму и потянулись дальше по направленію къ востоку отъ Николаевки. Лошаденки наши, переступая съ ноги на ногу, едва-едва тащили тяжелую бричку.

— Охъ, пане, пристануть наши кони!

— Такъ что же намъ дѣлать?

— Что намъ дѣлать? Съѣдемъ вотъ въ ту балочку, что впереди насъ, отпряжемъ коней да и заночуемъ въ ней.

— И то дѣло.

Скоро мы сползли въ балку, отъѣхали немного въ сторону съ дороги, распрягли коней, пустили ихъ въ степь, а сами расположились подъ бричкой, между колесами, на голой землѣ, подмостивъ лишь подъ головы по клочку душистой степной травы. Ночь была тихая—тихая; изъ-за горизонта выплывала полная и чистая луна, на небѣ мигали и переливались миріады звѣздъ, дикіе степные цвѣты отдѣляли отъ себя пахучіе ароматы и напояли ими прозрачный воздухъ, а вдоль всей балки тянула пріятная, послѣ жаркаго дня, прохлада. Среди ночной тишины только и слышно было, какъ фыркали да пощипывали травку наши лошади. Я долго прислушивался къ этому звуку, потомъ мало-по-малу сталъ забываться и наконецъ заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ...

VIII.

О лѣсахъ въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей.

Запорожцы занимали огромное пространство степей, прилежащихъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра въ его нижнемъ теченіи между Бугомъ на западной и Калміусомъ на восточной сторонѣ: все это пространство запорожскихъ вольностей носило характеръ степной по преимуществу; лѣса же въ немъ росли только по мѣстамъ низменнымъ, наиболѣе влажнымъ или же наиболѣе суглинистымъ и супесчанымъ, т. е. по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ или рѣчнымъ островамъ и по склонамъ балокъ, овраговъ, пригорковъ; всѣ другія мѣста представляли изъ себя безлѣсную равнину, покрытую въ лѣтнее время травой, въ зимнее замурованную глубокими снѣгами. У запорожскихъ козаковъ различались собственно лѣсъ, потомъ гай, чагарникъ и байракъ: гай—небольшая роща, преимущественно на ровномъ мѣстѣ изъ деревьевъ небольшихъ, легкихъ, скоро зеленѣющихъ; чагарникъ (отъ тюркскаго «чагал»)—мелкій, тернистый кустарникъ, перелѣсокъ, иногда молоднякъ, выросшій вмѣсто срубленнаго; байракъ (отъ тюркскаго корня «баир»—косогоръ)—небольшой лѣсъ, но изъ толстыхъ и тяжелыхъ деревьевъ, преимущественно въ оврагахъ и по склонамъ ихъ. Сколько и въ какимъ именно мѣстахъ росло въ запорожскихъ вольностяхъ лѣсовъ, на этотъ счетъ мы имѣемъ лишь отрывочныя указанія разныхъ писате-

лей прошлыхъ вѣковъ, случайно или намѣренно посѣщавшихъ земли запорожскихъ козаковъ, и только со второй половины XVIII вѣка, послѣ паденія Сѣчи, начиная съ 1777 года, располагаемъ точными данными, заключающимися въ геометрическихъ спеціальныхъ планахъ владѣльческихъ земель. Изъ этихъ данныхъ видно, что сѣверовосточная окраина запорожскихъ вольностей, паланки протовчанская, орельская и самарская, теперешній новомосковскій и частію павлоградскій уѣзды, по справедливости считались самыми лѣсистыми паланками всего Запорожья: тутъ лѣсъ тянулся двумя полосами— узкою полосою по лѣвому берегу рѣки Орели [1]), отдѣлявшей границы запорожскихъ владѣній отъ границъ владѣній гетманскихъ, и широкою полосою по обоимъ берегамъ рѣки Самары, составлявшей центръ самарской паланки. Свѣдѣній объ орельскихъ лѣсахъ мы не находимъ ни у Ласоты въ XVI вѣкѣ, ни у Боплана въ первой половинѣ XVII вѣка: о существованіи лѣсовъ на Орели упоминаютъ лишь русскіе послы Тяпкинъ и Зотовъ во второй половинѣ XVII вѣка, и подробныя даютъ указанія геометрическіе спеціальные планы конца XVIII вѣка. Изъ геометрическихъ плановъ видно, что орельскіе лѣса тянулись почти на протяженіи ста сорока двухъ верстъ, начиная выше того мѣста, гдѣ впадаютъ въ Орель рѣчки Богатыя съ обѣихъ сторонъ ея, по теперешнему отъ села Черноглазовки-Степной, павлоградскаго уѣзда, и кончая устьемъ Орели, шириною отъ лѣваго берега въ степь иногда до двѣнадцати верстъ, т. е. въ общемъ до 5,000 десятинъ всего лѣса. Въ настоящее время этотъ лѣсъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ по селамъ, слободамъ, деревнямъ и усадьбамъ павлоградскаго и новомосковскаго уѣздовъ екатеринославской губерніи: въ Черноглазовкѣ, Чернявщинѣ, Шандровкѣ [2]), Татарбранкѣ и Кирносовкѣ идутъ небольшіе перелѣски: ниже начинаются уже настоящіе лѣса: въ Афанасьевкѣ—

[1]) Были лѣса и по правому берегу Орели, но они принадлежали гетманскимъ, а не запорожскимъ козакамъ.

[2]) Первыя три села павлоградскаго, а послѣдующія села новомосковскаго уѣзда.

5 десятинъ «дровяного лѣсу»; въ хуторѣ А. А. Гана—4 десятины лѣсу; въ хуторѣ Давыдовкѣ - Нѣметчинѣ—2 десятины и 1,700 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Перещепинѣ—117 десятинъ и 1/10 часть десятины, сверхъ того «2 десятины и 7/10 лѣсныхъ полянъ»; въ деревнѣ Александріи—45 десятинъ и 1,700 квадратахъ саженъ, сверхъ того 165 десятинъ и 120 квадратныхъ саженъ «сѣнокосу съ поросшимъ на немъ лѣсомъ»; въ селѣ Козырщинѣ—125 десятинъ; въ селѣ Лычковомъ—561 десятина и 869 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Бузовкѣ—«лѣсу лиственнаго» 120 десятинъ и 200 квадратныхъ саженъ и «лѣсу дровяного» 230 десятинъ; въ деревнѣ Степановкѣ—18 десятинъ [1]); въ селѣ Колпаковкѣ—36 десятинъ; въ мѣстечкѣ Котовкѣ—«дровяного лѣсу» 375 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ; въ деревнѣ Марковой-Горкѣ—154 десятины 1,326 квадратныхъ саженъ; въ хуторѣ Сулимовкѣ—«мѣшаннаго строевого и дровяного лѣсу» 82 десятины и 560 квадратныхъ саженъ; въ хуторахъ Жученка и Хижняка—41 десятина; въ Степановкѣ-Шагаровкѣ—239 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Чернетчинѣ—193 десятины и 9 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Гупаловкѣ—«мелкаго кустарнику» 11 десятинъ и 2,359 квадратныхъ саженъ; въ хуторѣ Житецкомъ—«лѣсу, между коимъ сѣнной покосъ» 130 десятинъ и 1,057 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Михайловкѣ—15 десятинъ; въ хуторѣ Войновкѣ—«лѣсу строевого и дровяного»—22 десятины; хуторѣ Ключниковомъ—25 десятинъ; въ деревнѣ Ненадовкѣ — 60 десятинъ; въ селѣ Бабайковкѣ—400 десятинъ; въ деревнѣ Плавещинѣ—179 десятинъ, которыя въ настоящее время раздѣляются между семью владѣльцами: Е. М. Новохацкой — 67 десятинъ въ трехъ участкахъ, М. Г. Яковца — 31 десятина, М. Г. Степановой и Е. М. Новохацкой совмѣстно 42 десятины, М. Г. Степановой—2 десятины, Л. И. Юрьевой — 17 десятинъ, И. И. Базилевскаго—7 десятинъ, Григорія Лысенка и Глафиры Курдюковой—

[1]) На правомъ берегу Орели къ владѣнію Степановки принадлежитъ 12 д. лѣсу.

30 десятинъ; наконецъ въ слободѣ Шульговкѣ—2,225 десятинъ и 1,150 квадратныхъ саженъ, изъ коихъ въ настоящее время осталось только 130 десятинъ.

Преобладающей породой лѣсной растительности по лѣвому берегу рѣки Орели былъ дубъ, который достигалъ здѣсь довольно значительныхъ размѣровъ; такъ въ мѣстечкѣ Котовкѣ, владѣльца Г. П. Алексѣева, въ урочищѣ Левенцевомъ и господскомъ саду есть дубы, имѣющіе въ окружности по шести аршинъ при корнѣ; а въ деревнѣ Степановкѣ, имѣніи А. Н. Синельникова, годъ тому назадъ срубленъ былъ дубъ, имѣвшій въ окружности 6 аршинъ и 1 вершокъ, въ діаметрѣ 1 аршинъ и 10 вершковъ; послѣднему, по опредѣленію специалистовъ лѣсного дѣла, было не менѣе 150 лѣтъ. Кромѣ дуба по Орели росли: берестъ, ясень, кленъ, верба, дикія яблоки и дикія груши.

Къ востоку отъ орельскихъ лѣсовъ, на разстояніи прямою линіей около пятидесяти верстъ, въ томъ же направленіи отъ сѣвера къ югу, тянулись самарскіе лѣса. О существованіи лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ знали Бопланъ [1]), Тяпкинъ и Зотовъ [2]), московскіе ратные люди Иванъ Коломнинъ и товарищи [3]) и секретарь московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи Василій Чернявскій въ 1766 году [4]). Самарскіе лѣса начинались по рѣчкѣ Терновкѣ, далѣе шли вдоль береговъ Самары и захватывали нѣкоторые изъ ея притоковъ—Кильчень, Самарчикъ, Волнянку, Волчью, Кочережку, Гнѣздище, Великую Терновку, Малую Терновку, Татарку, Песчанку, Чаплынку и Быкъ; все это пространство до устья рѣки составляло 182 версты, при наибольшой ши-

---

[1]) Описаніе Украйны, Спб., 1832, 18; также карта Украйны Боплана въ Исторіи Малороссіи Маркевича, 1842, Ш.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II и III, 573.

[3]) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, Спб. 1861, I, 60—63.

[4]) Мышецкій, Исторія о коз. зап, Одесса, 1852, 80. В. Чернявскій посланъ былъ въ 1760 году къ запорожцамъ для разбора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами.

ринѣ въ 20 верстъ. Самарскіе лѣса по справедливости считались «знатными», запорожскими лѣсами, «несходимыми» и «невидимыми», въ своемъ родѣ «муромскими дебрями.» «Окрестности Самары, говоритъ Бопланъ, замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакѣ [1])». «Вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ (чрезъ рѣку Самару и далѣе), какъ посломъ, такъ и рати царскаго величества, дубровы и прочія дровяныя угодья до того помянутаго стану (ниже Самары) кончились. А отъ того стану даже до Крыму по рѣкамъ и рѣчкамъ и по удоліямъ многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбы множество есть, и по нуждѣ безъ большихъ простоевъ великимъ ратемъ дровами пронятца мочно. На тѣхъ Овечьихъ-Водахъ и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ, и на степяхъ дубравы суть великія и лѣса, и терники, и тальники и камыши [2]). «Изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по рѣкѣ Самарѣ, запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на согрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ.» [3])

Самарскіе лѣса состояли изъ деревьевъ самыхъ разнообазныхъ породъ: ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орѣшника, съ преобладаніемъ, однако, какъ и на Орели, дуба; между деревьями лѣса, близъ рѣкъ, были обширные луга, сѣнокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимою травой; по лугамъ паслись дикія козы, кабаны, туры, въ чемъ убѣждаютъ насъ и въ настоящее время находимые здѣсь турьи рога [4]). То, что сказано было о самарскихъ лѣсахъ

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб. 1832, 18, 19.

[2]) Записки одес., общества исторіи и древ., т. II, от. II, 573.

[3]) В. Чернявскій. Исторія о козакахъ зап. Мышецкаго, 1852. 85.

[4]) Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888 г. I, 236.

250 лѣтъ тому назадъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, почти тоже можно сказать о нихъ и въ настоящее время. Не смотря на варварское обращеніе владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все же поражаютъ человѣка даже и въ настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ и теперь растутъ сосны, имѣющія въ обхватѣ 6, дубы — 9 и вербы — 10 аршинъ. Что же тутъ было въ далекомъ прошломъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ гигантскимъ дубамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ на днѣ русла рѣки Самары. Такихъ дубовъ можно видѣть цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близъ села Вольнаго. Въ настоящее время самарскій лѣсъ тянется на протяженіи около ста верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, съ нѣкоторыми, однако, перерывами, начиная отъ того мѣста, гдѣ Самара принимаетъ въ себя рѣку Волчью, на границахъ новомосковскаго и павлоградскаго уѣздовъ, и кончая нѣсколько выше устья ея.

Подвигаясь далѣе отъ Самары къ востоку, находимъ указанія на существованіе «лѣсныхъ чащей и дубравъ» по рѣчкѣ Нижней Терсѣ и «тальниковъ» по рѣчкѣ Соленой, притокахъ рѣки Волчьей [1]), и особенно по самой Волчьей: въ селѣ Мавриномъ, близъ города Павлограда, гдѣ въ настоящее время считается «лѣсу и кустарнику» 40 десятинъ и 190 квадратныхъ саженъ; деревнѣ Осиповой, имѣніи Лацины-Мартыненка, гдѣ считается «лѣсу дровяного» 10 десятинъ, «рогозу и лозы» 187 десятинъ и шелюгу 48 десятинъ [2]); деревнѣ Катериновкѣ, александровскаго уѣзда, имѣніи Н. Н. Мазаракія, въ семи верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы, въ урочищѣ Святомъ, 25 десятинъ и ниже того урочища столько же «терновнику, дикихъ грушъ, яблонь, вербъ и отчасти татарскаго клена»; деревнѣ Богодарѣ, имѣніи Ѳ. И. Михеева, при впаденіи рѣчки Гайчула

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 523, 538.

[2]) Изъ фамильныхъ плановъ княгини Н. И. Черкаской, владѣлицы Маврина.

въ Волчью, 33 десятины, «татарскаго клена, осинъ, терновника, бузины, дикихъ грушъ и яблонь»; въ томъ же Богадарѣ въ балкѣ Каменоватой «лѣсу четыре верты въ длину»; лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ Каменоватой балкѣ, по словамъ старожиловъ, росъ такой лѣсъ, чрезъ который и «не просунешься», а на самомъ днѣ ея стояли криницы «чистой, какъ серебро, воды»; въ настоящее же время отъ того лѣса ни пня, а отъ криницы и слѣда не осталось; въ мѣстѣ соединенія рѣчки Ганчула съ Янчуломъ, по Байковскому оврагу, въ Прасковейской пустоши, и въ трехъ мѣстахъ сельца Косовцова, владѣльца Н. Р. Косовцова, теперь хутора Родзянки, «мелкаго лѣса терновыхъ кустарниковъ 24 десятины и 90 саженъ [1]); въ селѣ Большой-Михайловкѣ или Дибривкѣ «естественнаго лѣса, стараго запорожскаго, дуба 107 десятинъ и 2,000 квадратныхъ саженъ, шелюга 264 десятины 1650 квадратныхъ саженъ, осины, осокоря и пирамидальнаго тополя 17 десятинъ и 1,350 квадратныхъ саженъ, сосны 11 десятинъ и 1,630 квадратныхъ саженъ, шелковицы 2 десятины и 1,500 квадратныхъ саженъ; терну и татарскаго клену 18 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ, всего 424 десятины и 1,060 кв. саж.; кромѣ того вновь насажденнаго 186 десятинъ и 260 кв. саж.» [2]) Самые толстые дубы дибривскаго лѣса имѣютъ сверхъ четырехъ аршинъ въ окружности; по опредѣленію специалистовъ лѣснаго дѣла, старѣйшіе изъ дибривскихъ дубовъ имѣютъ по 121 году; въ деревнѣ Евграфовкѣ, имѣніи М. Н. Жебуневой, на той же Волчьей, противъ лѣса Большой-Михайловки, «дуба и терноваго кустарника 13 десятинъ и 1,700 квадратныхъ саженъ» [3]); и здѣсь преобладалъ дубъ, средняя толщина котораго въ окружности два аршина и три четверти; во всемъ александровскомъ уѣздѣ дибривскіе и жебуневскіе лѣса составляютъ единственное богатство уѣзда, если исключить лѣса при самомъ Днѣпрѣ въ томъ же уѣздѣ. Еще восточнѣе шли лѣса

---

[1]) Владѣльческія бумаги поручика Н. З. Мухортова.

[2]) Свѣдѣнія добыты въ лѣстничествѣ отъ П. Г. Несмѣянова.

[3]) Специальный геометрическій планъ 1791 года, въ деревнѣ Евграфовкѣ.

по рѣчкѣ Мокрымъ-Яламъ, гдѣ теперь села Федоровка, Времьевка, Маiорское, Большой-Янисоль, Веселое, Клевцово: тутъ росли: береза, осокорь, дикiя яблони, груши, и отсюда прямо на югъ по берегамъ рѣки Кальмiуса и ея притокамъ, по склонамъ Азовскаго побережья. Склоны Азовскаго побережья и кальмiусская низменность нѣкогда покрыты были лѣсами, гдѣ находили себѣ убѣжище волки и дикiе кабаны. «И теперь еще на поверхность безлѣснаго прибрежнаго взгорья выступаютъ мѣстами толстые пни вѣковыхъ деревьевъ, преимущественно берестовъ. Мало того, есть очевидныя доказательства, что въ болѣе отдаленныя времена лѣсная растительность распространялась далеко въ глубь уѣзда (марiупольскаго) по рѣчнымъ долинамъ: по рѣчкѣ Западному Кальчику, между селомъ Малымъ-Янисолемъ и колонiей Кирщвальдомъ встрѣчаются подъ глубокимъ рѣчнымъ наносомъ огромные дубовые стволы» [1]).

Въ западной окраинѣ запорожскихъ вольностей, въ бывшихъ паланкахъ кодацкой, ингульской и буго-гардовской, лѣса шли также по рѣчкамъ и балкамъ; и тутъ, однако, ни Ласота, ни Бопланъ, ни Мышецкiй, ни Червявскiй, ни Величко не даютъ точныхъ указанiй количества десятинъ лѣса и породы его деревъ: по ихъ словамъ, лѣса шли по двумъ рѣчкамъ Сухому и Мокрому Омельникамъ, въ теперешнемъ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ екатеринославской губернiи; здѣсь росъ дровяной дубовый, осиновый, липовый и терновый лѣсъ [2]): въ настоящеё время остатки этихъ лѣсовъ едва лишь можно возстановить по разсказамъ старожиловъ: по Омельницкой балкѣ, близъ Плахтiивки, Бутивскому урочищу, близъ Троицкой, и по ярамъ близъ Каменно-Потоцкаго было около 500 десятинъ дубоваго лѣса; по балкамъ и оврагамъ противъ Мишурина-Рога росли также дубовые лѣса—Долгое-Провалье, Лѣщина, Заячiй, Кислый, Должикъ, Михайловскiй, Голодниевскiй, Криничный, Скотоватый, Рядовой, Липовый, Россоховатый, Калужный, Глубокiй, Бѣло-

[1]) Александровичъ. Краткiй обзоръ марiуп. узд., Марiуполь, 1884, 11.
[2]) Экономическiя примѣчанiя къ верхне-днѣпровскому уѣзду, 42.

усовъ, Косый, Патериловъ, Шестигривинный, Лысый, Дрыщальный и Западный—всего до 250 десятинъ; далѣе лѣса шли по рѣкамъ Домоткани, Самоткани, притокамъ Днѣпра: это были небольшіе участки, называвшіеся у козаковъ байраками; ниже Домоткани до Сухой-Суры шла почти совершенно голая и совершенно безлѣсная степь [1]); затѣмъ по рѣчкѣ Сухой-Сурѣ «лѣсъ дровяной, дубовый, кленовый, липовый и ивовый» [2]); по балкѣ Княжимъ-Байракамъ, падающей въ рѣчку Переволочанскій-Омельникъ, на протяженіи 15 верстъ, особенно въ вершинѣ балки, гдѣ была непроходимая трущоба; по балкѣ Глубокой, падающей въ рѣчку Желтыя-Воды, ниже деревни Камчатки, 11 десятинъ 1,350 кв. саж.; затѣмъ близъ рѣчки Зеленой, въ теперешнемъ селеніи Березовкѣ, имѣніи П. М. Селиванова, бывшемъ Орлая, «250 десятинъ лѣсу дуба, береста и бука»; далѣе по рѣчкамъ Каменочкѣ и Терновкѣ, притокамъ Ингульца, и по самому Ингульцу: къ верховьямъ послѣдняго выходили два знаменитые лѣса Черный и Чута, считавшіеся, какъ надо думать, спорными лѣсами между гетманскими и запорожскими козаками: «По объявленію запорожскихъ старожиловъ попа Максима Колниболотскаго да Алексѣя Вербицкаго, въ Черномъ лѣсѣ прежде сего запорожское войско владѣли Чернымъ лѣсомъ или нѣтъ, о томъ не знаютъ; а была въ прежніе годы отъ кошевого атамана Сѣрка въ ономъ лѣсу пасика: а тому назадъ лѣтъ около 80-ти» [3]); тутъ же былъ и лѣсъ Кругликъ, «о которомъ также не было извѣстно, владѣло-ли имъ войско запорожское или нѣтъ».

Въ настоящее время отъ Чуты и Чернаго лѣса остались слѣдующіе лѣса въ александровскомъ уѣздѣ херсонской губерніи: Цырульниковскій 93 десятины: Хрящеватый 38 десятинъ: Григорашевскій 82 десятины—всѣ три ниже села Вершаца: Чута 5,978 [4]) десятинъ: Кринечеватскій 97 десятинъ, ниже урочища Старый—

---

[1]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки. Одесса, 1873, 54.

[2]) Экономическія примѣчанія къ екатеринославскому уѣзду.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ зап., Одесса, 1852, 74.

[4]) Казенной Чуты 3.078 десятинъ, частной 2.900 десятинъ, итого 5,978 десятинъ.

Курень и выше урочища Чернечьяго: Краснокутскій 76 десятинъ, ниже лѣса Чуты и между урочищъ Стѣнковское и Веселый-Кутъ: Черный 7.824 десятины: Кругликъ, Должикъ и Купиревъ 210 десятинъ — всѣ три около Чернаго лѣса. между селами Цыбулевомъ и желѣзнодорожной станціей Богдановкой: Коротянскій, Половинка, Хвощевой-Довжко 115 десятинъ—всѣ три около того же Чернаго лѣса, близъ желѣзно-дорожной станціи Знаменки; Больше-Заруд-невскій и Мало-Зарудневскій 176 десятинъ—оба близъ желѣзно-дорожной станціи Медеровой: Линейцевъ и Объѣздной 45 десятинъ—оба ниже лѣса Мало-Зарудневскаго и села Краснаго-Яра: Бѣшевскій 94 десятины, Нерубай 2,870 десятинъ —оба вдоль границы кіевской и херсонской губерній: Бобошковскій 178 десятинъ, ниже лѣса Нерубая и между селъ Федваремъ и Сентовымъ; Зайцевскій 160 десятинъ, ниже села Сентова: Довжко и Срибковскій 129 десятинъ, Гончаровскій 25 десятинъ и Срубанскій 37 десятинъ— всѣ три ниже села Федваря, и наконецъ Плоскій лѣсъ 450 десятинъ, выше села Елисаветградки [1]). Изъ этихъ лѣсовъ Чута и Черный нѣкогда составляли одинъ сплошной лѣсъ, служили продолженіемъ знаменитаго въ исторіи малороссійскихъ козаковъ Мотронинскаго лѣса кіевской губерніи чигиринскаго уѣзда [2]) и тянулись до теперешней желѣзно-дорожной станціи Знаменки; они пересѣкались лишь двумя рѣчками, Ирклейцемъ, отдѣляющимъ кіевскую губернію отъ херсонской и Ингульцомъ, идущимъ отъ кіевской границы къ правому берегу Днѣпра: въ настоящее время этотъ лѣсъ, послѣ громадныхъ порубокъ, носитъ три названія: Медвѣдовки отъ Мотронинскаго монастыря до рѣчки Ирклейца, Чуты отъ рѣчки Ирклейца до рѣчки Ингульца и Чернаго отъ рѣчки Ингульца до станціи Знаменки [3]).

---

[1]) Свѣдѣнія добыты въ лѣсничествѣ города Александріи отъ Д. И. Крутова.

[2]) Здѣсь стоялъ Мотронинскій монастырь, гдѣ съ 1753 по 1766 годъ былъ архимандритомъ Милхедисекъ Значко-Яворскій, святившій ножи гайдамакамъ на брань противъ ляховъ и жидовъ.

[3]) Свѣдѣнія сообщены священникомъ города Александріи, отцемъ Василіемъ Никифоровымъ.

Черный лѣсъ и Чута состоитъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ; въ исторіи запорожскихъ козаковъ Черный и Чута-лѣсъ игралъ ту важную роль, что въ немъ часто скрывались запорожцы отъ преслѣдованія татаръ, турокъ и поляковъ; тутъ же находили себѣ пристанище православные монахи отъ притѣсненія католиковъ и страшные гайдамаки, поднимавшіе оружіе противъ польскихъ пановъ на защиту своихъ человѣческихъ правъ; гайдамаки особенно любили Черный и Чуту-лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка сложилось даже особое выраженіе «утикъ до Чорного лису»—значитъ сдѣлался гайдамакою. Неудивительно поэтому, почему на счетъ Черного и Чуты-лѣса ходитъ и въ настоящее время такое множество разнаго рода преданій о вырытыхъ въ немъ погребахъ, скрытыхъ скопищахъ кладовъ, страшныхъ голосахъ, слышимыхъ въ лѣсу и т. п.

Далѣе, лѣса шли по притоку Ингульца, Саксагани и по балкамъ, впадающимъ въ него: такъ въ Дубовой Балкѣ или Запорожскомъ ущельѣ, имѣніи А. Н. Поля, и теперь уцѣлѣли столѣтніе дубы, имѣющіе въ окружности до шести аршинъ и растущіе между громадныхъ скалъ по обоимъ склонамъ балки на протяженіи двѣнадцати десятинъ; кромѣ того по берегу самой рѣки Саксагани, противъ Дубовой Балки, имѣется «лѣсу и кустарниковъ» двѣнадцать десятинъ. Ниже Саксагани по Бешкѣ — «лѣсу достаточно», — Аджамкѣ — «лоза и терны», Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаглейчику, Мертвоводу, — въ послѣдней, впрочемъ, весьма немного: «дровъ здѣсь претрудно» [1]. Далѣе лѣса по Чечаклеѣ и Грюмоклеѣ: «по рѣкѣ Аргамаклы (т. е. Грюмоклеѣ) есть нѣсколько лѣса, годнаго для строенія: главный—осокорь, ясень, таволга, липнякъ, илимъ или берестъ, кленъ, ветла, ивнякъ, вязникъ, цвѣдина, а также груши, яблони, хмель, шиповникъ и немало терновнику, мелкій дубнякъ, но все

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 578.

изрѣдка» [1]). Въ настояще время, близъ впаденія рѣчки Грюмоклеи въ рѣку Ингулъ, у деревни Полковничьей или Воеводской херсонскаго уѣзда, есть лѣсъ, состоящій изъ 400 десятинъ, извѣстный еще съ 1740 года, когда заключенъ былъ «пограничный инструментъ» между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони подъ названіемъ Соколиной дубравы. Затѣмъ, между Кагарлыкомъ и Терновой ростъ какой-то лѣсъ, называвшійся Наумовымъ [2]), и наконецъ по Бугу у Песчанаго брода «терновники и чащники малые» [3]), въ урочищѣ Виноградная-Криница «строевой лѣсъ» [4]), по Семенову-Рогу «терны» [5]), на островѣ Андреевомъ и «не далѣе полумили отъ Кременцова острова «строевой лѣсъ» [6]). Вообще говоря, западная окраина запорожскихъ вольностей менѣе была богата лѣсами, чѣмъ восточная, по крайней мѣрѣ, если исключить Черный и Чуту-лѣсъ, какъ кажется, непринадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ. «Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками» [7]).

Кромѣ лѣсовъ, росшихъ по степнымъ рѣчкамъ, балкамъ и оврагамъ, были, разумѣется, лѣса и по берегамъ самаго Днѣпра, также какъ и по островамъ и балкамъ, въ него впадающимъ, начиная сверху внизъ по теченію рѣки, отъ границъ запорожскимъ вольностей. Однако, перечислить всѣ лѣсныя мѣста Днѣпра нѣтъ возможности, и потому надлежитъ упомянуть лишь о значительныхъ лѣсахъ Днѣпра. Таковы: лѣсъ Шопиновскій, выше селе-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

[2]) С. И. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 75

[3]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 75.

[4]) Бопланъ, Описаніе Украины, Спб. 1832, 30.

[5]) Сементовскій, Запорожская рукопись о кладахъ, Кіевъ, 1857, 14.

[6]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 31.

[7]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

нія Пошиновки, верхне-днѣпровскаго уѣзда, 200 десятинъ: лѣсъ Сомовка, по теченію рѣчи Сомовки, противъ села Каменки новомосковскаго уѣзда, у лѣваго берега Днѣпра, 550 десятинъ: лѣсъ Орловъ по балкѣ Орловой, тамъ же 154 и три десятыхъ десятины, лѣсъ Чернетчино, тамъ же, 265 и двѣ десятыхъ десятины, всего 969 десятинъ и 236 квадратныхъ саженъ; тутъ же, противъ Брянцевскаго завода, на островахъ Подмежевномъ—102 десятины и 2140 квадр. саженъ; Спорномъ—118 десятинъ и 30 саженъ, Свинячьемъ—117 десятинъ и 530 квадр. саженъ, Муравомъ—59 десятинъ и 320 квадр. саженъ; лѣсъ по рѣчкѣ Половицѣ, на которой стояла запорожская слобода Половица [1]), теперь губернскій городъ Екатеринославъ, гдѣ въ настоящее время стоятъ сады Волоцкаго, Техническій и Городской, чему доказательствомъ служатъ столѣтніе дубы, вязы, груши и тополи екатеринославскихъ садовъ: на острову Монастырскомъ, гдѣ преобладалъ дубъ, остатки котораго сохранились и въ настоящее время; на островахъ Конскомъ [2]), Становомъ, Яцевомъ и рѣчкѣ Татаркѣ, падающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Кодацкаго порога—120 десятинъ «мелкаго и дровяного лѣсу» [3]); на острову Демекѣ—груши, яблони—«черное дерево и родючее» [4]); по всему возвышенному берегу Днѣпра отъ Новаго-Кодака и до Стараго-Кодака «большіе лѣса и чагарники, а между ними поляны сѣнокоса» [5]); по оврагу, впадающему въ вершину рѣчки Суры, праваго притока Днѣпра, до 4 десятинъ лѣса: здѣсь стояли запорожскій зимовникъ и пасѣка, отъ коихъ и въ настоящее время сохранились слѣды и подземные ходы, можетъ быть, погреба для пчелъ [6]); по балкамъ Лоханской—90 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ; сорокъ лѣтъ тому назадъ лѣсъ въ балкѣ Лоханской представлялъ изъ себя настоящую

[1]) Планъ города Екатеринослава 1786 года А. П. Струкова.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 18.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[4]) Екатеринославскій юбилейный листокъ, 1887, 17 мая, 170.

[5]) Н. Коржъ, Сочиненія Гавріила, архіеп. тверс. и кашин., Москва, 1854.

[6]) Изъ бумагъ А. Н. Поля, владѣльца Любомировки, верхнедн. уѣзда.

чащу, гдѣ стояли дубы до двухъ аршинъ въ діаметрѣ при корнѣ; тутъ росли дубъ, липа, кленъ, берестъ, осина, черноклёнъ, серебристый тополь, калина, дикія вишни, глодъ, жостеръ, бузина, барбарисъ и др.; по балкѣ Большой Стрѣльчьей—24 десятины, по лѣвому берегу Днѣпра, въ урочищѣ Дубровѣ—93 десятины и 440 квадратныхъ саженъ, въ урочищѣ Кучугурахъ у устья рѣчки Вороной—3 десятины и 660 квадратныхъ саженъ [1]; далѣе по балкѣ Тягинской, у праваго берега Днѣпра, въ теперешнемъ селѣ Васильевкѣ, противъ Ненасытецкаго порога—135 десятинъ «мелкаго лѣсу» и въ деревнѣ Алексѣевкѣ, противъ того же порога, 92 десятины «лѣсу дрювяного и мелкаго» [2]; по рѣчкѣ Осокоровкѣ, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ненасытецкаго порога, на острову Дубовомъ—120 десятинъ дубоваго строеваго лѣса; по балкамъ лѣваго берега Днѣпра—Россошкамъ, Диденковой и Балчанской, между Дубовымъ островомъ и Волниговскимъ порогомъ; здѣсь, особенно въ балкѣ Россошкахъ, сохранились отъ старыхъ дубовъ пни сверхъ шести аршинъ въ окружности; по правому берегу Днѣпра, на протяженіи около десяти верстъ, отъ верхняго конца острова Дубоваго внизъ, гдѣ въ настоящее время одни ничтожные намеки на нѣкогда существовавшій лѣсъ; по балкѣ Орловой лѣваго берега Днѣпра, около тридцати десятинъ дубоваго строеваго лѣса [3]; на островѣ Таволжанкѣ, «гдѣ растетъ во множествѣ тавала» [4]; на островѣ Большомъ-Дубовомъ, ниже послѣдняго, Вильнаго, порога: онъ заключаетъ въ себѣ до пятнадцати десятинъ земли и весь покрытъ большимъ строевымъ дубовымъ лѣсомъ; въ урочищѣ Сагайдачномъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между попелищемъ Сагайдака и скелями Середней и Дурной; здѣсь считалось до пятидесяти десятинъ превосходнаго дубоваго лѣса, въ настоящее время уже почти совершенно истребленнаго; на островѣ Маломъ-Дубовомъ въ Новомъ Днѣпрѣ противъ острова Хортицы,

[1]) Изъ бумагъ А. М. Миклашевскаго, владѣльца деревни Вороной.

[2]) Геометрическій спеціальный планъ 1779 года.

[3]) Изъ владѣльческихъ бумагъ села Свистунова-Петровскаго.

[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832. 23.

и Большомъ-Дубовомъ, тамъ-же, ниже поперечныхъ траншей на островѣ Хортицѣ: Большой-Дубовый островъ имѣлъ длины одну версту и двѣсти-сорокъ саженъ, ширины сто-шестьдесятъ саженъ, и весь покрытъ былъ дубовымъ лѣсомъ [1]); на островѣ Хортицѣ, именно въ средней и нижней части его: о существованіи на островѣ Хортицѣ лѣса зналъ еще греческій императоръ Константинъ Багрянородный (905—959): разсказывая о плаваніи древнихъ руссовъ по Днѣпру, онъ говоритъ, что, спустившись ниже пороговъ, они приставали къ острову св. Григорія, теперешней Хортицѣ, и тутъ совершали свои жертвоприношенія: на немъ стоялъ огромной величины дубъ—ἐκεῖσε ἵσταθον παμμεγέθη δρῦν—у котораго и собирались руссы; видимо, это—тотъ самый дубъ, который стоялъ въ ста-пятидесяти саженяхъ отъ Острово-Хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, идущей чрезъ островъ въ длину: онъ имѣлъ въ окружности при корнѣ до трехъ саженъ и въ 1876 году былъ срубленъ нѣмцами-колонистами, вслѣдствіе того, что усохъ: у запорожскихъ козаковъ онъ считался «святымъ дубомъ»: подъ его священною сѣнью они собирались на шумныя рады и подъ его же могучими и многовѣковыми вѣтвями лили горькія слезы, прощаясь въ послѣдній разъ, въ 1775 году, послѣ «тройцкаго свята», съ свою «Матерью-Сичею» и расходясь въ далекіе края «доживать вику—хто на Динъ, хто на Дунай, а хто до ридной осéли».

Ниже острова Хортицы по лѣвому берегу Днѣпра начинался знаменитый у запорожскихъ козаковъ Великій-Лугъ, т. е. громадный вѣковой лѣсъ, раскинувшійся по береговой днѣпровской низинѣ, изрѣзанной въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками, лиманами, ериками, озерами и покрытой непроходимой болотной травой и высокими камышами, на протяженіи семидесяти верстъ въ длину при двадцати пяти верстахъ наибольшей въ ширину; вначалѣ, отъ рѣчки Мокрой-Московки въ Великомъ-Лугу преобладалъ дубъ, далѣе дубъ смѣнялся лѣсною растительностію мягкой породы, какова: верба, осокорь, шелковица, лоза и т. п.

---

[1]) Такъ показано на геометрическомъ спеціальномъ планѣ 1779 года.

Есть основаніе думать, что въ теперешней плавнѣ отъ Александровска внизъ по лѣвому берегу Днѣпра, или въ запорожскомъ Великомъ Лугѣ, кроется знаменитая Гилея Геродота; иначе говоря, въ Гилеѣ Геродота нужно видѣть вообще всѣ плавни лѣваго берега Днѣпра, начиная отъ теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, и кончая Великимъ-Лугомъ у города Александровска, екатеринославской губерніи. Въ самомъ дѣлѣ: во-первыхъ, тому доказательствомъ служитъ положеніе мѣстности, почва и характеръ лѣса: лѣсъ у города Алешекъ и лѣсъ у города Александровска идетъ по одному и томуже лѣвому берегу Днѣпра, растетъ на одной и тойже песчаной съ древесными и травяными отложеніями почвѣ и представляетъ изъ себя одну и туже мягкой породы лѣсную растительность; во-вторыхъ, только допустивъ конецъ Гилеи близъ города Александровска, т. е. противъ острова Хортицы, можно указать и мѣсто называемой Геродотомъ Змѣиной пещеры—въ сѣверо-западной оконечности Хортицы, тогда какъ, ограничивъ Гилею окрестностями Алешекъ, мы тщетно будемъ искать въ Гилеѣ Змѣиной пещеры: на всемъ протяженіи лѣваго берега Днѣпра до самой Хортицы нѣтъ ни одной пещеры, да нѣтъ и такого возвышеннаго скалистаго мѣста, гдѣ бы могла быть какая бы то ни было пещера; въ-третьихъ, если Геродотъ поднимался по Днѣпру до пороговъ, въ чемъ, кажется, сомнѣваться нельзя, то онъ не могъ не обратить вниманія и не отмѣтить потомъ въ своей исторіи присутствія громаднѣйшаго лѣса у лѣваго берега Днѣпра, ниже острова Хортицы и около него, того лѣса, который впослѣдствіи у запорожскихъ козаковъ назывался Великимъ-Лугомъ и въ которомъ они, какъ въ наши дни раскольники въ муромскихъ лѣсахъ, находили себѣ надежнѣйшій и вполнѣ безопасный пріютъ отъ окружавшихъ ихъ враговъ—поляковъ, татаръ, турокъ, а отчасти и русскихъ: «Сичъ-Мате, а Великій-Лугъ батько!»...

Въ соотвѣтствіе Великому-Лугу на лѣвомъ берегу шли лѣса и на правомъ: ниже рѣчки Нижней-Хортицы, гдѣ въ 1784 году была деревня Разумовка, считалось, «мелкого дровяного лѣсу»

129 десятинъ и 489 квадр. саженъ: на островахъ Канивскомъ, Крутоярскомъ и Наливачѣ «разнаго рода дровяной и мѣлкiй лѣсъ, и частiю фруктовыя доревья, яблоки и груши, а всего лѣсу въ деревнѣ Бѣленькой 508 десятинъ»; близь рѣчки Бѣленькой, по правому берегу рѣки Днѣпра, гдѣ «обрывистый и мѣстами крутой и отлогiй косогоръ, а далѣе овраги называются Заломы, внизу косогора по Заломамъ разнаго рода дровяной и мелкой лѣсъ, частiю рѣдко фруктовыя деревья, яблони и груши»: по балкѣ Червонной съ ея боковой Дубовой, 2400 квадратныхъ саженъ рѣдкiй лѣсъ—груши, берестъ, дикая яблонь: далѣе по всему правому берегу Днѣпра, особенно при впаденiи въ него рѣчки Бѣленькой, вѣтокъ Тараса и Ненажоры «лѣсу лиственнаго по болоту» 447 десятинъ и нѣсколько вдали отъ Днѣпра, на островѣ Томаковкѣ, гдѣ была Тамаковская Сичь: «островъ Томаковка, по свидѣтельству Боплана, весь былъ покрытъ лѣсомъ» [1]; потомъ отъ перваго соединенiя вѣтки Подпильной съ Днѣпромъ у Никитина-Рога и далѣе по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до впаденiя въ него рѣки Базавлука, что составляетъ около сорока пяти верстъ, слѣдуя по теченiю рѣки, при двадцати-пяти верстахъ наибольшей ширины: тутъ въ одной экономiи села Покровскаго и деревни Капуливки считается въ настоящее время до 26 тысячъ десятинъ плавенъ, покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ, исключительно, однако, мягкой породы: осокоремъ, вербой, шелковицей, лозой и только изрѣдка, на возвышенныхъ мѣстахъ, дикими столѣтними грушами; ниже Базавлука лѣса шли по острову Каиру, гдѣ въ 1786 году считалось 1.500 десятинъ лѣса [2]), по рѣчкѣ Бургункѣ и вѣткѣ Дремайловкѣ, падающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны [3]); по лѣвому берегу Днѣпра, между Конкой, и далѣе, гдѣ въ настоящее время стоитъ городъ Алешки: здѣсь-то и начиналась знаменитая Гилея Геродота: «Съ переходомъ черезъ Борисоенесъ вступаемъ въ ближайшую

[1]) Бопланъ. Описанiе Украйны, Спб., 1832, 25.

[2]) Екатеринославскiя губернскiя вѣдомости, 1889, № 40, 266.

[3]) Карта Украйны Боплана въ Исторiи Малороссiи Маркевича, III.

отъ моря землю Гилею... что подлѣ Ахиллова бѣга [1]), изобилующую всевозможнымъ лѣсомъ» [2]). Слово «Гилея» происходитъ отъ греческаго слова—ὕλη—лѣсъ и означаетъ собой лѣсное пространство, извѣстную лѣсную мѣстность. За начало этого лѣснаго пространства нужно принять окрестность названнаго города Алешекъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Олешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова «лѣсъ» и означающее собой «мѣсто подлѣсное», «мѣсто около лѣса»: или же отъ слова «ольха», «елоха», означавшаго въ старинномъ топографическомъ языкѣ болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ, именно лѣсьемъ [3]), то, что теперь приднѣпровскіе жители разумѣютъ подъ словомъ плавни. «Нынѣ лѣвый низменный берегъ Днѣпра, говоритъ Ѳ. К. Брунъ, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березой. Безъ сомнѣнія эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, еще и нынѣ тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, поелику онѣ тре-

---

[1]) Ахилловъ бѣгъ, какъ думаютъ, соотвѣтствуетъ Тендерской косѣ.

[2]) Геродотъ, въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 305 и 331.

[3]) И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1876, 16.

буютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются окрестности Алешекъ [1]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только ногайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, чѣмъ теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселись въ «лѣсѣ братьевъ». Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гилльбергъ де-Ланнуа въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманія современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась» [2]). «Есть поводъ думать, замѣчаетъ Д. И. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или

---

[1]) Вѣроятность этого предположенія подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется словомъ 'Αβική, что значитъ «страна елей»: «abies» съ латинскаго на русскій значитъ «ель».

[2]) Ѳ. К. Брунъ, О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилеи. Записки одес. общества исторіи и древностей, IV, 235—239.

четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая полоса, повидимому, простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII вѣкѣ латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ»[1]).

Но какъ бы далеко ни простиралась Гилея, каковы бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ ней росли громадныя деревья: о величинѣ ихъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ дубамъ, которые находятся теперь въ Великомъ-Лугу: дубы эти свидѣтельствуютъ, что настоящіе днѣпровскіе лѣса только ничтожная пародія тѣхъ исполиновъ-лѣсовъ, которые нѣкогда своей могучею головой осѣняли широкій Днѣпръ[2]). Наконецъ, ниже Гилеи шли лѣса въ мѣстности около Кинбурна и на островахъ днѣпровскихъ гирлъ, но здѣсь была исключительно мягкая порода деревьевъ: «лознякъ березовый, ольха, яблони, дикія груши, ивнякъ, верба, а всего болѣе тернъ и все изрѣдка кустами, самый мелкій, а на островахъ камыши и мелкая ольха, между песками и около озеръ тростникъ, въ берегахъ около островомъ много земляныхъ орѣховъ»[3]). «На островахъ, что въ Гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику, вербы, терну, но все мелкіе»[4]).

Изъ общаго обзора лѣсовъ въ запорожскихъ вольностяхъ

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Розысканія о началѣ Руси. Москва, 1876, 4, 6, 7.

[2]) Таковы колоссальнѣйшіе дубы, которые вытащены были лѣтъ шесть тому назадъ въ Великомъ-Лугу, противъ села Балабина-Петровскаго, имѣнія графа В. И. Канкрина.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

слѣдуетъ прямой выводъ тотъ, что земли, доставшіяся запорожскимъ козакамъ, носили характеръ по преимуществу степной: на 200 тысячахъ квадратныхъ верстъ степей лѣса представлялись только оазисами и то въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ—балкахъ, оврагахъ, берегахъ рѣкъ и островахъ. Впрочемъ, нельзя умолчать о томъ, что во время запорожцевъ лѣсовъ было больше, чѣмъ теперь, и въ началѣ историческаго существованія козаковъ больше, чѣмъ въ концѣ: причинами этого были чисто случайныя явленія: пожары, истребленіе татарами, польскими и русскими войсками, во время большихъ походовъ на югъ. «Оттого, что боръ нѣсколько кратъ горѣлъ, а наипаче отъ татарскаго въ ономъ зимованія и безъ разбору порубленія, всѣ знатные лѣса гораздо рѣдки стали. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ — на Самарѣ, Конкѣ и Калміусѣ—лѣса крайне разорены не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ и вывозомъ въ свои аулы немалаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, привозили. Сіи дикіе и голодные народы... около зимовниковъ и на лугахъ выбиваютъ травы и истравляютъ сѣно, разоряютъ молодой лѣсъ... чрезъ всю зиму крадутъ и грабятъ все, что только могутъ... заготовленный къ строенію лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревьевъ. Одинъ изъ мурзъ, прошедшею весною, забравъ найденный при нѣкоторыхъ зимовникахъ заготовленный на строеніе лѣсъ, на сорока возахъ, съ пятьюдесятью вооруженныхъ татаръ самъ до своихъ ауловъ проводилъ, отбивая козаковъ, въ провозѣ препятствовать хотящихъ» [1]). Не мало истребили лѣса и первые поселенцы, явившіеся въ новороссійскомъ краѣ послѣ паденія Запорожья, особенно при постройкахъ такихъ городовъ, какъ Ека-

---

[1]) В. Чернявскій, Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, Одесса, 1852, 84, 85, 89, 90.

теринославъ, Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Никополь, Алешки, и др. Сами помѣщики, получившіе послѣ изгнанія запорожцевъ земли въ Новороссіи, частію даромъ, частію за ничтожную плату казнѣ, также много извели лѣсовъ или вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства или же вслѣдствіе дробленія большихъ лѣсныхъ участковъ на малые, доставашихся нѣсколькимъ лицамъ сразу [1]. Сверхъ того не нужно забывать и того, что мѣстами степными часто называются такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными.

Относительно флоры лѣсной въ странѣ запорожскихъ вольностей нужно сказать, что здѣсь росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и произрастаніе извѣстныхъ видовъ древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, берестъ, иначе илимъ, ясень, верба, осокорь, шелковица, яблонь, груша, вишня, дули, калина, ива, ольха, береза, сосна, орѣшникъ, черноклёнъ, тополь серебристый, глодъ, боярышникъ, кизилъ, кожевенное дерево, желтинникъ, крушина, жостеръ, таволга (sipiraca crenota), бузина, лоза, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, ложнокленъ), барбарисъ, гордовое дерево (viburnum lantana), жежевика, дикій чай, шалфей, персикъ, бружмель, толокнянка, пищальникъ и другія [2].

---

[1] Струковъ, О новороссійскихъ лѣсахъ. Ж. М. Г. И., 1853, февраль, 167, 169, 170.

[2] С. И. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78; Н. К. Срединскій, Матеріалы для флоры новороссійскаго края, Одесса, 1872.

IX.

Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца.

Около полугода тому назадъ, въ разговорѣ съ извѣстнымъ славистомъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ, я случайно сообщилъ ему о томъ, что въ одну изъ своихъ поѣздокъ по Малороссіи мнѣ удалось слышать былину объ Ильѣ Муромцѣ изъ устъ слѣпца-разсказчика. Профессоръ Миллеръ былъ немало удивленъ моимъ сообщеніемъ и не замедлилъ передать объ этомъ профессору-академику А. Н. Веселовскому. Въ свою очередь, и профессоръ Веселовскій пріятно удивился слышанному и просилъ меня лично, а потомъ и письменно, напечатать записанную мной былину цѣликомъ по-малороссійски въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ или газетныхъ органовъ. Я далъ обѣщаніе удовлетворить желаніямъ почтенныхъ ученыхъ и въ настоящее время исполняю желанную просьбу. Былина объ Ильѣ Муромцѣ передана мнѣ въ формѣ сказки; записана она въ екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, въ деревнѣ Богодарѣ, имѣніи Ѳ. П. Михеева, отъ крестьянина Ѳомы Пророры—слѣпца отъ рожденія: въ настоящее время ему сверхъ 50 лѣтъ; онъ отлично играетъ на «сопилци», превосходно поетъ пѣсни и мастерски разсказываетъ сказки, преданія. Память у него положительно феноменальная; голову Ѳомы Прворы можно сравнить съ безконечнымъ лабиринтомъ: онъ можетъ разсказывать каждый день

въ теченіе цѣлаго года и всякій разъ непремѣнно что-нибудь новое; повтореній не терпитъ: съ большимъ трудомъ можно заставить его повторить какой-нибудь разсказъ: «Це вже я казавъ; я лучче шо-небудь друге прокажу»—обыкновенно отвѣчаетъ Ѳома въ подобныхъ случаяхъ. Сказку объ Ильѣ Муромцѣ онъ слышалъ отъ своего отца, а отецъ—отъ дѣда. И тотъ и другой были люди неграмотные, и, стало быть, усвоили ее не книжнымъ путемъ, а путемъ пересказа. Сказка эта важна въ виду сложившагося въ наукѣ убѣжденія, что наши былины, не смотря на ихъ видимую южно-русскую обстановку—Кіевъ, князь Владиміръ и др., всѣ записаны не близъ Кіева, въ Малороссіи, а близъ Москвы, въ сѣверной Великороссіи. Для объясненія этого страннаго явленія строились разныя гипотезы и предположенія: многіе пришли къ убѣжденію, что, вообще, на югѣ Россіи нѣтъ даже и слѣдовъ былинъ. Въ виду-то этого сказка объ Ильѣ Муромцѣ и заинтересовала спеціалистовъ дѣла; въ виду же этого она и предлагается вниманію какъ ученыхъ, такъ и вообще всѣхъ интересующихся произведеніями народнаго творчества, но предлагается не въ малорусской рѣчи, далеко не всѣмъ доступной, а въ рѣчи великорусской. Впервые эта сказка записана пять лѣтъ тому назадъ; теперь она вторично выслушана мной 9-го апрѣля, 1889 года, въ томъ же Богодарѣ и отъ того же еще и нынѣ здравствующаго слѣпца, Ѳомы Проворы, и записана дословно, безъ всякаго измѣненія во фразахъ и отдѣльныхъ словахъ.

«Жилъ себѣ человѣкъ да жинка; имѣли они себѣ одного сына да и того калѣку, а званіемъ Илью Муромца; тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ въ калѣчествѣ; только того и дива, что очи. А въ то время люди такъ жили, то выкопаютъ въ лѣсу пни, посѣютъ хлѣба, сожнутъ, поѣдятъ да тѣмъ и живутъ. Такъ жили и родители Ильи Муромца. Передъ тѣмъ какъ идти въ лѣсъ, они накормятъ, напоятъ своего сына, посадятъ его подъ хатой, положатъ ему пирожковъ да и пойдутъ въ лѣсъ. Вотъ разъ накормили, напоили, положили въ голову пирожковъ да и пошли въ лѣсъ; лежитъ онъ и ждетъ, пока они придутъ обратно домой.

Коли вотъ приходятъ къ Ильѣ два старичка. «Здравствуй, сынашу!» — Здравствуйте, старички!» — «Дай намъ, сынашу, милостыни!» — «Я-бъ вамъ радъ подать милостыни, такъ я уже лѣтъ тридцать лежу въ калѣчествѣ: вотъ тамъ у меня подъ головой лежатъ пирожки, возьмите ихъ себѣ и идите съ Богомъ.» — «А можетъ быть, сынъ, ты и самъ подашь намъ, протяни-ка руку!..» Онъ протянулъ...—«Ну, теперь встань-ка на ноги!» Онъ всталъ и на ноги.—«Ну, теперь же иди въ погребъ да наточи намъ квасу.» Илья пошелъ и наточилъ квасу. «Пей же теперь самъ». Илья выпилъ. «А какъ въ твоемъ здоровьѣ?»—«Да такъ, что если-бъ былъ столбъ отъ земли и до неба, то я бы повернулъ и землю, и небо». «Ну, это для тебя многонько; поди-ка да наточи еще квасу, половину того, что ты сейчасъ принесъ.» Илья пошелъ и наточилъ.—«Пей снова.» Илья выпилъ. «А какъ теперь въ твоемъ здоровьѣ?» «Теперь въ половину того, что было раньше.»—Ну, вотъ этого для тебя довольно будетъ.» Послѣ этого старички выпили сами квасу и пошли себѣ. Илья Муромецъ, проводивъ старичковъ, вошелъ въ хату, нашелъ тамъ въ печи борщъ, кашу и курятину; завязалъ все это въ скатерть и понесъ въ лѣсъ къ отцу да къ матери. А отецъ и мать корчатъ себѣ пни и ничего не знаютъ, что дома дѣлается. Коли смотрятъ, кто-то идетъ къ нимъ. «Отъ же, старикъ, то нашъ хлопецъ идетъ!»—«Тю-тю! что ты говоришь?»—«Я-жъ тебѣ говорю, что нашъ хлопецъ идетъ.»—«Да какъ же онъ можетъ ходить?» Коли точно Илья подходитъ. «Ну, садитесь же вы, батько да мать, отдыхать, а я вмѣсто васъ потружусь.» Отецъ и мать сѣли. Пока они отдыхали, такъ Илья за часъ или за два надѣлалъ столько, что они и за два дня того не могли сдѣлать: вырвалъ множество пней и перегатилъ цѣлую рѣчку. Но у людей есть очи: люди стали Ильѣ завидовать. Тогда Илья и говоритъ родителямъ: «Напечите мнѣ сухарей да сдѣлайте сумку,— я пойду отсюда въ чужіе края, да смотрите, когда прилетятъ два голубя и побѣжитъ вотъ по этому рушнику кровь, тогда поминайте меня: я уже не буду въ живыхъ». Отецъ и мать спекли ему хлѣба, насушили сухарей, повѣсили сумку на плечи, и по-

шелъ Илья въ чужіе края: поплакали-поплакали старики и отпустили сына. Приходитъ Илья въ чужую слободу, а тамъ вся вода «запрёщена»: сидитъ змѣй и не позволяетъ брать изъ рѣки воды; какъ приведутъ ему утромъ и вечеромъ одну душу на «прожереніе», то наберутъ воды. Пришелъ Илья въ слободу, упросился къ одной старухѣ въ хату спать и заснулъ. И захотѣлось ему пить: онъ и сталъ просить у старухи воды. «А вотъ сегодня будутъ вести царевну на прожереніе съ хоругвями, съ крестами, послѣ того только и можно будетъ набрать воды.»—«Этого я знать не хочу; иди ты, старуха, къ змѣю, да скажи ему, пусть непремѣнно дастъ мнѣ воды.» Старуха взяла «кухлыкъ» и пошла. «Подорожный человѣкъ проситъ у тебя воды.»—«Кто же смѣетъ просить у меня воды? Есть на бѣломъ свѣтѣ Илья Муромецъ, такъ его сюда и воронъ костей не занесетъ; такъ развѣ онъ? Ну, набери кухлыкъ воды и понеси.» Коли вотъ ведутъ царевну «на прожереніе» змѣю; привели, стали служить службу. Въ это время Илья обошелъ незамѣтно сзади, да лѣвою рукою черкъ царевну, а правою хвать голову змію,— такъ и снесъ по самыя плечи! Послѣ этого посадили ихъ въ карету и везутъ къ царю; тутъ Илья и говоритъ: «Мы съ царевною полюбуемся, потомъ и придемъ:» ихъ выпустили изъ кареты. Тогда церевна надѣла Ильѣ Муромцу на среднiй палецъ кольцо и сѣла на землю; Илья положилъ ей голову въ колѣни — а голова точно бочка — положилъ голову и лежитъ; царевна стала «искать» ему въ головѣ. «Ну, смотри-жъ, царевна, когда я засну, такъ ты меня ничѣмъ не буди, а только иглой: колни въ пятку, я и проснусь». Сказалъ эти слова и заснулъ. Въ это время пріѣзжаетъ къ царевнѣ бондарь. Видитъ онъ, что Илья Муромецъ крѣпко спитъ, и говоритъ: «Брось ты этого Илью, поди лучше за меня замужъ, а своему отцу скажи, что то я отвелъ тебя отъ смерти.» Царевна испугалась отъ этихъ словъ и стала будить Илью Муромца: качала она ему голову, качала, никакъ не разбудитъ, а то и забыла, что онъ ей говорилъ: кольнуть иглой въ пятку. Тутъ бондарь подскочилъ къ Ильѣ, отрубилъ ему голову и откатилъ прочь далеко отъ туло-

вица. Въ это время прилетѣли къ отцу и матери Ильи два голубя, а по рушничку потекла кровь. «Ну, не стало нашего сына, старикъ! Давай служить по немъ службу». Господь и услыхалъ ихъ молитву. Тѣмъ часомъ бондарь посадилъ царевну на тачку и везетъ,—чтобы жениться на ней, а самъ такой «занюханый, засопляный», что страшно на него и смотрѣть: такъ изъ-подъ носа табакъ и течетъ. Пріѣхали къ царю, царевна и говоритъ: «Вотъ человѣкъ, который избавилъ меня отъ смерти, я должна идти за него замужъ.» Взяли того бондаря «обхаили», обмыли, послѣ того стали ихъ «дружить, да свадьбу гулять». Въ это время идетъ Господь со святымъ Петромъ по полю и видитъ убитаго Илью Муромца. «Э, вотъ гдѣ положилъ свою голову нашъ Илья Муромецъ!» Подошелъ Господь Богъ къ Ильѣ, дохнулъ на него, Илья и ожилъ. «Ну, долго же я спалъ!»—говоритъ Илья. «Спалъ бы ты и еще дольше, спалъ бы цѣлый вѣкъ, если бы мы не встрѣтили тебя; иди же теперь, справляйся съ злодѣемъ». Илья пошелъ на свадьбу; а тамъ пируютъ полковники, генералы, князья, графы; Илья пришелъ на пиръ, да и сталъ у порога комнаты: видитъ, царевна плачетъ-надрывается, а у бондаря изъ-подъ носа табакъ течетъ. Плакала царевна, плакала, потомъ подняла глаза, да прямо на двери и смотритъ; смотритъ она, а тамъ стоитъ человѣкъ, и у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Какъ увидѣла она это кольцо, тогда прыгъ, какъ сорока, черезъ столъ прямо къ Ильѣ. Всѣ изумились этому, а царевна и говоритъ:» Вотъ кто меня отъ смерти отвелъ, а не этотъ поганецъ бондарь! «Тутъ бондаря схватили, а царевну за Илью отдали, и живутъ они себѣ: постолòмъ [1]) добро возятъ, а у насъ хлѣба просятъ, а бондарь пошелъ на покаяніе».

---

[1]) Постòлъ—кожаная обувь безъ подметокъ и каблуковъ, подобно лаптю.

X.

Двадцати-семи-милліонный кладъ.

Исканіе сокрытыхъ въ землѣ кладовъ распространено было у насъ съ очень давнихъ временъ, еще съ тѣхъ поръ, когда насыпались надъ прахомъ умершихъ могилы. Видя, напримѣръ, съ какою обстановкою погребались тѣла умершихъ скиѳскихъ царей, многіе изъ современниковъ и еще больше изъ ближайшихъ поколѣній, знавшихъ о томъ по слуху, нерѣдко подкапывались подъ курганы царей и похищали оттуда главнѣйшія сокровища, положенныя въ нихъ. Такъ, при раскопкѣ знаменитой Чортомлыцкой или Толстой могилы, близь Никополя екатеринославскаго уѣзда, найденъ былъ скелетъ кладоискателя, подкопавшагося подъ курганъ и уже успѣвшаго было похитить изъ него дорогую вазочку, но потомъ засыпаннаго землей и истлѣвшаго съ вазой въ одной рукѣ и съ свѣтильникомъ въ другой. Впослѣдствіи исканіемъ кладовъ въ могилахъ стали заниматься, видимо, цѣлыя правильно организованныя партіи людей. Въ этомъ отношеніи большую извѣстность пріобрѣли генуэзцы, имѣвшіе съ XIII по XV вѣкъ свои колоніи въ нашемъ Крыму и нѣсколько сѣвернѣе отъ него, между нижнею частью Дона и Днѣпра. Этимъ объясняется то весьма печальное обстоятельство, что очень многіе изъ кургановъ, послѣ научнаго вскрытія ихъ, оказываются ограбленными отъ самой вершины ихъ и до чернаго пятна. Запорожскіе козаки, жившіе съ конца XV по XVIII вѣкъ

на югѣ теперешней Россіи, въ придніепровскихъ новороссійскихъ степяхъ, какъ говорятъ очевидцы, не мало скрывали кладовъ на островахъ и въ руслахъ рѣкъ [1]) и тѣмъ подавали поводъ разнымъ любителямъ легкой наживы къ исканію кладовъ. Особенно много, по разсказамъ столѣтнихъ стариковъ, запорожцы зарыли въ землѣ кладовъ въ то время, когда въ 1775 году удалялись изъ предѣловъ Россіи въ предѣлы Турціи, за Дунай: поспѣшно уходя изъ своихъ земель, запорожцы, будто бы сокрыли несмѣтныя сокровища въ разныхъ мѣстахъ бывшихъ своихъ вольностей; но, чтобы не забыть мѣстъ зарытыхъ кладовъ, они оставили будто бы подробныя записи съ точнымъ обозначеніемъ мѣстъ, количества и качества кладовъ. Впослѣдствіи такія записи стали ходить изъ рукъ въ руки и по нимъ любители легкой наживы пытались отыскивать зарытые въ землѣ клады. Быть можетъ, такія записи и составлялись запорожскими козаками, но несомнѣнно и то, что рядомъ съ подобными записями существовали и ложныя, завѣдомо сочиненныя досужей фантазіей. Во время частыхъ разъѣздовъ по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ, авторъ настоящей замѣтки не рѣдко слышалъ о существованіи записей, указывающихъ на сокрытые клады, но видѣть ему долго ни одной не удавалось; около полугода тому назадъ, однако, ему посчастливилось добыть одну изъ многихъ записей о кладахъ въ селѣ Покровскомъ, екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, у мѣстнаго народнаго учителя П. П. Чайкина. Подлинникъ писанъ на сѣрой бумагѣ, довольно безграмотно и несомнѣнно однимъ изъ людей великороссійскаго происхожденія, судя по пристрастію переписчика къ буквѣ «ѣ», по замѣнѣ окончанія «ево» вмѣсто «его», буквы «и» вмѣсто «е» (напримѣръ «каминь» вмѣсто «камень», «сажинь» вмѣсто «сажень» и т. п.); при записи приложенъ подробный планъ для отысканія клада и въ самомъ концѣ помѣченъ годъ 1764-й. Запись передается почти буквально, съ ничтожными измѣненіями въ правописаніи и знакахъ препинанія, и то лишь въ мѣстахъ мало доступныхъ для пониманія.

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

Милостію и счастіемъ божіимъ мы жилаемъ, чтобы наши грешныя души были помянуты и молили о нашихъ душахъ истиннаго, вечнаго и всемогущаго Бога, вообще за сорокъ братіевъ, которые лишены вѣчно страны россійской. Отъ города Херсона въ восьмидесяти верстахъ, на дачи Дюфимской деревни Одаренкова, въ двухъ верстахъ отъ оной деревни есть трактиръ, а отъ трактира въ одной верстѣ есть копара, а отъ копары есть дикой камень пять саженъ длины, на немъ надпись: на томъ мѣстѣ погрѣбѣны сорокъ козаковъ запорожскихъ; отъ камня того есть плита около трехъ аршинъ, а другая плита въ полтора аршина отнесена 12 саженъ; еще 12-ть аршинъ плита ребромъ въ копана (=вкопана); еще 12-ть аршинъ камѣнь стоя въ копанъ: ещѣ отъ того камня 12-ть шаговъ камѣнь круглый, а отъ того камня круглова отмерей 12 саженъ въ доль (=вдоль) балки; какъ кончишь 12 сажинъ, то всторону крута (=круто) повѣрни прямо направо, тоже 12 сажинь, будетъ небольшой бугоръ, заваленный соромъ и землей. Всѣ сіи примѣты въ доль (=вдоль) балки, а по сторонамъ небольшіе пригорки, а по срединѣ тропочка пѣшаму ходить. А потомъ клятвенное обѣщаніе наше вамъ въ точности исполнить: поминать насъ всегда; на церкви божіи и на нищію братію раздать одинъ милліонъ, по невольникамъ и тюрьмамъ раздать милліонъ; по банкрутамъ и беднымъ раздать милліонъ: написать въ мѣсто нищей братіи сорокъ человѣкъ, ково будѣ вамъ угодно, тоже сорокъ человѣкъ и раздѣлить милліонъ; на построеніе домовъ бедныхъ раздать милліонъ. Буде же кто не выполнитъ сего повиленія, то не будетъ ему благополучія на вѣки. Заклинаемъ васъ, доброжелательные съ чесливѣцы (=счастливцы), вѣчно молить Бога. А всѣй суммы *двадцать семь* милліоновъ, золотомъ и серебромъ полтора милліона да разныхъ вещей на пить (=пять) милліоновъ. Просимъ васъ, любезныя наши поминатели, не исчезать въ мысляхъ вашихъ и утверждаемъ живымъ нашимъ Богомъ выполнить въ точности подъ великимъ нашимъ заклятіемъ: а естли вы не выполните, то вечная вамъ будетъ погибель. Богъ васъ благословитъ искать то, что выше показано и упомянуто, 1764 года.

12 дня, Херсонъ». Странно, однако, что запись помѣчена 1764 годомъ въ городѣ Херсонѣ: Херсонъ въ 1764 году вовсе не существовалъ; онъ заложенъ въ 1778 году, спустя четыре года послѣ паденія запорожской Сѣчи; уже одно это обстоятельство подаетъ поводъ къ сомнѣнію въ подлинности записи о кладѣ и смотрѣть на нее, какъ на плодъ досужей фантазіи; очевидно, она интересна лишь какъ литературный памятникъ, характерный въ извѣстномъ родѣ и въ извѣстное время.

I.

Матеріалы къ исторіи запорожскаго края.

1870 года, марта 3 дня. Царственная грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей полковнику Данилу Апостолу [1]).

«Божіею милостію мы пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе, великіе государи цари, и великіе князи, Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцы [2]) пожаловали миргородскаго полковника Данила Апостола повелѣли ему дать сію нашу великихъ государей и нашего царского величества жалованную грамоту на села Хомутецъ да на село Бакумовку и на Ѳридровку и на мельницы и на всякие угодья, для того, билъ челомъ намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству онъ Данило, что въ прошлыхъ годахъ служилъ онъ Данило отцу нашему государствовавшему блаженныя и вѣчно достойныя памяти великому государю нашему и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу и брату нашему блаженныя і вѣчнодостойныя памяти великому государю царю і великому князю Ѳеодору Алексѣевичю всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу ихъ царскому величеству, также ныне и

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Слѣдуетъ полный царскій титулъ.

намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству служитъ со всякимъ усердиомъ и въ прошлыхъ чигиринскихъ і выныхъ вомногихъ, также і влѣто ҂зрче і влѣто ҂зрчз во обоихъ крымскихъ походехъ былъ и за тѣ ево службы по нашему великихъ государей указу нашего царскаго величества подданной войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа подтвердилъ ему листомъ своимъ прежние его отчины въ миргородскомъ уѣзде села Хомутецъ и Бакумовку и новопоселенную слободу Ѳридровку съ мелницы пожитками ево построенными, а нашей де великихъ государей нашего царского величества жалованной грамоты въ укрепление и утверждение того всего ему недано; и чтобъ мы великие государи наше царское величество пожаловали ево Данила велѣли на тѣ ево вышеписанные села и мелницы и на всякие угодья дать нашу царского величества жалованную грамоту; а влисту подданного нашего войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Ивана Степановича прошлого лѣта ҂зрчз написано, по нашему великихъ государей указу разсмотря онъ знатные ввойске запорожскомъ службы миргородского полковника Данила Апостола подтвердилъ ему села Хомутецъ да Бакумовку и Ѳридровку съ плотинами и смелницами, и тѣми селами ему Данилу владѣть и повинность всякую обыклую и послушание и подати съ нихъ имати и чтобъ и намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству служилъ со всякимъ усердиемъ и въ прошлыхъ чигиринскихъ і выныхъ во многихъ, также і влѣто ҂зрче і влѣто ҂зрчз во обоихъ ему въ томъ нихто изстаршины и черни нимало не чинилъ препоны, а козаки въ тѣхъ селахъ живущие были бъ сохранены при своихъ козацкихъ волностяхъ. И мы пресвѣтлѣйшие и державнѣйшие великие государи цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцы наше царское величество слушавъ того ево Данилова челобитья і подданного нашего войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Ивана Степановича листа, пожаловали ево Данила и жену ево и детей повелѣли имъ тѣми селами і мелницами со всякими къ нимъ надлежащими угоды.

которые по нынешнему великихъ государей нашего царского величества указу далъ ему подданной нашъ гетманъ Иванъ Степановичь и въ даномъ ево листу написаны такожде и купленными ево мелницами и грунтами въ розныхъ мѣстехъ обрѣтающимися со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ угоды, какъ они въ себѣ изстари ограничение имѣютъ, буде от кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ пожитки употреблять, на что нею нашу великихъ государей нашего царскаго величества жалованную грамоту дать ему указали на память впредь будущимъ роду ево, и то все мы великие государи наше царское величество силою сей нашей царского величества жалованной грамоты ему Данилу и женѣ его и детемъ и роду ево укрепляемъ и утверждаемъ, и быти тѣмъ селамъ и мелницамъ и всякимъ угодьямъ за нимъ в вотчинѣ, потому что онъ ту нашу великихъ государей нашего царского величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтелные и знатныя къ намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству службы и чтобъ впредь смотря на тѣ ево службы и вѣрное радѣние дѣти ево и внучата и правнучата и кто по немъ роду ево будутъ также намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству и нашимъ государскимъ наслѣдникомъ служили і выше помянутому Данилу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатомъ и правнучатамъ тѣми селами и мелницами и со всѣми къ нимъ принадлежащимі угоды владѣть и всякие доходы имать и пожитки употреблять и тѣ вышеписанные села и мелницы съ надлежащими къ нимъ угодьи ему Данилу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатомъ и правнучатамъ вроды ихъ неподвижно, и волно имъ тѣ вотчины продать і заложить и вприданые дать и во всякие крѣпости укрепить: а для вящего утверждения нашей царского величества милости і вѣчного владѣния тѣми селами со всѣми угодьи ему Данилу и женѣ ево и дѣтямъ ево сее нашу великихъ государей нашего царского величества жалованную грамоту утвердить нашею царского величества печатью повелѣли; писана ся наша царского величества жалованная грамота государствия нашего во дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта зҹчи году

*

мѣсяца октября з дня, государствия нашего н году. Великихъ государей ихъ царскаго величества Думной Дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ».

Эта грамота подтверждена была другой грамотой, данной Данилу Апостолу въ 1710 году съ прибавленіемъ, однако, новыхъ девяти селъ. Новая грамота повторяетъ буквально слова старой, кромѣ того мѣста, гдѣ перечисляются села и мельницы.

«...Наше царское величество пожаловали миргородского полковника Данила Апостола за многие вѣрные службы отца ево Данилова Павла Апостола, такъ и за ево Даниловы къ намъ великому государю вѣрные и знатные службы, а особливо въ нынѣшнюю измѣну вора і измѣнника Мазепы, повелѣвъ ему дать сию нашу царского величества жалованную грамоту на прежніе і вновь данные маетности по универсаломъ войска запорожского прежнихъ гетмановъ и нынѣшняго гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, а именно на городище Крыловъ совсѣми принадлежностями і смелницы на реке Тясмине, на села Хомутецъ, Бакумовку, Савинцы, Поповку, на Перевозъ, на слободу Ѳрировку, Сухаробовку, Вергуны, Овдѣевку, Шабалтасовку, Хлопяники, Лузики і на мелницу войсковую і на мелницу Павловского і на хуторъ і со всѣми къ тѣмъ вышепомянутымъ селамъ і мелницамъ грунта і на всякіе угодья, для того что въ нынѣшнемъ ҂аѱі году генваря въ 15 день билъ челомъ намъ великому государю нашему царскому величеству онъ полковникъ миргородскій Данила Апостолъ [1])... Того ради разсмотря и видя ево полковника миргородского въ нынѣшнемъ чрезъ измѣнника Мазепу учинившемся замѣшаніи при достоинствѣ намъ великого государя нашего царского величества неотступную і неизмѣнную вѣрность, тѣ всѣ вышепомянутые мѣстности і со всѣми къ нимъ надлежащими угодьи подтверждаемъ в вѣчное ему владѣніе. Да вновь дали ему полковнику миргородскому за разоренія и обиды вымѣніяхъ ево отъ войскъ непріятелскихъ швецкіхъ чрезъ на-

[1]) Далѣе идетъ описаніе заслугъ Данила Апостола во время чигиринскихъ походовъ, о которыхъ упоминается и въ предыдущей грамотѣ.

ущеніе измѣнника Мазепу немало понесенныхъ: село Шабалтасовку, село Хлопяники, село Лузики і мелницу войсковую, межъ Обловкою и Кизiловкою на реке Убеде стоящую, да въ черніговскому полку мелницу умерного Павловского съ хуторомъ, и со всѣми до тѣхъ вышепомянутыхъ селъ і мелницъ належащими грунтами і угодьямі, і чтобъ около села Хлопяніковъ посторонніе жители того села въ пущахъ никакого дерева не рубили і не пустошіли і дабы войты и тяглые люди в вышеписанныхъ прежнихъ і нынѣ вновь данныхъ селехъ обретающіеся, что яко властные подданные ему полковнику миргородскому всякое належащее впріходахъ и поборахъ отдавали послушаніе, опричь козаковъ въ тѣхъ сѣлехъ жівущихъ, которые при своіхъ стародавніхъ волностяхъ сохранены быть імѣютъ і во отбираніи стѣхъ со всехъ селъ і мелницъ· і всякихъ угодей, также і смелницы Хоміной всякихъ пожитковъ, чтобъ ни отъ кого не было німалого препятствия и противности. И мы пресветлѣйшій і державнѣйшій великій государь царь і великій князь Петръ Алексѣевичь всеа великія і малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ наше царское величество слушавъ подданного нашего гетмана Ивана Ильича Скоропадского і прежнихъ гетмановъ универсаловъ і челобитья того миргородского полковника Данила Апостола, пожаловалі повелѣвъ ему тѣмі всѣми вышеименованными селы и деревни і мелницы и грунты со всякими принадлежащими угодьи како изстари ко онымъ во ограниченіи належатъ по универсаломъ нынѣшняго гетмана Ивана Ильича, владѣть і всякіе пожитки со оныхъ потреблять какъ въ сей нашей Царского величества жалованной грамоте написано выше сего; чего ради и сію нашу великого государя жалованную грамоту и нашею царского величества печатію подтвердить повелѣли. Дана сія нашего царского величества грамота въ нашемъ царствующемъ велицемъ граде Москвѣ лѣта отъ Рождества Христа Спасителя нашего 1710 года марта 3 дня. Канцлеръ Графъ Гаврило Головкинъ».

II.

1728 года, сентября 7 дня. Грамота Данилу Апостолу на подтвержденіе его гетманскаго уряда императора Петра.

«Поспѣшествуюцею милостью мы всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь Петръ вторый імператоръ и самодержецъ всероссійскій пожаловали подданного нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетмана Данила Апостола, повелѣли ему дать сию нашу імператорского величества жалованную грамоту для того. Въ прошломъ 1727 году июня 20 дня мы великій государь наше імператорское величество милосердуя о подданныхъ нашихъ малороссійскаго народа, повелѣли вмалой Россіи быть гетману і генеральной старшинѣ, і послана наша імператорскаго величества грамота малороссійскаго народа кдуховнымъ и мирскимъ. А особливо войско нашего запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра кполковникамъ і кгородовой старшинѣ і козакамъ і ко всему поспольству, дабы они попрежнему обыкновенно обрали въ гетманы кого ізмалороссійскаго народа, на которое обрание отъ нашего імператорского величества посланъ былъ нашъ тайной совѣтникъ Ѳедоръ Наумовъ. И потому нашего імператорскаго величества всемилостивѣйшему соизволению они малороссійского народа духовные, і полковники, і старшина свойскомъ і все поспольство будучие для помянутаго обрания гетманскаго вглухове по прежнимъ своимъ войсковымъ обыкновеніямъ волными голосы выбрали вгетманы ево Данила Апостола при вышепомянутомъ нашемъ тайномъ совѣтнике, которой по нашему імператорскаго величества указу ему гетману і клейноты войсковые: булаву, знамя, бунчукъ і литавры отдалъ. И онъ подданной нашъ гетманъ потомъ обраніи своемъ учинилъ намъ великому государю нашему імператорскому величеству вѣрности своей вглухове вцеркви присягу предъ святымъ евангеліемъ при крестномъ цѣлованіи. И прошлого 1727 году ноября въ 27 день

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

намъ великому горударю нашему імператорскому величеству доносилъ онъ подданной нашъ гетманъ сприсланными своими вѣжинскаго полку с судьею полковымъ, с Михаиломъ Забѣлою, прилуцкаго полку с сотникомъ Григорьемъ Стороженкомъ, переяславскаго полку съ есауломъ полковымъ с Лукою Васильевымъ, гадячского полку с судьею полковымъ с Мартыномъ Штишевскимъ, прося наше імператорское величество пожаловали ево подданного нашего гетмана повелѣли на урядъ гетманскій і на маетности на булаву определенные дать ему нашу імператорского величества жалованную грамоту. И мы всепресветлѣйшій державнѣйшій великій государь императоръ і самодержецъ всероссійскій наше императорское величество призірая на выше писанное ево подданного нашего гетмана прошение всемилостивѣйше і вѣдая ево кнашему імператорскому величеству по учиненному обѣщанию вѣрность і службу повелѣли сию нашу грамоту на подтверждение уряду гетманского дать і силою сей нашей імператорского величества жалованной граматы соизволяемъ ему подданному нашему гетману войсковую армату іли артилерию і клейноты, данные при обраніи, імѣть такъ, какъ прежние гетманы ввѣрности своей к намъ бывшие содержали і всякие воинские і гражданские вмалой Россіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ і по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу прадѣда нашего блаженныя памяти великого государя царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия і малыя і бѣлыя Россіи самодержца его царского величества гетманъ Богданъ Хмельницкой со всѣмъ войскомъ запорожскимъ і народомъ малоросійскимъ і по нашимъ імператорского величества указомъ определеннымъ і впредь определяемымъ і к нему присылаемымъ і маетностми на булаву определенными противъ иныхъ подданныхъ нашихъ бывшихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностью. И дабы видя онъ подданной нашъ гетманъ къ себѣ сию нашу імператорскаго величества милость, нашему імператорскому величеству і нашимъ наслѣдникомъ служилъ вѣрно і постоянно со всѣмъ подданнымъ нашимъ войскомъ запорожскимъ і народомъ малоросійскимъ

противъ всѣхъ нашихъ непріятелей, во всѣмъ противъ данной своей вышеимянованной при обраніи присяги, за что наша великого государя нашего імператорского величества милость і призрѣніе і впредь от него подданного нашего отъемлема не будетъ, но і паче умножится і для вящей кнему подданному нашему гетману нашей милости і утверждения сию нашу імператорского величеетва грамоту собственнаго нашего імператорскаго величества рукою подписали і нашею государственною печатью утвердить повелѣли. Данъ в Москвѣ лѣта от рождества Христова 1728 сентября 7 дня, государствювания нашего 2-го году. Петръ. Графъ Головкинъ».

Эта грамота подтверждена такою же точно грамотою въ 1730 году 15 мая императрицей Анной Іоанновной, вступившей на русскій престолъ послѣ смерти Петра II; какъ и первая грамота, вторая также подписана собственноручно императрицей Анной и ниже ея графомъ Головкинымъ.

III.

1759 года, сентября 13 дня. Аттестатъ значкового товарища Василія Христофорова [1]*.*

«Ея Императорскаго Величества Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетьманъ дѣйствительный камергеръ Императорской Санктъ-Петербургской Академіи наукъ президентъ графъ Кириллъ Разумовскій. Господамъ генеральнымъ, малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, войсковымъ товарищамъ, сотникамъ съ сотенными старшинами и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется. Полтавскій житель грекъ Василій Христофоровъ подалъ намъ доношеніе, а въ немъ написалъ: въ давныхъ де годахъ вышелъ онъ съ другими товарищами его греками съ турецкой области въ Малую Россію въ подданство самодержавной всероссійской имперіи и имѣлъ жительство и

---

[1]) Копія; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца села Лошкаревки екатеринославскаго уѣзда, Димитрія Васильевича Христофорова.

осѣдлость въ городѣ Полтавѣ, въ той осѣдлости служилъ всероссійскому престолу съ оказаньемъ немалаго усердія, особливо въ бытность при россійской арміи въ послѣднюю бывшую съ турками войну по употребленію его отъ господъ фелдмаршаловъ и другаго генералитета въ посилки въ сосѣдственныя области по секретнымъ экспедиціямъ, въ засвидѣтельствованіе чего даны ему отъ генералитета самой гвардіи, якіе какъ указомъ правительствующаго сената 1749 года, такъ и присланною къ намъ 1754 года изъ государственной колегіи иностранныхъ дѣлъ грамотою подтверждены, а кромѣ того и послѣ въ разныхъ годахъ, отъ командующаго генералитета посиланъ былъ Христофоровъ въ Крымъ для секретныхъ развѣдываній на собственномъ его囗 коштѣ, съ послѣдованіемъ немалой траты, какъ то и въ прошломъ 1758 году пó письму господина генерала лейтенанта графа Девіера отъ генеральной войсковой канцеляріи наряженъ и къ тому развѣдыванію употребленъ былъ и отпущенъ отъ него генерала лейтенанта съ тѣмъ, чтобы къ такому жъ употребленію всегда находился въ готовности; и что де протчіе его товарищи за таковые службы награждены чинами, а онъ Христофоровъ себѣ никакого награжденія не имѣетъ. Де того просилъ о награжденіи и его Христофорова за показанныя службы чиномъ войсковыхъ товарищей съ увольненіемъ отъ всѣхъ службъ нашего разсмотрѣнія. И мы гетьманъ и кавалеръ по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти респектуемъ, за таковыя означеннаго грека Василія Христофорова оказанныя къ пользѣ государственныхъ интересовъ службы (о которыхъ и намъ небезъизвѣстно есть) въ разсужденіи его Христофорова нынѣшней старости и въ здравіи слабости со званіемъ войсковыхъ товарищей увольняемъ его отъ всѣхъ службъ до возрасту дѣтей его, поощряя тѣмъ и протчихъ къ ревностнымъ и вѣрнымъ Ея Императорскаго Величества службамъ; и дабы господа генеральные малороссійскіе старшины, полковники, бунчуковые и войсковые товарищи, такожъ полковые старшины и сотники и протчіе чины о семъ вѣдали, предлагаемъ для сего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и при національной малороссійской

печати ему Василію Христофорову. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ сентября 13 дня, 1759 года».

IV.

1765 года, апрѣля 12 дня. Запродажняя запись царичанскаго козака Максима Луценка козакамъ Кириллу и Давиду Мандрыкамъ [1].

«1765 году апрѣля 12 дня я ниже подписавшійся далъ сию в городской царичанской канцеляріи царичанскимъ козакамъ Кирилу и Давиду Мандрикамъ росписку втомъ, что доставшійся мне понаслѣдію отца моего царичанского жителя Григория Луценка дѣдизній свой грунтъ, а именно лѣсъ стоячій над рекою Орѣлю высше Помозановихъ мелницъ зсенокосами и рибними ловлями вемежность съ едной сторони по Орѣлъ, здругой по лѣсъ и сѣнокосъ царичанского жителя Данила Ярѣза, стретей чрезъ озеро прозиваемое Подполне по сенокосъ царичанского козака Марка Портянки, а счетвертой сторони царичанского жителя Алексѣя Кулика лѣсъ и сѣнокосную луку даже до Орели. показаннимъ Мандрыкамъ по согласию жени и дѣтей продалъ въ вѣчное владѣніе ценою за восемъдесятъ рублевъ, и неповиненъ я, жена и дѣти мои в ономъ грунтѣ никакова препятствия чинити, а нѣ откуповати, для лутшого жъ вѣроятия и твердости имеющійся вмене от покойного отца моего вышеписанного Луценка врученной ему от покойной жени его, а моей мачухи царичанской жителки Софьи Палагутовни духовной дестаментъ показаннимъ Мандрикамъ вручилъ и что на ономъ духовномъ дестаменти за ветхостію его надписѣ о вышеписанной продажѣ учинить неможно, для того вышеписаннимъ покупщикамъ Кирилу и Давиду Мандрикамъ сию росписку в городской царичанской канцеляріи даю и подписуюсь къ сей росписки царичанскій жителъ и козакъ Максимъ Луценко, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію царичанскій же житель и козакъ Ѳома

[1] Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ С. А. Ильяшенка, владѣльца села Афанасьевки екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

Рудяга руку прыложылъ. При више писанной продажи были и во свидѣтельство подписались царичанские козаки Степанъ и Власъ Мантули и Мусѣй Калиболотскій, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію царичанскій житель козакъ Монейло руку приложилъ. 1765 году апрѣля 12 д. сия росписка от показанныхъ продавца Максима Луценка и покупщиковъ Кирила и Давида Мандриковъ въ городской царичанской канцеляріи была представленна, которуй росписку признаю за правилвую указамъ и малороссійскимъ правамъ непротивную, подписомъ рукъ и приложеніемъ обыкновенной печати на спокойное владеніе сътвержена; Сотникъ царичанскій Алексѣй Руновскій, Сотенный царичанскій канцеляристъ Иванъ Николаевъ».

V.

1777 года, марта 6 дня. Владѣльческіе документы ротмистру Ивану Байдаку [1]).

«Предъявителю сего елисаветградскаго пикинерного полку ротмистру Ивану Байдаку елисаветградской провинціи крюковскаго уезда вокругѣ тогожъ елисаветградского полку 12 роты омелницкой приречкѣ Омелникѣ к заселенію слободы на двадцать восемь дворовъ восемь сотъ сорокъ десятинъ земли владеть дозволяется, считая оную льготными летами съ 1774 года, сентября съ 24 числа; а мерою ему ротмистру Байдаку начиная отъ вышеописанной речки Омельника по смежности Капканцевыхъ хуторовъ триста пятдесятъ саженъ, потомъ поворотъ влево посмежности техъ же хуторовъ до угла слободской дачи подпоручика Ильи Иванова одна верста, и отъ оного угла прямою линіею по смежности оного подпоручика Иванова три версты триста пятдесятъ саженъ, отселѣ поворотъ влево по смежности порозжей земли в ширину две версты. Потомъ поворотъ вълѣво до вышесказанной речки Омелника и по оной до первопочинного пункта; почему ему ротмистру Байдаку въ владеніи никому

[1]) Копія; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца Г. А. Байдака.

никакого препятствія не чинить и сей билетъ объявить вышеписанной округи смотрителю и кому надлежитъ чрезъ сіе дается знать всѣмъ измежевой экспедиціи вгородѣ Кременчугѣ. Марта 6 дня 1777 году. Генералъ маioръ Муромцовъ, землемѣръ маiоръ Араповъ». «1777 году іюля 8, по указу Ея Императорскаго Величества новороссійская губернская канцелярія по репорту здешней межевой экспедиціи, которымъ на посланной в оную изъ сей канцеляріи прошлого 1776 году октября 1 дня указъ о отведенныхъ подъ слободу ротмистру Ивану Байдаку въ округе елисаветградского пикинерного полку слободы Омелницкой при реке Омеличкѣ и урочищѣ Капканцевомъ дачѣ, на которой и государственныхъ поселянъ до двадцати хатъ поселеніе имѣютъ обявлено, что, по резолюціи его превосходительства господина генералъ-маiора новороссійской губерніи губернатора и кавалера Матвея Васильева Муромцова, велѣно какъ де и ево ротмистра Байдака тамъ уже немалое число дворовъ поселено, то и раздѣлить ихъ, которая межевая экспедиція смотря по карте и раздѣлена, чтобъ де оное и внатурѣ учинено было сотводомъ земли какъ Байдаку на двадцать же четыре двора от межевой экспедиціи прапорщику и межевщику Степанову данъ ордеръ; приказали: о вышеописанномъ для сведѣнія вкрюковскую воеводскую канцелярію указъ послать».

VI.

1778 года, іюня 30 дня. Аттестатъ секундъ-маiору Ивану Байдаку [1]*).*

«По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы всероссійской и прочая и прочая и прочая изъ государственной военной коллегіи отставному отслужбы секундъ маiору Ивану Байдаку, которой въ елисаветградскомъ пикинерномъ полку ротмистромъ состоялъ и по списку объ немъ представленному вколлегію откоманды обще съ его

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца села Байдаковки верхне-днѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, Г. А. Байдака.

челобитною показано: отъ роду ему 30 летъ изъ молороссіянъ, въ службе съ 1764 года, ротмистромъ за●урядъ 1773 августа 26, армейскимъ 1774 октября съ 24 былъ вминувшемъ турецкомъ походѣ и вср.аженіяхъ снепріятелемъ, виштрафахъ не бывалъ, а челобитною просилъ за имеющимися у него болезньми оботставке отслужбы на ево пропитаніе, по которому ево прошенію, а по определенію государственной военной коллегіи учиненному минувшаго апреля 20 дня оной Байдакъ отвоинской службы отставленъ вовсе по беспорочной во оной бытности и по удостоинству откоманды снагражденіемъ секундъ маиорского чина, на которой получени присяги и по взятіи за повышеніе с симъ Ея Императорскаго Величества указомъ по выключеніи исполку отпущенъ на ево собственное пропитаніе. Данъ всанктъбетербурге іюня 30 дня .1778 года. Генералъ поручикъ и кавалеръ Ник., Генералъ маіоръ Веревкинъ, Генералъ маіоръ Бороздинъ».

VII.

1778 года, августа 8 дня. Аттестатъ запорожскаго полковаго Хорунжаго Сергѣя Махна [1]).

«Предъявитель сего бывшаго войска запорожскаго полковой хоружій Сергей Леонтиевъ сынъ Махновъ продолжалъ службу втомъ войскѣ запорожскомъ смалихъ возвраста своего лѣтъ внутренныхъ изаграничнихъ командираціяхъ, а потому будучи впоходахъ сначала 769 по 774 годъ всторонѣ крѣпостей ачаковской, каджибейской и привзятіи аджидера и другихъ разнихъ понад Чернимъ моремъ мѣстахъ имѣлъ съ непріятелемъ впартияхъ иподъездахъ дѣйствителныя сраженіи поспѣвая и прислучаяхъ противъ неприятеля (,) какъ бывшие въ сихъ походахъ старшины и почотные запорожские козаки объявили мнѣ незакрито здолжнимъ командѣ повиновеніемъ неимѣя притомъ никакихъ пороковъ и какъ онъ всходство состоявшегося по разрушеніи быв-

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ купца города Новомосковска, Степана Михайловича Махна.

шей Сѣчи запорожской прошедшаго 775 года августа 3 дня высочайшаго ея императорскаго величества манифеста заслуживаетъ противу товарищей своихъ воздаянія, то свидѣтелствуя отомъ всепокорнѣйше прошу властей и правителствъ не оставить его Махна заслужбы впрозбахъ его пожалованиемъ. Данъ заподписомъ моимъ неприложениемъ печати. Августа 8 дня 1778 году. Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моемъ (моей?) отъ армін полковничей Филипъ Федоровъ».

VIII.

1778 года, сентября 2 дня Аттестатъ запорожскаго асаула Григорія Пластуна [1]).

«Бывшаго войска запорожскаго низового полковому асаулу Григорію Якимову сыну Пластуну въ томъ, что зашедше онъ въ оное войско въ 1735 году, продолжая всероссійскому престолу службу, былъ въ прежнихъ турецкихъ походахъ очаковскомъ, крымскомъ, днѣпровскомъ и хотѣнскомъ, имѣлъ снепріятелемъ сраженіи, между чемъ въ днѣпровскомъ въ грудь стрѣлою раненъ и по выздоровленіи стого (отъ того) по усмотрѣнію его храбрости и проворства командированъ былъ отъ предводительствовавшаго тогда войсками его сіятельства князя Никиты Юрьевича Трубецкого спрепорученными ему пристойнымъ числомъ запорожскими козаками подъ Царьградъ къ поимкѣ турецкаго языка, гдѣ поймавъ турецкихъ двухъ визѣровъ и трехъ султановъ, которыхъ по повелѣнію помянутаго князя Трубецкого, доставилъ онъ Пластунъ самолично къ ея императорскому величеству блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни Елисаветъ Петровны, а по возвратѣ оттоль и по окончаніи съ турецкой войны и по прибытіи въ Сѣчь запорожскую употребленъ былъ по его вѣжливости (знанію или опыту) въ разные государственные и войсковые внутренніе и заграничные

[1]) Копія, списанная въ 1874 году А. Н. Полемъ съ подлинника, хранящагося въ селѣ Діевкѣ екатеринославскаго уѣзда у крестьянина Пластуна, внука означеннаго въ аттестатѣ Григорія Пластуна.

командировки, между чемъ въ награжденіе его продолженныхъ службъ и по усмотренію его зъ годности (згодности) выбранъ былъ отъ цѣлаго войска въ 1752 году въ бывшую при турецкой границѣ бугогардовскую паланку полковымъ асауломъ и потомъ 1763 году вкуренѣ коренѣвскомъ того куреня товариствомъ и козаками атаманомъ (т. е. выбранъ), которую должность исправляя порядочно и недавно кончившейся стуркомъ войны былъ 1770, 1771, 1772, 1773 и 1774 годовъ всторонѣ Очакова въ походахъ, имѣя снеприятелемъ дѣйствительные сраженія, стоялъ мужественно какъ долгъ вѣрно подданному ея императорскаго величества довлѣетъ зъ должнымъ у командѣ повиновеніемъ безъ всякаго порока и подозрѣнія: въ засвидѣтельствованіе вышеписанныхъ его Пластунова службы и честнаго поведенія сей ему вручая атестатъ, прошу властей и правительствъ о неоставленіи его въ высочайшей ея императорскаго величества въ сходство состоявшагося о разрушеніи бывшей запорожской Сѣчи манифеста милости пожалованіемъ Данъ въ благополучномъ лагерѣ Таманѣ (?), 1778 году сентября 2 дня. Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей отъ арміи полковничей Филиппъ Федоровъ».

IX.

1780 года, декабря 2 дня. Геометрическій специальный планъ на владьніе премьеръ-маіора Алексья Максимовича Синельникова слободой Алексьевкой на правомъ берегу Днъпра, никопольскаго уъзда.

«Геометрическій специальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Алексѣевки съ принадлежащими къ ней островами, называемыми Шулаевымъ, Песковатымъ и всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской канцеляріи изъ порозжихъ казенныхъ земель во владѣніе премьеръ-маіора Алексѣя Максимова Синельникова, межеваніе учинено въ 1780 году декабря 20 дня прапорщикомъ и межевщикомъ Яковомъ Пономаревымъ, а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ

всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою, по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ степи способной къ хлѣбопашеству 2868 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ 36 десятинъ, лѣсу дровяного и мелкого 92 десятины, подъ населеніемъ, огородами, гуменниками и конопляниками 4 десятины, подъ половиною рѣки Днѣпра праваго берега 124 десятины, 200 квадр. саж., подъ бичевниками 16 десятинъ 1600 квадр. саж., подъ каменьями 19 десятинъ 1400 квадр. саж., подъ дорогами проселочными и полевыми 35 десятинъ 150 квадр. саж., подъ крутыми косогорами и оврагами 157 десятинъ, подъ песками 6 десятинъ. Всего 3359 десятинъ и 361 квадр. сажень: въ той слободѣ Алексѣевкѣ подданныхъ малороссіянъ мужеска пола 28 душъ, женска пола 22 души».

X.

1782 года, марта 18 дня. Дарственная грамота премьеръ-маіору Алексѣю Максимовичу Синельникову на владѣніе деревни Норовки, тожъ Алексѣевки, или Любимовки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, новомосковскаго уѣзда [1]).

«По указу ея императорскаго величества самодержавицы всероссійской изъ азовской губернской канцеляріи деревни Норовки помѣщику господину премѣръ маіору Алексѣю Максимовичу Синельникову... Прошлого 1776 года февраля 29 дня братъ вашъ астраханскаго драгунскаго полку подъполковникъ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ по доверенности вашей поданнымъ в сію канцелярію доношеніемъ просилъ объ отводѣ вамъ изъ найму не пустыхъ и инныхъ незанятыхъ земель полторы тысячи десятинъ при реке Днепрѣ между Самарскимъ ретранжементомъ и крепостью Александровскою по теченію реки Татарки с лѣвой стрроны, зачавъ отъ устья оной речки внизъ рекою Днепромъ мимо лежащаго в Днепрѣ порога Сурскаго три версты и двесьтѣ сажень, а отъ оной реки Днепра в открытую степь от почин-

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора, владѣльца села Любимовки, А. Н. Синельникова.

ного мѣста устья речки Татарки вверхъ по оной на пять сполобинною верстъ, а от окончательнаго по той рекѣ пункта соединяя ту дачу в открытую же степь на столько длиннику, сколько на вышеозначенное число десятинъ, выключая неудобную землю, сыщется по мѣрѣ, по которому учиненнымъ всей канцеляріи тогоже году марта 10 дня опредѣленіемъ и посланнымъ къ землемѣру капитану Ильміонову указомъ велѣно вамъ (Алексѣю Максимову Синельникову) в просимомъ вами урочищѣ тысячу пятьсотъ десятинъ земли, буде тамъ никакого селенія и никакихъ препятствій не окажется, в наемъ с платежомъ в годъ за каждую десятину по пяти денегъ отвести и на планѣ назначить; а в 1778 году июля 30 дня вы поданнымъ в сию канцелярію доношеніемъ просили о добавленіи вамъ къ отмежованной при рекѣ Днепрѣ и речке Татарке земли еще, сколько между помежниками вашими по размежеваніи сыскаться можетъ, и по тому учинить нынѣ же в сей канцеляріи опредѣленіемъ и посланнымъ в губернскую межевую экспедицію указомъ велено, какъ по справкѣ оказалось, что просимая вами в 1776 году в вышеписанныхъ урочищахъ земля состоящая в трехъ тысячахъ десятинъ, да просимая вами втомъ же 1776 году и по довѣренности отъ васъ братомъ вашимъ подполковникомъ Иваномъ Синельниковымъ в прошломъ 1777 году межевщикомъ прапорщикомъ Тимофѣевымъ формально отмежевана, то оную землю и оставить за вами в вѣчное владѣніе, какъ его свѣтлость господинъ генералъ-аншефъ четерехъ губерній генералъ-губернаторъ всѣхъ россійскихъ и разныхъ ординовъ кеваперъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ присланнымъ къ генералъ-поручику сей губерніи губернатору и кавалеру Черткову отъ 26 декабря прошлого 1777 году ордеромъ повелѣть изволилъ: для удобнѣйшаго и скорейшаго в пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній назначенныя владельцамъ казенныя земли утверждать за ними вѣчно з десятилетнею лготою (;) на основаніи положенія о семъ в штатахъ учиненнымъ всей канцеляріи прошлого 1780 году августа 10 дня опредѣленіемъ и посланными во всѣ присутственныя сей губерніи мѣста указами велено всѣмъ владѣльцамъ, а в небытность

ихъ прикащикамъ объявить с подписками, чтобъ они, не вымышляя никакой претензіи яко о земляхъ еще ихъ в границахъ неутвержденныхъ, по требованію межевщиковъ къ планамъ и межевымъ книгамъ подписывались безотговорочно, а ежели кто по здѣланнымъ отъ межевщиковъ повѣсткамъ не явится, то оканчивать планы межевые и книги без ихъ рукоприкла. ства, по сходству котораго опредѣлены межевщикомъ и межевою экспедиціей... Того ради приказали за четыре тысячи восемъ сотъ пятьдесятъ девять десятинъ пятьсотъ квадратныхъ саженъ сто сорокъ пять рублевъ, семьдесять семъ копеекъ и три чети и по взысканіи оные денги отослать при указѣ губернскому казначею секундъ маіору Ходоревскому, велеть принявъ записать въ приходъ и всю губернскую канцелярію рапортовать, подписавъ о полученіи оныхъ на планахъ и межевыхъ книгахъ при даче вамъ плана по содержанію межевой инструкціи 7 главы 9 пункта о береженіи межевыхъ признаковъ обязать васъ в сей канцеляріи подпискою с тѣм, ежели на межахъ просѣки будутъ заростать, то оные должны быть вашимъ коштомъ разчищены, а когда ямы заровняются и столбы выгниютъ, о томъ объявлять въ ближайшихъ присутственныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ вмѣсто прежнихъ таковые же вновь ставить и по межѣ сохою или плугомъ проходить, а притомъ вамъ дать знать, чтобъ вы за оказавшуюся нынѣ во владѣніи вашемъ удобную землю три тысячи девять сотъ десятинъ земли за каждую десятину по пяти денегъ, по минованіи лготныхъ девяти лѣтъ, то есть будущаго 1789 года генваря съ перваго числа, взносили ежегодно, всего по 97 рублевъ, по 50 к. в сию канцелярію бездоимочно, в увереніе чего сей ея императорскаго величества указъ за подписаниемъ и с приложеніемъ печати данъ изъ азовской губернской канцеляріи в Екатеринославѣ, показанные жъ планъ и межевая книга при семъ прилогаемая, марта 18-го, 1782 году. Генералъ поручикъ Николай Чертковъ».

Эти свѣдѣнія дарственной грамоты А. М. Синельникову пополняются данными межевыхъ книгъ 1779 и 1828 годовъ. Изъ межевой книги 1779 года видно, что въ Норовкѣ считалось

пашенной земли 3,400, сѣнныхъ покосовъ 360, мелкаго лѣса 120 десятинъ по рѣчкѣ Татаркѣ, по островамъ Днѣпра, по горѣ надъ Днѣпромъ, но выше мелкаго показанъ и «дровяной» лѣсъ; остальная земля была подъ Днѣпромъ, Татаркою, деревнею и дорогами. Въ Днѣпрѣ ниже селенія показанъ большой островъ Яцевъ и противъ него въ степи оврагъ Яцевъ. Выше Норовки, между деревней Чаплями и деревней Черняковской, показанъ оврагъ Войскобой. Мужскаго пола въ Норовкѣ показано 45 душъ, женскаго пола 35 душъ. Смежными съ Норовкой селеніями названы: деревня Петровская, маіора Ивана Петровича Тургенева; деревня Скотоватая, прапорщика Степана Ивановича Степанова; деревня Вороная, инженеръ-капитана Ѳедора Алексѣевича Наковальнина; деревня Чапли, князя Александра Александровича Прозоровскаго. Эти данныя межевой книги 1779 года пополняются данными такой же книги 1827 года. Въ ней мы читаемъ: «Прошедъ проливъ реки Днѣпра и взошедъ на стоящій на рекѣ Днѣпрѣ островъ, направо отъ реки бичевникъ, а за онымъ пещаное мѣсто, а на островѣ древесный лѣсъ села Любимовки, что прежде была Алексѣевская, а налѣвѣ рѣка Днѣпръ и на оной островъ съ лѣсомъ, а за рѣкой екатеринославскій уѣздъ... Направѣ (идя вверхъ противъ теченія) отъ рѣки Днѣпра дровяной лѣсъ села Любимовки» [1]). Къ этому еще прибавлено 109 десятинъ подъ селеніемъ, огородами и «легулярными и нелегулярными садами». Въ послѣдней межевой прибавленъ также оврагъ Терноватый, между Петровкой и Любимовкой. Сосѣдними селеніями названы: Петровка и Чапли, тогоже князя Александра Александровича Прозоровскаго, Вороная вдовы полковницы Марьи Петровны Наковальниной; Скотоватая и Ивановка, совмѣстное владѣніе ротмистра Козьмы Семеновича Синельникова, прапорщика Василія Кондратьевича Алексѣева и колежскаго регистратора Якова Михаиловича Черняка.

---

[1]) Должно думать, тотъ же самый, что показанъ въ межевой книгѣ 1779 года, по горѣ надъ Днѣпромъ, выше мелкаго лѣса.

Д. И. ЭВАРНИЦКІЙ.

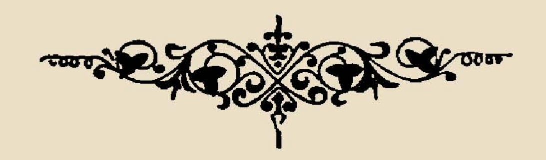
ПО СЛѢДАМЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литогр. и Фотот. П. И. Бабкина, Англійск. пр. № 28.
1898.

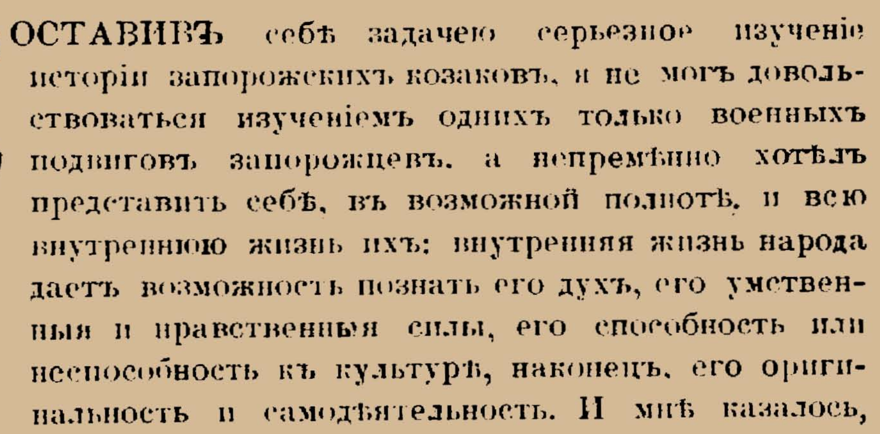
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящій трудъ, авторъ находитъ нужнымъ сказать, что всѣ представленные въ немъ типы, сцены, встрѣчи и приключенія не измышлены имъ, а взяты прямо съ натуры, выхвачены изъ дѣйствительной жизни. Если тутъ и сдѣланы какія-либо измѣненія, то только въ отношеніи фамилій дѣйствующихъ лицъ и названій селъ или деревень. Авторъ уже около пятнадцати лѣтъ подъ рядъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскаго низового войска съ цѣлями археологическими, историческими и этнографическими. Научные результаты, добытые отъ такихъ поѣздокъ, изложены имъ въ соотвѣтствующихъ трудахъ—*Запорожье въ остаткахъ старины, Вольности запорожскихъ козаковъ, Исторія запорожскихъ козаковъ*, а живые типы, сцены и приклю-

ченія изображены въ настоящемъ трудѣ. Такъ какъ дѣло происходитъ въ мѣстахъ бывшаго Запорожья, и главныя дѣйствующія лица—всѣ потомки, по мужской или женской линіи, запорожцевъ, то и самое сочиненіе названо *По слѣдамъ запорожцевъ*.



Въ поискахъ за козацкими древностями.



ОСТАВИВЪ себѣ задачею серьезное изученіе исторіи запорожскихъ козаковъ, я не могъ довольствоваться изученіемъ однихъ только военныхъ подвиговъ запорожцевъ, а непремѣнно хотѣлъ представить себѣ, въ возможной полнотѣ, и всю внутреннюю жизнь ихъ: внутренняя жизнь народа дастъ возможность познать его духъ, его умственныя и нравственныя силы, его способность или неспособность къ культурѣ, наконецъ, его оригинальность и самодѣятельность. И мнѣ казалось, что однимъ изъ лучшихъ вспомогательныхъ средствъ для яснаго пониманія внутренней жизни того или другого народа должны быть тѣ культурные пережитки, которые народъ оставляетъ послѣ себя въ видѣ различныхъ предметовъ домашняго и военнаго обихода для послѣдующихъ поколѣній и которыя попадаютъ на храненіе въ общественные музеи и частныя собранія древностей. И такъ, я рѣшилъ обратиться къ частнымъ собраніямъ козацкихъ древностей. Но у кого можно видѣть собраніе козацкихъ древностей? Съ такимъ вопросомъ я обратился однажды къ бывшему въ городѣ Екатеринославѣ владыкѣ Ѳеодосію, который пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ нѣкоторую извѣстность изданіемъ матерьяловъ для исторіи и статистики бывшаго запорожскаго края. Владыка указалъ мнѣ на одного изъ богатыхъ и извѣстныхъ помѣщиковъ екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, составившаго

у себя большую коллекцію всевозможныхъ древностей, въ томъ числѣ и козацкихъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи. На того же помѣщика указали мнѣ и въ самомъ городѣ Новомосковскѣ.

И такъ рѣшено: я ѣду изъ Екатеринослава въ Новомосковскъ и изъ Новомосковска въ Кошенятовку, имѣніе помѣщика Ларіона Спиридоновича Куркуль-Запорожскаго. Куркуль-Запорожскій ведетъ свой родъ, по отцу, отъ какого-то татарскаго мурзы, а по матери отъ сѣчевого козака, по фамиліи Запорожскаго, и отъ извѣстнаго гетмана Даніила Апостола.

Изъ Новомосковска до Кошенятовки считается около 70 верстъ, и это разстояніе я рѣшилъ проѣхать въ одинъ день. Выѣхалъ я изъ Новомосковска при вполнѣ благопріятной погодѣ и совершенно бодрымъ и здоровымъ. На этотъ разъ мнѣ попался возница мрачный, угрюмый и необщительный. Лошаденки его измученныя полевыми работами, дѣйствовали очень вяло и подвигались впередъ очень медленно. Поднимая надъ ними высоко свой «батігъ», возница только помахивалъ имъ въ воздухѣ, но опускалъ его мимо лошадей. Изрѣдка онъ дернетъ вожжей то праваго рыжей масти, то лѣваго вороной масти коня и пошлетъ то одному, то другому энергичное пожеланіе: «Но! А щобъ тоби нудно! Но! А щобъ тоби нудно»! Но оба коня, или давно уже привыкнувъ къ такимъ возгласамъ своего хозяина или вовсе не понимая его, только поводили своими обвислыми ушами, но шагу лишняго вовсе и не думали прибавлять. Оттого путь изъ Новомосковска до Кошенятовки не уменьшался въ моемъ воображеніи, а, казалось, какъ будто даже все болѣе и болѣе выросталъ и удлинялся. Къ тому же на небѣ, дотолѣ совершенно чистомъ и голубомъ, какъ бываетъ чиста и голуба лучшая порода бирюзы, стали появляться небольшія тучки, которыя потомъ, все болѣе и болѣе разростаясь, подъ конецъ заволокли все небо темно-сѣрой пеленой. Скоро изъ тучъ полилъ крупный и частый дождь, а вмѣстѣ съ дождемъ подулъ холодный сѣверовосточный вѣтеръ, и тутъ я на собственномъ опытѣ испыталъ, что значитъ ѣхать въ открытой степи въ дождь, при сильномъ вѣтрѣ, не имѣя у себя никакой сверху защиты и плестись шагомъ на затасканныхъ лошадяхъ. Дождь нѣсколько часовъ подъ рядъ, безъ перерыва, лилъ намъ за шею, не оставилъ у насъ ни единой сухой нитки и сдѣлалъ подъ нами, на днѣ ящика брички, настоящую лужу. А сильнѣйшій и порывистый вѣтеръ безжалостно

хлесталъ намъ въ лицо, обдавалъ насъ со всѣхъ сторонъ стужею и, казалось, проникалъ до самаго мозга нашихъ костей. Я долго и стоически переносилъ такую непогоду, но потомъ почувствовалъ у себя, за спиной, сперва легкій ознобъ, перешедшій потомъ въ сильнѣйшую во всемъ тѣлѣ дрожь. Чѣмъ дальше мы ѣхали — тѣмъ мнѣ становилось все хуже и хуже. Я пробовалъ было идти пѣшкомъ возлѣ брички, но вслѣдствіе страшной грязи и сильнаго вѣтра, сбивавшаго меня съ ногъ, не могъ идти по дорогѣ и вновь влѣзалъ въ мокрую бричку. Лошади наши или только еле-еле передвигали съ мѣста на мѣста свои ноги, или вовсе останавливались и отказывались идти впередъ. «Но! А шобъ тоби нудно»! печально выкрикивалъ мой возница, но это «но» теперь уже ровно никакого значенія не имѣло для его измученныхъ лошадей. Вотъ уже и вечеръ наступаетъ, вотъ уже и ночь начинаетъ обнимать насъ, а мы все ѣдемъ да ѣдемъ и дождь все хлещетъ и хлещетъ намъ въ лицо. Но всему же бываетъ конецъ; такъ наступилъ конецъ и безжалостно полосовавшему насъ дождю. Было уже около десяти часовъ ночи, когда дождь прекратился, и на небѣ стали показываться, но какъ-то робко и нерѣшительно, далекія, мелкавшія синенькими огоньками, звѣздочки. Показался было и молодой мѣсяцъ, но онъ былъ такъ юнъ и такъ блѣденъ, что не принесъ намъ никакой отрады. За то съ наступленіемъ ночи по всей степи потянуло такимъ хлодомъ и сыростью, что мнѣ совсѣмъ стало скверно. Я началъ весь дрожать какъ во время пароксизма сильнѣйшей лихорадки и почувствовалъ въ себѣ необыкновенный упадокъ силъ. Слабость моя была такъ велика, что я не могъ даже отъ страшныхъ коликъ въ бокахъ сидѣть въ бричкѣ и спустился съ нея на землю. Что такое произошло со мной? Ноги мнѣ не служатъ, руки мнѣ не повинуются, голова отказывается держаться на плечахъ, и я въ полномъ безсиліи ложусь на какой-то курганчикъ, одиноко стоящій у проѣзжей дороги и чувствую себя совершенно безпомощнымъ. Противъ меня стоятъ унылый и безучастно смотрящій въ одну точку возница и въ конецъ истомленныя его лошаденки. Пролежавъ нѣсколько минутъ на сырой и холодной землѣ, я, наконецъ, какъ бы въ первый разъ въ моей жизни сознала, что дѣлаю себѣ тѣмъ страшный вредъ и, собравъ послѣднія силы, снова влѣзъ въ бричку и велѣлъ, какъ можно скорѣй, погонять лошадей впередъ. Лошади или отъ того, что нѣсколько отдохнули, или отъ того, что продрогли, стоя безъ движенія, пу-

стились впередъ легкой рысцой, благо и дорога пошла по длинному скату все внизъ и внизъ! Вотъ еще часъ времени и часъ усилія, и мы, наконецъ, пріѣхали въ село Котенятовку. Уже поздно ночью въѣхали мы въ обширный дворъ какого-то постоялаго, построеннаго на помѣщичьей землѣ, но арендуемаго евреемъ Едва войдя въ комнату, едва успѣвъ перемѣнить мокрое платье на сухое, я тотъ же часъ упалъ на деревянный, безъ всякой подстилки, диванъ и моментально уснулъ.

Меня разбудилъ раннимъ утромъ медленный, но сильный колокольный звонъ, несшійся съ деревянной колокольни, что на площади, и гулко раздававшійся по всему селу. Прійдя въ полное сознаніе и осмотрѣвшись кругомъ, я вспомнилъ, что то былъ первый день Троицы, и мнѣ жутко стало на душѣ, что я въ такой радостный и торжественный праздникъ нахожусь въ совершенно неизвѣстной мнѣ обстановкѣ и главное чувствую себя больнымъ. Желая доставить себѣ нѣкоторое развлеченіе, я собрался съ силами и вышелъ съ постоялаго двора съ цѣлью посѣтить храмъ. Тутъ я увидѣлъ прежде всего обширную площадь. Съ правой стороны на этой площади стояла деревянная, древней архитектуры, обсаженная кругомъ деревьями, обнесенная высокой оградой, симпатичная и невольно привлекавшая къ себѣ церковка: прямо, передъ глазами, виднѣлись высокія каменныя ворота съ фигурами бѣлыхъ львовъ, вознесенныхъ на самый фронтонъ воротъ, и деревянная на каменномъ фундаментѣ рѣшетка, а за воротами выдѣлялась деревянная изъ драни крыша обширнаго барскаго дома; въ линію съ главными воротами вытянулись длинный флигель и разныя господскія службы, крытыя соломой и камышомъ. Въ то время, когда я выходилъ изъ воротъ постоялаго двора, черезъ площадь «дыбавъ» въ церковь, какъ то особенно бочкомъ, старенькій батюшка, небольшого роста, сухощавый, съ рыжевато-пепельной длинной бородой, въ золотыхъ очкахъ и съ высокимъ посохомъ въ правой рукѣ. При этомъ мнѣ такъ и вспомнилось стихотвореніе одного малорусскаго поэта:

Дыбае батюшка въ церкву й кахыка,
Каже винъ: служба бъ то наче моя невелыка,
Але жъ такы старисть мене крипко диймае.
Служу пьятый десятокъ—вже й сылы не маю».

Побродивъ немного по площади, я, наконецъ, вошелъ въ церковь, уже вплотную наполненную всякаго возраста и состоянія

молившимися христіанами, и тутъ почувствовалъ, какъ будто по всему тѣлу моему пробѣжалъ какой-то особенно радостный и живой трепетъ: день Троицы, послѣ дня святой Пасхи, всегда, еще съ самаго ранняго дѣтства, былъ для меня особенно радостнымъ и желательнымъ днемъ... Возлѣ иконостаса, у рѣшетки, отдѣлявшей солею отъ помѣщенія для молящихся, вдоль всѣхъ стѣнъ, возлѣ обоихъ клиросовъ—вездѣ установлено было такъ называемое «клечання», т. е. свѣжія съ вѣтвями и листьями, срубленныя въ лѣсу, молодыя деревья; весь полъ устланъ былъ пахучими сочными травами. и все это вмѣстѣ наполняло церковь пріятнымъ ароматомъ и поднимало всѣ чувства и религіозное настроеніе молящихся.

Выйдя изъ церкви и принявъ, на сколько было возможно, бодрый видъ, я направился черезъ площадь въ крытый камышомъ флигель, гдѣ помѣщался управляющій имѣніемъ, Вавила Николаевичъ Кувырковъ. Явившись къ Кувыркову и представившись ему, я сообщилъ о цѣли моего пріѣзда въ Копенятовку и просилъ его доложить о томъ владѣльцу. Такъ совѣтывали мнѣ сдѣлать нѣкоторыя лица еще въ Новомосковскѣ, указывая на то, что Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій слишкомъ важная въ губерніи персона и являться къ нему надо не спроста. Управляющій, выслушавъ мою просьбу, смѣрилъ меня съ ногъ до головы проницательнымъ и испытующимъ взглядомъ и прежде всего спросилъ, откуда я пріѣхалъ, какъ я нашелъ полевые хлѣба, покосы степныхъ травъ, потомъ отъ хлѣбовъ и травъ онъ перешелъ къ овражкамъ и разнаго рода вредоноснымъ насѣкомымъ и подъ конецъ разразился цѣлымъ потокомъ негодованія противъ подлѣйшаго насѣкомаго «анисопліи австріяка»—онъ именно произносилъ «анисопліи», а не «анизопліи» австріяка. Я долго и смиренно слушалъ Вавилу Николаевича, но потомъ, воспользовавшись временною съ его стороны передышкою, спросилъ его:

— Такъ какъ же, Вавила Николаевичъ, не будете ли вы любезны отослать мою визитную карточку къ Ларіону Спиридоновичу и спросить у него, не можетъ ли онъ принять меня на нѣсколько часовъ?

— А, да-да да! Я и позабылъ, о чемъ вы просили... Отошлю-отошлю! Велю доложить «генералу», а тамъ пріймегъ ли васъ его превосходительство или не пріймегъ,—это ужъ не мое дѣло.

Поблагодаривъ Вавилу Николаевича за готовность доставить мою карточку «генералу», я оставилъ его въ покоѣ и вышелъ

отъ него съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что это великій философъ и самоуслаждающійся резонёръ, ошибочно носящій фамилію Кувыркова въ замѣнъ настоящей фамиліи «Анисоплія австріяка».

Отъ Вавилы Николаевича я снова вернулся въ постоялый дворъ и снова, въ ожиданіи отвѣта отъ «генерала», прилегъ на деревянный диванъ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ вижу, кто-то вбѣгаетъ ко мнѣ въ комнату и спрашиваетъ: «Вы господинъ такой-то». «Я господинъ такой-то». «Генералъ просятъ васъ къ себѣ со всѣмъ вашимъ багажомъ». Не успѣлъ я сказать и двухъ словъ этому первому человѣку, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ другой, а тамъ третій. Тутъ одинъ ведетъ меня за собой, другой беретъ мои вещи, а третій расплачивается съ моимъ подводчикомъ. «Но позвольте, позвольте! Я вѣдь и самъ могу моему подводчику уплатить».—«Никакъ нѣтъ, вамъ этого дѣлать нельзя: генералъ приказали изъ экономической конторы заплатить». Что за диво за такое? думаю себѣ, но повинуюсь во всемъ волѣ добраго генерала и иду въ домъ.

Пройдя черезъ ворота во дворъ, я увидѣлъ среди двора обширный кругъ, въ которомъ росли шелковицы, акаціи, китайская и русская сирень, масличное дерево и множество всевозможныхъ цвѣтовъ; по самой срединѣ круга я замѣтилъ на невысокой колонкѣ солнечные часы. Погода была на тотъ разъ, послѣ дождя предшествовавшаго дня, превосходная, и такъ какъ это было въ началѣ мѣсяца мая, то всѣ деревья и цвѣты находились въ полномъ цвѣтеніи и наполняли весь дворъ чуднымъ ароматомъ. Въ концѣ круга мнѣ бросился въ глаза прекрасный балконъ съ высокими каменными колоннами и съ двумя покоющимися, на выступахъ балкона, каменными, широко раскрывшими свои пасти, львами. Поднявшись по ступенькамъ балкона, я увидѣлъ парадную дубоваго дерева дверь, съ рѣзьбой древняго стиля и съ гербомъ владѣльца, и черезъ ту дверь прошелъ въ большой барскій домъ.

Въ передней меня встрѣтила толпа лакеевъ, одѣтыхъ безукоризненно чисто, въ черные фраки, бѣлые жилеты, бѣлыя перчатки, при бѣлыхъ галстукахъ, и почтительно проводила въ залу. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ залѣ,—это желтыя колонны, поддерживавшія собой расписной потолокъ, и потомъ между колоннами длинный, стоявшій поперекъ залы, столъ, устланный бѣлоснѣжною скатертью и уставленный дорогой посудой—графинами, бутылками, рюмками, бокалами, вазами со вставленными въ нихъ

роскошными букетами дорогихъ цвѣтовъ. Очевидно, столъ былъ накрытъ для предстоявшаго завтрака послѣ окончанія обѣдни. Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ дверей къ срединѣ залы, какъ ко мнѣ вышелъ на встрѣчу уже немолодой господинъ, въ бѣлыхъ массивной золотой оправы очкахъ и съ самой изысканной любезностью привѣтствовалъ меня. Это былъ Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій. На видъ Ларіонъ Спиридоновичъ казался немного ниже средняго роста, крѣпкаго плотнаго сложенія, съ высокою богатырскою грудью, съ нѣсколько загнутою назадъ, какъ у всѣхъ низкорослыхъ людей, сократовскаго стиля головою, съ нѣсколько оспротѣвшей, отъ утраты волосъ, вершиной, съ крупнымъ носомъ и широкими ноздрями, указывающими на хорошія легкія и вмѣстѣ съ тѣмъ на горячность и вспыльчивость нрава, съ сѣдыми бакенбардами и съ гладко и тщательно выбритымъ подбородкомъ. Въ общемъ, какъ по манерамъ и по интонаціи голоса, такъ и по искренности и полному радушію Ларіонъ Спиридоновичъ производилъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Когда я назвалъ мое имя, отчество и фамилію, то оказалось, что Ларіонъ Спиридоновичъ уже давно зналъ меня по разнымъ моимъ газетнымъ и журнальнымъ статьямъ.

Ларіонъ Спиридоновичъ представилъ меня своей супругѣ и двумъ дочерямъ своимъ, изъ коихъ старшая поразила меня живостью своего характера и замѣчательною находчивостью; тутъ же меня познакомили со всѣми, бывшими на ту пору у Ларіона Спиридоновича, гостями и, наконецъ, съ мѣстнымъ батюшкой, отцемъ Пареентіемъ. Когда подали кушанье, то я приглашенъ былъ сѣсть рядомъ съ домохозяиномъ и во все время завтрака долженъ былъ отвѣчать на разные съ его стороны вопросы и запросы археологическіе, историческіе, этнографическіе. Мнѣ высказывали самое сердечное расположеніе и самое усердное вниманіе и на перерывъ старались угостить разными яствами и питіями. Я былъ глубоко тронутъ такимъ рѣдкимъ радушіемъ хлѣбосольныхъ хозяевъ, но къ моему сожалѣнію едва только касался то того, то другого блюда, потому что чувствовалъ себя очень дурно и внутренне молилъ Бога только объ одномъ, чтобы поскорѣй окончился завтракъ. Вставъ отъ стола, я объявилъ хозяину, что чувствую себя нездоровымъ, вслѣдствіе простуды, схваченной мной въ пути, и добрый Ларіонъ Спиридоновичъ немедленно приказалъ отвести меня въ приготовленную комнату,

совѣтуя мнѣ дать себѣ полный отдыхъ и подкрѣпиться спокойнымъ и продолжительнымъ сномъ.

Едва я переступилъ черезъ порогъ указанной мнѣ комнаты, какъ силы мои совершенно покинули меня. Выдержавъ столь продолжительное напряженіе, я теперь сразу до того обезсилѣлъ, что безсознательно снялъ съ себя платье и безсознательно повалился на кровать. Сколько времени я былъ въ такомъ положеніи—не помню, но когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ трехъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, и тутъ же узналъ, что два изъ нихъ были врачи, а третій фельдшеръ. У меня нашли воспаленіе брюшины и воспаленіе кишекъ при сильно повышенной температурѣ и предписали строжайшую діэту.

Послѣ упорнаго, въ теченіи двухъ недѣль, лѣченія моя болѣзнь пошла на убыль, и я мало-по-малу началъ двигаться по комнатѣ и выходить на воздухъ. На третью недѣлю я чувствовалъ себя уже совсѣмъ хорошо, а потомъ мое душевное состояніе пришло въ полное равновѣсіе съ физическимъ.

Первый человѣкъ, на котораго я обратилъ мое вниманіе по выздоровленіи, это былъ приставленный ко мнѣ слуга, Остапъ Сердюкъ. Это своего рода неподражаемый типъ. Волосомъ черный, тѣломъ смуглый, съ большими усами, съ плохо выбритымъ подбородкомъ, медлительный, угрюмый, на видъ сухощавый, небрежный въ отношеніи костюма, Остапъ Сердюкъ былъ большой острякъ и юмористъ, какихъ можно видѣть только въ одной Малороссіи. Вотъ онъ является ко мнѣ утромъ съ тѣмъ, чтобы помочь одѣться мнѣ и потомъ убрать мою комнату. Прежде всего я слышу стукъ въ мою дверь.

— Можно! кричу въ отвѣтъ на стукъ.

— Доброго утра! привѣтствуетъ меня Остапъ.

— Спасыби! отвѣчаю я ему, сидя къ дверямъ спиной.

— Це ты, Остапе?

— А я жъ!

— Шо жъ ты жывый?

— Та наче бъ то жывый, а объ-тимъ того добре й не знаю.

— Добре не знаешъ?

— Тай не знаю.

— Ну, а шо жъ тамъ паны вже повставалы?

— Та де які повставалы; а де яки ще сопуть.

— А барышня Евфросынья Прокоповна, якономка, вcraлы?

— Уже всталы, матаруса чаемъ напувають.

— Якóго тамъ матаруса?

— А того, шо зъ города, зъ Новомосковского, прыихавъ до генерала бамагу пысаты.

— Такъ може якъ нотаріуса, а не матаруса?

— Та воно одынъ бисъ, шо чортъ, шо чортяка, шо жидъ, шо жидяка.

— Одынъ то одынъ, та тилько якъ же ёго можно матаруса чаемъ напуваты? Напувають тилько скотыну, а не чоловика.

— Та хто напува скотúну, а барышня напувають матáруса: уже жъ воны якъ подадуть ёму стаканíвъ пьять, або шисть пидъ рядъ чаю, та ще зъ молокомъ, або зъ лымоною, то хибà воны не напувають ёго якъ скотыну?

— Та воно то такъ! Ну, а Мыколай Мытровычъ уже всталы?

— Мыколай Мытровычъ всталы.

— Шо жъ воны роблять?

— Чешутця.

— Шо жъ имъ тамъ чесать, якъ у ныхъ на голови ни волоска, ни пенёчка нема?

— Отъ того жъ воны й чешутця, шо на голови ни волоска, ни пенёчка нема: думка така, шо якъ пошкребуть гребинцемъ по макушци, то може, хочъ гугля выросте, то все жъ такы буде за що зачепытця; а теперь такъ, шо й воша по голови не пролизе, хибà пидкуешъ на вси на чотыри пидковы, то тоди, може, и пробижытця по лысыни.

— А генералъ уже выходылы?

— Ни, воны ще сыдять у кабанѣти.

— А управляющій десь, мабуть, уже по степу бига.

— Управляющій, якъ уставъ зъ постели, заразъ на ногы шкраблеты, а въ рукы вытрыпасъ та лыверь тай гайдà у степъ.

Нужно сказать, что шкраблетами Остапъ называетъ штиблеты, вытрыпасомъ—вытерпасъ, а лыверемъ—револьверъ.

Изъ всѣхъ «генеральскихъ» слугъ Остапъ Сердюкъ больше всѣхъ пришелся мнѣ по сердцу и по душѣ, но я все-таки оказался неблагодарнымъ по отношенію къ нему тѣмъ, что въ замѣнъ его родовой фамиліи Сердюка прозвалъ Матарусомъ, и съ тѣмъ прозвищемъ онъ пошелъ гулять по всему панскому двору и изъ двора по всему селу.

Другой человѣкъ, который обратилъ на себя мое вниманіе,— былъ докторъ Наумъ Ивановичъ Козодрыкъ. Флегматичнѣе, но и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣе и безобиднѣе этого человѣка трудно себѣ и придумать. Вотъ примѣръ его замѣчательной подвижности. На дворѣ стоитъ жаркій—прежаркій день. Возлѣ больницы, на деревянномъ обрубкѣ, сидитъ Наумъ Ивановичъ Козодрыкъ и о чемъ-то пріятно мечтаетъ. Къ нему подходитъ какой-то мужичекъ съ пузырькомъ въ рукѣ и, снявши шапку и поздоровавшись, проситъ его «всыпать» ему «ще такого ликарства, якъ сыпалы недилю тому назадъ одъ очей». Наумъ Ивановичъ медленно вскидываетъ на мужика свои глаза, медленно беретъ изъ его рукъ пузырекъ и очень медленно спрашиваетъ:

— Такъ чого тоби, хлопче, треба?

— Та я до вашои мылости съ тимъ, шобъ всыпалы ликарствія,—крипко очи болять.

Наумъ Ивановичъ, выслушавъ просьбу мужика, томно опускаетъ внизъ свои вѣки и снова погружается въ пріятныя мысли. Мужикъ передъ нимъ стоитъ, Наумъ Ивановичъ въ сладкихъ мечтахъ сидитъ. Потомъ, какъ бы очнувшись отъ какой-нибудь, внезапно осѣнившей мысли, Наумъ Ивановичъ вновь вскидываетъ на мужика свои глаза и вновь переспрашиваетъ его, о чемъ онъ проситъ и чего ему собственно надо. Мужикъ вновь повторяетъ свою просьбу. Тогда Наумъ Ивановичъ посовается—посовается на одномъ мѣстѣ, какъ будто вотъ-вотъ встанетъ и пойдетъ въ больницу за лѣкарствомъ, но потомъ неожиданно вновь сядетъ на тотъ же самый деревянный обрубокъ и вновь погрузится въ глубокія думы. Наумъ Ивановичъ сидитъ, а мужикъ передъ нимъ съ пузырькомъ въ рукахъ стоитъ. Но вотъ Наумъ Ивановичъ рѣшился, наконецъ, и всѣмъ тѣломъ поднялся съ деревяннаго обрубка; но и тутъ на лицѣ его все еще видна нѣкоторая нерѣшительность, и Наумъ Ивановичъ точно самъ себя вопрошаетъ: «Чи мени йты, чи мени не йты»?... Но, наконецъ, онъ собирается съ силами, идетъ мѣрнымъ шагомъ, не торопясь, въ больницу, выноситъ оттуда лѣкарство и, вручивъ его мужику, отбираетъ въ замѣнъ того у него пустой пузырекъ, а самъ садится на другой конецъ обрубка и, тяжко-претяжко вздохнувъ, медленно произноситъ: «Фу, тай жарко! Якъ бы такы Господь пославъ дождичку»!...

А то какъ-то позднею ночью спитъ беззаботно и сладко Наумъ Ивановичъ въ своей комнатѣ, поднявъ свистъ, сапъ и храпъ на

цѣлую половину флигеля. Вдругъ влетаетъ къ нему изъ барскаго дома одинъ человѣкъ, за нимъ другой, тамъ третій, будятъ его, тормошатъ, поднимаютъ съ постели, подаютъ ему сапоги, подаютъ сюртукъ. «Докторъ, докторъ, проснитесь! Младшая барышня крѣпко заболѣли, такъ генералъ проситъ васъ поскорѣй къ больной». Но Наумъ Ивановичъ и тутъ не измѣняетъ своей натурѣ: онъ не торопясь встаетъ съ постели, не торопясь одѣвается и совсѣмъ не торопясь выходитъ изъ флигеля. Проходитъ нѣсколько времени, и всѣ, кто услыхалъ о внезапно приключившейся болѣзни съ младшей барышней, съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія доктора съ тѣмъ, чтобы узнать отъ него, какого рода та болѣзнь и насколько она серьезна. Вотъ, наконецъ, въ дверяхъ показывается и докторъ. Всѣ бросаются къ нему съ разными вопросами. Но онъ не спѣша входитъ въ комнату, не спѣша снимаетъ съ себя все по порядку платье, не торопясь и не отвѣчая никому на всѣ вопросы, складываетъ все платье на стулъ, подъ стулъ подбрасываетъ свои штиблеты, потомъ молча беретъ въ руки простыню, ложится на кровать, закутывается весь съ ногами и съ головой и повертывается лицомъ къ стѣнѣ. «Да скажите же, наконецъ, что тамъ случилось и чѣмъ захворала младшая барышня»?— «Змерзла»! отвѣчаетъ однимъ единственнымъ словомъ Наумъ Ивановичъ и, не долго думая, засыпаетъ. Что такое значило это слово «змерзла» и почему она среди лѣта «змерзла» — такъ и осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ, пока на другой день всѣ не узнали, что младшая барышня гдѣ-то схватила лихорадку и среди ночи съ ней произошелъ лихорадочный пароксизмъ. Тогда только и стало всѣмъ понятно слово Наума Ивановича «змерзла». А то было и такъ: сидитъ однажды Наумъ Ивановичъ гостемъ въ какомъ-то семейномъ домѣ, куда собралась масса барынь и барышенъ. Зная особенность Наума Ивановича забираться въ самый отдаленный уголокъ, барыни и барышни вздумали вывести его на свѣтъ и цѣлой гурьбой обратились къ нему съ просьбой:

— Наумъ Ивановичъ, будьте нашимъ кавалеромъ!

— Якый зъ мене ка-ва-ле-ръ?

— Выйдите сюда,—будете насъ занимать.

— Я не вмію дамъ за-ни-ма-ть.

— Ну, такъ идите,—мы васъ будемъ занимать.

— Не-тре-ба!

Слово, «нетреба» произносится такъ медленно, такъ спокойно

и въ то же время такъ безобидно, что оно вызываетъ у всѣхъ дамъ только одинъ веселый смѣхъ и ни малѣйшей обиды.

Если Наумъ Ивановичъ получитъ отъ кого-нибудь дѣловое письмо, даже съ надписью «Весьма нужное», то онъ, не распечатывая, преспокойно кладетъ его въ карманъ и носитъ съ собой до тѣхъ поръ, пока отъ того письма останутся одни клочки. Тогда только по клочкамъ или онъ самъ или кто-нибудь другой прочтетъ ему неполное содержаніе письма. «Ахъ, бисъ ёго батькови, а я ей не знавъ, що воно таке потрібне письмо» — «Якъ же жъ вы не зналы, Наумъ Ивановичъ, якъ на нёму и пидписъ бувъ унызу — Весьма нужное?» «Иди жъ ты? Я й не додывывсь... Ну, та байдуже! Усячина на свити бува!»...

Какъ вамъ послѣ всего этого покажется! Вѣдь это не единичный человѣкъ, а цѣлый типъ? Да, это полный типъ! Онъ такъ и прозванъ былъ мной «докторъ Типъ».

Къ такому доктору на диво подобранъ былъ и фельдшеръ, Юхымъ Юхымовичъ Голопупъ. Это человѣкъ низенькаго роста, плотненькій, съ небольшимъ брюшкомъ, безъ бороды, но съ тоненькими, кверху закрученными, такъ называемыми, поросячьими усиками, съ карими, небольшими, но лукавенькими, глазками; говорившій каждое слово съ большою осторожностью; въ отношеніи великихъ пановъ державшій себя только почтительно, безъ всякаго искательства, въ отношеніи мелкихъ пановъ державшій себя съ нѣкоторымъ гоноромъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, извѣстный у простого народа подъ именемъ «ликарьця» или «дохторьця».

— Не знаете ли вы, Юхымъ Юхымовичъ, за что это стрѣляли въ Василія Васильевича?

Василій Васильевичъ — одно изъ важныхъ административныхъ лицъ въ кошеневской экономіи, вызвавшій чѣмъ-то неудовольствіе со стороны одного изъ своихъ подчиненныхъ и чуть было не поплатившійся за то собственною жизнью.

Услыхавъ такой щекотливый вопросъ, Юхымъ Юхымовичъ впадаетъ въ глубокую задумчивость и, наклонивъ очень низко свою голову, въ тоже время подправивъ свои тоненькіе, какъ поросячій хвостикъ, усики и повертѣвъ передъ собой въ землѣ толстенькимъ ципкомъ или палочкой дипломатично-уклончиво отвѣчаетъ:

— Собственно говоря, это неизвѣстно!..

— А не собственно говоря, Юхымъ Юхымовичъ?

— А не собственно говоря, о томъ не знаетъ никто.

— А давно-ли вы, Юхымъ Юхымовичъ, живете въ Кошенятовкѣ?

— Да давненько таки!

— А раньше того гдѣ же вы жили?

— Больше помижъ манѐнькихъ пановъ.

— Ну, гдѣ же лучше—помижъ маненькихъ или помижъ большихъ пановъ жить?

Собственно говоря, помижъ большихъ пановъ лучше жить, коли они дома живутъ: тогда одному, самому важѐнному, пану шапку снялъ да й квитъ; а какъ большіе паны уѣдутъ въ Петербургъ, то тогда и мечись тутъ «якъ скаженый котъ»: управляющему шапку снимай, помощнику шапку снимай, конторщику и ключнику шапку снимай, а то такъ и берейтору шапку снимай. Однимъ словомъ, тутъ разведется тогда столько пановъ, что хоть и совсѣмъ шапки не надѣвай, да на всѣ на четыре стороны головою кивай.

Пріѣхавши въ Кошенятовку на нѣсколько дней, я пробылъ въ ней вмѣсто того нѣсколько недѣль и за то время не только изучилъ всю коллекцію козацкихъ древностей, собранныхъ въ ней, но и изучилъ, понялъ и оцѣнилъ самого владѣльца ея, Ларіона Спиридоновича Куркуль-Запорожскаго.

Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій пользуется широкой славой въ губерніи какъ большой хлѣбосолъ добраго стараго времени, какъ ходатай за маленькихъ людей передъ людьми, имущими силу и власть и какъ защитникъ обиженныхъ и угнетаемыхъ неправдой людской.

Всѣми хорошими качествами своей души Ларіонъ Спиридоновичъ обязанъ своей матери, Варварѣ Ильиничнѣ, которая, оставшись, послѣ смерти своего мужа, совсѣмъ молодою вдовой, всю свою любовь и всѣ свои заботы перенесла на единственнаго сына своего: она сама взростила его, сама воспитала, сама слѣдила за его образованіемъ и сама женила его на дѣвицѣ иностраннаго происхожденія родовитой фамиліи. Главною заботой, при воспитаніи сына, Варвара Ильинична поставила себѣ то, чтобы сохранить чистоту тѣла и души его, внѣдрить въ него чувство глубокой религіозности, сдѣлать его признательнымъ къ своимъ предкамъ, нерасточительнымъ, трезвымъ и положительнымъ, а

главное добрымъ и мягкосердечнымъ человѣкомъ. И Варвара Ильинична вполнѣ достигла того, къ чему стремилась. Получивъ отъ матери весьма крупное и вполнѣ благоустроенное имѣніе Кошенятовку, Ларіонъ Спиридоновичъ сохранилъ его цѣликомъ и вмѣстѣ съ имѣніемъ унаслѣдовалъ культъ къ своей матери и вообще ко всѣмъ предкамъ своимъ, даже къ самымъ вещамъ, оставшимся отъ нихъ. Если домъ его еще при дѣдѣ былъ покрытъ вмѣсто желѣза дранью, то тѣмъ же самымъ матерьяломъ онъ долженъ непремѣнно покрываться и теперь; если при дѣдѣ какой-нибудь изъ угловъ залы или гостинной занятъ былъ кресломъ, а не стуломъ, то въ томъ же углу должно непремѣнно стоять кресло, а не стулъ. Во всей губерніи, да и далеко за предѣлами ея. Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій извѣстенъ какъ собиратель всякаго рода древностей, въ особенности козацкихъ: ведя свой родъ, по женской линіи, отъ гетмана Даніила Апостола и отъ какого-то сѣчевого козака Запорожскаго, Ларіонъ Спиридоновичъ изъ всѣхъ древностей самую большую страсть питаетъ именно къ козацкой старинѣ. Оттого-то деревенская обстановка его представляетъ собой смѣсь обстановки богатаго барина и истиннаго любителя и цѣнителя старины.

Этимъ-то и объясняется и то радушіе, съ которымъ встрѣтилъ меня Ларіонъ Спиридоновичъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Кошенятовку, и та привязанность его ко мнѣ, вслѣдствіе которой онъ рѣдко когда и на одинъ часъ разлучался со мной.

Вотъ наступило чудное раннее утро. Десять часовъ, и мы уже оба выбѣгаемъ на обширный балконъ, выходящій въ садъ, открывающій превосходный видъ на лужайку, на небольшое за лужайкой озеро и на далекій, въ перспективѣ, дубовый, идущій по берегу рѣки Орели, лѣсъ. Спустившись по ступенькамъ балкона внизъ, мы беремъ сразу влѣво и направляемся подъ тѣнью высокихъ, старыхъ и густолиственныхъ деревъ въ такъ называемое капище. Капище—это укромное и глухое мѣстечко, въ которомъ совершенно правильнымъ кругомъ установлены болѣе тридцати фигуръ каменныхъ бабъ и въ самой срединѣ круга положены двѣ надгробныя плиты съ начертанными на нихъ знаками восточныхъ письменъ. Тутъ какихъ только типовъ и какихъ только изображеній нѣтъ на каменныхъ фигурахъ!

Вотъ подходимъ мы къ самой изящной и самой граціозной изъ каменныхъ бабъ и нѣжно треплемъ ее по щечкамъ.—одинъ по пра-

вой, другой по лѣвой... Отъ граціозной бабы переходимъ къ самой колоссальной фигурѣ,—это фигура мужчины въ высокихъ сапогахъ, съ мечомъ у пояса, въ латахъ на груди, въ низкой восточнаго покроя шапочкѣ на головѣ.

— Эхъ, молодчина какой! Здравствуй такой сякой!

— А вѣдь должно быть, какой-нибудь половецкій ханъ,—какъ вы думаете?

— Не иначе, какъ ханъ, рѣшаемъ мы сообща и идемъ изъ капища дальше по кривой дорожкѣ и черезъ небольшой мостъ. За нами слѣдуетъ нашъ возлюбленный Сирко, простой дворняшка, но очень умный, страшно злющій и беззавѣтно преданный намъ песъ. Лишь только мы останавливаемся, останавливается и Сирко, лишь только мы начнемъ продѣлывать какія-нибудь манипуляціи— тоже начинаетъ продѣлывать и Сирко.

Отъ капища мы добираемся до лабиринта. Это настоящій садикъ-лабиринтъ, разбитый по точному рисунку древней египетской монеты съ изображеніемъ лабиринта и выведенный у берега одного небольшого озерка, въ сѣверо-западномъ углу обширнаго барскаго сада. Войдя въ лабиринтъ и проплутавъ по всѣмъ его ходамъ и переходамъ, мы поднимаемся по аллеѣ вверхъ, потомъ спускаемся внизъ, въ такъ называемую Ольгину долину, обходимъ вокругъ деревянную беседку, стоящую въ самой срединѣ долины, отъ этой беседки взбираемся на высокій, искусственно насыпной курганъ, на которомъ воздвигнутъ превосходный, далеко кверху поднимающійся и украшенный флагомъ, бельведеръ; отъ кургана пробираемся къ большому кругу, выведенному изъ древнихъ пушекъ и окруженному скрѣпой изъ желѣзныхъ цѣпей, и въ концѣ концовъ выскакиваемъ въ юго-западномъ углу сада, у такъ называемой Вѣриной беседки, пріютившейся подъ тѣнью высокихъ и старыхъ деревъ. Тутъ мы входимъ въ самую беседку и поражаемся необыкновеннымъ количествомъ, крупнаго размѣра, мухъ, слетѣвшихся сюда отъ дневной жары въ тѣнь.

— А мухоты! а мухоты! Посмотрите-ка, посмотрите, сколько ея налетѣло сюда!

— И въ самомъ дѣлѣ, тьфу, ты какая пропасть ея тутъ! Чуть ли не со всей Кошеняговки слетѣлись сюда на совѣтъ нечестивыхъ!

Едва выходимъ мы изъ Вѣриной беседки, какъ намъ попадается на глаза одинъ изъ «важэнныхъ» чиновъ при панскомъ дворѣ, помощникъ подпомощника дворника, совсѣмъ безобразный

на видъ, но сильный, коренастый и здоровый мужикъ, любимецъ генерала. Овсій, и генералъ бросаетъ ему на ходу вопросъ:

— Овсій, буде?

— Буде!

— Съ тимъ, шо буде?

— Съ тимъ, шо буде!

Это значитъ, что генералъ освѣдомляется у Овсія, будетъ ли на сегодня дождь, и Овсій увѣренно отвѣчаетъ, что дождь непремѣнно долженъ быть. Овсій считается у генерала первымъ астрономомъ во дворѣ, и если онъ попадется двадцать разъ генералу на глаза въ теченіи дня, то генералъ двадцать разъ не преминетъ спросить его: «Овсій, буде»? И Овсій всякій разъ, взглянувъ мимоходомъ на небо и какъ бы сообразившись тамъ съ различными примѣтами, увѣренно отвѣчаетъ генералу: «Съ тимъ, шо буде» Овсій хорошо знаетъ, что генералъ любитъ, когда перепадаютъ дождики, столь рѣдкіе въ степныхъ мѣстахъ, а потому и пророчествуетъ генералу всегда въ его тонъ, хотя пророчество его никогда или почти что никогда не оправдывается на самомъ дѣлѣ.

Обходивъ такимъ образомъ весь садъ, мы возвращаемся въ концѣ концовъ въ домъ. Тутъ я иду въ обширную, прекрасно подобранную, еще съ прадѣдовскихъ временъ заведенную библіотеку, гдѣ выбираю себѣ для чтенія нѣсколько рѣдкихъ книгъ; а Ларіонъ Спиридоновичъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ и читаетъ тамъ евангеліе до 12 часовъ дня. Въ 12 часовъ дня звонятъ къ завтраку въ колоколъ, подвѣшенный къ стоящему среди двора столбу, и послѣ завтрака всѣ расходятся по укромнымъ куточкамъ сада, кто съ книгой, кто съ работой, а кто только съ собственными мыслями въ головѣ. Въ 6 часовъ звонятъ къ обѣду, который происходитъ или на одномъ изъ балконовъ дома, или же въ саду подъ роскошнымъ столѣтнимъ каштаномъ. Послѣ обѣда подаютъ нѣсколько открытыхъ, запряженныхъ четверикомъ, экипажей, и вся публика, дамы и мужчины, ѣдутъ другъ за другомъ въ степь для того, чтобы подышать чистымъ степнымъ воздухомъ и полюбоваться картинами заходящаго солнца въ степи. Къ вечеру всѣ возвращаются домой и, выйдя изъ экипажей, направляются прямо въ садъ, къ высокому бельведеру, стоящему на вершинѣ насыпного кургана, и поднимаются на самый верхъ, размѣщаясь тамъ по широкимъ деревяннымъ скамьямъ. Тутъ съ высоты бельведера, открывается превосходный и далекій видъ на все,

обширно раскинувшееся селеніе, на зеленѣющую, у лѣваго берега рѣки Орели, долину и на спокойно дремлющій въ ночной тиши вѣковѣчный обширный лѣсъ. Тишь да гладь да божья благодать!... Царственную тишину нарушитъ развѣ одинокій лай какой-нибудь деревенской собаки да молодецкая пѣсня какого-нибудь парубка, ѣдущаго въ лугу на конѣ и оглашающаго спокойный воздухъ раздольной и широкой пѣсней, которая такъ плавно и такъ вольно стелется по зеленой равнинѣ и невольно заставляетъ слушателей переноситься своимъ воображеніемъ въ далекое и беззавѣтно чарующее прошлое. А на высокомъ и чистомъ небѣ въ это самое время мигаютъ и переливаются нѣжнымъ, сине-голубымъ, свѣтомъ милліоны милліоновъ звѣздочекъ и катятся и разсыпаются въ разныя стороны огненныя искры летающихъ по небу метеоровъ..

Но вотъ вся публика шумно поднимается со своихъ мѣстъ и направляется къ вечернему чаю въ домъ. Въ десять часовъ уже всѣ встаютъ отъ стола и каждый идетъ въ свою комнату. Тогда всѣ входы въ домъ и всѣ выходы изъ него наглухо запираются, и тутъ настаетъ царство ночныхъ сторожей. коихъ дѣйствуетъ всегда десятка полтора, и они подъ каждыми воротами, подъ каждымъ окномъ, на каждой изъ главныхъ дорожекъ сада на всякіе лады и на разные способы стучатъ безъ перерыва своими колотушками и дѣйствуютъ такъ до самаго утра.

— А что не раскопать ли намъ какой нибудь курганъ въ степи?—спрашиваетъ «генералъ».

— И раскопаемъ, коли есть на то охота!... И вотъ объѣзжается имѣніе Ларіона Спиридоновича,— а имѣніе это заключаетъ въ себѣ всего лишь 25,000 десятинъ земли—и выбирается для раскопокъ нѣсколько самыхъ типичныхъ кургановъ. Нанимаются рабочіе въ числѣ 45—50 человѣкъ, разбивается возлѣ кургана палатка, и начинается работа.

Въ степи жарко-прежарко; движенія воздуха ни малѣйшаго: Само пекло стоитъ тай годи! На небѣ ни облачка, ни тучки, ни хмарочки. Все живое, находящееся въ степи, точно замерло и перестало вовсе существовать. Вотъ на высокомъ пригоркѣ сбилось въ кучку стадо овецъ, выдѣляющееся издали чернымъ пятномъ, какъ бы приросшимъ къ самой землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ собравшимъ къ себѣ цѣлое пекло огня. Вдали отъ стада овецъ виднѣется на горизонтѣ стадо коровъ; оно выдѣляется отдѣльными

сѣрыми пятнами, надъ которыми мрѣютъ широкія полосы ослѣпительно яркаго свѣта; то поднимаясь въ высоту, то расходясь въ ширь, онѣ дышутъ настоящимъ раскаленнымъ огнемъ, трепеща и переливаясь въ степи. А влѣво отъ стада коровъ, кажись, такъ близко, вотъ какъ близко, въ дѣйствительности же на разстояніи 10—12 верстъ, выдѣляется на далекомъ горизонтѣ двѣ высокія мельницы, которыя, поднявъ вверхъ по одному крылу, стоятъ въ полномъ безсиліи, какъ бы вовсе забывъ о своемъ назначеніи вертѣть крылья свои кругомъ. Еще лѣвѣй отъ мельницы, по тотъ бокъ широкой и низкой балки, поднимается вверхъ небольшая рощица, зеленѣющая купкою своихъ деревъ; она спокойно стоитъ, не шевелясь ни единымъ листомъ, подъ страшно знойными лучами солнца и, изнемогая отъ спеки, невольно тянется своими вѣтками къ землѣ. Вдоль глубокой балки, по широкой и твердой дорогѣ, медленно тащится тяжелая арба съ сѣномъ, запряженная парою сѣрыхъ и рослыхъ воловъ, а на самомъ верху арбы лежитъ въ полномъ безсиліи погоничъ, прикрывши свое лицо отъ солнца широкимъ соломеннымъ брилёмъ. Вездѣ полное затишье, полная апатія и полное бездѣйствіе. Если кто и нарушаетъ это сонное царство, то одна только хищная птица — шулика: мощно распластавъ свои широкія крылья, она царитъ въ высокомъ поднебесьѣ и, то стоя въ воздухѣ совершенно ровно и совершенно неподвижно, то поднимая одно крыло повыше, и другое опуская пониже, она зорко всматривается въ траву съ тѣмъ, чтобы выискать себѣ какую-нибудь живую добычу; видимо она вовсе не чувствуетъ страшнаго зноя въ степи и вотъ-вотъ ударитъ грудью въ землю, вотъ-вотъ схватитъ своими мощными когтями несчастную ящерицу и унесетъ ее въ поднебесную высоту. Фу, вотъ спека, такъ спека! Ну, просто таки палитъ огнемъ!

Вслѣдствіе такого страшнаго зноя рабочіе еле-еле шевелятъ своими лопатами; главный надсмотрщикъ надъ ними, по части распорядительности работъ, Өедоръ Кугай, слегка понукаетъ лѣнивыхъ разными крылатыми словцами; самъ археологъ лежитъ въ палаткѣ на малорусскомъ «кылыму» и читаетъ книгу; тутъ же на небольшомъ столикѣ развернута тетрадь, куда время отъ времени заносится дневникъ раскопки кургана; наружи возлѣ палатки, стоитъ съ открытой головой, бѣлый, но въ широчайшихъ шароварахъ, дидъ. Ему отданъ приказъ служить непосредственно «пану».

быть, такъ сказать, его личнымъ адъютантомъ. Все идетъ по порядку: рабочіе получаютъ хорошую задѣльную плату, питаются хорошею пищей, но съ нетерпѣніемъ ждутъ только одного, «якъ бы такы паны скорійше докопалысь до золотóи кобылы, шобъ мужикамъ доставця хочь хвистъ».

— Э, до тіеи кобылы копать ще симъ день и тры дни...

Но вотъ по дорогѣ, пролегающей вблизи кургана, сунется валка чумаковъ. Ѣдетъ она мимо кургана, видитъ такое дивное дѣло, какъ раскопка могилы, останавливается на мѣстѣ, и тутъ три человѣка отдѣляются отъ валки и идутъ на курганъ.

— Поздоровъ, Боже, вамъ!

— Поздоровъ, Боже, и вамъ!

— Це вы копаете?

— Копаемо! А вы идыте?

— А мы идымо!

— Шо жъ вы везете?

— Веземо хуру! А вы шо копаете?

— Копаемо золото!

— Яке жъ тамъ у гаспида золото, якъ выкыдаете черепкы та маслакы?

— Эге! Черепкы та маслакы! Ты думаешь, звидкиля цей панъ прыихавъ, шо копа?

— А звидкиля?

— Зъ Петенбурху,—онъ звидкиля! А хиба тамъ дурни люде, шо будуть издыть сюды копаты черепкы та маслакы. Не стало тамъ своихъ черепкивъ та маслакивъ! Винъ оце копа та кладе соби въ кешеню золото, а тоби покажетця черепокъ. Чувъ?

— Чувъ!

— Такъ отъ тожъ и знай!

И чумаки, не говоря ни слова, спускаются съ кургана и молча направляются прямо къ палаткѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ уже протянулъ было руку къ двери съ тѣмъ, чтобы отворить ее и, вѣроятно, разспросить у самаго пана, чего именно онъ хочетъ добыть въ курганѣ. Но тутъ выскакиваетъ изъ-за палатки грозный стражъ дидъ и кричитъ на него:

— Ты куды? Ичъ якый прыёмный!

— А шо тамъ у тебе за птахъ у палатци сидыть.

— Птахъ! Тутъ самъ панъ сыдить, — бамагу пышуть! Геть звидциля!...

И чумаки, опять не говоря ни слова, поворачиваютъ назадъ и идутъ къ своимъ возамъ, потянувъ за собой длинные батоги по землѣ. А дидъ, вполнѣ проникаясь сознаніемъ того, что панъ «бамагу пышуть», тихо, едва слышно, удаляется за палатку и строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы проѣзжающіе по шляху люди не особенно «торохтилы по дорози» во избѣжаніе нарушить спокойствіе пана. «Не торохты! не торохты,--хай тоби грець, — тутъ самъ панъ бамагу пышуть!» кричитъ дидъ съ азартомъ, уже издали завидя несущуюся по дорогѣ, мимо палатки, какую нибудь мужицкую бричку.

Но раскопка идетъ своимъ чередомъ, и рабочіе вдругъ докапываются до деревяннаго сруба въ самомъ низу кургана. Къ генералу, въ усадьбу, посылается верховой съ извѣстіемъ объ открытіи какого-то загадочнаго сруба. Немедленно, по такому извѣстію, летитъ «генералъ» въ прекрасномъ ландо, запряженномъ четырней бѣлыхъ лошадей и, расправивъ свои бакенбарды въ разныя стороны, пышно подкатываетъ къ кургану. Всѣ рабочіе снимаютъ съ головъ своихъ шапки и принимаются усиленно копати. Поздоровавшись съ рабочими, генералъ усаживается въ приготовленный для него стулъ возлѣ открытаго сруба и проситъ разбирать его. Всѣ мужики, почитая высокій рангъ «генерала», соблюдаютъ глубокое молчаніе. Но вотъ ковыляетъ по степи какой-то «прохожающій» сторонній дидъ. Не имѣя никакого понятія о «генералѣ», но въ тоже время видя такое необыкновенное дѣло, какъ раскопка кургана, онъ, недолго думая, подходитъ къ нему, взбирается на самый высокій боковой гребень его, смотритъ сверху внизъ на пановъ и кричитъ:

— Паны, здорови булы!

— Здоровъ бувъ, диду! Що доброго скажешь?

— Скажу вамъ, що не тутъ вы копаете!

— А дежъ бы намъ копать?

— Копать бы вамъ у Нешкребивци!

— А що жъ у тій Нешкребивци есть?

— Що у тій Нешкребивци есть? Тамъ есть могыла и поверхъ тій могылы золотый орелъ сида, а въ середыни ій дванадцять ставныкивъ стоять, въ тихъ ставныкахъ дванадцять свычокъ горыть, а пидъ ставныкамы дванадцять пищолишъ лежыть, а пидъ тимы пищолямы дванадцять бочокъ зъ золотомъ закопано. Такъ отъ де бъ вамъ копать!

Чого жъ ты, диду, самъ не копаешъ, якъ знаешъ, шо тамъ дванадцять бочокъ зъ золотомъ заховано?

— Эге, мени очи повылазють, — бо тамъ таке заклятіе лежыть, шо хто выкопа, то у того й очи повылазють на лобъ.

— А якъ же у насъ очи повылазютъ на лобъ.

— Вамъ ничого, — вы паны!..

Дружный взрывъ хохота былъ отвѣтомъ со стороны рабочихъ и самого генерала на такія слова. Долго этотъ хохотъ, какъ подожженный порохъ, то тамъ, то сямъ прорывался и тѣмъ съ большей силой, что мужики должны были сдерживаться въ присутствіи генерала. А между тѣмъ виновникъ этого хохота, прохожающій дидъ, давно уже отъ кургана ковылялъ по степи. Всѣ рѣшили что должно быть дидъ бувъ зъ мухою въ голови, что приподнесъ панамъ такой отвѣтъ.

Скоро за дѣдомъ уѣхалъ въ усадьбу и генералъ. Всѣ люди почувствовали себя совершенно свободными, и тутъ начались шутки, остроты, прибаутки, тѣмъ болѣе, что все это я самъ всегда и вездѣ весьма охотно поощрялъ.

— Пане, шо я васъ хотивъ спытать?—обратился ко мнѣ одинъ рыжей масти мужичекъ.

— А шо ты хотивъ мене спытать?

— Я хотивъ васъ спытать, чи богато вы получаете жалування.

— Тысячу карбованьцивъ! отвѣтилъ я на угадъ.

— Не маненьке й жалування! Чувъ, Грыцько?

— Чувъ!

— А якый на васъ чинъ?

— Археологъ!

— Не маненькій же й чинъ! Архангелъ! Чувъ, Грыцько?

— Чувъ!

— А якъ же вы копаете,—одъ царя?

— Одъ царя!

— Одъ самого царя?

— Одъ самого царя!

— Одъ правытельства?

— Одъ правытельства!

— Одъ самого правытельства?

— Одъ самого правытельства!

— Одъ самисенькаго?

— Одъ самисенькаго!

— Оть то яке дурне правытельство!

— Якъ такъ?

— А такъ: могылы копаты, такъ воно е, а ховражкивъ изъ норъ выгоняты, такъ його нема.—невоспотребнымъ диломъ занимаетця...

Ховражки или суслики составляютъ большое бѣдствіе на югѣ Россіи для крестьянъ, и потому для правительства, по понятію мужика, первою заботою должно быть истребленіе сусликовъ, а не копаніе какихъ-то могилъ.

Проходитъ еще нѣсколько дней. Раскопка кургановъ попрежнему продолжается. Вотъ перепало два-три теплыхъ дождичка, и и всѣ стали надѣяться на хорошій урожай. Вслѣдствіе этого коегдѣ стали раздаваться голоса о прибавкѣ поденной платы, но такъ несмѣло, одними лишь намеками.

— Чи добрымъ оце мы диломъ занимаемось, що могылы копаемо? Може, за те Богъ и урожаю не дае, що мы выкыдаемъ изъ могылъ хрестіянськи кисткы такъ, що ажъ шумлять.

— А чи знаешъ же ты, що мы копаемо? вмѣшиваюсь я въ такой разговоръ.

— А що?

— Скэхву (т. е. скиѳовъ).

— Що жъ воно за скэхва така?

— Та це така, що вона не вмывалась, Богу не молылась, церковъ не знала и безъ штанивъ ходыла.

— Отъ така вона подлюка?

— Отъ така жъ вона и есть падлюка!

— Ну, такъ маслуй же іи лопаткамы, колы такъ!

Доброе настроеніе снова возстановляется и работа продолжается съ прежней поденной платой.

Но вотъ и мнѣ самому, наконецъ, надоѣло копаться въ землѣ. День уже склоняется къ вечеру, и жаръ спалъ болѣе, чѣмъ на половину. Я выхожу изъ палатки и кричу своимъ рабочимъ:

— Хлопци, годи вже копать!

— А що буде?

— Кидайте лопаткы, збирайтесь въ кружокъ та спивайте мени писень.

— А вы жъ намъ за ввесь упругъ запышыте плату?

— За ввесь запышу!

— Хи, яке добро! Збирайтесь, хлопци, дядькы, и вы, диды, давайте пану письни спивать!

Тотъ же часъ составляется обширный кругъ. Я сажусь въ самую средину круга, прямо на землю, и прошу, чтобы мнѣ «заспивали» такую пѣсню, отъ которой бы у меня прямо за серце ухопыло». «Значить, треба спивать старэнной писни, козацкои, запорожскои... Почынай ты, Дмытро». И Дмытро начинаетъ.

И вотъ въ дикой, безкрайной и необъятной степи, покрытой сплошь бѣлымъ, какъ морская пѣна, слегка колеблющимся и слегка наклоняющимся то въ одну, то въ другую сторону, высокимъ ковылемъ, разливается могучая, широкая, далекая и чарующая пѣснь. Въ той пѣсни говорится, какъ молодой козакъ, застигнутый въ безлюдной степи тяжкой «пригодой», т. е. внезапной болѣзнью, неимѣющій при себѣ никакого роду, разстается съ тѣломъ и съ душой.

«Ой, упавъ козакъ, упавъ-помира,
А въ того жъ козака тай роду немá;
Ой, упавъ же винъ, упавъ тай лежыть,
Нихто жъ ёго не спытае, шо въ ёго болыть».

Болѣзнь, страшная болѣзнь, постигшая въ степной пустынѣ козака, тяжкія физическія и душевныя страданія, испытываемыя имъ отъ той болѣзни, мысленное прощаніе со всѣми милыми и близкими его сердцу людьми, наконецъ, грустный похоронный звонъ, которымъ даютъ знать гдѣ-то въ чужомъ городѣ объ отшедшей въ вѣчность козацкой души—все это такою грустью ложится на мою душу и такою острою болью отзывается въ моемъ сердцѣ, что я, сидя въ кругу пѣвцовъ, какъ бы самъ на себѣ переживаю мои послѣдніе дни: у меня сами собой, вопреки всѣмъ съ моей стороны усиліямъ, льются изъ глазъ жгучія слезы и все текутъ, все безъ перерыва текутъ по моимъ щекамъ... А Дмытро все «выводитъ» пѣсню, а хоръ все подхватываетъ послѣднія слова Дмытра, и могучая пѣсня льется по степи безъ конца, безъ краю, стелется по высокому и волнующемуся ковылю, то какъ бы догоняя его, то какъ бы отставая отъ него, сливается безраздѣльно со степнымъ вольнымъ и вѣчно гульливымъ вѣтеркомъ, отдается далекимъ эхомъ у высокихъ могилъ и потомъ, постепенно ослабѣвая и постепенно понижаясь и замирая, теряется въ концѣ концовъ гдѣ-то далеко-далеко..,—дальше, чѣмъ кончается самый горизонтъ неба и земли... И что за могучій голосъ у этого Дмытра? Какъ выставитъ это онъ свою богатырскую грудь впередъ, какъ закинетъ назадъ голову да какъ зальется-зальется, такъ дивишься

и необыкновенной мощи этого человѣка, дивишься и замѣчательно мелодичному и нѣжному голосу его, дивишься и той глубокой, ласкающей слухъ, проникающей въ сердце и поднимающей душу, самой мелодіи пѣсни...

— Ну, й голосъ же у тебе, голубчику мій, чудовый!

— Э, пане, у нёго ще роскишнійшъ бувъ голосъ, якъ винъ гулявъ парубкомъ, а теперъ и половыны того голоса нема.

— А де жъ винъ дивсь?

— Жинка взяла; якъ женывсь, такъ бильшу половыну и голоса стерявъ,—воны таки ти жинкы!

Но отъ пѣсенъ я снова возвращаюсь къ раскопкамъ. Чѣмъ дальше я копаю курганы, тѣмъ тѣснѣе становятся мои отношенія къ рабочимъ, и подъ конецъ я дѣлаюсь у нихъ своимъ человѣкомъ. Вѣсть о раскопкѣ кургановъ, о хорошей платѣ, которая давалась рабочимъ, расходилась далеко отъ мѣста нашихъ раскопокъ, и ко мнѣ потянулись съ разныхъ сторонъ мужики, предлагая свои рабочія руки. Вотъ сидишь, бывало, вечеркомъ, послѣ окончанія дневныхъ работъ, у своей палатки и видишь, тянется къ кургану партія какихъ-то прохожихъ. Поровнявшись съ палаткой, партія останавливается и спрашиваетъ:

— А чи тутъ той гробокопатель, чи винъ анжениръ, чи винъ мэхэныкъ, чи винъ землемиръ, чи Богъ его зна, якъ ёго и велычать,—той шо могылы копа?

— Тутъ! а на шо винъ вамъ?

— Та оце хотили бъ стать до нёго на роботу, якъ бы тилько винъ прынявъ насъ.

— Ни, не прыйме, бо у нёго уже и такъ багато народу.

— Та, може, якъ бы вы сказалы ёму, то й прынявъ бы?

— Ни, съ тимъ, шо не прыйме.

Мужики не вѣрятъ, идутъ разыскивать «настоящого гробокопателя», но тутъ натыкаются на моего дида-адъютанта, который и объявляетъ имъ, что «отожъ той панъ, що сидять у блюзи, коло палаткы, и есть настоящій архангелъ». Тогда мужики снова подходятъ ко мнѣ и, снявъ уже шапки, просятъ—и какъ усердно просятъ! — чтобы я принялъ ихъ на работу. Хоть по двадцать копѣекъ въ день, лишь бы имъ стать на работу. И становятся они въ концѣ концовъ на работу, и работа отъ того быстро спорится.

Иногда, вмѣсто мужиковъ, подъѣдутъ къ кургану въ экипажѣ какія нибудь барыни или барышни, никогда не видавшія раскоп-

ки кургановъ, но сильно заинтересованныя этимъ дѣломъ. Подкативъ къ палаткѣ и видя предъ собой запыленнаго и загрязненнаго человѣка, въ блузѣ, безъ пояса, въ большихъ сапогахъ и въ круглыхъ темнаго цвѣта очкахъ, барыни обращаются къ нему съ вопросомъ:

— Скажи, любезный, гдѣ тотъ господинъ, который копаетъ курганы?

— Не могу знать, сударыни: должно быть, гдѣ-нибудь по тотъ бокъ кургана.

Объѣхавъ кругомъ курганъ, барыни узнаютъ отъ того-же дида-адъютанта, «что онъ тожъ въ окулярахъ самый архангелъ и есть», снова возвращаются къ палаткѣ, извиняются передъ «архангеломъ» въ своей невольной ошибкѣ и зато выслушиваютъ отъ него подробный разсказъ о томъ, какъ надо копать курганы и что найдено уже въ разрытыхъ курганахъ и потомъ, вполнѣ довольныя объясненіями, уѣзжаютъ домой.

Но вотъ, наконецъ, всѣ курганы, опредѣленные къ раскопкѣ, разрыты, и я возвращаюсь въ селеніе. Мнѣ подаютъ изъ ближайшаго панскаго хутора, управляемаго Ёсыпомъ Ёсыповичемъ Овцеводскимъ, маленькую бричку доисторическихъ временъ и допотопнаго устройства, запряженную парой очень почтеннаго возраста лошадей, и я ѣду одинъ, безъ кучера, отъ мѣста раскопокъ къ усадьбѣ Кошенятовкѣ. На полпути я обгоняю какого-то дядька, идущаго въ туже Кошенятовку пѣшкомъ и тотъ же часъ вступаю съ нимъ въ разговоръ.

— Здоровъ тоби, дядьку!

— Здорови вамъ, пане!

— Де це ты йдешъ?

— У Кошенятовку! А вы де йдете?

— Тежъ у Кошенятовку.

— А звидкиля?

— Изъ Нéхворощи! Сидай, дядьку, якъ що хочешъ, пидвезу.

— А чомъ же и не хотить?

И дядько усаживается рядомъ со мной и продолжаетъ начатый разговоръ.

— Це вы, мабуть, идыте до нашого генерала на поклонъ?

— Якъ то такъ на поклонъ?

— А такъ: тутъ скилько есть по окрузи панивъ, то вси издятъ до нашого генерала на поклонъ.

— Чого жъ то воны издять до нёго на поклонъ?

— У царя обида!

— Онъ чого!

— Тогожъ!

Послѣднія слова—«у царя обида»—дядько произноситъ съ такою таинственностью и съ такою многозначительною миной на лицѣ, приблизясь почти къ самому уху моему, что я ясно и воочію убѣждаюсь, какъ важенъ и обаятеленъ въ глазахъ сосѣдей «генералъ», обѣдающій у царя.

У такъ называемаго стараго сада я спускаю съ брички моего случайнаго спутника, а самъ ѣду прямо въ господскій дворъ. Меня встрѣчаетъ Остапъ Матарусъ и съ откровенностью безъискуственнаго и непосредственнаго человѣка объявляетъ мнѣ, что ему очень скучно было безъ меня, пока я находился на раскопкахъ могилъ: «Годи вже довбатысь вамъ у тихъ могылахъ,—ось у насъ ярмарокъ заходе на сели». И точно, по пріѣздѣ въ усадьбу, я узнаю, что село Кошенятовка готовится къ весьма важному событію, годовой ярмаркѣ, въ день Петра и Павла, іюня 29 дня.

Уже за три, за четыре дня до Петра и Павла въ селѣ Кошенятовкѣ дѣлаются на обширной площади, противъ церкви и помѣщичьяго двора, разныя приготовленія: вкапываются въ землю столбы, воздвигаются отдѣльныя лавочки, разбиваются цѣлые ряды, устраиваются маленькія яточки. Всѣмъ этимъ дѣломъ орудуютъ старшина, староста, сотскіе и главнымъ образомъ урядникъ Петро Абрамовичъ Пасишный, лицо весьма важное и весьма вліятельное въ селѣ Кошенятовкѣ, удостоенное монаршей милости въ видѣ большой серебряной медали для ношенія на шеѣ. Ко дню Петра и Павла въ Кошенятовку съѣзжается масса народа изъ екатеринославской, полтавской, харьковской, таврической губерній, разныхъ званій, состояній и народностей: малороссовъ, великороссовъ, нѣмцевъ, жидовъ, цыганъ, болгаръ, армянъ. И Боже мой, сколько тутъ товару попривозится, сколько тутъ живности повыставляется, сколько скота попригоняется!

Ярмарка въ селѣ—это не то, что ярмарка въ городѣ: въ городѣ она совершенно пропадаетъ и совершенно теряется въ городской сутолокѣ; въ городѣ и безъ того каждый день ярмарка. Въ селѣ же это событіе важное, событіе выдающееся, событіе даже чрезвычайное. Ярмарки въ селѣ ждутъ и старые, и малые, и мужчины, и женщины и изъ женщинъ въ особенности дивчата.

Дѣтвора за полгода, даже за цѣлый годъ готовится къ ярмаркѣ: получивъ отъ «крещеного батька за кутью на святый вечеръ» или отъ пана за «посыпанье» на новый годъ одну или двѣ, а иногда и три копѣйки, мальчуганъ бережно завертываетъ свой огромный капиталъ въ тряпочку, тайкомъ отъ всѣхъ зарываетъ его куда-нибудь въ землю подъ завалинку или же въ садку подъ яблонькой и ждетъ—не дождется того радостнаго и счастливѣйшаго дня, когда въ село понаѣдутъ купцы на ярмарку съ сладкими пряниками, сахарными конфетами, превкусными рожками, брусиками и медяниками, чтобы промѣнять свои завѣтныя денежки на ни съ чѣмъ несравнимыя лакомства. Но хорошо было бы, кромѣ лакомствъ купить мальчугану Димуськѣ на ярмаркѣ какой-нибудь глиняный свистуньчикъ или узорчатую сопилочку, тогда эхъ! и позавидовалъ бы Димуськѣ сосѣдній хлопчишка Захарько!... Парубки уже мечтаютъ о другомъ: какъ бы имъ, послуживъ у пана или у нѣмца а то такъ и у богатаго купца, заработать десятокъ или два рублей и на тѣ деньги купить добрые чоботы, хорошую чумарку, узорчатый шерстяной поясъ, вишневаго цвѣта съ кожанымъ, непремѣнно кожаннымъ, а не бумажнымъ, козырькомъ картузъ, плетеный для лѣтнихъ работъ бриль, а то такъ и смушковую, для зимней поры, шапку, и если останутся отъ той покупки серебряныя или мѣдныя деньги, то купить еще пряниковъ, конфетъ, солодкихъ рожковъ для того, чтобы угостить ими, при случаѣ, «чорняву, или биляву» дивчину, сердечную зазнобу молодцеватаго парубка. Дядьки мечтаютъ о томъ, чтобъ повыгоднѣе продать воликовъ, конячекъ, свинью, бычка или теличку, потомъ въ аккуратъ расплатиться со всякими податьми, на оставшіяся деньги купить жинкѣ какой-нибудь подарокъ и самому выпить съ пріятелемъ «доброго могарычу въ веселой корчемкѣ». Дѣвоча порода, какъ уже въ малыхъ лѣтахъ, такъ еще больше того въ большихъ, одного страстно желаетъ—побольше купить себѣ нарядовъ, т. е. стричокъ или ленточекъ въ косы, яркаго ситцу на спидныцю, намыста зеленаго, желтаго и голубого на шею, квитокъ и шумихи для вѣнковъ на голову, наконецъ черевичковъ на подковкахъ «зъ скрыпомъ та зъ рыпомъ». При этомъ маленькія дивчатка стремятся къ такимъ нарядамъ безъ всякой особой цѣли, а взрослыя дивчата видятъ въ томъ также и средство къ тому, чтобы понравиться и прельстить своимъ нарядомъ парубковъ, которыхъ онѣ при своихъ матеряхъ да при батькахъ вотъ какъ не выно-

сятъ, но на которыхъ онѣ на самотѣ, гдѣ-нибудь въ церкви, или на улицѣ, а еще того пуще «въ темному вишневому садочку» вотъ какъ заглядываются и какія ласковыя словечки своими «коралловыми губоньками» шепчутъ: «И козаченьку любый мій, и голубчику мій, и лебедыку мій, и соколыку сызоперый мій»... Молодицы ждутъ ярмарки съ тѣмъ, чтобы продать пивня или курку, а то такъ и пороея, масла или полотна, а себѣ купить кубового ситцу на спидныцю или парчи на очипокъ, но не съ тѣмъ, чтобы прельщать молодыхъ хлопцивъ, а съ тѣмъ, чтобы больше нравиться своимъ «чоловикамъ». Необходимо также—и какъ еще необходимо!—молодыцѣ купить глиняный горшочекъ и поливьяную мисочку для борщу, желтой или красной глины для подмазки печи и прыськы къ большимъ праздникамъ годовымъ, лёну для тонкаго полотна на рукава: для сорочки, «Пидтычка и изъ плоскони збреде, а рукавци треба бъ зъ лёну зробыть». Да и чего ей еще не треба? Треба бъ и сальця купить, чтобы «инколы» вкинуть въ борщъ: треба бъ и рыбки-таранухи десяточекъ-два для спасовскаго поста захватить: треба бъ и солонинки взять, чтобъ «колы неколы» свою душу поскоромить да и чужого человѣка въ праздникъ угостить. А ужъ чего прежде всего треба—такъ это хлопчакамъ по прянику да по свистуницу, а дивчаткамъ по конфеткѣ да по рожевой стёжкѣ купить! Это уже положительно треба! А то прійдетъ молодица домой, а дѣтвора и вцѣпится ей за спидныцю: «Дай мамо пряныцька, дай, мамо, канахветыка», тутъ она выйметъ всю свою лакомую покупку изъ-за пазухи и обдѣлитъ ею малую челядь свою.

Такъ вотъ отчего желательна та ярмарка для всѣхъ деревенскихъ обывателей.

И идутъ и ѣдутъ они на нее со всѣхъ концовъ. Тутъ-то сценъ, тутъ-то типовъ, тутъ-то разговоровъ—батюшки мои! Вотъ взойдите на площадь, присмотритесь ко всѣмъ да прислушайтесь къ говору людскому.

Вотъ длинный рядъ, установленный съ обѣихъ сторонъ разною деревенскою посудой. Прежде всего бросается въ глаза цѣлая гора горшковъ, мисокъ, полумисокъ, макотеръ, кухликовъ, жаровень и т. п. За однимъ изъ вороховъ такого товара стоитъ высокаго роста, съ небольшими сѣдыми усами, въ широкихъ шароварахъ, заложенныхъ за голенища шкаповыхъ чоботъ, въ поношенномъ на головѣ картузѣ, сухощавый и строгій дидъ. Сколько важности написано у него на лицѣ, сколько сознанія того, какой

драгоцѣнный товаръ лежитъ передъ нимъ! На низкія привѣтствія, обращенныя къ нему, онъ едва киваетъ головой, на всякія заискиванія онъ едва однимъ-двумя словами кого-нибудь удостоитъ подарить. Вотъ подходитъ къ такому диду молодичка, аккуратненькая, нарядная, немного кокетливая. Она долго перебираетъ всю разложенную на землѣ посуду, облюбовываетъ себѣ одинъ горшочекъ и заискивающимъ голоскомъ спрашиваетъ у дида:

— Дидусь, за дви копийкы занесты?

— За тры копийкы занесешъ! отвѣчаетъ ей преважно дидъ.

— Дидусь, та винъ же маненькій!

— Беры велычченькій!

— Дидусь, та винъ же трошкы худенькій!

— Беры крипкенькій!

— Дидусь, уважте такы за дви!

— Буде винъ у тебе ц за тры. Я й такъ побожому. То ему настоящаа цина пьятакъ, а я вже побожому отдаю за тры.

Но молодичка, найдя такую цѣну слишкомъ высокой для себя, отходитъ къ другому продавцу.

Ниже дида гончара стоитъ дядько гребенщикъ. Передъ нимъ лежатъ деревянные гребни, гребенки, днища, веретена. Этотъ продавецъ еще важнѣе перваго. Вотъ подходитъ къ нему незначительный панокъ и мягкимъ голосомъ спрашиваетъ его:

— Звидкиля васъ сюды Богъ прынисъ?

— Зъ—пидъ Охтырки!

— Що жъ воно за Охтырка за така?

— Городъ такый,—не що!

— А зъ села якого жъ вы?

— Кажу зъ —пидъ Охтырки: тай уже!

— Мабуть десь важный городъ?

— А вже жъ що важэнный!

Тутъ на лицѣ дядька столько сказывается величія отъ того, что онъ изъ «важэннаго» города и столько снисхожденія, если даже не презрѣнія, къ захудалому панку, смиренно стоящему передъ нимъ, что самъ дядько кажется недосягаемымъ гигантомъ, а панокъ - жалкою муравкой. Но дядько, съ такой гордостью отвѣтившій на вопросъ панка, небрежно бросаетъ и ему съ своей стороны вопросъ.

— А вы жъ самы звидкиля есть?

— Я?

— Э-э жъ, вы! Онъ не говоритъ «эге». а говоритъ «э-э», потому что такъ гораздо важнѣй.

— Я зъ Петенбурху!

— Зъ Петенбурху? удивленно переспрашиваетъ дядько.

— Зъ Петенбурху! снова повторяетъ панокъ.

Тутъ роли неожиданно перемѣняются: какъ ни важенъ городъ Охтырка, но городъ Петербургъ даже и въ представленіи дядька все-таки важнѣй, и потому онъ волей-неволей перемѣняетъ свое обращеніе въ отношеніи панка и, спустивъ высокій тонъ на обыкновенную ноту, сознается ему, что онъ изъ села Водолагъ,—«положимъ тоже неманэньке село!» что товаръ его, по нынѣшнимъ плохимъ временамъ, очень плохо идетъ и провозъ его въ далекую даль «коштуе» столько, что не стоитъ и всѣхъ, сдѣланныхъ на него, затратъ.

Еще ниже дядька гребенщика стоитъ дядько, продающій крейду, т. е. мѣлъ для мазки хатъ. У ногъ его лежитъ цѣлая груда крейды, у самого же у него вся «пыка», т. е. все лицо, вымазано мѣломъ.

Що жъ це воно таке? Для чого це ты вымазавсь крейдою тай стоишъ, якъ той святый.

— Хиба не бачыте для чого? Це выставка така, щобъ кожный бачывъ, що я крейду, не друге що, продаю,—отъ що!..

За горшечнымъ рядомъ идетъ продуктовый рядъ. Тутъ продаютъ сало, масло, творогъ, яйца, цыбулю, чеснокъ, сливы, груши и тому подобный товаръ. Вотъ возлѣ воза, полнаго сушеныхъ грушъ, стоитъ человѣкъ и выкрикиваетъ: «По груши! По груши»!.. Къ нему подходитъ дядько лѣтъ около 35 и лаконически спрашиваетъ.

— По чому видро?

— По двадцять! также лаконически отвѣчаютъ ему.

— А по пьятнадцать зъ верхомъ? То-есть по пятнадцать копѣекъ съ надсыпкою на верхъ.

— А якъ по пьятнадцять, то хай буде й такъ!

— А цыбэрка буде моя?

— Хай буде й твоя!

— А верхъ добрый выведешъ?

— Выведу, якъ жиноче веретено, — та тилькы, якъ ты таку цыбэрку зъ такымъ верхомъ додому понесешъ?

— А якъ я іи понесу? Сяду у тебе коло воза, верхъ увесь ззимъ, а те, що зостанетця, додому понесу.

И дядько, уплативъ пятнадцать копѣекъ за ведро грушъ «зъ верхомъ», садится возлѣ воза продавца и начинаетъ ѣсть груши: ѣстъ до тѣхъ поръ, пока количество грушъ не сравнялось съ вѣнцами цыбарки, и тогда снимается съ мѣста и преспокойно съ оставшимися грушами идетъ домой.

Въ этомъ же ряду давно уже вертится какая-то бабенка съ красноперымъ пѣтухомъ, котораго она носитъ подъ мышкой и предлагаетъ «охотнику» купить у нея «пивня».

— Шо ты, молодыця, посыпъся тутъ зъ пивнемъ? Уже якъ продаваты, такъ продавала бъ курку, а не старого пивня! остритъ надъ бабенкой какой-то весельчакъ.

— Эге, курку! Курка й соби здастця! задорно отвѣчаетъ бабенка и скрывается въ толпѣ.

А вотъ по ряду, гдѣ продаются шапки, брыли и картузы, пробирается высокаго роста съ длинными, густыми черными усищами, въ какомъ то неопредѣленномъ на головѣ шлыкѣ, уже совсѣмъ не молодой, но увѣренный въ своемъ достоинствѣ дядько. Онъ видимо кого-то ищетъ изъ продавцовъ, заглядая черезъ головы людей, толкающихся взадъ и впередъ по этому же ряду. Вотъ онъ, наконецъ нашелъ того, кого такъ давно искалъ.

— Здрастуйте, господынъ Грякъ!

— Здрастуйте, господынъ Шпакъ!

— А шо въ вашимъ гамазыни для мене шапка есть?

— Есть! Выбирайте яку любля!

— Ну, оця скильки просе за себе.

— Карбованця!

— А полтынныка не визьме вона?

— Ни, це дило не вкыпыть!

Отвѣтъ произносится такъ рѣшительно и такъ безапеляціонно, что «господынъ» Шпакъ, должно быть, человѣкъ столь же рѣшительный, какъ и самъ «господынъ» Грякъ, немедленно отходитъ въ другую сторону, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы искать себѣ уже не Гряка, а какого нибудь Сороку или Горобця.

А въ ряду, гдѣ повыставлены деревянныя лопаты, желѣзные заступы, большія, среднія и малыя кадочки, дубовыя съ толкачами салотовки—тамъ свои продавцы и свои покупатели. Вотъ возлѣ кучки деревянныхъ лопатъ давно уже стоитъ и давно переворачиваетъ сверху до низу товаръ мѣстный панъ дьякъ, сѣдой, сухощавый и мощеообразный на видъ, съ длинной косичкой на-

зади. въ новомъ, ради праздника, нѣсколько просторномъ не по фигурѣ подрясникѣ. Это Илья Хведоровичъ Сливицкій, когда то въ дни далекой молодости, славившійся своимъ веселымъ нравомъ, который приводилъ его не разъ то въ «Капернаумъ», то въ «Кану галилейскую», а теперь утвердившій за собой репутацію великаго знатока церковнаго устава и глубокаго и тонкаго истолкователя брюсовскаго календаря. О, это знаюка, великій знаюка! Онъ и самому отцу Парѳентію, «якъ колы, то подъ нисъ пынхвы пиднесе», онъ давно бъ уже и попувавъ», такъ нельзя ему черезъ то, что онъ «другу жинку держитъ», т. е. что на второй женѣ женатъ. Онъ замѣчательно удачно предсказываетъ (по Брюсу!) погоду на каждый день, а также заранѣе объявляетъ, въ какой странѣ и когда именно родится «мудрѣйшій царевичъ или великій завоеватель принцъ»... Илья Хведоровичъ давно уже усердствуетъ возлѣ кучки лопатъ, въ который разъ онъ уже переворачиваетъ ее, въ который разъ онъ беретъ въ руки то одну, то другую лопату, но никакъ не можетъ выбрать по своему вкусу: то ему нужно пошире, но чтобы она вмѣстѣ съ тѣмъ была и «замашна»; то ему надо по-толще, но чтобы она была и легка. А главный секретъ состоитъ въ томъ, что продавецъ «цурувавъ» за лопату 25 копѣекъ, а Илья Хведоровичъ давалъ ему 15 и только послѣ цѣлаго часа торга сдѣлалъ прибавку въ пять копѣекъ. Такая неуступчивость съ одной стороны и стойкость съ другой доводили и продавца и покупателя чуть ли не до изнеможенія, и когда все это окончилось бы — неизвѣстно, если бы въ этотъ торгъ не вмѣшался проходившій мимо «панокъ», тотъ самый, который велъ бесѣду съ гребенщекомъ: уважая Илью Хведоровича за его глубокую начитанность въ святомъ письмѣ и еще больше того за тонкое пониманіе брюсовскаго календаря, онъ подарилъ ему новенькій бумажный рубль и тѣмъ разрубилъ Гордіевъ узелъ между Ильей Хведоровичемъ и продавцомъ. Послѣ этого Илья Хведоровичъ скоро сошелся съ тугимъ продавцемъ и съ неописанной радостью понесъ лопату домой, пробуя ее на пути то правою, то лѣвою рукой и тѣмъ желая убѣдиться, «чи вона замашна, чи вона незамашна, чи вона важка, чи вона неважка». Отъ цежъ и выбралы, Илья Хведоровичъ, лопату, такъ лопату! Це така, що вже сама буде кыдать... Здорови булы»! «Здорови»! «На ярмарку»? На ярмарку...»

Въ томъ же ряду, но нѣсколько въ глубь, поставлено множество всякихъ размѣровъ скрынь или деревянныхъ росписныхъ

сундуковъ. Тутъ главнымъ образомъ торгуются батьки и въ особенности матери, которые имѣютъ взрослыхъ дочерей и готовятъ приданое имъ. При покупкѣ скрыни главное вниманіе обращается на то, чтобы она была расписана яркими красками и изукрашена цвѣтами, какъ на крышкѣ, такъ и на бокахъ, въ особенности же спереди, чтобы она была окована крупными полосками желѣза, чтобы она имѣла замокъ съ громкимъ и протяжнымъ звономъ и чтобы подъ ней были колеса для свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, а внутри былъ бы небольшой «прискрыночокъ» для иголокъ, нитокъ, намыста, кораллов и тому подобныхъ мелкихъ вещицъ. Самыми цѣнными скрынями считаются тѣ, которыя сдѣланы въ «губерніи», т. е. въ самомъ городѣ Екатеринославѣ. Вотъ возлѣ одной такой скрыни давно уже, чуть ли не съ самаго ранняго утра, торгуются «чоловикъ и его жинка»; уже нѣсколько разъ они то приступали къ продавцу, то отступали отъ него, дѣйствуя то совмѣстно, то порознь другъ отъ друга. Они давно уже и во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣли скрыню, и пробуя крѣпость желѣзныхъ петлей, и прислушиваясь къ звону замка, и осматривая прочность деревянныхъ колесъ, и любуясь яркостью красокъ и фигурностью цвѣтовъ. Уже нѣсколько разъ они и перекатывали скрыню съ одного мѣста на другое, нѣсколько разъ и переворачивали ее съ одного бока на другой и нѣсколько разъ ставили ее «на попа»—скрыня и такъ, и сякъ выходила хоть куда, да одна бѣда: продавецъ слишкомъ «велыку суму цурувавъ» за нее, а именно: «ажъ висимъ карбованьцивъ зъ четвертакомъ».

— Та уступить такы, земляче, хочъ одынъ карбованьчикъ, спасыби вамъ!

— Неможно, ни якъ неможно! Бо ця скрыня,—самы бачыте,—роблена не де, якъ у губерніи.

— Та мы бачымо, добре бачымо, а все жъ такы, слухайте, земляче, усе жъ такы скостить шо-небудь зъ восьмы! Молода буде за васъ и лягаючи и вставаючи Бога молыть. Скостить такы, господынъ купець, спасыби вамъ!

— Шо жъ якъ неможно! Я бъ и радъ, такъ скрыня жъ губерньска: у самому Катерынославі роблена. Онъ пидить до того дядька,—у того скрыни зъ Крылова, то той и дешевше вамъ виддасть.

— А шо жъ ты думаешъ на счетъ Крылова? Крыловъ тоже не поганый городъ, а скрыни въ нёму роблятця таки, шо, може,

краще й губернськыхъ скрынь. Ось идить сюды лышень, панiматко, то я вамъ покажу таку скрыню, що не тилько въ губернiи, а й во всiй ымперiи не найдете такои.

Но паниматка хорошо знаетъ, что одно купить «дочци» скрыню «губерньску» и другое купить скрыню «негуберньску»,—слава совсѣмъ не та: о губернской скрынѣ будетъ знать все село, и это можетъ послужить приманкой для богатыхъ жениховъ. И потому торгъ за «губерньску» скрыню снова возобновляется и снова длится два-три часа. Наконецъ, скрыня куплена и торжественно перекатывается прямо съ ярморочной площади домой. Каждый встрѣчный, идя на ярмарку или возвращаясь съ нея, увидя перекатываемую черезъ площадь скрыню, непремѣнно остановится, осмотритъ скрыню со всѣхъ сторонъ, спроситъ о цѣнѣ, похвалитъ краски, похвалитъ удивительно разрисованные на ней цвѣты, выслушаетъ, какъ звонко звонитъ въ скрынѣ замокъ, пожелаетъ будущей молодой, столько счастья, сколько можетъ вся скрыня вмѣстить въ себѣ, и потомъ послѣ всего того отойдетъ прочь, а купившiе катятъ свою скрыню домой еще съ большимъ торжествомъ. У самыхъ воротъ паниматку встрѣчаютъ сосѣди и сосѣдки, также осматриваютъ скрыню со всѣхъ сторонъ, такж удивляются замѣчательнымъ на ней цвѣтамъ и замѣчательному звону замка: «Отъ скрыня, такъ скрыня! Та ще й на колесахъ! Та ще й зъ прыскрынкомъ! Теперъ такъ, що, Марьянко, хочъ за королевича замижъ выходь»...

А между тѣмъ ярмарка идетъ своимъ чередомъ. Люди пока еще не убываютъ изъ нея, а все прибавляются. Рано вскочившее въ тотъ день солнце поднялось уже довольно высоко и вступило во всѣ свои права. Сообразно съ этимъ и ярмарка развернулась во всю ширь и оттого на ней становилось все многолюднѣй и шумнѣй. Вотъ въ одномъ ряду площади слышно, какъ жиды, жидовки и жиденята, крича, картавя и гарькавя на всякiе голоса, надрываются до упаду, зазывая подъ свой навѣсъ дивчатъ, молодицъ и пожилыхъ бабъ и предлагая имъ разные ситцы, платки, квиткiи, стричкiи, очипки, панчохи и тому подобныя вещи женскихъ одѣянiй и убранствъ. Въ другомъ ряду изъ цѣлаго моря разнообразныхъ голосовъ отчетливо раздается голосъ продавца кабановъ и свиней, который божится-клянется, въ ротъ землю кладетъ для того, чтобы увѣрить покупателя въ необыкновенныхъ свойствахъ своихъ свиней, изъ коихъ одна два раза въ годъ даетъ по 15, а

другая по 18 поросятъ; а кабанъ, если поднимется на заднія лапы, такъ станетъ по плечи «отъ тому высокому жандарму Андрію, що стереже генеральскій двиръ». При этомъ свиньи, привязанныя за одну или за двѣ ноги къ возамъ и безцеремонно подталкиваемыя покупщиками, кричатъ благимъ матомъ на всѣ ряды; свиньямъ вторятъ пронзительнымъ и неистовымъ крикомъ поросята, уложенные подъ возами въ мѣшкахъ. Изъ третьяго ряда несутся задорные и дикіе крики цыганъ, которые обступили толпой цѣлый гуртъ лошадей и всѣ разомъ, на всякіе голоса, кричатъ, галдятъ, машутъ руками, передергиваютъ плечами, всячески хуля и ни вочто ставя лошадей продавцевъ и беззастѣнчиво расхваливая собственныхъ заѣзженныхъ и затасканныхъ клячъ: для этого они быстро вскакиваютъ на своихъ коней верхомъ и тутъ же съ гикомъ и крикомъ носятся, какъ оглашенные, по ярморочной площади и потомъ вызывающе и со свойственнымъ имъ цыганскимъ выговоромъ кричатъ: «А що, земляче, яка коняка! Та така одна моя бильшъ стое, нижъ твоихъ тры! Та ця коняка въ саме пекло вскоче, ще и назадъ выскоче! Та вона за тры дни и трехъ охапкивъ сина не зъисть. Це така коняка, шо вона въ мене одними кизяками годуетця! Ось дывысь, ось дывысь»! И цыганъ для доказательства того, что его коняка одними кизяками годуется, поднимаетъ съ земли конскій кизякъ и суетъ его своему коню въ ротъ. Конь, пріученный къ тому заранѣе, беретъ въ ротъ кизякъ и преспокойно его жуетъ. «Отъ то бисовы цыганы, чому тилько воны не навчать своихъ коней, абы тилько нашого братчика обдурять»!.. Въ четвертомъ ряду, стоитъ сплошной безпрерывный и густой гулъ: тамъ продаютъ и покупаютъ воловъ. Тутъ уже не прытью надо удивлять, а удивлять тѣмъ, чтобы волы были крѣпки на ногу, тверды на рогъ, тащили пудовъ 60 клади, ѣли очень мало сѣна и были бы друзьями-товарищами хозяину. «Тутъ, чоловиче й волы, тутъ уже й волы: и простори, тай подывысь же ты самъ, у якому тили воны. Це таки волы, що тилько имы хаты перевертать: якъ на кого сердытый, то зачепы хату канатомъ, а до каната пидведы оцихъ воливъ, то вона тилько шелесне уверхъ. Тутъ, сказать тоби, дядьку, и волыкы! тутъ же и волыкы! Оцей сирый круторогый вилъ, такъ винъ чуе, чимъ ты и дышешъ, чого ты й хочешъ, — не вилъ, а друзяка! Навалы на нього хуру, а самъ лягай у середыну воза тай спы якъ у хати на печи: винъ и чорного за собою поведе и тебе додому привезе; а якъ прыйде пидъ

ворота, то стане та ще й зареве: уставай, бачь, хозяину, ось до дому прыбулы! Одно слово, вилъ такый, шо онъ якый!» Зато ужъ и торгуются здѣсь! Вотъ тутъ-то именно, а не гдѣ въ другомъ мѣстѣ и сложилась поговорка: «Торгуются якъ за вола». Сколько разъ покупщикъ подходитъ къ продавцу и сколько разъ онъ отходитъ отъ него! Сколько разъ продавецъ клянется, что его волы стоютъ не менѣе, какъ двѣсти карбованцевъ «на молодця» и сколько разъ покупщикъ разувѣряетъ его, что за нихъ и сто карбованцевъ такъ и то много дать! Сколько разъ они хлопаютъ другъ друга по рукамъ и сколько разъ осматриваютъ воловъ, пробуя каждаго изъ нихъ и за рога и за копыта, дергая и за хвостъ, и за уши, «чи не сухоребрый вилъ бува, чи твердый у нёго ригъ, чи надежни копыта, чи цупкый хвистъ, чи гарячи вуха». Они и уговариваютъ другъ друга, и усовѣщеваютъ, и ублажаютъ, при чемъ одинъ называетъ другого товарищемъ, землячкомъ, другой величаетъ перваго сябромъ, кумкомъ, и все-таки, не сойдясь въ цѣнѣ, расходятся прочь. «Хай его грець визьме! Тилько руку набылы, такъ шо и не вдержышъ, а воливъ такъ и не купылы!.. Но зато ужъ если сойдутся, то тутъ бьютъ полу объ полу, бросаютъ свои шапки на землю, крестятся на всѣ на четыре стороны широкимъ крестомъ, кладутъ на спину воловъ комки сырой земли съ тѣмъ, «щобъ воны здорови та гладки булы», высказываютъ другъ другу самыя благія пожеланія и въ концѣ концовъ, разсчитавшись вочистую, непремѣнно идутъ въ корчму запивать могарычъ: безъ могарыча нѣтъ и дѣлу конца «старыци костурямы миняютця, тай то могорычъ пьють, а тутъ же жъ чоловикъ та продавъ другому пару воливъ, — не шутка!» Но и это еще не все: продавецъ, получивши отъ покупателя деньги, непремѣнно долженъ бросить ему въ полу «срибный золотый», т.-е. серебряную двадцатикопеечную монету, потому что иначе волы не пойдутъ новому хозяину въ руку, и только послѣ всего этого «сваты» расходятся въ розь.

А вотъ въ самой срединѣ площади, куда сходятся концами всѣ торговые ряды, воздухъ громко оглашается рѣзкими и высокими голосами нищихъ слѣпцовъ и ихъ хлопчаковъ-мѣхоношъ. Слѣпцы и мѣхоноши надрываютъ свои голоса, вытягиваютъ всѣ жилы и всѣ мускулы на шеѣ и на лицѣ, выводя духовныя пѣсни и «сальмы», т.-е. псалмы про страшный судъ, про праведнаго Лазаря, про злую «хортуну» обѣднѣвшаго богача: «Та якъ бувъ я багатъ, то всякъ мени радъ, якъ ставъ я харпакъ — всякъ каже дуракъ: та прощай увесь мыръ, —

я пиду въ манастырь! Я кости ссушу, а душу спасу. Та лежы, моя кисть, лежы не двыжы! Лежы не двыжы, страшного суду жды! Страшный судъ прыйде—всимъ дило найде». Свое душераздирательное пѣніе слѣпцы, по обыкновенію, сопровождаютъ громкой и рыпучей игрой на «реляхъ», т.-е на деревянныхъ съ нѣсколькими струнами и съ круглыми валиками лирахъ. И православные люди, проходящіе мимо слѣпцовъ, слезно умиляются отъ такихъ божественныхъ «сальмъ» и тутъ же опускаютъ въ чашечки, поставленныя передъ слѣпцами прямо на землѣ, свои трудовыя денежки— кто копеечку, кто—двѣ, а кто и три... «Оцей слипець найбильше всихъ грае: яку хочешъ, таку и загра, а найчаще Лазаря гра»..

А поодаль отъ круга слѣпцовъ стоитъ съ открытыми дверями и веселая корчма. Ее густо и со всѣхъ сторонъ облѣпили, какъ облѣпляютъ пчелы ульи въ ходкій майскій день, дѣды, дядьки и парубки. Изъ глубины ея слышатся тонкіе звуки симпатичной сопилочки и любимаго украинцами музыкальнаго инструмента бубна: «Ду-ду-ду! ду-ду-ду!! ду-ду-ду!!! Ду-ду-ду-ду-ду-ду!» Уже издали слышно, какъ подъ звуки бубна кто-то молодецки отдираетъ такого трепака, отъ котораго дрожитъ полъ, дрожатъ стекла, дрожатъ стѣны корчмы. «Эхъ, штаны мои, шаровары, та ще й дома трое!»— «Тай бреше жъ собачій сынъ: одни, якъ есть, тай ти позычени!..» «Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачывъ ты чудасію? Якъ попова кобыла поросята водыла, поросятокъ прывела, а имъ исты не дала, поросята пыщать—воны исты хотять, воны исты схотилы та знялыся— полетилы, та знялыся-полетилы, на дубъ-дерева силы. Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачивъ ты чудасію? Якъ у поли мужыкъ штаньмы рыбу ловывъ, штаньмы рыбу ловывъ тай медведя зачепывъ, ой, нуда-ну-да-ну-да тай медведя зачепывъ...» Вотъ изъ корчмы выходятъ подъ руку два задушевныхъ пріятеля. Пошатываясь въ разныя стороны, одинъ въ правую, другой въ лѣвую, они медленно выбираются на дорогу и, еле-еле ворочая заплетающимися языками, продолжаютъ вести раньше того начатую бесѣду.

— Кумъ, кумъ! Слухай сюды, кумъ! Я ему пиднесу, я ему, тому Завирюси, покажу... Я... я чоловикъ строгый, я ему... кумъ, слухай сюды, кумъ! Я ему по-ка-жу, я ему съ тимъ, що пиднесу...

— А, це ты вныятъ изъ корчмы,— трясьця тоби въ печинкы! Неожиданно налетаетъ на «строгого чоловика» его любая жиночка. А полотно де дивъ, що я дала тоби продать?

— Продавъ!

— А гроши куды сховавъ.

— У корчму!

— Чи не ты жъ зарикавсь, чи не ты жъ запрысягавсь, що до вику не пидешъ у корчму?

— И зарикавсь! И запрысягавсь? Такъ що жъ якъ ти гроши та дуже кругли! Якъ идешъ мымо корчмы, такъ самы и котятця туды!

— Такъ ось я жъ тоби докажу, такъ ось я жъ тоби покажу, такъ ось я жъ тоби пиднесу-пиднесу!.

И «любая жиночка» начинаетъ подносить своему «строгому чоловику» кулаки и въ спину, и въ затылокъ, и въ бока. Но чоловикъ» какъ будто и не слышитъ ничего, что преподноситъ ему жена, точно видя передъ собой не жену, а ничтожнаго комара.

— Кумъ, слухай сюды, кумъ!..

Но кума уже давно и слѣдъ простылъ: завидя жиночку своего любезнаго куманька, онъ собралъ всѣ свои слабыя силы и «швыденько» свернулъ влѣво отъ корчмы и потомъ скоро скрылся въ глубинѣ своего двора.

Вдругъ ко всему этому гаму, крику, визгу, шуму, стону, говору и гулу прибавляется еще протяжный и рѣзкій звонъ, несущійся съ панскаго двора: «То благовистять у генерала на обидъ»

И такъ, прощай, роскошная ярмарка, со всѣми твоими дидами, дядьками, молодичками, парубочками и дивчатками! Я оставляю тебя надолго, можетъ быть даже навсегда!..

...Прошло пять дней, какъ пять часовъ, со времени достопамятной ярмарки, и я долженъ былъ покинуть дорогую моему сердцу Кошенятовку. Мнѣ подали къ главному парадному балкону хорошій экипажъ, запряженный четверкой лошадей. Когда я, сердечно простившись съ дорогимъ владѣльцемъ Кошенятовки, сѣлъ въ экипажъ, то меня три раза обвезли вокругъ устроеннаго среди двора цвѣтника. Хозяинъ, стоя на балконѣ съ открытой головой всякій разъ, когда лошади подвозили меня подъ балконъ, радостнымъ голосомъ привѣтствовалъ меня: «А, здравствуйте, дорогой Димитрій Ивановичъ! Очень радъ, очень радъ видѣть васъ у себя! Прошу пожаловать къ намъ еще и еще!..» И такъ до трехъ разъ, и только послѣ третьяго раза кучеръ направилъ лошадей къ воротамъ, и нашъ экипажъ выскочилъ со двора. Это дѣлалось по данному заранѣе приказанію домохозяина для того, чтобы пріятный ему гость не забывалъ и на будущее время его домъ.

Уже за барскимъ садомъ мои лошади обогнали какой-то возъ, прикрытый сверху драным̆ъ рядномъ, въ который была запряжена толстая, какъ бочка, рыжей масти, съ длинною, густою и всклокоченною гривой, старая кобыла, и я увидѣлъ на возу, въ старенькомъ подрясникѣ, въ широкомъ брылѣ и съ сѣдой косичкой, Илью Хведоровича, мѣстнаго пана дьяка. Онъ везъ со двора въ поле навозъ и, примостившись на кончикѣ воза, подложивъ подъ себя клочекъ сухой соломы, чувствовалъ себя, повидимому, въ самомъ радужномъ настроеніи, потому что не спѣша, протяжно и съ большимъ воодушевленіемъ пѣлъ начало духовной пѣсни: «Всемырную сла-а-а-ву отъ человѣкъ прозя-а-а-бшую и-и-и-и...» Но! А и лукава жъ у мене оця бисова кобыльчина! Но!..»

— Прощайте, дорогой Илья Хведоровичъ!

— Прощайте, добрый панъ! На станцію?

— На станцію, Илья Хведоровичъ!

— Пріѣзжайте ще въ нашу Кошенятовку!

— Пріѣду, непремѣнно пріѣду!..

Черезъ два-три часа я уже былъ у станціи Перещепиной, а тамъ черезъ два съ половиной дня и въ Петербургѣ.

Въ поискахъ за фамильными документами.

ДНО время меня сильно занималъ вопросъ о томъ, гдѣ и въ какомъ количествѣ росли въ бывшихъ запорожскихъ владѣніяхъ лѣса. Какъ и гдѣ добыть свѣдѣнія о лѣсахъ? Естественнѣе всего было бы обратиться къ древнимъ картамъ и планамъ Украйны и Запорожья, какіе дошли до нашего времени, и найти на нихъ отвѣтъ на данный вопросъ. Но просмотрѣвъ всѣ такіе планы и карты, я нашелъ въ нихъ слишкомъ общія указанія, а потому для полученія болѣе подробныхъ, рѣшился обратиться къ спеціальнымъ геометрическимъ планамъ XVIII вѣка, какіе въ большинствѣ случаевъ имѣются въ экономіяхъ крупныхъ, среднихъ и даже нерѣдко мелкихъ владѣльцевъ. Для этого нужно было сдѣлать въ извѣстномъ направленіи объѣздъ отъ одного владѣльца къ другому, спросить у каждаго изъ нихъ старые планы имѣнія и пересмотрѣть всѣ помѣтки, какія обыкновенно дѣлаются на нихъ. Еслибы такіе планы оказались сочиненными даже и въ XIX вѣкѣ, то все таки въ нихъ будутъ повторены всѣ указанія плановъ и предшествовавшаго XVIII вѣка. Такіе планы интересны еще и въ томъ отношеніи, что, кромѣ указаній о количествѣ десятинъ пахотной земли и лѣсныхъ угодій, доставшихся въ собственность тому или другому владѣльцу, они даютъ также указанія и на то

кому изъ запорожскихъ козаковъ въ извѣстной мѣстности, до паденія Сѣчи, принадлежалъ данный участокъ земли.

Мое вниманіе прежде всего заняла сѣверная область Запорожья, между двумя лѣвыми притоками Днѣпра, текущими параллельно другъ другу, Орелью и Самарью, область, бывшая предметомъ нескончаемыхъ и всегда жаркихъ споровъ между запорожскими козаками съ одной стороны, и гетманскими съ другой. Эта окраина по справедливости считалась у запорожцевъ самою богатою изъ всѣхъ областей ихъ обширныхъ владѣній, потому что имѣла въ себѣ множество озеръ у береговъ названныхъ рѣчекъ и нѣсколько тысячъ десятинъ прекраснаго корабельнаго, черной и хвойной породы, лѣса. Въ эту-то мѣстность, гдѣ нѣкогда у запорожцевъ были паланки, самарская, орельская и протовчанская, а теперь новомосковскій уѣздъ, екатеринославской губерніи, я въ одно изъ лѣтнихъ каникулъ и направился. Посѣтивъ много большихъ, среднихъ и малыхъ имѣній и вездѣ встрѣтивъ полную готовность со стороны владѣльцевъ и владѣлицъ служить мнѣ всяческими указаніями, я, наконецъ, направился въ одну изъ приорельскихъ деревень, принадлежавшую нѣкоей помѣщицѣ Онисьѣ Степановнѣ Кулябкѣ, слывшей во всемъ уѣздѣ за очень скупую, подозрительную и необщительную особу.

— Теперь куды жъ це мы зъ вамы посунымось? спросилъ меня мой кучеръ, Михайло Нызькый, уже сдѣлавшій со мной довольно много и въ разныхъ направленіяхъ объѣздовъ и переѣздовъ и при всемъ томъ нисколько не устававшій отъ того; напротивъ, стремившійся все впередъ и впередъ.

— А куды жъ? До Онисьи Степановны Кулябки, онъ куды!

— Ну, тамъ не буде ниякого дила.

— Чомъ такъ?

— А ось самы побачыте, чомъ такъ.

— Ну, та заихаты жъ треба.

— Та якъ треба, то й треба.

И мой возница, какъ бы для полной убѣдительности того, что «заихати» дѣйствительно «треба», хлеснулъ своихъ лошадей, которыхъ онъ называлъ «кабаньцями», такъ какъ онѣ, по малости роста и по откормленности, дѣйствительно походили на кабанцовъ, и мы быстро покатили по направленію къ деревнѣ Нечипайловкѣ.

Не доѣзжая деревни, мы увидѣли въ степи множество скирдъ

сѣна, уцѣлѣвшихъ еще отъ прошлаго и даже запрошлаго лѣта, и я узналъ, что всѣ они принадлежатъ владѣлицѣ Нечипайловки, какъ и множество стоговъ пшеницы, недавно свезенной въ помѣщичій токъ. Вдали отъ господскаго тока, на ровной и покрытой травою степи, мы увидѣли также необозримыя стада овецъ, охранявшіяся двумя старыми чабанами съ четырьмя хлопцами—подпасками и шестью «кудлатыми, ухатыми, мордатыми и лапатыми» псами. При въѣздѣ въ самую деревню намъ перешла, поперекъ пути, дорогу какая-то рябая баба, и мой возница, сплюнувъ въ ея сторону отъ негодованія, энергично выругался.

— А шобъ тоби понызче пупа чортивъ купа!

— То за шо жъ такъ?

— А за то, шо счастя намъ перебигла. Це вже такъ, шо хочъ вертайсь назадъ.

— Ни, вже катай уперёдъ!

И мы подъѣхали къ воротамъ усадьбы. На встрѣчу намъ, изъ воротъ, вышелъ гуртъ рослыхъ сѣрой или, говоря помѣстному, сивой масти, на диво откормленныхъ воловъ; въ слѣдъ за волами быстро пронесся со двора въ степь черезъ ворота табунъ молодыхъ, крѣпкихъ и выхоленныхъ лошадей. Весь дворъ оказался обнесеннымъ деревянными, ладно и какъ бы заново сдѣланными, сараями и деревяннымъ же и высокимъ заборомъ. Въ концѣ двора, противъ воротъ, стоялъ длинный, въ одинъ этажъ, тщательно выштукатуренный и тщательно выбѣленный, крытый желѣзомъ и выкрашенный ярко-зеленой краской помѣщичій домъ или, какъ тамъ обыкновенно говорятъ, «будынокъ». За «будынкомъ» книзу тянулся прекрасный тѣнистый садъ, а за садомъ свѣтлой полосой извивалась тиховодная рѣчка Орель. Ко всему этому, въ разныхъ куткахъ двора, масса домашней птицы, какъ то: куръ, гусей, утокъ, индюковъ, цыцарокъ, наполнявшихъ весь панскій дворъ разными голосами и криками. Словомъ, по всему видно было, что въ такомъ уютномъ уголку живетъ очень хорошая хозяйка, окруженная всѣми удобствами деревенской жизни и пользующаяся оттого во всемъ идеальнымъ довольствомъ.

Подкативъ подъ самое крыльцо, я сошелъ съ брички, поднялся по деревяннымъ ступенькамъ на деревянное же крыльцо и очутился у парадной двери. Такъ какъ дверь была наглухо заперта извнутри, то я ждалъ до тѣхъ поръ, пока мой кучеръ не добился того, что меня впустили въ домъ. Войдя черезъ переднюю въ

просторную, но довольно грязную, очень мрачную и непривѣтливую гостинную, я не нашелъ въ ней никого изъ хозяевъ и потому и тамъ долженъ былъ ждать нѣсколько времени, пока, наконецъ, ко мнѣ не вышла сама владѣлица дома и всего имѣнія. Это была уже далеко не молодая, средняго роста и средней плотности особа, на видъ спокойная, съ большимъ самообладаніемъ, съ нескрываемымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ нѣсколько прищуренными и какъ бы впивающимися въ собесѣдника маленькими сѣраго цвѣта глазками, одѣтая въ какое то допотопнаго покроя платье, прикрытое сверху длинной росписной, также довольно древнихъ временъ шалью. Прежде чѣмъ выдти въ залу, она долго и таинственно съ кѣмъ то шушукалась за дверью, отдѣлявшую залу отъ внутреннихъ покоевъ, и только послѣ нѣкотораго времени вошла ко мнѣ, раскрывъ передъ собою дверь въ залу.

Я представился хозяйкѣ, назвавъ свое имя, отчество, фамилію, званіе и цѣль пріѣзда. Хозяйка попросила меня присѣсть на стулъ у стола, сама же, занявъ мѣсто противъ стола на диванѣ, выразила желаніе вторично услыхать мою фамилію и цѣль моего къ ней пріѣзда. Удовлетворивъ ея желанію, я обратился къ ней съ покорнѣйшею просьбою показать мнѣ ея владѣльческіе планы для того, чтобы узнать по нимъ количество десятинъ лѣса данной мѣстности въ прошломъ столѣтіи. Самая невинная моя просьба, по первому же требованію и тотчасъ исполнявшаяся другими владѣльцами, повергла Онисью Степановну въ крайнее недоумѣніе, и она, прикусивъ свою нижнюю губку, впала въ глубокое раздумье. Наступила та неловкая пауза молчанія, какая обыкновенно приводитъ просителя въ смущеніе, тѣмъ болѣе непріятное, чѣмъ отказъ въ его просьбѣ неожиданнѣе. Видимо Онисья Степановна внутренно боролась сама съ собой и, услыхавъ, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни, подобную просьбу, не знала, какъ ей на нее и отвѣтить. Однако, чувство предосторожности, свойственное ея натурѣ, взяло верхъ надъ другими соображеніями, и Онисья Степановна на мою просьбу очень мягко и даже, можно сказать, очень нѣжно отвѣтила мнѣ.

— Видите, голубчику мой, я женщина слабая, сырая, и меня всякъ, кто и не захочетъ, можетъ обидѣть.

Я сталъ увѣрять Онисью Степановну, что совершенно чуждъ того, чтобы обижать кого бы то ни было; что моя цѣль состоитъ единственно въ томъ, чтобы добыть необходимыя для научныхъ

интересовъ свѣдѣнія безъ всякой мысли нарушать чьи бы то ни было законныя права на собственность.

— Вѣрю вамъ, голубчику мой, вполнѣ вѣрю; но если бъ вы знали, сколько теперь на свѣтѣ развелось коварныхъ людей? Вотъ хоть бы мой сосѣдъ, Семенъ Петровичъ Малявка! Всѣ люди, какъ люди, а это такой нерукотворэнный злодій, такой нерукотворэнный злодій, что вы себѣ и представить не можете! Засудился онъ, видите ли, со мной съ тѣмъ, чтобы отнять у меня часть лужочка моего, приснаго, законнаго, дѣдизнаго лужэчка. Я и туда, я и сюда, я ему и права давности, я ему и родовыя бумаги, я ему и купчія крѣпости, такъ куда тамъ: мой да и только! Что жъ вы думаете, голубчику мой, я тогда сдѣлала? Недолго думавши, приказала моему кучеру Ермолаю запречь пару конячекъ въ тарантасъ и отвести меня до ближайшей станціи желѣзной дороги. Сѣла я, голубчику мой, въ вагонъ, котораго раньше того никогда и не видала, сѣла со страхомъ и трепетомъ, осѣнила себя крестомъ да и покатила прямо въ Петербургъ. Какъ пріѣхала я это въ Петербургъ, да прямо въ сенатъ, къ самымъ, что ни на есть старшимъ сенаторамъ. Тутъ я имъ и давай излагать свое дѣло, и давай излагать, а потомъ какъ взяла въ руки законы, какъ развернула да какъ прочитала ихъ господамъ сенаторамъ, такъ они всѣ только ахнули отъ удивленія: «Ну, сударыня, вы хоть и женщина, а дѣйствуете совершенно помужски»!.. И съ тѣмъ, голубчику мой, что выиграла свое дѣло, а Семену Петровичу, извините за мое слово, кукишъ на постномъ маслѣ поднесла.

Тутъ Оннсья Степановна Кулябка, какъ бы для большей наглядности дѣла, сложила изъ трехъ перстовъ своей правой руки извѣстную всему человѣчеству фигуру и энергично протянула вправо отъ себя, по направленію къ Семену Петровичу Малявкѣ.

И что же вы думаете, голубчику мой, унялся послѣ того мой безбожный сосѣдъ? Ничуть нѣтъ! Онъ проложилъ черезъ мой же лужэчокъ дорогу да и давай гонять по ней свой скотъ въ степь. Такъ и меня жъ Господь умудрилъ! Я съ самаго ранняго утречка, какъ только благословится на свѣтъ, выйду на мой лужэчокъ, разложу середъ дороги коврикъ да и лежу себѣ на немъ: тутъ ужъ ему или вертайся назадъ домой или переѣзжай черезъ меня. Но и онъ, стервоносъ, тоже не дуракъ: терпѣлъ-терпѣлъ, а потомъ что же бы вы думали, измыслилъ? Подъѣхалъ со своими харцызами, взялъ за всѣ четыре угла мой коврикъ да вмѣстѣ со

мной и снесъ съ дороги, а самъ и проскочилъ, куда ему нужно. Ну, я жъ ему за то и «отместила»: посадила вмѣсто себя бабу, и та ему показала на коврѣ такой театръ, что онъ съ тѣхъ поръ уже за десять верстъ объѣзжалъ мой лужокъ... Мелашка! Мелашка! Принеси-ка мнѣ скамеечку подъ ноги! Ну й прислуга жъ теперь! Чистые разбойники, что въ Муромскихъ лѣсахъ; все бъ имъ красть да бѣжать, а не то, чтобъ за господами присмотрѣть да за ихъ интересъ постоять... Такъ вотъ какъ я, голубчикъ мой, съ моимъ сосѣдомъ-то, Малявкою, разочлась.

— Да, вы Онисья Степановна, просто таки геніальная женщина.

— Э, голубчику мой, какая тамъ гынінльная,—это вы просто мнѣ кукліменты говорите, во всемъ томъ одинъ Господь: Господь умудряетъ слѣпыхъ, Господь возводитъ низверженныхъ. Вотъ я женщина слабая, сырая, и всеблагій Богъ умудрилъ меня.

— Такъ какъ же, достойнѣйшая Онисья Степановна, на счетъ документиковъ, нельзя ли ихъ въ самомъ дѣлѣ посмотрѣть?

— Да я, право, голубчичокъ, и сама не знаю, есть ли они теперь у меня на лицо, или нѣтъ. Думаю, что гдѣ нибудь находятся въ судѣ... Да, они таки точно въ судѣ... Мелашка! Мелашка!.. Ахъ, какая теперь стала подлая прислуга!.. Мелашка! Прійди ка сюда да заложи мнѣ подушечку за спину, а то какъ то у меня сегодня спину разломило, ужъ не къ дождю ли?.. Ну, что же ты стоишь, какъ очумѣлая! Заложи подушку, говорю тебѣ, за спину, да смотри шаль то, шаль мою не помни .

Мелашка, босоногая, заспанная, грязная съ особеннымъ специфическимъ запахомъ, только ей одной свойственнымъ, какъ-то робко и подобострастно исполнила приказаніе своей барыни и немедленно удалилась изъ залы, оставивъ послѣ себя характерный запахъ.

Чтобы замять какъ-нибудь разговоръ о документахъ, я перешелъ къ другой темѣ, для чего спросилъ Онисью Степановну о древностяхъ.

— Нѣтъ ли у васъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, какихъ-нибудь древностей: оружія козацкаго, посуды какой-нибудь, платья— вѣдь вы живете въ такихъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ.

— Какія у меня, голубчику мой, могутъ быть древности? Я, хотя особа и запорожскаго званія, но въ древностяхъ, голубчикъ мой, ни

не понимаю. Вотъ на моей землѣ какъ-то мужички нашли металическую вазу, такъ я продала ее одному тутъ господину, который собираетъ древности, за 300 рублей, да боюсь, что очень продешевила.

— Какая же это ваза?

Охъ, и не спрашивайте, родной мой: столько въ ней было мѣди, столько мѣди, что и вымолвить страшно... Боюсь, что крѣпко продешевила.

— Если въ самомъ дѣлѣ въ вашей вазѣ было много мѣди да еще, поди, и были поверхъ ея какія-нибудь изображенія, то вы точно таки продешевили.

— Вотъ подите же! Извѣстно, я женщина простая, слабая. Тутъ Онисья Степановна впала въ полное отчаяніе, и чтобы вывести ее изъ этого состоянія, я вновь обратился къ ней съ вопросомъ.

Вотъ, Онисья Степановна, ѣдучи къ вамъ, я видѣлъ на вашей степи какой-то древній каменный крестъ съ надписью,—кажется, надъ могилою какого-то козака. Не позволите ли, почтеннѣйшая Онисья Степановна, сдѣлать мнѣ раскопочку подъ тѣмъ крестомъ,— авось тамъ найдутся какія-нибудь козацкія древности.

— Ахъ, Боже мой, какіе вы страхи разсказываете? Да развѣ это можно?

— Можно, Онисья Степановна, я имѣю на то разрѣшеніе.

— А кому жъ тѣ древности будутъ принадлежать?

— По закону вамъ.

А правительство до нихъ не касается?

Нѣтъ, это неотъемлемая собственность владѣльца.

— Ну, ужъ Богъ съ ними, съ тѣми древностями,—я боюсь и думать о томъ, чтобы кости христіанскія тревожить.

Снова наступила минута молчанія, которую на этотъ разъ нарушила уже сама Онисья Степановна.

— А скажите, родной мой, какъ же это надо копать курганы?

На такой вопросъ я сообщилъ Онисьѣ Степановнѣ всѣ пріемы раскопокъ кургановъ: и она нѣсколько разъ переспрашивала меня о различныхъ мелочахъ, касающихся раскопокъ, а потомъ неожиданно предложила мнѣ такой вопросъ.

— Скажите же, голубчичокъ мой, не даетъ ли правительство средствъ владѣльцамъ для раскопокъ кургановъ?

— Даетъ, Онисья Степановна, но въ такомъ случаѣ оно отбираетъ всѣ найденныя древности уже себѣ. Да вы бы, достой-

нѣйшая Онисья Степановна, сами на свои средства сдѣлали расконку.

— Какія тамъ, родной мой, у меня средства! Я въ такомъ «крутыческомъ» положеніи, что чистая бѣда: тутъ возьму—туды отдамъ, тамъ возьму—сюды отдамъ, да такъ и крутюсь... Насъ, голубчичокъ мой, было у родителя цѣлыхъ шесть дочерей и одинъ сынъ, и у покойничка былъ такой порядокъ, что на всѣхъ шесть дочерей только и была одна пара башмаковъ свинячьей кожи; когда же у насъ случался балъ,—а балы таки у насъ бывали,—то вотъ это одна сестра надѣнетъ башмаки, выйдетъ въ залъ, протанцуетъ съ кавалеромъ, и сейчасъ-же скрывается въ другую комнату, тамъ передастъ башмаки другой сестрѣ; другая также выйдетъ въ залъ, протанцуетъ и также скрывается изъ залы: послѣ второй въ тѣхъ же башмакахъ выходитъ третья; да такъ по очереди въ однихъ и тѣхъ же башмакахъ и перетанцуютъ всѣ шесть, а уже послѣ танцевъ башмаки на весь вечеръ достаются одной старшей сестрѣ: она одна и расхаживаетъ въ нихъ съ кавалерами по залѣ, а младшія въ другой комнатѣ сидятъ да только въ щелочку черезъ двери на кавалеровъ смотрятъ... А ежели батюшка разщедрится было да купитъ какой-нибудь дочери отдѣльные башмаки, то она должна беречь ихъ больше, нежели собственныя подошвы: «Собственную подошву разрѣжешь, убытка отцу не принесешь, а подошву въ башмакѣ разорвешь—убытокъ отцу принесешь ... И все это черезъ что, голубчикъ мой? Черезъ недостатки отца. А вы думаете, что я богаче моего отца? Что у меня есть земля, такъ это и богатство? Что теперь земля? Теперь только и можетъ жить тотъ, у кого есть свободный капиталъ. Земелька растетъ только подъ дождь, а процентики съ капитала безъ дождика еще лучше ростутъ: тогда заемщики сами прійдутъ къ вамъ, да еще сколько разъ наклаяняются вамъ, пока вы соблаговолите деньжинекъ въ займы дать... Будь у меня свободный капиталъ, вы думаете, что я не раскопала бы какой-нибудь могилы на моей землѣ? И раскопала бы, такъ не откуда деньжатокъ взять...

При этихъ словахъ Онисьи Степановны мнѣ невольно вспомнились и скирды сѣна, и стога пшеницы, и необозримыя отары овецъ, и гурты воловъ и табуны лошадей, и, наконецъ, множество птицы, составлявшихъ безраздѣльную и неотъемлемую собственность Онисьи Степановны.

Но Онисья Степановна продолжала тянуть свою жалобную ноту.

— Да и то сказать вамъ, это дѣло очень трудное, надо самой наблюдать за всѣмъ, а то вѣдь, сами знаете, какой теперь народъ сталъ. Зулусы, настоящіе зулусы! Все растащутъ и ничего увидѣть не дадутъ. А самой наблюдать—нужно здоровье имѣть. Мое же здоровье, охъ, какъ плохо! какъ плохо! и послѣдней свынарьци такого не желаю...

Нужно, наконецъ, сказать, что Онисья Степановна старалась говорить по литературному, но часто закидала помалороссійски, и потому у нея вмѣсто «свинаркѣ» выходило «свынарьци», т. е. той самой послѣдней изъ рабовъ, которая пасетъ свиней.

Нечего и говорить о томъ, что такая жалоба со стороны Онисьи Степановны на слабость своего здоровья нисколько не соотвѣтствовала дѣйствительности. Но, не желая выставлять себя неблаговоспитаннымъ человѣкомъ, я старался, слушая Онисью Степановну, выразить на моемъ лицѣ живѣйшее сочувствіе несчастной, угнетаемой тяжкими недугами, страдалицѣ.

— А не знаете ли вы, голубчикъ мой, кому бы мнѣ продать старые журналы да газеты,—ихъ у меня такъ много, что я не знаю, куда мнѣ ихъ и дѣвать.

— А развѣ вы, Онисья Степановна, такъ много читаете?

—- Нѣтъ, это читалъ мой родной братъ кромѣ того онъ выписывалъ и «Отечественныя Записки», и «Современникъ», и «Дѣло», и «Вѣстникъ Европы», и «Голосъ» и нѣсколько столичныхъ газетъ, а теперь, когда онъ умеръ, такъ я все и думаю, кому бы это всѣ его книги распродать. Можетъ быть, и вы купили бы что-нибудь для себя.

— Нѣтъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, я этого товара не покупаю,—съ этимъ вамъ нужно обратиться въ столицу къ кому-нибудь изъ букинистовъ.

— Къ какому-же именно изъ букинистовъ?

— Да ихъ тамъ многое множество.

— Обманутъ подлецы, непремѣнно обманутъ! Вотъ развѣ обратиться къ господину Грецюку?

— А кто жъ этотъ господинъ Грецюкъ?

— Это тотъ, что газету издаетъ въ Москвѣ Грецюка.

— Ахъ, это, вѣроятно, господинъ Гатцукъ, а не Грецюкъ.

— Да это все равно, голубчикъ мой: Грецюкъ, Гарцюкъ или

Гатцюкъ,—я вотъ выписываю его газету и онъ, вѣроятно, не откажетъ мнѣ сбыть всѣ мои книги кому-нибудь изъ московскихъ букинистовъ. Какъ вы думаете, не обратиться ли мнѣ къ нему съ письмомъ?

— А чтожъ попытайтесь, Онисья Степановна, вѣдь попытка— не пытка, а спросъ не бѣда.

— Вотъ и еще братецъ оставилъ мнѣ наслѣдство: цѣлые вороха своего платья и обуви; что съ ними дѣлать—я и въ толкъ себѣ не возьму: дорого спросить—никто не возьметъ, а дешево— жалко отдать; такъ я, знаете, сама кое-что донашиваю, что только можно мнѣ носить.

— Какъ же это такъ?

— А такъ: вотъ въ зимнее время надѣну на себя братца моего чулки, обую сапоги, накину халатъ, да по всѣмъ комнатамъ дома и гуляю, и, знаете, я нахожу, что это и очень тепло и очень удобно, да и, наконецъ, зачѣмъ же, голубчикъ мой, платью даромъ-то пропадать? А? Не правду ли я говорю?

— Конечно, Онисья Степановна, конечно! Но какъ же вы распоряжаетесь братнинымъ бѣльемъ!

— Да кое-что оставляю въ такомъ видѣ, какъ оно и у него было, напримѣръ нижнее бѣлье, а кое-что передѣлываю на свой женскій полъ. Что жъ тутъ подѣлаешь? Вотъ если-бы кто-нибудь далъ за него хорошую цѣну, я бы съ большимъ удовольствіемъ продала,—вы, родненькій мой, не хотѣли бы чего-нибудь пріобрѣсти? Оно какъ разъ бы къ вашему росту пришлось.

Нѣтъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, къ сожалѣнію, я не занимаюсь покупкой бѣлья, какъ не занимаюсь покупкой и старыхъ книгъ, и я думаю, что тутъ уже не поможетъ вамъ и вашъ Грецюкъ.

— Жаль, очень жаль, а такого бѣлья, какъ бѣлье моего брата, рѣдко поискать.

Было уже около часу дня, а между тѣмъ у меня во рту до этого времени и крошки хлѣба не было; въ желудкѣ уже подымался девятый валъ. Было бы совершенно напрасно разсчитывать на гостепріимство Онисьи Степановны, такъ какъ мнѣ хорошо было извѣстно, что у Онисьи Степановны очень рѣдко подаютъ гостямъ даже чай; если же и подаютъ, то пять разъ испитой и завариваемый въ шестой разъ. И потому я, поднявшись и распростившись съ любезной хозяйкой самымъ вѣжливымъ образомъ, удалился ни съ чѣмъ изъ ея привѣтливыхъ покоевъ

Затворивъ за собой парадную дверь и очутившись на крыльцѣ, я увидѣлъ у крыльца какого-то человѣка, который загородилъ мнѣ дорогу и не давалъ возможности спуститься по ступенькамъ внизъ. Я спросилъ человѣка, что ему отъ меня надо, но человѣкъ не отвѣчалъ ни слова на мой спросъ и только какъ-то странно, не то робко, не то вызывающе, смотрѣлъ на меня.

— Что это за фигура такая?

— Та це глухо-нимый,—винъ такъ соби ходе «безъ послѣдствій», отвѣтилъ мнѣ на вопросъ мой же кучеръ, сидѣвшій на передку своей брички и давно уже поджидавшій меня у крыльца.

— Кажешъ такый, шо ходе безъ послѣдствій?

— Такый, шо ходе безъ послѣдствій. Ну, а вы жъ якъ зъ пани Кулябкою?

— Тай я, братику мій, такъ шо безъ послѣдствій.

— А шо чи правду я казавъ, шо не буде дила?

— Правду, козаче! Теперь сидаймо въ брычку тай гайда.

И съ этимъ бричка наша быстро покатила со двора, оставляя за собой цѣлое облако пыли. Сидя въ бричкѣ и взявшись за бока, я хохоталъ до умору; мой кучеръ, глядя на меня и поминутно оборачиваясь то ко мнѣ, то къ своимъ лошадямъ, также смѣялся безъ устали. Я хохоталъ какъ отъ всей сцены, происшедшей между мной и Онисьей Степановной, такъ и отъ того, что я выѣхалъ отъ нея «безъ послѣдствій». И въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ, бывая гдѣ-нибудь, непремѣнно или самъ оставляетъ какія-либо послѣдствія, или же отъ другихъ воспринимаетъ тѣ или другія послѣдствія; я же на этотъ разъ и не оставилъ никакихъ послѣдствій, и уѣхалъ безъ послѣдствій.

— Ну, теперь же куды направымось?

— Теперь думка до Царенка.

— До Царенка?! Какъ-то особенно удивленно переспросилъ меня мой возница.

— До Царенка! А шо?

— До якого жъ? Туть ихъ два Соловья-Розбійныка!

— А до того, шо въ лису живе?

— Якъ шо до того ихаты, то треба браты доброго кійка!

— А для чого жъ того кійка, якъ винъ мене самъ до себе зазывавъ, та ще й казавъ, шо покаже и могылы, и планы, и лисы.

— Покаже винъ вамъ такого, шо вы зъ роду й не бачилы. Це такый у насъ мэхэныкъ, шо противъ нёго и во всій губерніи такого нема.

— Якый же винъ у васъ мэхэныкъ?

— А отъ якый: винъ та его братъ, якъ жилы умисти, то выробылы таке, шо хто ёго зна й яке: визьмуть оце бочку, зроблють въ неи два кранты, одынъ въ одному дни, другой въ другому дни, нальютъ у ту бочку горилки, поставлють іи мижъ двома лижкамы; та одынъ лежыть на своему лижку, точе черезъ крантъ горилку та пье, а другый лежыть на своему лижку, точе черезъ крантъ горилку та пье. А потимъ якъ напьютця, то давай балачку весты.

— А шо, каже меньчій, якъ бы я бувъ хранцузськымъ королэмъ, тимъ, шо Москву бравъ.

— Куды тоби къ чортячому батькови буты королемъ!

— Якъ?

— А такъ! Ось якъ бы я бувъ королэмъ?

— Куды тоби къ нечистій матери буты королемъ?

— Такъ ты такъ старшого брата чтышъ? Такъ ось яжъ тоби лясь! лясь! лясь!

И давай быться. Бьютця-бьюця, а тоди давай мырыться.

— Ну, братику, тай набывъ же ты мени пыку!

— А хиба крипко?

— Дуже крипко!

— Ну, такъ давай же мырытьця! Выпьемо!

— Выпьемо!

И знову лягаютъ на лижко, той на своему, а той на своему, и знову точуть черезъ два кранты горилку та пьють. Пьють-пьють, тоди шо робыть? Достануть дви обычайкы, постановлють ихъ у ризныхъ горныцяхъ, одынъ въ одній, а другый въ другій, понамостють туды пуху, поскыдають зъ себе те, шо у мужыкивъ носытця на очкурахъ, а у панивъ на гудзыкахъ, повлазять въ обычайкы тай давай, не знать, шо вытивать! Одынъ сыдыть та сокоче пивнемъ — «Ко-ко-ко-ко»! А другый сыдыть та шавкае селезнемъ—«Хававъ-хававъ-хававъ-хававъ»!.. Тоди вже подають имъ кожному по здоровенному графиняци горилки, и воны до тыхъ пиръ іи пьють, покы въ обычайкахъ и не поснуть. Такъ отъ таки воны, ти Соловьи-Розбійныкы, шо заместъ гниздъ на дубахъ, та въ обычайкахъ сыдять!

— Веселый же, я бачу, воны и народъ!

— Утишный народъ! А якъ самы побачете, то скажете ще й не те!

Принявъ къ свѣдѣнію все сказанное моимъ возницей, я все-таки рѣшилъ отъ деревни Нечипайловки проѣхать къ селу Чер-

тополохову, составляющему собственность владѣльца Алексѣя Алексѣевича Царенка.

Промчавшись нѣсколько десятковъ верстъ по широкому и гладкому шляху и порядочно истомившись отъ голода и продолжительности пути я, подъ конецъ дня, увидѣлъ на возвышенномъ берегу рѣки Самары большой и очень хорошій барскій домъ и круто свернулъ къ нему съ дороги. Такъ какъ уже совсѣмъ стемнѣло, то во всѣхъ окнахъ дома виднѣлись яркіе огни. Сползши кое-какъ съ брички и расправивъ свои наболѣвшіе отъ продолжительнаго сидѣнія члены, я медленно поднялся на крыльцо дома. Поднявъ совершенно механически голову кверху, я увидѣлъ надъ входной дверью полукругъ большихъ лѣпныхъ буквъ и, пробѣжавъ его глазами, прочелъ слѣдующія слова: «*Входь якъ додому*». Эта лаконическая, но въ высшей степени характерная и много обѣщавшая надпись, сразу ободрила меня, и я смѣло перешагнулъ черезъ порогъ дома и сразу очутился въ обширной передней. Но тутъ моимъ взорамъ представилось нѣчто такое, чего я отъ самаго моего рожденія и до того момента никогда не видалъ. Предо мной стоялъ огромнѣйшаго роста и обширнѣйшихъ размѣровъ, съ черной бородой и съ большими темнокарими выпуклыми глазами мужчина, весь, какъ есть весь, какъ Адамъ первозданный, съ ногъ до головы, нагой, и возлѣ него непомѣрной высоты рыжей масти, съ закарлюченнымъ кверху хвостомъ псище. При видѣ такой картины я невольно оторопѣлъ и попятился было назадъ.

— А, почтеннѣйшій Димитрій Ивановичъ! Очень радъ, очень радъ васъ видѣть у себя! Прошу пожаловать!

Это привѣтствіе сказано было громко, сильно и отчетливо и принадлежало не кому иному, какъ самому Царенку. Что это съ нимъ, подумалось мнѣ, или онъ пьянъ или съ ума сошелъ? И какъ мнѣ тутъ быть? Принимать ли приглашеніе такого домохозяина, или же бѣжать отъ него вонъ? Разумѣется бѣжать! Но какъ же бѣжать противъ ночи да и на чемъ бѣжать? Вѣдь лошади мои сдѣлали въ одинъ день столько десятковъ верстъ... И такъ, волей неволей нужно было покориться судьбѣ и приглашеніе принять.

Войдя изъ передней въ обширнѣйшую залу и бѣгло взглянувъ на всю ея обстановку, я также и здѣсь увидѣлъ нѣчто достойное удивленія: вокругъ всей залы, вдоль всѣхъ стѣнъ, разставлены были

широкія деревянныя лавки и всѣ тѣ лавки устланы были малорусскими плахтами и килимами; другой мебели, кромѣ лавокъ, въ залѣ не было никакой. На лавкахъ валялось нѣсколько человѣкъ, и молодыхъ, и уже довольно пожилыхъ.

— Это все мои приказчики,— рекомендую вамъ: одинъ по конинной части,—никто лучше его не сможетъ ни купить, ни продать коня, а надуть—такъ онъ и самого цыгана на кривой обойдетъ; другой по воловьей части—самый первый плутъ во всемъ уѣздѣ; третій по хлѣбной части,—мошенникъ, какихъ свѣтъ еще не рождалъ; четвертый по лѣсной части,—самому лѣшему нюхательнаго табаку или тертаго хрѣна подъ носъ поднесетъ. Пятый, шестой, седьмой, осьмой, девятый и десятый—все прохвосты и пройдысвиты, а всѣ вмѣстѣ аспиды и василиски, которые ждутъ только того момента, когда я подохну и начну смердѣть, чтобы захватать въ свои цѣпкія лапы все, что тутъ есть въ домѣ, и бѣжать вонъ безъ оглядки изъ него.

Слушая всѣ эти лестные похвалы и эпитеты, никто изъ присутствовавшихъ приказчиковъ ни словомъ, ни выраженіемъ лица не показывалъ ни обиды, ни негодованія; напротивъ того, всѣ принимали слова своего патрона съ веселой усмѣшкой и игривостью.

Изъ залы Царенко перешелъ въ гостиную, и тамъ я увидѣлъ цѣлую компанію мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, весьма почтенныхъ и приличныхъ, вполнѣ благовоспитанныхъ и образованныхъ, которые нисколько не смущались слишкомъ откровеннымъ костюмомъ домохозяина и, поздоровавшись со мной, продолжали горячіе споры о текущихъ земскихъ дѣлахъ, при чемъ старались не отставать другъ отъ друга въ гомерической попойкѣ. Оказалось, что самъ Царенко составлялъ крупную единицу въ цѣломъ уѣздѣ и всѣ дѣла его, что называется, вертѣлъ вокругъ своего пальца.

— Нептусь за мною! крикнулъ громовымъ голосомъ Царенко на своего гиганта-пса и изъ залы вышелъ на открытый балконъ, въ садъ.

— Это что же у васъ?

— Это у меня садъ; за садомъ рѣка Самарь, а за Самарью огромный и вѣковѣчный лѣсъ, подобнаго которому вы не найдете не только въ уѣздѣ, а даже во всей губерніи.

Царенко на этотъ разъ сказалъ правду, и никогда ни раньше, ни послѣ того я не видалъ болѣе крупныхъ и обширныхъ лѣсовъ во всей Екатеринославской губерніи, какъ лѣса самарскіе. Обхо-

дивъ весь садъ и заглянувъ во всѣ его закоулки, налюбовавшись вдоволь тихой и прозрачной рѣкой Самарью, я поспѣшилъ вернуться къ дому съ тѣмъ, чтобы поскорѣе утолить мучившій меня голодъ и поскорѣе получить возможность отдохнуть отъ продолжительнаго и томительнаго пути. Но увы! къ ужину пригласили меня уже далеко за полночь, а ко сну я отошелъ только къ свѣту. Царенко задавалъ своимъ соратникамъ по земскимъ дѣламъ такой пиръ, отъ котораго, казалось, ходилъ ходенемъ весь домъ и содрогалась вся земля, на которой стоялъ этотъ гайдамацкій вертепъ. Хозяинъ всѣмъ и во всемъ подавалъ примѣръ: онъ пилъ буквально за десятерыхъ, а ѣлъ за восьмерыхъ. Его друзья передавали мнѣ за фактъ, что онъ можетъ съѣсть за одинъ разъ 60 вареников и можетъ выпить, для осажденія вареников, столько же огромныхъ чарокъ водки. Тѣ же друзья Царенка разсказывали, что однажды онъ былъ въ гостяхъ у кого-то изъ своихъ сосѣдей, увидѣлъ тамъ старинный прекрасной работы кубокъ и сталъ просить хозяина подарить ему рѣдкую вещь. Хозяинъ долго не уступалъ, а потомъ согласился, но съ условіемъ, если Царенко выпьетъ подъ рядъ три бутылки коньяку. Тогда Царенко, взявъ въ одну руку всѣ три бутылки, а въ другую кубокъ и, ставъ среди гостиной, выпилъ сперва одну бутылку, выйдя въ переднюю, выпилъ другую, потомъ, сѣвъ въ сани,—а дѣло было зимой,—выпилъ третью. затѣмъ повалился на бокъ и какъ вихрь умчался домой...

Такъ вотъ въ такой-то вертепъ и къ такому-то герою и занесла меня судьба.

На слѣдующій день, по пробужденіи отъ сна, я почувствовалъ себя такъ скверно, что пришелъ къ положительному рѣшенію бѣжать изъ села Чортополохова вонъ. Но едва только я освѣдомился о моемъ человѣкѣ, какъ мнѣ сказали, что онъ уже давно отпущенъ и уже давно выѣхалъ изъ села. Итакъ я оказался въ плѣну и въ плѣну не сиренъ-красавицъ, а страшнаго Соловья-разбойника. Не имѣя никуда выхода изъ Чортополохова, я прожилъ поневолѣ въ немъ нѣсколько дней и за это время успѣлъ достаточно присмотрѣться и оцѣнить его замѣчательнаго владѣльца.

Начать съ того, что Царенко несомнѣнно сильная натура и человѣкъ далеко недюжиннаго ума. Не получивъ никакого образованія и не имѣя никакихъ связей, онъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ забрать въ свой мощный кулакъ всѣхъ большихъ и малыхъ дѣятелей уѣзда и какъ хотѣлъ, такъ и орудовалъ ими.

О Царенкѣ, какъ человѣкѣ замѣчательно находчивомъ и замѣчательно способномъ, ходитъ масса различныхъ разсказовъ не только въ уѣздѣ, но и во всей губерніи: нѣтъ такого, самаго тяжелаго и самаго затруднительнаго положенія, изъ котораго бы Царенко не вышелъ полнымъ героемъ и побѣдителемъ. Если у Царенка скопится нѣсколько экстренныхъ дѣлъ, то онъ ложится, совершенно нагой, на диванъ, призываетъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ писарей и тутъ же въ одно и тоже время, но въ различной формѣ, диктуетъ отношенія, просьбы и предписанія: одному въ судъ, другому въ банкъ, третьему въ канцелярію губернатора, четвертому въ земскую управу. Если Царенку нужны экстренно двѣ-три тысячи рублей денегъ, а дома ихъ не оказывается и не у кого перехватить, то онъ недолго думая, садится въ экипажъ, вихремъ приносится въ городъ, подъѣзжаетъ къ какой-нибудь хлѣбной конторѣ, является къ управляющему и, объявивъ себя землевладѣльцемъ такого-то уѣзда, предлагаетъ конторѣ купить у него нѣсколько тысячъ пудовъ пшеницы, которой у него въ дѣйствительности на тотъ разъ вовсе и нѣтъ и не предвидится. Контора принимаетъ предложеніе крупнаго землевладѣльца, выдаетъ продавцу задатокъ и проситъ его въ извѣстный срокъ доставить товаръ наличностью. Но Царенку нужно было получить только одинъ задатокъ. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ онъ съ такимъ же шикомъ подлетаетъ къ конторѣ и заявляетъ управляющему, что такъ какъ въ данное время цѣна на хлѣбъ уже нѣсколько понизилась, то невыгодно ли будетъ конторѣ взять свой задатокъ обратно; ему же самому выгода отъ того будетъ та, что онъ оставитъ полностью у себя весь хлѣбъ для вновь открытаго на собственной землѣ водочнаго завода. И контора, довольная такимъ оборотомъ дѣла, съ удовольствіемъ принимаетъ назадъ свой капиталъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ уходитъ изъ конторы Царенко, такъ какъ ему нужно было перехватить денегъ только на недѣлю или на двѣ и не больше того. Иногда Царенко хватаетъ на свою удочку денежныхъ тузовъ, употребляя для того совершенно иной пріемъ. Вотъ онъ совершенно выбился изъ денегъ и никакъ не можетъ достать не только тысячи, а даже и одной сотни рублей. Тогда онъ запрягаетъ въ карету шестерикъ прекрасныхъ лошадей, беретъ съ собой двухъ ливрейныхъ лакеевъ, пріѣзжаетъ въ какой-нибудь городъ, останавливается въ самой лучшей гостинницѣ, занимаетъ 5 — 6 комнатъ, дѣлаетъ визиты важнѣйшимъ тузамъ города, открываетъ у себя пріемы по самымъ раз-

личнымъ дѣламъ и, потомъ объявивъ о какомъ-нибудь чрезвычайно прибыльномъ предпріятіи, находитъ для своего дѣла и компаніоновъ и капиталъ... Практикуетъ Царенко для добыванія денегъ и такіе пріемы: ни съ того, ни съ сего распуститъ слухъ о находкѣ гдѣ-нибудь, не то въ сенатскомъ, не то въ монастырскомъ архивѣ, документовъ бывшаго нѣкогда въ Малороссіи наказнаго гетмана Павла Полуботка, который будто бы оставилъ огромное, въ 20 милліоновъ, наслѣдство въ какомъ-то голландскомъ банкѣ на извѣстный срокъ, и теперь, по истеченіи срока, капиталъ долженъ поступить въ руки наслѣдниковъ завѣщателя. Гдѣ хранится такой документъ—знаетъ только одинъ Царенко. И вотъ къ нему летятъ отовсюду и предложенія и деньги отъ родственниковъ завѣщателя на выручку капитала изъ голландскаго банка. А этого ему только и надо...

Но большею частью Царенко обходится и безъ такихъ крайнихъ средствъ: онъ хорошо знаетъ натуру и жида, и нѣмца, и русскаго дворянина: обращаясь къ жиду съ просьбой о займѣ денегъ, онъ напоминаетъ ему, что если тотъ не дастъ денегъ, то не получитъ и стараго долга; обращаясь къ нѣмцу, онъ грозитъ ему, что если нѣмецъ откажетъ ему въ кредитѣ, то увидитъ передъ собой вмѣсто живого мертвый Царенка трупъ; обращаясь къ русскому дворянину, онъ дѣйствуетъ на его благородныя чувства и подаетъ надежду оказать ему помощь въ какихъ-нибудь земскихъ дѣлахъ.

Подобною находчивостью Царенко и побѣждалъ всѣхъ. Но кромѣ того для господства надъ другими Царенко располагалъ и чисто внѣшними данными, всегда обаятельно дѣйствовавшими и дѣйствующими на толпу. Обладая колоссальнымъ ростомъ, страшною физическою силой («винъ піймае вовка за вуха тай держыть»), красивою наружностью, громовымъ голосомъ, сильнымъ воображеніемъ, находчивымъ умомъ и рѣдкою, можно сказать, до наглости, смѣлостью, Царенко представлялъ собой того библейскаго «льва рыкающаго», котораго люди, ради собственной безопасности, или старались ублажать всякими уступками, или старались обходить стороной ради цѣлости своихъ боковъ. Этотъ герой являлъ собой яркій примѣръ анахронизма: онъ ошибкою родился двумя вѣками позже, и дѣйствуй Царенко въ XVII, а не въ XIX вѣкѣ, онъ былъ бы несомнѣнно кошевымъ атаманомъ во всемъ Запорожьѣ. Недаромъ же по предкамъ онъ былъ запорожецъ! Теперь же его сила, его умъ и изобрѣтательность или тратились по мелочамъ,

или же выражались въ уродливой и даже пошлой и звѣрской формѣ. Такъ, стремясь къ разнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, Царенко устроилъ у себя какой-то «трепельный» заводъ, въ которомъ добывалъ никому ненужный пепелъ для чистки мѣдной посуды и разсылалъ безплатно пачки этого пепла во всѣ концы собственной губерніи и далеко за предѣлы ея. Но бѣда не въ заводѣ самомъ по себѣ, а бѣда въ томъ, что Царенко насильно сгонялъ въ свой заводъ и старыхъ и малыхъ своего села и заставлялъ ихъ съ самаго ранняго утра и до самой поздней ночи, въ страшно душной, тѣсной и пыльной атмосферѣ, работать за самую ничтожную плату, старшимъ отъ 15 до 20 копѣекъ въ день и младшимъ отъ 5 до 10 копѣекъ за 16 часовъ. И несчастные крестьяне, имѣющіе жалкій земельный надѣлъ, постоянно нуждающіеся въ землѣ и потому связанные по рукамъ и по ногамъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, къ тому же большимъ воротиломъ въ уѣздѣ по земскимъ дѣламъ, волей неволей исполняли всѣ его не только заурядныя, но даже и самыя дикія требованія. Не зная ни въ чемъ препоны, Царенко требовалъ отъ всѣхъ крестьянъ самаго усерднаго себѣ почитанія, и горе тому несчастному мужичку, который, при проѣздѣ Царенка по селу, не вскочитъ на ноги, не сниметъ съ головы шапки и не привѣтствуетъ добрымъ здоровьемъ «Его Высокородія». На такого человѣка Царенко бросается съ нагайкой въ рукѣ и полосуетъ его по чемъ попало до тѣхъ поръ, пока несчастная жертва, обливаемая собственною кровью, не упадетъ на землю и, валяясь у ногъ человѣка-звѣря, не вымолитъ себѣ пощады.

Но вотъ Царенко отъ попоекъ и дикихъ расправъ переходитъ къ совершенно другимъ дѣламъ: онъ начинаетъ рыть курганъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы найти въ немъ сокровища. Роетъ упорно нѣсколько дней подъ рядъ, но курганъ такой величины, что раскопка его хватитъ еще на нѣсколько дней. И у барина, и у рабочихъ энергія уже начинаетъ ослабѣвать. Тогда Царенко, воспользовавшись образовавшеюся въ курганѣ, отъ верху и до низу, глубокой трещиной, выхватываетъ изъ своего боковою кармана толстый бумажникъ со всѣмъ наличнымъ, заключающимся въ немъ капиталомъ, и бросаетъ его въ глубокую щель для того, чтобы такъ или иначе не отстать отъ кургана и волей неволей докопать его до конца. И онъ дѣйствительно докапываетъ. Но о результатахъ своихъ раскопокъ разсказываетъ столько небылицъ, что подъ конецъ и малое дитя отказывается вѣрить ему.

Отъ раскопокъ кургановъ Царенко переходитъ къ ѣздѣ на тройкѣ лошадей. Для этого ему подаютъ нарочно сдѣланный и крѣпко окованный желѣзомъ возокъ, запряженный тройкой самыхъ бѣшенныхъ и неудержимыхъ лошадей. Царенко садится въ возокъ и несется сперва по шляху, а потомъ прямо по степи съ такимъ гикомъ и крикомъ, съ такимъ шумомъ и гамомъ, что православные люди, завидя издали мчащуюся по степи тройку вороныхъ лошадей, въ ужасѣ бросаются въ сторону отъ нея и, творя крестное знаменіе, молятъ Бога пронести страшную бурю мимо нихъ. А Царенко, одѣтый помалороссійски, въ широчайшія синія шаровары, въ бѣлую съ мережками и съ алой стежкой сорочку, опоясанный яркокраснымъ, заткнутымъ концами назадъ, поясомъ, въ сивой смушковой на бекрень шапкѣ, летитъ по степи, какъ страшный сказочный богатырь, не переводя духа, не видя впереди себя людей и не чуя подъ собой земли. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что Царенко, влѣзая въ свой экипажъ, никогда въ немъ не сидитъ, а непремѣнно сляжетъ на бокъ и въ такомъ положеніи скачетъ во весь духъ.

Но этого мало. Царенко дѣлалъ еще и такъ: прикажетъ подать тройку лошадей, пригласитъ съ собой кого-нибудь изъ пирующихъ съ нимъ гостей, сядетъ въ возокъ, распалитъ лошадей какъ львовъ, потомъ поднимется съ мѣста, броситъ возжи за дугу и дастъ полный просторъ взбѣшеннымъ лошадямъ, которыя бѣгутъ, куда попало сломя голову. Въ такой прогулкѣ сопровождалъ Царенка однажды какой-то мѣстный батюшка, усердный поклонникъ Бахуса, и, выскочивъ изъ экипажа въ страшную минуту, когда лошади подбѣжали къ какому-то оврагу, жестоко поплатился своей физіономіей. Проскакавъ такимъ образомъ два-три часа по степи, Царенко возвращается назадъ и съ тѣмъ же гикомъ и крикомъ подкатываетъ подъ крыльцо своего дома. А въ домѣ его давно уже ждетъ толпа тѣхъ же, съ прибавкою новыхъ, гостей. И вновь начинается гомерическая попойка и тутъ же попутно производится дикая надъ кѣмъ-нибудь расправа. Вотъ Царенко нашелъ, что поваръ дурно приготовилъ какое-нибудь кушанье. Онъ выскакиваетъ изъ-за стола, бросаетъ въ столовой гостей, а самъ бѣжитъ въ поварскую и начинаетъ тамъ таскать за волосы повара. Изъ поварской слышатся крики, самая непристойная брань, лязгъ ножей и вилокъ, стукъ разбиваемой посуды.

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ сценъ я больше не въ силахъ былъ оставаться у Царенка. Не смотря на то, что Царенко, пообѣщалъ подарить мнѣ всѣ найденныя имъ въ курганѣ очень цѣнныя, золотыя и серебряныя, древности съ условіемъ только еще нѣсколько времени прогостить у него, я все-таки твердо рѣшилъ бѣжать отъ него, объявивъ ему, что мнѣ необходимо выѣхать въ такое-то село и просилъ его дать мнѣ для того лошадей. Послѣ долгаго сопротивленія Царенко, наконецъ, уступилъ, и слѣдующимъ днемъ, утромъ, я рѣшилъ оставить его домъ. Мы пожелали доброй ночи одинъ другому и разстались навсегда.

Раннее утро. Мягкій свѣтъ только что началъ прорываться черезъ легкія занавѣски, спущенныя надъ окномъ моей комнаты. Я всталъ съ постели и изъ своей комнаты вышелъ въ залу, а изъ залы пробрался въ переднюю. Тутъ черезъ раскрытую дверь, ведшую изъ передней въ кабинетъ, я увидѣлъ на широкомъ турецкомъ диванѣ спящимъ, въ совершенно откровенномъ костюмѣ, Царенка и возлѣ него лежащимъ съ передней лапой, закинутой на грудь хозяина, страшнаго Цербера-Нептуся, и мнѣ почудилось, будто передо мной два необъятныхъ, дышащихъ огнемъ, вулкана. Выйдя изъ передней, я очутился на каменномъ крыльцѣ и тутъ вспомнилъ о надписи, сдѣланной надъ главной входной дверью — «Входь якъ додому». А «выходь» какъ? невольно я спросилъ самъ себя. А «выходь» какъ тать. И я ушелъ какъ тать... Захвативъ съ собой свой походный чемоданчикъ и верхнее платье, я спустился внизъ, къ правому берегу Самари и сталъ всматриваться въ рѣку. Самарь, окутанная легкимъ утреннимъ туманомъ, тихо покоилась въ своемъ живописномъ ложѣ, окаймленная по обоимъ своимъ берегамъ высокими, стройными и густолиственными деревьями, и отдавала пріятною влагой; легкіе водяные пары, отдѣлявшіеся отъ рѣки, садились на мое лицо, на руки и дѣлали влажными мои волосы, выбившіеся изъ-подъ шляпы. Въ одной изъ небольшихъ ложбинъ я увидѣлъ бричку, запряженную парою лошадей и, влѣзши въ нее, велѣлъ человѣку выѣзжать на проселочную дорогу. Проѣхавъ нѣсколько времени по проселочной дорогѣ, мы выскочили на открытый шляхъ и къ вечеру того же дня были уже далеко отъ села Чортополохова, оставшагося въ моей памяти навсегда.

Мнѣ на моемъ вѣку больше не пришлось видѣть Царенка, но объ удивительныхъ дѣяніяхъ его приходилось слыхать не разъ. Въ

особенности удивителенъ былъ, по разсказамъ, его конецъ. Какъ-то раннею весной, когда въ рѣкѣ Самари особенно много было воды, переправлялся черезъ нее паромъ, переполненный людьми. Дойдя до средины рѣки, паромъ началъ тонуть. О томъ узналъ Царенко и немедленно бросился спасать людей. Проработавъ въ рѣкѣ нѣсколько часовъ, по самое горло въ водѣ, Царенко схватилъ жестокую простуду, которая перешла потомъ въ скоротечную чахотку. Царенко сдѣлался подъ конецъ изъ необъятнаго толстяка необыкновенно худъ. Зная о томъ, каковъ предстоитъ ему исходъ, Царенко нисколько не унывалъ, и уже за нѣсколько минутъ до своей кончины потребовалъ себѣ графинъ водки и большую рюмку. Наливъ полную рюмку водки, онъ взялъ ее въ руку, подержалъ нѣсколько минутъ въ рукѣ и потомъ, снова поставивъ рюмку на столъ, трагически произнесъ: «Иное дѣло хотѣть и иное дѣло мочь» и съ этими словами склонилъ голову и бездыханнымъ повалился на диванъ.

Три неожиданныя встрѣчи.

Въ 1883 году, въ одинъ изъ іюльскихъ знойныхъ дней, ѣхалъ я на парѣ бойкихъ обывательскихъ лошадокъ, запряженныхъ въ такъ называемую нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика съ придѣланнымъ къ ней дышломъ напереди и съ широкой колыской наверху. Путь мой лежалъ отъ села Дибривки, александровскаго уѣзда, къ селу Славгороду, того же уѣзда. Впереди на моемъ пути, лежали большое село Покровское, деревня Богодаръ, село Николаевка и за ними нѣсколько небольшихъ одинокихъ и удаленныхъ отъ дороги поселковъ и хуторковъ. Все это обширное пространство степи нѣкогда составляло часть вольностей или владѣній запорожскихъ козаковъ и входило въ кальміускую паланку, т. е. область или уѣздъ. Степь отъ страшнаго лѣтняго зноя частію совсѣмъ лишена была травы и совсѣмъ почернѣла, тамъ, гдѣ по ней уже прошелся острый плугъ; частію все еще покрыта была травой, тырсой или ковылемъ, тамъ, гдѣ плугъ не касался степи, но пожелтѣла, выцвѣла и сдѣлалась совершенно безжизненна и суха. Вслѣдствіе этого и лошади и сами путники, отъ зноя и полнаго степного безвѣтрія, чувствовали себя какъ бы угнетенными и подавленными. Къ счастью, однако, солнце мало-по-малу уже стало «сбиваться» къ западу, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ еще часъ-два пройдетъ, и тогда для насъ настанетъ нѣкоторое облегченіе. Я сидѣлъ въ такъ называемомъ креслѣ или колыскѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенной при помощи толстыхъ ремней на стѣнки брички. и слегка

покачивался изъ стороны въ сторону, наклоняясь то правымъ, то лѣвымъ бокомъ на ту или другую сторону брички. Покойное сидѣніе и жаркій воздухъ убаюкивали меня. Передо мною, на передней дощечкѣ, сидѣлъ возчикъ, типичный новороссійскій хохолъ, бѣлокурый, съ длинными, уже довольно посивѣвшими, такъ называемыми «дротяными» усами, съ короткой, давно не бритой, щетинистой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ зеленаго цвѣта поясомъ, въ большихъ «постолàхъ» на ногахъ и въ высокой барашковой на головѣ шапкѣ, не смотря на лѣтнюю жару. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на ходу и вскользь замѣчанія моего возчика, носившаго фамилію Чернаго, сразу давали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора. Онъ давно уже обращался ко мнѣ то съ однимъ, то съ другимъ вопросомъ, но я, находясь въ полубодрственномъ, въ полудремлющемъ состояніи или вовсе не отвѣчалъ ему, или отвѣчалъ, но не впопадъ. Вотъ перебѣжали мы одну балочку, тамъ другую, тамъ третью и, наконецъ, вскочили въ обширное и многолюдное село Покровское, раскинувшееся вдоль праваго возвышеннаго берега рѣки Волчей, или Волчьихъ-Водъ, и помчались по широкимъ чистымъ и кое гдѣ, то тамъ, то сямъ, усаженнымъ желтыми акаціями, улицамъ. Вотъ мы очутились и у веселой корчмы, главнѣйшимъ указателемъ которой была пустая фляжка, надѣтая на высокій, воткнутый въ соломенную крышу, шестъ, слегка качавшаяся отъ воздуха и какъ бы тѣмъ самымъ зазывавшая къ себѣ людей, проѣзжающихъ мимо нея.

— Пане, а пане, шо я вамъ хочу сказать?

— Кажы, якъ шо есть, шо казать.

— Вы не знаете, якъ я страждàю видъ жывота?

— Ни, не знаю! А якъ ты страждаешъ видъ жывота, то ты бъ побувавъ у дохтуря Цыганка, то винъ бы тебе и пидличивъ.

— Я й бувъ у нёго!

— Шо жъ винъ тоби сказавъ?

— Шо винъ мени сказавъ? Чуднè сказавъ! Ты, каже, хлопче, не чимъ другымъ не можешъ вылечиться, якъ горилкою: якъ будешъ ихать мымо корчмы, такъ и не мынай. Отъ шо винъ мени сказавъ! Чудный дохтурь!

— Прямо шо чудный! Ну, якъ винъ тоби таке сказавъ, то пивертай уже до корчмы...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, оставивъ пріятную корчму, двинулись въ дальнѣйшій путь. Переѣхавъ въ бродъ каменисто-песчаное дно рѣки Волчьихъ-Водъ, мы очутились въ деревнѣ Гнидиной и потомъ вновь покатили по широкому шляху, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись бѣленькія, чистенькія крестьянскія хатки, сложенныя изъ такъ называемаго лимпачу, т. е. необожженнаго на половину съ соломой, на половину съ землей, кирпича, и поверхъ кирпича тщательно смазанныя «крейдой» и подведенныя внизу, по прысьбамъ, «жовтогорячей» глиной.

— Ну, якъ же теперь твій жывитъ?

— Теперъ такъ, шо хочъ у Москву, а бо ще й дали! Одно слово, теперъ зовсимъ байдуже́!

— Тоби байдуже́, а мени такъ шко́да?

— Видъ чо́го вамъ шко́да?

— Видъ пропа́сныци, чи видъ хыньди: уже скилько день сыдыть у мене внутри, и ниякъ я іи не выжену звидтыля.

— Одъ пропасныци? Хи, одъ пропасныци я таке слово, знаю що якъ тильки скажете, такъ тутъ ій и капецъ: завтря жъ, або пислязавтря ій и аминь.

— А яке жъ тамъ таке слово ты знаешъ?

— Одъ пропа́сныци треба девьять разъ пидъ рядъ, не отдыхаючи прочытаты ось яки слова: «Ишовъ чоловикъ на святу недилю та найшовъ девьять лошакивъ, изъ девьяты стало висимъ, изъ восьмы симъ, зъ симы шисть, изъ шисты пьять, изъ пьяты чотыри, зъ чотырехъ тры, изъ трехъ два, изъ двохъ одынъ, а зъ одного ни одного; такъ якъ у того чоловика не стало лошакивъ, такъ щобъ у раба божого (имя рекъ) не стало болисти. Дай, Боже, рабу божому (имя рекъ) жовту кисть та червоное мнясо».

— Та ты, бачу, знаючій чоловикъ!

— Та де що розумію!.. Ось тутъ богдаровськый панъ такъ усе изде що лита на тепли воды кота изъ жывота выгонять, а якъ бы винъ давъ мени карбованьця тры гроший, такъ я бъ ему скорійше того кота выгнавъ, нижъ тепли воды! Такъ бы одразу и занявча̀въ! У нѐго ще кажуть, и ремонтысъ есть у нози, и противъ то́го я знаю средство, абы тилько на ти тры карбованьци та ще карбованьцивъ пьять прыбавывъ.

— Шо жъ воно за китъ такый у животи? Чи не катаръ?

— Та, може, й катарь, якъ попанському казать!

— А ремонтысъ?

— А ремонтысъ це така болисть, шо видъ неи рукы та ногы ломе.

— А яки жъ противъ ихъ средства есть?

— Сперше всего заплатыты мени три карбованьця! Це перше средство, а тамъ уже я знайду, якъ треба дило робыть.

— Чомъ же ты не дойдешъ зъ твоимъ средствомъ до пана?

— Эге, туды не моя талія!..

— А, може, ты ще яке небудь средство знаешъ противъ якои хворобы?

— Та де що розумію!

— А шо жъ ты розумiешъ?

— Та отъ якъ заварювать одъ жывота сонящныци, то тутъ треба таки слова казать:

«Лежыть собака середъ дорогы
Роскыдала вси чотыри ногы,
Струснетця — здвыгнетця —
Все лыхо мынетця».

А якъ бабы личать отъ жывота та заварюютъ сонящныци то воны уже прыговарюютъ йнакъ:

«Ходыла я по горахъ та по долынахъ,
Носыла горщыкъ на выллахъ. —
Горщыкъ увирвѐтця тай розибъетця,
А съ тебе все лыхо мынетця,
Съ твого жывота та въ другый жывитъ,
Туды мене позовуть, та й тамъ мени дадуть».

— А якъ жыдъ захворае, такъ для того есть ище йнчи слова.

— А яки жъ для того уже слова?

— А ось яки:

«Бигъ песъ черезъ панськый овесъ,
Якъ не вадыть овсу, такъ и жыдови псу».

Оце и вси слова, тилькы кажы ихъ потыхеньку соби пидъ нисъ; а винъ, той жыдюга, зива та заплющае очи, а винъ зива та круте головою, та ще за те и карбованьця дасть... Це воно и выходе, якъ тамъ кажуть, набалакала-наговорыла, дайте жолобчастого Данила, свердлыты-вечеряты, казавъ батько-полудрабокъ.

— Ну, якъ ты такый знаючій чоловикъ, то, може, ты знаешъ ще й те, чого ця ричка та зветця Вовчымы-Водамы.

— Чого ця ричка зветця Вовчымы-Водамы? Не иначе, якъ одъ вовкивъ: тутъ, мабуть, колысь вовкы-сирманы водылысь, по

чагарныкахъ та по тернахъ, якымы тутъ позаростали, отъ хочь бы у пана Мыхэя, берегы цiеи рички. Теперъ то на кожного вовка чоловикъ сто, або й бильшъ людей, а колысь воно було на кожного чоловика сто, або й бильшъ, вовкивъ. То видъ ныхъ, може, й ричка ця прозвалась Вовчымы-Водамы.

— А чого жъ то у васъ село звется Гныдынымъ?

— То вже одъ якогось запорожця Гныды, такого, шо, мабуть, паршывый та мыршавый бувъ, на гныду схожiй. Тутъ теперь панъ живе, одъ того жъ такы Гныды поколинiе; тилькы винъ себе зве Гнѣдинъ, а народъ всетаки по старому велычà — Гныда тай Гныда. Винъ за крипосне право та скилькы перепоровъ своихъ людей, шобъ не смилы казать Гныда, а казалы бъ Гнѣдинъ, такъ де тамъ! Гныдою такъ и зоставсь! А ото якъ уже мужыкы выйшлы на волю, такъ одынъ гныдивськый чоловикъ, такый, шо чумакувавъ десь у Крымъ по силь, вернувшысь додому зъ дорогы прыйшовъ до пана тай каже: «Оце я, паночку, чумакувавъ у Крымъ та бачивъ тамъ по дорози вашого родыча» — «Якого»? пыта панъ. — «Та пана Вошу». Побачивъ мене тай пыта: «Ты звидкиля, чоловиче»? — «Изъ Гныдынiй», кажу, пане. «А, це звидтиля, де мiй рòдычъ жыве, панъ Гныда? Ну, такъ скажы жъ ему, шо кланяется ему Воша»...

— И шо жъ тому чоловику за таку рэчь одъ пана було?

— А шо? Выгнавъ у потылыцю одъ себе тай бильшъ ничого!. А то якось цей же такы панъ та выихавъ до царьского смотру, — винъ бувъ такый высокый та здоровый и въ гвардiенахъ колысь служывъ. Выихавъ тай стоить у полку. Ажъ ось пидъизжа до него царь Мыколай Павловычъ. Баче, шо такый бравый охвыцерь стоить, тай пыта його: «Какъ хвамылiя»? А винъ мовчить и ничого не каже, — соромытця своеи хвамылiи. «Какъ хвамылiя»? знову пыта царь. А той уже зовсимъ обрябивъ и ни словечка не каже, а тильки стоить та трусытця. Тутъ пидбига до царя якыйсь полковныкъ, держыть ему пидъ козырёкъ тай каже: «Гныда, Ваше Императорское Величество!» Царь подывывсь-подывывсь тоди на Гныду тай каже: «Какая, однако-жъ, огромная Гнида»!...

Послѣ этихъ словъ мой возница сильно оживился, передернулся съ боку на бокъ, потянулъ къ себѣ возжи, ударилъ по лошадямъ длиннымъ кнутомъ, и наша бричка помчалась по твердому, какъ камень, и гладкому, какъ скатерть, шляху. Справа отъ

шляху тянулась синей лентой рѣка Волчьи-Воды, впереди, поперекъ шляха, вилась рѣчка Гайчуръ, тихо катившая свои воды въ Волчью, а въ живописномъ уголку, при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, показывалась на пригоркѣ небольшая усадебка помѣщика Михеева, Богодаръ.

Уже усадебка была совсѣмъ вблизи, когда съ нами случилась весьма обыкновенная, но и весьма непріятная въ дорогѣ исторія: у насъ сломалась ось въ бричкѣ. Такъ какъ поправка брички требовала значительнаго времени, то я оставилъ своего возницу на мѣстѣ, а самъ пѣшкомъ отправился въ Богодаръ. Было уже совсѣмъ темно, когда я добрался до панской усадьбы и подошелъ къ старому запущенному дому. Тутъ я увидѣлъ, что въ одной половинѣ панскаго дома собралось цѣлое сборище парубковъ и дивчатъ, нанятыхъ въ панскую экономію на лѣтнія работы. Такъ какъ дѣло было подъ праздникъ, то въ занятой половинѣ дома было и весело и шумно. Уже издали слышались гулъ и веселые клики. Парубки и дивчата собрались вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы попѣть и поплясать и «пожартовать» между собою. При видѣ, однако, «пана» компанія сперва было стихла; но потомъ, когда этотъ «панъ» заговорилъ «козацкою мовою» и назвался «своимъ чоловикомъ», то парубки и дивчата скоро пришли въ себя и дали просторъ своей волѣ и своей удали. Ничего подобнаго я никогда раньше мнѣ не случалось видѣть. Что за музыка? Что за танцы? Что за парубки-молодцы? Что за дивчата-краличкиі?... На лежанкѣ, у печки, сидитъ дядько Ѳома Провора, человѣкъ слѣпой: онъ играетъ на «сопилыци»; возлѣ Проворы сидитъ парубокъ Иванъ Нетреба; онъ бьетъ въ бубенъ; за Нетребою сидитъ хлопецъ Василь Котъ; онъ стучитъ въ заслонку. Музыканты ударили сперва козачка. Компанія стоитъ и какъ бы нѣмѣетъ отъ восторга, какъ бы набирается духу, чтобы потомъ пуститься въ адскій плясъ, «А ну, хлопци! А ну, хлопци! А ну, хлопци»!... Но хлопцы все стоятъ и не двигаются съ мѣстъ. А между тѣмъ забористая музыка несомнѣнно дѣйствуетъ на нихъ; больше того, она давно уже подмываетъ молодцовъ къ пляскѣ, но только нѣтъ такого смѣльчака, который бы всѣмъ другимъ начало показалъ... Но вотъ одинъ молодецъ не выдержалъ. Онъ громко свистнулъ, выскочилъ на средину хаты, вдругъ перебросился черезъ голову, ударилъ ладонью по землѣ, потомъ сталъ на ноги и пошелъ выдѣлывать разные «выхылясы», показывать разные «выкрутасы», и выбивать

«гопака». То онъ шелъ все «бокомъ та скокомъ», то присѣдалъ внизъ и ударялъ обѣими руками по землѣ, то вновь становился на ноги и, взявшись въ боки, свистнувъ молодецки, стукнувъ нога объ ногу, ударялъ такого трепака, что вокругъ него пыль поднималась столбомъ, земля звенѣла звономъ... И потомъ вдругъ и неожиданно онъ остановится на одномъ мѣстѣ, обкрутнется самъ вокругъ себя на одной ногѣ, присядетъ на корточки, замететъ своими безмѣрной величины штанищами пыль и снова пойдетъ выбивать, и снова пойдетъ выбивать трепака, да такого трепака, отъ котораго у всѣхъ зрителей невольно духъ захватываетъ. «Фу, ты, бисивъ сынъ! Це чортъ, а не парубокъ»... И посмотрѣть на этого паробка? Чортъ знаетъ, что за черевики на немъ! Это жалкіе осметки, а не обувь: ни каблуковъ, ни подошовъ, пальцы видны, а стукнетъ онъ ими, пріударитъ, такъ кажется, что на каждой ногѣ у него по десяти-пудовому желѣзному молотку. А шаровары на парубкѣ? Вѣдь это выдумать надо подобныя: онѣ широки, какъ степь, глубоки какъ море. Въ нихъ смѣло войдетъ три куля пшеницы или полсотни арбузовъ. Что складокъ на нихъ! Что дегтю! Что пыли!... Но вы посмотрите еще, что за картузъ на парнѣ?! Это не картузъ, а блинъ, настоящій блинъ! Онъ начинается на самомъ остромъ мѣстѣ макушки, а кончается на шеѣ, ниже ворота сорочки. Ни козырька, ни околицы! Блинъ, таки настоящій блинъ! Но за тожъ и сорочка у козака! То шила ему «дивчина, билява Устя, съ тонкимъ якъ тополя, съ гнучкымъ, якъ молода береза, станомъ». Она все искусство употребила на то, чтобы угодить «своёму Захарькови». И вышила та сорочка на диво: «зъ мережками, зъ блакитною стежкою, зъ цяцькованными лыховками»... «Ай, козакъ Захарько! Отъ козакъ, такъ козакъ! Оцё танцюра, такъ танцюра!... Цей и батька свого, Ковалевщенка, превзойшовъ»!... Ану, хлопци, ще цієи»!... И музыканты ударили метелицы. Вся молодежь заволновалась. Теперь всѣ дивчата и парубки побрались за руки и начали круговую пляску. Сколько прелести, сколько граціи здѣсь было! Тамъ «чорнобрыва» Марьяна плыла, какъ плаваетъ «утинка» тамъ дробно выбивала танецъ своими миніатюрными ножками Домаха—«сéрденько, манéнька якъ перепилочка, легéнька якъ перúночка»: тамъ Онися—«ластивочка», съ чорными глазками, стыдливая, вся зардѣвшаяся, какъ красная маковка, поводила своими «рученятами» и мѣрно отчеканивала своими ножками, обу-

тыми въ простые, но очень изящные и ловкіе черевички; а вотъ Лукія, дѣвка большая и рослая выступала такъ нескоро, но зато очень степенно и важно, напоминая собой одну изъ величественныхъ богинь олимпійскаго цикла и представляя изъ себя лакомый кусокъ для молодыхъ парубковъ... «Ай дивчата! Вотъ такъ дивчата! Одно слово, дивчата»!... Это кричалъ мой кучеръ, который уже успѣлъ исправить бричку, поѣхалъ въ слѣдъ за мной и теперь очутился въ хатѣ: оставивъ своихъ лошадей у окна, онъ вскочилъ въ хату, врѣзался въ средину пляшущихъ и въ чемъ былъ—въ высокой шапкѣ, въ кожаныхъ постолахъ на ногахъ и съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ — пустился въ присядку, присвистывая своими губами и понуривъ на бокъ свою уже посивѣвшую голову:

А-ну, грай! А-ну, грай!
Отъ закину заразъ ногы ажъ за спыну,
Шобъ свитъ здывувався, якій я удався!...

...Должно быть, долго продолжались эти пляски; уже мы оставили панскій домъ, уже далеко отъѣхали отъ него, а гулъ все слышался изъ него, а музыка все гудѣла и гудѣла и свистъ все раздавался и раздавался.. Теперь все забылъ я: и степь широкую, и рѣку раздольную и козаковъ-запорожцевъ, одни парубки—лихачи, да дивчата-чорнобрывы стояли у меня передъ глазами, одни они мерещились мнѣ... Эхъ, благодатный край! Что за природа, что за воздухъ, что за ширь, что за народъ, что за танцы удалые!...

Но вотъ мы проѣхали село Николаевку, миновали нѣсколько небольшихъ поселковъ и хуторовъ и приблизились къ Славгороду. Вотъ мы у станціи; раздался свистокъ; десять минутъ, и поѣздъ пойдетъ. Расплатившись съ человѣкомъ, наскоро захвативъ свои вещи, я моментально вскочилъ въ вагонъ и черезъ нѣсколько часовъ, но безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ городъ Екатеринославъ.

Прошло восемь лѣтъ со времени случившагося со мной приключенія въ деревнѣ Богодарѣ, у рѣчки Волчьихъ-Водъ. За восемь лѣтъ много воды ушло въ широкомъ Днѣпрѣ и въ тихой рѣчкѣ Волчьей. Много перемѣнъ произошло въ теченіи этого времени и въ моей печально-скитальческой жизни. За это время я успѣлъ уже исходить весь Крымъ, изъѣздить половину Кавказа, посѣтить далекій, въ Бѣломъ морѣ, Соловецкій монастырь,

ознакомиться съ Западнымъ краемъ, заглянуть въ Царство польское, побывать въ Закаспійскомъ краѣ, Туркестанѣ и въ Персіи. Много за это время измѣнилось и въ моемъ умѣ, и въ моемъ сердцѣ, а Запорожье все-таки милѣе всего было мнѣ на свѣтѣ, и туда попрежнему неслись всѣ мои мысли и всѣ мои завѣтныя мечты. «Какъ-то тамъ, думалось мнѣ, въ томъ завѣтномъ Запорожьѣ, попрежнему ли колышется отъ тихаго степного вѣтерка и низко стелется по землѣ бѣлый блестящій ковыль? Попрежнему ли тамъ тихо катятъ свои свѣтлыя воды рѣчки Гайчуръ и Волчья? Попрежнему ли плыветъ надъ этими рѣчками ярко-золотое солнышко и, смѣясь, купается въ ихъ чистыхъ водахъ, заливая своими лучами ихъ темно-зеленые берега, мѣстами опушенные высокимъ камышомъ, мѣстами усѣянные огромными глыбами гранитныхъ скалъ? Попрежнему ли въ тѣхъ мѣстахъ выступаетъ, ночною порой, въ необъятной тверди небесъ неисчислимое число тихо мерцающихъ сине-голубыхъ звѣздъ? А въ безмѣрномъ пространствѣ степей попрежнему ли высокія могилы да буйные вѣтры ведутъ свой таинственный разговоръ о давно минувшихъ, но славныхъ подвигахъ степныхъ богатырей?..

И вотъ, подавляемый такими вопросами, помчался я «на тыхи воды, на ясни зори, у край веселый, мижъ мыръ хрещеный».

Это было въ 1891 году, также въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ это время я ѣхалъ по направленію уже отъ Славгорода къ деревнѣ Богодару. И на этотъ разъ солнце палило безъ милосердія. Но наканунѣ выпалъ обильный дождь, и потому въ воздухѣ не чувствовалось того степного зноя, какой въ ней обыкновенно чувствуется въ дни продолжительныхъ засухъ и при совершенно неподвижной атмосферѣ. Лошадки мои быстро бѣжали по твердо-грунтовому шляху, на которомъ въ тотъ разъ не было и признаковъ пыли, снесенной дождемъ предшествовавшаго дня, а нѣмецкая бричка плавно катилась по гладко убитой дорогѣ, звонко «поцуцокивая», какъ выразился мой возница, своими новыми стальными осями и новыми колесами со вставленными въ нихъ желѣзными втулками. Миновавъ нѣсколько хуторковъ, поселковъ и помѣстій, мы выскочили на возвышенный кряжъ, съ котораго открывался видъ на рѣчку Гайчуръ и на симпатичную, по ту сторону рѣчки, усадебку владѣльца деревни Богодара, Михеева, и потомъ быстро скатились съ отлогаго кряжа къ самому мосту, перекинутому отъ одного къ другому берегу рѣки. У моста мой кучеръ пріостано-

вилъ лошадей, и я сошелъ съ брички для того, чтобы пройтись по мосту пѣшкомъ. Перейдя весь мостъ, я увидѣлъ, за перилами его, сидящимъ на землѣ, съ подогнутыми ногами, съ опухшимъ животомъ, слѣпого—нищаго, который держалъ въ своихъ рукахъ деревянную росписную чашечку и, наклоняясь низко всей головой къ землѣ, жалобно взывалъ: «Дайте, православни люды, копiёчку! подайте, божiи люды, слипенькому копiёчку»!... Я раскрылъ свой кошелекъ, досталъ изъ него монетку и приблизился къ нищему съ тѣмъ, чтобы подать ему мою лепту. Всматриваясь въ черты лица нищаго, я уловилъ въ нихъ что-то мнѣ давно знакомое, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда я видѣлъ этого человѣка. А онъ все продолжаетъ кивать головой и такимъ слабымъ и жалкимъ голосомъ, бередящимъ душу и проникающимъ глубоко въ сердце, продолжаетъ просить о милостынѣ.

— Откуда ты, чоловиче божiй?

— Изъ Богдара, паночку.

— Изъ Богдара, кажешъ?

— Изъ Богдара, оцёго, шо тутъ заразъ на гори, за ричкою

— А якъ же тебе звуть, чоловиче божiй?

— Захарькомъ звуть, паночку, Ковалевщенкомъ.

— Господы Боже! Та це жъ ты, Захарько, шо колысь тутъ же такы...

— А вы хто жъ такый, панычку?

— Я—Дмытро Ивановычъ! Памьятаешъ, якъ колысь отутъ, у панськiй хати, мы умисти гулялы?...

Несчастный слѣпецъ отъ такого моего отвѣта вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ своимъ, вновь переспросилъ мое имя и горько-прегорько заплакалъ... Я до того былъ пораженъ всей этой, внезапно происшедшей сценой, что не нашелъ у себя ни единаго слова, чтобы утѣшить несчастнаго страдальца. Я стоялъ точно окаменѣлый на одномъ мѣстѣ и только дивился тому, что сдѣлали лѣта съ дорогимъ мнѣ по воспоминанiю человѣкомъ.

«Охъ, лiта, лiта, що вы творите»?

звидкиля ци слёзы берутся у мене? Слипый же я и очей не маю, а слезы, дывысь, якъ течуть»!

— Та шо жъ зъ тобою сталось, мій голубчику, шо ты слипый та слабый зробывсь? спросилъ я, наконецъ, его, подавивъ въ себѣ чувство страшной горести.

— Та шо? Бодай бы и не казать шо!..

И тутъ слѣпецъ разсказалъ мнѣ, какъ у него однажды, въ особенно знойный и яркій лѣтній день, во время возки хлѣба со степи въ токъ, заболѣли внезапно глаза. Сперва, они, однако, болѣли не такъ сильно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣй, и зрѣніе его становилось все слабѣе и слабѣе. Прибѣгалъ онъ къ помощи и бабы-знахарки, и какого то деревенскаго лѣкаря и, наконецъ, земскаго врача, но все было напрасно: ни отъ кого не получилъ онъ ни помощи, ни облегченія и подъ конецъ сдѣлался совершенно слѣпымъ. Къ тому же онъ схватилъ жестокую лихорадку, которая мучила его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ ряду и перешла въ водянку. Живя однимъ дворомъ и одною хатою съ роднымъ братомъ, человѣкомъ жестокимъ по натурѣ и ограниченнымъ по уму, онъ очутился въ полной зависимости отъ него и терпѣлъ не только укоризны, но даже тяжкіе побои отъ него за то, что не помогалъ ему въ хозяйствѣ; сдѣлался лишней обузой въ семьѣ и даромъ занималъ помѣщеніе. И что же служило помѣщеніемъ бѣдняку? Такимъ помѣщеніемъ была печь, на которой несчастный страдалецъ валялся даже въ самые жаркіе дни лѣта, чтобы согрѣть свои члены отъ угнетавшей его жестоко лихорадки.

— Ну, шо жъ та дівчына, билява Устя, шо десь рядомъ съ тобою жила, та кохала тебе?

— Дивчина Устя? Моею жинкою стала и диточокъ трёхъ прыдбала, та тилькы и вона черезъ мене слабá та хвора стала, тай диткы мои якісь несчастни та вбоги выйшлы. Горе округъ мене! якъ есть горе и бильшъ ничого! Я хочъ бы такъ, шобъ и вмерты мени, такъ крипко жалко покынуть маненькыхъ диточокъ.

Дѣйствительно, несчастный человѣкъ очутился кругомъ въ горѣ, въ страшномъ, безысходномъ горѣ, и я безсиленъ былъ чѣмъ либо помочь ему. Вынувъ жалкую кредитку изъ своего кармана, я думалъ хоть этою ничтожною подачкою оказать ничтожную помощь бѣдняку. Но слѣпецъ, принявъ отъ меня одною рукой подаяніе, другой перекрестившись скорымъ крестомъ, неожиданно заявилъ, что слѣдующимъ днемъ онъ отправится пѣшкомъ въ село

Покровское и тамъ «наймѣтъ» батюшку отслужить молебенъ, что онъ давно уже собирался сдѣлать это, но до сихъ поръ не могъ исполнить по неимѣнію у себя денегъ.

Такое неожиданное заявленіе со стороны несчастнаго бѣдняка не менѣе поразило меня, какъ и самое превращеніе его изъ молодого и сильнаго парубка въ слабаго и жалкаго нищаго.

Вотъ живой примѣръ терпѣнія и вѣры, вѣры и терпѣнія! мысленно сказалъ я самъ себѣ и съ этимъ оставилъ слѣпца сидѣть у моста, а самъ двинулся въ дальнѣйшій путь.

Позднею осенью того же года возвращался я обратно мимо деревни Богодара на Гуляйполе. Погода была унылая, наводившая тоску на сердце и вызывавшая въ головѣ грустныя мысли. Моросилъ мелкій и холодный дождикъ. На передкѣ моей брички сидѣлъ осовѣлый хлопецъ Грыцько Дереберя и вяло понукалъ своихъ лошадей съ тѣмъ, чтобы засвѣтло добраться намъ до Гуляйполя, главной цѣли на тотъ разъ моего путешествія. Вотъ и Богодаръ. Вотъ и печальное возлѣ Богодара кладбище; а на кладбищѣ виднѣется свѣжая, только что выведенная могила, съ бѣлымъ еще не почернѣвшимъ отъ времени крестомъ и съ навѣшанной на крестѣ хусткою, трепещеюся отъ вѣтра вокругъ креста. Впереди по дорогѣ плетется по воду какая то древняя бабуся. Увидя проѣзжающихъ, она становится въ сторону, чтобъ не перейти дорогу съ пустыми ведрами, и низко кланяется.

— Здорови, бабуся!

— Здорови, паночку!

— Спасыби, що не перейшлы намъ зъ пустымы дорогу!

— Ни за вищо дякуете.

— Кого це у васъ Господь прыбравъ, що хрестъ новый стоить та ще й хустына округъ хреста мотаетця?

— Захарька Ковалевщенка!

— Захарька Ковалевщенка?

— Эге жъ! Тутъ такый слипый чоловикъ бувъ...

Словно ножомъ острымъ полоснулъ меня такой отвѣтъ бабуси... Такъ вотъ гдѣ твой конецъ, нѣкогда веселый парубокъ, а потомъ жалкій нищій! Не выдержалъ бѣднякъ, не вытерпѣлъ, оставилъ скорбный міръ и нашелъ себѣ иную юдоль, «идеже ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная». . Пусть же надъ прахомъ твоимъ земля перомъ лежитъ!..

—Грыцько!

— А шо?

— Чи доидымъ мы сегодня до Гуляйполя?

— А чомъ же намъ и не доихать?

— А дорогу добре знаешъ?

— Якъ свою кышеню!

— Ну, такъ погоняй же коней!

И вотъ мы ѣдемъ все дальше и дальше, торопясь и поспѣшая пріѣхать къ мѣсту, пока дождикъ не перешелъ въ настоящій дождь. Но вмѣстѣ съ нами поспѣшаетъ и дождикъ, а съ нимъ повѣваетъ и степной вѣтерокъ.

— Грыцько?

— А шо?

— Чи такъ мы идымъ?

— Будь бы шо такъ, а óбъ тимъ хто éго зна.

— Якъ же воно такъ, що раньше витеръ намъ дувъ у спыну, а теперь у бикъ?

— А ось ще трошкы проидымъ, то й побачымъ, чи воно такъ, чи воно не такъ.

Ѣдемъ дальше, все поспѣшая впередъ. Но вмѣстѣ съ нами поспѣшаетъ и дождикъ. Теперь онъ уже перешелъ въ сильнѣйшій дождь. Небо давно уже заволоклось мрачными тучами и сдѣлалось темнѣе преисподней. Гдѣ-то, пока еще вдали, грохочутъ раскаты грома и развертывается во всю ширь неба ослѣпительная молнія. А мы все плетемся и плетемся и невѣдомо въ какихъ мѣстахъ. Вдругъ наша бричка накренилась на бокъ, и мы неожиданно полетѣли внизъ, накрывшись сверху ящикомъ брички. Все, что было съ нами въ бричкѣ — арбузы, булки, овесъ въ мѣшкѣ, сало, ножъ, сѣно, чемоданъ съ вещами, коврикъ — все это свалилось на насъ цѣлымъ грузомъ и расползлось про между насъ. Наши же кони, порядочно истомленные ѣздой, остановились на мѣстѣ какъ вкопанные и точно спрашивали насъ, что же со всего этого дива можетъ выдти въ концѣ концовъ. И такъ, кони наши стоятъ, а мы лежимъ.

— Грыцько!

— А шо?

— Чи ты жывый?

— Жывый! А вы жыви?

— Жывый!

— Грыцько!

— А шо?

— Чи ты не поламавсь?

— Ни, а вы?

— И я ни! Давай вставать.

— Давайте.

И вотъ мы дѣлаемъ попытку выкарабкаться изъ подъ ящика, но увы! никакъ не можемъ этого сдѣлать: ящикъ слишкомъ тяжелъ для насъ. И снова мы лежимъ, а кони наши спокойно стоятъ, дождь же льетъ какъ изъ ведра.

— Та треба жъ такы, скилькы не лежи, а треба вставать!

— Тай треба такы!

И вотъ я кое какъ съ превеликими усиліями выкарабкался изъ подъ ящика; но Грыцько, одѣтый въ тяжелую свиту и обутый въ больтущіе чоботы, съ огромной шапкой на головѣ, никакъ не можетъ выползти изъ подъ ящика. Пробую поднять бричку кверху, никакъ не подыму: она слишкомъ тяжела для меня одного и къ тому жъ нужно подымать ее противъ какой то горы. Еще и еще нѣсколько усилій, и бричка чуточку приподнялась, а въ тотъ моментъ выползъ изъ подъ нея и Грыцько. Вдругъ передъ нами в еркнула молнія и въ слѣдъ за ней раздался страшный ударъ грома.

— Эге, я теперь знаю, куды мы заихалы?

— А куды?

— У Нехвельдову.

— Шо жъ воно далеко одъ нашого шляху?

— Та верстовъ висимнадцять узялы въ бикъ.

— Добре жъ ты й дорогу знаешъ, Грыць!

— Знавъ колысь, а теперь уси на́морокы витбыло.

Между тѣмъ молнія еще сильнѣе блеснула намъ въ глаза, и мы увидѣли всю обстановку, окружавшую насъ: справа у насъ крутой и глубокій обрывъ, слѣва широкій и длинный прудъ, а впереди узенькая гребелька, съ которой мы и оборвались къ самому устью пруда. Возьми лошади наши еще три-четыре аршина влѣво, и мы бы попали какъ есть въ самый прудъ.

— Ну, теперь, Грыць, шо жъ мы будемъ робыть?

— А шо? Я выведу коней по гребли, а тамъ сядемъ тай дали поидымъ,—теперь я уже дорогу такъ добре знаю, якъ свій очкуръ въ штаняхъ, шо якъ схочу, то й на памьять намацаю.

— А може бъ намъ краще до нимцивъ заихаты та у нихъ и переночувать?

— Э, тутъ таки гаспидськи нимцы жывуть, шо не тилько насъ, а и самого Христа не пустють переночувать.

Провозившись нѣсколько времени, ощупывая пальцами траву, мы розыскали всѣ наши вещи, даже до перочиннаго ножа, уложили все попрежнему въ бричку, потомъ медленно сползли съ гребли и, наконецъ поднялись въ открытую степь. Но тутъ на встрѣчу намъ подулъ такой вѣтеръ, отъ котораго даже лошади воротили въ сторону свои головы. Нѣтъ, надо намъ, во чтобы то ни стало, гдѣ нибудь ночевать! Но Грыцко и тутъ выручилъ меня изъ бѣды: онъ обнадежилъ меня, что не болѣе, какъ черезъ «хвылыну» мы будемъ возлѣ хутора «куркулйвъ» и тамъ можемъ заночевать; а что этотъ хуторъ не такъ далеко отъ насъ, Грыцько протянулъ пальцемъ въ открытую степь и указалъ на мигавшій гдѣ-то далеко въ степи огонекъ. Но въ ровной степи такой огонёкъ виденъ иногда за добрый десятокъ верстъ. Тѣмъ не менѣе я положился на опытность Грыцька, и мы направились къ хутору «куркулнвъ». Куркулями называютъ въ Новороссіи выходцевъ изъ другихъ губерній, покупающихъ въ степяхъ небольшіе участки земли и заводящихъ небольшіе хуторки, такъ что названіе «куркуль» не есть собственное, а нарицательное и означаетъ собой пришлеца. Такъ вотъ къ такимъ то куркулямъ и направился мой Грыцько Дереберя. Ѣхали мы часъ, а навѣрно три четверти часа, пока наконецъ прибились къ двумъ хатамъ какого то безызвѣстнаго хуторка и остановились возлѣ той, гдѣ свѣтился желтый въ окнѣ огонекъ.

— Стукайсь, Грыць, у викно та просысь, шобъ пустыли ночувать.

Грыцько подошелъ къ окну и сталъ слегка стучать въ него пальцами.

— Хто тамъ такый? послышался слабый окликъ изъ хаты.

— А якъ намъ, пане, казать, хто мы таки?

— Кажы—мыровой судди,—скорійшъ впустятъ.

— Мыровой судця!

— А яка ему хвамылія?

— А яку сказать хвамылію?

— Кажи—Гладкый!

— Мыровый судця Гладкый.

— А звидкиля Богъ несе?

— А якъ казать, звидкиля насъ Богъ несе?

— Кажы зъ Покровського!

— Зъ Покровського Богъ несе.

Скоро послѣ этого скрипнула дверь, и къ намъ вышелъ какой-то немощной старикъ, безъ шапки, не смотря на проливной дождь. Онъ объявилъ намъ, что готовъ бы насъ съ большою охотой пустить переночевать, но его постигла великая бѣда: у него только что померла жена, и теперь возлѣ нея онъ, старикъ, да его взрослая, но «слабáя» дочь... Но, если ужъ намъ нужно спрятаться отъ дождя, то мы можемъ помѣститься въ холодной хаткѣ черезъ сѣни отъ той, гдѣ покойница лежитъ. Что же было дѣлать? Не оставаться же намъ подъ проливнымъ дождемъ? И такъ волей-неволей пришлось принять предложеніе старика и идти въ холодную хатку на всю ночь.

Грустная картина видѣть убитою горемъ семью вслѣдствіе потери ею дорогого человѣка. Но еще грустнѣе и еще тяжелѣе видѣть это въ глухой степи, среди убогой обстановки и при полномъ безлюдьи. Тутъ только и людей, что ветхій лѣтами отецъ да «слабая», т. е. больная отъ природы его дочь и больше никого, съ кѣмъ бы можно было имъ страшное горе свое раздѣлить За тожъ и оплакиваютъ они свое горе, въ особенности дочь! Она страстно припадаетъ къ холодному тѣлу матери, жарко цѣлуетъ похолодѣвшія ея уста, льетъ ручьями горькія слезы и, сжавъ крѣпко свои руки, произноситъ на распѣвъ цѣлое причитанье надъ своей «ненькою». И какое это возвышенное и поэтичное причитаніе!

«Ой, ненько моя ридненька, зозуленько, сывая голубонько! На що жъ ты мене нещасну бросыла, на що жъ ты мене, моя ненько, безщасну покынула? Чи я свое щастя въ недилю проспидала, чи я свое щастя въ пьятныцю проспивала? Доля моя безщасна, доля моя безталанна! Мынулася моя доля и воля безъ моеи ненькы ридненькои. Не стало моеи зозуленькы, — никому теперъ мене пожалуваты, никому теперъ зо мною ласкового словечка сказаты. Встань, моя матинко, встань, моя ридная! Прикажы мени, мамочко, що робыты, промовъ слово ласкове, промовъ слово прывитлыве! Не чуешъ ты, моя родытелько, не чуешъ мене, моя ридпесенька! Отходылы твои ниженькы, одробылы твои рученькы, оддывылысь твои оченькы. Не чуешъ, моя ненько, прогнивалась. Занимилы твои губонькы, заплющылысь твои оченькы, закрипылысь твои реченькы. Що жъ ты такъ крипко на мене розгнива-

лась, що не хочешъ мени, моя ненько, и словечка промовыты? Що жъ ты мени, моя нене, не казала, звидкиль намъ тебе выглядаты? Изъ якои стороны и колы намъ тебе въ гости ждаты? Чи къ Риздву? Снигомъ занесе! Чи къ Велыкодню? Водою залье! Чи къ Святій недилоньци? Травою заросте! Якъ не будешъ къ Мыколи, не будешъ николы. Такъ вси твои тропкы и дорожкы заростуть. Колы буде зозуля куваты, я буду іи пытаты, чи не бачила сыва зозуленька моій ненькы ридненькои. Скажи ій, зозуленько, якъ мени тошно, якъ мени гирко безъ ненькы жыть: хто мене завыдыть, той мене, сиротоньку, й зобидыть. А зозуленька не буде всіеи правды казаты... Ой, ненько моя ридненька, на ще жъ ты, моя ненько, мене безщасну покынула? Дежъ мени, моя нене, теперъ щастя шукаты? Чи мое щастя въ огни згорило, чи въ води потонуло, чи мое щастя витромъ роздуло? Ой, ненько жъ моя голубонько, не покыдай же мене сыротою!!...»

Убогая обстановка, страшное горе, раздирающія душу слова причитанья потрясли меня до глубины, до самаго основанія. Я всю ночь не могъ сомкнуть ни на одну минуту своихъ глазъ, то прислушиваясь къ словамъ причитанья, которыя я уже зналъ наизусть, то ловя ухомъ страшный вой вѣтра и раскаты грома, бушевавшіе въ открытой степи. И въ такую погоду, Господи ты Боже мой, такое горе людямъ! «На смерть та на родынкы немае годынкы»—припомнились мнѣ слова, наканунѣ этого дня слышанныя мной отъ одного старика въ заѣзжемъ дворѣ. Плачъ и стонъ слышались въ хатѣ всю ночь, но буря и громъ съ полночи стали постепенно смолкать и къ утру прекратились совсѣмъ. Чуть только развѣло, какъ мой Грыцько застучалъ бричкой возлѣ оконъ; я тужъ минуту захватилъ съ собой свой чемоданъ, простился съ убитымъ горемъ старикомъ, сѣлъ въ бричку и направился въ Гуляйполе, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній утромъ того же дня.

Слѣпой баянъ Ѳома Провора.

КТО хочетъ знать духовную сторону жизни простого народа, т.-е. кто хочетъ слышать стародавнія народныя пѣсни, сказки, преданія, пословицы, присловья, тотъ обращайся прежде всего къ старикамъ и старухамъ и отъ стариковъ и старухъ прежде всего къ слѣпцамъ. Слѣпецъ, заслоненный отъ солнечнаго свѣта, лишенный общенія съ видимымъ міромъ, создаетъ внутри себя особый свѣтъ и особый міръ. Большинство слѣпцовъ, въ замѣнъ потери чувства зрѣнія, вознаграждается сильнымъ развитіемъ чувства слуха, памяти, музыкальныхъ способностей и творческаго воображенія. Слѣпецъ, да еще тотъ, который «вéштаетця по свиту», нерѣдко представляетъ собой цѣлое сокровище богатѣйшаго и самаго разнообразнаго духовнаго матерьяла. Надо только умѣючи къ нему подойти, а главное надо съ нимъ сжиться, надо внушить ему къ себѣ довѣріе и вызвать расположеніе. Для этого приходится иногда лишать себя необходимыхъ, такъ называемыхъ, культурныхъ удобствъ жизни, приходится иногда и спать съ нимъ вмѣстѣ въ одной хатѣ, отдавать себя на съѣденіе тѣмъ же насѣ-

комымъ, которымъ зачастую и поневолѣ отдаетъ себя слѣпецъ, приходится раздѣлять съ нимъ его жалкую и скудную трапезу и иногда выпивать съ нимъ самую «поганющую горилку», отъ которой глаза лѣзутъ на лобъ рогомъ и душа наружу просится. Но зато только при такихъ условіяхъ и можно что-нибудь «выудить» отъ слѣпца и подѣлиться добытыми матеріалами съ тѣми людьми, которые, интересуясь внутреннимъ міромъ простолюдина, сами не могутъ стать къ нему, на сколько это необходимо, въ близкія отношенія. Изъ всѣхъ слѣпцовъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться на моемъ вѣку, болѣе всего памятенъ мнѣ слѣпецъ Ѳома Васильевичъ Провора, живущій въ деревнѣ Богодарѣ, Екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, имѣніи помѣщика Ѳ. П. Михеева. Ему теперь около 55 лѣтъ. Это человѣкъ выше средняго роста, съ лысой головой, довольно большого объема и оригинальной формы—то, что называется въ Малороссіи «голова—якъ коробка». Такая голова вмѣщаетъ въ себѣ очень много мозга и, сколько позволяетъ заключить личный опытъ, отличается пытливымъ умомъ. Отъ природы онъ очень опрятенъ и именно вслѣдствіе своей всегдашней склонности къ опрятности онъ брѣетъ у себя усы и бороду и дѣлаетъ это самолично, разумѣется, наизусть, по памяти. Родился Ѳома Провора зрячимъ, но сдѣлался слѣпымъ вслѣдствіе несчастнаго случая, происшедшаго съ нимъ еще на шестой недѣлѣ отъ рожденія: мать его, натопивъ какъ-то очень жарко печку, положила ребенка на печь, гдѣ насыпано было для просушки просо, а сама ушла изъ хаты на «панщину», оставивъ ребенка на попеченіе маленькой дочки своей. Дочка, скоро послѣ ухода матери, убѣжала на рѣчку купаться; ребенокъ же, проснувшись отъ жары, сталъ кричать и копошиться во всѣ стороны, отъ чего горячее просо понабилось ему въ ротъ, въ уши и въ глаза. Когда мать прибѣжала съ «панщины», то она смогла очистить ребенку только ротъ и уши, съ глазами же, не смотря на всѣ ея старанія, рѣшительно ничего не могла сдѣлать, и они начали у ребенка гноиться и гноиться и подъ конецъ совершенно выгнили. Такимъ образомъ, ребенокъ сталъ совершенно слѣпымъ, не имѣя вовсе, кромѣ глубокихъ впадинъ, и признаковъ глазъ, такъ что, по собственнымъ словамъ слѣпца, онъ «хорошенько и не роздывывся ни на батька, ни на матирь...» Мальчикъ выросъ, сталъ здоровымъ и даже красивымъ парубкомъ, но такъ и остался неженатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остался въ дерев-

нѣ Богодарѣ, при панскомъ дворѣ, отказавшись разъ навсегда отъ мысли брать на плечи «торбу» и идти по міру «христорадничать». Это занятіе, т.-е. «христорадничанье», Ѳомѣ Проворѣ всегда казалось противнымъ, и онъ находилъ, что лучше быть послѣднимъ изъ рабовъ, нежели бродить по міру и протягивать руку за подаяніемъ: онъ слишкомъ гордъ для такого низкаго дѣла. Къ тому же онъ страстно любитъ свой уголокъ, гдѣ «Гайчуръ сходытця зъ Вовчею», и ни за какія блага міра не хочетъ разстаться съ нимъ. Зато онъ дальше своего Богодара и дальше ближайшаго къ нему села Покровскаго нигдѣ на всемъ своемъ вѣку не бывалъ. Проживъ столько времени въ Богодарѣ, онъ отлично изучилъ каждую канавку и каждый камешекъ и всегда ходитъ и по двору, и къ рѣкѣ, и въ садъ, и въ лугъ, и въ лѣсъ, что за лугомъ, безъ палочки и безъ поводатыря. Зная всѣ закоулочки Богодара, онъ знаетъ и всѣхъ обитателей его, какъ живущихъ, такъ и давно сошедшихъ въ могилу. Въ послѣднемъ отношеніи Ѳома Провора представляетъ собой настоящую ходячую лѣтопись, и стоитъ только мысли его навести на прошлое, какъ онъ разскажетъ всѣ мельчайшія подробности жизни и всѣхъ пановъ, которые перебывали въ Богодарѣ до настоящаго пана, и всѣхъ слугъ, которые при панахъ состояли. Но этого мало. Ѳома Провора знаетъ массу преданій на каждую рѣчку, на каждую балочку, на каждый шляхъ, что съ той или другой стороны подходитъ къ Богодару; онъ знаетъ множество сказокъ, множество всякаго рода сказаній, прибаутокъ, пословицъ, наконецъ, онъ прекрасно поетъ народно-малорусскія пѣсни и еще лучше того играетъ на «сопильци». «Скрыбку та гармонію нечистый выдумавъ, а сопилочку... Э, у сопилочку самъ святый Петро гравъ»... Такого тонкаго артиста, такого граціознаго виртуоза игры на «сопильци», какъ Ѳома Провора, врядъ ли найти въ цѣломъ уѣздѣ, а, можетъ быть, даже и во всей губерніи. И вся-то цѣна его сопилкѣ — три, только три копѣйки! Но что онъ на ней только высвистываетъ, какія только онъ на ней выводитъ трели—этого ни передать, ни разсказать нѣтъ никакой возможности: для того нужно послушать самого артиста-виртуоза. То протянетъ онъ задушевно-мелодичную козацкую пѣсню; то ударитъ по сопилкѣ шестью пальцами и хватитъ козачка, зорьку, катерынку, полтавочку, либо горлыцю, комаря, цыганочку, то «ушкваритъ» закаблукы, жидивського трындыка, метелицю; то протянетъ какую-нибудь «божественную»; то выведетъ-и какъ выведетъ—кацапскую

Сашеньку, которую онъ только что, наканунѣ, слыхалъ отъ захожаго русскаго человѣка и которую уже во всѣхъ тонкостяхъ выводитъ на своей «сопильчиночкѣ». Игра на сопилкѣ для Ѳомы Проворы составляетъ не развлеченіе только, но высокое и ничѣмъ другимъ незамѣнимое удовольствіе и наслажденіе: онъ вкладываетъ въ нее всю свою душу, всѣ свои мысли, всѣ свои чувства. Тутъ онъ становится выше самого себя, тутъ онъ поистинѣ поднимается на степень артиста и забываетъ весь міръ, забываетъ свое горькое одиночество, свою нищету, забываетъ даже то страшное «слѣпое» горе свое, которое въ другое время даетъ ему себя знать въ каждый моментъ и на каждомъ шагу.

Въ тихую лунную ночь, когда все въ деревнѣ поуспокоится и отойдетъ ко сну, когда гуляющіе всегда до поздней поры парубки и дивчата разбредутся съ улицъ по домамъ, когда рѣчки степныя погрузятся въ тихій и легкій полусонъ, когда даже степные кузнечики прекратятъ свою задорную трескотню и когда луна уже высоко-высоко «подобьется подъ яніи зори» и зальетъ своимъ свѣтомъ всю вольную степь, тогда Ѳома Провора вылазитъ изъ большого, сдѣланнаго надъ дверьми конюшни, слухового окна, спускаетъ внизъ свои ноги, беретъ въ руки свою сопилочку и начинаетъ тихо и протяжно насвистывать какую-нибудь пѣсенку. И заунывный мотивъ той пѣсенки идетъ на встрѣчу сонной рѣчки, сливается съ легкимъ шелестомъ высокаго, стоящаго по берегамъ рѣки камыша, доносится до небольшой берестовой рощицы, выдѣляющейся чернымъ пятномъ у праваго берега рѣки, падаетъ на вершины близко стоящихъ высокихъ могилъ и потомъ теряется гдѣ-то далеко-далеко, въ безгранично вольной и безгранично широкой степи... Сопилочка свиститъ сперва тихо, но потомъ свистъ ея все усиливается и усиливается; самъ игрокъ все чаще и чаще перебираетъ своими пальцами и все сильнѣе и сильнѣй оживляется. Иной человѣкъ уже и выспится, уже нѣсколько разъ поднимется со своего ложа, а Ѳома Провора все насвистываетъ да насвистываетъ и чѣмъ дальше, тѣмъ свистъ его поднимается все выше и выше и воодушевленіе его растетъ все сильнѣе и сильнѣе. «И колы цей Хома спыть тилькы»? спроситъ иной человѣкъ, долго прислушиваясь къ игрѣ Ѳомы Проворы.—«Э, тожъ тилькы ёму, бидоласи, и втиха, що пограе на сопилочци та повеселыть душу свою музыкою»...

Но вотъ сопилочка стихла, наконецъ, и на смѣну ея раздались изъ рощи дивныя трели соловья, этого единственнаго и неподра-

жаемаго артиста-виртуоза, но не въ царствѣ людей, а въ царствѣ птицъ. Соловей также забывъ весь міръ, забывъ самого себя, весь отдается своему пѣнію, и его плѣнительные, его граціозные, его дивные и очаровательно-нѣжные переливы голоса стелятся по той же широкой степи, падаютъ на туже полудремлющую рѣку, отдаются у тѣхъже величавыхъ и вѣчно молчаливыхъ могилъ и потомъ, постепенно уходя и постепенно отдаляясь отъ пѣвца, становятся все менѣе и менѣе слышны и подъ конецъ совершенно исчезаютъ въ необъятномъ морѣ безграничныхъ степей и въ прохладныхъ струяхъ плавной и вольной рѣки...

И спорятъ два пстыхъ соловья между собой, и спорятъ до тѣхъ поръ, пока на небосклонѣ не займется утренняя заря...

Кромѣ игры на «сопильци» Ѳома Провора страстно любитъ и пѣсни. «Такымъ уже, мабуть, зародывсь спивлывымъ. Оце зимою яки заметы, якый холодяка! Рукы поклякнуть, ногы позамерзають, а тутъ же якъ чи ходышъ по сугробахъ, чи тягнешъ солому на грубку, а на думци у тебе яка небудь писня: «Та нашъ панъ отаманъ по табору ходе, та по табору ходе, коня въ рукахъ воде». Хто ёго зна, може, воно за ци письни й грихъ, а тилько парубкамъ та дивчатамъ воны дуже до вподóбы: тутъ у насъ одна дивчина жылà,—брава така була! поворова дочка. Такъ вона оце, якъ заспиваю я бувало, писню: Та якъ выйду за ворота, та лугы та болота, та якъ выйду за новін, а трава зеленіе, та трава зеленіе, мое серденько ные, ные—пoнывае, а шо мылого не мае»; такъ, кажу, якъ заспиваю я цю письню, то вона обхопе мене обома рукамы за шыю, слуха-слуха, а далі й каже: «И шобъ я тоби, Хомушка, якъ бы ты молодымъ бувъ, за цю письню сказала и шобъ я тоби зробыла»!..

И такой восторгъ «дивчыны» отъ пѣсенъ Ѳомы Проворы совершенно понятенъ: въ пѣснѣ, какъ и въ игрѣ на «сопильци», Ѳома Провора изливаетъ все свое горе, пѣсней онъ выражаетъ всѣ свои душевныя муки, передаетъ всѣ свои сердечныя тревоги. Пѣсня для него не забава только, а настоящая жизнь, гдѣ онъ видитъ живыхъ людей, слышитъ ихъ разговоры, вникаетъ въ ихъ мысли, понимаетъ ихъ чувства. Больше всего приходятся по сердцу Ѳомѣ Проворѣ пѣсни грустнаго тона и широкаго размаха; это тѣ пѣсни, которыя теперь уже отходятъ въ область преданій, и которыя поются только людьми «старынного заповиту».

Вотъ, бывало, сижу я въ ночное время, при раскрытыхъ окнахъ, въ комнатѣ, и пишу что-нибудь, сидя лицомъ къ столу и оборотившись спиной къ дверямъ. Прямо изъ раскрытыхъ оконъ дома открывается далекая перспектива на степь, на курганы, на пролегающую мимо кургановъ дорогу, темной полосой тянущуюся по степной равнинѣ. Чистый, наполненный ароматомъ степныхъ травъ, воздухъ врывается черезъ раскрытыя окна въ небольшую комнатку и всю наполняетъ ее собой. Позади меня тихо, едва слышно, отворяются двери и чрезъ тѣ двери въ комнату входитъ Ѳома Провора.

— А шо, вы все шкряботыте?

— Усе шкряботю!

— Мабуть такъ, шо все про запорозцивъ?

— Та, мабуть, такъ, шо все про запорозцивъ!

— А не чулы жъ вы оціеи письни?

— А якои тамъ письни?

«Породыла мате сына Васыля,
А непородывши выгудувала,
А выгудувавши тай изростыла,
А изростывши тай ёженыла.
Та взяла невисточку не до любовы,
Та не билее лыченько, не чорни бровы.
Посылае сына та въ путь-дорогу,
Молоду невисточку полоты лёну:
«Не выполынишъ лёну—не йды додому,
Стань же ты въ поли хочъ былыною,
Тонкóю высокою кучирявою».
Якъ прыихавъ сынъ Васыль зъ пути-дороги,
Та вклонывся матери нызько ю ногы:
«Ой, шо-жъ то я бачывъ же въ поли былыну,
Тонкую высокую кучирявую».
«Ой, возьмы ты, сынку, гостру сокырку.
Тай изрубай, сынку, та ту былынку,
Тонкую высокую кучирявую»!
Якъ поихавъ сынъ Васыль рубать былыны,
Та якъ кынувъ сынъ Васыль гостру сокыру,
Та якъ кынувъ вперше винъ, кынувъ-прокынувъ,
А вдругый разъ кынувъ винъ, кынувъ не вдарывъ,
А въ третій разъ кынувъ винъ-заговорыла:
«Не бый мене, мыленькій, я твоя мыла,
Це жъ твоя матусенька такъ наробыла,
Шо я въ поли стала та былыночька
Тонкая высокая кучирявая».

— Такъ чулы, кажу, цієи писни?

— Ни, не чувъ и не знаю! Спивай, я іи заразъ же и на голосъ запышу.

Θома Провора садится на карточки, упершись спиной въ стѣну, вынимаетъ изъ рукава своей сорочки сопилочку и начинаетъ въ нее свистѣть и послѣ каждаго свиста выводить пѣсню на голосъ. Я записываю слова и замѣчаю мотивъ пѣсни. Но странное дѣло: лишь только пѣвецъ дойдетъ до того мѣста пѣсни, гдѣ говорится, какъ былинка вздрогнула и заговорила, такъ неожиданно и разрыдается: тутъ онъ и сопилочку свою изъ рукъ выпуститъ и пѣть перестанетъ и одно только то и дѣлаетъ, что слезы рукавомъ сорочки вытираетъ, и тутъ же самъ себя стыдитъ и уговариваетъ: «Отъ то! Дывысь, писню спива тай плаче! Хочъ бы що путне, а то писню»!.. И снова, оправившись отъ слезъ, Θома Провора начинаетъ съ самаго начала или, какъ онъ говоритъ, съ краю, свою пѣсню, насвистывая на сопилкѣ и выводя ее на голосъ. И снова, дойдя до того же самаго мѣста, противъ своей воли и противъ желанія, рыдаетъ, и рыдаетъ какъ малый ребенокъ. «Що це таке? Отъ то козакъ, такъ козакъ! А ще, кажуть, прадидъ мій бувъ запорожецъ! Добрый запорожець, що одъ писни плаче! Тьфу ты на самого себе! Хочь бы жъ очи булы, а то и очей зовсимъ нема, а плачу... Ну, слухайте жъ дали; берить въ рукы перо та выводьте»... Я беру въ руки перо, но самъ чувствую, что у меня руки дрожатъ отъ волненія. Θома Провора бодрится, подымаетъ тонъ выше и запѣваетъ: Гей, та породыла мате сына Василя, а непородывши выгудувала»... Но на этотъ разъ онъ и до половины пѣсни не доходитъ, и я слышу по тону голоса и по неровному свисту сопилки, что онъ снова не выдержитъ.

— Слухай, Хома, що я тоби скажу: хай уже цю писню ты выведешъ мени на голосъ у другый разъ, а теперь затягны мени якои небудь або запорозськои, або гайдамацькои.

И Θома Провора затягиваетъ мнѣ новую пѣсню. И такимъ образомъ сколько пѣсенъ попало ко мнѣ въ мою записную книжку отъ Θомы Проворы! И какихъ пѣсенъ! Какъ только онъ начнетъ выводить голосомъ какую-нибудь пѣсню, какъ только онъ протянетъ ее на своей сопилочкѣ, такъ я уже и слышу, что то стародавняя, неподражаемая и ни съ чѣмъ несравнимая пѣсня. Много и цѣлыхъ часовъ и цѣлыхъ дней, веселыхъ и грустныхъ (большею частью грустныхъ) провелъ я съ Θомой Проворой, заслу-

пиваясь его игрой на «сопилъци» и упиваясь его мелодичными и за душу хватающими пѣснями, но никогда я не видалъ его плачущимъ отъ другой, кромѣ приведенной, пѣсни. Почему эта, именно эта пѣсня растрогала до слезъ Ѳому Провору — мнѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ: я не сталъ своими разспросами бередить его больной души, самъ же онъ на этотъ счетъ всегда оставался подобно рыбѣ нѣмъ.

Кромѣ пѣсенъ сколько Ѳома Провора знаетъ преданій и всевозможныхъ разсказовъ! Расказываетъ онъ положительно неподражаемо и оттого въ высшей степени интересно. Много можно найти на Украйнѣ, въ разныхъ захолустныхъ ея уголкахъ, разсказчиковъ—баяновъ, но далеко не всякъ изъ нихъ одаренъ даромъ передавать свои разсказы въ такихъ художественныхъ образахъ, съ такой живой мимикой и съ такимъ неподдѣльно-веселымъ юморомъ, какъ это передаетъ и изображаетъ Ѳома Провора. Мало того: Ѳома Провора разсказываетъ не только художественно, но и оригинально.

— У якомусь царстви, у якомусь государстви була царивна, така начытана, така напысана...

— Якъ же то напысана? Хиба такъ можно казать?

— А чомъ же неможно? Якъ кажуть начытана, то повынни и казать и напысана.

— Ну, добре: «Такъ начытана, такъ напысана»...

— Такъ така, кажу, начытана, така напысана, що онъ яка! Зробыла вона соби корабель, изгрузыла его грузомъ, сила въ него тай гайда по морю, по окіяну. Тутъ де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабель та якъ х-у-р-к-н-у-л-а! тай выкынула ажъ у Гамазонське царство... А якъ вы тамъ запысалы?

— А ось якъ: Тутъ де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабель та якъ хуркнула!..

— Не такъ!

— А якъ?

— Де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабель та якъ х-у-р-к-н-у-л-а! тай выкынула ажъ у Гамазонське царство!

Разсказчикъ именно добивается того, чтобы записыватель такъ же раздѣльно и съ такой же интонаціей и удареніемъ записалъ «хуркнула» и другія подобныя слова, какъ произносилъ онъ самъ. Тогда только, по его словамъ, сказка и будетъ записана «настоящимъ маниромъ».

У Ѳомы Проворы если какой-нибудь змій. такъ уже настоящій змій: «Винъ жаръ исть, вугалемъ с . . е, а изъ вухъ дымъ иде; тилько забáче кого, заразъ зубы выскале, рота роззяве, и не пидступай! А хоромы у него такі, шо чорты ёго батька знають! Кругомъ коты морськи муркóчуть. птапікы въ садахъ щебечуть. А собачня? И губати, и кудлати, и мордати, и вухати, и лапати... А царивéнъ! а князивéнъ!.. Ось-ось богатырь змія посяде; ось-ось змій богатыря посяде! Ажъ тутъ де не взялась царúвна! Якъ лынýла змію окропу, такъ винъ такъ и отетеревивъ!.. Писля тóго царевычъ якъ ударывсь у велыкый сонъ, то проспавъ ажъ скилькы тамъ день... Потимъ того сивъ на коня тай пошумивъ; осидлавъ коня крипкéнько, самъ сивъ чопкéнько тай подавсь». У Ѳомы Проворы мошенникъ—не мошенникъ, а «мытець»; одѣваться—не одѣваться, а «капыруватьця»; юноша—не юноша, а «юнашъ»: «ось выходе до неи молодый юнашъ»; компанія—не компанія, а «капелія»; даромъ—не даромъ, а «подурному»; уже—не уже, а довольно или «годи»: «такъ сáме тай уже» (т. е. тай годи); у него не выпросить горилкы, и «выхвоськать»; не всякая ветчина, а «сарапатня» или «всяка рáзнисть»; не покраснѣла, а «зашарилась»; не разсердился, а «заярывся»; не подбираться, а «пидмощуватьця до жинкы»; не ударить кого нибудь по уху, а «зачелябить», не побитый пулями, а «скулябляный»; не дѣвичъ-вечиръ, а «дывúй-вычиръ»; не заручились, а «порукались»; не пообтесался человѣкъ, а «охмолóставсь: помижъ людей ставъ бувать, той охмолóставсь трошкы, а то бувъ такый патúка та маштýла, шо йказать ничого». У Ѳомы Проворы «коняка не пишла въ руку одъ того, шо за нею зажалковано», т. е. что хозяинъ, продавши коня, сталъ жалковать о томъ, что продалъ его; у него царь, прежде чѣмъ войти въ простую хату или лавочку, «скыдае зъ себе свое Велычество», а выходя изъ хаты, «зновъ надивае на себе Велычество»; у него идутъ не гуртомъ, а «лусомъ»; работають не понедѣльно, а «потыжéнно», не налѣзли въ хату, а «нашéвкалысь»; у него одинъ человѣкъ хочетъ прямо получить гроши, другой хочетъ только ходить побиля (около) грошій, а третій—«и грошій и побиля грошій». Если Ѳома Провора говорить про какую-нибудь Гапку, то та «скаженои собакы Гапка якъ пидтыкалась, якъ пидсмыкалась... Та, бодай же тебе, Гапко, якъ же ты насъ пидневúдала»! У него если вода въ рѣкѣ, то «вода якъ серебро»; а если степь или лѣсъ, то непремѣнно «дрем-

лывый лисъ, сонлывый степъ». У него царевна не наѣхала, а «налучила на скелю» и не заплакала, а «ударылась у велыкый плачъ»; хмарка не нахмарила; а «хмарка засмутылась». Сказку онъ большею частью оканчиваетъ такъ: «Задавъ пыръ на ввесь мыръ, и я тамъ бувъ, а не бачывъ того ажъ ни якъ».

Все это вмѣстѣ, и пѣсни, и сказки, и различныя сказанія, могли бы составить отдѣльную, довольно объемистую по размѣрамъ книгу, но я здѣсь приведу лишь одни бытовыя сказанія Ѳомы Проворы, да и то изъ множества ограничусь двадцатью пятью, болѣе или менѣе характерными по своему содержанію.

Дурному ни въ людяхъ ни дома.

ЖУВЪ собі одынъ чоловикъ, Хома, й въ нёго жинка,—хороша прехороша, й до тіеи жинкы та ходывъ полюбовныкъ. Оттó разъ прыйшовъ винъ тай ставъ коло синéй Хомынои хаты, а собáка, Муха, и загавкала на двори А Хома лежыть на печи безъ штанивъ, у проси тай каже: «Державы-державы, Мусю, або я и въ хати не боюся»! А жинка лежыть на подушкáхъ тай говоре: «Отъ, чоловиче, якый ты смилый»!—«О, жинко, я ще й зъ печи злизу та крыкну». Уставъ зъ печи тай крычыть: «Державы-державы, Мусю, або я и въ хати не боюся»! — «О, чоловиче, якый бо ты смилый»! «О, жинко, я ще й и въ сины выйду та тюкну»! Выйшовъ у сины тай гука: «Державы-державы, Мусю, або я и въ синяхъ не боюся»!—«Оце-жъ такы, чоловиче, якый ты смилывый»! «О, жинко, я ще й на двиръ выйду та крыкну». Выйшовъ тай тюлюка... Оттó тилько що выйшовъ винъ на двиръ, а тутъ полюбовныкъ шасть у сины тай сховáвсь! А жинка хрёпъ дверыма тай засунулась!.. Хома и зостáвсь на двори, босый, безъ штанивъ, у в-одний сорочци, й морóзъ хрещéнькый, такый, що ажъ трещитъ. Що тутъ казáты? Сюды-туды, ніякъ не влизе въ хáту. «Дай пиду пидъ викно та покрычу жиньци, щобъ видчынила». Оттó прыхóде тай крычыть: «Жинко, видчыны»! А жинка лежыть на подушкáхъ въ обнимочку зъ москалемъ тай пыта: «Хто

амъ такый? — «Та я жъ, Хома твій»! «Цуръ тоби пекъ! Мійт Хома дома, ось биля бока лежыть». «Шо це за лыха годына»? дума соби Хома: наче-бъ то и моя хата. ажъ. бачъ. выходе, що не моя; чи це на мене наслано, чи це мене сатана обморочила. Дай пиду я та посчитаю хаты зъ краю, чи не знайду своеи». Отъ пишовъ и счыта: «Оцé Грыцькова хата. оцé Стецькова хата, оцé кумына, оцé Хомына... Жинко, видчины»!—«Хто тамъ такый»? «Та я жъ, Хома твій»!—«Цуръ тоби пекъ! Мій Хома, дома ось биля бока лежыть»! «Шо це за лыхо? Це мене и прямъ сатана обморочила... А ну дай зновъ пиду, та посчытаю хаты зъ краю». Пишовъ и вwпять счита: «Оцé Грыцькова хата, оцé Стецькова хата, оцé кумына, оцé Хомына... Жинко, видчыны»! — «Та хто тамъ такый»? «Та я жъ, Хома твій»!—«Та цуръ тоби пекъ! Мій Хома дома, ось биля бока лежыть»! «Отъ це лыхо! Шо тутъ казаты? Дай пиду до кума до Петра та попрошу его, хай мене до хаты до моеи доведе». Отъ и пишовъ. Прыходе до хаты кума Петра тай крычить: «Кумъ, здоровъ бувъ! — «Здоровъ! А хто ты такый»? «Та я, Хома, кумъ твій».—«А, це ты, Хомо»? «Я, куме».— «Чого жъ це ты ничью ходышъ?» — «Та чого? Выйшовъ я изъ хаты тай заблудывъ, та теперъ и не знайду ніякъ свого двора такъ оцé прыйшовъ до тебе, щобъ ты запомигъ моему горю: выйды, спасыби тоби, та доведы мене до хаты». Той кумъ Петро выйшовъ; дывытця на Хому, ажъ винъ завсимъ роздягнутый та щей безъ штанивъ. «Та це ты, куме, босый»?—«Та босый!» «Та ще й въ одній сорочци»? — «Ув-одній сорочци». «А, лышечко! Та ты жъ замерзнешъ, покы я тебе доведу». — «Такъ що-жъ мини казаты»? «А отъ що: сидай мерщий на мене,—я тебе довезу»— «Ну й ну»! Оттó сивъ Хома на кума на Петра тай пойихалы воны. Добралысь до Хомынои хаты; кумъ Петро заразъ пидъ викно тай гука: «Кума, здорова була»! — «Здоровъ бувъ! А що ты таке есть»? «Я Петро, кумъ твій! — «А що тоби треба, куме?»—«Та що? Визьмы свого Хому, ато замерзне». — «Шо ты, куме, мій Хома дома, ось биля бока лежыть; ось озвысь, Хомо». «А хто тамъ такый»? гукнувъ полюбовныкъ на такый самый голосъ, якъ голосъ Хомы. Слуха Петро, такъ такы якъ есть голосъ Хомы. «Шо жъ це воно таке сыдыть на мени»?—«Та то, куме, сатана! Ось полапай его, якъ що волохате, такъ то небезпременно сатана»! Лапнувъ кумъ Петро, ажъ воно волохате... Якъ кынетця жъ годи Петро видъ викна, якъ хокне зъ себе Хому та давай тикать.

Бижыть та хрыстытця: «А, Господы Сусе Хрысте, це жъ мене сатана осидлала»... Зоставсь уныть Хома, босый, въ одній сорочци на морози. Стоявъ-стоявъ, й дали надумавсь тай пишовъ спаты у хливъ. А въ хливи лежавъ бугай; винъ пидибравсь пидъ бугая, тай заснувъ. Отто чуть стало розвыднятыця на двори, а жинка вже й выпустыла изъ хаты полюбовныка, й сама пишла по-двору тай туже за Хомою: Головонька жъ моя бидная, головонька моя бесчасная! Нема жъ мого хозяина та нема жъ мого порадныка!».. А Хома ось и выходе изъ хлива. «Де це ты бувъ»?— «А хиба ты не знаешъ де? Я вчора до тебе стукавъ-стукавъ, а видъ тебе ни слуху, ни духу». «Шо ты? Богъ зъ тобою! Я за тобою усю ничъ выбигала и по двору и по задвиркахъ и по вулыцяхъ, а тебе наче злыдень злызавъ».—«Дывно мини, а я усю ничъ простукавъ у тебе пидъ викномъ, а ты одно: Мій Хома дома, ось били бока лежыть»... Такъ я пишовъ у хливъ, пидгорнувсь пидъ рябого бугая тай заснувъ». «Шо це ты кажешъ»? — «А шо?» «Такъ ты пидъ бугаемъ ночувавъ»? — «Пидъ бугаемъ». «Ахъ, ты скажена собака! Шо жъ це ты наробывъ?»— «Та шо жъ я тамъ наробывъ»? «А то, шо ты теперь тильный. — отъ шо»! Давай его ляты та прыговарываты: «Ахъ, побыла бъ тебе лыхая годына та несчаслыва! И шо теперь казаты зъ тобою? Чи ты знаешъ, шо ты теперь скоро будешъ телытьця?.. Ну, отъ же шо я тоби скажу: иды ты у чужу слободу та тамъ и телысь, а въ своій слободи и славы не набирайсь». Та знову давай его ляять та прычитуваты. «Та хай грецъ твоему батькови! Я й пиду на чужу слободу, абы ты тилькы не лаялась»... Отъ и зибравсь Хома. Узявъ мишечокъ, хлиба въ мишечокъ, тай пишовъ на чужу слободу телытьця. Иде соби та йде, та все полемъ та ярами, шобъ страму не набыратьця, ажъ гулькъ, на дорози лежать шматкы чоловичого тила: вовкы прохожого розирвалы. Голова одали, рукъ зовсимъ нема, а ногы у чоботяхъ, заморожени. Дывытця Хома на чоботы—добри. «Дай визьму соби, воны здадутця». Узявъ тай пишовъ дали, у слободу. Прыходе у слободу и давай просытьця у людей ночуваты, бо було, бачъ, уже пидъ-вечиръ. Упрохався до одного мужыка. Бачуть хозяинъ та хозяйка, що винъ крипко намерзся тай кажуть ему: «Лизь, чоловиче, на пичъ та тамъ соби и обигрійсь». Хома полизъ на пичъ та, довго не думаючи, и захропъ тамъ. А тимъ хозяинамъ та Богъ давъ у ночи прыбыль: коровка отелылась, а морозъ бувъ сыльный, телятко й обмерзло.

Хозяинъ и каже: «А що, жинко. унесімъ ёго въ хату та положымъ на пичъ». — «А що жъ? унесимъ»! Унеслы тай положылы на печи, якъ есть биля Хомыного бока. А Хома собі спыть и не чуе, що биля нёго лежыть теля. Прокынувсь ажъ у глупу (глухую) пивничь. лапъ! ажъ коло нёго теля. «Господы Сусе Хрысте!.. Якъ же це я отелывсь, що й не чувъ»? Полапавъ коло себе—мокро. «Такъ и есть отелывсь... Ну, одначе, слава тоби, Боже!».. Та скорійшъ зъ печи та шапку въ охапку, а кожухъ на плечи та давай, Богъ, ногы видъ тыхъ хозяивъ... Та такъ швыдко вдравъ, що й чоботы зъ чоловичимы ногамы забувъ на пичи... Чуть свитъ, а хозяинъ и хозяйка уже й прокынулысь. Прокынулась та заразъ на пичъ, щобъ подывытьця на теля. Туды, а тамъ теля есть, а чоловика, що спавъ, нема.—одни чоботы зъ ногамы. Що це за лыха годына? Та це, жинко, наше теля прохожого чоловика зъило! Що тутъ казаты»? — «Та що жъ тутъ, чоловиче, казаты? Бижы скорійшъ до попа»!.. Побигъ чоловикъ до попа, розеказавъ ёму про всю оказію, а пипъ выслухавъ тай каже: «Це у васъ антыхрыстъ народывся! Треба ёго скорійшъ убыты, а то винъ и насъ усихъ поисть, та треба-бъ убывшы те теля, и хату освятыты».—«Ну що жъ? якъ убыты, то и вбыты». Отто убылы ёго швыденько, закопалы въ землю, а хату освятылы. А Хомі й байдуже: мерщій чвала соби додому. Прыйшовъ додому та скорійшъ у хату та до жинкы своеи. «Ну, жинко, молысь Богу: я отелывсь! Та ще якъ? Такъ, що й не чувъ».—«Що жъ тоби Богъ давъ, чоловиче, чи бычка, чи телычку»? «Та я бъ тоби, жинко, и сказавъ, такъ и самъ не знаю, що воно тамъ таке й е».—«Охъ, ты, ёлопе, ёлопе, божевильна голово! Не зна, що у нёго и найшлось... Якъ бы ты бувъ путящій чоловикъ, то узявъ бы ёго додому, отъ бы намъ и корысть». Давай ёго лаяты, давай ёго коренయты, ажъ у вічи лизе. Та годи тоби лаятьця: ну, я пиду озьму своє теля».— «А якъ же ты ёго визьмешъ, розумна ты, голово»? «Та якъ? Пиду тай озьму; прыйду туды, де ночувавъ тай скажу: виддайте мое теля, бо я у васъ ночувавъ тай отелывся». — «Тютю, дурный! Хиба жъ такъ можно? Ты прыйды туды, де ночувавъ, стань пидъ ворітьмы тай мычы: «Му-му-му»!.. А теля почуе тай обизветця до тебе, отъ тоди ты ёго и беры». Отъ Хома узявъ мишечокъ, хлиба въ мишечокъ тай подавсь. Прыйшовъ у село, найшовъ тамъ той двиръ, де ночувавъ, положывъ голову на ворота тай давай мычать. Мычить тай мычыть, а теля все не

одзываетця. Колы це выходе хозяинъ двора тай пыта єго: «Чого ты тутъ, мужыкъ, мычышъ»?—«Та чого? Я тутъ у васъ недавно ночувавъ тай отелывсь на печи, такъ теперъ жинка прыслала мене, шобъ я взявъ у васъ свое теля».—«А, такъ це ты»? «Я».—«Ну, иды жъ ты у хату, такъ мы тоби и виддамо твое теля». Хома здуру и пишовъ. Отъ тилько шо винъ на порогъ, а тутъ якъ ухопылы єго за шерсть та якъ почалы кулачыты, шобъ не робывъ славы людямъ та не лякавъ ихъ. Кулачылы-кулачылы, трохы печинькы не видбылы; поты єго вчылы, покы Хома якось не вырвавсь изъ рукъ та не втикъ изъ хаты. Якъ выхопывсь изъ хаты та тоди давай Богъ ногы: насылу зъ душею втикъ. Прыходе додому, до своєй жинкы, а вона єго и пыта: «Ну, шо, чоловиче, узявъ свое теля»?—«Хай тебе побье лыха годына съ твоимъ телямъ». Теперъ я знаю, шо то воно за теля таке було».—«Тю-тю на тебе! Верзе не знать що: сказано—«дурному ни въ людяхъ, ни дома», то такъ воно й есть.

Чоловикъ на роботи у чорта.

Жывъ чоловикъ у одного сукkыного сына молодого пана. Тяжко тому чоловикови було; на роботу панъ пиднимае рано и муче роботою страшенно. «Дай-ка пиду я къ чорту пороблюсь», каже чоловикъ. Отъ и пишовъ. Иде, ажъ дывытця, чортъ иде у шестерыку въ колясци. «Здоровъ»! — «Здоровъ»! «Наймаешъся»? — «Наймаюсь»! «А шо берешъ»?—«Сто четвертей хлиба та сто карбованцивъ грошый на годъ». Договорылысь, поихалы. Прывозыть єго чортюга у таки хоромы, шо чорты єго батька знають! «Ну, прыкащыкы, каже чортъ, оце напявъ я соби чоловика, та трошкы дорого давъ».—«А за скилькы»? «За стилькы и за стилькы»... «Оце-жъ жывы у мене, чоловиче, не вмывайсь и Богу не молысь». Жыве той чоловикъ. И, добренна ёму жысть пишла! На снидання горилка, на обидъ горилка, на вечерю горилка. Жывъ-жывъ той чоловикъ, обрыдло ёму ничого не роблячи. «Шо це за

жыєть чортяча, шо безъ роботы»! — «Эге, тоби ще цилый мисяць треба поправлятьця, а тоди вже за роботу братьця», каже чортъ. Проживъ чоловикъ ще мисяць. «Ну, теперъ и за роботу»! Далы ёму коня тай кажуть: «Беры, чоловиче, оцего коня та возы имъ дрова та топы пичъ». И ставъ чоловикъ возыты дрова та топыты пичь. Возывъ-возывъ, коли кынувсь, ажъ винъ пекло топыть, а тамъ-же-жъ, у тому пекли, тихъ душъ, що кыплять у смоли!... Якъ побачывъ винъ те, та якъ хвосне коня, а кинь и пырыкынувсь у старого пана, того, що колысь орудувавъ цимъ самымъ чоловикомъ та катувавъ ёго. Перекынувсь кинь тай розсказавъ чоловикови, якъ то тамъ, у пекли, поганымъ панамъ доводытця, тай давай прохаты ёго, шобъ винъ и сынови ёго запобигъ объ тимъ сказаты. «А теперъ, каже, ударь мене лозынкою, то я упьять стану конемъ». Ударывъ той чоловикъ пана лозынкою, и панъ зновъ перекынувсь у коня. Чоловикъ упьять возыть дрова та вугалля та пидемалюе пекло. Служывъ-служывъ, тры дни до году не дослужывъ тай каже: «Ну, одпустить-же мене, бо я не можу бильшъ служиты вамъ». «Ну що-жъ? Якъ не можешъ, то й не служы». Дають ёму хлиба, становлють ёму пляшку горилкы, дають срибло-злото. «Не хочу я вашого ни срибла, ни золота, бо воны проклятни». Воны тамъ довай гнивытьця на него. Баче винъ, що воны гнивлятця, змивъ у платочокъ те срибло та злото та и взявъ зъ собою. Зарядылы воны ёмы корету, запряглы шестеро коней, винъ шурхъ! тай поихавъ. Прыизжа додому, прынесе жинци грошн, колы жинка якъ глянула, а винъ и на чоловика неехожый, — чорный якъ чортъ! Геть и прогнала ёго видъ себе. Пишовъ тоди чоловикъ до сестры; сестра якъ побачила ёго, прывитала, посадыла, обмыла, обхаючила. Отдыхнувши у сестры, подавсь винъ до свого молодого пана тай розсказавъ ёму, якъ ёго батько на пекло дрова та вугалля возе. Той, выслухавшы все, роздавъ свое мущество нищымъ, а землю подарувавъ на церкву, и якъ умеръ, то вже ёму не досталось такъ, якъ батькови возыты дрова на пекло.

Запорожець та мертвякъ.

Якось пишовъ запорожець побиля кладовыща тай зайшовъ на гробкы. Дывытця—стоить хрестъ. Пидийшовъ винъ до хреста, вынявъ изъ-за халявы рижокъ тай стука имъ объ хрестъ; стука та ще й прыговорюе: «Покойнычкы-старычкы, а-ну-лышъ вставайте, у рижкы постукаемъ, табачку понюхаемъ».—«А давай, колы що есть»! озвалось щось ззади запорожця. Обернувсь козакъ назадъ, колы глядь, ажъ воно мертвякъ; Замистъ очей—ямкы, и замистъ носа—дирка. Простягъ кыкты до запорожця тай каже: «А давай-давай, колы що есть нюхаты»!... Запорожець неробкого десятка бувъ. «На, каже, нюхай»! Постукалы въ рижокъ, понюхалы. Тоди мертвякъ и каже: «Ну, ходимъ же теперь зо мною».—«Ходимъ», каже запорожець. Отъ и пишлы. Прыйшлы на слободу, пидийшлы до першои хаты. Дывытця мертвякъ на хату, ажъ тамъ перехрещено. А то, бачъ, якъ люде лягають спаты, то хрыстять викна та двери, щобъ нечыста сыла въ хату не влизла. «Ни, сюды не йдимъ,—тутъ перехрещено». Пишлы до другои хаты. Подывывсь мертвякъ и каже: «Ни, и сюды не йдимъ, бо й тутъ перехрещено». Пишлы до третёи. «И сюды не йдимъ, тутъ тежъ перехрещено». Прыйшлы до четвертои. Мертвякъ и каже. «О-сюды йдимъ,—тутъ не перехрещено». Увійшлы у хату, а тамъ лежыть дытына у колыски, а на столи стоить пивъ-видра горилкы. Мертвякъ заколовъ дытыну, наточывъ видро крови тай сивъ за стилъ. Сивъ и запорожець. Сыдять и пьють: запорожець горилку, а мертвякъ кровъ. Сыдилы воны, сыдилы, ажъ покы повыпывалы— мертвякъ видро крови, а запорожець пивъ-видра горилкы. «Ну, отдведы жъ теперь мене туды, де взявъ», каже мертвякъ запорожцю. Запорожець повивъ. Отъ прыйшлы воны до кладовыща; найшовъ мертвякъ ту могылу, звидкиля вылизъ, тай давай лизтывъ гробъ: самъ ширнувъ тай запорожця за каптанъ ухопывъ,— хотивъ и его за собою утягты. Баче запорожець, що лыхо та шаблею якъ сиконе по каптану, то такъ пола и зосталась у зубахъ мертвяка: пишовъ мертвякъ зъ полою на той свитъ.. Якъ бы не одирвавсь запорожець, такъ мертвякъ бувъ бы втягъ и его въ гробъ. Прыходе у ранци запорожець до козакивъ, а воны й пытають его: «А де це ты бувъ»? А винъ и каже: «Отака та

онъ яка мени прычта була». Воны не повирылы ёму,—повелы до кошового. Прыйшовъ запорожець до кошового, розсказавъ ёму про свою прычту. Кошовый тежъ не йме ёму виры. «Шо жъ, каже тоди козакъ, якъ шо мени не вирыте, то одкопайте могылу того мертвяка та подывитця на нёго, то, може, й повирыте». Пишлы воны до кладовыща, одкопалы мертвяка, дывлятця, ажъ воно такъ: лежыть винъ у гробу и полу въ зубахъ держыть та ще й посмихуетця. Тоди повирылы. Отъ такъ-то не займай мертвякивъ! Це въ старовыну було. Тоди мертвякы ходылы, а теперъ уже не ходять, бо ихъ заклынають; тоди и чортивъ бильшъ було, а теперъ воны въ Омерыкы десь провалылысь.

Якъ чоловикъ клада соби найшовъ.

Визъ чоловикъ бублыкы тай щастя соби найшовъ, — мишокъ грошый: чорты загубылы, якъ по панову душу издылы. Иде додому тай дума, чи сказаты жиныци, чи ни: якъ сказаты, то вже не вмовче, а розблягузка; якъ не сказаты, побаче грошi, буде допытуватьця, де взявъ. Якъ бы ёго зробыть шохъ-мохъ?.. А отъ хиба шо: сплету ій вмисти зъ правдою брехню. Отъ то прыихавъ додому тай каже: «Ну, жинко, я соби щастя найшовъ». — «А яке, чоловиче?» «Та яке? Михъ грошій! Ихавъ я по степу, а тутъ якъ зайшлы тучи, якъ зайшлы тучи, спершне бублыкова, та такъ и розсыпалась бублыкамы; а потимъ якъ зайшла кизякова, якъ зайшла кизякова, та такъ и розсыпалась кизякамы, а зъ неи михъ грошій бу-бухъ! та прямо мени на визъ».—«А я й не бачила, моя годыно, такыхъ тучъ». «Не бачыла, ажъ воны справди есть. Та ты лучче отъ шо: мовчы та никому не кажы, а то и въ судъ потягнуть, и грошi одберуть.—Та, Боже мій! та, батю мій! Та хиба жъ я тоби ворогъ? та чи я жъ тоби не дружына вирная? та чи ты жъ мене не знаешъ? та чи я жъ тебе?..» «Ну, то-тожъ гляды». Отъ вона мовчала-мовчала, не втерпила, побигла до сусиды тай розблягузыла: «Оце жъ моя сестрычко, мій чоловикъ та найшовъ мишокъ грошій».— «Та де жъ винъ? та якъ же винъ?» «Та якъ? Я тоби скажу, та ты

тилько мовчи и никому не кажы!»—«Та хиба жъ я тоби непрыятель? та хиба ты мене, сестрычко, не знаешъ? та хиба мени первына отъ тебе слухать? «Ну, то-то жъ гляды!» — «Такъ якъ же винъ найшовъ? «Та якъ? Ихавъ по степу, а тутъ якъ нахмарыло та якъ зайшла туча, сперше бублыкова, а потимъ кизякова, а зъ тіеи тучи прямо ему въ визъ михъ грошій»!.. Отъ одна по одній, одна по одній, якъ отъ сорока сороци, ворона ворони, то такъ и ти жинкы. Дійшла чутка до станового, чи тамъ до справныка. Осъ бижыть винъ на тройци та ще й зъ колокольчыкомъ. «Де тутъ той чоловикъ жыве, що мишокъ грошій найшовъ»?—«А ось тутъ, кажуть, ваше благородіе». «Ты мишокъ грошій найшовъ»?—«Ни, пане, я и знаты не знаю, и видаты не видаю». «Якъ же ты знаты не знаешъ и видаты не видаешъ, якъ твоя жинка казала»? — «А якъ вона, ваше благородіе, казала? «Вона казала, що якъ ихавъ ты степомъ, а тамъ зайшла туча, сперше бублыкова, а потимъ кизякова, а зъ неи михъ грошій тоби на визъ». «Та помылуйте, ваше благородіе, якій жъ такі тучи бублыковы та кизякови бувають? Де жъ воно таке дыво въ свити есть? То воно въ неи выгадкы таки! Вона у мене божевильна»... Розпушукавъ тоди становый, що воно и справди выгадкы, сивъ на тройку тай подàвсь соби геть. А чоловикъ той жыве та пожывае та добро нажывае.

Сравни Драгоманова. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ. 1876, 173.

Чудова коробочка.

Бубъ собі одынъ биднякъ, такый биднякъ, такый уже биднякъ, що й исты у него нема чого. Выпрохавъ винъ у якогось чоловіка коробочку жыта тай пишовъ молоты. Змоловъ, иде додому, ажъ ось пиднявсь витеръ и выкінувъ усе изъ коробочкы. Прыйшовъ чоловикъ зъ порожнею коробочкою додому, а жинка якъ побачыла его, якъ ухопе качалку тай давàй ею качалкувать свого чоловика. Одкачалкувала тай выгнала зъ дому. Выйшовъ винъ на шляхъ тай плаче. Ось иде витрова мате. «Чого ты, чоловиче, плачешъ»?— «Та чого я плачу? Того и того». Узяла его витрова мате, повела до

Бога. «Дай ёму, каже, Господы, шо небудь таке, шобъ винъ мигъ житы» — Шо-жъ ёму даты? На, та дай ёму оцю коробочку. А якъ захоче винъ исты то хай тилькы скаже: «Коробочко, дай мени исты». Узявъ той чоловикъ коробочку, прыйшовъ додому. А жинка якъ побачыла его та вньять за качалку... Чоловикъ той, недовго думаючи сивъ за стилъ тай каже: «Коробочко, дай мени исты»! Хи! — тутъ, по ёго слову, чого тилькы изъ тіеи коробочкы и не выскочыло! И печене й верене, и жарене й шмалене... А шо вже тіеи горилкы, шо того уже вына, шо тихъ медивъ, шо тыхъ пывивъ, такъ и казаты ничого. Наивсь-напывсь чоловикъ, лигъ спаты. Баче жинка таку сторію тай соби каже: «Коробочко, дай мени исты»!... И ій тежъ выскочыло... Наилас診-напылась, лягла спаты. Отто живуть воны день, живуть тыждень, живуть и мисяць. Десь узялысь паны идуть на тройци та ще й зъ колокольчыкомъ. Уихалы у село, де жывъ той чоловикъ зъ своею жинкою, остановылысь тай давай лагодытьея, шобъ обидать. Баче те жинка тай каже чоловикови: «Пиды-лышъ, чоловиче, та поклычь до насъ отихъ панивъ обидаты». Винъ и пишовъ; пишовъ и давай заклыкать до себе панивъ. Дывлютця на него паны тай кажуть мижъ собою: «Шо тамъ у него за обидъ такый? Хиба пидты та подывытьця»? Отъ и пишлы. Прыйшлы, силы за стилъ. А чоловикъ и каже: «Коробочко, дай-ка намъ исты». Тутъ воно якъ выскочило звидтиля, батю мій! Чого тамъ и небуло?... Поилы ти паны, попылы, полягалы спаты. Лягла и чоловикъ та жинка спаты. То паны чи спалы, чи не спалы, уже й прокынулысь, а чоловикъ та жинка ще сплять. Тоди паны и кажуть мижъ собою: «Давай украдьмо у ихъ оцю коробочку, а имъ другу поставымо» — «Давай». Узялы тай и счекалы. Ото якъ хозяинъ та хозяйка вста́лы, то паны подякувалы ихъ тай подалысь. Ось прыйшовъ вечиръ; жинци захотилось исты. Отъ вона взяла коробочку, поставыла іи на стилъ тай каже: «Коробочко, дай мени исты»! А жъ зъ неи ничого й не выходе. «Коробочко, дай мени исты»! А зъ неи зновъ ничого невыходе. Якъ ухопыла-жъ вона качалку тай давай чоловика ею качалкувать. Была-была та тоди и каже. «А ну, прохай ще ты»! Ставъ винъ прохать и въ него ничого невыходе. Пишовъ тоди упьять чоловикъ на шляхъ тай зновъ плаче. Иде Божа мате. «Чого ты, чоловиче, плачешъ»? — «Та того-то и того». «Ходимъ зо мною». Пишлы. Прыйшлы до Бога, а Божа мате и каже: «Дай ёму, Боже, чого-небудь такого, шобъ ёго заспокоить». — «Чого-жъ тоби даты,

чоловіче»? «Та дай мені, Боже, таке, щобъ мене жинка боялась». Богъ и давъ ёму бочоночокъ. «Оце-жъ тобі, чоловіче, бочоночокъ: возьмы та бережы ёго: а якъ хочешъ, щобъ тебе жинка боялась, такъ ты тількы скажы: «Зъ бочоночка та на мою жинку»! Узявъ чоловікъ той бочоночокъ, прыйшовъ додому; а жинка дывытця на нёго тай пыта: «А що це ты прынісъ, такый-сякый»? — «Бочоночокъ»! «А що зъ цего бочоночка? Ты-бъ прынісъ, собачій сыну, коробочку! Де твоя коробочка»?... Та выгять за качалку. Баче чоловикъ, що лыхо, тай каже тоді: «А-ну, зъ бочоночка та на мою жинку»! Тутъ якъ выскочыло воно, якъ зачало ій духопелыты, якъ зачало гатыты та кулачыты!... Такъ вона и Хрыстомъ и Богомъ давай прохаты чоловіка, щобъ винъ переставъ. «Ну, теперъ зъ моеи жинкы та въ бочоночокъ»! Перестало воно. Тоди взявъ той чоловикъ бочоночокъ тай подався до пана, що вкравъ у нёго коробочку. Прыйшовъ до пана тай каже: «Оддай мени пане, мою коробочку, бо ты у мене обйдавъ тай обокравъ мене.— «Яку таку коробочку? И знаты не знаю и видаты не видаю. «А, такъ ты такъ?... Зъ бочонка та на ворогу пана»!.. Тутъ якъ выскочило воно зъ бочонка, якъ почало того пана лупыты, якъ почало вчіты, такъ винъ згадавъ и батька своего матиръ: оддавъ чоловікови ту коробочку, а самъ навтикача!. Тоди прынісъ чоловікъ той коробочку додому, сівъ за стилъ тай каже: «Коробочко, дай мени йисты»! Тутъ якъ выйшло зъ нёи и печёного, и варёного, та такого, що, батю мій!... И стала тоді жинка почытаты свого чоловіка, а чоловікъ жыве собі, не зна ни биды ни горя, тилько коробочку вже подальше прыхохулюе.

Безъ Бога не до порога.

Робывъ чоловíкъ каюкъ, ажъ ось идé Богъ. «Здорóвъ, чоловíче»! — «Здоровъ». «Шо ты, чоловíче, рóбышъ»?—«Каюкъ»! «Якъ Богъ дасть, то й бýде каюкъ». «Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бýде каюкъ». Робывъ—робывъ, перевернýвъ на корыто. Идé Богъ. «Здорóвъ, чоловíче»! — «Здорóвъ»! «А шо ты рóбышъ»?— «Корыто»! «Якъ Богъ дасть, то й бýде корыто». — «Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бýде корыто». Робывъ—робывъ, перевернýвъ на ваганы. Идé упьять Богъ. «Здоровъ, чоловíче»! — «Здорóвъ». «Шо ты рóбышъ»? — «Ваганы». «Та якъ Богъ дасть то й бýдуть ваганы».—«Та тутъ и безъ Бога выдко, шо будуть, ваганы». Робывъ—робывъ, перевернýвъ на полонныкъ. Идé упьять Богъ. «Здоровъ, чоловíче»! — «Здоровъ»! «Шо ты рóбышъ»? — «Полóнныкъ»! «Та якъ Богъ дасть, то й бýде полóнныкъ». — «Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бýде полóнныкъ». Робывъ — робывъ, перевернýвъ на лóжку. Идé Богъ. «Здоровъ, чоловíче»!—«Здоровъ». «Шо ты рóбышъ»?—«Лóжку». «Та якъ Богъ дасть, то й бýде лóжка».—«Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бýде ложка». Робывъ — робывъ, перевернýвъ на веретéно. Идé упьять Богъ. «Здоровъ, чоловíче»! — «Здоровъ»! «Шо ты рóбышъ»? — «Веретéно». «Та якъ Богъ дасть, то й бýде веретéно».—«Та тутъ и безъ Бога выдко, шо буде веретéно». Робывъ — робывъ, перевернýвъ наконéць тóго на шпычку. Идé упьять Богъ. «Здоровъ, чоловíче»! — «Здоровъ»! «Шо ты рóбышъ»? — «Шпычку»! «Якъ Богъ дасть, то й бýде шпычка». — «Та якъ бы-то Богъ давъ»! Якъ сказáвъ винъ таки слова, то такý шпычку удрáвъ, шо ажъ зъ трёмá рижкáмы!

Щыра любовъ.

Выйшла одна дíвка за пáрубка зáмижъ: та вже такъ ёгó крéвно любыла, такъ любыла, шо онъ якъ! Отъ разъ и пытá ёго, де у нёго душá. «Моя душа у рогачи». Вонá озолотыла тóй рогáчъ, постáвыла ёгó на пóкути тай давáй ёму молытьця. Дывытця

винъ на неи тай каже: «Э, ни, моя душа у кочерзи». Озолотыла вона̀ кочергу̀, поста́выла на по́кути и давай молытыця кочерзи. «Э, ни, моя душа у лопати». Озолотыла вона̀ лопа́ту тай поста́выла на по́кути та впьять дава̀й молытыця. «Та на́-що це ты ро́бышъ»?—«Э, Боже мій, тамъ-же твоя ду́шечка, а я жъ тебе́ люблю, то я на те́бе довжна́ Богу молытыця». «Э, ду́ра, ду́ра безсере́жна! Моя душа та тобй и не прыснытця, де вона́ и есть! Моя душа у водяній кози, а въ кози полёвый заяць, а въ за́йцеви ка́чка, а въ ка̀чци яйце́,—отъ де моя душа! Якъ почу́ла вона́, де его̀ душа́, и дава́й пидку́плювать охо́тныкивъ, шобъ воны убылы ту ка́чку. Воны и вбылы—убылы тай прынеслы те яйце́ ій. Вона́ узяла́ яйце́ та якъ уда́ре его̀ объ зе́млю, а чоловикъ той тилькы бу-бухъ! Такъ и вмеръ. Отъ які ци жинкы!

Дуже розумный чоловикъ.

Задумавъ чоловікъ ясла сплестй. Наволікъ у хату палокъ та хворосту̀ тай плете́. «Жинко, каже, чи такъ»?—«Такъ-то, такъ, та зъ хаты якъ»? А винъ собі плете тай плете та все пыта: «Жинко, каже, чи такъ»?—Такъ-то, такъ, та зъ хаты якъ»? А винъ соби плете, тай плете. «Жинко, каже, чи такъ»? — «Такъ-то такъ, та зъ хаты якъ»? Изпливъ чоловикъ ясла, колы кынувсь, ажъ воны изъ хаты не вылѣзють. «Оце́ матери его чортъ»! Давай тоді жинку коренйть та лаять, на́че объ то вона тому вынувата була́. Ла́явъ—лаявъ, тоді давай роспручувать те, шо сплывъ. Розпрутывъ, на двиръ выволикъ та на двори уже и сплывъ. Ду́же розу́мный чоловікъ!

Якъ треба и якъ нетреба казать.

Ишовъ якось чоловикъ зимнёи добы шляшкомъ та дорожкою, а тутъ пиднялась хуга. Ишовъ винъ, ишовъ тай зблудывсь. Дывытця, середъ степу стоить хатка. Кругомъ усе чысто заметено снигомъ, а вона стоить соби тай байдуже. Прыдывляетця чоловикъ, ажъ у хатци свитытця. Пидійшовъ винъ до тіеи хатки,—баче двери. Одчынывъ двери, увійшовъ у середыну, дывытця, ажъ тамъ коло стола сыдять два якись-то старыкы, сиди—сиди, наче те молоко, сыдять и читають кныжечкы. «Пустить, старычкы, у хатку поночувать». — «Иды, чоловиче божій, ночуй». Отъ той чоловикъ, сивъ на лави тай сыдыть, а старычкы коло стола читають кныжечкы. Чыталы воны, чыталы, потимъ встали изъ-за стола, давай кашу варыть у печи. Зварылы кашки въ горщечку манюсюренькому,—такому, шо й дывытьця ни на що. Поставылы той горщечокъ на стилъ тай кажуть тому прохожающому чоловику: «Сидай, чоловиче божій, за стилъ, та ижъ кашу». Той подывывсь на горщечокъ тай дума соби: «Шо тутъ таке исты»? Одначе сивъ за стилъ и давай исты. Ивъ - ивъ, а воно й циле; наивсн добре, а воно все такы циле. Ото зъ тимъ, шо й лягать спаты. Колы ось одынъ старычокъ выйшовъ изъ хаты, подывывсь тамъ сюды-туды та зновъ въ хатку. «А шо тамъ на двори»? Пыта его другый старычокъ. «Та тамъ боже божество»! А воно тамъ мете та бье таке, шо й свита не выдко. Ось выйшовъ изъ хатки и чоловикъ. Подывывсь та скорійшъ у хатку. «Казалы, шо тамъ боже божество, ажъ воно чортъ его й носа выткне»! Тилько шо сказавъ винъ таки слова, якъ де ти й старычкы, де та й хатка подилысь!.. Иде по степу другый чоловикъ. Ось пиднялась хуга. Дывытця винъ, середъ степу стоить хатка и въ тій хатци свитъ мыготыть. Пидійшовъ винъ до хатки, одчинывъ двери, увійшовъ у середыну, баче тамъ коло стола сыдять два старычкы, сывы-пресывы, и чытають кныжечкы. Помолывсь винъ на образы, поклонивсь старычкамъ, ставъ коло порога тай каже: «Пустить, божи старычкы, прохожого чоловика переночувать».— «Ночуй», кажуть воны ему, а самы все сыдять та читають. Сидылы-сыдилы, потимъ загорнулы кныжечкы, и давай кашу варыть. На-

варылы кашкы у манюсюренькому горщечку тай поставылы ёго на стилъ. «Сидай, чоловиче божій, за стилъ та нжъ кашу». Перехрестывсь той чоловикъ на иконы, сивъ за стилъ тай давай исты; исть соби тай исть; ивъ-ивъ, а воно й цилe. Наивсь, выйшовъ изъ хаткы, подывывсь у степь, а воно мете, а воно бье та дме. «Ну, шо тамъ робытця у степу»? Пытають у чоловика старычкы.—«Та тамъ таке, шо й свита божого не выдко, и якъ ёго у Бога и йты»? «А для чого жъ тобы йты? Лягай соби въ хатци тай спы, а въ раньци встанешъ, то зъ Богомъ, куды тоби треба, и йды». Такъ винъ, той чоловикъ, усю ничъ въ тій хатци и проспавъ, а въ раньци вставъ, подякувавъ старычкамъ тай подавсь туды, куды ёму треба було йты.

Якъ чоловикъ высыжувавъ лебедятъ.

Бувъ соби одынъ чоловикъ, такый ледащый, такый уже ледащый, шо й хвоста коту не завьяже; а жинка у нёго така до роботы палка, така уже палка, шо и въ день робе и въ ночи не спыть та все объ роботи дума. Отъ то прыйшлы якось жныва. Чоловикъ и дума, якъ бы ёго зробыть такъ, шобъ у степъ не йты. «Жинко»!—«А шо»? «Ты не знаешъ, яка дорога птыця лебедь»?—«Ни, не знаю, чоловиче». «А я оце бувъ у базари, въ городи, такъ бачывъ, якъ тамъ одынъ панъ та сто карбованьцивъ давъ за двохъ лебедивъ».—«Отъ якъ»! «Такъ саме! Такъ оце я отъ шо думаю».—«А шо»? «Йды ты въ степъ, а я сходю у базарь, куплю лебедячыхъ нецъ та сяду ихъ высыжувать, а тамъ якъ высыдю лебедятъ, то черконý таки грошп, шо онъ яки»!—«Ну, шо жъ? Якъ ти лебеди таки дороги, то купуй та высыжуй, а я буду робыты сама у степу». Отъ той чоловикъ поихавъ у базарь, купывъ лебедячыхъ нецъ, прывизъ ихъ додому, зробывъ обичайку, помостывъ въ нея мнягкенькои соломкы, поклавъ у соломку яйця, знявъ зъ себе штаны, сивъ тай сыдыть на лебедячыхъ яйцахъ, сыдыть та ще й квокче. А жинка робе въ степу. Ось прыходе вона зъ степу додому тай крычыть: «Лебедю мій, лебедю»! — «Ду-ду-ду»!

«Нетоньки тоби дать»?—«Ту-ту-ту!» То вона накорме-напое ёго, а сама выпьягь у степъ. А винъ напотця-напьетця, розгорне въ обычайни солому, зниме зъ себе штаны, саде тай дрима. Ось жинка уньять прыходе изъ степу и вньять гука: «Лебедю мій, лебедю»!—«Ду-ду-ду»?—«Нетоньки тоби дать»? — «Ту-ту-ту»! Уньять вона напое-накорме ёго, а сама въ степъ. Якъ ось иде по степу москаль. «Здрастуй, малотка»!— «Здрастуйте, господа служба»! «Что сама рабатаешь? аль мужа нѣтъ»? — «Та винъ-то есть, та, не вамъ кажучи, якъ ти лебеди на води, та ъ и винъ, сыдытъ у хати та лебедятка высыжуе». «Какъ такъ»? — «Та такъ та онъ якъ! Теперь дуже дороги лебеди такъ винъ хоче высыдить лебедять та продать». «Вотъ какъ»!—«Такъ же, служывый, такъ»! «А гдѣ же онъ сидитъ?»—«Та отамъ, господа служба, и тамъ». «А какъ же его спрасить»?—«Та треба сказать: лебедю мій, лебедю, нетоньки тоби дать, тоби внъ и озветця». «Гм! Надо на так е диво посмотрѣть!» — «Тай посмотрить»! Отъ и пишовъ москаль. Прыходе у слободу, находе двиръ того чоловика, уходе у хату тай кричыть: «Лѣбидю мой, лѣбидю»!—«Ду-ду-ду»! — «Нетоньки тобѣ дать»? — «Ту-ту-ту»! одвича чоловикъ тай вылазе изъ обычайни. Тутъ якъ ухопывъ же его москаль у рукы, якъ почавъ чесать по голій с..и а малахаянка у него кепська! Якъ почавъ чистить!.. Якъ почавъ!.. Якъ вырвався жъ той чоловикъ изъ рукъ москаля та въ степъ до жинкы. Жинка баче таке диво тай крычыть: «Шо це ты, чоловиче? А якъ же лебедячи нечки»? — «Протухли, жинко, такъ я и покынувъ ихъ геть»... А де тамъ у гаспида протухлы? Винъ его, той москаль, такъ отходложывъ, що чоловикъ днивъ зъ тры не мигъ и дочеркнутыся до того миста, чимъ сыдять.

Русалка та коваль.

До одного коваля ходыла заминсть дивкы та русалка, а винъ думавъ, шо то натурална дивка. Тамъ и спыть винъ зъ нею, и цилуе, й мылуе. Якъ отъ то якось иде побиля кузни по воду справжня дивка, така жъ лыцемъ, така жъ и постаттю, якъ и та русалка. Кузнець пидбига до тіеи дивкы та черкъ зъ плечей коромысло зъ видрамы! «Шо це ты сказывсь, чи що? Хиба я тоби яка»?—«А ты жъ до мене ходышъ ночувать»? «Хай твоему чорты батькови! Я тебе и знать не знаю, и видать не видаю». Кузнець той баче таку сторію тай одступывсь отъ дивчины. А та русалка все ходе до него и ходе. Такъ винъ якъ зажовкъ, якъ зажовкъ, такъ и на чоловика не схожій. «Шо це ты жовтый такый ставъ»? пытають его люде. Винъ мовчавъ-мовчавъ, а тоди давай прызнаватьця. «До мене, каже, шось ходе, та не розберу, хто».—«Та може, жъ ты знаешь, хто ходе». «Та ходе до мене дивка, а хто іи й зна, яка». Отъ ти люды давай засидать ту дивку. Узялы у черепочкы ладану, вугаля, роспустылы той ладанъ по хати тай засилы по викнахъ, по даху, коло дымаря, а вона саме у дымарь до него и влитала. Такъ воны якъ засилы, якъ засилы тай піймалы. А потимъ якъ зачалы коло неи ходыть, якъ зачалы ходыть тай звиничалы ихъ. Отъ то одгулялы свадьбу. «Ну, теперь, каже молода, поидымъ до моего батька въ гости».—«Поидымъ». «Гляды жъ, якъ не буде мени, а ты одно-мовчи». Отъ поихалы воны. Прыихалы, а тамъ стоить домъ, такый домъ, що тилько фи! Тутъ заразъ якъ понабигало до ихъ чортивъ!! Колы ось уходе самый страшенный рогань, таки рогы, що ажъ за лутки зачепляютця. Якъ почалы воны іи щипать, якъ почалы воны на неи плювать, харькать, выськрякы кыдать. А той рогань якъ чмыхнувъ на ныхъ, такъ воны веи такъ и оступылысь, такъ и всчухлы. Ось выходе чортыця тай каже: «Ну, сидайте, диты, исты. Оце ижьте, оце ижьте, а цёго не займайте,—це погане». Наилысь воны, попылы, погулялы, тоди зачалы ихъ дарыть. Далы имъ чотыри вузлыкы, далы коня. «На тоби, зятю, оцёго коня, та гляды жъ не кажи на него тпрру». Узялы вони те все, узялы тай поихалы. Ихалы-ихалы, ось коло дому кинь спиткнувсь, а той зять забувсь та якъ крыкне на коня тпрру, а той кинь зробывсь ченцемъ. «А, спасыби

тоби, чоловиче добрый, що ты мене на свитъ вызволывъ! То жъ я возывъ у чортивъ и дрова, и вугалля, и писокъ, и всяку всячину, а теперъ я ставъ ченцемъ». Такъ винъ пишовъ у ченьци, а воны давай зносыть зъ воза ти вузлыкы, що имъ подарувала чортыця. То воны, ти вузлыкы, булы таки, що одно вынесло на визъ, а це вже зробылысь таки, що насылу у трёхъ постаскувалы. Та такъ воны соби и сталы жыть та пожывать.

Зъ святымъ Мыколою не шуткуй.

Зибралысь якось у хату до симьяного чоловика та до жинкы хлопци та дивчата, пидъ Мыколая, тай заходылысь грать та танцювать. «Господы, поможы намъ переграть»!—кажуть музыканты. «Господы, поможы намъ перетанцювать!» кажуть хлопци та дивчата. Якъ почалы грать, якъ почалы грать та танцювать, ажъ покы уже и свичка згорила. Жинка тоди й каже: «Та годи вже грать, бо завтря годовый празныкъ заходе». А чоловикъ каже: «Та хай грають, завтря празникъ, то ничого робыть». Якъ почалы воны уньять грать, якъ почалы танцювать! Докы воны гралы, докы воны танцювалы, покы свичкы погорилы. Тоди взялы воны свичку одъ святого Мыколая тай зновъ грають,—ти грають, а ти танцюють. Ось де не взявсь у хати старычокъ, явывсь старычокъ тай каже винъ жинци: «Выйды, жено, звидциля изъ дитьмы». То вона й вийшла. Якъ вона вийшла, тутъ заразъ двери и винка и въ сипяхъ, и въ хати такъ и позамурувалысь: де взялась та цегла, де взялось и те каминня. А воны все грають та все танцюють, ажъ почорнилы. Якъ замурувалысь двери та викна, тутъ розступывся самъ собою вуголъ. То отъ то батькы та матери прыйдуть до тіеи хаты та давай заступать, щобъ піймать своихъ парубкивъ та дивчатъ та вызволыть ихъ хочь черезъ вуголъ изъ хаты. Такъ що жъ бо? Піймають которого тамъ зъ ныхъ, а винъ перекынетця у рыбу та такъ и трипаетця у рукахъ, та вньять у хату черезъ вуголъ та вньять грать та танцювать. Та такъ и гратымуть та танцюватымуть ажъ до страшного суду.

Изъ чого кукушка, ластивка та соловейко.

Чи вы знаете изъ чого кукушка, ластивка та соловейко?— Воны изъ людыны. У однieи матери була одна дочка и пишла вона якось купатыця. Прыйшла до рички, роздяглась, положыла одежу тай давай плавать по ричци. А тутъ изъ рички вылизъ вужъ тай лежыть на одежи дивчины. Ось вона покупалась, вылазе изъ рички, дывытця, ажъ на iи одежи вужъ. Вона ухопыла ломаку та съ тимъ, шобъ гнать его ломакою. А той вужъ и каже до неи: «Пидешъ за мене замижъ? Якъ пидешъ, то злизу; якъ не пидешъ—лежатыму». Вона мовчала-мовчала, а дали виде дитьця,—одежи не дае,—тай каже: «Пиду». Отъ то одяглась, прыйшла додому, розсказала матери: «Я, каже, замижъ за вужа пиду».—«Якимъ маниромъ? пыта мате. Такымъ—то и такымъ». Ну, шо тутъ казать! Давай воны запыратыця, давай замыкатыця. Позапыралыця, позамыкалысь. Колы це лизе до ихъ гаду-гаду! Усе лизе, усе лизе, усе лизе! Повлазылы въ хату: узялы ту дивку: ото взялы дивку и подалысь. Нема iи годъ, нема й два. На третiй годъ прыходе вона до матери въ гости зъ двома дитьмы, доночка и сынъ. Отъ то погостювала у матери тай собыраетця додому. А мате iй и каже: «Останься, переночуй, та тоди й пидешъ». Ну, вона и зосталась ночувать. «Ну, якъ же ты спрашуешъ своего чоловика, якъ прыходышъ додому? пыта iи мате. А ось якъ: «Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене». То винъ выйде, а я й пиду. Отъ то дочка спыть, а мате встала раненько, взяла сокыру тай пишла до рички, пишла тай каже: «Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене! Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене! Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене!» Винъ и выйшовъ. Вона чиркъ! тай одрубала ему голову, одрубала тай пишла додому. Якъ ось прокынулась дочка; умылась тамъ, поснидала, попрощалась зъ матерью, пишла до рички. Прыйшла до рички тай каже: Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене». И вдруге, и втрете такъ, ажъ винъ не выходе. Дывытця вона, голова на води плавае, и ричка красніе. Тоди вона й каже: Будь же ты теперъ, сынокъ, соловейкомъ, а ты, дочко, будь ластивочкою, а я буду кукушкою. Тай порозлиталысь: мате кукушкою, дочка ластивочкою, а сынъ соловейкомъ.

Сравни Драгоманова Малорусскiя народныя преданiя и разсказы, Кiевъ 1876, 8.

Яки буваютъ инколи парубкы.

Найшлы соби дивчата пусту хату та кожну нычь и збыраютця туды на гульбыще. Тамъ у ихъ усяка усячина: скрыбкы та бубны кажнои ночи. Отъ то прыйшлось имъ складатьця на заговыны, на Пылыпивки. То воны понаносылы сала, масла, ковбасъ, горилкы, наварилы вареног, сыдять тай хлопцивъ ждуть: «Колы бъ такы хлопци до насъ прыйшлы»! Ну, тутъ скоро-недовго хлопци и прыйшлы, у брыляхъ, у жупанахъ, у каптанахъ. Посадылысь воны за стилъ, позакурювалы трубкы, тай сыдять, сыдять тай курють. Якъ ось одна дивка взяла выныкъ у рукы та давай вымитать хату. Мете хату та гулькъ пидъ лавку, ажъ тамъ пьять хвостивъ тырчить. Вона злякнулась, а выду й не подала. Пидмела хату та тоди потыхеньку сказала другій дивчини, а друга третій. Шепу-шепу тай повтикалы изъ хаты, тобъ то на двиръ, а тамъ тикать. Покынулы усе свое и печене, и варене, и жарене. А одній дивци не сказалы. Такъ ти чортячи парубкы якъ заходылысь коло неи, якъ заходылысь, якъ заходылысь, та покы коло неи ходылы, покы не залоскоталы на смерть сердешну. А те все печене та жарене поруйнувалы, на свынячу барлу перевелы. Отъ на другый день прыйшлы люде у хату, колы та дивка лежыть сыня-сыня сердешна. Такъ ји узялы тай загреблы у землю.

Хто найвирнійшій у чоловика другъ.

Ишовъ якось одынъ чоловикъ по-биля болота, ажъ тамъ на купыни сыдыть чортъ; сыдыть и не баче шо сзади его крадетця вовкъ, щобъ ухопыть та зъисты его. Ось-ось пидкрадетця та хапне, ось-ось. «Бережысь, чорте, тебе хоче зъисты вовкъ»!.. Той тоди чортъ шубовть! та въ калюжу. «Ну, спасыби жъ тоби, чоловиче, за те, шо ты мене спасъ одъ вовка! Приходь до мене завтря на це саме мисто, я тоби дамъ мишокъ золота, та тилько отъ шо: беры зъ собою самого вирнійшого друга, якый у тебе есть». Отъ той чоловикъ вернувсь додому тай давай самъ соби

думаты, хто у нього есть самый вирнійшій другъ. Думавъ-думавъ, усихъ перебравъ: и брата, и сестру, и всю ридню, а дали й каже: «Хто-жъ найвирнійшій другъ, якъ не жинка? Жинка»... Узявъ винъ жинку тай пишовъ зъ нею до того болота, а тилько для чого и шо—того ій не сказавъ. Прыйшовъ тай давай ждать. Ждавъ-ждавъ, уже й сонъ его клоне, а чортъ все не выходе на купыну. «Знаешъ шо, жинко? Положу я тоби голову на колина, а ты мени поськай у голови». Отъ и положывъ винъ голову. Лежавъ-лежавъ тай заснувъ. Колы ось иде чортъ. Узявъ винъ мишокъ золота, скынувсь такымъ молодцэмъ, бравымъ та красывымъ, шо онъ якымъ! тай иде побиля жинкы. Вона якъ глянула на него, такъ и занимила. Пидійшовъ винъ до неи тай каже: «Хочешъ, шобъ я бувъ твій? Ось у мене есть мишокъ грошій, винъ буде увесь твій, буду и я твій,—хочешъ?—«А якъ же чоловикъ»? «Убый его!»—«Такъ нема ножа»! «А ось тоби и нижъ». Тутъ якъ вынувъ винъ ножаку, оттэтакый ножака! тай подавъ ій. Вона взяла того ножа та якъ замахнетця имъ по горлу чоловика! А чортъ тоди: «Мужыкъ, прокынься, ось тебе жинка хоче вбыть»!.. Чоловикъ и проснувсь. «Я жъ тоби казавъ, шобъ ты узявъ зъ собою найвирнійшого друга, а ты кого жъ оце зъ собою взявъ? Ну, теперъ мы зъ тобою квитъ: ты мене спасъ одъ вовка, а я тебе спасъ одъ жинкы, а за золото вже выбачай».—«Такъ скажи жъ по крайній мири, каже вже тоди чоловикъ, хто у мене есть найвирнійшій другъ».—«А отъ той Рябко, шо гавкае у тебе на двори»...

Сравни Драгоманова Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 59—61.

Немудрящій Хома и премудри кацапы.

Живъ соби у лису одынъ чоловикъ, Хома. Ажъ ось идуть по тому лису дванадцять, чи ажъ пьятнадцять чоловикъ руськыхъ. Идуть тай находять Хому; прыходють до него и кажуть: «Здрастуй, хазяинъ»!—Здорови вамъ, прохожи»! «А што мы тибѣ скажемъ»?—«А шо вы мени скажете»? «Какое бъ ты намъ далъ на ночлегъ мѣстушка, штобъ у насъ не было крайнява, а то мы баимся

разбойниковъ». — «Добре, я вамъ найду таке мисто, — идить за мною». Прывивъ ихъ, найшовъ муравнíкъ здоровлящій тай каже: «Отъ тутъ, колы хочете, лягайте, тутъ не буде у васъ крайнего». Воны й полягалы. Якъ розыгрився жъ той муравнíкъ, якъ поналызла имъ комашня, якъ поналызла имъ комашня, и въ штаны и побиля штанивъ, и даже въ с . . . ы, и въ к . . . ы! Ну, отъ воны повставалы, обтрушуютця тай кажуть: «Ну, й сукинъ же сынъ етотъ хахолъ, что завелъ насъ въ комашню. Да ето што? Вотъ надо яще и платить яму!... Спасиба тибѣ, хазяинъ, за то, што ты указалъ намъ такое хорошае мѣступко! Какъ тибя, хазяинъ, зовуть»?—Хома! «Спасиба тибѣ, Хома, за мѣступко, што насъ покусано».—«Э, тожъ я невынуватъ: якого прохалы, такого и давъ»... Ну, далы ему по рублыку за ночлигъ и отъ то давай иты. Баче Хома, що воны вже собыраютця йты, піймавъ десь сороку, вынесъ іи изъ хаты, вынесъ изъ хаты тай посыть. «Што ето у тибѣ, Хама»?—«Сорока». «Што жъ она можетъ дѣлать?»—«А що вона може дилать? Колы хочете-купить іи та пустить у Расѣю, то вона скаже вашимъ жинкамъ, щобъ усе було готово до Покрова: покамисть вы прыйдыте, то й буде такъ: и напечено и наварено. Отъ що вона може дилать, а теперъ ходимте до мене въ хату та будемо обидать». Воны й пишлы. Пишлы, пообидалы, купылы у него ту сороку тай давай ии пускать; пускають и приказують: «Ляти ты, сорока, да ляти жъ ты въ нашу старану, накажи ты, сорока, да накажи жъ ты жонкѣ маей и кумушкѣ накажи, штобъ они сподѣвались меня къ Покрову и наготовили всего-то всего»!... «И моей жонкѣ накажи»! «И моей жонкѣ да кумушкѣ накажи»... Отъ то й пишлы воны соби. Прыходють къ Покрову додому, у свою кацапську сторону, заразъ же й пытають: «Што ты, жана, здорова-жива?—«Да здорова-жива». «Што жъ ты приготовила всяво»? —«А какъ бы я приготовила всяво, коли я й не знала, когды ты и домой прійдешь»? «Какъ же ты не знала, когда я домой прійду, коли мы купили сороку у хахла да пустили ее въ нашу старану, штобъ донесла тебѣ вѣсточку объ насъ».—Да я ее и видать не видала, и слыхать не слыхала». «А, подлецъ Хама, вотъ подвелъ подъ монастырь . . . . . ! Ну, погоди жъ ты, дойдемъ мы до тибя! Дойдемъ и убьемъ». Ну, перезимувалы воны у своій кацапській сторони и пишлы до Хомы. Прійшлы весною упьять у той лисъ, де живъ Хома. А винъ уже про те и прочувъ. Прыставывся мертвымъ и веливъ закопать себе у яму. Жинка и

закопала ёго въ землю. закопала въ землю и пропустыла ёму дирочку, шобъ дыхать. Узявъ винъ соби швайку тай сыдыть тамъ, у могылы. Отъ кацапы прыходять до Хомынои жинкы тай кажуть: «Здорова, хозяйка»!—«Здорови, прохожи»! «А гдѣ жъ твой Хама»?—«Э, винъ уже третій день якъ умеръ».—«Ну, коли жъ такъ, то мы пойдемъ на его могилку да хоть п . . . . . . ъ. Вотъ подлецъ обдулъ насъ»! А якъ же винъ обдувъ васъ»?—Да вотъ такъ и такъ... Отъ и пишлы. Це одынъ знявъ штаны, сидае на могылку. Тутъ Хома якъ шпыгоне ёго швайкою въ с . . . у! Винъ якъ пидскоче: «Вотъ с . . и, с . . и да й подскочишь»!.. Прыходе другый. Скыда штаны—сидае. Винъ и цёго якъ шпыгоне швайкою въ с . . . у, то той якъ пидскоче. «Вотъ с . . и, с . . и да й подскочишь»!.. «Ну, сукинъ сынъ, хоть г . . . а и понаштрыкалъ, такъ зато ужъ по . . . . и». Ну, отъ повставалы и йдуть. «Ну, теперь пойдемъ у шинокъ поминать Хаму». Прыходять у шинокъ, а Хома уже й тамъ. «Здоровъ тabѣ, Хама»!—«Здорови вамъ!» «А ты жъ памёръ? Мы жъ на твою могылку ходылы . . . . .».—«Хай вамъ загладыть! Ходылы вы, та тилько не на мою могылу. «Ну, теперь мы тибя утопимъ». Узялы ёго, зъвязалы, укынулы у мишокъ, прывозять уже до другого шынку. «Ну, таперь сперва выпьимъ, а потомъ повеземъ утопимъ». Увійшлы у шинокъ. А шинкарь, жыдъ, визьмы тай выйды изъ шынка на двиръ. А Хома лежыть у мишку та вибы собі, плаче. «А цуитъ, цого ты тутъ плачешъ»?—«Та везуть мене царювать та панувать, а я того ничёго не знаю». «Цуисъ, завьязи мене у мишокъ, я все знаю; на тоби сто карбэваньцивъ грошій та вылазь изъ мишка, а мене завьязуй». Винъ и вылизъ, а жыда завьязавъ. Ажъ ось кацапы выходять изъ шынка, узялы той мишокъ, повезлы ёго до рички тай и вкынулы ёго у воду. А жыдъ тилько буль-буль. «Вотъ тибѣ, подлецъ Хама, штобъ ты насъ не обманывалъ»! А Хома давно вже сыдыть у шынку. Ось и кацапы идуть у шынкъ, идуть помынать Хому, а Хома уже й тамъ. «Здрастуй, Хама»!—«Здорови, кацапы»! «А мы жъ тебя утопили»!—«Э, чортового батька мене утопыте»! «А мы жъ тебя везли».—«Ни, то вы не мене, а жыда». «А што онъ говорилъ, какъ мы его кидали»?—«Та винъ булькотивъ та казавъ, шо даватымуть ему серебро та золото, а винъ буде брать саме золото, саме золото». «Ну, знаешь што, братецъ? Возьми ты насъ да повяжи да повкидай въ рѣчку, тамъ мы будемъ брать и серебро и золото». Такъ винъ узявъ ихъ, повьязавъ, позапыхавъ у мишкы,

повкыдавъ у ричку тай потопывъ, а самъ узявъ ихъ коняку та визъ тай прыихавъ додому та десь и теперъ жыве соби та пожыва, не зна ни биды, ни горя.

Яки есть на свити чорты.

Чорты скризь шевкаютця: воны не то що въ хату, а и въ церкву забыраютця: пипъ соби записуе грихи людей, а чорты соби запысують, та отъ то якъ уже заспивають харувымську, то тоди воны геть повтикають изъ церквы. А найбильшъ усього воны водятця у води та въ степу. Воны, якъ отъ то святытця вода, такъ выходять изъ воды. Такъ тоди бабамъ запрещають, шобъ воны недили дви не мылы сорочокъ у ричци, а то чрезъ то чорты зновъ повлазють у воду. А одна жинка, отъ то скоренько писля Хрещенія, пишла до ричкы праты сорочкы. Пере вона ти сорочкы, ажъ дывытця—сунетця с - - - - ю изъ очерету страшелезный дидуга та прямо у ополонку бультыхъ! Чуть ту й жинку не звалывъ зъ нигъ. Вона тоди прыйшла додому тай розсказуе сусиди. «Оце я, моя голубочко, пишла на ричку праты сорочечкы, — тамъ сорочечкы дви, чи тры, може, и взяла, тай перу соби; колы це изъ очерету сунетця с - - - - ю старелезный дидуга та прямо у воду бультыхъ»! — «Отъ тожъ, сестро, есть намъ одъ батюшкы запретъ, шобъ мы не пралы сорочокъ недиль дви писля Хрещенія, а мы не слухаемъ, отъ воно и бувае намъ: то отой дидъ—то воно чортъ».

Одынъ музыкантъ купавсь у ричци тай поплывъ пидъ греблю; якъ поплывъ—якъ поплывъ, та якъ пурнувъ головою та прямо у двери, а за тымы дверыма та горныци, а въ тихъ горныцяхъ сыдять чорты. «Хто такый? хто такый»? — «Це, каже одынъ чортъ, мій братъ.» Ну, давай воны ёго тоди гостювать. Понастановылы ёму тамъ кинськыхъ сцыклынъ замистъ горилкы, кинськыхъ г - - - ъ замистъ пампушокъ, изъ падлюкы мняса замистъ жаркого. А винъ того ничого й не баче: сыдыть та исть. А якъ бы сказавъ: «Господы, благословы», то тоди бъ того не було. Напывсь-напывсь—тоди грать. Гравъ-гравъ, а тоди бультыхъ!

изъ тіеи горныцы та наверхъ. А то ёго выкынувъ той чортъ, що за брата прыннявъ. Такъ винъ тоди пишовъ убраный, одитый, обутый, и повни карманы у нёго грошій. А другый музыкантъ пирнувъ пидъ греблю, такъ воны саме обидалы. Такъ надъ нымъ посміялысь: понакыдалы ёму у карманы грошій, повдягалы, а якъ выйшовъ наверхъ, а воно замистъ грошій повни карманы черепашокъ, а замистъ одежы одинъ купирь.

Степовый чортъ такъ той людей маныть. Одынъ чабанъ та покумавсь зъ одныиъ чоловикомъ. Покумавсь тай пасе соби вивци у степу. Якъ ось иде той кумъ ёго. «Здоровъ, куманёкъ!— «Здоровъ»! «Ходимъ до мене въ гости».—«Та я такы давно вже збыраюсь, та ни якъ не зберусь: николы за скаженои собакы худобою».—«Ну, такъ ты, куманекъ, пидожды, а я пиду горилочкы прынесу та тоди разо̂чкомъ и пидемъ».—«Ну, йды, кумокъ». Отъ то добувъ винъ горилкы и пишлы воны. Прыйшлы, ажъ стоить хата, така хата, що Боже мой! А то воно саме чортъ жыве. Тамъ, у тій хати, и чортыця пораетця: горишкы, пампушкы пече, жаркое жарыть. «Ну, давай лышень, стара, закусыть»! Каже той чортъ своій чортыци. Постановылы все те на стилъ тай угощають куманька. «Ну, выпьемо, куманёкъ»!—«У вашихъ рукахъ, у вашихъ устахъ». Той чортъ будьто такъ, що й выпывае, выпывае та зновъ куму пидносе. «Давайте жъ и куми». Чортъ пиднисъ и чортыци. Выпыла наче бъ то и вона. «Ну, теперъ, куманёкъ, пыйте уже й вы». Колы той чабанъ не втерпивъ тай перехрестывсь. Дывытця: не стало ни кума, ни кумы, ни хаты, а замистъ того круча и ногы въ води. «Спасыби Богу, що перехрестывсь: якымъ бы ты мене напоивъ и якымъ бы ты мене нагодувавъ»? Лежать передъ нымъ падлючины шматокъ, киньски г - - - а та стоять киньски сцыклыны прямо на острывци.

Якъ творывъ Богъ мыръ, то винъ создавъ усяку усячыну: коровы, кони, вивци, свыни. А чортъ хотивъ зробыть козу. Зробывъ козу, а дыханія ій не давъ: уже винъ и такъ и сякъ, а дыханія нема. «Та ты, каже Господь, можешъ тилько вовка зробыть.» Винъ тоди давай вовка робыть. Зробывъ вовка, а дыханія все-такы не можеть дать. А Господь давъ тому вовку дыханіе та тоди й каже ёму: «тю ёго»! се бъ то чорта. А чортъ де бъ дитьця? Та на вербу, а вовкъ ёго за пьяту́ тай и укусывъ ёму пьяту́. Отъ то й выйшовъ безпьятый чортъ.

Якъ чорты помоглы парубку женытьця на дивци.

Любывъ одынъ парубокъ дивчыну, а вона ёго байдуже: обибрала соби кимнату та Богу молытця, та все Богу молытця. А винъ ходе побиля хаты та думкою іи любе. «Эхъ, чого бъ я за те и не давъ, якъ бы мени та дивчына досталась»! Ажъ ось чортъ перекынувсь у чоловика, пидійшовъ до тіеи хаты тай каже парубку: «Здоровъ тоби, парубче»! — «Здоровъ тоби, чоловиче»! «Чого ты тутъ ходышъ»? «Та чого? Улюбывъ я дивчыну, та ниякъ не озьму іи за себе». «А шо ты мени дасы, якъ я тоби предоставлю ту дивчыну»? «Усе, шо хочешъ, дамъ». «А душу дасы»? — «Дамъ». «Ну, ходимъ же зо мною». — «Ходимъ». Отъ и пишлы. Прыходять, ажъ стоить домъ, а въ тому дому сыдыть здоровенный панюга, а то воно самый найстаршій чортъ. «Ну, я зостанусь у передній, а ты, парубче, иды до того пана». Отъ винъ и увійшовъ. «А чого ты, хлопче, прыйшовъ»? — «Та до вашои мылости: улюбывъ я дивчыну, та ниякъ іи за себе не озьму». «А, якъ до лыха, такъ до насъ, а якъ лыха нема, такъ вы все до Роспьятого! А шо ты дасы за ту дивчыну»?—«Та все, шо потребуете». «Отдай свою душу».—«Берить». «Роспышысь». «Та якъ же ёго пысаты, якъ нема ни паперу, ни чорныла». Тутъ цёго й не треба, одрижъ соби пальця та кровію и пышы.» Одризавъ винъ соби пальця и роспысавсь. «Ну, теперъ иды, вона до тебе сама выйде. Усе ты робы, усе робы, а тилько не ходы у кыбытку, се бъ то у церкву, то все добре буде». Отъ винъ и пишовъ. Иде, а вона вже й выскочыла до нёго. Сюды-туды уже й повинчалысь. Ну, добре, повинчалысь. Отъ то вона ходе у церкву, а винъ ни. «Чого твій чоловикъ не ходе у церкву»? пытають молодыци люде. «Чого ты не ходышъ у церкву»? пыта молодыця чоловика. «Э, нельзя мени туды ходыть: мени якъ до церквы иты, такъ зробытця мени жарко, зробытця мени душно та нудно». Отъ вона якъ зачала коло нёго, якъ зачала, пишовъ винъ у церкву. Зробылось ёму жарко, зробылось ёму душно та нудно. Такъ пипъ якъ піймавъ ёго у рукы, якъ піймавъ! Якъ зачалы

люды за нёго молытьця, якъ зачалы молытьця, а винъ такъ и бьетця, такъ и бьетця, а на нёму, на голови жабъ, гадюкъ, черепахъ!... «Православни люде, молить за мене Бога, може Богъ мене помылуе»! То воны зновъ якъ зачалы Бога молыть, якъ зачалы Бога молыть. А той чортъ якъ почавъ вертитьця, якъ почавъ вертитьця, покынувъ ёму роспыску, а самъ гайда тоди одъ нёго. Тоди одъ нёго поотпадало все—черепахы, жабы, гадюкы, и ставъ винъ тоди настоящымъ чоловикомъ. Та съ тыхъ поръ жыве та пожывае та добра нажывае.

Чоловикъ у чорта на позычкахъ.

Одного чоловика та крипко мучылы за недоимкы. Такъ винъ давай наиматьця у роботныкы. Такъ ёго наймать наймають, а впередъ завдатку не дають, а ёму жъ неможна.—тягнуть ёго за шыю: давай тай годи! Такъ винъ пишовъ на другый край найматьця: «Пиду, каже, на другый край, може, каже, хочь де въ чорта позычу грошій». Тай иде. Ажъ чортъ чоловикомъ перекынувсь тай иде ёму назустричъ. «Здоровъ»! — «Здоровъ»! «Чого ты тутъ крычышъ»? — «Та якъ тутъ у чортового батька не крычать, колы тутъ лыхо»? — «А яке жъ тоби тамъ лыхо»? «Та якъ же не лыхо, що мене мучать за недоимку, наймать хочь и наймають, такъ завдатку упередъ не дають».—«Ну, ходимъ за мною». Отъ и пишлы до нёго. Прыходять — стоить домъ трёхъ-отажный. Отъ уходять у той домъ. Колы на золотому кресли сыдыть старый та здоровенный панюга. «А, здоровъ тоби, хлопче»! — «Здорови вамъ, пане». «Здоровъ, чоловиче, здоровъ! А що ты намъ скажешъ»?— «Та до вашои мылости, пане». А винъ зовсимъ чортъ, и винъ ёго паномъ велыча. «А чого»?— «Та оце мене мучать за недоимку,—хочь здохны, а подай, такъ я ходю та наймаюсь: найматы паны наймають, та впередъ завдатку не дають, такъ це я ходю та мучусь». «А — ну, подайте мени шнурову кныгу»! Крычыть той панюга. Подалы. Винъ розгортае — дывытця: «Цёму, каже, можна дать, цей достоинъ». А

воно значыть—винъ прыналлежыть до ихъ. «А скилькы жъ тоби, чоловиче, грошій»?—«Та дайте хочь карбованыцивъ десять, бо якъ уроде у мене пшеныця, то я ii скосю, звозю, змолотю, продамъ и вамъ гроши отдамъ. «Ну, дайте ёму карбованыцивъ 30,—нехай уже винъ отдасть недоимку». Далы. Винъ съ тимъ и пишовъ. Прыходе додому, прыносе гроши. Пишовъ — отдавъ недоимку, пишовъ ще купывъ соби пшеныци за ти гроши та тоди посіявъ. Уродыла ёму пшеныця; винъ тоди выкосывъ, змолотывъ, повіявъ, повизъ—продавъ, а тоди понисъ имъ гроши. Прыносе. Найшовсь упьять тій домъ. Уходе винъ у домъ, колы тамъ зновъ сыдыть той панюга. «Здоровъ, пане»!—«Здоровъ, чоловиче! А що скажешъ? Та прынисъ вамъ должокъ». Той узявъ; подывывсь тай каже: «Возьмы, чоловиче, ихъ соби назадъ. — ты намъ колы-небудь згодышся». А отъ то жъ винъ якъ умре, такъ и здастця имъ: прыйде одынъ—визьме душу, а другый прыйде та скаже: «Эхъ, не захватывъ душы, озьму хочь тулубыще, воно мени здастця на усыплыще (замистъ бочкы буде); а третій прыйде — не захвате, ляже на ёго мисти: «Ну, нехай мене хоть жинкы оплачуть».

Премудрый Хома.

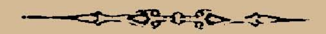
Бувъ соби одынъ чоловикъ, Хома, такый убогый, та такый несчастный, що вже бильшъ и никуды. Веи на нёго кажуть, и громада и панъ, що винъ ледащый, видъ того й не мае соби ни чого. Отъ якось у недилю роздають у пана мужыкамъ траву. Прочувъ про то Хома тай каже: «Дай и я пиду, може й мени дадуть» Тай пишовъ. Прыходе у панськый двирь, а отаманъ и каже ёму: «А ты чого»?—«Та дайте и мени травы». «А що жъ ты будешъ годувать»?—«Та такъ де-нёбудь розгадаю соби телушку, або що-небудь друге тай буду зимувать». Отъ той отаманъ усимъ-усимъ роздавъ. «Ну, каже, косы вже й ты; нехай уже и тоби буде десятына, чи пивдесятыны». Ось такъ писля Тройци пишлы люде косыть. Пишовъ и Хома изъ жинкою зовсимъ. Выизжае у степъ,

зачалы косыть: косе Хома соби тай косе, а жинка громадыть. Выкосывъ винъ курипку. «Ну, на, жинко, оцю курипку, оскубешъ та, може, дитямъ зварышъ».—«Хай ій лыха годына! Шо тамъ варыть? Тилько дитей дражныть»!... Винъ не послухавъ іи, прывизъ додому, оскубъ та знову каже жиньци: «На, хочъ розчынышъ та ошмалышъ та все-такы дитямъ буде».—«Та хай ій лыха годына! И шо тамъ шмалыть? Тоди винъ узявъ ту курипку тай понисъ до пана. Прыходе до пана, прыносе курипку тай каже прыслузи: «А, ну-лышъ, лакэю, пиды лышъ до пана та скажы ему, шо Хома прынисъ ёму гостыньця». Той пишовъ тай каже: «Пане, Хома гостыньця прынисъ вамъ».—«Якого винъ тамъ чорта прыйшовъ? То николы не прыходывъ, а це прыйшовъ». Выходе панъ. «Здрастуйте, пане»!—«Здоровъ, Хомо! А чого ты прыйшовъ»? «Та прынисъ вашій мылости гостыньця.»—«А якого?»—«Та ось курипочку, шо піймавъ у степу». «А хиба у тебе дитей нема»?—«Та я дававъ жинци, такъ вона не схотила й брать: хиба, каже, дитей дражныть тай годи». «Ну, давай уже сюды». Давъ ёму панъ за ту курипку грошій, давъ и горилкы. «Ну, понесы жъ ты іи до поваря,—нехай іи зжарыть, а ты пидожды, то насъ и роздилышъ». Винъ и понисъ до поваря. «А, на лышъ, поварю, та зжарь цю курипку». Той и давай жарыть. Зжарывъ. Прыйшовъ за тою курипкою лакэй, узявъ, понисъ іи у горныци. Ну, значить, посидалы тамъ паны чи вечерять, чи обидать. Поилы тамъ борщъ, поилы тамъ супъ, ну, тамъ ще, може, совусъ, чи що, чи грець ёго знае; отъ подалы жаркое, прыйшлось и до курипкы. «Ну, роздилы жъ намъ оцю курипочку. Бачышъ, насъ усихъ шестеро: я та барыня, два панычи и дви баришни». Отъ той Хома сивъ и давай дилыть. «Такъ якъ вы, пане, надъ усіею економіею головою, то вамъ буде, пане, голова; коло головы шийка—барыни буде; крыльця двомъ барышнямъ, шобъ швыденько литалы; панычамъ ножкы,— отъ якъ воны пидуть у службу, шобъ швыденько ходылы ногамы; а якъ я, бачъ, глупъ, такъ мени увесь тулубъ». Вынеслы тоди Хоми грахвынъ горилкы, поставылы чарку, положылы кусокъ булкы тай кажуть: «Ну, сидай же зъ намы, выпывай та закусюй». Выпывъ винъ, закусывъ. Далы ёму грошій. «Спасыби вамъ, пане, за хлибъ, за силь, за закуску». Подякувавъ имъ и подавсь додому. Ось прочула про те жинка отамана, прочула тай каже своему чоловику: «Возьмы лышень, чоловиче, пьятеро курчатъ та понесы до пана,— онъ Хома понисъ курипку та гроши далы, а тожъ такы пьятеро

курчатъ». Винъ и понисъ. Прыносе. Выйшовъ до нёго панъ, узявъ ти курчата тай каже: «Ну понесы жъ ты ихъ до поваря, хай винъ пожарыть та пидожды, покы мы будемъ обидать. то ты насъ подилышъ». Понисъ винъ. «На, лышень, оци курчата та пошпарь та пожарь ихъ панамъ, а я тутъ посыдю, бо панъ ще заставывъ мене, шобъ я подилывъ ными усю семью». Отъ винъ и зжарывъ. Пишлы обидать. Забралы все, шо винъ, той поварь, наготовывъ, тай посидалы. Сыдять и идять. Попылы тамъ усе, шо було. «Ну, каже панъ, давай жаркое». Подалы й жаркое. «Теперъ дилы насъ, отаманъ». Отъ винъ по тарилочци совавъ-совавъ, думавъ-думавъ, ни якъ не роздиле: усе двое зостаетця. Шо ёго робыть? Панъ дывывсь-дывывсь, а дали якъ торохне ёго по затылку. «Вонъ, падлецъ, зъ горныци! Ступай тамъ, чи якъ, шобъ у тебе робота була назавтря! Позвить мени Хому»! Побиглы за Хомою. Прыбига тамъ лакэй, чи дивчына до Хомы, а винъ уже спавъ. «Хозяйко, хозяйко, чи Хома дома»?—«Дома! А шо тамъ таке»? «Та панъ зве до себе».—«Старый, старый, проснысь, ось прыйшлы за тобою,—иды скорійшъ до пана». Збудыла ёго. Винъ одивсь, пишовъ. Прыходе. Ось выйшовъ до нёго и панъ. «Здорови, пане»!—«Здоровъ, здоровъ, Хомо»! «А чого, пане, клыкалы»? — «Та роздилы насъ, пожалуста, курчатьмы». Тутъ одынъ дуракъ сыдивъ-сыдивъ, дилывъ-дилывъ, та ни якъ не роздилывъ пятьма курчатамы». Ну, отъ винъ пидходе до столу. «Оце жъ васъ, пане, двое зъ панею, а це курча трете, — це называетця троиця; два панычи, курча трете,—и це называетця троиця; дви барышни, курча трете,—и це называетця троиця; двое остаетця, я третій,—и це называетця троиця». Подилылы. «Ну, теперъ, Хомо, сыды коло насъ, выпывай та закусюй». Поставылы коло нёго грахвынъ горилкы, положылы пару курчатъ, булку ще й далы ёму сто карбованьцивъ грошій. Отъ винъ попивъ, попывъ. «Спасыби жъ вамъ, паночку, за вашу хлибъ-силь, та ще й за те, шо вы мене нагрaдылы»!—«Ну, прыйдешъ же, Хомо, я тоби ыще дамъ корову, пидешъ у загинъ тай выберешъ, яка люба». Прыйшовъ Хома до жинкы, отдавъ ій гроши, розсказавъ про все, шо ёму трапылось у пана. Жинка и земли не чуе,—такъ радіе. Устае Хома рано утрычкомъ—заразъ же до пана. Прыходе, колы панъ ще спыть. Винъ сивъ-посыдивъ. Ось панъ уставъ, выйшовъ. «А ты, Хомо, уже прыйшовъ»?—«Прышовъ, пане». «Ну, ходимъ у загинъ». Пишлы въ загинъ. «Ну, дывысь жъ, Хомо, яка тоби

люба корова, ту й беры». Выбравъ винъ. «Оцю, пане, возьму я корову.»—«Да, Хомо, цю мени не хотилось и даватъ, ну та беры, дилать уже ничого». Узявъ винъ корову съ телямъ ще. «Пане, пожалуйте ище мени и запыску, бо мы люде смертніи, то, може, вы де динетесь, або я». — Ну, на тоби и запыску, та якъ буде телычкы водыть, то хай будуть тоби, а якъ буде бычкы водыть, такъ мени». «Добре, пане». Узявъ винъ ту корову. Прыходе додому, прывьязавъ коровчыну на одному мисти, а теля на другому, и пасутця воны. Ось вона якось-то и одирвалась, одирвалась тай побигла мижъ чумацьки волы; а у чумакивъ та булы все молоди волы, паръ шисть увязалось за нею; вона ихъ додому и прывела. Винъ, недолго думаючи, поналыгувавъ ихъ та въ загинъ. Ось прыходять до нёго и чумакы, прыходять тай давай просыть тихъ бычкивъ. «Отдай, отдай, спасыби тоби, нашихъ бычкивъ»! Такъ винъ узявъ тихъ чумакивъ та прывивъ ихъ до пана. А панъ ёму и каже: «Отдай, каже, имъ, Хомо»!—«Ни, пане, у насъ есть роспыска, де напысано, якъ буде корова водыть бычкы, то вамъ, а якъ—телычкы, то мени. Отъ вона и прывела бычкивъ».—«Да, да, есть така роспыска. Ну, такъ уже мырысь зъ нымы, якъ знаешъ». Винъ и помырывсь. Далы ёму по карбованьцю за штуку, тоди погналы своихъ бычкивъ до гурту. Тоди ставъ Хома у пана у такому почоту, шо катъ ёго й зна! Панъ и каже ёму: «Ну, прыйдешъ же, Хомо, до мене на свадьбу, бо я буду свого панычa женыть».—«Спасыби вамъ, пане, за вашу ласку». Скоро-недовго перечува Хома, шо у пана свадьба: панычa панъ жене. Ніймавъ десь Хома ховражка тай подавсь до пана. Прыходе: прыходе тай каже лакэюв: «Докажы, панови, шо Хома прыйшовъ».— «Та ну тебе, Хомо! Ты все скилько отъ пана грошій забравъ, намъ николы й не подаваешъ». «Ну, вже теперъ якъ панъ дасть, такъ я вже и тоби дамъ». «Ну, глядь, якъ шо такъ, то я вже докажу пану». Пишовъ и сказавъ. Панъ выйшовъ. «Здоровъ, Хомо»!—«Здорови, пане»! «Це ты прыйшовъ подывытця на весилля.»—«Эге»! «Ну, сидай же отъ тутъ. Сивъ винъ. Выносять ёму горилкы, выносятъ закуску. «Ну, закусюй же соби, Хомо».—«Выпыйте жъ и вы, пане». Панъ выпывъ. Тоди й Хома налывъ чарку. «Ну, дай же, Боже, на все благополушно, на все гараздъ»! Тоди сивъ самъ тай гостюетця. То панъ побуде-побуде зъ гостямы та впьять до Хомы, та знову зъ нымъ балакае. А винъ сыдыть та все рукою и пидштовхуе у пазуху та чухаетця. А гости

и пытаютця: «Шо то тамъ у васъ за чоловикъ, що вы все выскочуете до нёго». — «И, тамъ у мене такый чоловикъ дорогый, що на всю слободу». «А ну, якый тамъ дорогый чоловикъ»? Выйшлы. «Якъ же ёго звуть?» — «Хома». А винъ сыдыть та будьто рукамы за пазуху чухаетця. «Шо ты, Хомо, усе тамъ чухаешься?» — «Та тутъ, не вамъ кажучи, піймавъ звирька». Тай тягне ёго зъ-за пазухы. Подывылысь паны на того звирька тай кажуть: «Шо жъ теперъ уже у мене никому гратьця: панычи уже здорови, барышни уже велыки. «А одынъ панъ и каже: Та у мене есть кому гратьця». Давъ винъ Хоми три карбованьци грошій, а звирька взявъ соби. А Хома й каже: «Спасыби, пане, за гроши! Ну, я ще хочу подывытьця, яки тамъ у васъ молоди, поздравыть ихъ». Поздоровывъ молодыхъ и йде додому. А панъ одчынывъ сундучекъ та хоче ему дать грошій. «А що це вы, пане, хочете робыть?» — «Та хочу тоби ще й грошій дать». Та ни, пане, не давайте мени грошій, бо зъ мене и такъ сміютця люд що я до васъ ходю, а вы все грошій мени даете. Дайте мени лучче сто розокъ». — «Якъ же це? За що жъ то сто розокъ»? «Такъ, ни за що! Дайте тай годи»! — Ну, колы вже такъ, то я й це можу». Повелы ёго до конюшни, пославъ панъ по чужыхъ кучеривъ, щобъ шлы геть та не бачылы, якъ будуть сикты Хому, а свого пославъ по розкы. Ну, наризавъ винъ розокъ, прынисъ. Лягай, Хомо»! — «Ни, каже, у мене ще половынщикъ есть». «Якый половынцыкъ»? — «Лакэй панській». «Ну, якъ есть половынцыкъ, то хай иде. А якый же винъ тоби половынцыкъ? Та такый; винъ казавъ, що якъ панъ дасть мени, то щобъ и ёму давъ. «А га! га! Позвить ёго, позвить»! Позвалы ёго. Узялы — положилы ёго та тоди якъ сиконулы трыдцять девьять разъ розкамы! «Ну теперъ, Хомо, лягай самъ»! — «Та будьте, добри пане, отдайте уже ёму и мою половыну»!.. Такъ ёму ще трыдцять девьять разъ усыпалы. А Хома тоди прыходе додому напытеный и наиденый та ще й зъ грішмы. Тай ставъ винъ жыть та пожывать.



Видъ чого скотъ дрочитця, а вивци душутця.

Значыть, дрочылысь вивци, а скотъ душывсь. А Господь пшовъ съ святымъ Петромъ, дойшовъ тай каже: «Здоровъ, скотарю»!—«Здоровъ»! «Зарижъ намъ телятко»! — «Та хай вамъ сей та той! Тутъ николы чобитъ пошыть, а вы ще зъ теляткомъ».. Розжылысь у одного. Тоди прыходять до чабана. «Здоровъ тоби, чабане»!—«Здоровъ!» «Зарижъ намъ ягнятко».—«Та я бъ вамъ, люде добри, и двое зарizавъ, такъ не вдержу овець, бо дуже дрочатця. «Та я, каже Господь, обийду кругомъ, то воны й перестануть». Обийшовъ, воны й перестaлы, утышылысь. Тоди чабанъ за ягнятко, піймавъ ёго, зарizавъ. Тоди воны полягалы спать, а чабану и кажуть: «Ты соби хоть и все мнясо озьмы, а намъ одну печиночку звары». Отъ винъ тоди варе тай думае: «Ну, що жъ воно за добро, що воны одну тилько печиночку заставляють варыть». Зварывъ. «А ну, покуштую». Господь дывытця, а святый Петро спыть. Якъ зачавъ той чабанъ куштувать, якъ зачавъ куштувать, покы всю ззивъ. Прокынулысь воны тай кажуть: «А що, чабанъ, зварывъ»?—«Зварывъ! Та отъ що, люде добри? Скилько я не ризавъ ягнятъ, вси съ печинкамы булы, а це безъ печинкы». Ну, посидалы воны исты; чи зъилы тамъ по кусочку, чи ни: «Спасыби жъ тоби, чабанъ!.. Ходимъ же теперъ пана личыты». Пишовъ зъ нымы и чабанъ. Прыходять до одного пана. Спыталы, яка у нёго болисть, узялы зъ нёго тысячу карбованцивъ — вылечылы. Чабанъ бувъ за дохтуря, а Господь за помошныка. Пишлы до другого пана. Тамъ узялы дви тысячи. Упьять чабанъ за дохтуря, а Господь за помошныка. Пишлы до третёго. Узялы уже пьять тысячь заразомъ, бо панъ дуже хворый бувъ. Тоди пишлы и зачалы гроши дилыть. Роздилывъ ихъ Господь на тры купкы: «Оце, каже, мени; оце чабанови». А чабанъ каже: «А третя жъ кому»?—«Це тому, хто печинку зъивъ». «Та то жъ я, каже, и ззивъ».—«Ну, на-жъ тоби вси тры». Винъ и взявъ. «Теперъ пиду додому, перероблю свою матирь изъ старои на молоду». Прыйшовъ, зарizавъ іи, пошматувавъ, переполоскавъ хорошенько, склавъ, якъ треба тому буть, суставчыкъ до суставчыка, а тоди водою цилющею побрызкавъ—вона иссилылась, а живущею водою забувъ, чи якъ винъ тамъ може не вхвысывъ. А Гасподь стоить

пидъ викномъ та дывытця. А тоди якось повернувъ, то воно совою стрепенулось тай полетило. Тьфу! Чортъ изъ чорта вылупывсь, чортомъ и полетило. Тоди вже скотъ зачавъ дрочытьця, а вивци перестали. Тай до сихъ пиръ скотъ дрочытця, а вивци душутця.

Стареча брехня.

Идуть соби десь шляшкомъ, побиля садка, дидъ та баба тай розговорылысь про Адама та про Еву. «Я, каже, якъ бы Адамъ, то я бъ не зробывъ бы того, шо винъ зробывъ у раю».—«А я, каже, якъ бы Ева, то я бъ того не зробыла, шо Ева». А одынъ панъ, такый, шо любывъ слухать людськи розговоры, иде у садку тай чуе те все. А дали й каже до ихъ: «Здраступте, старыкъ и старуха»!—«Здраступте, пане»! «А куды вы, каже, идыте»? — «Та йдемо, кажуть, може наймымось де на роботу». «Мылости просю до мене въ гости». — «Та хиба-жъ такы намъ можно до васъ у гости йты? Вы жъ такы панъ, а мы — харпачча». «Та йдить, каже, йдить. Я, каже, ждавъ гостей та понаварювавъ та понапикавъ, а ихъ нема, той позоставалась уся трапеза». Такъ воны довго такы одговарювалысь, а потимъ пишлы. Увивъ ихъ панъ у горныцю тай каже: «Сидайте отъ-тутъ, ижьте и пыйте, що вгодно, а оцёго судныка не займить». А винъ такый цвитный та красывый, а въ середыни у нёму мыша накрыта крышкою, тай бильшъ ничого. Отъ воны давай исты, давай исты, давай пыты, давай пыты, понаидалысь, понапывалысь, такъ що й пальцямы у горлянци достають. Тоди та старуха и каже: «Що це у тому ще, що воно гарне стоить? Ну, таке, що ажъ у вичи мычыться». А старыкъ и каже: «На те не вказано, — того нельзя займать». А вона: «Та хочъ не исты, а подывытьця». Взяла й одкрыла, а мыша звидтиля пурхъ! и побигла геть. Колы осъ панъ и выходе; зиркнувъ у судныкъ, ажъ мыши нема. «Отъ бачъ, старыкъ та старуха, вы казалы на Адама та на Еву те та се, що якъ бы я бувъ Адамъ, сёго не зробывъ бы, а якъ бы я була

Ева, то я бъ цёго не зробыла, тутъ же вамъ наставлено, шо хочъ, те й пый и ижъ, а тилькы судныка не займай. А вы жъ не втерпилы, а занялы? Шо тамъ же жъ ничого такого и не було! Такъ идить же соби геть, бо брешете вы, и вы-бъ такъ саме зробылы, якъ Адамъ та Ева.

Марко Багатый.

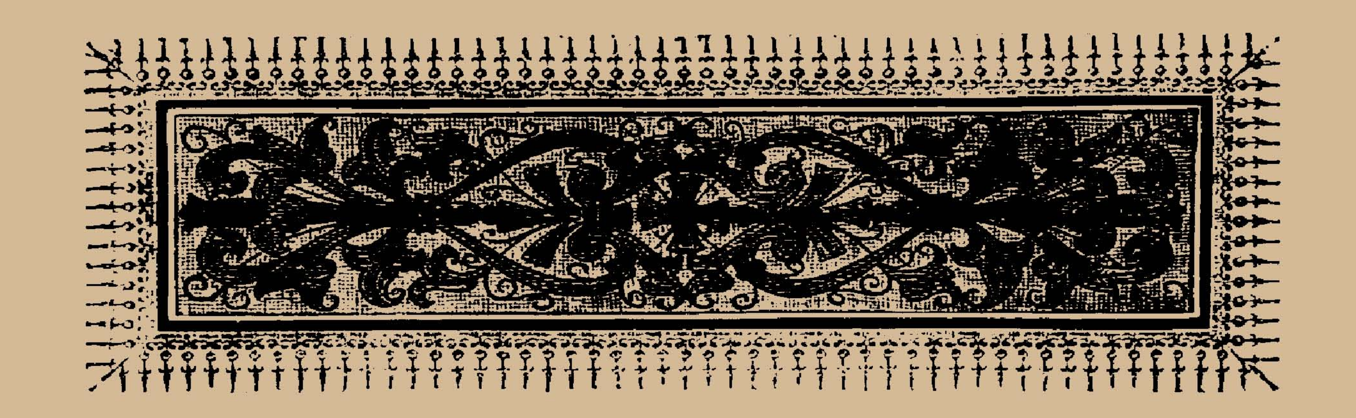
Марко бувъ багатый черезчуръ и пренебрегавъ винъ ныщымы: ныщій прыйде до нёго, винъ мылостыню подасть, та тры дни пиеля нёго полъ мые. Винъ що-день балъ задававъ: все балуе, все балуе, все у нёго гости, все гости. Такъ ось шось прыйшло до нёго. Прыйшло до нёго тры ныщыхъ, такъ винъ звеливъ ихъ у темныцю заперты. И сыдять воны тамъ, може, до пивночи. Гляды, ось прылитае анголь, прылитае и садытця на темныцю. Такъ тамъ, у темныци, якъ посвитылысь свичкы, якъ постановылысь столы, якъ позастылалысь скатерти, якъ понакладалысь наидкы-напыткы и якъ десь узялысь музыкы, якъ урижуть, урижуть, а-я-я-я!.. Свичкы горять, музыкы грають, наидкы-напыткы стоять, ныщи идять и закусюють. И такъ, може, ажъ до свита. Отъ одынъ ныщій напывся-напывся, такъ и лигъ и не похрестывсь, не поблагодарывъ Бога, лигъ якъ свыня. А другый напывсь-напывсь, поблагодарывъ Бога и лигъ. Колы тутъ зновъ анголь садытця на темныцю и рече: «Господы, Господы, яке назначаешъ багатство, дивка родыла у якійсь-то деревни сына».— «Назначаю, каже Господь, ёму багатство Маркове». А той ныщій почувъ. Ось темныця розступылась, Господь пиднявся зъ тымъ анголемъ на небеса. Отъ то прокыдаетця Марко Багатый рано утречкомъ и впьять гостювать. А ныщи, може, тамъ просыдилы до пивдня у темныци не ившы, покы тамъ подумалы про ихъ и доказалы Маркови, шо у нёго ныщи сыдять у темныци, чи ихъ выпустыть, чи нехай сыдять, чи якъ тамъ. Такъ винъ хотивъ шобъ выпустыла ихъ прыслуга, а дали самъ не полинувавсь тай и вставъ. Уставъ, пишовъ у темныцю, пишовъ, одмыкае; одимкнувъ,

ажъ воны сыдять. Винъ и пытае ихъ: «А де жъ, каже, третій вашъ? Воны й одвичають: «То не ныщій бувъ, а то бувъ самъ Господь мижъ намы». Намъ дарма, що ты посадывъ насъ у темныцю,— у насъ горилы свичкы, гралы музыкы, и булы у насъ наидкы-напытки, мы ще лучче илы, нижъ ты, Марко Багатый».—«А де-жъ винъ дивсь»? А воны й кажуть! «Такъ якъ у дванадцятому часу, али у первому прылытило шось тай каже: «Господы, Господы, у такому-то сели дивка родыла сына, такъ яке назначаешъ ёму богатство». А Господь и каже: «Назначаю ёму багатство Маркове». Посля того темныця розійшлася, а Господь тоди на воздухъ пиднявся тай полетивъ на небеса зъ ангolемъ. Выслухавшы те все, Марко взявъ тыхъ ныщихъ, покормывъ, давъ имъ мылостыну тай пустывъ. Пишлы соби ныщи, куды имъ треба було йты. А Марко тоди скоро-недовго поихавъ шукать тіи дивкы, шо родыла сына. Прыизжае у слободу, найшовъ іи; найшовъ,— давай у неи купувать сына. Довго вона не продавала ёго, а дали продала. Якъ сказавъ ій Марко: «Поставлю тоби хату, дамъ тоби хлиба и грошій багато, тилько продай», то вона такы продала. Купывъ винъ того сына. Ну, купывъ, везе ёго видтиля. А тутъ лежыть снигу заметъ такый здоровêтельный. Такъ винъ ёго въ заметъ! «Отъ тутъ, каже, тоби богатить, а не на моимъ богатстви»!... Укынувъ ёго тай поихавъ. Тоди прыизжае додому, успокоивъ самъ себе и впьять давай гостювать. «Мое буде впьять». А въ тимъ замети зробылось лито, цвитуть цвиточкы, канарейкы поють, одныимъ словомъ, рай, и тамъ хлопчышко граетця соби квиточкамы, усякою усячыною. Ось иде мужыкъ, побачывъ того хлопчышка тай думае: «Господы, якъ же воно тамъ граетця? Що воно жъ холодъ! зима! Треба ёго взять»! тай узявъ. Прывизъ додому, годуе. Отъ якъ пишлы балачкы, якъ пишлы балачкы, якъ пишлы балачкы, то й Марко багатый почувъ, шо чоловикъ найшовъ хлопчыка у снигу и той хлопчыкъ сыдивъ тамъ и гравсь наче литомъ. Якъ запряже Марко свои кони та до того мужыка. Прыизжае-найшовъ. Давай купувать того хлопчыка у мужыка. Давай купувать, давай купувать,— купывъ. Купывъ и повизъ. Прывозе додому, зробывъ бочку, укынувъ хлопчыка у бочку, забывъ іи и пустывъ ёго по морю. «Отъ де, каже, тоби богатить, а не моимъ багатствомъ». Такъ той бочонокъ зъ тимъ хлопчыкомъ тай поплывъ, тай поплывъ, тай поплывъ, тай прыбывсь до такого монастыря, такого биднаго монастыря, шо

й исты въ нёму ченьцямъ ничого. Взялы ченьци той бочоночекъ роскрылы ёго, ажъ тамъ сыдыть хлопець и кныжку чытае. Узялы воны того хлопця, и ставъ той монастырь богатить, ставъ богатить, такый богатый ставъ, шо онъ якый. Ну, пишлы слухы, пишлы слухы. Дочувсь и Марко Багатый. Запрягае винъ коней и иде до монастыря за тимъ хлопцемъ. Прыизжае у той монастырь до монаховъ, давай торгувать хлопця. «Боже сохраны! Шобъ мы ёго продалы! У насъ бувъ монастырь голисенькый, а винъ же намъ счастя прынисъ». Такъ Марко якъ зачавъ торгувать, якъ зачавъ торгувать, и те имъ дае, и друге, и трете, и десяте. Купывъ. Купывъ, тоди пославъ ёго до себе пишкомъ и давъ ёму у рукы запысочку, ще й запечатавъ печатiю, шобъ тамъ ёго посиклы-порубалы, испалылы и попилъ по витру пустылы. И прыказавъ ёму, шобъ, Боже сохраны, никому тiеи запысочкы не показувавъ, ажъ покы додому не донесе. Ось винъ иде шляшкомъ-дорожкою; стричаетця ёму старычокъ. «Здоровъ, тоби хлопче»! — «Здорово вамъ, старычокъ»! «А куды ты йдешъ»? «Додому». «А шо жъ ты несешъ»? — «Несу отъ хозяина письмо». «А покажы». — «Э, мени хозяинъ прыказавъ, шобъ я никому не показувавъ, ажъ покы додому не дойду». Давай ёго прохать, давай прохать— показавъ. Узявъ той старычокъ письмо и прочытавъ. Ажъ тамъ напысано, шобъ винъ, покы прыйде Марко додому, бувъ порубаный и посиченый. А той старычокъ замисть того ёму напысавъ, шобъ винъ, покамисть прыйде Марко, шобъ винъ бувъ на ёго дочци посватаный, повинчаный и свадьбу, шобъ одгулялы, покы самъ Марко прыйде. Напысавъ, отдавъ тому хлопцеви, и пишовъ геть. Якъ прыйшовъ хлопець, то такъ усе и зробылы, якъ було напысано. Ось прыизжае и самъ Марко. Прыизжае, колы тутъ захожуетця пыръ писля винчания. «Шо такъ? Я жъ казавъ отъ такъ и такъ».—«Э, ни: ты одпысавъ отъ такъ». Винъ подывывсь, ажъ такъ. «Ну, нехай уже будемъ свадьбу гулять». Одгулялы свадьбу, якъ довжно быть, тоди Марко и каже своимъ робочимъ: «Глядить же вы, слугы,—а у ёго чавунни заводы булы—глядить же вы, якъ пиде мiй зять по заводахъ ходыть, то вы ёго прямо пидъ рукы та въ казанъ; хочъ буде винъ казать, шо винъ Марко Багатый, то вы не слухайте, а кыдайте прямо въ казанъ». Ну, а самому зятеви зъ вечера прыказуе: «Якъ ты теперъ мiй зять и все ровно якъ сынъ,— дочка моя, и сынъ мiй,—такъ шобъ ты теперь

ходывъ на роботу и повирявъ робочихъ, якъ воны роботають. а я вже теперъ старый». Отъ то винъ раненько, ще темно на двори, убыраетця—одягаетця съ тимъ, шобъ йты та робочихъ повирять; убыраетця, а молода жинка ёго и каже ёму: «Пидожды, ще успіешъ, бачъ, якъ рано»: Винъ и прысивъ. А Марко ждавъ-ждавъ, не втерпивъ. «Пиду, каже, повирю зятя, чи винъ уже такы тамъ». Ну, вдився, пишовъ. Прыходе и давай ходыть тамъ по работахъ. А воно темно такъ, шо й не розберешъ, шо воно тамъ ходе. Тутъ ёго заразъ два кацапы якъ ухоплють пидъ рукы та въ казанъ. А винъ: «Ай-ай! Я Марко Багатый»!—«Та чортъ тебе беры! Намъ прыказано, хто бъ то якъ не називавсь, а прямо ёго въ казанъ»! Такъ винъ тамъ и скыпивъ, а ёго зять на ёго богатстви зоставсь. Та й доси жыве и хлибъ жуе.

Сравни Драгоманова Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 329—332.



У подножья Рясной могилы.

РАННЕЮ весной 1885 года пришлось мнѣ вести раскопку кургановъ близъ села Вороной, въ имѣніи М. Н. Миклашевской, Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, противъ днѣпровскаго порога Лоханскаго. Раскопка кургановъ вообще сама по себѣ далеко нелегкое дѣло; но въ особенности она тяжела во время знойныхъ лѣтнихъ дней, при господствѣ сухихъ и жгучихъ вѣтровъ, при отсутствіи прѣсной и холодной воды, при неимѣніи помощника для смѣны во время продолжительнаго хода работъ и при необходимости одному человѣку весь день, подъ дѣйствіемъ страшно палящихъ лучей солнца, выстаивать на самой вышкѣ кургана и ежеминутно засматривать каждому изъ рабочихъ подъ лопату. Отъ сильнаго вѣтра, упорно дующаго въ степи, иногда безпрерывно весь день, и отъ ѣдкой пыли, крутящейся во всѣ стороны надъ курганомъ, человѣку ни смотрѣть, ни говорить нѣтъ никакой возможности: пыль набивается ему въ голову, наполняетъ его носъ, уши, ротъ и дѣлаетъ его глаза красными, какъ у кролика. За весь день пыли этой наглотаешься столько, что она заполнитъ собой и весь желудокъ и всѣ кишки, такъ что черезъ то и пища на умъ нейдетъ. «Тутъ, коло цихъ кургинивъ, узнаешъ, по чимъ хунтъ гребешкивъ», иронически выражаются по этому поводу копачи-малороссы. «Тутъ накопаешься такъ, что и въ башкѣ замитусится», выражаются копачи-бѣлоруссы. Кромѣ всего этого завѣдующему раскопкой

кургановъ нужно всегда вставать раньше всѣхъ другихъ, чтобы будить рабочихъ и ставить ихъ на мѣста, и ложиться позже всѣхъ, чтобы сдѣлать нарядъ къ слѣдующему дню. Отъ того во время подобныхъ раскопокъ бываютъ такіе моменты, когда и самъ не знаешь, находишься ли въ бодрственномъ состояніи или во снѣ: станешь всматриваться въ какую-нибудь точку и задремлешь, присядешь на корточки и моментально уснешь.

Но раскопка кургановъ возлѣ села Вороной значительно облегчалась тѣмъ, что производилась ранней весной, когда степные вѣтры еще не несутъ вмѣстѣ съ собой той ужасной спеки и той страшной пыли, какія они несутъ въ іюньскіе и особенно іюльскіе дни. Къ тому же и самыя находки въ курганахъ были на тотъ разъ настолько обильны, что положительно радовали сердце любителя старины. На тотъ разъ и рабочіе также сошлись молодецъ въ молодца: и лопаткой ковырнуть и словомъ козырнуть хоть куда! Одинъ за ними только и водился порокъ—это тотъ, что они ни за что не хотѣли вѣрить тому, что курганы копались ради находки въ нихъ древностей, т. е. человѣческихъ костей, глиняныхъ черепковъ и тому подобныхъ на мужицкомъ языкѣ «некчемныхъ» вещей, а не ради золота и сокрытыхъ въ нихъ различнаго рода богатствъ. Наружно они и показываютъ видъ, какъ будто вѣрятъ, что копатель стремится добыть въ курганѣ человѣческій «маслакъ» или какой-нибудь старый горшокъ, но въ душѣ всѣ они далеки отъ того, чтобы вѣрить въ подобные пустяки и, всматриваясь въ выраженіе глазъ какого нибудь мужика, я ясно вижу, что говорятъ его глаза: «Ой, брешешъ ты, пане, крипко брешешъ, шо тоби треба тилько черепкы та маслакы»...

При раскопкѣ кургановъ я никогда особенно не тороплю людей, потому что слишкомъ спѣшная въ этомъ случаѣ работа можетъ принести вмѣсто пользы одинъ вредъ: рабочіе, торопясь, испортятъ и перебьютъ всѣ хрупкія вещи, сокрытыя въ землѣ. Для такихъ работъ, какъ раскопки кургановъ, гораздо удобнѣе брать малороссіянъ, нежели великороссіянъ. Никогда не торопясь при раскопкѣ могилъ, я дѣлаю кромѣ того еще длинные перерывы среди дня, и именно тогда, когда рабочіе начинаютъ уставать отъ солнечной спеки или отъ продолжительнаго подбрасыванія изъ кургана земли. Въ такомъ случаѣ я собираю около себя большой кругъ, самъ ложусь животомъ внизъ на траву и тоже самое предлагаю дѣлать и всѣмъ моимъ копачамъ. А для того, чтобы не терять

даромъ дорогого времени, я вызываю охотниковъ разсказывать мнѣ сказки, преданія и повѣсти, объявляя при этомъ зачастую и таксу за всякое сказаніе отъ одной копѣйки до трехъ. И всегда, въ особенности въ послѣднемъ случаѣ, является масса охотниковъ что-нибудь поразсказать и чѣмъ-нибудь посмѣшить. Но есть немало и такихъ, которые безъ всякой платы, а по одному лишь увлеченію, готовы разсказывать хоть весь день.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ дневного отдыха лежимъ мы животами внизъ и, подсунувшись до половины, ради тѣни, подъ стоящую возлѣ Рясной могилы бричку, ведемъ «балачку про старовыну̂». Дѣло, обыкновенно, начинается съ вопроса о какой-нибудь самой незначительной вещи, замѣченной у кого-нибудь изъ копачей.

— Ну, й брыль же у тебе, козаче, бравый! Мабуть такъ, шо карбованьцивъ два, якъ шо не бильше, стое.

— Эге, трошкы та не вгадалы.

— А якъ трошкы?

— Та такъ, шо якъ бы мени два карбованьци, такъ ябъ ажъ двадцять брыливъ за ныхъ купывъ; а якъ самому сплесты, то щебъ дешевше обійшлось.

— Онъ якъ?

— Такъ!

— А хиба ты самъ сплывъ?

— Самъ!

— Де жъ ты такый зародывсь и якъ тебе звуть?

— Зародывсь у сели Мыхайловци, Херсонскои губерни, а звуть мене Трохымъ Гадюка.

— Отъ призвыще, такъ призвыще? не вже справди Гадюка?

— Гадюка.

— Що жъ у тебе и гадючыха и гадючынята е?

— У цёго Гадюкы, пане, ни гадючынятъ, ни гадючыхи нема: винъ такъ соби, на̂боръ... Гадюкы усе жъ по чужыхъ норахъ лазють...

— А ты краще, Хведоре, хочъ ты прозываешся и Кошовымъ, ты краще помовчы. Ты думаешъ, якъ твоя красуля Присьвка спидныцею носе тоби у шынкъ обидать, такъ ты уже и гетьма̂нъ,— ни, ты ще покы Кошовый.

— А чомъ же Приська и не красуля! Одна нога дывыться на село Покровське, а друга на сентябъ мисяць, а винъ же за нею и не продыше!...

— Брава жъ и красуля!

— Эге-жъ! Іи и за ричкою Камьянкою симъ дворивъ хвалыло: чотыри пустыхъ, а въ трёхъ не жывуть...

— Хто жъ це тамъ такъ Прыську атестуе?

— Дидъ Ондрій Похмурко.—бильшъ нихто!

— А звидкиля ты есть, диду?

— Изъ Полтавськои губэрни, мыргородського уизду, березолуцькои волости, изъ Передеріевкы.

— Отъ же й выдко, шо ты изъ полтавщыны.

— А по чому же воно вамъ выдко?

— По тому выдко, шо у тебе люлька дуже выхватна.

— Эге, шо правда, то правда! Воно, бачыте. чоловикъ хотивъ зробыть човенъ, такъ пивень заспивавъ, а воно й выйшла люлька. Винъ мудрый, собачый сынъ, бувъ, отъ той, шо робывъ іи: бачъ, ще й нисокъ спереди пустывъ. Та тилько шкода: репнула гемонська душа, такъ я іи кинськымъ волосомъ обмотавъ тай жыве.

— Тай жыве?

— Тай жыве!

— Хто жъ іи робывъ?

— Хто іи робывъ—цёго я й самъ не дознаю, бо вона у мене выпысна: вона, якъ, по правди вамъ сказать, арапивська люлька, изъ Арапіи выпысана та мени й доставлена.

— Э. такъ вона у тебе, бачу, непроста!

— Та вы, пане, якъ хочете знать, то воно й цей дидъ не овсп простый.

— Хто це тамъ обизвавсь?

— Обизвавсь Власъ Савенко, изъ тіеи жъ такы Передеріевкы, шо колысь пипъ Передерій жывъ.

— Пипъ Передерій, кажешъ, жывъ?

— Эге-жъ! Такъ у насъ диды поносять, шо тамъ якыйсьто пипъ жывъ. Эй диды, диды, не знають биды!...

— Ну, а дидъ же Ондрій Похмурко не зъ ридни бува, Передерію?

— Куды тамъ зъ ридни! Це такый дидъ, що якъ бы його отъ тамъ, де йде въ хати беседа, та пидвивъ ничью пидъ вивно та показавъ бы черезъ скло людямъ, то вси бъ люде почумили...

— Такъ, може, ты ёму самъ зъ ридня?

— Мы зъ вымъ ридня до пивдня, а якъ сонце зайде, самъ чортъ не знайде!...

— Ха! ха! ха! Отъ це бисивъ хлопець! Цей уже у насъ якъ скаже, такъ якъ у око влипе!...

— Эге, у око! Цёго дида поцилышъ у око, якъ винъ зна, якъ и потопъ бувъ, якъ и Адамъ ковчегъ строивъ.

— Та хиба жъ ковчегъ строивъ Адамъ?

— У кого другого, то строивъ другый, а у цёго дида строивъ Адамъ.

— Смійся-смійся, Власе, надъ цимъ дидомъ, а винъ якъ пиде косыть, такъ ёго нихто й не дожене.

— Де жъ ёго й догнать, якъ винъ одъ себе такый духъ пуска, шо ажъ трава вьяне... До нёго и прыступыться неможна, а не то що... Одно це, а друге те, шо винъ косе босый; уси люде косять або въ постолахъ, або въ чоботяхъ, а винъ косе босый.

— Черезъ шо жъ винъ косе босый?

— Черезъ то, шо у нёго подошвы стальни.

— Якъ це такъ стальни?

— А такъ: винъ оце якъ ранкомъ устане зъ лижка, заразъ до мазныци тай давай мазаты соби пидошвы дёгтемъ, черезъ то воны у нёго и стальни.

— Такъ отъ якый цей дидъ!

— Ни, винъ ще й не такый! Винъ зна, якъ у чортѝвъ грошій позычать!

— А це жъ уже якъ?

— Э, це вже нехай винъ вамъ самъ розскаже.

— Розскажы, диду, якъ же то ти гроши у чортѝвъ позычàть.

— Якъ у чортѝвъ гроши позычàть?

— Эге-жъ!

— А хиба жъ я у ихъ позычàвъ?

— Колы самъ не позычàвъ то, може, чувъ, якъ другый хто позычàвъ.

— Чуты чувъ.

— Якъ же ты чувъ?

— Чувъ якъ одынъ чмутъ [1]), може, отъ такый, якъ оце нашъ панъ, позычàвъ.

— Ну, якъ же воно було?

— А отъ якъ: воны, ти чорты, якъ-яки, такъ и справди людямъ гроши дають. Отъ то одынъ чоловикъ и пишовъ до ихъ на

[1]) «Чмутъ — чудакуватый чоловикъ».

позычкы. Прыйшовъ тамъ чи до болота, чи до кручи тай давай прохать. А винъ, чортъ, почувшы тай каже чоловику: «Твій дидъ не бравъ и батько не бравъ, такъ и тоби шкода̀ давать».—«Та я, каже чоловикъ, не на душу, а позычить,—я скоро виддамъ». Такъ винъ ёму и давъ. Отъ то прыйшовъ срокъ платыть. Узявъ той чоловикъ гроши и несе. Прыносе тай вызыва чорта: «Сухонисъ, Сухонисъ, выйды до мене, ось я гроши прынисъ». Отъ и выходе до нёго якыйсь чортъ. Дывыться чоловикъ, ажъ воно зовсимъ инчій чортъ: цей правый, а той, що гроши дававъ, бувъ крывый. «Шо тоби, каже, треба»?—«Та я бравъ гроши, такъ оце прыйшовъ виддать».—«Э, я тоби, каже, не дававъ, а дававъ тоби крывый»—«А де жъ винъ, той крывый»?—«Та ёго убывъ громъ пидъ Ромномъ, а поколинія у нёго не було и завищанія винъ не вспивъ зробыть, такъ то вже гроши будуть тоби,—я ихъ отъ тебе прыняти не могу». Съ тымъ той чоловикъ и пишовъ назадъ зъ грошмы.

— Такъ отъ якъ винъ у чортивъ гроши позычавъ!

— Отъ такъ винъ и позычавъ.

— А десь у чортивъ и грошвы до гыбели есть?

— Есть у ихъ тіеи грошвы! Скрызь вона у ихъ позахована.

— Де-жъ вона позахована у ихъ?

— А вы не знаете де?

— А де?

— Та отъ хочъ бы и въ такыхъ могылахъ, що мы оце копаемо.

— И такы жъ тому правда?

— А вы думалы, шо такъ тилькы одна бала̀чка? Хиба вы не чулы тіеи прычты, якъ чортъ товарышува̀въ зъ запорозькымъ ковалемъ та ховавъ гроши у курганъ?

— Ни, не чувъ.

— Э, такъ вы, значыть, не чулы и того, якъ старыхъ людей переробляють на молодыхъ?

— Цёго вже такъ, козаче, шо й овси не чувъ.

— А колы не чулы, такъ послухайте,—уже куды не йшло, я вамъ розскажу.

Жывъ колысь-то мижъ запорозцимы одынъ коваль, та не такый коваль, яки теперъ повелысь,—пьянюгы та мошенныкы,—а коваль настоящый, чесный, тверезый чоловикъ, ще старынного заповиту. И кувавъ винъ коней, може, на всю Сичь. Чуть свитъ, а винъ уже и въ кузни, уже и гукае молотомъ. Тилькы, скилькы винъ не

робывъ, скилькы не годывъ соби и козакамъ, а все бидолахою бувъ и зостався: ни на нёму, ни пидъ нымъ. Отъ якось прыходе винъ до своеи кузни удосвита, а на двори було такъ темно, шо хочъ у око колы, такъ ничого не выдко. Видимкнувъ коваль двери; увійшовъ у середыну кузни. А тамъ у нёго, бачьте, повсигда высило дви картыны: на одній зрысованъ бувъ Господь Іисусъ Хрыстосъ, а на другій намалёванъ чортяка зъ рогами; перша картына прыбыта була на стини, шо прямо противъ дверей; а друга на стини, шо надъ дверыма. Такъ отъ якъ, бувало, увійде коваль у кузню, то заразъ же стане лыцемъ до иконы и помолытця Богу, а потимъ обернетця назадъ и плюне чортови, та плюне якъ разъ у саму пыку. Такъ робывъ винъ кажнисенькый день: Богу помолытця, а чортови плюне. А воно жъ и чортъ може обиду мать, якъ и чоловикъ, и за обиду може видместыть. Отъ воно такъ и сталось. Увійшовъ коваль у кузню, перехрыстывсь на икону, плюнувъ у саму пыку чортяци, потимъ взявъ у рукы молотъ и давай гукать. Тилько шо винъ ударывъ разивъ два, або тры молотомъ по ковадлу, колы гулькъ! ажъ передъ нымъ стоить парняга, здоровый, красовытый съ такымн чорнымы—пречорнымы вусами, шо такъ воны у нёго и вылыскуютця, а на выдъ темный, смуглуватый.

— Здоровъ тоби, дядьку!

— Здоровъ тоби, парняга!

— Часъ тоби добрый кувать и не перекувать, брать гроши и не перебрать!

— Гмъ, добре говорышъ, та погано выходе.

— А чомъ такъ?

— А тому такъ, шо скилько я не працюю, а ничого нема ни мени, ни пидо мною.

— Шкода мени тебе, дядьку! Та шо жъ робыты, якъ у тебе така погана наука? Отъ якъ бы ты знавъ тіеи наукы, шо я знаю, такъ тоди бъ ты и горемъ объ землю покотывъ.

— А яка̀ жъ твоя наука?

— Моя така наука, шо я по ній можу̀ старыхъ людей переробляять на молодыхъ.

— Не вже така наука на свити есть?

— Есть!

— И ты можешъ переробляять старыхъ людей на молодыхъ?

— Можу̀!

— Оце наука, такъ наука! Видъ ціеи наукы можно бъ чимъ покорыстуватъся! А шо якъ бы ты, спасыби тоби, навчывъ мене тіеи наукы?

— Навчыть тебе тіеи наукы?

— Здилай мылость навчы, якъ шо ласка твоя!

— Э, не хотилось мени, та вже крипко тебе жаль. Такъ отъ же шо: ходимъ умисти по свиту, побачышъ, якъ я роблю те дило, то й соби навчышъся.

— Ходимъ!

Отъ и пишлы вовы. Идуть-идуть; прыходють у одну слободу и заразъ же пытають: «А шо це панська слобода»?—«Панська». «А есть тутъ панъ»? — «Есть»! «А шо винъ старый, чи молодый»?—«Та годъ зъ девьяносто буде».—«Ну, оце й нашъ, — ходимъ до него».

Прыйшлы, доложылысь объ соби. Отъ и вылазе панъ, старый та зморщеный, насылу ногы волоче. «А шо вы скажете, мужычкы»?—«Та мы прыйшлы, пане, называтьця вамъ роботою».—«А яку жъ вы можете роботу сполнять»?—«Та мы хочъ по столярській, хочъ по малярській, хочъ по плотныцькій, хочъ по кузнечній роботи, а хочъ старыхъ на молодыхъ переробляты». «Э, добрая, бачу ваша и робота! Невжли можете старыхъ людей переробляты на молодыхъ»?—«Можемо»! «Здилайте божеську мылость, переробить мене».—«А шо дасте, пане»? «А шо возьмете»?—«Та зъ васъ треба бъ тысячу карбованьцивъ, потому вы уже дуже стари». «Чи нельзя взять висимсотъ»?—«Ни, пане, ни якъ незля, потому струментъ дорого стое». Сюды-туды,-сторгувались за тысячу. Тоди той молодый парняга узявъ довбню, ошелешывъ ею пана по лобу, порнзавъ его на кускы, повкыдавъ ти кускы въ бочку, налывъ туды воды, насыпавъ золы, взявъ у рукы веселку тай давай усе те вмисти мишать веселкою. Мишавъ-мишавъ, мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ дуне, якъ плюне та якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! То воно потому слову его изъ бочкы выскочывъ такый молодець, такый молодець, шо ажъ любо на него и подывыться: молоденькый, молоденькый, наче бъ ему всего симнадцять годивъ. Получывъ парняга той грошыкы, частыну ихъ ковалю давъ, а частыну на шось закопавъ у курганъ. Пишлы дальше.

Идуть-идуть; прыходють у другу слободу и заразъ же пытають: «А шо це панська слобода»?—«Панська». «А шо тутъ

панъ, чи паня жыве»?—«Паня». «А стара вона»?—«Та годъ сто, або й бильшъ буде». «Ну, оце й наша, — ходимъ»! Прыйшлы доложылысь объ соби. Отъ и выносять имъ паню на подушкахъ. Така стара, така стара, шо дывытыця на ню страшно. «Шо вы скажете мужычкы»? — «Та мы прыйшлы называтьця роботою до васъ»? «А? шо? шо вы говорыте»?—«Та мы, пани, прыйшлы называтьця роботою»?—«Роботою? А яку жъ вы роботу можете сполнять»?—«Та мы хочъ по столярськїй, хочъ по малярськїй, хочъ по плотныцькїй, хочъ по кузнечнїй роботи, а хочъ старыхъ людей на молодыхъ перероблять». «Э, добрая жъ, я бачу, ваша робота! Невжли можете старыхъ людей переробляти на молодыхъ»?—«Можемо». «Здилайте божескую мылость, переробить мене»! —«Можете»?—«Можымо! А скилько намъ дасте»?—«А скилько возьмете»?—«Та зъ васъ бы треба дви тысячи карбованьцивъ». «Нельзя ли пивторы»? — «Ни, ни якъ незля, потому струментъ дорого стое»... Ну, отъ такъ-сякъ за дви тысячи зговорылысь. Тоди той парняга знов взявъ довбню, хватывъ ею паню по лобу, поризавъ тило на милки шматочкы, повкыдавъ ти шматочкы въ бочку, налывъ воды, насыпавъ золы, взявъ весилку та й давай ею мишать. Мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ плюнувъ, якъ дунувъ та якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! А звидтиля й выйшла така красуня, така красуня, шо ажъ сяе, — наче бъ ій годъ шистнадцять. Получылы майстры грошыкы, подилылы ихъ; упьять частыну ихъ парняга на шось закопавъ у курганъ, и пишлы въ третю слободу.

Тамъ воны тежъ найшлы якогось пана и переробылы ёго изъ старого на молодого.

Отъ коваль баче, шо наука того парня не овси-то мудра, та й говоре самъ соби. «Э, катъ же тебе беры зъ твоею наукою! Я й самъ теперъ можу тежъ саме робыть! Полягалы спать. Отъ то тилько шо парняга заснувъ, а коваль пиднявсь тай и втикъ.

Прыходе винъ у першу слободу и заразъ же пытае: «А чи есть тутъ панъ»?—«Есть».—«А старый винъ»?—«Та такый старый, шо усе симъдесятъ симъ паръ колесъ на возахъ побылы, симъдесятъ симъ годъ шукаючи ёго на тимъ свити «Отъ це й мій». Прыходе до пана; доложывся объ соби. Выходе панъ похылый-похылый та ще й згорбленый. «А шо скажешъ, мужичокъ»?—«Та прыйшовъ называтьця роботою! «А яку жъ ты можешъ роботу сполнять»?—«Та я хочъ по столярськїй, хочъ

по малярскій, хочъ по плотныцькій, хочъ по кузнечній роботи, а хочъ старыхъ на молодыхъ людей переробляять». «Невжли можешъ старыхъ людей переробляять на молодыхъ»?—«Можу». «А шо ты визьмешъ переробыть мене»?—«Тысячу карбованьцивъ». «О, якъ дорого! «Визьми висимсотъ».—«Ни, пане, ни якъ неможна,—струментъ дорого стое». Такъ-сякъ—за тысячу зійшлысь. Тоди той коваль взявъ довбню, убывъ ею пана, изризавъ ёго на шматочкы, повкыдавъ ти шматочкы въ бочку, налывъ воды, насыпавъ золы, взявъ весилку и давай ею те все мишать. Мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ свысне, якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! А воно ничого й не выходе. Винъ зновъ мишать. Мишавъ-мишавъ, мишавъ-мишавъ, питъ биднягу прошыбае, а винъ все мишае. Потимъ зновъ якъ свысне, якъ крыкне: «Стань передо мною якъ лыстъ передъ травою»! А воно и зновъ ничого не выходе. Винъ и въ третій разъ, и въ третій разъ ничого не выходе. Шо тутъ робыть? А диты убитого пана прыстають до коваля, шобъ винъ вернувъ имъ батька ихъ, а не верне, то въ Сибирь зададуть. «Постойте, каже коваль, старый винъ дуже,—не вкипивъ». И зновъ мишать. Ось уже и ничь обняла ёго; ось уже люды и спаты полягалы, а винъ усе миша та миша въ бочци. Утомывсь бидняга до кинця; бросывъ мишать, сивъ тай зажурывсь: «Эхъ, побыла мене лыхая гадына та нещаслыва! И на-що я втикъ отъ того парнягы? И де винъ теперъ есть»? Отъ тилько шо винъ сказавъ ци слова, колы тутъ хтось торкъ ёго за руку! Оглянувсь коваль, ажъ то парняга, той самый, зъ блыскучымы очыма та зъ чорнымы-пречорнымы вусыкамы.

— Шо це ты, дядьку, такъ зажурывся?

— Э, голубчыку мій сывесенькый, выручъ изъ биды! Покарала мене нечыста годына: я думавъ, шо вже навчывсь твоеи наукы та взявъ та и втикъ отъ тебе и давай переробляять старыхъ людей на молодыхъ, а воно выйшло такъ, шо я убыты чоловика убывъ, а воскресыты ёго ни якъ не воскрешу. Сдилай мылость, поможы въ биди! До вику не забуду я тебе!

Задумавсь парняга, а коваль усе просе, усе моле ёго та кланяетця ёму.

— Ну, отъ же що: я тоби запоможу, та тилько ты дай мени одынъ зарокъ.

— Не одынъ, а десять дамъ, абы тилькы выручывъ изъ биды! Кажы тилько, чого тоби треба.

— Чого мени треба? Не будешъ ты плювать на ту картыну, шо высыть у тебе у кузни надъ дверыма?

— Та це та, де чортъ на неи намалёванъ?

— Та сама!

Глянувъ тоди коваль на чорнявого парнягу зъ блыскучымы очыма та зъ чорнымы вусыкамы и все урозумивъ одразу... Урозумивъ винъ и те, яка наука ёго... Ну, шо жъ було робыть бидоласи, колы самъ соби заподіявъ таку биду?

— Не буду, до вику не буду...

И зъ тыхъ пиръ переставъ коваль плювать чорту въ пыку. зъ тыхъ же пиръ люды и пословыцю зложылы: «Бога не забувай, тай чорта не зобиждай»!

Це зробылось мижъ запорозцямы, а одъ запорозцивъ и къ намъ перейшло... А шо, чи хороша моя баечка?

— Ще й онъ яка хороша! А тилько я не пойму одного, для чого чортъ закопувавъ зароблени гроши у курганы, а не бравъ ихъ зъ собою.

— А для того, шо то хрыстіянськи гроши, и якъ бы винъ ихъ узявъ зъ собою, то воны бъ ёго спалылы!

— Онъ якъ! Николы не чувъ такого!

— Не чулы, а воно такъ! Ну, а чулы жъ вы, пане, якъ можна достать ти гроши назадъ изъ кургана?

— Ни, и цёго не чувъ.

— Зубомъ изъ мертвяка!

— Це жъ якъ?

— А такъ, шо треба вырвать изъ рота мертвяка кутній зубъ,—такъ зъ тимъ зубомъ можна и клады находыть, и замкы одмыкать, и дивчатъ до себе прывертать. На счотъ цёго тежъ есть одна старовынна баечка,—якъ хочете, то розскажу.

— Кажы, здилай мылость, кажы! Яка така?

— А ось слухайте! Колысь-то, въ дуже давню давыну бувъ соби тутъ такы у насъ, на Запорожжи, одынъ безридный неимущый козакъ, сирома, голякъ. Тилько й богатства у нёго, шо кинь, кресало та люлька. И такый винъ бувъ безстрашный чоловикъ, шо скризь бувало блукае то по степу, то по балкахъ, то по лису. Чи день, чи ничь, чи лито, чи зима—ёму все однаково. Отъ-то якось зимнёи поры, выихавъ винъ въ ночну добу изъ Запорожжа въ Гетьманщыну, на городы. Выихавъ—погода була добра; а потимъ пиднялась така хуртеча, така хуга, шо Господы сохраны! И свиту

божого не выдко! Одно курыть, одно курыть и все чимъ дальше— тимъ бильше, чимъ дальше—тимъ бильше, тимъ страшнійшъ. А козакъ все йде та йде. Ихавъ-ихавъ, наконець того збывся зъ шляху. Сюды-туды, сюды-туды—нема дорогы тай тилько! Прыйшлось такъ, шо хочъ Богу душу отдавай. Шо тутъ робыть? Пустю коня по воли, хай винъ йде, куды знае, — винъ швыдче выбьетця на шляхъ». Пустывъ коня и впьять йде. Ихавъ-ихавъ, колы кинь тыць! и ставъ. Шо воно таке? Дывытця козакъ — ограда, а за оградою—церква. «А, слава жъ тоби, Боже, це, мабуть, тутъ же десь и слобода»! А якъ кинь козака крипко уморывсь, то козакъ прывьязавъ его до ограды, а самъ пишовъ шукать слободы. Шукавъ-шукавъ—нема слободы тай годи! Хотивъ було вернутьця до коня, и тутъ бида: слидъ до церквы загубывъ. Сюды-туды, сюды-туды—нема слиду тай тилько! «Отъ колы вже смерть, справжня смертъ! То хочъ бувъ кинь, а теперь и коня нема!.. Одначе, постій; дай-ка позву коня». Позвавъ коня—кинь заржавъ десь. Пишовъ козакъ на голосъ коня и кой-якъ такы зъ велыкою сылою добравсь до нёго. «Ни, теперъ я ось шо вже зроблю: коня заведу пидъ дзвиныцю, самъ сяду пидъ дверыма церквы, закурю люльку тай буду сыдить ажъ до са́мого ранку. Хочъ грихъ, хочъ два курыть люльку пидъ церквою, а я все жъ такы закурю: не буду курыть — засну, а якъ засну — замерзну». Отъ завивъ винъ коня пидъ дзвиныцю, самъ сивъ спыною до церковныхъ дверей, закурывъ люлечку тай сыдыть. Сыдыть соби тай сыдыть и изъ люлечкы попыхуе.

Колы чуе, въ церкви наче бъ то шось одирвалось одъ стинкы и шелеснулось объ доливку. Такъ по всій церкви и роздалась гуна... Козакъ здригну́въ и ставъ прыслухатьця. Одначе, въ церкви все було спокійно. «Це, мабуть, мени здремнулось та у висни и прыверзлось наче бъ то якый стукъ». Пидправывъ козакъ на голови шапку, пощупавъ чупрыну, наложывъ въ люлечку табачку, прыдавывъ табакъ пальцемъ, накрывъ люлечку крышкою и впьять сыдыть и смокче изъ люлечкы. Колы ось чуется ёму, наче бъ то хтось ходе по церкви. Такъ тыхо, не спиша иде: «Шамъ-шамъ-шамъ»... Шо жъ це воно таке? Ни, це вже не ви-сни»!... Козакъ скочывъ зъ миста и ставъ оглядать церковни двери. Баче — въ дверяхъ стырчыть ключъ. «Эге, тутъ шось недобре». Заразъ же доставъ винъ изъ чобота соломьяну вустильку, выкресавъ кресаломъ вогню, прыложывъ трута до ву-

стилькы, помахавъ ею скилько тамъ разъ у руци, покы вустилька не занялась видъ вогню, потимъ одчынывъ двери, увійшовъ у церкву, намамрывъ тамъ свичку у ставныку, засвитывъ іи и ставъ оглядать церкву. Дывытця—середъ церквы стоить гробъ, а коло гроба, на полу, лежыть крышка. Козакъ пидійшовъ до гроба, заглянувъ въ серёдыну и баче, що въ гробу лежыть мертвякъ, — лежыть такъ, якъ и слидъ ёму лежать. «Значыть, це не винъ стукотивъ; хто бъ це жъ воно мигъ?» Пишовъ козакъ по церкви, заглянувъ у вси вуглы—никого нема. На одному крылоси—никого нема, на другому — тежъ нема. Пишовъ у вовтарь; заглянувъ пидъ жертвенныкъ — никого нема; пиднявъ одіяніе на престоли, дывытця пидъ престолъ, ажъ тамъ сыдыть якась-то жинка. «Чого ты сюды забралась? А вылазь та скажы, хто ты така есть и чого ты забралась ничью у церкву? Вылизла та жинка изъ-пидъ престола та заразъ бухъ у ногы козаку! «Голубчыку такый-сякый, не губы мене, я все тоби розскажу! Я прыйшла сюды за тимъ, шобъ вырвать у мертвяка кутній зубъ, бо такымъ зубомъ можна одмыкать замкы, доставать изъ земли клады, прывертать, кому треба, до себе дивчатъ. Такъ ось я украла у попа ключи, пробралась у церкву, де стоявъ покійныкъ, и уже зовсимъ було налагодылась, шобъ вырвать у нёго зубъ, якъ тутъ почула, будьто хтось иде въ церкву, побигла у вовтарь тай сховалась тамъ пидъ престолъ. Теперъ, якъ хочешъ, я достану для тебе зубъ, и будешъ ты богачемъ на ввесь мыръ: чого хочешъ—того й просышъ». — «Богъ зъ тобою и зъ твоимъ зубомъ! Дило твое—не боже дило, а бисове, и я не хочу браты на свою душу велыкого гриха. Бувъ я сыротою-голякомъ, и умру такымъ же; а тоби прыказую выйты изъ церквы и бильшъ не скверныть собою святого миста». Тутъ козакъ выволикъ жинку изъ церквы, замкнувъ двери замкомъ и, якъ було уже и къ свиту, скоро найшовъ слободу, де й розсказавъ про всю свою оказію людямъ; тижъ люде передалы своёму поколинію, а те поколиніе намъ, а мы уже вамъ.

— И давно це, диду, було?

— Годивъ-годивъ... або ще й бильшъ!..

— Годивъ-годивъ... або ще й бильшъ? Выходе, давно такы.

— Тай давно жъ!.. Такъ отъ чимъ, пане, добувать клады изъ земли. А чи знаете жъ вы, якъ пизнать, у якому кургани есть кладъ, а въ якому ёго нема?

— А якъ?

— Муравською кисточкою.

— Якою такою муравською кисточкою?

— Треба зъ муравля, чи зъ комашни, добуты кисточку та положыты іи за губу, и тоди можно бачыть уси клады, шо закопани у курганахъ, якъ у себе на долони.

— А яка жъ то тамъ у того муравля та ще й кисточка?

— Отъ то-жъ то й штука, шо яка тамъ у нёго кисточка и якъ іи у руки взять та ще й за губу положыть... Хочъ бы вже не муравську кисточку, а кутнёго зуба зъ мертвяка добуть, тай то добре. Отъ той козакъ, шо ихавъ на городы, не схотивъ узять кутнёго зуба, а бувъ бы и багатымъ и славнымъ. Ходылы бъ у нёго козы въ золоти, а свыни у панчохахъ. А чого й не схотивъ? Мабуть, заклятія боявся. Устаровыну, такъ чуете, якъ закопувалы люде клады, то клалы поверхъ ихъ вогонь, а на вогонь баранчыка, зъязаного за ногы зализнымъ дротомъ; жарылы того баранчыка тай прыговорювалы: «Ось якъ цёму бараньцю, зъязаному дротомъ, тяжко та нудно лежаты на вогни, такъ хай буде тяжко та нудно тому, хто осмилытця закопани грошн изъ-пидъ нёго взять».

— Не то, дыду, шо боявсь козакъ заклятія, а то, шо Бога боявсь: воны вси, ти козакы, по божому жылы.

— Це хто жъ тамъ такый обизвавсь?

— Це Ныконъ Заволока, козакъ красыловськои волосты, козелецького уизду, черныговськои губерни.

— Такъ воны, кажешъ, козаче, по божому жылы?

— По божому, по настоящому жылы. Мій дидъ та булы изъ запорозцивъ, такъ воны багато де чого розсказувалы про ихъ. У ихъ, кажуть, такъ, шо найбильшъ усёго почыталы Бога, а потимъ того старыхъ людей, сывоусыхъ дидивъ. Отъ то якъ мій дидъ вернулысь изъ Сичи на городы,—це мени дуже упомву, якъ воны розсказувалы,—якъ вернулысь, кажу, на городы,то пожылы-пожылы, и съ тимъ шо й женытьця; а батько ихъ, а мій, бачъ, прадидъ, не хочуть, шобъ воны женылысь, а шобъ козакувалы нежонатымъ. «Благословить, кажуть, тату, на шлюби стать». — «Я тебе, такый-сякый, якъ благословлю, такъ ты и своихъ не пизнаешъ»! та якъ ухоплють каминюку та якъ шпурнуть іи въ нёго... А дидъ пидхопылы у рукы ту каминюку тай давай іи цилувать. «Оце жъ, кажуть, мени и за благословеніе буде»... И зъ тимъ шо женылысь; а ту каминюку обробылы у кіётъ тай постановылы зъ другымы

иконамы на божныцю, и якъ молятця було Богу, то и передъ тіею каминюкою повсигда тры поклоны ударять. А якъ сталы умираты, такъ ту каминюку велилы положыты соби въ труну. Отъ яки воны булы, ти запорозци!

— То колысь воно у давню давыну́ такъ робылось, а теперъ якъ бы батько шпурнувъ у сына каминюку, то сынъ пиднявъ бы іи зъ земли та шпурнувъ бы у батька. Теперъ таки повелысь запорозци! Инчій ще й голову батькови, або матери отбатуе. тай байдуже́. Теперъ, куды не глянь, скризь народъ церковный: якъ зазвонять, такъ и у шинокъ...

— Эй, хлопци—хлопци, часъ десятый—закурювай, ребята! Хто куре табачокъ—той хорошый мужычокъ, хто не куре табакы—не стое собакы.

— Казавъ Корній, щобъ курылы скорій.

— Казавъ Панасъ—не забуду я васъ.

— Ну, хлопци, и полежалы, и пабалакалы и покурылы, теперъ добре вы дбайте, на нижкы вставайте, берить лопаткы та зновъ ковыряйте!..

— А нуте й справди за роботу!

— Эй, слухай ты, свыня сапата, чого ты мени за шію землю сыпышъ?

— Та хиба ты не бачышъ, Власе, що воно дурне, якъ сало безъ хлиба, видъ того й землю за шію кыда́?

— Воно дурне-дурне, а попа на сповиди обмануло.

— Якъ же жъ воно обмануло?

— Якъ обмануло? Пишло до попа сповидатьця. а пипъ и пыта: «Шо ты гришенъ, чоловиче»?—«Гришенъ, каже, батюшка».—«Чимъ же ты гришенъ»?—«Та вкравъ у пана бычовочку».—«Ну, це ще грихъ невелыкый».—«Такъ на тій бычовци та на обохъ кинцяхъ було по быку». «Гм. це вже того, именно-именно, це вже того, именно-именно. грихъ... Ну. а шо жъ ты Богу молытьця уміешъ»?—«А ты, батюшка, бочкы набывать уміешъ»? А воно. бачьте, та за бондыря у насъ на сели... Такъ бачышъ. яке воно дурне!.. Чуешъ, кажу, чортула̀. кыдай подальше землю.

— А ты бачывъ чортулу̀, що згадуешъ ёго?

— А ты думаешъ, що й ни? Я бачывъ ёго самъ коло Крывого-Рога: выскочывъ изъ камышу, прыбигъ до ставу тай пье воду. Чорный такый, хвостатый, а очи якъ жаръ горять.

— А ты, курносый, чого свою шапку покынувъ коло ямы,

шо черезъ неи неможна выкыдать землю? Чуешъ ты? Хочъ бы вже шапка була?

— Та винъ не чуе! Винъ на одно око глухый?

— Чую, чую! А чимъ же й не шапка? У тебе на велыкдень такого гостя не було, якъ отъ то у мене шапка.

— Та це ты про свою, чи про мою?

— Про свою?

— У твоій шапци симъ годъ чортъ сыдивъ!

— И скаже жъ таке несподобне! Тебе, мабуть, дурный пипъ изъ-за угла мишкомъ хрестывъ. Хиба такы у хрестіянськiй шапци та будуть чорты сыдить? За таки речи ты на тимъ свити прямо у пекло попадешъ.

— А ты бачывъ те пекло?

— А ты думаешъ и не бачывъ?

— Де жъ ты бачывъ?

— На картыни,—ни де! Тамъ будешъ горить у вогни; дымъ буде тоби выще головы, зализнымы выламы будуть тоби у бокы штрыкать, шобъ жаръ дужче пройнмавъ. А якъ дуже уже прошпетышся на цимъ свити, то загонють тебе ще дали пекла, прямо въ адъ,—туды, де Марко Проклятый пиклуется.

— Ты, Сёмка Рудый, тилько на картыни бачывъ пекло, а я въ нёму и бувъ.

— Якъ, у самому пекли?

— У самому пекли! А ты думаешъ, литейный заводъ, такъ то лучче пекла? Въ устави пышетця: «литейный заводъ тры мынуты не дойшовъ до пекла». Тамъ люде ще дужче горять, нижъ у пекли: отъ то скилько есть у тому заводи чоловичыхъ голосивъ, такъ якъ загуде гудокъ, то у тому гудку есть голосъ кожного чоловика, а вси голосы вмисти составляють одынъ гудокъ. У тому пекли якъ годъ поробышъ, такъ треба идты до попа та зновъ крестытьця. Одно те, шо тамъ жарышься огнемъ, якъ у пекли; друге те, шо тамъ ходышъ чорный, якъ чортъ; а трете те, шо тамъ ни середы, ни пьятныци, ни будня, ни свята не знаешъ.

— Значыть такъ, шо пьятныцю та середу поставымо у ряду,— корочій буде пистъ?

— Якъ бы то такъ? А то... Слухай сюды, Васылю Возный довгоносый шпаче? Ну, й швыдко жъ ты и землю волокамы одвозышъ? Повертаешся такъ наче мухъ одъ себе одгоняешъ? Ну, хто такъ робе?

— Эге, дай Богъ, мени стилько здоровья, скилько я роблю, то и въ жыводи бъ не вмистылось.

— Годи вамъ.—обое рябое! Дывитця, онъ Кырыло кухарь уже выставывъ на табори виху,—вечеря готова. Уже й сонце сховалось за кряжъ. Шабашъ, хлопци!

— Шабашъ! Знимайте шапкы та молитця Богу!

— Спасыби Богу, шо увесь день поробылысь тай ни съ кимъ не побылысь.

— Ни, не такъ ты кажешъ, Мына! Треба казать такъ: «Спасыби Богу, шо держыть насъ на свити; спасыби царю, шо прыслала до насъ панивъ копать могылы и спасыби пану, шо дае намъ гроши зароблять та годувать симью». А я ще й такъ скажу: «Кончывъ дило—гуляй смило».

— Э, ну-й смашни галушечкы варе нашъ Кырыло!

— Смашни-то, смашни, та якъ бы до цихъ галушокъ та горилка; паны якъ идять, то все запываютъ выномъ, або зельскою водою, а намъ бы найкраще горилкою.

— А ты й бачывъ ту зельску воду?

— А ты думаешъ, шо й не бачывъ? Я якъ бувъ на зализци за стрилочныка пидъ городомъ Ѳедосіею, такъ надывывсь на тихъ панивъ, якъ воны по обзалахъ пьють та идять. Оце якъ якый бижыть незануздадый панъ, то заразъ до бухвета, выкыне на стилецъ гроши, стёбне тіеи воды тай дали... А якъ якый сяде за стилъ тай давай исть та пыть; исть та все выномъ запыва, исть та все выномъ запыва, та нахлепаетця такъ, шо зъ него ни рыба, ни ракъ; десь мабуть, дома и жинкы своеи не взна,—а то жъ воно найласійше дило, та жинка...

— У панивъ дурни гроши, такъ воны и козыряють нымы. Отъ у насъ есть одынъ панъ, Андріяшъ, такъ винъ, братци, купывъ соби якусь собаку, таке гострорыке та довге; потимъ узявъ ружжо тай подавсь за тією собакою на охоту, у степъ. А я тамъ косывъ траву тай бачывъ ту сторію. Убаче панъ зайця тай крычыть собаци: «Ату ёго»! А та собака скокивъ два зробе, сяде тай с..е, скокивъ два зробе та вньять с..е, та такъ усе поле паскудна и обкатала... А винъ же за ню сто карбованьцивъ давъ...

— Эге, чуже добро пидпирае ребро, то такъ тоби и ти гроши пана.

— Якъ бы жъ то винъ бувъ панъ? А то винъ дурный, а зъ дуракивъ умныхъ не бува...

— Дурный, а шистьсотъ десятынъ земли мае; тай пипъ передъ нымъ навпрысядкы танцюе; оце якъ зайде до нёго та якъ выпье та якъ пиде у плясъ, такъ тилько плахиття на нему майорыть. Дурный! Винъ дурный та тугый: за тры копийкы дасть соби око выколоть.

— Э, що ти шистьсотъ десятынъ? Може Андріянъ ихъ и не прожыве, такъ за то диты ёго скоро промотають; а найкраще якъ пизніёнъ казэнный що мисяця получать. Отъ у насъ, у Остапивци жъ, одынъ чоловикъ есть, Марко Непытай; такъ винъ, чуешъ, сыдыть соби до чысла та люльку смокче; а якъ прыйде чысло, то винъ получе трыдцять два карбованьчыка тай не лысый. Гребе грошыкы!.. А тутъ николы прыходытця такъ, що й исты нема чого; тилькы ходышъ та спотыкаешься, а выду й не показуешъ: мовчы та дышъ, скажуть, шо спышъ; або якъ тамъ кажуть, два дни не ивъ, а въ зубахъ ковыряй, то щей будуть передъ тобою шапку знимать, подумають, що ты богачъ.

— А шо, братци, чимъ чоловика насытышъ?

— А чимъ? Усимъ ёго чысто насытышъ: насытышъ хлибомъ, горилкою, усякымы ласощамы, а грошмы николы: скилько бъ ихъ у нёго не було, а все ёму мало, все хочетця побильшъ.

— Спасыби Богу, навпвся ій-Богу! Панови на счастя, а мени на здоровья... Ну, теперъ, хлопци, хто хоче у носка грать?— «Я! я! я»!—«Натягай стилъ! Одкрывай городъ Чмыхъ»!...

И вотъ едва проходитъ какихъ-нибудь полчаса времени послѣ окончанія страшно изнурительныхъ работъ, какъ вслѣдъ затѣмъ начинается игра въ карты, въ любимаго малороссами носка. Для этого составляется нѣсколько группъ, изъ 3—4 человѣкъ; всѣ люди садятся на землю по-турецки, растягиваютъ на колѣняхъ свитку или чумарку, долженствующую изображать изъ себя столъ, потомъ вытаскиваютъ изъ кармановъ штановъ самыя затасканныя и распухшія отъ времени карты, и тутъ начинается самая отчаянная игра.

— Стой, шо козырь?

— «Вышо» (пика). «Неправда, дзвинка» (бубна). «Ходы та знай лады. Ходы жыромъ» (трефой). «Ни, я пиду чырвою» (червою). «Эхъ, ты, дура сапата, не зна, чимъ и питы».—«Мовчы, скотына безрога! Твое дило пидставляй, а мое дило твоихъ королнвъ козыряй»...

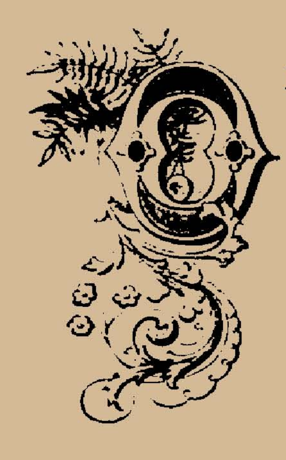
Игра въ носокъ заканчивается тѣмъ, что выигравшій бьетъ проигравшаго картами по носу столько разъ, сколько у проигравшаго останется на рукахъ картъ. При этомъ проигравшій закры-

ваетъ обѣ щеки себѣ картами и, выставляя наружу свой носъ, заявляетъ, что бить можно только по носу; по «яблучку» же, т. е. по скуламъ, ни въ коемъ случаѣ бить нельзя. Выигравшій беретъ, съ хохотомъ и съ разными остротами, въ руки карты, складываетъ ихъ въ одну кучку, потомъ всю кучку беретъ за одинъ изъ четырехъ угловъ и, приподнявшись передъ проигравшимъ на колѣна, помахавъ рукой въ воздухѣ, какъ бы для того, чтобы приспособить руку къ дѣлу, начинаетъ отпускать по выставленному впередъ носу ударъ за ударомъ. «Разъ! Два! Тры! Чотыри! Пьять»!—«Стой! стой! по яблучку не бый! Бый по казэнному мисту, а по яблучку не смій»! «На що мени твое яблучко? Мени треба кырпы твоеи. Якъ вона у тебе така куценька, такъ я іи тоби настаю... Пьять! Шисть! Симъ»!—«Стой! стой! це вже мошенство! Тамъ посчытавъ пьять и зновъ почынаешъ зъ пьяты. Це вже такъ, що прямо мошенство»!—«Та я помылывсь»!—«Э, ни, це мошенство! Якъ, братци, чи міе винъ право свое чысло отбывать»? «Міе право»!—«Не міе право»! «Міе право»! кричитъ то одна, то другая сторона, но большинство все-таки находитъ, что выигравшій «міе право на свое чысло», и потому отсчитываніе ударовъ возобновляется вновь... И вотъ не проходитъ и часу со времени окончанія работъ, какъ у многихъ рабочихъ носы пораздуваются такъ, какъ печерицы на навозной землѣ послѣ теплаго дождя.

Между тѣмъ вечернія сумерки все болѣе и болѣе сгущаются, и въ степи становится все темнѣе и темнѣе. Вотъ, наконецъ, ночь покрыла всю степь своею темной пеленой. На небѣ показалась сперва одна звѣздочка, потомъ другая, тамъ третья—четвертая и, наконецъ, все небо засвѣтилось безчисленнымъ множествомъ сине-голубыхъ огоньковъ, затрепетавшихъ и разлившихся по всѣмъ необъятнымъ и высокимъ небесамъ. Тутъ же выступилъ блѣдновато-молочной полосой и протянулся отъ края до края безконечный млечной путь или такъ называемый у запорожцевъ «чумацкій шляхъ»; а тамъ, при самомъ горизонтѣ, гдѣ кончается край неба и начинается степь, показалась свѣтлая и чистая луна, но сперва только однимъ вѣнцомъ, а потомъ мало-по-малу и во всей своей полнотѣ. Во всей степи, послѣ порывистаго вѣтра, дувшаго въ теченіи цѣлаго дня, наступила полнѣйшая тишина и потянуло пріятной и освѣжающей прохладой отъ балки и отъ рѣки Днѣпра. Все, что было прибито и пришиблено страшной дневной жарой,

все это ожило, вылѣзло и выползло изъ своихъ норъ и огласило всевозможными звуками всю далекую и покрытую травой степь. Вотъ въ густой травѣ хававкаютъ и поочередно перекликаются со своими подругами страстные и не угомонные перепела: тутъ, сидя у норъ на заднихъ лапкахъ, свистятъ суслики, такъ громко и такъ отчетливо, какъ свиститъ чабанъ на своихъ овецъ; гдѣ-то вдали фыркаютъ пасущіяся въ степи лошади, медленно пощипывая травку и медленно переходя отъ одного кустика травы къ другому; тутъ же, кругомъ, во всей степи, насколько захватываетъ глазъ и насколько слышитъ ухо, трещатъ безъ перерыва, но всѣ въ одинъ тонъ, маленькіе и прыткіе кузнечики, которые, казалось, задались цѣлью, не переставая ни на единый мигъ, всѣхъ пересилить и всѣхъ своей трескотней заглушить; а тамъ, издали, отъ пороговъ Днѣпра, несется могучій и грозный шумъ отъ перелива воды черезъ страшные камни, разбросанные на днѣ рѣки, и гулко и мощно раздается по всей степи среди наступившей въ ночное время тишины. Вотъ и шумитъ, и льется, и звенитъ, и стонетъ Лоханскій порогъ; потомъ вдругъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, онъ неожиданно прерываетъ свой стонъ и за нимъ начинаетъ ревѣть Ненасытецкій порогъ; онъ и шумитъ, и льется, и звенитъ, и стонетъ, и потомъ вдругъ сразу прекращаетъ свой ревъ, а за нимъ снова начинаетъ Лоханскій порогъ. «Быть скоро дождю! быть непремѣнно дождю»!... Вся степная трава и отъ потянувшейся влаги отъ рѣки Днѣпра и отъ насыщеннаго атмосферными парами воздуха, быстро ожила и наполнила ароматомъ своихъ дикихъ цвѣтовъ всю раздольную и необъятную степь, полную жизни и чаръ... Я давно уже расположился на ночлегъ, избравъ себѣ мѣсто подъ бричкой, между колесъ, и подмостивъ подъ голову клочекъ душистой степной травы. Лежа вверхъ лицомъ и, то прислушиваясь къ разнымъ звукамъ въ степи, то присматриваясь къ медленному передвиженію звѣздъ въ небесной высотѣ, я долго предавался мечтамъ, но потомъ, мало-по-малу сталъ забываться и, наконецъ, заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ.

Въ ожиданіи подводчика.



КОНЧИВЪ раскопки кургановъ возлѣ деревни Вороной, я перебрался съ праваго берега рѣки Днѣпра на лѣвый и направился пѣшкомъ въ село Звонецкое, стоящее на высокой открытой мѣстности, противъ порога Звонецкаго. Это село уже давно привлекало меня какъ живописностью своего мѣстоположенія, такъ и оригинальностью своей церкви, въ которой я предполагалъ найти древности отъ временъ запорожскихъ козаковъ. Изъ села Звонецкаго я имѣлъ проѣхать степью прямо въ городъ Екатеринославъ и отъ Екатеринослава подняться вверхъ по Днѣпру до Переволочны, гдѣ въ 1709 году переправлялись черезъ Днѣпръ шведскій король Карлъ XII и малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа послѣ пораженія подъ городомъ Полтавой. Результаты моихъ поисковъ въ звонецкой церкви не оправдали, однако, моихъ надеждъ: я нашелъ въ ней изъ запорожскихъ древностей всего лишь пять вещей—одну плащаницу, одно евангеліе печати 1755 года и три, писанныхъ на холстѣ, иконы, какъ то: Жизнь Спасителя, Вѣнчаніе Богомъ Отцомъ и Спасителемъ Богоматери, Богоматерь съ младенцемъ. Выйдя изъ церкви, я окинулъ взоромъ всю мѣстность, на которой раскинулось село, и долго любовался прекраснымъ видомъ съ открытаго и возвышеннаго берега на синѣющій внизу могучій Днѣпръ и шумливый Звонецкій порогъ. Отъ церкви я направился прямо къ расправѣ съ тѣмъ, чтобы предъявить тамъ свой билетъ, данный мнѣ отъ мѣст-

наго губернатора, и по билету добыть себѣ обывательскихъ лошадей до города Екатеринослава. Но въ такихъ случаяхъ я обыкновенно находилъ у старосты или у сельскаго писаря одинъ отвѣтъ: «Заразъ кóней у сели ни въ кого нема, веи въ степу на роботи». При постоянныхъ странствованіяхъ изъ села въ село я попривыкъ къ такимъ отвѣтамъ и въ ожиданіи прибытія кóней, всегда садился на крылечкѣ волости или сельской расправы и тутъ или осматривалъ проходящихъ по селу людей, или же вступалъ въ мирную бесѣду съ волостнымъ сторожемъ. Тоже случилось со мной и въ селѣ Звонецкомъ. Кстати въ это время полилъ сильный дождь, и я по необходимости сѣлъ подъ навѣсъ деревяннаго крыльца расправы, пригласивъ сѣсть противъ себя и сторожа, охранявшаго общественное зданіе, и тотъ же часъ завелъ съ нимъ «балáчку». Бесѣда началась сперва съ погоды, потомъ перешла на рыбу, которая «теперъ, пидъ дощъ, добре дрёха у порози»; далѣе къ мѣстному батюшкѣ, и наконецъ къ другимъ властнымъ въ селѣ особамъ. Мой собесѣдникъ, видя, что передъ нимъ «сыдыть панъ простыня, а не гордыня» [1]), скоро отъ отвѣтовъ на мои вопросы самъ перешелъ къ вопросамъ.

— Пане, шо я васъ хочу спытать?

— А шо ты мене хочешъ спытать?

— Хочу щось спытать, та не знаю, якъ воно покажетця вамъ.

— Пытай, може, воно й дóбре покажетця.

— Вы пидъ часъ, бувá, не зъ тихъ, шо могылы копають?

— Ни, братику, не зъ тихъ! Я зъ тымú и знатьця не знаюсь и видатьця не видаюсь. А шо хиба ты знаешъ кого-ныбудь зъ ныхъ?

— Знаты-то я никого зъ ныхъ не знаю, а чуты про ныхъ чувъ.

— А шо-жъ ты про ныхъ чувъ?

— Та чувъ, будьто воны багато золота выкопують изъ могылъ. Отъ тамъ, по той бикъ Днипра, за Лоханськымъ порогомъ, выще Матлашкы, Богъ насіявъ страшенне околычество могылъ. Такъ до тихъ могылъ, кажуть, выихавъ изъ Петербурху якыйсь-то панокъ. Балакають, шо ще й молодый, а цикавый каторжвый чоловикъ... Ну, такъ той панокъ выихавъ до могылъ, выихавъ

---

[1]) «Простыня» уменьшительное слово отъ «простой»: «тамъ же и прóстый панъ, така простыня, така простыня, шо вже й никуды бильшъ»—обыкновенно говорятъ малороссы о простомъ панѣ.

винъ до могылъ тай давай ихъ копать. И шо бъ вы думалы, шо винъ выкопавъ?

— Не знаю, братику, шо винъ мигъ выкопать?

— Выкопавъ сорокъ пудивъ золота! Отъ що!.. Выкопавъ, навалывъ на пару здоровеныхъ волывъ тай посунувъ у губэрнію. Кожа на волахъ трещыть, а винъ суне золото у губэрнію. А зъ губэрнiи прямо до царя повизъ. Онъ воно що!.. И якъ вы думаете, спытаю я васъ, своею ото винъ сылою выкопавъ те золото?

— Хто ёго знае? Думаю, шо не своею.

— И я такъ думаю, шо не своею. Потому, бачьте, винъ, прежъ чимъ копать яку-небудь могылу, выймае изъ своеи кышени якусь-то стрилочку [1]) тай дывытця на ню, а вона ёму й показуе, де й клады, де й шо друге у могыли лежыть. Вона такъ и ти паетця у нёго у руци! Винъ говоре: «Тутъ кладъ»! А вона показуе: «Ни, брешыпіъ, тутъ кладъ»!

— Ни, братику, я не зъ такыхъ! Та не вже жъ такы правда тому, шо въ тихъ могылахъ таке богатство закопано?

— Мабуть, шо правда, колы у насъ уси такъ кажуть. Якъ отъ то сорока сороци, ворона ворони, такъ оце и мы.

Тѣмъ временемъ, пока я велъ такой пріятный разговоръ со сторожемъ, дождикъ на время прекратился, хотя погода стояла все еще пасмурная и по тѣмъ дождевымъ пузырькамъ или «бульбашкамъ», которыя вскакивали въ образовавшихся по улицамъ лужамъ, можно было ожидать, что дождь снова польетъ. Я сталъ посматривать въ разныя стороны, не ведутъ-ли откуда нибудь для меня лошадей, но вмѣсто того увидѣлъ какую-то веселую компанію, которая шла по улицѣ и направлялась, повидимому, въ пріятную «корчемку». Компанія состояла изъ пяти человѣкъ и ею «керувавъ» какой-то дидъ. Этотъ дидъ былъ ниже средняго роста, плотный, широкоплечій, съ богатырскою грудью, съ длинными сѣдыми усами; лицо у него было слегка рябоватое, носъ большой, орлинный, глаза голубые, мягкіе и добрые, но вмѣстѣ съ тѣмъ полные смѣха и сарказма; голосъ густой и сильный; но что всего примѣчательнѣе было у дида—это брови: густыя—прегустыя и такъ низко нависшія надъ глазами, какъ низко нависаетъ стрѣха надъ старой хатой, причемъ правая бровь гораздо выше приподнята лѣвой

[1]) Разумѣется, магнитная стрѣлка компаса, къ которой я прибѣгаю для опредѣленія положенія кургана.

брови. Дидъ отчаянно выбивалъ трепака по мокрой дорогѣ въ тактъ музыки и приговаривалъ какія-то слова. Сама-же музыка представляла изъ себя ни больше, ни меньше, какъ желѣзную заслонку,—только одну единственную желѣзную заслонку! Эту заслонку держалъ въ рукахъ тщедушный, небольшого роста мужичишка и билъ въ нее деревяннымъ обрубкомъ съ такимъ ожесточеніемъ, точно изгонялъ изъ нея цѣлый сонмъ нечистыхъ духовъ. Рядомъ съ дидомъ дѣйствовалъ другой мужикъ, черномазый сухощавый, непомѣрно высокій, точно толкачъ, какимъ сало въ салотовкѣ толкутъ, съ длинными руками, чуть ли не до самыхъ колѣнъ. У этого танцора надѣта была на головѣ, по самые глаза, макитра, въ которой бабы вареники варятъ, и онъ въ ней чувствовалъ себя точно въ золотой коронѣ, заливаясь веселымъ смѣхомъ и возбуждая въ другихъ неудержимый смѣхъ. Онъ носился по жидкой грязи, точно по самому гладкому паркету, то присѣдая «навпрысядкы», то подскакивая высоко «вгору» и при этомъ растопыривая и ноги и руки въ разныя стороны. Возлѣ этого «товкача» притопывалъ ногой и приговаривалъ что-то втихомолку, подъ носъ, рябой, косоглазый, мошенниковатый мужикъ, неопредѣленной масти, но страшно толстомордый и неповоротливый, какъ пень. Остальные или только растопыривали руки для того, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ пляскѣ, или же поддавали жару настоящимъ танцорамъ неистовымъ свистомъ и задорными криками: «Эй, сюды! сюды! сюды»!!... Всѣхъ больше и всѣхъ отчаяннѣе плясалъ, выдѣлывая всевозможные «выкрутасы, выхылясы и вывертасы», дидъ съ орлинымъ носомъ и оригинальными бровями. Гдѣ только онъ увидитъ среди улицы лужу—уже и тамъ, уже и носится; но, выбивая въ тактъ музыкѣ одною ногой, онъ другою ногой норовилъ «улучить» такъ, чтобы вся грязь попадала въ «пыку» его ближайшему партнеру, долговязому и высокому дядьку съ макитрой на головѣ. «Эй, сюды! сюды! сюды»!!!...

Удивленный такимъ зрѣлищемъ, я обратился за разъясненіемъ къ сторожу расправы.

— Та це такі, що переправляють черезъ порогы дубы та плоты; такъ оце, мабуть, переправылы або плитъ, або дубъ, выпылы могорычу коло Нипра та ще йдуть допывать у корчму. Чортъ дурыть ничью, а воны и въ день Лазаря прыставляють...

— А, здоровеньки булы, пане! Почте-моеніе вамъ!

— Здорови булы, диду! Почте-моеніе и вамъ!

— А мы оце гуляемо!

— А шо жъ? Гуляйте на добре здоровьячко! Отъ тилькы чи до ладу воно вамъ по грязюци товктысь?

— Э, пане, якъ не товкты, то й молоть не будемъ! Чи правда?

— Та воно шо правда, то правда, а тилькы...

— А тилькы вы зъ намы горилчыны не выпьете?

— И выпывъ бы, такъ мени треба ихать до города.

— И шо тамъ, у тому городи, доброго? Тамъ колы не курваль, такъ злодий. Отъ якъ я вамъ скажу! Чи правда?

— Эге, була колысь правда, а теперъ обкалялась, такъ иды, дидусь, пидтерай! ввязался неожиданно въ разговоръ долговязый дядько съ макитрой на головѣ.

— А ты мовчы, довгеля, бо про тебе давно зложено: «Высокый до неба, а дурный якъ треба»!

— Якый винъ тамъ довгеля, винъ овси гергеля! поддакнулъ толстомордый, рябой и мошенниковатый дядько.

— Отъ правду сказавъ, рябко, такъ правду! За тежъ ёму Богъ за правду и лыця прыбавляе...

— Ну-й дидъ! Тутъ же й дидъ! На всю губэрнію дидъ! Уже якъ кого пидбрыть, такъ пидбрые! съ восторгомъ выкрикивалъ сторожъ, поднимаясь со своего мѣста и порываясь къ веселой компаніи.

— Музыка, грай! Грай такъ, шобъ ажъ усимъ чортамъ нудно було! Грай такъ, шобъ усе пекло затанцювало!... Эхъ, жысть наша мотузяна!... Ну, та дарма, вона ще не перѐрветця! Музыка, грай!

И музыкантъ, повинуясь приказанію дида, снова началъ колотить въ желѣзную заслонку. Подъ звуки «дивной» музыки вся компанія пустилась въ такой отчаянный плясъ, отъ котораго жидкая грязь подскакивала вверхъ и разлеталась во всѣ стороны, попадая кому въ лицо, кому въ ротъ, кому въ глаза, кому на голову, а самому музыканту и на руки, и на желѣзку, и на дрюкъ, которымъ онъ колотилъ по заслонкѣ. Но больше всего летѣло грязи на самаго главнаго танцора, дида. Но дидъ ни малѣйшаго вниманія на то не обращалъ: онъ плясалъ усерднѣе всѣхъ и, носясь по грязи, произносилъ въ тактъ музыки, безъ конца и безъ счета, одни и тѣже слова, перевертывая ихъ только въ различныя стороны, то передъ назадъ, то задъ на передъ:

«То Борысъ, то Денысъ, то Кырыло, то Даныло!... То Кырыло, то Даныло, то Борысъ, то Денысъ!... То Денысъ, то Борысъ, то Даныло, то Кырыло»!...

Проплясавъ такимъ образомъ безъ устали мало чѣмъ не часъ времени, дидъ вдругъ неожиданно остановился и спросилъ:

— Пане, слухайте сюды, шо я вамъ скажу!

— Слухаю, диду!

— Куды вамъ ихаты?

— Ихаты до города Катерынославу, а звидтиля до Переволочны та до Келеберды.

— До якои Келеберды? Не та Келеберда, шо кругомъ вода, а по серёдыни кваша?

— Та хочъ бы й та!

— А шобъ вамъ Богъ снывся, та шобъ вамъ хлибъ родывся! Хочете, я васъ повезу?

— Та, може,—жъ цей панъ ще й не захоче зъ вамы ихать, диду! обозвался къ дѣду захудалый музыкантъ.

— Мовчы, гымонзча душа! Про тебе сказано: «Шо буде — те й буде, а ты соби грай».

— Про него, дидусь, ще й такъ сказано: «Не твое дило, Самійло, про те Гапка зна»! вставилъ рыжеватый на видъ дядько, игравшій второстепенную роль притаптывателя грязи.

— А про тебе, гаво, ось якъ сказано: «Куды орлы литають, туды ворони дзусь»! Чувъ, хлопче?

— Чуты чувъ, а тилькы хто бъ вамъ безъ мене могорычу до Днипра прынисъ?

— Безъ тебе? Спиватыме пивень, чи ни, а день буде. Отъ шо я скажу при тоби и безъ тебе!

— А шо зъивъ облызня? вставилъ слово самый молодой изъ компаніи, сильно заикавшійся парень.

— И ты туды жъ? якъ ворона, такъ и оный! Ще й говоре якъ? Мовъ клещамы хомутъ надива!

— Ну, тутъ же й дидъ! Тутъ такый дидъ, шо на всю губэрнію! снова выкрикивалъ сторожъ, уже давно покинувшій крыльцо расправы и очутившійся возлѣ веселой компаніи.

Давно уже и я самъ покинулъ мѣсто своего сидѣнія возлѣ расправы и, раздобывшись въ корчмѣ на добрую порцію горилки, разносилъ «пьяное пойло» между всѣми членами компаніи, отдавая, разумѣется, предпочтеніе предъ всѣми веселому и остроум-

ному диду и тѣмъ поощряя его еще къ большимъ остротамъ и прибауткамъ. И дидъ отъ того становился еще забавнѣй и еще смѣшнѣй!

— Музыка, грай! Музыка, втны мени такъ, шобъ ажъ жыжкы затрусылысь!

И «музыка» снова загудѣла. Дидъ, выбивая въ тактъ «музыки» ногами, не спѣша и протяжно подпѣвалъ:

Трынды-трынды-трындыченькы, на болоти индыченькы,
Буду дома сыдиты, буду жинкы глядиты.
Пропывъ мужыкъ хату, а жинка лопату,
Ой, жинко, покаймося, ходимъ въ хату порадьмося,
Ходимъ въ хату порадьмося, може, шо пропьемъ!
Пропывъ мужыкъ бодню, жинка сковородню,
Пропывъ мужыкъ индыка, жинка ходе-курлыка.
Пропывъ мужыкъ сало, а жинци не стало.
Трынды-трынды-трындыченькы, на болоти индыченькы,
Буду дома сыдиты—буду жинкы глядиты!..

— Добре жъ ты й глядышъ свою жинку, старый пэсъ! Подывысь на себе, якый зъ тебе индыкъ! Эчъ, уберлозывсь у грязюку! Оце такъ индыкъ! А додому не хочешъ? Вдругъ неожиданно закричала на дида его грозная половина, выскочившая откуда—то изъ-за угла на главную улицу. Это была высокая, худая, рѣзкая и рѣшительная баба, по всѣмъ видимостямъ, державшая своего дида, не смотря на все его неистощимое остроуміе, бойкость и язвительность, если не подъ башмакомъ, то подъ черевыкомъ.

— Де бъ каятьця на старосты литъ, а винъ бачъ яку капелію зибравъ коло себе та гацае зъ нею? Шо тоби покійный твій батько казавъ?

— Казавъ, та не звязавъ! Отъ шо! А шобъ винъ ны казавъ, а я тоби, стара, свое скажу: Есть каяття, та нема воротя... Ты краще ось озьмы та понюхай табачку. Тутъ бисъ ёго батькови и табака! Якъ понюхаешъ, такъ ажъ за десяте ребро тебе хапа.

— Хай тоби грець зъ твоею табакою!

— Ну, якъ не хочешъ, то я й самъ понюхаю!

И дидъ, высыпавъ на ладонь добрую порцію табаку изъ своей берестовой «тавлынкы», провелъ по ладонѣ носомъ, приспособляясь къ табаку то правой, то лѣвой ноздрей, и совершенно все, до единой порошинки, втянулъ въ свой, довольно помѣстительный носъ.

— Отъ, змивъ, такъ змивъ! Наче метлою! Оце дидъ, такъ дидъ!

— Ну, пидожды жъ ты, старый пэсъ, прыйдышъ додому, то я тоби не все прыгадаю, я тоби вызвиздю!

— Э, стара, стара, якъ довго ждать, такъ треба жъ и тонко прясты! Ты краще сама пидожды, я цёго пана до города одвезу.

— Скорійшъ я тебе за чупрыну додому одведу, нижъ ты цёго пана до города одвезешъ! Може жъ цей панъ та якыйнебудь спецылыстъ [1]).

— Э, ни, стара: цей панъ овси несхожый на спецылыста,— я бачывъ спецылыста: воно таке худке, блидке, стрыжене, голомозе, у шкарблетахъ [2]), зъ вытрипасомъ [3]) и зъ лыверемъ [4]), а цей панъ зовсимъ не такый, бо винъ горилку добре пидносе. Постой, стара, я такы ёго до города одвезу.

— Кажу тоби, старый пэсъ, шо я тебе скорійшъ додому за чупрыну одведу, нижъ ты цёго пана до города одвезешъ! Ходимъ, кажу тоби, додому!

— Э, стара, стара, домъ не ворогъ: колы схочешъ, тоди й запалышъ. Ну прощайте, одначе, ваше высокое благородіе! Я бачу, шо вы высокое, а не ныэькое благородіе, бо добре горилку пидносете.

— А хиба ще есть, диду, и ныэькое благородіе?

— Якъ есть высокое, то повынно буть и ныэькое благородіе.— чи такъ я кажу?

— Такъ, дидусь, такъ!

— Прощайте жъ, пане! Сидайте въ брычку тай дуйте: Хылывылы-потрусылы жылы свои.

— Прощай, дидусь!

— Згадуйте мене, якъ будете зъ мнягкымъ лопухомъ та въ колючкы ходыть!..

— Добре буду згадувать! Та хиба такого молодця та можна забуть?

— Винъ у мене молодець на овець, а якъ на молодця самъ вивця! Отрѣзала въ заключеніе баба и потащила своего «старого додому».

---

[1]) То-есть соціалистъ.

[2]) То-есть штиблеты.

[3]) То-есть съ ватерпасомъ.

[4]) То-есть съ револьверомъ.

— Та не верещы бо, стара! Чого ты верещышъ, якъ те порося, що завьязло въ тыну?

Но «стара» не унималась и, уводя дида если не за чупрыну, то за рукавъ, продолжала «верещать» на всю улицу. Послѣ того вся оригинальная «капелія» дида сразу потеряла и всю ея занимательность и все ея веселье.

А лошадей все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ. Приходилось еще и еще ждать. Тѣмъ временемъ въ воздухѣ заморосилъ мелкій дождикъ, и на улицѣ, вмѣсто исчезнувшей компаніи гулякъ, выступила деревенская дѣтвора. Вотъ одна гурьба дѣтишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, взобравшись на прысьбу, подъ низкую стриху хаты и ставши въ рядокъ, кричали въ одинъ голосъ, на распѣвъ: «Дощыку, дощыку, зварю тоби борщыку, борщыку въ полывьяннимъ горщыку, горщыку... Дощыку, дощыку, прыпусты, прыпусты, я пиду пидъ кусты, пидъ кусты Богу молытьця, Хрысту поклонытьця, а у Бога сырота отворя ворота ключыкомъ-замочкомъ, золотымъ платочкомъ».

На другой прысьбѣ, также подъ низкой стрихой хаты, но черезъ дорогу противъ первой, стояла другая гурьба дѣтишекъ и кричала другія слова: «Прыихалы нимци пидъ бабыны синьци, закрычалы-занявчалы, шобъ до душенькы мовчалы, кишка здохла, хвистъ облизъ, хто заговоре, той и зъисть, хто засміетця, тому не мынетця, хто забалака, н....е собака, хто п....е, с... у зверне»...

Тутъ же, въ концѣ улицы, близъ какого-то навѣса, составилась третья гурьба мальчиковъ и дѣвочекъ, возрастомъ отъ 10 до 12 лѣтъ, которые разыгрывали такъ называемаго «вовчыка». Взявшись за руки и изобразивъ изъ себя правильный кругъ, они двигались въ одну сторону большимъ кругомъ и очень медленно пѣли въ одинъ голосъ пѣсню: «Хóде баба по бору, по бору, та рве зилля-лободу, лободу, и рве, и бере, на вберемокъ кладе, оце кýна, оце лыша, оце выступы геть». Въ срединѣ этого круга ходилъ мальчикъ и, вертясь въ противоположную сторону противъ того, какъ вертѣлся самый кругъ, при каждомъ отдѣльномъ словѣ пѣсни, указывалъ пальцемъ поочередно на каждаго члена круга, и на кого приходилось послѣднее слово «геть», тотъ немедленно выступалъ за кругъ. Послѣ того верченіе круга и пѣніе пѣсни снова и снова возобновлялось и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока отъ всего круга оставался только одинъ членъ. Этотъ членъ назывался «маткой», и эту «матку» нужно было спасать отъ

«вовкивъ». Для этого всѣ мальчики и дѣвочки, участники и участницы игры, посадились одинъ за другимъ въ линію, разставивъ ноги и протянувъ ихъ впередъ себя и въ тоже время обхвативъ одинъ другого напереди руками, такъ что отъ всей линіи получалась какъ бы длинная веревка, сплетенная дѣтскими руками. Самымъ послѣднимъ, позади всей вереницы, садился тотъ мальчикъ (или дѣвочка), который оставался послѣднимъ въ кругу. Онъ и изображалъ изъ себя «матку», которую должны были брать приступомъ «вовкы». Для «вовкивъ» избраны были со всей компаніи два мальчика, самые сильные и крѣпкіе. Они подошли сперва къ самому крайнему члену, составлявшему веревку и, взявши его одинъ за лѣвую, другой за правую руку, стали отрывать отъ цѣлаго круга. Сидѣвшіе на землѣ мальчики и дѣвочки дружно сцѣпились и не давались въ руки «вовкамъ». Отъ большого усилія съ одной стороны и отъ дружнаго сопротивленія съ другой, вся веревка въ цѣломъ составѣ приподнималась съ земли на ноги, и «вовкы», не смогши разорвать цѣпи, бросали на время свою добычу, но потомъ, отдохнувъ, снова принимались за свое дѣло. Такъ мало-по-малу они отрывали одного за другимъ мальчика или дѣвочку отъ веревки, но чѣмъ ближе подходили къ «маткѣ», тѣмъ большее встрѣчали сопротивленіе и упорство. Но вотъ, наконецъ, оторвавъ послѣдняго мальчугана отъ матки, «вовкы» набросились на матку и со словами «гамъ-гамъ-гамъ-гамъ, зъимъ тебе, проковтну тебе» — загрызали ее, заранѣе подѣливши между собой «которому ручку, которому нижку, которому очкы на вечерю вовчку».

— Эй, коней, коней ведуть! Коней пидъ пана ведуть! закричали всѣ разомъ дѣтишки, и я дѣйствительно увидалъ пару лошадей, запряженныхъ въ зеленую бричку и направлявшихся прямо къ расправѣ...

Черезъ минуту или двѣ я уже сидѣлъ въ бричкѣ и катилъ по улицѣ. Уже при самомъ выѣздѣ изъ села мы увидѣли безштаннаго мальчугана, который, видя входившее въ село стадо коровъ и подпрыгивая на одной ногѣ, задорно кричалъ, обращаясь къ своему товарищу, качавшемуся на воротахъ. «Череда иде, молока несе, шо въ цыци, то мени, шо въ с...и, то Иваньци»!.. Увидѣвъ панскую бричку, мальчуганъ покинулъ своего товарища и, бросившись въ погоню за панами, сталъ кричать:

— Паны, паны, на двохъ штаны!

— Брешышъ, капосне голопупия, на трехъ та ще й зъ половыною! обозвалеся мой возчикъ.

— Панычу, панычу, давай штаны пидсмычу!

— Ичъ, бисове байстря, у самого и штанивъ нема, ничого й пидсмыкувать а, бачъ, якъ панивъ докоря! Осъ постій, я тебе якъ піймаю, то я тебе за чуба посмычу! Чи бачылы вы, яки у насъ хлопчакы? чого воны тилькы и не выкрыкують?

— У васъ хочъ хлопчакы, хочъ диды—одни другыхъ стоють: одни добре выкрыкують, други добре пидъ заслонку танцюють.

Це вы про того дида, що середъ вулыци танцювавъ пидъ заслинку? Винъ не нашъ, а захожій дидъ. Винъ, кажуть, изъ запорозцивъ,—видъ того и огненный такый. Его чи Качкардою, чи ще якось чуднійшъ, мижъ запорозцямы звалы: а у насъ хто якъ хоче, такъ и зве: Самарськый дидъ, бо винъ десь съ пидъ-рички Самари; Танцюрыстый дидъ, бо винъ и справди танцюра велыкый. Це такый дидъ, що винъ може и туманъ на всякого напустыть, и увесь мыръ начудыть.

— Якъ-то такъ туманъ напустыть?

— А онъ якъ: якъ скаже яке слово, такъ де хто сыдитыме, тамъ и буде сыдить, а де хто стоятыме, тамъ и буде стоять. Стеригъ винъ колысь отутъ, коло рички Суры, баштанъ, а до того баштана та внадылысь хлопци кавуны красть. Отъ разъ прыйшлы воны, взлизлы у середыну огудыны тай пораютця: одни сыдять та рвуть, а други поскыдалы зъ себе штаны та давай набыватьы у холоши кавунивъ, понабывалы у кожну холошу штукъ по двадцяты кавунивъ, позавьязувалы штаны очкурамы, понакыдалы соби матни на шию, а холоши черезъ плечи на груды та скорійшъ до рички и плывуть на той бикъ. Ажъ ось де не взявся дидъ. Пидійшивъ винъ до тыхъ, що сыдилы у вогудыни, подывывсь на ныхъ тай каже:

— Це вы сыдыте?

— Сыдымо!

— Ну-й сыдить же!....

А потимъ пидійшовъ до тыхъ, що плывлы, тай пыта:

— Це вы плывете?

— Плывымо!

— Ну-й плывить же!

И що жъ бы вы думалы? Ти хлопци, що въ огудыни сыдилы, до самисинького свиту тамъ просыдилы и зъ миєтця не моглы

встать; а ти, шо ричку переплывалы. ти усю ничь зъ кавунамы на плечахъ по ричци плавалы: то туды, то сюды плавають, а вылизты не можуть, та такъ ажъ до свита... Отъ якый той дидъ! Два слова тилькы й сказавъ, а воно бачъ, шо зъ тыхъ словъ сталось нашимъ парубкамъ! Це, прямо сказать вамъ, крутыкованый дидъ!

— И прямъ, шо крутыкованый дидъ!

— Та ёго, колы хочете, то й нимци знають,—ти, шо черезъ ричку Самарь переправляютця.

— А нимци черезъ шо жъ уже ёго знають?

— А отъ черезъ шо: тамъ, на тій ричци, есть десь перевозъ зъ одного берега на другый, и прыихалы до того перевозу два якись-то нимци, одынъ Хвыртыль а другый Шварыць [1]); прыихавъ туды жъ такы и нашъ дидъ. Стоять и ждуть парома нимци; стоить и жде и дидъ,—упереди дидъ, за дидомъ Хвыртыль, а за Хвыртылемъ Шварыць. Отъ то подалы паромъ; треба бъ диду ихаты, якъ винъ першымъ стоявъ, а винъ тутъ якъ разъ почавъ шось на своему вози пидправлять. Тутъ нимець якъ крыкне на своихъ коней: «Гей! Но»! Тай проскочывъ мымо воза дида, проскочывъ тай поламавъ ёму вись. Баче дидъ, шо позади ёго ще одынъ нимець зоставсь та, недовго думаючи, схопывъ зъ воза люшню тай давай того нимця по голови садыть. «Якъ мени, каже, бигты за Хвыртылемъ, колы тутъ Шварыць зоставсь, то я й одмаслакую ёго: воно одынъ чортъ, шо то нимець, шо то нимець»!... Та такъ замистъ одного одмаслакувавъ другого. А цей Шварыць та въ судъ. Отъ то и розбиръ дила. Суддя вызвавъ дида тай пыта: «Ну, розскажить, господынъ Качкарда, чи Рябошапка, чи якъ тамъ винъ ёго назвавъ, розскажить, якъ у васъ дило було».— «Та якъ, господынъ мыровый суддя? Значыть, прыихавъ на Самарь я, прыихалы и два нимци, Хвыртыль та Шварыць. То Хвыртыль, побачывшы паромъ, выскочывъ упередъ мене тай поламавъ мени вись, а самъ утикъ, а Шварыць зоставсь; а якъ же жъ тутъ зостався Шварыць, то шобъ мени не гнатьця за Хвыртелемъ, я кынувсь до Шварыця та разйвъ зъ пьятокъ, може, и опикъ ёго люшнею по голови»... Ну, такъ той суддя, выслухавшы це дило, и каже: «Такъ господынъ Качкарда, дѣйствовать нельзя, и шобъ вы, господынъ отвѣтчикъ, не змѣшувалы, де есть Хвыр-

---

[1]) То-есть Фидлеръ и Шварцъ.

тыль, а де есть Шварыць, не вгодно-ли вамъ подъ арестомъ видсыдить? Доволни вы моимъ судомъ»?—«Ни какъ нѣтъ, господынъ мыровый суддя! Не вжли жъ такы мени бигты за Хвыртелемъ, якъ тутъ Шварыць зоставсь? Воно жъ усе одно, шо то нимець, шо то нимець»....

Навпосли тому дидови хтось и скажи: «Ты, диду, опелюй на мыроваго суддю у мыровый зъиздъ». Винъ и давай опелювать, И шо жъ бы вы думалы? Одпысавсь: «Воно, каже, все однаково, шо то нимець, шо то нимець. Такого туману напустывъ, шо увесь зъиздъ тилькы чмыхавъ, наче понюхавши тертои табакы зъ скломъ: «Шо правда, то правда: воно и то нимець, и то нимець»... Одным ъ словомъ, то у насъ запорожсьскый дидъ!... Якъ отъ то той дидъ запорожсьского званія, такъ оце и кони у мене того жъ званія.

— А це жъ уже якъ?

— А це такъ, шо воны у мене на девьятый день десяту версту йдуть... Эй, но! Зъ балкы та у байракъ-заробымъ пьятакъ!... Ось вамъ, пане, Роскапана могыла: людци копалы—гроши шукалы, а найшлы одни черепкы та коничи маслакы. А ось вамъ и Царській шляхъ, шо царыця Катерына бигла по нѐму на порогы дывитьця, а теперъ и мы по нѐму пробижымъ.

— Такъ це той шляхъ и есть, шо царыця бигла?

— Оце винъ и есть?

— Ну, а ото шо жъ воно на шляху, упередъ насъ, якись-то хлопчакы выробляють? Бачишъ? Онъ геть! геть!

— Бачиты бачу, а тилькы не второпаю, шо воны тамъ роблять.. А, ну-ка, ну! Шо це воны? А знаете шо?

— Ни, ниякъ не розберу!

— Танцюють! Не шо! Ось дывитьця: танцють и бьютця! Шо це за дыво?

И точно, вдали на шляху виднѣлись длинныя фигуры двухъ мальчиковъ, въ одно и тоже время плясавшихъ и дравшихся между собою. Дождикъ давно уже прекратился и къ самому концу дня на западной точкѣ горизонта выткнулось большимъ кровавымъ пятномъ солнце и, отдѣливъ отъ себя цѣлые потоки ослѣпительнаго свѣта, огненной полосой протянулось во всю безконечную длину отвѣчнаго шляха. Въ этой-то перспективѣ и мелькали фигуры двухъ мальчугановъ. Вотъ они, стоя другъ противъ друга и взявшись въ боки, отчаянно танцуютъ. Танцуютъ-танцуютъ, по-

томъ начинаютъ биться. Бьются—бьются—перестанутъ. Потомъ снова возмутся въ боки и снова танцуютъ, бойко перебирая ногами и, какъ казалось издалека, точно носясь въ воздухѣ. Что за диво? Подъѣзжаемъ ближе и видимъ, что дѣйствительно два босоногихъ мальчугана, лѣтъ по 13, по 14 каждому, танцуютъ другъ передъ другомъ и послѣ танцевъ начинаютъ биться. Передъ ними лежитъ небольшая сопилка и двѣ пары рваныхъ черевиковъ. По разспросамъ оказалось, что мальчуганы ни больше, ни меньше, какъ держали безъ собою пари: «Хто кого перебье и перетанцюе, того буде и сопилка». Трудно придумать болѣе оригинальное парі, но оно происходило на шляху отъ села Звонецкаго къ городу Екатеринославу между двумя «чабаньцями» или «скотарьцями». Остановивъ противъ хлопчаковъ своихъ лошадей, мы долго и съ хохотомъ смотрѣли то на танцы, то на кулачный поединокъ, но потомъ, не дождавшись конца полнаго представленія, двинулись по тому же шляху дальше.

— Ось вамъ, пане, и Голюкова могыла! Ось Рясни могылкы! Ось ричка Сура! Ось Блызныци могылы! А онъ-де-онъ и городъ Катерынославъ!... Славы багато, а толку мало...

И точно, выскочивъ на высокій кряжъ возлѣ Близницъ-могилъ и потомъ спустившись по тому кряжу нѣсколько книзу, мы скоро увидѣли весь, какъ на ладонкѣ, городъ Екатеринославъ, легшій своей головой на высокой горѣ, —тамъ, гдѣ стоятъ соборъ, гимназія и Потемкинъ дворецъ, и протянувшійся своимъ хвостомъ по низинѣ,—тамъ гдѣ находятся пароходная пристань и желѣзнодорожный вокзалъ.

— Ну, а городъ же Катерынославъ не запорожського, бува, званія?

— Ни, тутъ була запорожська слобода Половыця, а теперь зъ неи ставъ городъ Катерыни царыци. Отъ и писеньки конецъ,— прыихалы до Потемкы у дворецъ...

Въ поискахъ за архивными документами.

Взять на себя задачу серьезнаго изученія исторіи запорожскихъ козаковъ — значитъ взяться прежде всего за разысканіе архивныхъ источниковъ, относящихся до исторіи Запорожья. Но гдѣ искать этихъ источниковъ? Прежде всего надо искать ихъ въ столичныхъ архивахъ, московскихъ и петербургскихъ, потомъ въ провинціальныхъ, каковы: кіевскіе, при университетѣ и казенной палатѣ; харьковскій, при мѣстномъ университетѣ; варшавскіе, при казенной палатѣ и при городскомъ магистратѣ; одесскій и екатеринославской, при губернскомъ правленіи. Во всѣхъ этихъ архивахъ мнѣ приходилось работать и подолгу и только отчасти, кратковременно. Но кромѣ названныхъ архивовъ мнѣ извѣстно было еще о существованіи архива въ далекой Соловецкой обители, на далекомъ Бѣломъ морѣ. Въ ту краесвѣтную Соловецкую обитель сосланъ былъ, послѣ уничтоженія запорожской Сѣчи, послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, и мнѣ думалось, что въ архивѣ Соловецкаго монастыря можно было бы найти нѣкоторыя указанія относительно положенія ссыльнаго кошевого. И вотъ съ этою цѣлью я рѣшилъ весной 1887 года двинуться въ Соловецкую обитель. Изъ Москвы я проѣхалъ по узко-

колейной желѣзной дорогѣ до города Вологды, а отъ города Вологды по рѣкамъ Вологдѣ, по Сухонѣ и по Сѣверной Двинѣ до Архангельска. Тутъ ползаютъ жалкіе пароходики какого-то мѣстнаго богатаго купца и въ нѣсколько дней доставляютъ пассажировъ отъ Вологды до самаго впаденія рѣки Двины въ Бѣлое море. Большинство изъ пассажировъ—богомольцы, отправляющіеся изъ сѣверныхъ губерній въ Соловецкій монастырь на поклоненіе святымъ угодникамъ Зосимѣ и Савватію, основателямъ святой обители. Преобладающее число между паломниками—женщины. Въ пароходикѣ, въ которомъ мнѣ пришлось ползти до Архангельска, отдѣльныхъ каютъ и особыхъ для мужщинъ и женщинъ, помѣщеній не было и вся такъ называемая чистая публика располагалась въ общей, довольно просторной, но зато и довольно грязной, комнатѣ, по срединѣ которой стоялъ длинный столъ, а по бокамъ вдоль стѣнъ, обширные, въ родѣ наръ, мягкіе диваны. На этихъ диванахъ публика располагалась и на ночлегъ, но всѣ устраивались такъ, что пассажиръ или пассажирка ложились рядомъ другъ возлѣ друга, а не такъ, какъ это бываетъ на другихъ пароходахъ, гдѣ ложатся въ длину скамеекъ, голова съ головой и ноги съ ногами. Мнѣ пришлось занимать мѣсто между двухъ молодыхъ, но уже довольно объемистыхъ купчихъ, и такъ какъ это было въ половинѣ мая, т. е. когда въ краѣ стоитъ еще не совсѣмъ теплая погода, то я чувствовалъ себя и довольно тепло и довольно уютно. Мои сосѣдки очень усердно поили меня чаемъ, наперерывъ угощали всякими домашняго приготовленія печеніями, и очень заботились о разныхъ для меня удобствахъ. За все это вниманіе я платилъ моимъ добрымъ спутницамъ тѣмъ, что разсказывалъ имъ различные эпизоды изъ священной исторіи, передавалъ житія разныхъ святыхъ, на сколько память моя припоминала все слышанное мной въ этомъ родѣ еще въ дѣтствѣ и юношествѣ; разсказывалъ выдающіяся изъ исторіи Соловецкой обители событія, къ чему я болѣе или менѣе успѣлъ приготовить себя передъ самой поѣздкой въ Соловки. Мои сосѣдки, сильно заинтересованныя разсказами, не разъ спрашивали меня о моихъ занятіяхъ и о моей личности: «Миленькій, скажи, кто ты будешь таковъ?» На такой вопросъ у меня всегда былъ одинъ отвѣтъ, «Мукосѣй — по мучной части занимаемся». «Охъ, не похожъ ты на мукосѣя, миленькій, не похожъ»... Кромѣ моихъ сосѣдокъ въ той же комнаткѣ находилось нѣсколько человѣкъ, уже пожилыхъ

и солидныхъ, купцовъ, несколько мѣщанъ, нѣсколько монахинь и одинъ молодой человѣкъ, съ плоскимъ канонлястымъ носомъ, съ свѣтлыми глазами, свѣтлыми волосами и свѣтлой кожей на лицѣ и на рукахъ. Онъ все время носился и всѣмъ совалъ подъ носъ книгу Смайльса «Самодѣятельность», доказывалъ важность постовъ и постановленій вселенскихъ соборовъ, и, казалось. весь пропитанъ былъ ладаномъ и елеемъ. Мнѣ подумалось, что это былъ народный учитель, но только что окончившій духовную семинарію.

Все время мы шли полноводными и широкими рѣками, окаймленными съ обѣихъ сторонъ дремучими и. по мѣстамъ, совершенно, какъ мнѣ казалось, непроходимыми лѣсами. Кое-гдѣ мы приставали къ низкимъ берегамъ, рѣкъ, высаживались на берегъ и разсыпались по небольшимъ и жалкимъ деревушкамъ, разбросаннымъ по лѣсамъ. Тутъ вездѣ насъ встрѣчала толпа оборванныхъ. полунагихъ. полуголодныхъ ребятишекъ. выпрашивавшихъ себѣ подачку у господъ въ видѣ куска булки. пирога. вареннаго мяса или жаренной рыбы. И какъ жалки казались мнѣ эти одинокія деревушки съ ихъ черными закоптѣлыми избенками по сравненію съ обширными селеніями и веселыми хатами въ Малороссіи!... Тутъ ни желтыхъ подсолнечниковъ, ни краснаго маку въ огородѣ. ни кучерявой вишеньки въ садочку. ни рожевой квиточки въ палисадникѣ, подъ окошками, ни кануперу, ни любисточка. ни руты—мяточки въ левадѣ. подъ вербами. Бѣдность природы и убожество жителей просто таки возбуждали жгучую боль въ моемъ сердцѣ. Единственнымъ и самымъ сладостнымъ лакомствомъ для какого-нибудь оборваннаго и жалкаго мальчишки служатъ «шаньги», называемыя уменьшительно-ласкательнымъ именемъ «шанёшки» и представляющія собой обыкновенную лепешку съ картофелемъ и свинымъ саломъ для приданія имъ особо пріятнаго. но въ дѣйствительности отвратительнаго вкуса. Иногда мы пристанемъ къ какому-нибудь прибрежному городу. но тогда меня поражаетъ необыкновенное въ такомъ городѣ число церквей и, еще болѣе того, странное расположеніе ихъ: всегда возлѣ одной церкви стоитъ рядомъ другая, и это, какъ объясняютъ мнѣ, одна для лѣтняго служенія,—другая для зимняго. Но большею частью мы находимся въ пароходѣ и тутъ все болѣе и болѣе знакомимся и все тѣснѣе и тѣснѣе сживаемся другъ съ другомъ въ нашемъ паровомъ ковчегѣ. Вотъ на палубѣ сидитъ высокій сѣдой, какъ

лунь, старикъ и читаетъ развернутую у него на колѣняхъ псалтырь. Отъ этого сухощаваго, иконообразнаго и постнаго старика вѣетъ особенной силой и спокойствіемъ. Я прислушиваюсь къ его шептанію и слышу, что онъ читаетъ твердо, отчетливо и съ полнымъ пониманіемъ каждой строчки и каждаго слова. Тутъ же освѣдомляюсь, гдѣ научился старикъ читать и тутъ же узнаю, что его учили читать и писать въ Соловкахъ. Но такъ ли твердо пишетъ старикъ, какъ читаетъ? Оказывается, что онъ пишетъ не только твердо, но бѣгло и отчетливо, какъ пишутъ хорошіе писаря въ волостныхъ или сельскихъ правленіяхъ. Онъ съ дѣтства, еще съ ранняго дѣтства, отданъ былъ, по обѣту родителей въ монастырь и тамъ изученъ былъ и чтенію и письму. «Тутъ, кого не спроси, то большая часть грамотныхъ всѣ учились въ Соловкахъ». И, точно Соловецкій монастырь для всей архангельской губерніи, а отчасти и для вологодской, всегда служилъ и служитъ источникомъ не только нравственнаго, но и умственнаго просвѣщенія. Тамъ учатся и сироты мальчики; тамъ учатся и мальчики, отдаваемые на извѣстное время родителями по обѣщанію, когда кого-нибудь изъ нихъ постигаетъ тяжкая болѣзнь или семейное несчастье; туда отсылаются дѣти и просто такъ для наученія грамоты. Тѣмъ-то и объясняется та тѣсная связь, какая существуетъ между простолюдиномъ архангелогородцемъ и братіей Соловецкаго монастыря. Многіе, научившись грамотѣ въ Соловкахъ и проработавъ потомъ для своей семьи нѣсколько лѣтъ, снова, уже стариками, возвращаются въ обитель и находятъ тамъ духовное утѣшеніе въ исповѣданіи своихъ грѣховъ честнымъ отцамъ. И вотъ большинство такихъ питомцевъ и составляютъ главный контингентъ нашего парохода, кромѣ женщинъ. Уже издали завидя, съ палубы парохода, высокія церкви города Архангельска, они быстро встаютъ со своихъ мѣстъ и набожно крестятся, обращаясь къ храмамъ божіимъ. Еще часъ, полчаса — вотъ и Архангельскъ.

Отрадное впечатлѣніе производитъ этотъ небольшой, но живописно раскинувшійся по высокому берегу рѣки Сѣверной Двины, городокъ. Онъ протянулся полу-кольцомъ прямо передъ глазами зрителя и ласкаетъ его взоръ бѣлизною небольшихъ, большею частью одноэтажныхъ, рѣже двухъ-этажныхъ домиковъ и величавою архитектурою многихъ церквей и монастырей, то тамъ, то сямъ выдѣляющихся среди общественныхъ и частныхъ зданій города.

У пароходной пристани всегда стоятъ небольшія линейки, которыя и развозятъ богомольцевъ въ разные нумера и подворья, куда кому пожелается. Но большинство направляется въ нижнюю часть города, такъ называемую Соломбалу, и размещается тамъ въ подворьѣ, принадлежащемъ Соловецкой обители. Въ это же подворье направился и я съ двумя случайными, но милыми моему сердцу, спутницами.

Монастырское подворье, расположенное среди обширнаго двора, представляетъ собой большой, деревяннаго строенія, двухъ-этажный корпусъ съ длиннымъ — предлиннымъ вдоль зданія корридоромъ и со множествомъ небольшихъ комнатъ по обѣимъ сторонамъ корридора. Большинство этихъ комнатъ уже было занято раньше того прибывшими богомольцами; заняты были и всѣ уголки двора, набитые простою черные. Всѣ ждали со дня на день прибытія перваго парохода съ Соловецкаго острова; но пароходъ, не смотря на 15-е число мѣсяца мая, все еще не являлся въ городъ Архангѣльскъ, за множествомъ ходившихъ льдовъ въ Бѣломъ морѣ.

Первымъ моимъ дѣломъ, по прибытіи въ Архангельскъ, было представиться мѣстному губернатору, какимъ на ту пору былъ князь Димитрій Николаевичъ Голицынъ. Князь Голицынъ принялъ меня не только любезно, а даже тепло и сердечно. Онъ выразилъ искреннее желаніе во всемъ оказать мнѣ свое содѣйствіе и обѣщалъ дать знать мнѣ, когда явятся къ нему мѣстный владыка и архимандритъ Соловецкаго монастыря на званный обѣдъ съ тѣмъ, чтобы и я явился къ тому часу и познакомился съ высшими духовными властями, отъ которыхъ зависѣло видѣть ли мнѣ всѣ достопримѣчательности монастыря и его архивныя богатства или только немногія.

Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня знакомства моего съ княземъ Голицынымъ, какъ однажды утромъ прискакалъ губернаторскій курьеръ на монастырское подворье и сталъ спрашивать тамъ мою фамилію. Появленіе курьера произвело во всемъ подворьѣ большой переполохъ и сдѣлало тѣмъ большее впечатлѣніе, когда стало извѣстно, что меня приглашаютъ «къ его сіятельству откушать хлѣба — соли». Больше всего тому дивились мои добрыя спутницы, помѣстившіяся во второмъ этажѣ монастырскаго корпуса, какъ разъ черезъ корридоръ противъ моей комнаты. «Миленькій, скажи, да кто же ты будешь таковъ»? — «Мукосѣй, —

по мучной части занимаемся». «Охъ, и неправду жъ ты говоришь, истинно неправду»...

Знакомство съ мѣстнымъ владыкой и въ особенности съ архимандритомъ Соловецкаго монастыря принесло мнѣ весьма существенную пользу, но я все-таки долженъ былъ прождать еще нѣсколько дней, пока прибывшій въ Архангельскъ первый пароходъ «Соловецкій» не собрался въ обратный путь. Долгіе сборы его зависѣли частію отъ того, что онъ дѣлалъ большія закупки для монастыря, частію отъ того, что онъ поджидалъ возможно большаго числа пассажировъ, а частію и отъ того, что въ Бѣломъ морѣ въ это время поднялись страшнѣйшія бури.

И точно, бури здѣсь свирѣпствовали такія, подобныхъ которымъ я раньше того никогда не видывалъ. Однажды ночью сладко спалъ я на твердомъ деревянномъ, безъ всякой подстилки, диванѣ; чтобъ не было твердо бокамъ и низко головѣ, я лежалъ лицомъ вверхъ, подмостивъ подъ голову собственные сапоги и собственное же пальто. Уже было далеко за полночь, когда я былъ разбуженъ страшнымъ воемъ бури, рвавшейся прямо въ мое окно, обращенное на море, и потрясавшей все жалкое зданіе, отъ верху и до низу. Отъ сильнаго порыва бури, несшагося съ открытаго моря, весь деревянный корпусъ монастырской гостиницы дрожалъ и трясся какъ карточный домикъ и, казалось, долженъ былъ неминуемо рухнуть на землю. Когда одинъ изъ такихъ порывовъ вѣтра достигъ своей наибольшей силы и съ страшнымъ грохотомъ ударилъ въ окно моей комнаты, я внезапно вскочилъ съ дивана и всталъ на ноги... Со сна мнѣ показалось, что зданіе уже гдѣ-то треснуло и распадается на части... Но это былъ послѣдній взрывъ бури, и послѣ того ураганъ понемногу сталъ ослабѣвать и наконецъ смѣнился ровнымъ, хотя и довольно сильнымъ вѣтромъ. Разбуженный ударомъ бури, я уже не могъ послѣ того уснуть и, наскоро одѣвшись, вышелъ изъ своей комнаты въ корридоръ. Такъ какъ у противоположнаго конца корридора виднѣлась стеклянная дверь, ведшая на открытый балконъ, то я и направился вдоль корридора къ балкону. Всѣ обитатели корпуса еще мирно почивали и оттого, при полнѣйшей тишинѣ и при безконечной длинѣ корридора, мои собственные шаги раздавались съ необыкновенной силой и, начинаясь въ одномъ концѣ, отдавались въ противоположномъ. Пройдя мѣрнымъ шагомъ и не спѣша по всему корридору, я добрался до стеклянной двери и черезъ

нее вышелъ на открытый балконъ, придѣланный снаружи къ зданію. Хотя это было уже далеко за полночь, но въ маѣ мѣсяцѣ на сѣверѣ ночи почти также свѣтлы, какъ хмарные дни на югѣ. У ногъ своихъ я увидѣлъ обширный дворъ, окутанный легкими водяными парами, натянувшимися сюда съ моря, и посреди двора замѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныя кучки богомольцевъ. Одна изъ такихъ кучекъ приходилась прямо внизу подъ моимъ балкономъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 30 или 40 богомольцевъ и средину этой группы занималъ какой-то человѣкъ, который держалъ слово ко всей купѣ. Я свѣсился черезъ перила балкона книзу и невольно сталъ прислушиваться къ тому, о чемъ говорилъ проповѣдникъ своимъ слушателямъ. Вслушиваясь въ его рѣчь, я пораженъ былъ неожиданнымъ открытіемъ: по отдѣльнымъ словамъ, долетавшимъ до меня, и по нѣкоторымъ выраженіямъ, я убѣдился, что среди группы богомольцевъ сидитъ малороссъ и ораторствуетъ. Я не выдержалъ и крикнулъ сверху внизъ:

— Эй, чоловиче божій! Ты, бувае, не зъ Украины?

Ораторъ внезапно прервалъ свою рѣчь, поднялъ кверху голову и въ свою очередь переспросилъ меня:

— А вы, хиба, звидтиля?

— Звидтиля жъ, голубчику, звидтиля! Иды лышень до мене та побалакаемъ!

И вотъ минуты черезъ три-четыре входитъ въ мою комнату высокій, красивый, еще молодой, лѣтъ около 25—27, парень, съ черными, какъ смоль усами, съ ласковыми большими карими глазами, съ тонкимъ красивымъ носомъ и съ легкимъ, какъ бы дѣвическимъ, на щекахъ румянцемъ. Я былъ положительно пораженъ красивою наружностью парня, но еще больше того былъ пораженъ, увидя большой горбъ на его спинѣ.

— Сидай, голубчику, сидай оттутъ, на дивани, противъ мене, та скажы мени, звидкиля тебе Богъ занисъ у таку далеку краину.

— Зъ Херсонщыны, пане, зъ Херсонщыны:

— Онъ звидкиля!

— Звидтиля и есть!

— Зъ якого жъ уизду?

— Зъ херсонського уизду.

— Такъ шо прямо сказать, изъ Запорожья?

— Прямо сказать, изъ Запорожья!

— Шо жъ тебе сюды чи по воли, чи по неволи прынесло?

— Бодай бы мени не казать, а вамъ бы не слухать.

— Чомъ такъ?

— Такъ та й бильшъ ни якъ!...

При этомъ отвѣтѣ мой собесѣдникъ гнѣвно сверкнулъ глазами и неожиданно смолкнулъ. Я понялъ, что затронулъ больную сторону больного человѣка и въ свою очередь смолкнулъ. Между тѣмъ свѣту въ комнатѣ еще нѣсколько прибавилось, и тутъ я воочію увидѣлъ, что передо мной положительный красавецъ; только легкій и нѣжный румянецъ его показался мнѣ подозрительнымъ,— это именно тотъ румянецъ, который служитъ характернымъ признакомъ чахотки.

Скоро подали мнѣ самоваръ, и я съ удовольствіемъ отпилъ чай съ моимъ неожиданнымъ знакомцемъ.

Прошло еще нѣсколько дней и за это время я свыкся съ моимъ знакомцемъ, а онъ свыкся со мной. Я ни одного стакана чая не выпивалъ и ни одного куска не съѣдалъ безъ него, и за то онъ платилъ мнѣ разными мелкими услугами. Однажды поздно вечеромъ сидѣли мы за самоваромъ и вспоминали о далекой, но милой нашему сердцу, Украйнѣ.

— А де ваша, пане, буде ридна краинонька?

— Моя ридна краинонька—Харькивщина; а твоя, якъ казавъ ты, Херсонщина.

— А моя Херсонщына.

— Знаю я добре твою Херсонщыну.

— Знаете, кажете, та ще й добре?

— Знаю та такы й добре!

— И Ингулъ Велыкій знаете?

— Знаю!

— И Ингулъ Малый знаете?

— Знаю.

— И Мертви-Воды, и Сугаклій и Громоклій знаете?

— Все знаю та ще й онъ якъ знаю!

— А не зналы жъ вы тамъ Васыля, по призвыщу Трыдуба?

— Василя съ такымъ призвыщемъ не знавъ я.

— Такъ оце жъ я й есть вамъ Васыль Трыдуба...Була у мене и мате, бувъ и братъ ридный, та була... була, сказать вамъ, и дивчына Оксана... Эхъ, и дивчына жъ була! Пройды всю Москивщину, а такои и до вику не знайдешъ. Довго я зъ нею кохався; уже и сватання у насъ було; уже й весилля назначилы, такъ яке жъ

мене лыхо спиткало? Булы у мене кони, та таки кони якъ огари дыки. И повивъ я тихъ коней якось у степъ на ничь пасты. Темно було хочъ у око колы. Спустывсь я въ одну балочку, а тамъ густый-прегустый лисъ рисъ. Ось зъ того лису щось якъ выскоче, а пидо мною жеребець якъ полохнется та въ бикъ зъ дороги... Не вспивъ я и моргнуть окомъ, якъ упавъ зъ жеребця на землю и тутъ почувъ, якъ винъ мене ударывъ заднимъ копытомъ прямо въ спыну... Скилько я пролежавъ у тій бальци—самъ не знаю; прокынувсь я уже у себе въ хати... Три мѣсяци я пролежавъ въ хати не вставаючи, а якъ уставъ, то побачивъ, шо у мене на спыни горбъ вырисъ. Багато за ти три мисяци воды у Днипра утекло, а зъ нею утекло и все счастя мое. Дивчина моя Оксана видцуралась видъ мене и заручилась зъ другымъ. И зъ кимъ же? зъ кимъ же заручилась? Зъ риднымъ братомъ моимъ?! Охъ, якъ бы не братъ!... Я бъ ему... А то ридный братъ! Отдавъ я тоди ему и свій паѐкъ земли, и всю свою худибоньку, и хатынку свою, а самъ помолывсь у хати на иконы, поклонывсь у ногы старій неньци своій тай подавсь геть свитъ за очима. Бувъ я и у Почаевскому монастыри, бувъ и въ Кіивській лавріи, и въ Святыхъ горахъ, и на Аѳони, и въ лавріи Сергія; а оце, якъ бачыте, добыраюсь ще и до Соловецького монастыря... Якъ бы жъ то не ридный братъ,—я бъ ему всадывъ ножаку въ сердце, а то жъ братъ та ще й меньшій видъ мене...

Тутъ несчастный парень, переживщій передъ моими глазами страшную душевную муку, сильно закашлялся и схватилъ себя лѣвой рукой за грудь; все лицо его залилось яркимъ румянцемъ, а все тѣло, отъ страшнаго и продолжительнаго напряженія, начало вздрагивать и подергиваться конвульсіями. Тяжело, страшно тяжело было смотрѣть на несчастнаго страдальца, но несчастье его было таково, что его ни облегчить, ни смягчить не было никакой возможности. Но съ тѣхъ поръ я почувствовалъ къ этому страдальцу необыкновенное влеченіе, и сталъ онъ мнѣ роднѣе родного человѣка.

Но время шло своимъ чередомъ, и давно желанный день отплытія парохода изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, насталъ, и вѣсть объ этомъ всполошила все монастырское подворье. Всѣ укладывали свои дорожныя вещи и спѣшили взять билетъ въ монастырской конторѣ. Мои сборы были слишкомъ коротки, ибо въ то время я нахо-

дилъ излишнимъ возить съ собой даже головную подушку. Надѣвъ на плечи пальто и захвативъ въ руки шляпу, я вышелъ изъ своего нумера въ корридоръ, но тутъ неожиданно встрѣтилъ Васыля Тридуба.

— А я оце до васъ?

— Шо скажешъ, голубчику мій?

— Та якъ бы вы попрохалы пароходного копытана, шобъ позволивъ мени даромъ ихать до манастыря.

— Чомъ же не такъ? Ходимъ — попросю, а якъ не позволе, то я й заплатю.

— Ни, я не хочу того, шобъ вы платылы; а такъ якъ и други бидны люде издять, такъ шобъ и мени можно було проихать.

Капитанъ безъ малѣйшаго возраженія принялъ мою просьбу, и вотъ мы скоро вышли изъ пристани и направились прямо въ Бѣлое или, какъ говорили наши предки, въ Студеное море.

Студеное море приняло насъ на этотъ разъ весьма благосклонно, и нашъ пароходъ, вышедъ въ два часа дня изъ Архангельска подъ командой капитана—монаха и при управленіи матросовъ-монаховъ, въ половинѣ осьмого утра слѣдующаго дня прибылъ въ Соловецкій монастырь. Погода была въ тотъ день сырая и холодная, и потому общій видъ обители съ ея зелеными, вмѣсто обычно золоченыхъ, церковными куполами, съ ея мрачными пятиугольными толстыми стѣнами, съ ея темными и высокими башнями, показался мнѣ слишкомъ угрюмымъ. Вотъ мы, наконецъ, у пристани. Вотъ мы и на Соловецкомъ острову. Меня тотъ часъ же провели къ большому двухъ-этажному каменному флигелю, заново отдѣланному и стоящему внѣ стѣнъ монастырскихъ, и указали тамъ двѣ очень чистенькія и очень уютныя комнатки.

Прійдя въ себя и нѣсколько пооправившись отъ пути, я тотъ часъ же вышелъ изъ флигеля и направился черезъ Святыя ворота въ самый монастырь. Тутъ меня прежде всего оглушилъ невообразимый пискъ морскихъ часкъ, которыя сидѣли въ своихъ гнѣздахъ прямо въ травѣ или на камняхъ среди двора и при прохожденіи каждаго изъ богомольцевъ пищали на всякіе лады, даже бѣжали въ слѣдъ, выпрашивая себѣ подаяніе въ видѣ кусочковъ бѣлаго хлѣба.

— Что, матушка, кушать хочешь? нѣжнымъ голоскомъ спрашиваетъ какую-нибудь чаечку какая-нибудь сердобольная богомолочка.

— Пи-пи-пи! отвѣчаетъ ей чаечка такимъ же точно нѣжнымъ голоскомъ.

— Что, матушка, кушать хочешь? спрашиваетъ туже чаечку, но другая богомолка не столь нѣжнымъ голосомъ.

— Пи-пи-пи! отвѣчаетъ таже чайка, но уже другимъ голосомъ, совершенно въ тонъ голоса богомолки.

«Такъ изучена божья птичка, что на всякіе голоса отвѣчаетъ» — «Нѣтъ, матушка, мѣсто такое святое; духъ и премудрость божія на всемъ почіетъ здѣсь, — вотъ отъ того и птичка-то такая разумная тутъ, что самъ человѣкъ»...

Далѣе во дворѣ монастыря я увидѣлъ массивное зданіе церкви и здѣсь же узналъ, что это главный монастырскій соборъ во имя св. Преображенія Господня. Съ правой стороны собора, противъ алтарной части его, у самой стѣны, мнѣ бросились въ глаза три надгробныхъ плиты, и тутъ я узналъ, что подъ первой изъ нихъ скрытъ прахъ знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Авраамія Палицына, подъ второй—прахъ архимандрита Соловецкаго монастыря Өеодорита. Подойдя къ третьей плитѣ, я къ удивленію моему узналъ, что она скрываетъ подъ собой прахъ того человѣка, ради котораго я предпринялъ и самую поѣздку въ Соловецкій монастырь

«Господь Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на Кре✠стѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи казаковъ Атамана Петра Кольнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повеленію въ 1776 году на смиреніе. — Онъ въ 1801 году по Высочайшему повеленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренне познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ суб. 112 лѣтъ роду. Смертію благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ. 1856 А. А.».

Такъ вотъ гдѣ нашелъ себѣ послѣднее мѣсто успокоенія «славный» атаманъ «славныхъ» козаковъ! Трудно придумать что-нибудь болѣе горче и болѣе обиднѣе той ироніи судьбы, какая выпала на долю «славнаго и вольнаго» атамана «славнаго и вольнаго» низового товариства. И въ самомъ дѣлѣ, родиться и вырости на лонѣ мягкой, нѣжной и чарующей природы Украины, провести молодость и зрѣлые годы среди вольной запорожской

волницы, видѣть и полюбить всѣми силами богатырской души вольныя и безпредѣльныя степи, властвовать и держать въ своей рукѣ цѣлыя тысячи вольнаго и войнолюбиваго народа, сноситься съ державными и вѣнценосными особами, располагать обширными богатствами и потомъ подъ конецъ все это промѣнять на мрачную, темную, сырую темницу въ далекой — далекой, на краю свѣта, среди Студеннаго моря, глухой обители, томиться цѣлыхъ 25 лѣтъ въ мрачномъ заключеніи, не видѣть въ глаза праведнаго свѣта божьяго и рѣдко сышать голосъ человѣческій! Трудно придумать болѣе горькую и болѣе жестокую иронію судьбы надъ человѣкомъ!...

Но кто же тотъ неизвѣстный человѣкъ, который соорудилъ надгробную плиту надъ прахомъ великаго страдальца и тѣмъ указалъ его могилу потомству, самъ же скрылъ свое имя подъ скромными иниціалами А. А.? Это Архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ, по фамиліи Павловичъ, по происхожденію малороссіянинъ, впослѣдствіи полтавской владыка. И такъ, это дань украинца, попавшаго въ далекую обитель по волѣ, несчастному украинцу, попавшему въ туже обитель по тяжкой неволѣ.

Но я отрываюсь отъ этой могилы, наводящей страшную тоску на сердце и вызывающей въ головѣ мрачныя думы, и иду далѣе, разыскивая помѣщеніе отца Агаѳона, на котораго мнѣ указали еще въ городѣ Архангельскѣ, какъ на самаго участливаго человѣка ко всѣмъ пріѣзжающимъ въ монастырь богомольцамъ. Вотъ слѣва длинный двухъ-этажный каменный корпусъ. Во второй этажъ этого корпуса ведетъ небольшая деревянная лѣстница, въ свою очередь приводящая къ узкому, но длинному корридору. Вотъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ лѣвой стороны небольшая дверь къ отцу Агаѳону.

— Господе Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ! произношу я обычное привѣтствіе.

— Аминь! слышу себѣ въ отвѣтъ за дверями.

Вхожу въ келью и вижу передъ собой монаха высокаго роста, темнаго шатена, лѣтъ за сорокъ съ необыкновенно пріятными чертами и съ особенно привѣтливой улыбкой, сидящаго безъ подрясника, по домашнему, въ очень длинной грубаго полотна сорочкѣ съ небольшою на спинѣ, накрестъ перевязанною, коробочкой для ношенія въ ней главнѣйшихъ завѣтовъ монашескихъ. Въ келейкѣ на ту пору было такъ тепло—тепло и такъ ясно—ясно

отъ солнца, высоко поднявшагося надъ монастырскими строеніями и просившагося черезъ маленкія окошки въ комнатку. Увидя незнакомаго человѣка, отецъ Агаѳонъ быстро накинулъ на себя подрясникъ и тутъ же пригласилъ меня присѣсть на кожаный, довольно древній и оттого уже довольно потертый стулецъ. Мы скоро разговорились и скоро понравились другъ другу. Отецъ Агаѳонъ съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства, отданъ былъ въ монастырь и свыкся и полюбилъ иноческую жизнь: мірская жизнь нисколько не влечетъ его къ себѣ. Вотъ только иногда весной, когда чаечки начнутъ мостить себѣ гнѣздышки на выступѣ, подъ самымъ окномъ келійки, и когда онѣ начнутъ пароваться между собой, жутко тогда бываетъ ему по временамъ смотрѣть на семейную птичью картину, и сердце его отъ чего-то такъ тревожно забьется и застучитъ въ груди. Но противъ этого всегда есть самое вѣрное средство — теплая молитва и стояніе на колѣняхъ передъ образами... Отецъ Агаѳонъ большой любитель книгъ и большой почитатель старины. Онъ взялъ на себя обязанность показать мнѣ всѣ бывшія въ монастырѣ мѣста заключенія узниковъ и потомъ открыть сокровища монастырскаго архива.

И такъ, посмотримъ сперва мѣста заключенія ссыльныхъ въ обитель. Въ настоящее время многія изъ нихъ уже забиты и замуравлены и только нѣкоторыя можно видѣть съ особаго разрѣшенія начальства. Но мы имѣемъ подробныя описанія всѣхъ этихъ заключеній и потому можемъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей.

«Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первый—тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники второго разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу. Наконецъ, узники третьяго разряда могли выходить только три раза въ годъ, и остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли великими грѣшниками... Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ рогаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча, вокругъ головы, отъ лба къ затылку, замыкавшагося помощью двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ на

замокъ подъ подбородокъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ эти рогатки не позволяли человѣку лечь ни на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали или, по выраженію крестьянъ, дѣлались блаженными, т. е. сходили съ ума и тогда жили долго. Кромѣ того въ Соловецкомъ монастырѣ показывали двѣ тюрьмы (вышедшія теперь изъ употребленія) Жаравину и Корчагину. Корчагина тюрьма называлась такъ отъ того, что въ ней нельзя было сидѣть иначе, какъ скорчившись. А Жаравина, можетъ быть, отъ того, что тамъ было очень жарко. Всѣ тюрьмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ; комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть» [1]).

Но были тюрьмы еще хуже описанныхъ. Это—ямы, устроенныя въ подземельѣ башни Корожней. Всѣхъ башенъ въ монастырѣ, между его высокими и толстыми стѣнами, восемь: Корожняя (Флащевая тожъ), Успенская (Оружейная тожъ), Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Бѣлая. Изъ всѣхъ осьми башенъ подземныя ямы существовали только въ башнѣ Корожней, получившей свое названіе, по объясненію соловецкаго лѣтописца Досиѳея, «по имени подземной тюрьмы, въ древнее время подъ сею башнею находившейся». Эта башня стоитъ въ сѣверозападномъ углу монастырской стѣны на сравнительно высокомъ и открытомъ мѣстѣ и оттого въ ея подземелье не проникаетъ подпочвенная вода, тогда какъ всѣ остальныя башни стоятъ на относительно низменныхъ мѣстахъ, въ которыхъ подземелья были бы невозможны, такъ какъ здѣсь достаточно вырыть яму въ полъ-аршина, чтобы она тотчасъ же наполнилась водой. Отъ такого свойства почвы въ Соловецкомъ монастырѣ, на братскомъ кладбищѣ, отведенномъ на довольно высокой сравнительно мѣстности, противъ южной стѣны монастырской, умершихъ монаховъ хоронятъ въ лѣтнее время прямо въ воду. Но Корожняя башня стоитъ на высокомъ холмѣ, и этимъ воспользовались мѣстныя власти еще въ очень давнее время и сдѣлали въ ея подземельѣ самую мрачную тюрьму для тяжкихъ преступниковъ. Эти тюрьмы, или просто ямы, подѣланы были въ землѣ, ниже фундамента башни и

---

[1]) Русская Старина, 1875. XIV, 413, 414.

обложены были внутри, по стѣнамъ, дикимъ камнемъ; въ нихъ ни отверстій для свѣта, ни топокъ для тепла не полагалось вовсе. Преступникамъ, опредѣленнымъ къ сидѣнію въ такихъ ямахъ, сперва сковывали обѣ ноги вмѣстѣ съ лѣвой рукой желѣзомъ, оставивъ на свободѣ одну правую руку, и потомъ, при помощи лѣстницы, спускали въ яму. Вытащивъ изъ ямы лѣстницу, яму захлопывали желѣзной лядой или крышкой, чрезъ которую потомъ подавали преступнику хлѣбъ и воду. Въ ямѣ узникъ коченѣлъ отъ холода, не зная ни тепла, ни свѣта; тѣло его, въ особенности скованныя ноги, поражались страшными язвами, въ кости проникалъ мучительный ревматизмъ, платье его превращалось въ лохмотья, ногти дѣлались длинными когтями, собственные экскременты отравляли міазмами всю яму и, вдобавокъ ко всему тому, на несчастнаго узника нападали цѣлыми стаями голодныя крысы. Тогда возбуждался вопросъ о томъ, можно ли опустить въ яму преступнику палку для того, чтобы дать ему возможность отгонять отъ себя нападающихъ крысъ; но вопросъ этотъ считался на столько важнымъ, что съ нимъ обращались въ столицу, и пока рѣшеніе на него приходило изъ далекой столицы, крысы за то время успѣвали нанести обезсиленному страдальцу страшныя муки: они объѣдали ему носъ, уши, въ особенности на скованныхъ ногахъ пальцы. Къ счастію для узниковъ они недолго томились въ такихъ ямахъ; они или сходили съ ума, или же вовсе разставались съ жизнью.

Но въ такія ямы сажались только самые тяжкіе преступники: отцы, растлѣвавшіе своихъ дочерей; братья насиловавшіе своихъ сестеръ; разбойники, промышлявшіе кровавымъ разбоемъ.

Въ настоящее время всѣ эти ямы не существуютъ, и входъ въ подземелье Корожней башни давно уже заложенъ кирпичами.

Въ той же Корожней башнѣ, въ нижнемъ этажѣ, устроено помѣщеніе для преступниковъ въ видѣ отдѣльной камеры. Такія же камеры устроены и въ нѣкоторыхъ другихъ башняхъ—Никольской два помѣщенія въ амбразурѣ нижняго этажа; въ Архангельской—одно во второмъ этажѣ; въ Бѣлой—два, во второмъ и третьемъ этажахъ; въ Прядиленной—одно помѣщеніе въ среднемъ этажѣ. Всѣ камеры башенъ въ общемъ похожи одна на другую и разнятся лишь одними размѣрами. Вотъ для примѣра камера въ Прядиленной башнѣ. Стѣна этой башни имѣетъ девять аршинъ толщины и въ этой—то стѣнѣ, въ той ея сторонѣ, которая обращена воротами во дворъ монастыря, устроена камера. Если войти черезъ широкія

ворота въ средній этажъ этой башни, то тотъ часъ же налѣво можно увидѣть небольшое отверстіе, которое и есть камера. Если же перешагнуть черезъ порогъ камеры, то можно увидѣть и самое устройство ея. Она сдѣлана аркой и имѣетъ видъ большой варистой печи. Въ длину занимаетъ четыре съ половиной аршина, въ высоту съ небольшимъ два аршина; въ ней ни печки, ни оконъ, ни мебели, ни для сидѣнья, ни для спанья: наружный свѣтъ проникаетъ сюда чрезъ небольшую, сдѣланную въ стѣнѣ щель, имѣющую вверхъ 5 вершковъ и въ ширь 2 вершка, куда просовывали узнику пищу и питье. Камера замыкалась двумя толстыми дверьми: внутренней желѣзной и наружной деревянной, обитой шерстянымъ для защиты отъ холода войлокомъ; обѣ двери запирались огромными пудовыми замками. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что стѣна башни, въ которой устроена камера, выходитъ во дворъ, обнесенный кругомъ высокими монастырскими стѣнами; если взять во вниманіе то, что противъ башни, во дворѣ, стоитъ какое-то древнее, еще съ XVII столѣтія существовавшее, зданіе, почти совершенно заслоняющее собой всю стѣну башни; если принять во вниманіе то, что къ наружной стѣнѣ башни придѣланъ широкій корридоръ съ очень наклонной надъ нимъ деревянной крышей, отъ которой падаетъ темная тѣнь на всю нижнюю половину башни: и если, наконецъ, принять въ разсчетъ и то, что стѣна, въ которой устроена щель для просовыванія чрезъ нее въ камеру питья и пищи, имѣетъ толщины почти 2 аршина, то положительно можемъ сказать, что въ камеру за 400 лѣтъ ея существованія никогда не проникалъ ни единый лучъ солнца. Не забудемъ еще ко всему этому и того, что на всемъ Соловецкомъ островѣ бываютъ не только дни, но и цѣлые мѣсяцы, когда «люди солнца праведнаго и въ очи не видаютъ».

И вотъ въ эту-то камеру Прядиленной башни, какъ утверждаютъ старожилы—монахи, и былъ заключенъ кошевой Петръ Калнишевскій. Я не нашелъ письменныхъ указаній, гдѣ именно сидѣлъ Калнишевскій до 1788 года; но не думаю, чтобы его бросили въ подземную яму башни Корожней, такъ какъ эта яма, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была уже въ 1742 году замуравлена. Да и не было надобности содержать его въ тѣхъ ужасныхъ подземельяхъ, гдѣ содержались страшные преступники. Онъ не былъ злодѣемъ, не былъ извергомъ, не былъ и душегубцемъ, и потому

не было надобности его мучить: его должны были только строго содержать, но не истязать, а потому всего естественнѣе было посадить его въ камеру подъ надзоръ безсмѣнныхъ караульныхъ.

Тѣмъ не менѣе и въ указанномъ помѣщеніи положеніе узника было все-таки ужасно. Узника выводили на свѣтъ божій, и то на нѣсколько часовъ, только въ дни великихъ праздниковъ—Пасхи, Рождества Христова, Успенья Богоматери, или же въ дни постовъ: Великаго и Успенскаго, для говѣнья, но и тутъ держали его строго. «Пришли мы въ трапезу, разсказывалъ очевидецъ—богомолецъ, крестьянинъ Лукинъ, передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходитъ человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьями, и спрашиваетъ насъ любопытно: кто царемъ теперь? какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси таперича? Мы отвѣчали, что царемъ Александра Павловичъ; живутъ попрежнему все, слава Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше разспрашивалъ, да солдаты не позволили. «Отъ этого человѣка, говорили они, отойдите прочь: съ этимъ человѣкомъ не приходится вамъ говорить.» И монахи тоже запрещали: «Архимандритъ увидитъ, сказывали они, такъ нехорошо вамъ за это будетъ.» Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ къ благословенію. «Древенъ ты еси, землею пахнеши,» сказалъ архимандритъ тому человѣку. И точно, онъ древенъ былъ. Тутъ онъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи сказывали, что это какой то кошевой атаманъ»[1]).

Къ этому разсказу теперь старые монахи добавляютъ, что когда кошевого перевели изъ Прядиленной камеры въ другое помѣщеніе, то отъ него осталось въ камерѣ болѣе, чѣмъ на два аршина нечистотъ; что, просидѣвъ въ тюрьмѣ такое продолжительное время, онъ одичалъ, сдѣлался угрюмъ и потерялъ зрѣніе; что у него, какъ у звѣря, выросли большіе когти, отросла длинная борода и все платье, какое было на немъ, кафтанъ съ пуговицами, распалось въ клочья и свалилось съ плечъ.

Возможно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ есть извѣстная доля и преувеличенія; но такъ какъ она не можетъ быть опровергнута положительными данными, то этихъ разсказовъ все таки нельзя обойти молчаніемъ.

Такъ или иначе, но, выйдя изъ заключенія на свободу, Петръ Ивановичъ Калнишевскій остался въ монастырѣ добровольно,

---

[1]) Русская Старина, 1875, XIV, 412.

принялъ чинъ инока и чрезъ два года послѣ того скончался и былъ погребенъ на самомъ видномъ мѣстѣ, у правой стѣны собора.

Осмотрѣвъ, на сколько было возможно и доступно, тюрьмы для заключенныхъ, я обратился, при содѣйствіи того же отца Агаѳона, къ монастырскому архиву. Архивъ помѣщается въ одномъ изъ обширныхъ корпусовъ монастыря, во второмъ этажѣ, въ тѣсной и холодной комнатѣ. Нужно было, даже въ концѣ мая, надѣвать на себя самое теплое платье, чтобы выдержать въ архивѣ стужу въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ. Для подкрѣпленія моихъ силъ добрый отецъ Агаѳонъ всякій разъ приносилъ мнѣ большой кусокъ бѣлаго, превосходнаго качества, хлѣба и большую кружку превкуснаго квасу. «Это все отъ насъ зависитъ; а тамъ, что найдете въ архивѣ, это уже отъ Господа Бога. Во всемъ никто, какъ Богъ: Господь умудряетъ слѣпцовъ», всякій разъ говаривалъ мнѣ отецъ Агаѳонъ, ставая передо мной на столъ свои приношенія. И точно, въ архивѣ все зависѣло отъ Господа. Дѣлъ въ немъ въ сущности было немного, можетъ быть тысяча, можетъ быть меньше или больше того, такъ какъ большая часть ихъ, какъ мнѣ объяснили, увезена въ столицу; но за то оставшимся на мѣстѣ дѣламъ не было ни описи, ни указателей, и потому мнѣ приходилось работать, какъ говорятъ малороссы, «навмання» или, какъ выражаются великороссы, наобумъ. Къ тому же нестерпимая стужа (не холодъ, а именно стужа) проникала до самыхъ костей и дѣлала мои пальцы на рукахъ совершенно деревянными, неспособными разгибать и связокъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ приходилось дѣлать такъ: позаняться полчаса—часъ дѣлами, потомъ съѣсть кусочка два хлѣба, запить хлѣбъ квасомъ, побѣгать нѣсколько минутъ по комнатѣ, потереть нѣсколько разъ руки объ руку и потомъ снова браться за работу. «Это зависитъ отъ насъ; а тамъ, что найдете, это отъ Господа Бога. Во всемъ никто, какъ Богъ: Господь умудряетъ слѣпцовъ»— припоминаются мнѣ слова отца Агаѳона. Иногда ко мнѣ зайдетъ и самъ отецъ Агаѳонъ и усладитъ меня какимъ-нибудь разсказомъ изъ недавно прошедшей исторіи монастыря, когда обитель бомбардировали англичане, въ севастопольскую войну. «Вѣдь вотъ, когда безбожные англичане стояли у стѣнъ нашего монастыря и посылали намъ чугунные гостинцы, то одна бомба попала черезъ окно и въ этотъ самый архивъ. А тутъ въ то время сидѣлъ одинъ старенькій монашекъ и читалъ священную книжечку. Видитъ онъ, какъ

эта окаянная бомба упала среди комнаты и закружилась, точно дѣтскій волчокъ: недолго думая, всталъ со своего мѣста, подошелъ къ самой бомбѣ и три раза перекрестилъ ее святымъ крестомъ. И бомба та вдругъ остановилась на мѣстѣ... Такъ-то все отъ Бога, во всемъ никто, какъ Богъ: Господь умудряетъ слѣпыхъ; терпите, Онъ и васъ умудритъ», неожиданно заключалъ свою рѣчь отецъ Агаѳонъ.

И точно. Господь умудрилъ меня: я сталъ брать связку за связкой и прочитывать сдѣланныя на нихъ заглавныя надписи. Тутъ прежде всего мнѣ попались въ руки «Вѣдомости о содержащихся въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ.» Разворачивая листъ за листомъ эти вѣдомости, я нахожу подъ 1780 годомъ, №14, фамилію Калнишевскаго и тутъ же противъ этой фамиліи читаю запись: «1776 года іюля 29 дня по указу святѣйшаго правительствующаго синода во исполненіе высочайшей ея императорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генералъ аншефа военной коллегіи вице-президента астраханской, азовской и новороссійской губерній генерала губернатора и кавалера Григорія Александровича Потемкина докладѣ корфирмаціи велѣно бывшаго Сѣчи запорожской кошевого Петра Калнишевскаго содержать безвыпускно изъ монастыря і удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ Соловецкомъ монастырѣ солдатъ» [1]).

Въ слѣдъ за «Вѣдомостями» мнѣ попалась подъ руку связка, заключавшая въ себѣ царскіе указы, и тутъ я нашелъ копію съ указа императрицы Екатерины II, 1776 года, іюня 10 дня, за №1419, гдѣ говорилось о ссылкѣ бывшаго кошевого атамана запорожскихъ козаковъ, Петра Ивановича Калнишевскаго, въ Соловецкій монастырь.

Далѣе я увидѣлъ «Опись» всѣмъ лицамъ, находившимся въ Соловецкомъ монастырѣ, 1787 года, мѣсяца октября, за № 53, и тамъ прочелъ: «Арестантъ Петръ Калнишевской». Тутъ же я нашелъ «Имянной списокъ» 1788 года, февраля 15 дня, за № 175, и въ немъ прочелъ помѣтку: «Петръ Калнишевскій». Въ «Описи, учиненной въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ оставшимся на зимнее

---

[1]) Полугодовая черновая вѣдомость о монашествующихъ и о содержащихся арестантахъ, № 121.

пребываніе господамъ начальствующимъ, братіи, солдатамъ, штатнимъ служителямъ, находящимся по паспортамъ богомольцамъ, мастеровымъ, наемнымъ плотникамъ и чернорабочимъ, кто вкакой кельи и службахъ находится и въ какомъ послушаніи былъ, ниже сего ноября 13 дня, 1788 года,» и тутъ подъ № 50 означено: «Въ 15 келье арестантъ Петръ Ивановъ Калнишевской (:) при немъ на каруле солдатъ» Въ такой же «Описи ,учиненной въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ...ноября дня 1789 года,» подъ № 46 значится: «Въ 14 келье. Арестантъ Петръ Калнишевской (:) караульные солдаты».

Затѣмъ я отыскалъ приходорасходныя книги монастыря и тутъ изъ «Прихода денгамъ 1776 года, іюля 29 по 1781 годъ іюня 15» увидѣлъ, что Петру Калнишевскому опредѣлено было содержаніе по 1 рублю въ день. Деньги получались изъ архангельскаго губернскаго казначейства сперва на весь годъ сполна, а потомъ помѣсячно, при чемъ всякій разъ въ полученіи ихъ расписывался караульный солдатъ, находившійся при заключенномъ узникѣ: «1776 года, іюля мѣсяца 29. Принято 1 московского пѣхотного полку отъ секундъ маіора Александра Пузыревскаго на производство присланному во оной монастырь на вѣчное содержаніе бывшему кошевому Петру Колнишевскому триста тридцать рублевъ.» «Мѣсяца августа, 1777 года, 23. Принято отъ отставного капитана Михайла Барашкова, присланныхъ при сообщеніи господина архангелогородскаго губернатора Голицына на произвожденіе содержащемуся бывшему кошевому Колнишевскому съ 26 іюня сего года по 26 іюня жъ 1778 порціонныхъ денегъ по рублю на день (;) всего триста шестьдесять пять рублей». «Мѣсяца октября, 1778 года, 2. Принято отъ солдата Ільи Кашкина присланныхъ по сообщенію архангелогородской губернской канцеляріи вышеписанному жъ бывшему кошевому Колнишевскому порціонныхъ денегъ по рублю на день на годичное время сего года іюня съ 26 будущаго 1779 года іюня по 26 число триста шестьдесять пять рублей.» Такъ обыкновенно пишется въ «Приходѣ» монастыря и тутъ же въ «Расходѣ» значится: «1776 года, августа мѣсяца. По ордеру выдано солдату Василью Соханову на отдачю выписанному Колнишевскому минувшаго іюля съ 30-го будущаго сентября по 1 число (,) щитая на день по рублю (;) ітого тридцать два рубли (.) То число денегъ тридцать два рубли солдатъ Василій Сохановъ принялъ і росписался». «1776 года де-

кабря мѣсяца. По ордеру выдано солдату Лукѣ Зубкову на производство бывшему запорожской Сѣчи кошевому Петру Калнишевскому за прошедшіе сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы считая на каждый день по одному рублю, итого девяносто одинъ рубль (.) Солдатъ Лука Зубковъ принялъ и росписался» ([1]). Съ 1777 года выдача денегъ производилась бывшему кошевому Калнишевскому помѣсячно, считая по одному рублю въ день; только въ іюлѣ каждаго года выдавалось 25 рублей, за то въ августѣ опредѣлялось 67 или 37 рублей. Къ сожалѣнію книга «Приходовъ» и «Расходовъ» монастыря прекращается на 1781 году: послѣдніе листы ея вырваны, уцѣлѣвшіе же скрѣплены и провѣрены архимандритомъ монастыря Досиѳеемъ.

Наконецъ, кромѣ приведенныхъ документовъ мнѣ удалось еще найти «Вѣдомости о колодникахъ бывшихъ у исповѣди и святаго причастія». Такія вѣдомости велись въ Соловецкомъ монастырѣ изъ года въ годъ и въ настоящее время ихъ сохранилось въ монастырскомъ архивѣ больше тридцати, начиная съ 1777 года и кончая 1792 годомъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ противъ каждаго изъ арестантовъ поставлена графа для обозначенія его лѣтъ и для отмѣтки, былъ ли онъ у исповѣди и святаго причастія. Въ такихъ «Вѣдомостяхъ» стоитъ всегда и имя Калнишевскаго. «Бывшей Сѣчи запорожской Петръ Калнишевскій. Былъ», или короче: «Петръ Ивановъ Калнишевской. Былъ», или еще короче: Петръ Калнишевскій. Былъ.» Лѣтъ Калнишевскому нигдѣ въ этихъ вѣдомостяхъ къ сожалѣнію не обозначено; просмотрѣвъ всѣ вѣдомости изъ года въ годъ, я увидѣлъ, что Калнишевскій каждый годъ говѣлъ и каждый разъ во время говѣнья исповѣдывался и пріобщался. Въ этомъ случаѣ узникомъ могло руководить два чувства—чувство глубокой религіозности, какимъ отличались вообще всѣ запорожцы, и естественное чувство, пользуясь такимъ случаемъ, выйти изъ одиночнаго заключенія на міръ божій.

Всѣ найденныя архивныя данныя позволяютъ сдѣлать относительно положенія бывшаго кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго такое заключеніе: Калнишевскій, по доставленіи его въ Соловецкій монастырь въ 1776 году, могъ быть сперва посаженнымъ въ одиночную тюрьму какой-нибудь башни, какъ

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что караульные солдаты при кошевомъ — всѣ великороссы.

подсказываетъ намъ преданіе, Прядиленной; потомъ онъ съ 1788 года находился въ одиночной «кельѣ» подъ № 15; въ 1789 году также въ одиночной «кельѣ» подъ № 14. Содержаніе узнику выдавалось по рублю въ день, т. е. въ этомъ случаѣ онъ былъ обезпеченъ, какъ нельзя лучше, но только вопросъ, доходило ли цѣликомъ это содержаніе до рукъ Калнишевскаго. Если злоупотребленія въ такомъ родѣ возможны въ наше время, то тѣмъ болѣе они возможны были въ тѣ времена; въ особенности если взять во вниманіе и отсутствіе близкихъ къ Калнишевскому людей, которые могли бы заботиться объ его участи, и политическую смерть самого Запорожья, считавшагося въ глазахъ правительства императрицы Екатерины II скопищемъ злодѣевъ и хищниковъ. Но если въ вопросѣ объ удовлетворительномъ содержаніи Калнишевскаго приходится отвѣчать вопросомъ же, то въ способѣ содержанія его не можетъ быть никакого вопроса: онъ содержался строго и бдительно до 1801 года.

Въ 1801 году на русскій престолъ взошелъ милостивый и добрый императоръ Александръ Павловичъ Благословенный. Тогда участь Калнишевскаго измѣнилась къ лучшему. Манифестъ императора Александра I повелѣвалъ «всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ незаключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъ то смертоубійства, разбоя и лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными». Въ силу этого манифеста и бывшій узникъ, Петръ Ивановъ Калнишевскій, получилъ свободу: въ «Запискѣ о содержащихся по вѣдомству тайной экспедиціи, подъ № 29», въ числѣ освобожденныхъ названъ и «Петръ Калнишевскій, бывшій запорожскій кошевой атаманъ въ Соловецкомъ монастырѣ».

По поводу освобожденія Калнишевскаго изъ заключенія между монахами Соловецкаго монастыря въ настоящее время циркулируетъ такой слухъ, что когда императоръ Александръ I, во время своего посѣщенія Соловецкой обители, увидѣлъ яму, въ которой содержался Калнишевскій, то онъ пришелъ отъ нея въ ужасъ и потомъ, желая чѣмъ-нибудь облагодѣтельствовать невиннаго страдальца, спросилъ его, какой ему надо награды за всѣ понесенныя имъ страданія. «Ничего, мнѣ государь, ненадо, кромѣ одного: вели построить острогъ для такихъ же страдальцевъ, какъ и я, чтобы они не томились въ земляныхъ ямахъ». И государь отдалъ

приказаніе построить острогъ, а ямы закрыть. Но съ этимъ разсказомъ не вяжется то обстоятельство, что Калнишевскій подъ конецъ сидѣлъ въ «кельѣ», а не въ ямѣ, какъ показываютъ вышеприведенныя архивныя данныя и что уже съ 1798 года, по указанію соловецкаго лѣтописца Досиѳея, для содержанія арестантовъ отведено было 12 «малыхъ чулановъ въ нижнемъ этажѣ большой каменной двухъ-этажной палаты, стоящей въ сѣверо-западномъ углу монастырскаго замка» [1])

Проработавъ нѣсколько времени въ архивѣ монастыря, я отъ архивныхъ документовъ перешелъ къ осмотру монастырскихъ древностей вообще и тутъ, въ главномъ соборномъ храмѣ, во имя Преображенія Господня, нашелъ запрестольный, четырехъ-конечный крестъ и великолѣпное евангеліе (въ монастырской ризницѣ), сооруженные Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ. Крестъ стоитъ у окна, противъ престола; имѣетъ высоты одинъ аршинъ и девять дюймовъ, кромѣ ручки въ тринадцать дюймовъ; онъ сдѣланъ изъ серебра чеканной работы, мѣстами позлащенъ; на немъ вырѣзаны съ лицевой стороны: тѣло Спасителя, бѣлое литое; выше Спасителя Господь Саваоѳъ; по бокамъ Богоматерь и Іоаннъ Богословъ; внизу два ангела съ тростью и копьемъ; вокругъ вѣнецъ и стразы; по концамъ сіяніе и херувимы; съ обратной стороны страсти Господни, чеканной работы. Ко всему этому на рукояткѣ, внизу, вырѣзаны слова: «Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Копевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемь золотыхъ». Евангеліе имѣетъ 17 вершковъ длины и 10 ширины, съ бумагой, деревомъ и бархатомъ вѣсящее 2 пуда и 20 фунтовъ; напечатано въ 1759 году, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны; буквы на александрійскомъ листѣ въ ¼ вершка величины; обложено по кипарисовымъ доскамъ серебромъ густопозлащеннымъ, унизано стразами и отдѣлано выпуклыми финиftевыми иконами. На лицевой доскѣ изображены, по срединѣ, отъ верху до низу, моленіе о чашѣ, Троица, Преображеніе, Успеніе и Тайная вечеря, съ лѣвой стороны евангелистъ Матвѣй, Марія Магдалина и въ одну линію съ ней преподобный Зосима, затѣмъ евангелистъ Маркъ, преподобный Савватій и въ одну линію съ нимъ Воскресеніе Христово, затѣмъ евангелистъ Іоаннъ. На ниж-

[1]) Географическое, историческое и статистическое описаніе Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея, Москва, 1836, 251.

ней доскѣ, по самой срединѣ, представлены черневою работой распятіе Спасителя (два раза) и апостолъ Іаковъ; съ лѣвой стороны апостолы Андрей, Варѳоломей и Филиппъ; съ правой стороны апостолы Павелъ, Ѳома и Симонъ. На серебряныхъ позлащенныхъ дощечкахъ евангелія, придѣланныхъ сверху и снизу къ корешку переплета, съ внутренней стороны, вырѣзана слѣдующая надпись: «Во славу божію устроися сие святое евангеліе во обитель святаго преображение; преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватия соловецкихъ чудотворцевъ что на море окияня при архимандрите ионѣ а радениемъ и коштомъ бывшаго запороцкои сѣчи кошеваго петра івановича кольнишевскаго 1801 года и всего весу 34 ху 25 зо всеі сумы 2435». Къ этой надписи на застежкахъ евангелія прибавлено: «Стараниемъ і трудами соловецкаго манистира; наместникомъ: іеромонахомъ: веніаминомъ: святое евангелие: здѣлана: московскои третей гильдие купецъ: серебреныхъ: делъ мастеръ: владимиръ: андреевичъ» [1]).

Это евангеліе считается самымъ великолѣпнымъ изъ всѣхъ евангелій монастырской ризницы и употребляется только въ господскіе торжественные праздники.

То обстоятельство, что Петръ Калнишевскій черезъ 19 и черезъ 25 лѣтъ своего заключенія въ Соловецкомъ монастырѣ сооружаетъ на собственныя деньги крестъ и евангеліе—остается не безъ смысла: очевидно, евангеліе сооружено кошевымъ въ память его освобожденія изъ заключенія по манифесту 1801 г.; а крестъ, быть можетъ, сдѣланъ въ память перевода его изъ башенной камеры въ «келью». Сумму, необходимую для затраты на крестъ и на евангеліе, кошевой могъ или скопить изъ остатковъ денегъ, выдававшихся ему на содержаніе, или же могъ привезти съ собой въ монастырь изъ Сѣчи, такъ какъ извѣстно то, что въ Запорожьѣ онъ владѣлъ большимъ домоводствомъ и располагалъ значительными денежными средствами. Наконецъ, у Калнишевскаго, въ бывшемъ Запорожьѣ, оставалась родная племянница, находившаяся за мужемъ за помѣщикомъ Вертильякомъ и владѣвшая большимъ имѣніемъ возлѣ урочища Мѣлового, теперь Херсонскаго уѣзда, у праваго берега Днѣпра. Съ ней кошевой Калнишевскій, послѣ полученія свободы, могъ войти въ сношеніе и получить отъ нея значительную сумму денегъ.

---

[1]) Это же евангеліе описано и у Досиѳея на стр. 293, но странно то, что у него сказано, будто бы оно сооружено „на монастырскій счетъ".

Покончивъ со всѣми розысканіями слѣдовъ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго, я обратился къ разсмотрѣнію достопримѣчательностей самого монастыря и его окрестностей. Изъ достопримѣчательностей монастыря отмѣчу его небольшой музей древностей въ оружейной палатѣ; въ этомъ музеѣ имѣется между прочимъ, большая коллекція боевого оружія XVI—XVII вѣка, такъ называемыхъ чекановъ, или боевыхъ молотковъ. Тутъ я воочію убѣдился въ томъ, что великорусскіе чеканы и запорожскіе келепа совершенно одно и тоже оружіе. Съ этихъ поръ мнѣ стало вполнѣ ясно, что запорожскіе келепа вовсе не были знаками власти атамановъ, какъ это было распространено у насъ извѣстнымъ археологомъ Н. Н. Мурзакевичемъ: а что это боевое оружіе, весьма распространенное во всей Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ и занесенное къ намъ изъ Азіи: въ Азіи подобные молотки, точь въ точь великорусскіе чеканы или запорожскіе келепа, называются «батъ», и этими батами кокандскіе сарбазы мѣтко разбивали грудь нашимъ солдатамъ, когда схватывались съ ними въ рукопашную. Въ той же оружейной палатѣ имѣется нѣсколько старинныхъ пушекъ, пищалей, карабиновъ, пистолетовъ, самопаловъ, мушкетовъ, винтовокъ, палашей, сабель, копій, рогатинъ, бердышей, луковъ, колчановъ со стрѣлами, алебардъ, метательныхъ дротиковъ, роговъ для пороха, знаменъ различныхъ, а ко всему этому множество монетъ древнерусскихъ, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ.

Независимо отъ этого въ монастырской ризницѣ хранится немало другихъ достопримѣчательностей, каковы: покрышка съ шубы св. митрополита Филиппа, палашъ въ серебряной позлащенной и съ каменьями оправѣ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, сабля въ серебряной позлащенной и съ каменьями оправѣ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, серебряная кружка казанскаго царя Симеона Бекбулатовича, рѣзная изъ слоноваго зуба кружка съ портретами императоровъ. Кромѣ того нѣсколько старинныхъ серебряныхъ ковшей, нѣсколько подлинныхъ, жалованныхъ монастырю, грамотъ, напримѣръ Мареы Борецкой, новгородской посадницы, царя Іоанна Грознаго (1539 года), новгородскаго архіепископа Іоны и новгородскихъ бояръ, новгородскаго митрополита Никона, царя Петра Алексѣевича и другихъ государей; множество купчихъ крѣпостей, разныхъ указовъ, свитковъ и предписаній; множество рѣдкихъ церковнобогослужебныхъ книгъ

и старинныхъ образовъ. Особо отъ всего этого на монастырской колокольнѣ имѣется небольшой зазвонный каменный колоколъ, сдѣланный еще при игуменѣ преподобномъ Зосимѣ, и временъ же Зосимы каменное клепало, въ которое ударяли для созыва братіи къ церковной службѣ.

Но для монастыря драгоцѣннѣе всѣхъ драгоцѣнностей—это мощи основателей обители, преподобнаго Савватія, скончавшагося въ 1434 году, и преподобнаго Зосимы, скончавшагося въ 1478 году; часть мощей св. митрополита Филиппа, оставленная въ 1657 году, въ обители «на исцѣленіе приходящихъ съ вѣрою». Всѣ эти святыни находятся въ главной соборной церкви Преображенія Господня.

Въ галлереѣ, окружающей соборъ Преображенія, имѣется немало картинъ стариннаго письма, полуцерковнаго, полусвѣтскаго содержанія. На нихъ изображены въ лицахъ разныя притчи евангельскія; напримѣръ на тему о томъ, что человѣкъ въ чужомъ глазу видитъ сучекъ, а въ своемъ глазу бревна не замѣчаетъ, причемъ противъ глаза одного человѣка поставленъ небольшой сучечекъ, а противъ глаза другого нарисованъ невѣроятной толщины деревянный обрубокъ; а также о томъ, что выходитъ изъ послушанія сына своему отцу: сынъ, поливающій обгорѣлое дерево водой, приносимой на колѣняхъ во рту за много верстъ изъ колодца на высокую гору, достигаетъ въ концѣ концовъ того, что на обгорѣломъ деревѣ выростаютъ сочные и красивые яблоки. Тутъ же развѣшано нѣсколько картинъ съ изображеніемъ нечистыхъ демоновъ съ огненными языками, съ страшными, со множествомъ очковъ, глазами, острыми когтями, съ закрученными хвостами, между которыми стоятъ жалкія и угнетенныя фигуры грѣшниковъ. Противъ картинъ съ изображеніемъ демоновъ повѣшена картина съ изображеніемъ креста, на которомъ распятъ юный монахъ въ полномъ иноческомъ одѣяніи и съ кожанымъ поясомъ по чресламъ. Вокругъ него сдѣлано множество надписей на тему побѣды духа надъ плотью. «Да будутъ свѣтильницы горящіи въ рукахъ вашихъ». «Иже Христови суть: плоть распяша со страстьми и похотьми». «Мнѣ міръ распяхся и азъ міру». «Христови распяхся». Выше монаха представлены: Христосъ и два ангела; внизу—молодой всадникъ, предлагающій корону распятому, потомъ какое-то страшное чудовище, стоящее надъ пламенемъ, и волосатый съ рогами дьяволъ, который тянетъ монаха за ногу посредствомъ

прикрѣпленной къ ней веревки во адъ кромѣшный, говоря ему: «Сниди со креста», на что монахъ отвѣчаетъ: «Отрекохся сатаны». Выше дьявола стоитъ молоденькая барышня, пышно разодѣтая, искушающая своими прелестями аскета. На ней надѣто легкое воздушное розоваго цвѣта, доходящее только до колѣнъ, платьице; на головѣ ея широкая съ желтыми цвѣтами шляпка, съ голубой вокругъ лентой, съ большой розой напереди и со страусовымъ краснымъ перомъ назади; шея ея слегка открыта и по ней ложатся вьющіеся локоны. Барышня наклонилась къ монаху, держа въ лѣвой рукѣ лукъ, а въ правой стрѣлу, готовой пронзить монаха; надъ головой барышни написано: «Плоть», а противъ ея устъ: «Сниди со креста». Но губы монаха заперты висячимъ замкомъ и ниже того замка написано: «Положи устамъ моимъ хранило».

Кромѣ собственно монастыря съ его храмами и палатами въ высокой степени интересны и всѣ окрестности его. Островъ, на которомъ находится древняя обитель, носитъ названіе Соловецкаго острова, давшаго названіе и самому монастырю. Этотъ островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ и въ ширину 16. Кромѣ Соловецкаго острова тутъ же имѣется еще пять большихъ острововъ: Анзерскій, Муксальмскій Большой, Муксальмскій Малый, Заяцкій Большой, Заяцкій Малый, и множество мелкихъ острововъ, именуемыхъ здѣсь коргами. Всѣ эти острова покрыты высокимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ сосны, ели, ольхи, березы, осины, ивы, тальника, рябины, черемухи; изобилуютъ глубокими и полноводными озерами и множествомъ всевозможнаго рода птицы, каковы: лебеди, гаги, журавли, чайки, голуби, орлы, ястребы, вороны, куропатки, глухари, зяблики, малиновки; имѣютъ, исключая волковъ, множество звѣрей, какъ напримѣръ, зайцевъ, лисицъ, бѣлокъ; къ своимъ берегамъ они привлекаютъ множество всевозможнаго рода рыбы—бѣлуги, нерпы, тюленей и въ особенности сельдей.

На всѣхъ этихъ островкахъ, то тамъ, то симъ, разбросаны одинокіе скитки, устроены отдѣльныя молитвенныя часовеньки, воздвигнутые на память разныхъ событій каменные и высокіе деревянные кресты. На многихъ изъ этихъ острововъ есть очаровательные, полные красоты, прелести и таинственности уголки. Тутъ, именно въ этихъ тихихъ и таинственныхъ уголкахъ, можно отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ помысловъ и, находясь поистинѣ

между небомъ и землей, можно вести молитвенныя бесѣды съ Богомъ. Для истинныхъ любителей красотъ природы, для людей, ищущихъ уединенія, нуждающихся въ успокоеніи скорбной и обиженной души, тутъ, на этихъ далекихъ островахъ, среди обширнаго Студенаго моря, всегда найдется уединенное, тихое и завѣтное пристанище. Вотъ, напримѣръ, на Муксальмскомъ острову у подножья Ѳаворъ-горы; на Анзерскомъ острову, возлѣ Голгоѳы горы, гдѣ сооруженъ Распятскій скитокъ; на самомъ Соловецкомъ острову, у цѣпи Святыхъ, Гремячихъ и Хлѣбныхъ горъ, и въ особенности на плѣнительной и очаровательной Сѣкирной горѣ.

Сѣкирная гора—это высокій и обширный, вулканическаго происхожденія холмъ, находящійся въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу отъ обители, нѣкогда любимое мѣстечко основателя монастыря, преподобнаго Савватія. Вся эта гора покрыта густымъ и въ лѣтнее время зеленѣющимъ лѣсомъ и на самую высокую, кульминаціонную, точку ея вознесенъ обширный двухъ-этажный чарующій своимъ величіемъ, божій храмъ. Чтобы дойти до этого храма, нужно долго и постепенно подниматься по узенькой тропиночкѣ, спирально идущей на самую вершину горы. Подвигаясь по этой тропиночкѣ все впередъ и впередъ, вы видите постоянно передъ собой церковку, но эта церковка то какъ бы удаляется отъ васъ, то какъ бы снова приближается къ вамъ. Вотъ вы, послѣ долгихъ усилій, наконецъ и на самой вершинѣ горы. Вотъ вы и возлѣ церковки. Прежде всего войдите въ колокольню, поднимитесь на самый верхній ярусъ ея и окиньте взоромъ всѣ окрестности, окружающія мѣстность Сѣкирной горы, на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Тутъ открывается такая грандіозная, такая величественная, такая необозримая и необъятная картина, при видѣ которой умъ цѣпенѣетъ и сердце замираетъ трепетомъ. Вотъ, у самыхъ ногъ, высоко-высоко поднимается гора Сѣкирная; на самой вышкѣ ея красуется великолѣпный храмъ, своей архитектурой уносящій воображеніе въ далекія отъ насъ времена; по крутымъ и обрывистымъ склонамъ Сѣкирной горы поднимается дикій и едва проходимый лѣсъ; а тамъ, кругомъ всей горы, во всю необъятную ширь, разстилается видъ на бурно волнующееся, грозно стонущее и высоко вздымающееся море. Вотъ высокія бушующія волны этого моря съ неудержимой силой катятся къ крутымъ скатамъ горы Сѣкирной и съ страшнымъ шумомъ разбиваются объ огромные камни, какъ бы нарочно воздвигнутые горой на вѣко-

вѣчную и бдительную стражу свою. Отъ такого удара становится страшно и за самаго себя, и за высокую колокольню и за все миніатюрное, сравнительно съ цѣлымъ моремъ, зданьице, именуемое церковкой... Но божія церковка стоитъ уже столько лѣтъ, и столько лѣтъ возносятся въ ней горячія и слезныя моленія богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ! И каждый день въ ней правится божественная служба и каждый день стоятъ у престола ея ветхіе деньми, но усердные въ молитвахъ богомольцы. Вотъ и теперь въ ней служится вечерня. Передъ царскими вратами стоитъ древній-предревній іеромонахъ старецъ, въ широкой, со складками, черной мантіи, въ высокомъ черномъ, съ длиннымъ покрываломъ клобукѣ. «О мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ божіихъ церквей и о соединеніи ихъ Господу помолимся»! произноситъ онъ старческимъ замогильно-трепетнымъ голосомъ и тутъ же, сдѣлавъ глубокій доземный поклонъ, на нѣсколько мгновеній смолкаетъ и точно замираетъ на мѣстѣ... Ему вторитъ такой же древній-предревній старецъ, въ такомъ же черномъ высокомъ клобукѣ, но стоящій не у царскихъ вратъ, а на клиросѣ. «Господи, помилуй»! не спѣша и съ замираніемъ голоса произноситъ онъ и также дѣлаетъ глубокій доземный поклонъ и также на нѣсколько мгновеній какъ бы замираетъ... «О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ»!... опять произноситъ первый старецъ съ тѣмъ же глубокимъ поклономъ и съ тѣмъ же трепетнымъ замираніемъ. «Господи, помилуй»! отвѣчаетъ ему другой старецъ съ тѣмъ же протяжнымъ напѣвомъ, съ тѣмъ же глубокимъ поклономъ и съ тѣмъ же, на нѣсколько мгновеній, перерывомъ... Кажется, вотъ-вотъ живой духъ покинетъ бренное тѣло старца, и старецъ уже не поднимется болѣе съ полу и не продолжитъ больше своей молитвы. Но старецъ вновь, какъ свѣча, становится прямо предъ царскими вратами и снова произноситъ свой молитвенный возгласъ: ясно, что въ немъ плоть только немощна, но духъ бодръ есть... А между тѣмъ въ это самое время заходящее, хотя здѣсь и холодное, но все же свѣтлое и ясное солнышко, внезапно ворвется черезъ рѣшетчатое окно въ самую средину церкви, заиграетъ по всему божьему храму, разольется огненными лучами по позолотѣ рѣзного иконостаса, отразится свѣтлымъ пятномъ и высокомъ клобукѣ манатейнаго іеромонаха и такъ же внезапно исчезнетъ за окномъ храма... И жутко и страшно становится на душѣ отъ всей этой суровой и строгой

обстановки. «Господи, я вѣдь еще не старецъ, я хочу еще жить въ мірѣ, въ живомъ мірѣ! Но я теперь вижу, что когда душа моя истерзается, когда тѣло мое одряхлѣетъ, когда силы мои сдѣлаются слабы, я тогда могу обрѣсти здѣсь миръ и душевное для себя успокоеніе... И не одинъ я, а всякъ, кто будетъ въ томъ же нуждаться. Вотъ, передъ моими глазами, какой-то страдалецъ незримо ни для кого вошелъ въ церковь, онъ выбралъ себѣ скрытое за колонной мѣстечко, безшумно опустился на колѣни и горячо-горячо молится, припадая лбомъ къ холодному полу. Это мой случайный спутникъ, истерзанный сердцемъ, измученный душой, скиталецъ по всему свѣту, Васыль Тридуба...

Запечатлѣвъ навсегда въ своей памяти и въ своемъ воображеніи общій видъ Сѣкирной горы, я потомъ скоро сошелъ съ нея внизъ и скоро возвратился въ монастырь.

Прошло три дня, и я уже на «Соловецкомъ» пароходѣ иду въ Архангельскъ. На этотъ разъ на Бѣломъ морѣ свирѣпствовала такая буря, какую рѣдко приходилось мнѣ видѣть и на Черномъ, по многимъ обстоятельствамъ мнѣ памятномъ. морѣ. Но нашъ пароходъ, управляемый капитаномъ-монахомъ, совершившимъ болѣе двадцати на своемъ вѣку кругосвѣтныхъ путешествій, мужественно выдержалъ всѣ страшные удары яростной стихіи, и мы въ концѣ концовъ, хотя и съ значительнымъ запозданіемъ, благополучно прибыли въ Архангельскъ.

Было около десяти часовъ утра, воскресенье. Я съ пристани направился прямо въ соборную церковь съ тѣмъ, чтобы отслушать обѣдню и затѣмъ навсегда покинуть городъ Архангельскъ. Достоявъ до конца обѣдни, я вышелъ изъ церкви и сталъ ходить внутри ограды, присматриваясь къ стоявшимъ тамъ могильнымъ памятникамъ. Погруженный въ грустныя думы, я далеко былъ отъ живой дѣйствительности и потому невольно вздрогнулъ, когда услыхалъ позади себя чей-то голосъ.

— Пане, паночку, я хотивъ васъ шось спытать!

Я быстро оглянулся назадъ и къ удивленію моему увидѣлъ передъ собой Васыля Тридуба.

— Шо жъ ты, голубчыку мій, хотивъ мене спытать?

— Я хотивъ спытать, якъ васъ звуть и якъ прозываютъ?

Я назвалъ мое имя, отчество и фамилію и въ свою очередь переспросилъ Васыля Тридуба, зачѣмъ ему нужно знать это.

— Для чого жъ тоби знать мое менья?

— Для того, щобъ молыть за васъ Бога. Вы още сегодня одъизжаете до Вологды, а я подамсь ажъ до Трыхвына, въ Занеченгу, такъ прощайте жъ на викы, може вже на цимъ свити й не побачымось! Спасыби вамъ за вашу ласку до мене.

Тяжелою грустью повѣяло на меня отъ этихъ словъ несчастнаго. Тутъ я опустилъ было руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы дать что-нибудь бѣдному скитальцу на дорогу, но онъ, понявъ мое намѣреніе, горячо запротестовалъ противъ этого.

— Не за тимъ я пидийшовъ до васъ: я хотивъ знать тилько ваше мненія... Мени теперъ уже небагато требѣ; а якъ и треба буде, то православный мыръ мене и нагодуе и зодягне... Прощайте, паночку, на викы прощайте!

— Прощай, земляче! Прощай, безсчастный бидолаха!...

Прошло еще нѣсколько дней, и я уже далеко-далеко очутился отъ Соловецкаго монастыря и отъ города Архангельска. Я уже на рѣкѣ Днѣпрѣ. Я уже слушаю бурные и шумливые переливы Ненасытецкаго порога, но сквозь эти переливы мнѣ слышится грозный стонъ яростнаго Студенаго моря и среди этого стона видится высокій шпицъ горы Сѣкирной, а на томъ шпицѣ маленькая, какъ песчинка, церковь и въ церкви согбенная, стоящая на колѣнахъ, фигура страдальца, Василя Тридуба...

Отъ Новаго-Кодака до Каменно-Потоцкаго.

Во время многолѣтнихъ моихъ разъѣздовъ по Запорожью, всего больше мнѣ приходилось имѣть дѣло съ крестьянами, менѣе съ панами и еще менѣе съ духовными особами. Съ духовными особами мнѣ пришлось познакомиться главнымъ образомъ въ той части бывшихъ запорожскихъ вольностей, которая нѣкогда составляла такъ называемую кодацкую паланку и которая, по-теперешнему, входитъ въ уѣзды Екатеринославскій и Верхнеднѣпровскій, представляя собой огромное пространство степей, ограниченное съ сѣверной стороны рѣкою Днѣпромъ, начиная отъ Новаго-Кодака, выше города Екатеринослава и кончая селомъ Каменно-Потоцкимъ, не доходя на 8 верстъ выше города Крюкова. Теперь здѣсь только у одного прибрежья рѣки Днѣпра раскинулось 22 большихъ селенія, которыя въ самое непродолжительное время сольются въ одно сплошное и, можетъ быть, не въ столь далекомъ будущемъ, представятъ изъ себя одинъ, очень обширный, многолюдный, культурно-промышленный городъ. На это, по крайней мѣрѣ, указываетъ самое положеніе всѣхъ этихъ селеній, у большой судоходной рѣки и вблизи богатѣйшихъ минеральныхъ залежей, какія добываются теперь изъ нѣдръ земли Екатеринославской губерніи. На всемъ этомъ про-

странствѣ, отъ Новаго-Кодака и до Каменно-Потоцкаго, я не встрѣтилъ ни единаго помѣщика, и все время, переѣзжая отъ одного селенія къ другому, и осматривая въ церквахъ оставшіяся отъ запорожцевъ древности, имѣлъ дѣло съ священниками, дьяконами и псаломщиками. Тутъ мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько своеобразныхъ типовъ и пришлось видѣть нѣсколько любопытныхъ сценъ. Путешествіе свое я, по обыкновенію, совершалъ во время каникулъ и въ самое жаркое время лѣта. Это путешествіе казалось для меня однимъ изъ самыхъ трудныхъ, такъ какъ тутъ я далеко не всегда могъ найти тѣ удобства, какія находилъ большею частью въ домахъ помѣщиковъ.

Первое село, которое лежало на моемъ пути отъ Екатеринослава до Крюкова, былъ Новый-Кодакъ, неправильно называемый теперь Новыми-Кодаками. При существованіи Запорожья, село это имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ въ немъ сосредоточено было управленіе паланкой и устроены были различные способы для переправы черезъ рѣку Днѣпръ изъ Запорожья въ старую Малороссію и изъ старой Малороссіи въ Запорожье. Село Новый-Кодакъ стоитъ на открытомъ песчаномъ берегу Днѣпра и по справедливости гордится своею обширною каменною церковью.

Разсчитывая, что въ церкви Новаго-Кодака должны быть непремѣнно запорожскія древности, я уже тотчасъ при въѣздѣ въ селеніе, обратился съ вопросомъ о мѣстѣ жительства священника и, получивъ на мой вопросъ отвѣтъ, тотъ же часъ свернулъ съ дороги и подкатилъ ко двору батюшки. Дворъ батюшки оказался обнесеннымъ кругомъ высокимъ деревяннымъ заборомъ и сараями и представлялъ собой небольшую крѣпостцу, попасть въ которую можно было не сразу. Спустившись съ брички, я подошелъ къ высокимъ съ деревяннымъ навѣсомъ воротамъ и сталъ стучаться въ закрытую наглухо калитку. Въ отвѣтъ на мой стукъ послышался страшный лай множества презлющихъ псовъ, которые, просунувъ свои мохнатыя морды подъ ворота и оскаливъ свои острые зубы, такъ и рвались пролѣзть на улицу и вцѣпиться зубами въ лытки того человѣка, который пытался нарушить спокойствіе хозяина. Прождавъ минуты двѣ-три и, не замѣчая по ту сторону воротъ, во дворѣ, никакихъ признаковъ присутствія человѣка, я вновь стукнулъ въ калитку, но уже посильнѣй, чѣмъ вызвалъ еще болѣе ожесточенный лай псовъ. Наконецъ, прошло еще минуты двѣ-три, и калитка отворилась передо мной. Изъ нея выглянула лѣтъ 13—15

крестьянская дѣвочка, которая, увидя передъ собой папа, сперва нѣсколько удивилась тому, но потомъ, оправившись, поспѣшила прогнать отъ калитки собакъ и провести меня въ «горницы» до батюшки.

Войдя въ «горницы», я былъ пораженъ необыкновеннымъ безпорядкомъ и запущенностью, царившими во всемъ домѣ. Казалось, въ этомъ домѣ вовсе и не знали о томъ, что такое чистота и порядокъ, что такое вѣникъ или щетка. Вездѣ, по всѣмъ комнатамъ, по всѣмъ стѣнкамъ, по всѣмъ угламъ, по всѣмъ дверныхъ и оконнымъ луткамъ понабиты были разной величины гвозди и на тѣхъ гвоздяхъ поразвѣшаны были пучки различныхъ огородныхъ, садовыхъ и полевыхъ произрастеній и множество, со всякими сѣменами, маленькихъ мѣшечковъ. Тутъ же висѣли ветхія рясы и затасканные подрясники, разбросаны были по полу старые сапоги и поистоптанные валенки. Едва успѣлъ я осмотрѣться во всѣ стороны, какъ ко мнѣ вышелъ батюшка, уже довольно преклонныхъ лѣтъ, ни худой, ни полный, ни высокій, ни низкій, съ небольшой сѣровато-бѣлой бородой, очень ласковый и очень привѣтливый.

— Услышавъ о прибытіи ко мнѣ страннопріѣзжаго человѣка, азъ облачихся въ мою убогую ряску и воздѣвъ сапози на нози для хожденія, вышелъ есмь на встрѣчу ко пришлецу,—кого имѣю честь видѣть у себя?

— Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго археологическаго общества такой-то.

— Мѣстный іерей Яковъ Медвѣдковъ! Прошу садиться.

Получивъ такое приглашеніе, я сталъ осматриваться во всѣ стороны, гдѣ бы выбрать себѣ почище стулъ, чтобы не потревожить на немъ всей пыли, за нѣсколько лѣтъ накопленной въ домѣ. Батюшка, понявъ мое намѣреніе, поспѣшилъ извиниться передо мной за безпорядокъ, царившій въ его покояхъ.

— Что подѣлаешь? Живу вдовцомъ. На старости лѣтъ остался одинъ какъ перстъ: жену давно схоронилъ; сынъ былъ—въ офицеры ушелъ. Да, въ офицеры ушелъ, въ попы не захотѣлъ идти, а въ офицеры пошелъ, а теперь вотъ и пишетъ: «Батюшка, такой-сякой, сухой-немазанный, пришли деньжишекъ на квартиру да на мундирчишка». А гдѣ ихъ, деньжишекъ-то, взять? И радъ бы дать, да не съ чего потянуть. А вотъ былъ бы попочкомъ—владѣлъ бы й куточкомъ. Вѣдь не даромъ же умные люди говорятъ: Родившись отъ духовнаго, держись угла церковнаго—отъ

сладу не умрэшь». А то, можеть быть, и архіереемъ быль бы, золотую бы шапочку получилъ. А чѣмъ плоха архіерейская-то жизнь? Филарэтъ ни пашетъ, ни орэтъ, а чисты денежки берэтъ. Да, берэтъ и никому не держитъ подъ козырекъ. А попу развѣ плохо? Да ты выгони попа въ поле, привяжи его къ терновѣ, да дай ему только требникъ да молитвенникъ, и онъ никогда не пропадетъ... Вотъ у меня была одна умная сосѣдка, старая матушка; такъ она, умирая, дала своей внучкѣ такой завѣтъ: «Не ходы, внучко, за куцохвостого бандалыка: то-ли дило попъ—золотый снипъ: що-дня свижа копiечка та гаряча палянычка, а въ церкви сто душъ—сто копiекъ, и то карбованецъ батюсци»... И что-жъ вы думаете? Правда, сущая правда: попъ только наставитъ руку въ церкви, то ему такъ и падаетъ живая копiечка... Но, однако, позвольте: вы зачѣмъ же собственно пожаловали ко мнѣ?

— Да вотъ, батюшка, съ вашего позволенія хотѣлъ бы посмотрѣть въ вашей церкви древности: не найдется-ли между ними какихъ-нибудь запорожскихъ вещей; вѣдь тутъ у васъ все запорожскія мѣста.

— Еще бы! Нашъ Кодакъ—это самое кишло запорожское. Ихъ тутъ у насъ два Кодака: одинъ Старый-Кодакъ, ниже Екатеринослава, а другой—Новый-Кодакъ, выше Екатеринослава,—вотъ этотъ, гдѣ мы теперь съ вами сидимъ и бесѣдуемъ. И какъ вы думаете, спрошу я васъ—отъ чего это они получили такое названіе?

— Ну, на такой вопросъ мудрено, батюшка, сразу дать отвѣтъ. Должно быть, какой-нибудь тюркскій корень. У хана золотой орды Гаюка былъ первый министръ Кадакъ. На татарскомъ языкѣ «кодакъ» значитъ гвоздь, на алтайскомъ «кадалгакъ» — утесъ, на монгольскомъ «хада»—также утесъ, скала. Первое селеніе Кодакъ получило свое названіе отъ порога Кодака, а порогъ Кодакъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться скалой.

— Вы говорите—мудрено отвѣтить! Это у васъ, у ученыхъ, мудрено, а у насъ очень просто: у насъ въ Старомъ-Кодакѣ жилъ Кодакъ-отецъ, а въ Новомъ-Кодакѣ жилъ Кодакъ-сынъ. Вотъ вамъ и вся премудрость!

— Но что-же по вашему значитъ самое-то слово «Кодакъ».

— Не что иное, какъ Когдакъ, отъ слова «когда» съ выпускомъ буквы «г» и съ прибавкой «къ».

— Но такъ-ли это, батюшка? Въ такомъ случаѣ ужъ лучше Кондакъ?

— Э, нѣтъ! Тогда это были-бы духовныя особы,—отецъ въ

Старомъ-Кодакѣ, а сынъ въ Новомъ, а то это были козаки да еще запорожцы. Тутъ все. куда ни глянь—все одна запорожня. Тутъ есть фамилія Гонтаревскихъ,—отъ чего. вы думаете, произошла эта фамилія?

— А отъ чего?

— Отъ Гонты! Отъ того Гонты, что предводительствовалъ гайдамаками. Вотъ когда съ него поляки лупили кожу, да вырѣзывали изъ груди сердце, такъ онъ благимъ матомъ ревѣлъ. Отъ того поколѣніе его и прозвалось Гонтаревскими,—отъ слова «Гонта» и «ревѣть».

— А не будетъ-ли, батюшка, правильнѣе фамилію Гонтаревскихъ производить отъ слова «гонтарь», т. е. отъ того мастера, который кроетъ крыши гонтомъ, какъ «котляръ» отъ «котелъ», «коцарь» отъ «коцъ», «крамарь» отъ «крамъ»?

— Э. нѣтъ! и еще разъ нѣтъ! Вы крѣпко ошибаетесь: фамилія Гонтаревскихъ непремѣнно происходитъ отъ Гонты. потому что тутъ живутъ все потомки запорожцевъ, одна запорожня. а не то. что какіе-нибудь мастера.

— Ну, а какъ-же вы, батюшка, сами себя считаете?

— Я-то захожій человѣкъ. Мои предки, должно быть, такъ, что изъ Великой Россіи сюда зашли. Не иначе, какъ съ медвѣдями жили, а самое слово «медвѣдь» я произвожу отъ слова «медъ» и «вѣдать».

— Да такъ-ли это, батюшка? Вѣдь вотъ ученые—и еще какіе ученые!—извѣстные на всю Европу, производятъ слово «медвѣдь» отъ «медъ» и «ѣсть», «ѣда, ядъ. снѣдь», со вставочною между этими двумя словами согласною буквою «в»: мед-в-ѣдь».

— Ваши ученые слишкомъ переученые! Ошибаются они! У насъ это проще и справедливѣе: медвѣдь—тотъ, кто вѣдаетъ медъ.

— Ну. хорошо! Пусть онъ и вѣдаетъ медъ. но въ такомъ случаѣ ѣсть-то ему меду уже нельзя.

— Нѣтъ, ужъ коли онъ вѣдаетъ, такъ онъ и ѣстъ.

— Нѣтъ, ужъ. батюшка, съ этимъ я никакъ согласиться не могу: коли офицеръ завѣдуетъ казеннымъ продовольствіемъ, то самъ онъ его еще не можетъ съѣсть.

— Гдѣ въ другомъ мѣстѣ, тамъ. въ Великороссіи. и не можетъ съѣсть. а здѣсь, между этой запорожней, всякъ может о ему угодно, съѣсть.

— Но вы же сами говорите. что вы захожій здѣсь чело-

вѣкъ, — оттуда, гдѣ можно только вѣдать медъ, но отнюдь его не ѣсть.

— Да, вотъ развѣ такъ?.. Тогда, пожалуй, лучше будетъ, производить «медвѣдь» отъ слова «медъ» и «ѣсть»... Но, однако, съ чего же мы начали?

— Начали съ того, что я очень хотѣлъ бы въ вашей церкви древности козацкія посмотрѣть.

— Ахъ, да! Такъ идемъ въ церковь!

— Идемъ!

— Но позвольте же васъ самихъ спросить, отчего вы производите вашу собственную фамилію?

— А какъ вы думаете, батюшка?

— Я думаю, что тутъ не безъ греческаго языка.

— То-есть, это какъ?

— То-есть, что это эллинская фамилія, которая состоитъ изъ двухъ словъ—«εὖ»—хорошо и «ἀρνέομαι»—отрицаю и означаетъ человѣка, который все отрицаетъ,—вотъ, какъ вы отрицаете всѣ мои филологическія объясненія.

— Да, батюшка: отрицалъ и отрицаю: моя фамилія происходитъ отъ «явора» или «яворника», откуда Яворскіе и Яворницкіе; послѣдняя фамилія весьма распространена была въ Галиціи, и въ XVIII вѣкѣ, по гербовнику дворянскихъ родовъ царства польскаго, изданному въ 1853 году, въ Варшавѣ, извѣстны восемь пановъ Яворницкихъ. Изъ Галиціи одна вѣтвь этой фамиліи перешла, вѣроятно, уже послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ теперешнюю Харьковскую губернію и тамъ основалась гнѣздомъ возлѣ рѣки Сѣвернаго-Донца, Зміевскаго уѣзда. Въ новой родинѣ часть этой фамиліи осталась въ дворянскомъ сословіи, часть перешла въ духовное, а часть въ мѣщанское. И уже въ очень недавнее время одни изъ Яворницкихъ стали писать свою фамилію съ буквы «Е», большинство пишетъ все-таки съ буквы «Я», мнѣ же лично, въ школѣ, вмѣсто буквы «Е», записали букву «Э», и съ этой буквой я такъ и остался гулять. Какъ видите, тутъ ни греческаго, ни эллинскаго нѣтъ ничего.

— Да такъ-ли это? А то вонъ на Кавказѣ есть какая-то область, тоже напоминающая вашу фамилію.

— Въ такомъ случаѣ, батюшка, я вамъ скажу больше: есть область и въ китайской имперіи, которая напоминаетъ мою фамилію.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: если задаться цѣлью искать только сходство одного слова съ другимъ, то можно найти его не только во всѣхъ человѣческихъ, но даже звѣриныхъ и птичьихъ языкахъ.

— Да, вотъ такъ!.. Ну, однако, съ чего же мы начали?

— Начали мы съ того, чтобы идти намъ въ церковь древности смотрѣть.

Ну, такъ идемъ!

— Идемъ!

Оставивъ, наконецъ, убогій домъ убогаго деньгами, но богатаго филологическими фантазіями, батюшки, мы скоро очутились въ церкви, гдѣ я нашелъ немало церковныхъ древностей, оставшихся отъ времени запорожцевъ [1].

«Отмѣнитъ сей крестъ атаманъ незамайковского куреня Стефанъ Чубъ» ...

— Вотъ извольте видѣть: говорилъ я вамъ, что тутъ одна запорожщия, такъ оно и выходитъ. Атаманъ Чубъ! Вѣдь прямо таки запорожецъ! Ни вы, ни я, не можемъ назваться Чубомъ, а онъ назвался Чубомъ и имѣетъ на то полнѣйшее право, потому что у него на головѣ былъ чубъ,—отъ него онъ и фамилію себѣ получилъ.

«Сей крестъ отмѣнилъ Петровъ сынъ Бапитанникъ за упокой родителей своихъ Петра и Евдокию» ...

— Опять запорожщия! Бапитанникъ! Отъ чего, вы думаете, онъ фамилію свою получилъ.

— Отъ чего?

— Отъ слова «ба» и «штаны»; «ба» значитъ «вотъ», а «штаны»—штаны. Это значитъ: «вотъ я въ штанахъ»! А то вѣдь у нихъ бывало и такъ, что они и безъ штановъ разгуливали. Тоже вѣдь народецъ! Мармосы, чистые мармосы!

— Это что же значитъ «мармосы»?

— Это очень многое значитъ: и отчаянные разбойники, и отчаянные гуляки, и отчаянные химородники, и вотъ такіе бапитанники, какъ этотъ, что вы прочли... Но послушайте, почтенный

[1] Подробности о находкахъ въ церкви Новаго-Кодака находятся въ моемъ сочиненіи «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа», Спб., 1888, I. 49—51.

археологъ, можетъ быть онъ Безштанникъ, а не Баштанникъ? Вѣрно ли вы прочли?

— А вотъ извольте, батюшка, сами прочесть.

— «Сей престъ отмѣнилъ Петровъ синъ Ба-ш-та-нни-къ»... Да, Баштанникъ.

— Да знаете ли вы, батюшка, что значитъ слово Баштанникъ? Баштанникъ вѣдь это тотъ, кто сидитъ на баштанѣ, т.-е. на бакчѣ. Вамъ, какъ великороссу, очевидно, это слово неизвѣстно.

— Нѣтъ, это не такъ и еще разъ скажу, не такъ! Что тутъ оригинальнаго для какого-нибудь «мармоса»? Для него «ба онъ въ штанахъ»—это оригинально!

— Ну, пусть будетъ по вашему! Будемъ читать дальше.

«Сей подсвѣчникъ здѣланъ коштомъ козака пластуновскаго Самуила Комлика»...

— Вотъ вамъ еще одно въ мою пользу доказательство. Не правду ли говорилъ вамъ? Запорожця, мармосы, все мармосы! Вѣдь это что же за фамилія? Рожа вѣдь—больше ничего! Комликъ это значитъ калмыкъ. Даромъ развѣ онъ назвался такъ? Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ изъ калмыковъ. У нихъ все не спроста; у нихъ вездѣ химеры: вотъ онъ въ Запорожьѣ сегодня жидъ, завтра его выкрестятъ, а послѣ завтра поставятъ въ попы. Ты смѣялся надъ нашимъ Богомъ,—а теперь ему служи. Вотъ такимъ порядкомъ у нихъ произошла фамилія Ковалевскихъ: былъ коваль свой, сталъ протоіерей, а внукъ его сдѣлался профессоромъ,—учился сперва въ екатеринославской семинаріи, потомъ въ какомъ-то южномъ университетѣ и вышелъ важнымъ докторомъ. И все-то мармосы, и мармосы, и вездѣ-то запорожця, запорожця...

«Сей подсвѣчникъ здѣланъ коштомъ козака пластуновского Самуила Комлика, а стараніемъ священника Стефана Малышевича до храму новокодацкого святониколаевского».

— Это уже «малъ бѣхъ въ братіи моей»—не иначе надо понимать. А вы какъ понимаете?

— Я такъ, батюшка, понимаю, что съ этой фамиліей «Малышевичъ» былъ еще и кошевой атаманъ Иванъ Малышевичъ, а былъ ли онъ малъ въ братіи своей—того не вѣмъ.

Просмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ церковныя вещи до единой и скопировавъ доподлинно всѣ сдѣланныя надписи на нихъ, а вмѣстѣ съ этимъ выслушавъ по поводу каждой козацкой фамиліи

не мало тонкихъ филологическихъ разсужденій въ сущности добродушнѣйшаго и самаго безобиднаго, но одержимаго маніей филологіи, отца Якова Медвѣдкова, я вышелъ изъ церкви, простился съ нимъ самымъ сердечнымъ образомъ и, сѣвъ въ бричку, велѣлъ кучеру трогать лошадей.

— Постойте! постойте! неожиданно закричалъ мнѣ батюшка. Еще хотѣлъ вамъ предложить одинъ вопросъ.

— Извольте! Какой вопросъ?

— Былъ у меня одинъ пріятель. Бодаковскій,—отъ чего, по вашему, происходитъ его фамилія?

— А по вашему отчего она происходитъ?

— По моему отъ латинскихъ словъ «бона»—добрая и «аква» вода, т. е. добрая или хорошая вода.

— По моему, батюшка, тутъ ни доброй, ни хорошей воды рѣшительно нѣтъ; фамилію Бодаковскій или Будаковскій нужно возводить къ слову «буда, будовать, будинокъ», т. е. постройка, строить, зданіе; отъ этого же корня мы имѣемъ названіе города Буда-Пештъ.

— Такъ вотъ куда вы шагнули! Изъ Кодака да въ Буда-Пештъ! Ну, такъ прощайте же, почтенный археологъ! Я останусь къ моемъ Кодакѣ, а вамъ добрый путь въ Буда-Пештъ!...

Послѣ этого я окончательно простился съ батюшкой и отъ села Новаго-Кодака направился далѣе, но не въ Буда-Пештъ, а въ село Діевку. Впослѣдствіи я узналъ, что мой пріѣздъ въ Новый Кодакъ остался не безъ послѣдствій для отца Якова Медвѣдкова: во-первыхъ хотя онъ и опровергалъ всѣ мои доводы противъ его филологическихъ мудрованій, но все-таки сталъ производить свою фамилію отъ «мёдъ» и «ѣсть»; во-вторыхъ, онъ въ минуты глубокаго раздумья склонялся и къ тому, что «Будаковскій» и «буда» однородны по своему корню слова: «а пожалуй, проговаривался онъ, что оно такъ»; втретьихъ, онъ навсегда сохранилъ воспоминаніе обо мнѣ въ бесѣдѣ со своими друзьями говаривалъ: «Да, это такъ, это такъ! Это было въ то лѣто, когда ко мнѣ изъ столицы бытописатель пріѣзжалъ». Помнилъ ли онъ мою фамилію—этого я не рѣшаюсь утверждать, но слово «бытописатель» онъ постоянно твердилъ.

Въ селѣ Діевкѣ я встрѣтилъ батюшку, весьма любезнаго, весьма обходительнаго и вполнѣ благовоспитаннаго, отца Пантелеймона Воробьева. При содѣйствіи отца Пантелеймона, а болѣе всего при

участіи его сыновей, студентовъ ветеринарнаго института, я осмотрѣлъ въ короткое время всѣ церковныя древности, потомъ нѣсколько часовъ отдохнулъ и побесѣдовалъ въ пріятной семьѣ батюшки, подкрѣпился обильною пищею и къ вечеру выѣхалъ въ село Сухачевку.

Сухачевская церковь оказалась одною изъ бѣднѣйшихъ по части запорожскихъ древностей, и, не смотря на всѣ старанія батюшки, отца Симеона Григорьева, въ ней все-таки, кромѣ одного цвѣтослова, т. е. цвѣтной тріоди, напечатанной въ 1753 году, въ черниговской типографіи, не оказалось ничего другого.

Было уже совсѣмъ темно, когда я изъ села Сухачевки прибылъ въ слѣдующее село Тарамское. Проѣхавъ мимо церкви, я увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, при проѣзжей дорогѣ, хорошій и, повидимому, заново отдѣланный домъ мѣстнаго священника и велѣлъ своему возчику остановиться у воротъ. Черезъ широко раскрытыя ворота я прошелъ въ обширный дворъ и тутъ же, поднявшись по деревянной лѣсенкѣ, прошелъ въ небольшую переднюю и изъ передней вошелъ въ очень просторную залу. Въ залѣ меня поразила невѣроятная грязь и полное отсутствіе мебели. Такой грязи, такой затхлой атмосферы и такой ободранной обстановки въ священническомъ домѣ мнѣ дотолѣ никогда не приходилось видѣть. Прошло минуты три-четыре, а можетъ быть, и цѣлыхъ пять минутъ, а я все оставался одинъ въ залѣ, и ко мнѣ никто и не думалъ выходить, хотя въ другой комнатѣ, за дверью, слышался какой-то шопотъ и чувствовалась какая-то возня. Наконецъ дверь въ залу распахнулась, и ко мнѣ вышелъ батюшка средняго роста, лѣтъ около 35—37, плотный, съ густой изчерна-рыжеватой бородой, съ краснымъ, какъ-бы налитымъ кровью, лицомъ, съ большими выпуклыми и осовѣлыми глазами, въ грязной и затасканной рясѣ и съ неотразимымъ запахомъ цыбули, водки и табаку. Пошатываясь изъ стороны въ сторону и едва держась на ногахъ, онъ заплетающимся языкомъ назвалъ мнѣ свое имя, отчество и фамилію и объяснилъ, что онъ вдовствуетъ. «Вдовствую, милостивый государь, вдовствую»! Произнеся слово «вдовствую», батюшка развелъ во всѣ стороны руками, и тогда мнѣ сразу стали понятны причины и запущенности дома, и неподобающій видъ самого хозяина. Бросивъ взглядъ черезъ полуотворенную дверь въ другую комнату, я замѣтилъ въ ней цѣлое сборище бабъ, сидѣвшихъ прямо на полу и находившихся въ такомъ со-

стояніи, когда человѣкъ не сознаетъ, что онъ и гдѣ онъ. «Вдовствую, милостивый государь, вдовствую... Вы простите меня, ради самого Создателя простите... Да вы думаете, что я пьянъ? Пьянъ тотъ, кто лежитъ—не дышитъ, воронъ глазъ ему клюетъ, а онъ того не слышитъ,—вотъ кто пьянъ... Но вы все-таки простите меня. Батюшка почему-то вообразилъ, что видитъ передъ собой консисторскаго чиновника и потому ждалъ отъ моего посѣщенія самыхъ роковыхъ для себя послѣдствій. Но когда я назвалъ батюшкѣ мое званіе и объявилъ, что пріѣхалъ не изъ Екатеринослава, а изъ Петербурга, то батюшка, свободно вздохнувъ, хотѣлъ было присѣсть на стулъ, но такъ какъ зала была пуста, то ему стоило большого труда удержаться на ногахъ. Еще большаго труда стоило ему омыться холодной водой, придти въ себя и потомъ провести меня въ церковь для осмотра древностей. Уже очень поздно, при восковыхъ свѣчахъ, я разсмотрѣлъ всѣ козацкія древности, находившіяся въ церкви, и еще позднѣй возвратился въ домъ батюшки, гдѣ поневолѣ, за позднимъ временемъ и за отсутствіемъ подводы до другого села, долженъ былъ расположиться на ночлегъ. Объ ужинѣ или самоварѣ нечего было и думать. Я добился лишь того, что мнѣ внесли охапокъ сѣна, разостлали его среди залы по полу и я, закрывъ сѣно пледомъ и обсыпавшись кругомъ всегда имѣвшимся при мнѣ, во время путешествій, далматскимъ, противъ насѣкомыхъ порошкомъ, не долго думая, легъ на свое ложе и скоро уснулъ.

Меня разбудили среди ночи какой-то шумъ, говоръ, крики и пѣніе, происходившіе въ сосѣдней комнатѣ. Проснувшись и заглянувъ черезъ плохо притворенную дверь въ сосѣднюю комнату, я увидѣлъ тамъ вмѣсто прежней компаніи бабъ, дотолѣ раздѣлявшихъ горькую долю батюшки—вдовца, уже другую компанію, трехъ духовныхъ особъ и двухъ возлѣ нихъ, около 10—12 лѣтъ, мальчиковъ. Одинъ изъ духовныхъ особъ былъ дьякъ, крѣпкаго сложенія, совершенно свѣтлый блондинъ, весь, и на лицѣ, и на шеѣ, и на рукахъ заросшій волосами, съ бѣлыми густыми бровями, съ совершенно плоскимъ носомъ, съ толстыми пунцово-краснаго цвѣта губами, съ огромной головой, съ длинной и толстой косицей и съ бѣлыми, какъ кипень, но нѣсколько выдавшимися впередъ зубами. Онъ сильно басилъ и пускалъ глубокую октаву, какою не всегда обладаетъ и какой-нибудь прославленный въ провинціи соборный протодьяконъ. Другой, также дьякъ, былъ брюнетъ, также сильнаго и

плотнаго сложенія, менѣе волосатый, нежели первый, нѣсколько сутуловатый, съ правильнымъ, немного длиннымъ, носомъ, съ короткой черной бородой, съ нѣсколько вдавленной во внутрь грудью, также басившій, но вовсе не обладавшій октавой, какъ обладалъ ею первый. Оба дьяка одѣты были по старинному, въ такъ называемые кафтаны или подрясники. Третій изъ духовныхъ особъ былъ батюшка, самъ домохозяинъ. Но батюшка, пившій съ самаго ранняго утра, къ ночи уже совсѣмъ, «скопытывся» и, повалившись на полъ, храпѣлъ какъ истый богатырь. Поэтому въ комнатѣ въ бодрствующемъ состояніи были только дьяки. Они сидѣли прямо на полу и поминутно засматривали въ стоявшій среди комнаты большой казанъ. Въ томъ казанѣ налита была не что иное, какъ горилка, и пріятели, для упрощенія дѣла, черпали пьяное питье деревянными ложками, какъ черпаютъ борщъ или другую какую нибудь жидкую пищу, и закусывали хлѣбомъ, цыбулей и селедкой. Изъ ихъ собственнаго разговора объяснилось, что дьяки, приходившіеся батюшкѣ не то родственниками, не то просто товарищами дѣтства, везли своихъ сыновей, Оноприіана и Дометіана, для поступленія въ духовное училище или, какъ они сами говорили, въ бурсу и попути заѣхали къ батюшкѣ на ночлегъ. Упившись уже изрядно, дьяки прежде всего стали хвастаться способностями и познаніями своихъ сыновей, Оноприіана и Дометіана?

— А що вашъ Дометіанъ знае?

— Що винъ знае? Знае винъ священную исторію, есбъ-то начатки, знае читать-пысать, знае числацію до ста цыферъ. А вашъ Оноприіанъ що знае?

— Мій Оноприіанъ? Мій Оноприіанъ усе знае!

— Якъ то все? Хиба можно знать усе?

— Мій усе знае, та ще й бильше, нижъ усе!

— Оце! Чи чулы вы, люде добри, щобъ хто-ныбудь та все знавъ! Усе знае едынъ Богъ всевыдующій.

— Якъ не якъ, одначе бильшъ, нижъ вашъ Дометіанъ.

— Ну, це ще бабка надвое казала! Ось мы заразъ допытаемось, хто бильшъ зъ ныхъ знае, чи вашъ Оноприіанъ, чи мій Дометіанъ.

Въ то время, когда разгорался этотъ жаркій споръ, оба мальчика мирно почивали тутъ же, въ углу комнаты, скукобившись въ маленькіе комочки и подложивши подъ головы одну общую небольшую и тощую подушечку.

— Слухай сюды, Онопріанъ, встань!

— Слухай сюды, Дометіанъ, встань!

Но мальчики, войдя глубоко въ свою подушку и точно приросши къ самому полу, спали такъ сладко и такъ крѣпко, что никакъ не могли пробудиться отъ сна.

— Эй, вы, хлопци!—рявкнулъ громовымъ голосомъ самый косматый и самый голосистый дьякъ, и хлопцы, точно ошпаренные кипяткомъ, быстро повскакивали на ноги.

— Онопріанъ, ходь сюды та читай намъ начатки.

— «Едынъ Богъ во святой Троицѣ, поклоняемый есть вѣченъ. то-есть не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ»... немедленно началъ вычитывать мальчикъ и, сильно зачастивъ, сталъ самъ себя опережать, проглатывая отдѣльныя слова и цѣлыя фразы.

— Шо ты такъ читаешь, якъ той попугай. Ты читай мени съ чувствомъ, съ толкомъ, зъ розстановкою.

Мальчикъ останавливается, начинаетъ снова читать и, не спѣша, прочитываетъ всѣ начатки подъ рядъ, что, вѣроятно, составляетъ далеко больше, нежели сто страницъ.

— Молодчина! Онъ бачите, якъ колокольчикъ одзвонывъ! Винъ у мене такъ, шо буде архіереемъ. Будешъ архіереемъ, святытелемъ?

— Буду.

— А тоди батька не забудешъ?

— Не забуду!

— То-то жъ гляды! Не забуду, не забуду, пока жывый буду,— чи такъ у письни спиваетця?

— Такъ!

— Охъ, бурса—мате, бурса-мате! Зъ тебе и архіереи, зъ тебе и протоіереи, зъ тебе и священныкы, зъ тебе и мошенныкы, зъ тебе и сапожныкы, зъ тебе и острожныкы. Бурса-мате, бурса-мате! Ну, на-жъ тоби за те, шо прочытавъ начатки, ложку горилкы.

И батько, зачерпнувъ изъ казанка большую ложку горилки, подаетъ ее сыну. Будущій «святитель» немедленно отправляетъ горилку по назначенію и отступаетъ въ сторону.

— Молодець! Изъ запорожцивъ шельма,—не иначе! Прадидъ ёго бувъ запорожець Порохня, а теперъ тилько порошокъ зоставсь, тай то бачъ якый! Ну, иды та спы! Меньчій цёго у мене сынъ, такъ той буде жывопёсець: шобъ не взявъ у рукы—заразъ ма-

лювать. Накаляе на лави та пальчикомъ и малюе по лавци.— той зъ тимъ, шо буде жывонёсець. Ну, а вашъ же Дометіанъ?

— Мій Дометіанъ? Вы думаете, шо винъ и начаткивъ не знае? А-ну, читай, сынку, «Едынъ Богъ».

— Едынъ Богъ во святой Троицѣ, поклоняемый есть вѣченъ, то-есть, то-есть... началъ было Дометіанъ, но тутъ же сильно запнулся, закашлялся и остановился. Это былъ на видъ бѣленькій, маленькій, нѣжнаго сложенія мальчикъ, сильно картавившій, сильно конфузившійся, въ противоположность Оноприану, представлявшему изъ себя крѣпкаго, дебелаго, грубоватаго, смѣлаго и на видъ совершенно смуглаго мальчика.

— Шо-жъ ты? шо-жъ ты? А дальше якъ?

Мальчикъ снова начинаетъ и снова, дойдя до роковаго мѣста, обрывается, отчего еще больше конфузится и въ концѣ концовъ разражается цѣлымъ потокомъ слёзъ.

— Эхъ, ты плакса! Мазуньчикъ! Матусчинъ сынокъ! Винъ у неи одыньчыкъ, якъ у ныжнёму лоби око.

— Отъ вамъ вашъ и Дометіанъ! Я жъ вамъ казавъ, шо мій Оноприанъ усе знае, а вашъ ничого! Та чи вміе винъ у васъ читать?

— Ну, читать-то винъ уміе. Ось на, та читай!

И дьякъ, вынувъ изъ кармана клочекъ какой-то газеты, изъ которой онъ крутилъ себѣ для куренія «цыгарки», подалъ его мальчику, заливавшемуся слезами и невидавшему чрезъ то и свѣта божьяго.

— Читай, кажу тоби! грозно крикнулъ отецъ.

Мальчикъ взялъ трясущимися руками клочекъ бумажки и, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, глотая слезы, началъ вычитывать: «Часть оф-фи-ці-аль-на-я. Дѣйствія пра-ви-тель-ства. Прика-зомъ по поч-то-во-те-ле-граф-но-му окру-гу отъ 15 апрѣ-ля се-го го-да»... Тутъ мальчикъ вдругъ остановился и впалъ въ легкое раздумье.

— Читай дальше,—шо-жъ ты?

— Тятенька, а что же оно значитъ «оффиціальная»?

— Ичь яки задачи задае? Оффиціальная! Хочешъ бильшъ батька знать? Ось я тоби!

И дьякъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ сынишки, такъ треснулъ его по лбу ложкой, что несчастный мальчикъ, отшатнувшись въ сторону, ударился затылкомъ объ стѣну и оттого зарыдалъ навзрыдъ

— Ну, годи! годи! Иды сюды—ось я тоби гостынцы дамъ. И дьякъ вынимаетъ изъ кисета, гдѣ у него хранится табакъ, кресало и трутъ, нѣсколько кусочковъ разломаннаго и раскрашеннаго бублика и подаетъ сыну такой гостинецъ. Сынъ беретъ въ дрожащія руки куски бублика, пересыпанные кропленнымъ тютюномъ и, жуя и поперхаясь отъ такого сладкаго гостинца, ѣстъ его противъ собственной воли, боясь гнѣва своего пьянаго и въ такихъ случаяхъ, очевидно, всегда грознаго родителя.

— Ну, теперь геть! Иды спать!

Мальчикъ, снова повинуясь волѣ родителя, идетъ въ тотъ же уголокъ, опять свертывается въ маленькій комочекъ и, утеревъ кулачкомъ слезы, ложится головой на подушку и потомъ черезъ недолгое время засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

Оставивъ въ покоѣ своихъ сыновей, дьяки начали хвастаться уже собственными познаніями или, какъ они сами выражались «запынать одынъ одного премудростямы чоловичого житія».

— Кумъ Иванъ Свырыдовичъ, давайте арцыбрызнымъ.

— Давайте, кумъ Иванъ Кудыновичъ!

И дьяки, зачерпнувъ глубоко свои ложки въ казанъ, достаютъ оттуда горилку и отправляютъ ее по назначенію.

— Кумъ Иванъ Свырыдовычъ, давайте возьмымъ!

— Давайте, кумъ Иванъ Кудыновичъ!

Дьяки достаютъ изъ своихъ глубокихъ кармановъ по клочку бумажки, сыплютъ на нихъ искропленную самолично въ порошокъ махорку и начинаютъ закуривать отъ свѣчки «цыгарки»; при чемъ Иванъ Свырыдовычъ, какъ человѣкъ съ болѣе слабой натурой, скоро поддающейся дѣйствію вина, сильно размякнувшій, никакъ не можетъ поймать въ руки свѣчки, чтобы донести ее къ своимъ губамъ и «запалыть цыгарку».

— Постойте, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, я вамъ пидставлю свичку, а вы й заражайтесь.

И Иванъ Кудыновичъ подставляетъ подъ носъ своему куму свѣчку, и Иванъ Свырыдовичъ, послѣ долгихъ усилій, наконецъ «заражается».

— Теперъ ось послухайте, кумъ, шо я вамъ скажу.

— Слухаю,—кажить.

— Хочу я вамъ одну загадку загадать.

— Загадуйте,—буду одгадувать.

— Взятъ изъ земли, якоже Адамъ, вверженъ въ пещь огнен-

ную, яко три отрока, проданъ на торжищи якоже Іосифъ. везенъ на колесницѣ якоже фараонъ, бысть на свадьбѣ въ Канѣ Галилейстѣй во дни юности, а умроша и кости его не погребоша. Что сіе значитъ?

— Ну, сказать вамъ, загадка ваша не овси-то мудряща; я думавъ, кумъ, шо вы. якъ чоловикъ высокоумный, повозвышеннійшъ можете мени загадку загадать.

— А я думавъ, кумъ, шо вы, якъ чоловикъ не безъ глупосты, то заразъ же можете іи розгадать.

— Се бъ то якъ не безъ глупосты?

— А се бъ то такъ, якъ кажуть, не безъ дарованія.

— Значыть, выходе зъ дарованіемъ?

— Значыть, выходе зъ дарованіемъ!

— И розгадаю!

— Ну, шо жъ воно таке есть?

— Илья пророкъ,—ни що! Изъ земли взять, а на огнѐнній колесници вознесся жывый на небеса.

— Ха-ха-ха! Илья пророкъ! Илья пророкъ! А щобъ васъ, куме, гуска убрыкнула! Илья пророкъ! Не Илья пророкъ, а горщыкъ,— отъ що! Винъ взятъ отъ земли, якъ и Адамъ, выпаленъ на огни, якъ и тры отрокы, проданъ на базари, якъ и Іосифъ, привезенъ додому на вози, якъ и фараонъ, бувъ на весилли, якъ чоловикъ женывъ свого сына, а якъ розбывся, то черепкы его выкынулы геть... Илья пророкъ! Илья пророкъ и горщыкъ! Оце утялы Панька по штаняхъ! Ха-ха-ха!... Ну, загадаю я вамъ другу загадку.

— Загадуйте й другу.

— Яка на васъ та на мени есть тытула?

— Якъ то такъ тытула?

— А такъ тытула! Отъ на генералу тытула «Ваше Превосходительство», на охвыцеру «Ваше Благородіе», а на васъ та на мени яка есть тытула?

— На мени нема ни якои тытулы.

— А на мени такъ есть.

— И давно вы ту тытулу на соби носыте?

— Съ тыхъ пиръ, якъ ставъ хвалу божу тягать за хвистъ.

— Се-бъ то съ тыхъ пиръ, якъ сталы лазыть на дзвиныцю, та языкъ колоколивъ качать?

— Эге-жъ! съ тыхъ пиръ и тытулу получывъ.

— Яку жъ то вы доскочылы соби тытулу? Може те, шо вы стыхарный дякъ? Такъ и я жъ стыхарный дякъ.

Це не тытула! А то якъ онъ на батюсци есть тытула «Ваше Преподобіе», такъ и на мени, тай на васъ есть.

— Ну, яка жъ вона на васъ та тытула?

— А отъ яка: батюшка «Ваше Преподобіе», дьяконъ «Ваше Подобіе», дьячекъ «Ваше Бье, а пономарь «Ваше Е».

— А щобъ васъ Богъ любывъ, куманёкъ, якый вы хымородныкъ! Такъ мы зъ вамы «Ваше Бье»! Ну, а яка жъ тытула на старости церковному, спытаю я васъ.

— Я-й це вамъ скажу: батюшка «Преподобіе», дьяконъ Подобіе, дьячекъ Бье, пономарь Е, а староста церковный «точка», бо винъ якъ не захоче дать грошій изъ церковного ящыка, то тутъ всему прычту и точка, и точка.

— О, мудра же вы, куме, и голова!

— Ну, слухайте, куме, ще вамъ за́гадку скажу.

— Слухаю, кумъ.

— Якый изъ семыдесяты семы апокалыпсыческыхъ звирей у нашому званію есть?

— Ну, це вже, кумъ, така за́гадка, що на ню не стоить и одвичать. Яки жъ мы зъ вамы, боронь Боже, звири? Мы—люды, мы созданія Божи, сотворены по образу и по подобію Бога, а вы превращаете себе тай мене у звирей.

— Не превращаю я ни васъ, ни себе у звирей, а тилько пытаю васъ, якый у нашому, у дячому, званію есть звирь?

— Ни якого звиря нема!

— А я вамъ скажу, есть! и пакы скажу, шо есть! Теперъ якъ мы зъ вамы по новій реформи именуемось, чи дякы, чи псаломщыкы.

— Псаломщыкы.

— А якъ перенесете вы це слово «псаломщыкъ» зъ одніеи строчкы на другу, якъ вамъ укаже дило. «Пс» неможно оставыть на одній строчци, бо тутъ и гласнои буквы нема; треба, выходыть, переносыть. «Пса—ломщыкъ». Отъ вамъ цей пэсъ и есть той апокалыпсыческый звирь, шо въ нашому званію сыдыть.

— Ну, й хымородныкъ же вы, кумъ! И прыдума жъ таку маламундію!... А тилько все-жъ тутъ звиря нема, а есть тилько пэсъ.

— Це вже правда! Шо правда, то правда! Ну, я-жъ вамъ, куме, якъ уже такъ, то й звиря покажу.

— А де-жъ вы его покажете?

— А тутъ-же-де горилка, тамъ и звирь.

— Якъ-то такъ?

— А ось якъ! Я теперъ настоящый псаломщыкъ, а вы, спытаю я васъ.

— Я зверхштатній.

— Отъ вамъ и звирь!

— Якъ це такъ?

— А ось якъ: вы оце, куме, якъ упытеся тіеи горилкы та замакитретця у васъ свитъ, то хиба не пидпышыте замисть «зверхштатній исправляющій должность псаломщика» «Зверь страшный исправляющій должность псаломщика»? И пидпышыте! Отъ вамъ и выйде апокалыпсыческый звирь.

— О, розумна голова! Давайте я васъ поцилую... И пидпышу! и пидпышу...

— И пидпышыте, и пидпышыте, бо я повсигда, кумъ, счытавъ васъ такъ, що вы чоловикъ не безъ глупости... то пакъ! не безъ глузду въ голови...

— Шкылюйте, шкылюйте, кумъ! А вже жъ не безъ глузду въ голови!

— Я тежъ и кажу. Уже жъ васъ не зривнять зъ дякомъ Макаромъ Скрылемъ. Той Макаръ Скрыль яку штуку благочынному одмочывъ?

— А яку?

— Та яку? Зibравъ винъ цилый сынедріонъ гостей; поставывъ на столи бутыляку горилкы тай поштуе зъ неи гостей, ажъ ось до него сусиль благочынный Кутакъ! Уходе винъ у горныцю, а гости заразъ прысь—прысь якъ ти коты тай порозбигалысь; осталась одна бутыль, а коло неи дякъ та дячыха. Тутъ баче дячыха, що лыхо, та бутыль ту хвать у рукы та пидъ хвартукъ, а потимъ стала тай стоить, буцымъ то стричае отця благочынного.

— Что это у васъ, отче дяче, за сосудъ стоялъ на столѣ?

А дякъ Макаръ зрябивъ, топчытця по горныци та не зна, що єму й казать: то пидбыжыть до стола, то пидбыжыть до жинкы.

— Это, это, отецъ благочиннѣйшій, сосудъ моего блаженства.

— Кто сосудъ вашого блаженства? Бутылка или кто другой.

— И та и другая, отецъ благочиннѣйшій...

— Отъ-то такъ удравъ Панька по штаныхъ!..

— Удравъ же, кажу вамъ...

— Я того дяка Макара, куме, добре знаю, винъ ще й не таке удравъ у понедилокъ першои недили велыкого поста.

— Заговлявъ винъ на масныцю пидъ велыкый пистъ та дозаговлявся до того, шо вже й свитъ на двори ставъ. Тутъ сторожъ якъ бовкне до вутрыни, а Макаръ якъ схопытця та въ церкву. Прыбигъ у церкву, ускочывъ на крылосъ, выслухавъ возгласъ батюшкы тай давай чытать. Чытавъ-чытавъ, чытавъ-чытавъ, а дали якъ заспива: «Варенык**ы** та блыньци, помяни мя, Господи, егда»...—«Шо це ты? шо це ты? чи сказывсь чи що»? крычыть на нёго батюшка. Такъ винъ тоди вже прочумавсь видъ тыхъ заговинъ, якъ пипъ закрычавъ... О, то угара, той дякъ Макаръ. Винъ разъ дилывсь зъ попомъ та зъ дякономъ паляныцямы тай не подилывсь та якъ ускочывъ у коробокъ, де булы ти паляныци, тай давай звидтиля шпурлять то въ попа, то въ дякона. А дали вылизъ изъ коробка, выбравъ соби саму здоровенну булку, якъ бандуру, тай подавсь до шынка. Пывъ-пывъ у шынку та допывсь до того, шо выйшовъ на церковну площадь, упавъ тай заснувъ, а булку ту у рукахъ усе-таки держыть. Та доты державъ, покы не збиглысь до нёго собакы та не зъилы ии... Ну, та Богъ зъ нымъ, зъ тимъ Макаромъ! Нехай царствуе на тимъ свити,—оце ёму уже шостый мисяць, якъ винъ не середопистя померъ. Давайте, куме, помянемъ славного Макара и на цій мови чиркопемъ пречыстого елея по лозци здоровій!

— Давайте, кумъ!

И дьяки начали «черкать» ложками дно казанка. «Черкали» они до тѣхъ поръ, пока на днѣ казанка сдѣлалось совершенно сухо. Хотя передъ ними лежали и хлѣбъ, и остатки селедки, и пучки свѣжей зеленой цыбули, но они о пищѣ позабыли и думать, и, наклоняя каждый поочередно къ себѣ казанокъ, надѣялись видѣть на днѣ его еще хоть нѣсколько капель живительной влаги. Убѣдившись, однако, что казанъ совершенно пустъ, дьяки бросили на полъ ложки и послѣ того начали «запынать» одинъ другого разными тонкостями богословскихъ и философскихъ вопросовъ.

— Слухайте, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, шо я васъ спытаю.

— Слухаю, кумъ Иванъ Кудыновичъ,—пытайте.

— А шо іерей одвичае, якъ діаконъ гласыть «Время сотворити Господеви, владыко, благословы»?

— А шо винъ тамъ одвичае? Одвичае: «Благословенъ Богъ нашъ»!

— Такъ! Це такъ! А шо іерей глаголеть, якъ діаконъ гласыть «Помяни мя, владыко»?

— Гласыть: «Да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ».

— Такъ! И це такъ. Ну, а шо жъ іерей речеть діакону на ёго слова «Помолися о мнѣ, владыко»?

— Речеть: «Да исправитъ Господь стопы твоя».

— Такъ! Пакы и пакы такъ! Ну, тутъ васъ, бачу, не ошыбешъ! А скажить мени теперъ, отче дяче, скилько полагаетця чытать стихиръ воскресныхъ и святому, якъ прійдетця празднықъ Мыколая у воскресный день.

— Не бильше, отче куме, якъ воскресныхъ десять, а святому чотыри.

— И тутъ васъ не ошыбешъ!

— Ну, а колыжъ, отче дяче, писля апостола не спиваетця аллилуя?

— А вы й не знаете, отче, колы?

— Я то, отче, знаю, та чи вы знаете?

— Хи, отче, це не тилько я, а и всякый школяръ знае: у велыкодню субботу,—отъ колы!

— Такъ! И це такъ!

— Гм, вы, куме, дока, велыкий дока! А шо якъ бы я васъ спытавъ, куме, колы неможна совершать литургіи?

— А я бъ, куме, и отвитывъ вамъ!

— А якъ же вы бъ отвитылы мени?

— Такъ бы и отвитывъ, шо литургіи не можна совершать у страстну пьятныцю.

— Правда! А почему такъ?

— Потому такъ, шо въ цей день Господь нашъ Іисусъ Христосъ прынисъ себе въ жертву.

— Правда, правда! Ну, а якъ же у страстну пьятныцю та прыпаде Благовищеніе?

— А якъ у страстну пьятныцю припаде Благовищеніе, то тоди обидня бува.

— А почему вона бува?

— А потому вона бува, шо тутъ положено начало спасенія для человѣчества; отъ тожъ и тропарь такый спивають: «Днесь спасенія нашего главызна»

— У цихъ вопросахъ вы, куме, бачу, цилого цуцыка ззилы! Ну, а скажить же вы мени, якъ вы уже такый премудрый, въ якому догмати упомынаетця ветхій и новый завѣтъ?

— А въ якому догматп?

— А въ якому?

— Ну!

— Ну!

— Я жъ васъ пытаю!

— А я васъ пытаю!

— Такъ чого жъ вы?

— А вы чого?

— Тутъ вы вже, мабуть, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, тэе... а може и онэе...

— Не тэе, кумъ Иванъ Кудыновичъ, и не онэе, а упоминаетця воно у пьятому догматп: «Въ Чермвемъ морѣ неискусобрачная невѣста образъ написася иногда; тамо Моисей, разрушитель воды, здѣсь же Гавріилъ служитель чудеси». Бачыте: тамъ Моисей—ветхій завѣтъ, тутъ Гавріилъ—новый завѣтъ.

— О, та вы такы велыкый дока, куманёкъ! Ну, кумокъ, ще вамъ одно предкновеніе задамъ, та тоди вже й край.

— Давайте, кумъ, хочъ и два, то мени байдуже!

— А хиба такъ?

— Тай такъ!

— Такъ скажить же мени, кумъ, хто Богородыцю хрестывъ.

— А на шо жъ іи хрестыть, якъ вона чыста, якъ голубыця була?

— А же жъ Спасытель тежъ чыстый бувъ, а все жъ такы хрестывсь!

— Та хто жъ іи хрестывъ?

— Я жъ и пытаю васъ, хто іи хрестывъ?

— Та вы шо про мене думаете?

— Я про васъ думаю, шо вы не знаете, хто Богородыцю хрестывъ.

— Ни, я не те!

— А я те!

— Вы думаете, шо я вже такый дурный!

— Я думаю, шо вы не знаете, хто Богородыцю хрестывъ,— тай усе.

— А хто?

— А, вотъ вамъ и выйшло, кумъ: «уязвленъ есмь, уязвленъ есмь»! Дякуете, отче дяче, десять годъ, а й доси того не знаете, хто Богородыцю хрестывъ! Це жъ вамъ страма та ще й велыка

страма. Ну, не дай же. Боже, якъ бы вы наскочылы на нашого отця благочыного, такъ вамъ було бъ таке, шо хуже божого гниву!

— Та хто жъ іи хрестывъ?

— Уязвленъ есмь, узвленъ есмь!.. Ксеноксарій вы колы-небудь чыталы?

— Чытать не чытавъ, а чуты чувъ.

— Уязвленъ есмь, узвленъ есмь!.. Ну, а Цвитну тріодь въ рукахъ держалы?

— Цвитну тріодь и державъ и чытавъ.

— А шо жъ въ ній, на страныци трыста-восемьдесять второй друкованія 1765 году сказано?

— Та хиба жъ воно, куме, можна помныть, шо въ ній и на якій страныци сказано?

— А чомъ же й неможна? Отъ же жъ я вамъ, куме, и помню: «Послѣжде Епифаній кипрскій повѣствова, яко Богословъ убо Іоаннъ Богородицу крести, Петръ же той и прочія апостолы». Іоаннъ Богословъ!.. «Уязвленъ есмь, уязвленъ есмь»...

— Ну, постойте жъ, кумъ, якъ вы такый премудрый Салимонъ, то подозвольте жъ и мени вамъ два вопроса предложыть.

— Дозволяю, дозволяю, куманёкъ.

— А якъ по батькови Ноя велычать?

— Якъ по батькови Ноя велычать?

— А тожъ!

— У Ноя було тры сына—Симъ, Хамъ и Іафетъ.

— Ни, куме, це не те! Я васъ пытаю не про те, яки у Ноя булы сыны, а про те, хто ёго батько бувъ и якъ ёго по батюсци звать.

— Ной выйшовъ писля потопа изъ ковчега...

— Тай того мени не треба, якъ винъ выйшовъ писля потопа, а якъ ёго по батькови звать.

— А якъ?

— Я жъ васъ и пытаю, якъ?

— Гм!

— Гм! Значыть, куме, до васъ можна прыложыть слова псалмопѣвца «угобзися зѣло»...

— Ну, а якъ?

— И пожыве Ламехъ лѣтъ сто осмьдесять осмь, и роди сына и нарече ёму имя Ное, глаголя: сей успокоитъ насъ отъ дѣлъ

нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ... Такъ отъ якъ: Ламэховичъ... Угобзися зѣло.

— «Уязвленъ есмь»!..

— «Угобзися зѣло»!..

— «Уязвленъ есмь»!..

— Якъ вы уже, куманёкъ, дозволылы мени предложыть вамъ одынъ вопросъ, то подозвольте предложыть ще й другый.

— Дозволяю, куманёкъ, дозволяю.

— Одынъ путешественныкъ бувъ у Палестыни и бачывъ тамъ у городи Виѳлеиеми кости младенцивъ, избіенныхъ Иродомъ; такъ одна половына тихъ костей била, а друга половына жовта. Скажить же мени, кумокъ, чіи то будуть били кости и чіи-то жовти, чи дивчачи, чи хлопьячи.

— Гм, це треба подумать. Такъ винъ бачывъ кости младенцивъ?

— Бачывъ же, кажу,—зложени у одну камьяну могылу, сорокъ тысячъ скелетивъ, такъ половына ихъ била, а половына жовта.

— Чіи жъ воно жовти и чіи били?

— Я жъ про те васъ и пытаю.

— Гм, це треба помозгувать та ще й онъ якъ помозгувать... Я такъ думаю, шо хлопьячи жовти, а дивчачи били.

— Ха-ха-ха! Отъ це такъ, куме! Мудрувалы—мудрувалы тай домудровалысь! Ха-ха-ха! А шобъ васъ Богъ любывъ! Отъ це такъ опростоволосылысь!... Дайте, я вашу дячу руку пожму... Ха-ха-ха!

— Якъ опростоволосывсь?

— А такъ! Хиба жъ Иродъ избывавъ дивчатъ? Винъ тилько избывавъ хлопьятъ, шобъ истребыть межъ ными младенца Іисуса!..

— И правда! Отъ це такъ пидкувалы вы мене, кумокъ!...

— А, угобзися зѣло!...

— Уязвленъ есмь!

— Угобзися...

— Ну, та годи вже!

— Тай годи!

— Давайте, куме, лучче заспиваемъ!

— Давайте, куме!

— А яку жъ мы заспиваемъ?

— Заспиваемъ мы «Уязвленъ есмь»...

— Ни, лучче вже «Угобзися зѣло»

— Ну, та годи вже!

— Тай годи такы!

— Заспиваемъ нашу, дячу письню.

— Заспиваемъ!

— Давайте тонъ.

— Гм! На!... на-на-на!...

И дьяки, дружелюбно обнявшись, начали пѣть, одинъ первымъ голосомъ, другой вторымъ.

«Ой, ты дяче навчѐный,
Мижъ школàмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть одынъ?
— Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
Ой, ты, дячѐ навчѐный
Мижъ школáмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть два.
— Два тяблы Мосіевы,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
Ой, ты дяче навчѐный,
Мижъ школáмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть тры?
— Тры патріарси,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
«Ой, ты, дяче навчѐный,
Мижъ школàмы вывченый,
Скажи ты намъ, дяченьку,
Що есть чотыри?
— Чотыри лысты евангелысты.
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы.

На небеси
Et на земли.
Ой, ты дяче навченый.
Мижъ школамы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку.
Що то есть пьять?
— Пьять ранъ терпивъ панъ.
Чотыри лысты евангелисты.
Тры патріарси,
Два таблы Мосіевы.
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.

Покончивъ одну пѣснь. дьяки перешли къ другой; покончивъ другую, начали пѣть третью. Пѣли до тѣхъ поръ, пока уже ни голосу, ни духу у нихъ не стало; тогда, склонившись одинъ направо, другой налѣво, тутъ же возлѣ казанка, мертвецки и поснули. Догоравшій огарокъ свѣчки, вставленный въ пустую бутылку, едва-едва уже освѣщалъ комнату. Но сквозь ставни, которыми притворены были окна дома, начинала уже пробиваться тонкая полоса свѣта, указывавшая на наступавшій разсвѣтъ. Необыкновенная обстановка, оригинальное сосѣдство, тяжелый и спертый воздухъ, близость утра—все это вмѣстѣ такъ сильно подняло во мнѣ нервы, что я уже не могъ и думать о томъ, чтобы уснуть. А потому, едва только разсвѣло, какъ я уже былъ на ногахъ, скоро добылъ себѣ подводу и раннимъ утромъ слѣдующаго дня былъ уже въ слѣдующемъ селѣ, Карнауховкѣ, а отъ Карнауховки скоро добрался до села Тритузнаго.

Былъ какой-то праздникъ, и въ церкви шла обѣдня. Чтобы не терять дорогого времени, я подъѣхалъ прямо къ церкви, слѣзъ съ брички, вошелъ въ церковь съ тою цѣлью, чтобы отстоять обѣдню и потомъ тотъ же часъ осмотрѣть въ церкви козацкія древности. Церковь поразила меня внутри, необыкновенною чистотой, а священникъ—необыкновенно благоговѣйнымъ служеніемъ и необыкновенною оригинальностью своей личности. Это былъ человѣкъ высокаго роста, сухощавый, совершенно свѣтлый блондинъ, съ большими синими, выпуклой формы, очками, съ густой бородой и съ замѣчательно длинными и совершенно свѣтлыми, лежавшими поверхъ русявой бороды, усами. Усы эти были такъ

длины и такъ широки, что, казалось, по обѣимъ сторонамъ бороды протянуты были самыя роскошныя пряди «дивочихъ» косъ. Во всю мою жизнь мнѣ не приходилось видѣть подобныхъ усовъ у священника, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы они принадлежали какому-нибудь запорожскому козаку или, по крайней мѣрѣ, что-бы самъ батюшка велъ свой родъ отъ какого-нибудь запорожца. Когда обѣдня окончилась, я вошелъ въ алтарь, назвалъ священнику мою фамилію, священникъ назвалъ мнѣ свою, и тутъ я узналъ, что онъ носитъ фамилію отца Якова Могилевскаго, но былъ ли онъ по предкамъ запорожскаго званія—самъ точно не знаетъ.

Осмотрѣвъ въ короткое время всѣ козацкія древности и поблагодаривъ батюшку за то искреннее вниманіе, съ какимъ онъ отнесси къ моей на этотъ счетъ просьбѣ, я скоро оставилъ село Тритузное и направился къ селу Каменскому.

Въ селѣ Каменскомъ, благодаря указанію священника, отца Іоанна Геева, я также скоро осмотрѣлъ всѣ сохранившіяся въ мѣстной церкви козацкія древности и въ слѣдъ затѣмъ выѣхалъ въ мѣстечко Романково.

Такъ какъ мѣстечко Романково и по давности своего существованія, и по уцѣлѣвшимъ въ церкви его древностямъ представлялось для меня весьма интереснымъ, то я оставался въ немъ гораздо дольше, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ селеніяхъ. Здѣсь я познакомился съ мѣстнымъ батюшкой, отцомъ Петромъ Барышпольскимъ, учившимся въ духовной академіи, но не окончившимъ ее и ушедшимъ во священники. Я съ удовольствіемъ провелъ цѣлый день съ весьма образованнымъ и весьма гостепріимнымъ и привѣтливымъ отцомъ Петромъ Барышпольскимъ и по его указанію осмотрѣлъ подробно и обстоятельно какъ всѣ запорожскія древности въ мѣстной церкви, такъ и всѣ замѣчательныя урочища возлѣ Романкова.

Изъ мѣстечка Романкова я проѣхалъ въ село Аулы, гдѣ въ теченіи двухъ часовъ времени осмотрѣлъ, по указанію мѣстнаго священника, отца Филиппа Яновскаго, уцѣлѣвшія, весьма, впрочемъ, немногія козацкія древности, и оттуда поднялся къ селу Шошиновкѣ.

И самое село Шошиновка, и самая церковка въ этомъ селѣ, и самый батюшка, служащій при этой церковкѣ показались мнѣ крайне интересными, въ такомъ родѣ невиданными мной раньше того нигдѣ.

Село Шошиновка или, правильнѣе было бы сказать, сельцо, даже деревня Шошиновка, пріютилось у праваго, очень высокаго и очень крутого берега рѣки Днѣпра и, по бѣдности крестьянъ, и по жалкимъ домишкамъ ихъ, и по ветхой деревяннаго строенія церковкѣ, оказалось самымъ убогимъ изъ всѣхъ селеній вдоль Днѣпра отъ Екатеринослава до Крюкова. Ветхая церковка и часть села сидятъ на самой крутизнѣ горы, а ниже горы, на небольшомъ между горой и рѣкой выступцѣ, пріютился убогій, крытый соломой миніатюрный церковный домишечко мѣстнаго батюшки, отца Ѳедора Свириденка. Трудно себѣ представить болѣе убогую обстановку, какъ обстановка, въ которой живетъ этотъ батюшка. Въ его маленькомъ, низенькомъ и покосившемся на бокъ домикѣ всего-на-всего двѣ комнатки съ земляными, смазанными глиной, полами и съ небольшой, также на земляномъ полу, кухонькой. Вся мебель въ этомъ домикѣ состоитъ изъ двухъ-трехъ изломанныхъ стульевъ, одного—единственнаго столика да одного деревяннаго, самаго простѣйшаго фасона, диванчика. Возлѣ домика два полуразвалившихся сарайчика да одни слабые намёки на то, что называется воротами. Во дворѣ ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни курицы. И въ этакой болѣе, чѣмъ невзыскательной обстановкѣ живетъ уже около 30 лѣтъ подъ рядъ священникъ съ академическимъ образованіемъ, прекрасно знающій полатыни и погречески, говорящій пофранцузски и владѣющій замѣчательнымъ даромъ слова. Жену онъ уже давнымъ-давно похоронилъ и имѣетъ при себѣ одну—единственную дочь, пожилыхъ лѣтъ дѣвушку, нѣкогда воспитывавшуюся въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ на средства какой-то помѣщицы, но неокончившую его за слабостью здоровья. На видъ—это сухощавый, маленькій, сѣденькій, какъ будто слегка тронутый оспой человѣчекъ, одѣтый крайне бѣдно, хотя и вполнѣ опрятно, держащійся какъ-то ровно и мужественно, не смотря на свой, довольно преклонный, возрастъ. Но что въ немъ въ особенности бросается въ глаза — это необыкновенная сердечность и полнѣйшая искренность, которыя видны въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ его словѣ и движеніи. Нищета, которая вездѣ и во всемъ окружаетъ батюшку и которая сразу бросается въ глаза постороннему человѣку, вовсе не отталкиваетъ отъ себя человѣка: это та нищета, которая привлекаетъ васъ къ себѣ: вы чувствуете, что она не есть результатъ скаредности или мотов-

ства, а есть необходимая сопутница аскета и философа. Вы видите, что тутъ живетъ высокій подвижникъ, и невольно влечетесь всѣмъ сердцемъ и всей душой вашей какъ къ нему самому, такъ и къ самой обстановкѣ его. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ Ѳедоръ Свириденко—это подвижникъ, живущій среди міра и при всемъ томъ сохранившій свою духовную чистоту. «Міръ меня ловилъ, но не поймалъ»—могъ бы онъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, но онъ слишкомъ скроменъ, чтобы даже подумать такъ. Безкорыстіе и нестяжательность его извѣстны всѣмъ: «Це у насъ батюшка такый, говорятъ о немъ сами крестьяне, шо не тилько зъ насъ ныч́ого не беруть, а ще й самы́ намъ свое послидне отдають. Богъ ихъ зна, якъ воны й жывуть, якъ воны й ходять по земли: воны за ввесь день тилько й идять, якъ напьються у ве́чери чайку, а якъ обидать, такъ ридко коли́... А зимою ходять у такыхъ чо́ботяхъ, шо безъ подошо́въ... Отъ такъ воны—имъ уже теперъ симдесятъ годъ—такъ и жывуть»... Если къ батюшкѣ прійдетъ какой-нибудь человѣкъ съ просьбой либо сына повѣнчать, либо жену похоронить и при этомъ заикнется о платѣ за совершеніе требъ, то батюшка и слушать не захочетъ о томъ: «Идите къ псаломщику,—я не знаю того ничего». Но и псаломщикъ, Григорій Могущій, такой же безсребренникъ, какъ и батюшка... Батюшка все, положительно все, до нитки и до копѣечки, раздаетъ бѣднымъ людямъ или проходящимъ черезъ его село странникамъ и богомольцамъ. «Это вамъ на сахарокъ, это вамъ на хлѣбчикъ, это вамъ на чулочки». Онъ всѣмъ, даже малымъ дѣтямъ, говоритъ «вы». Если батюшка выйдетъ послѣ обѣдни изъ церкви и увидитъ кого-нибудь либо изъ дѣтей, либо изъ нищихъ, то тутъ же и раздастъ весь свой недѣльный заработокъ и еще старается дать такъ, чтобы никто, кромѣ берущаго, и не замѣтилъ того. А если батюшка поѣдетъ въ городъ за какими-нибудь покупками, то тѣхъ покупокъ и на половину дороги не станетъ ему: все до послѣдняго по пути раздастъ. Да и ѣдетъ-то онъ вовсе не такъ, какъ другой человѣкъ: гдѣ горка или пригорокъ—тамъ онъ уже и всталъ съ воза, тамъ онъ уже и идетъ пѣшкомъ: «Блаженъ, иже и скоты милуетъ»... «Чудно́й человѣкъ у насъ батюшка, говоритъ объ отцѣ Ѳедорѣ псаломщикъ его: вотъ это онъ идетъ дорожкою и увидитъ гдѣ-нибудь муравейникъ; тотчасъ станетъ возлѣ того муравейника да и задумается; стоитъ полчаса, стоитъ часъ и все на что-то смотритъ и все о чемъ-то думаетъ и соображаетъ»...

Всѣ окрестные помѣщики очень хорошо знаютъ отца Θедора Свириденка и нелицемѣрно уважаютъ его. Когда онъ появляется у кого изъ «господъ» въ домѣ и начинаетъ о чемъ-нибудь говорить, то всѣ забываютъ свои свѣтскія удовольствія, всѣ бросаютъ карты на столъ и слушаютъ мудраго и образованнаго батюшку подъ рядъ по цѣлымъ часамъ... Но и у «господъ» батюшка ведетъ себя какъ истинный аскетъ: приходитъ онъ къ нимъ съ пустыми руками и уходитъ отъ нихъ съ тѣмъ-же, потому что тотъ же часъ всю полученную отъ богачей мзду передаетъ встрѣчнымъ бѣднякамъ.

Отказываясь отъ самаго необходимаго и раздавая все, даже послѣдніе свои гроши бѣднякамъ, добрый батюшка терпитъ чрезъ то самъ такія лишенія и несетъ такую нужду, о какихъ другой на его мѣстѣ не можетъ себѣ и вообразить. Очень часто бываетъ такъ, что, вставъ утромъ со своего ложа, батюшка не знаетъ, чѣмъ ему и пропитаться въ наступающій день. Но лѣтомъ въ этомъ случаѣ все-таки больше благъ, нежели зимой: лѣтомъ всякій злакъ составляетъ кормъ, зимой же ни злаковъ, ни дровъ, стужа кругомъ, голодъ внутри.

Не всегда, впрочемъ, бываетъ хорошо и весной, когда бурные потоки вешнихъ водъ устремятся внизъ съ горъ и начнутъ съ силой напирать на убогое батюшкино жилье: тогда нерѣдко бурный потокъ, ринувшись со всею силою внизъ, подойдетъ подъ стѣну жилья, пророетъ яму подъ одинъ изъ его угловъ, ворвется съ той же силой въ самый домокъ и потомъ моментально унесетъ съ собой все, что попадется ему по пути. Но батюшка и тутъ стоически смотритъ на все происходящее вокругъ него, и онъ, кажись, также стоически и также невозмутимо держалъ бы себя и тогда, кода вода подхватила бы вмѣстѣ съ домомъ и его самого. Но въ такомъ случаѣ обыкновенно являются на помощь батюшкѣ сами мужики, которые отводятъ теченіе воды отъ дома въ какой-нибудь ровъ, а прорытый водой уголъ забиваютъ камнями и землей. Иногда, пока крестьяне не успѣютъ забить образовавшейся подъ домомъ дыры, въ домъ залѣзутъ голодныя собаки и повытаскиваютъ изъ него все съѣстное, что съ великимъ стараніемъ и съ великимъ трудомъ успѣетъ приготовить для своего отца дочь.

А батюшка вовсе и не замѣчаетъ того: онъ выше этого, онъ поистинѣ не отъ міра сего. И чтобы вполнѣ понять его, надо посмотрѣть на него, какъ онъ священнодѣйствуетъ, съ какимъ

благоговѣніемъ и съ какимъ проникновеніемъ онъ стоитъ у престола божьяго! Павъ на колѣна передъ престоломъ и, то поднимая кверху руки, то склоняясь головой къ самому полу, онъ весь заливается слезами и такъ молится, такъ усердно, такъ горячо и съ такимъ проникновеніемъ молится, что и все лицо его, и самъ онъ весь совершенно преображается, кажется совсѣмъ другимъ человѣкомъ, вовсе не тѣмъ несчастнымъ существомъ, угнетеннымъ нищетой, какимъ онъ представляется подъ низкой кровелькой своего убогаго домика, а тою мощною и ничѣмъ несокрушимою нравственною силой, которой повинуются цѣлыя толпы народа и отъ которой двигаются съ мѣстъ цѣлыя горы «Аще имате вѣру и не усумнитеся и горѣ сей речете: двигнися и верзися въ море, и будетъ»...

А посмотрѣть на самую церковку, гдѣ возноситъ свои благоговѣйныя молитвы этотъ пастырь добрый! Это такое микроскопическое, такое ветхое и такое убогое зданьице, подобное которому едва-ли найдется во всей губерніи! Уже одинъ человѣкъ, вошедшій въ эту церковку, кажись, всю наполняетъ ее собой. Ветхость церковки такъ велика, что, кажется, достаточно одного легкаго вѣтерка, чтобы она тотъ же часъ поднялась на воздухъ и распалась на всѣ свои составныя части. Но церковка уже много лѣтъ стоитъ на высокомъ берегу рѣки и много лѣтъ въ ней подвизается безкорыстный и добрый пастырь, возносящій свои горячія молитвы за весь міръ и призывающій милость и благодать Бога на всѣхъ вѣрующихъ христіанъ. И сколько людей въ той церковкѣ и крестилось, и бракомъ сочеталось, и каялось во грѣхахъ, и напутствовалось въ тотъ далекій и неизбѣжный путь, «идеже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»... И эта миніатюрная, эта ветхая и убогенькая церковка, обнесенная деревянною, также ветхою, оградкою, обсаженная кое-гдѣ зеленѣющими деревцами, столь же симпатична и столь же привлекательна, какъ симпатиченъ и привлекателенъ самъ служитель ея, столько лѣтъ неразрывными узами связанный съ ней. Убогій пастырь убогой церковки ясно, безъ словъ, однимъ своимъ видомъ и однимъ своимъ примѣромъ неотразимо дѣйствуетъ на своихъ духовныхъ чадъ и невольно заставляетъ всѣхъ понять, что и при полнѣйшимъ убожествѣ и при самой невзыскательной обстановкѣ можно соблюсти у себя чистоту души, чистоту сердца и чистоту совѣсти, т. е. всѣ тѣ высокія и благородныя качества.

которыя только и дѣлаютъ человѣка истиннымъ человѣкомъ и которыя ставятъ его на настоящую высоту. Но добрый пастырь не одной только чистотой своей дѣйствуетъ на своихъ духовныхъ чадъ: въ немъ есть и другая, великая и могущественная, сила, которая привлекаетъ къ нему сердца людей; это—живая любовь къ людямъ, та горячая, беззавѣтная и безграничная любовь, которая побуждаетъ его отказываться отъ всѣхъ благъ міра сего и заставляетъ жить не для себя, а единственно только для блага и счастья другихъ. А въ этой, именно въ этой любви и состоитъ истинная сущность вѣры Христа: вѣра божественнаго Христа учитъ людей благу, которое состоитъ въ отреченіи отъ себя и въ служеніи другимъ. «Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ».

Долго и съ великимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ я съ отцомъ Ѳедоромъ Свириденкомъ, переходя отъ одного вопроса къ другому и касаясь главнымъ образомъ исторіи Россіи, какъ Великой, такъ и Малой. Во все время разговора отецъ Ѳедоръ Свириденко стоялъ у стола, опершись объ него лѣвой рукой и поминутно запахивая свою старенькую ряску правой. Не смотря на мою многократную просьбу, обращаемую къ батюшкѣ, сѣсть на стулъ и такъ вести бесѣду, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть. Онъ все время стоялъ у стола и живо и съ увлеченіемъ разсказывалъ о причинахъ непрочности владычества татаръ на Руси, о значеніи южно-русскаго козачества для всего славянскаго міра, о причинахъ слабости польской Рѣчи-посполитой, о глубокой связи между исторіей древней Руси и исторіей востока.

— Да сядьте же, батюшка, на стулъ,—такъ-то вѣдь будетъ удобнѣе и для васъ, и для меня!

— Нѣтъ, Димитрій Іоанновичъ, такъ нельзя: гость священная особа даже у дикихъ людей.

И батюшка снова начинаетъ говорить, и говоритъ съ такимъ увлеченіемъ, такъ ясно, такъ здраво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто и естественно, что не знаешь, чему и дивиться: дивиться ли тому, что въ такой убогой и тѣсной хаткѣ живетъ человѣкъ съ такими богатыми и обширными свѣдѣніями; дивиться ли тому, что, не смотря на несомнѣнныя дарованія и глубокій умъ, этотъ человѣкъ до крайности скроменъ и простъ.

— Скажите, батюшка, кто были ваши предки и откуда они зашли въ эти мѣста.

— Сколько мнѣ извѣстно отъ моего отца, мой отдаленный предокъ былъ запорожскій козакъ; а откуда онъ зашелъ въ эти мѣста—я не умѣю вамъ сказать: точныхъ указаній у меня на то нѣтъ, а собственныхъ гаданій я за истину выдавать не могу... Но, однако, что-же это мы съ вами все только о духовной пищѣ говоримъ?

— Да не безпокойтесь, батюшка!

— Нѣтъ, какъ можно! Гость священная особа даже у дикихъ людей.

И батюшка засуетился съ тѣмъ, чтобы приготовить что-нибудь для меня закусить. Прошелъ часъ или два, пока на столѣ показались полдесятка яичекъ, нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и очень маленькій, но чистенькій самоварчикъ. Я чувствовалъ, что батюшкѣ стоило большого труда достать полдесятка яичекъ и что онъ добылъ ихъ, посылая на деревню къ кому-то изъ крестьянъ. Мнѣ и жалко было батюшку и совѣстно было за нанесенное ему—безпокойство мною, но я не могъ отказаться отъ угощенія радушнаго и добрѣйшаго домохозяина, такъ какъ своимъ отказомъ жестоко огорчилъ бы его. Но вотъ всѣ хлопоты окончились, наконецъ, и вся пища уставлена на столъ. Было уже къ вечеру, и ярко-золотое солнышко, обойдя высокую гору и ставши въ одну линію съ рѣкой, облило снаружи своими лучами убогій домикъ батюшки и, прорвавшись чрезъ маленькія оконца во внутрь домика, заиграло и затрепеталось по всѣмъ его стѣнамъ, по глиняному полу и по низкому потолку.

— Вотъ и въ ваше оконце заглянуло солнце, почтеннѣйшій батюшка.

— Да, Димитрій Іоанновичъ, солнце божіе одинаково свѣтитъ и на праведниковъ и на насъ, грѣшниковъ.

Въ комнатѣ, возлѣ стола, было только насъ двое и больше никого: не было замѣтно даже присутствія обычнаго домашняго животнаго, кошки. При этомъ я сидѣлъ у одного конца стола, какъ разъ противъ маленькаго самоварчика, а батюшка стоялъ у другого конца, попрежнему одной рукой оперишись о столъ, а другою придерживая полу своей рясы. Теперь онъ держалъ рѣчь о томъ, какъ велико и всемогуще значеніе науки для человѣка, но не въ томъ смыслѣ, что она доставляетъ матеріальныя блага ему,

а въ томъ, что она возвышаетъ его умъ, облагораживаетъ его сердце и даетъ возможность ему познавать истину, это высочайшее благо на землѣ, приближающее человѣка къ Богу и чрезъ Бога дѣлающее его сознательною частицею необъятной міровой. «Выше всего въ человѣкѣ—его духъ, и этотъ духъ питается, совершенствуется наукой. Отнять у человѣка науку значитъ убить его душу. Наука, истинная наука, ведетъ къ познанію истиннаго Бога, высшаго Существа, Творца всей вселенной, безъ него ничтоже бысть, еже бысть»

Батюшка ровно, какъ свѣча, стоялъ передъ столомъ и отчетливо произносилъ каждую фразу свою. Отъ всей фигуры его вѣяло такимъ спокойствіемъ, такою силой и въ тоже время такою добротой, что, казалось, вѣчно бы слушалъ его и не наслушался. А въ это время заходящее солнышко все болѣе и болѣе заливало своимъ свѣтомъ убогую комнатку и, наконецъ, ворвавшись въ нее со всею силой, освѣтило яркимъ огнемъ всю фигуру батюшки и заискрилось червоннымъ золотомъ въ его небольшой сѣденькой бородкѣ и въ его волосахъ... Праведникъ, истинный праведникъ! невольно произнесъ я самъ себѣ. Вѣдь праведники божьи всегда сіяніемъ окружены...

— Пане, а пане, пора намъ и до Пушкаровки выизжать, а то якъ бы не спизнытьця та не перекынутьця денебудь у Днипро! неожиданно крикнулъ мнѣ подъ окно мой возчикъ.

— Тай пора такы!... Прощайте, глубокочтимый батюшка. Никогда, во всю мою жизнь, я не забуду васъ!

— Прощайте, достойнѣйшій Димитрій Іоанновичъ! Не забывайте Бога и любите науку,—это выше всего...

Мнѣ не пришлось послѣ того видѣть отца Ѳедора Свириденка, но мнѣ случилось лѣтомъ 1897 года, во время плаванія на пароходѣ отъ Кременчуга до Екатеринослава, встрѣтить одну особу, близко знавшую отца Ѳедора, и узнать отъ нея нѣкоторыя подробности о смерти его. Уже семь лѣтъ тому назадъ (1890 года, февраля 2 дня), разсказывала эта особа, какъ отецъ Ѳедоръ Свириденко переселился изъ міра сего, тлѣннаго и скоро преходящаго, въ міръ вѣчный и непреложный. Это былъ поистинѣ и чудный человѣкъ и безпримѣрный пастырь. Всѣ не только любили, но и боготворили его, потому что онъ служилъ, по евангельскому слову, не за гнѣвъ, а за совѣсть, не имѣя въ виду ни богатства, ни славы, ни почестей. Не зная усталости, онъ никогда не ло-

жился въ постель даже въ то время, когда чувствовалъ себя больнымъ. Но одинъ разъ слегши и проболѣвъ всего лишь три-четыре дня, онъ тихо, спокойно и съ улыбкой на устахъ скончался, какъ невинный младенецъ. Глядя на него, можно было поистинѣ сказать, что то не смерть, а сонъ мудреца... Уже когда онъ лежалъ бездыханнымъ на смертномъ одрѣ, тогда ему пришла награда, орденъ Владиміра IV степени. Онъ никогда не думалъ о наградахъ и не любилъ говорить объ этомъ, и судьба какъ бы нарочно распорядилась такъ, чтобы не дѣлать непріятнаго ему. Послѣ отца Ѳедора не осталось рѣшительно ни единой копѣйки и рѣшительно никакого имущества. Поэтому похороны его устроены были на общественный счетъ, и для отданія послѣдняго долга высокому пастырю съѣхались всѣ окрестные помѣщики и многіе изъ постороннихъ крестьянъ. Мѣстные же крестьяне устроили отъ себя такія богатыя поминки, которыя вызвали всеобщее удивленіе: въ трехъ дворахъ приготовлены были роскошные обѣды, на которые стеклись огромныя толпы народа. Слезы, искреннія, непритворныя слезы, и горячія святыя молитвы со стороны всѣхъ крестьянъ сопровождали добраго пастыря въ могилу. «Це у насъ таки булы батюшка, якихъ не було, та й николы не буде»... И точно, со смертью отца Ѳедора Свириденка однимъ праведникомъ меньше стало на землѣ, но зато больше въ небесахъ... Не стало добраго пастыря, не стало и его убогаго жилья: скоро послѣ смерти батюшки сгорѣлъ дотла и тотъ церковный домичекъ, гдѣ столько лѣтъ жилъ батюшка. Такъ, ничего отъ него не осталось тлѣннаго, но зато остался духъ нетлѣнный, духъ вѣчный, который всегда будетъ жить и въ умѣ и въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ добраго пастыря, и который поистинѣ составляетъ высшій даръ человѣка, выдѣляющій его среди другихъ существъ на землѣ... Единственная дочка, оставшаяся послѣ смерти отца Ѳедора, живетъ въ томъ же селѣ, Шошиновкѣ, подъ чуждою ей крестьянскою кровлею, попрежнему нуждаясь въ самомъ необходимомъ и попрежнему терпя крайнія лишенія...

Оставивъ навсегда памятное мнѣ село Шошиновку и проѣхавъ селенія Пушкаровку, Глинское, Бородаевку и осмотрѣвъ вездѣ оставшіяся отъ запорожцевъ церковныя древности, я къ поздней ночи прибылъ въ село Днѣпрово-Каменку и расположился тамъ на ночлегъ у священника, отца Григорія Волошинова.

Слѣдующимъ днемъ, уже часовъ около 12, я оставилъ село Днѣпрово-Каменку и, проѣхавъ черезъ селенія Калужино и Лиховку, прибылъ въ древнее мѣстечко, извѣстное еще въ XVI столѣтіи у писателя Михалона Литвина, Мишуринъ-Рогъ.

Когда я проѣхалъ половину Мишурина-Рога и добрался до старой церкви его, то тутъ я узналъ, что мѣстный батюшка, отецъ Михаилъ Демьяновскій, находился въ то время въ церкви и служилъ вечерню. Не желая терять времени, я тотчасъ спустился съ брички и вошелъ въ церковь. Въ церкви я засталъ батюшку, псаломщика, двухъ стариковъ да трехъ старушекъ. Старички и старушки, размѣстившись вдоль стѣнъ церкви, горячо и съ великимъ благоговѣніемъ шептали вполголоса послѣднія слова тѣхъ молитвъ и пѣснопѣній, которыя произносились батюшкой или псаломщикомъ и которыя они подхватывали на лету. Церковь едва-едва освѣщена и, при обширности ея размѣровъ и при полной почти пустотѣ, голосъ псаломщика, идущій отъ клироса къ срединѣ, гулко раздается по всему храму, потомъ, какъ бы незримыми кругами, взвивается по высокимъ и темнымъ стѣнамъ, далѣе поднимается вверхъ, подъ самый куполъ, съ купола спускается снова внизъ и тутъ раздается еще громче и еще сильнѣй. И если при этомъ псаломщикъ оборветъ внезапно свое чтеніе или особенно сильно выведетъ конецъ какого-нибудь стиха, то вмѣсто него продолжаетъ вычитывать сильное и гулкое эхо, которое, раздаваясь по церкви, идетъ неровными и волнообразными скачками, то восходя до громкаго крика, то нисходя до тихаго полушопота. А извнѣ въ это же самое время врывается въ церковь протяжный звонъ большого колокола и, обвѣвая свѣжимъ воздухомъ строгіе лики иконъ, идетъ по церкви правильно движущимися волнами, сливается съ голосомъ чтеца, также поднимается по высокимъ стѣнамъ подъ высокіе своды и уже тамъ, то стихая, то вновь вздрагивая, постепенно и мало-по-малу превращается и замираетъ. А на смѣну этихъ звуковъ изъ глубины обширнаго алтаря несется слабый старческій голосъ священника, такъ мягко ласкающій слухъ молящихся и такъ успокоительно дѣйствующій на ихъ души и на ихъ сердца...

Но вотъ вечерня окончена и съ окончаніемъ ея оконченъ и осмотръ всѣхъ церковныхъ древностей.

Едва, выйдя изъ церкви, я успѣлъ доѣхать до постоялаго двора и едва успѣлъ я войти въ указанную мнѣ комнатку, какъ мнѣ

объявили, что меня очень желаетъ видѣть какой-то человѣкъ, уже давно поджидающій моего пріѣзда въ Мишуринъ-Рогъ. Я тотъ же часъ попросилъ того человѣка войти ко мнѣ въ комнату. И вотъ ко мнѣ входитъ какая-то особа, не то духовная, не то свѣтская, въ длинномъ, по самыя косточки, синяго сукна, сюртукѣ, съ клѣтчатымъ на шеѣ платкомъ, замѣняющимъ галстухъ, съ длинными волосами, тщательно приглаженными и усердно намазанными деревяннымъ масломъ или «олывою». Человѣкъ этотъ подъ лѣвой мышкой держалъ нѣчто замотанное въ пестрый платочекъ и усердно придавливалъ это нѣчто лѣвымъ локтемъ къ лѣвому боку. Переступивъ порогъ и ставъ у притолоки двери, онъ прежде всего перекрестился нѣсколько разъ на иконы, потомъ отпустилъ мнѣ низкій-пренизкій поклонъ и, наконецъ, послѣ всего этого началъ свою рѣчь такъ:

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе!

— Здравствуйте, почтеннѣйшій!

— Честь имѣю представиться вамъ, житель мѣстечка Никополя, такой-то.

— Тутъ посѣтитель мой назвалъ свою фамилію, не то Симоненко, не то Самойленко, не то Савенко, не то Софроненко,—однимъ словомъ, фамилія эта начиналась съ собственнаго имени на букву «С», а оканчивалась на «енко».

— Чѣмъ могу послужить вамъ?

— Я давно уже поджидалъ васъ и хотѣлъ предложить вамъ одну вещь, открывающую великія сокровища.

— Что же это за вещь?

— Это такая вещь, чрезъ которую вы и сами можете озолотиться и правительство можете обогатить.

— Такъ что же это за вещь?

— Я вамъ скажу, что это за вещь, но только вы поклянитесь мнѣ передъ образомъ, что не выдадите меня никому.

— Могу васъ увѣрить и безъ клятвы, что не выдамъ васъ никому.

— Нѣтъ, такъ ни въ коемъ случаѣ нельзя! Вотъ передъ вами икона,—перекреститесь на нее, и тогда я вамъ все сообщу.

— Да увѣряю васъ всѣмъ, чѣмъ хотите, ваша тайна останется при мнѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Вы только перекреститесь,—я буду знать, по крайней мѣрѣ, что вы христіанинъ.

— Я—христіанинъ и православный христіанинъ и вотъ вамъ въ доказательство того крещусь.

— Ну, теперь я вижу, что вы не выдадите меня.

Послѣ этихъ словъ мой посѣтитель вынулъ изъ-подъ мышки свое нѣчто, завернутое въ платокъ, взялъ это нѣчто въ обѣ руки, но тутъ снова впалъ въ нѣкоторую нерѣшительность, точно борясь самъ съ собой.

— Такъ вы не выдадите меня никому?

— Рѣшительно никому!

— И возвратите мнѣ то, что я вамъ покажу?

— Будьте вполнѣ благонадежны—возвращу!

Тутъ посѣтитель сдѣлалъ впередъ нѣсколько шаговъ и, приблизившись ко мнѣ, развернувъ платочекъ, подалъ мнѣ небольшую печатную книжечку.

— Вотъ это и есть ваше сокровище?

— Вотъ это оно и есть!

— О чемъ же оно говоритъ?

— О кладахъ.—гдѣ, въ какой губерніи, въ какомъ уѣздѣ, въ какомъ урочищѣ сокрыты клады въ землѣ. Вы, какъ правительственное лицо, можете всюду по этой книгѣ копать, я же не могу. Тогда вы и сами можете озолотиться и правительство можете обогатить.

Я беру въ руки книжицу и вижу, что въ ней нѣтъ ни начала ни конца, но зато есть нѣсколько листовъ предисловія и нѣсколько страницъ самаго содержанія. Книга оказалась совершенно неизвѣстной мнѣ: но въ ея предисловіи упоминались имена Максимовича, Костомарова и Кулиша. Стало быть, думаю себѣ, хотя эта книжица мнѣ и неизвѣстна, но, очевидно, она напечатана никакъ не раньше сороковыхъ годовъ; а разъ она напечатана въ настоящемъ столѣтіи, то ее во всякомъ случаѣ въ Петербургѣ можно найти. Но такъ какъ въ то время меня сильно занималъ вопросъ о топографіи запорожскаго края, то я подумалъ, что такая книга, которая указываетъ на различныя мѣста сокрытія въ землѣ кладовъ, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ и для топографіи Запорожья. Поэтому я пробѣжалъ всю книгу, листъ за листомъ, но къ моему сожалѣнію не нашелъ въ ней почти ничего по вопросу, интересовавшему меня. Клады же, сами по себѣ, никогда не составляли для меня интереса. Поэтому, просмотрѣвъ книгу, я возвратилъ ее моему посѣтителю и поблагодарилъ его за довѣріе ко мнѣ.

— Что же вы хотите сдѣлать съ вашей книгой?

— Хочу, чтобы вы предложили правительству купить ее у меня.

— Видите ли, правительство слишкомъ крупная величина, я же слишкомъ мелкая единица, и вы ошиблись, если приняли меня за какое-нибудь важное лицо, которое можетъ правительству предложенія передавать.

— Ну, въ такомъ случаѣ я предлагаю ее вамъ самимъ.

— А сколько жъ вы хотите за нее?

— Тысячу рублей.

— Тысячу рублей?

— Да, тысячу рублей.

— Нѣтъ, такой суммы я не могу вамъ дать.

— А сколько же вы дали бы за нее?

— Ничего бы не далъ,—она мнѣ вовсе не нужна.

Такой отвѣтъ до того, казалось, поразилъ моего посѣтителя, что онъ, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на меня во всѣ глаза, казался столь удивленнымъ, точно я передъ нимъ изъ человѣка неожиданно превратился въ слона.

— Повторяю,—она мнѣ вовсе ненужна.

— Но вѣдь тутъ говорится о сокровищахъ, которыя вы можете хоть сейчасъ достать для себя!

— Я въ это никогда не вѣрилъ, не вѣрю и ни во что ставлю всѣ записи, которыя указываютъ на сокрытыя сокровища въ землѣ.

— Но, можетъ быть, вы дадите за нее пятьсотъ рублей?

— Не дамъ ни тысячи, ни пятисотъ.

— Да вѣдь вы можете получить по ней цѣлый милліонъ.

— Я вамъ уже сказалъ и еще разъ скажу, что не вѣрю въ подобные пустяки.

— Въ такомъ случаѣ купите ее за триста рублей.

— Не куплю ни за пятьсотъ, ни за триста рублей.

— Бѣдность моя и крайняя нужда, а главное то, что я не правительственное лицо, заставляютъ меня продать ее... Ста рублей не дадите?

— Не дамъ!

— Пятидесяти, наконецъ?

— И пятидесяти не дамъ!

— Ну, такъ прощайте, ваше высокоблагородіе,— будете потомъ крѣпко жалѣть!

— Прощайте, почтеннѣйшій,—дай, Богъ, вамъ разбогатѣть!

Распахнувъ широко передъ собою дверь, посѣтитель мой перешагнулъ черезъ порогъ и потомъ быстро ушелъ прочь. Уже послѣ того я узналъ, что этотъ человѣкъ не безъ нѣкотораго имени въ уѣздѣ; онъ прославился именно тѣмъ, что открылъ было у себя, въ собственномъ дворѣ, какое-то чудо и уже собралъ себѣ малую толику презрѣннаго металла отъ того чуда, но въ то дѣло вмѣшалось мѣстное духовенство, и наложило на явленное чудо свой запретъ. Уже потомъ я также узналъ, что книга, которую мнѣ предлагали купить за тысячу рублей, есть не что иное, какъ «Запорожская рукопись о кладахъ», изданная Сементовскимъ въ Кіевѣ, въ 1857 году, и купленная мной въ Петербургѣ ровно за 50 копѣекъ серебромъ.

Слѣдующимъ днемъ, оставивъ Мишуринъ-Рогъ, я проѣхалъ селенія Куцеволовку, Деріёвку, Плахтіивку, Троицкое и, наконецъ, очутился въ селѣ Каменно-Потоцкомъ. Въ Каменно-Потоцкомъ я познакомился съ весьма интереснымъ и любопытнымъ батюшкой, нѣкогда, во дни студенчества, состоявшимъ въ качествѣ артиста въ труппѣ первостепеннаго малороссійскаго антрепенера, а теперь надѣвшаго на себя рясу и, вѣроятно, скоро имѣющаго получить камилавку. Батюшка съ любезностью свѣтскаго человѣка показалъ мнѣ всѣ церковныя древности, оставшіяся отъ временъ запорожцевъ, и съ искреннимъ радушіемъ хлѣбосольнаго хозяина угостилъ меня разными яствами и питіями и на прощаніе пожелалъ добраго и счастливаго пути отъ Крюкова до Петербурга.

Славный городъ Ногайскъ, онъ же городъ черныхъ пауковъ.

ЕМНОГІЕ изъ россіянъ знаютъ о существованіи города Ногайска и о всѣхъ прелестяхъ жизни въ немъ. А между тѣмъ этотъ городъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ и находится въ Таврической губерніи, недалеко отъ впаденія рѣчки Обиточной въ Азовское море. Онъ основанъ въ 1814—1820 году и предназначенъ былъ служить, такъ сказать, столицей или, правильнѣе, главнымъ мѣстомъ управленія ногайскихъ татаръ, ведшихъ дотолѣ кочевую жизнь, но потомъ долженствовавшихъ перемѣнить жизнь кочевую на осѣдлую и сдѣлаться заодно съ русскими, носителями славянской культуры въ Европѣ. Изъ ногайскихъ татаръ теперь въ городѣ Ногайскѣ, какъ говорятъ, нѣтъ ни единаго человѣка, кромѣ одного ногайца, женатаго на «косой Машенькѣ» торговкѣ. До 1896 года я никогда не бывалъ въ Ногайскѣ, хотя и слыхалъ, что то «неманэнькій» городъ... Лѣтомъ названнаго года ѣхалъ я изъ Бердянска въ Ногайскъ на парѣ хорошихъ лошадей, запряженныхъ въ фаэтонъ и управляемыхъ извозчикомъ изъ бердянскихъ раскольниковъ, называемыхъ здѣсь, по малороссійски, кацапами. Признаться, не люблю я ѣздить съ кацапами: это народъ угрюмый, слишкомъ сдержанный, мало

общительный, далеко необладающій тѣмъ живымъ и живописнымъ словомъ и въ особенности тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, какимъ обладаетъ хохолъ. Отъ того путь отъ Бердянска до Ногайска, около 40 верстъ, я проѣхалъ почти молча, обращаясь къ извозчику лишь съ тѣмъ, чтобы онъ энергичнѣе понукалъ своихъ лошадей и довезъ меня засвѣтло до Ногайска: мнѣ очень хотѣлось увидѣть впервые Ногайскъ днемъ. Въ Ногайскъ я ѣхалъ, впрочемъ, не съ тѣмъ, чтобы видѣть этотъ «неманэнькій» городъ, а съ тѣмъ, чтобы увидѣться въ немъ съ дорогимъ моему сердцу художникомъ Анастасомъ Гордіевичемъ Смоктіемъ. Анастасъ Гордіевичъ Смоктій проживалъ въ Ногайскѣ временно, у своего родителя, также, по званію и по призванію, художника, и я хотѣлъ прижать дорогого мнѣ человѣка къ моей груди и «де объ чимъ побалакать съ нимъ про запорозьку старовыну». Я зналъ, что отецъ и сынъ Смоктій ведутъ свой родъ отъ «славнаго» запорожскаго рода Смоктіевъ и что первый предокъ ихъ этой фамиліи любилъ выпить, любилъ и закусить и всегда дѣлалъ это съ превеликимъ удовольствіемъ, потягивая горилочку и присмоктывая губами. «Дывысь, якый Смоктій! Ичъ якъ смокче»! говорили объ немъ запорожцы и прозвали чрезъ то Смоктіемъ, хотя «по батькови» онъ прозывался Антоненкомъ.

Итакъ, я спѣшу-поспѣшаю къ Смоктіямъ и именно не къ отцу, котораго вовсе не знаю, а къ сыну Анастасу Гордіевичу. Но какъ я ни торопилъ моего угрюмаго извозчика, а все-таки пріѣхалъ въ Ногайскъ тогда, когда уже стемнѣло, т. е. около осьми съ половиной часовъ вечера. Прежде всего меня поразило въ Ногайскѣ отсутствіе освѣщенія и полное безлюдье. Я увидѣлъ только гдѣ-то вдали, впереди себя, на площади, два подслѣповатыхъ фонаря, надѣтыхъ на низкіе и кривые шесты, изъ коихъ одинъ шестъ покосился налѣво, а другой наклонился направо и первый скорѣе свѣтилъ Мелитополю, а второй скорѣе Бердянску; далѣе я замѣтилъ три-четыре человѣческихъ фигуры, копошившихся возлѣ какой-то яточки или навѣса, долженствовавшаго представлять собой ногайскій «гамазынъ». По всему городу царила такая невозмутимая тишина, что если бы наступить какой-нибудь собакѣ на хвостъ и если бы та собака завизжала на одномъ концѣ города, то визгъ ея несомнѣнно слышенъ былъ бы во всѣхъ остальныхъ улицахъ и переулкахъ города. «Неманэнькій же и городъ»!.. Конечно, о мостовыхъ, о панеляхъ, объ извозчи-

кахъ, о театрахъ, о клубахъ, о санитарномъ состоянiи города не стоитъ и говорить.

Въѣзжаю прямо на городскую площадь, спускаюсь съ фаэтона, подхожу къ яточкѣ и вижу тамъ какую-то человѣческую фигуру, не то мужчину, не то женщину, и спрашиваю:

— Не знаете ли, гдѣ тутъ у васъ живетъ художникъ Смоктiй?

— Художникъ Смоктiй? Возьмете вправо по этой, Славянской, улицѣ и ѣзжайте ею, все ею—все ею: по правую руку увидите высокiя ворота, какихъ во всемъ Ногайскѣ, да пожалуй и во всемъ Бердянскѣ, нѣтъ,—вотъ тамъ и живетъ Смоктiй.

Ѣду и смотрю на всѣ ворота, все съ правой стороны. Проѣхалъ одни, проѣхалъ другiя, проѣхалъ третьи, пятыя, десятыя, и вотъ вижу передъ собой зеленыя ворота съ высокимъ каменнымъ фронтономъ, съ двумя каменными же на фронтонѣ человѣческими фигурами и съ желѣзнымъ между фигуръ флюгеромъ, представляющихъ собой орла съ поднятыми крыльями, побѣждающаго змiя. Кому же иному, какъ не художнику, могутъ принадлежать такiя ворота? Конечно, художнику. А если художнику, то всеконечно Смоктiю! Подъѣзжаю къ воротамъ, схожу съ фаэтона и иду черезъ калитку во дворъ. Первое, что бросается мнѣ въ глаза во дворѣ—это цѣлый лѣсъ растущихъ среди двора высокихъ вѣниковъ, нарочно и очевидно съ практическою цѣлью насаженныхъ во дворѣ; затѣмъ бросается въ глаза высокiй деревянный срубъ колодца; за колодцемъ зеленѣющiй садикъ; слѣва длинный каменный флигель; справа сараи и погребъ и подъ прямымъ угломъ къ погребу низкiй, крытый черепицей домикъ. Во всемъ, до самыхъ ничтожныхъ мелочей, замѣтны образцовый порядокъ и необыкновенная чистота. Весь дворъ, и тамъ, гдѣ росли кустами вѣники, и тамъ, гдѣ ихъ не было, влсыпанъ былъ мелкими морскими ракушками, растертыми въ порошокъ, и все это вмѣстѣ давало понять постороннему человѣку объ истинныхъ вкусахъ и наклонностяхъ домохозяина.

Лишь только я вошелъ во дворъ, какъ увидѣлъ передъ собой мужчину выше средняго роста, на видъ сухощаваго, но крѣпкаго и мощнаго, уже далеко немолодого, но живого и энергичнаго, съ цѣлымъ ворохомъ сѣдоватыхъ вьющихся волосъ на красивой головѣ, съ небольшою, также сѣдоватою, бородкой, съ характерной шпаночкой на подбородкѣ и съ очень прiятной, но нелишенной нѣкоторой насмѣшливости, улыбкой. Въ общемъ этотъ человѣкъ

казался точно вылитымъ изъ стали и, повидимому, обладалъ большою физическою силой. Увѣренный въ томъ, что вижу передъ собой Смоктія—отца, я быстро подошелъ къ нему и назвалъ свою фамилію.

— А, голубчыку мій, такъ отъ якый вы изъ себе! Знаю, добре знаю вашу фамилію, чувавъ и чытавъ васъ!.. Анастасій, Анастасій, бижы скорійшъ сюды та подывысь, хто прыихавъ до насъ!..

И вотъ черезъ полминуты я уже былъ въ объятіяхъ Анастаса Гордіевича Смоктія...

Пріѣхавъ къ Смоктію на два дня, я пробылъ у него цѣлую недѣлю и за это время отдохнулъ и тѣломъ и душой. Анастасъ Гордіевичъ Смоктій во многихъ отношеніяхъ рѣдкій человѣкъ. Начать съ того, что онъ любитъ свою родину, любитъ малорусскій народъ, малорусскій языкъ, малорусскія пѣсни и старину до страсти, до полнаго самозабвенія. Какъ онъ чудно поетъ старинныя запорожскія пѣсни и въ особенности старокозацкія думы, подыгрывая къ тому на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ! Какъ онъ прекрасно играетъ на сопилочкѣ! Съ какою онъ страстью рыскаетъ по всѣмъ, доступнымъ ему, захолустнымъ мѣстечкамъ за козацкой стариной! Съ какимъ уваженіемъ онъ относится ко всякому старику, живущему старыми воспоминаніями, или къ какому-нибудь дядьку, представляющему своей фигурой что-нибудь типичное и оригинальное! Самая ничтожная черточка въ козацкомъ одѣяніи, козацкомъ оружіи или убранствѣ, ускользающая отъ вниманія историка или этнографа, занимаетъ и волнуетъ Анастаса Гордіевича болѣе, чѣмъ занимаетъ и волнуетъ какого-нибудь великаго дипломата глубоко-національный государственный вопросъ.

Анастасу Гордіевичу теперь около 40 лѣтъ; на видъ онъ русявый, носитъ бороду, которую низко подстригаетъ со всѣхъ трехъ сторонъ, и длинные, книзу опущенные, усы; глаза у него сѣрые, вдумчивые, очень добрые и очень ласковые; интонація голоса необыкновенно мягкая; по натурѣ онъ добрый и доброжелательный человѣкъ, въ обхожденіи съ людьми онъ мягокъ и деликатенъ; роста онъ выше средняго, немного сутуловатъ; сложенія плотнаго и крѣпкаго; ходитъ, немного сгибая носки сапогъ во внутрь, что, по народно-малороссійскимъ примѣтамъ, означаетъ нѣкоторую если не скупость, то разсчетливость. Анастасъ Гордіевичъ учился въ столицѣ, въ академіи художествъ, и это обстоятельство оставило

на немъ свои слѣды: выросши на лонѣ малороссійской природы, Анастасъ Гордіевичъ полюбилъ съ дѣтства все малорусское; проживши же нѣсколько лѣтъ въ столицѣ и, развивъ въ себѣ вкусъ художника, онъ еще больше полюбилъ все свое малорусское. Въ этомъ отношеніи Анастасъ Гордіевичъ представляетъ собой рѣдкій типъ того малоросса, который, усвоивъ столичную культуру, въ тоже время думаетъ, чувствуетъ и говоритъ не иначе, какъ по малорусски. Обыкновенно малороссъ, получившій столичное образованіе или просто усвоившій столичный лоскъ, или вовсе забываетъ свой родной языкъ, или стѣсняется говорить на немъ.

Всѣми лучшими качествами своего сердца и своей души Анастасъ Гордіевичъ Смоктій обязанъ своему отцу, Гордію Даниловичу Смоктію.

Гордій Даниловичъ Смоктій въ своемъ родѣ также рѣдкостный человѣкъ. Прежде всего онъ чистоплотенъ и аккуратенъ до педантизма. У него во всемъ дворѣ и во всѣхъ хлѣвахъ и закуточкахъ ни соринки, ни соломенки, и онъ ставитъ это себѣ положительно въ культъ. Такъ, когда къ нему, однажды, передъ холерной эпидеміей, пришла санитарная коммиссія съ врачемъ-евреемъ во главѣ, завѣдомымъ врагомъ Гордія Даниловича, то Гордій Даниловичъ, отворивъ всѣ двери и всѣ входы въ своихъ надворныхъ постройкахъ, съ гордостью объявилъ, что у него въ самомъ послѣднемъ помѣщеніи гораздо чище и запахъ гораздо пріятнѣе, нежели въ горницѣ у иного жида. И точно, врачъ-еврей, осмотрѣвъ всѣ закоулки смоктіевскаго двора, при всемъ желаніи его придраться къ чему-нибудь, долженъ былъ признать санитарное состояніе его безукоризненнымъ, подивившись при этомъ въ особенности тому, что въ каждой загородочкѣ у Смоктія развѣшаны были цѣлые пучки всевозможныхъ пахучихъ травъ, наполнявшихъ всѣ помѣщенія очень пріятнымъ ароматомъ.

Но трудно сказать, въ чемъ именно состоитъ главнѣйшій Гордія Даниловича Смоктія культъ—въ поклоненіи ли его чистотѣ, или поклоненіи живописи и зодчеству. Какъ живописецъ, Гордій Даниловичъ Смоктій извѣстенъ въ самомъ Ногайскѣ необыкновенной раскраской своего дома, какъ внутри, такъ извнѣ. Внутри дома онъ эффектно расписалъ всѣ потолки, всѣ стѣны, полы и подоконники. Снаружи, по стѣнамъ, онъ выкрасилъ свой домъ масляными зеленаго цвѣта красками; колонны, скрѣпляющія стѣны

дома, росписалъ красками голубого цвѣта, а черепичную крышу дома разрисовалъ красками стольких тоновъ и цвѣтовъ, сколько было всѣхъ на крышѣ черепицъ. Какъ зодчій, Гордій Даниловичъ Смоктій прославился въ Ногайскѣ, да и далеко за предѣлами его, сооруженіемъ у себя грандіозныхъ и необыкновенной архитектуры воротъ. Въ молодости Гордій Даниловичъ много путешествовалъ по разнымъ россійскимъ городамъ и въ особенности подолгу живалъ въ обворожительномъ Кіевѣ. Находясь въ Кіевѣ, онъ плѣнился остатками Золотыхъ Воротъ, воздвигнутыхъ великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ. Вернувшись изъ далекаго путешествія въ свой славный городъ Ногайскъ, Гордій Даниловичъ долго напрягалъ всѣ силы своего мощнаго зодческаго генія и наконецъ, послѣ долгихъ и необыкновенныхъ усилій, создалъ нѣчто грандіозное и достойное восхищенія,—это высокій каменный фронтонъ надъ воротами своего двора, украсивъ его человѣческими фигурами, колонками, выступами и нишами. Въ Ногайскѣ это произвело такое сильное впечатлѣніе, что многіе стали вести съ этого времени лѣтосчисленіе: «Это было тогда, когда Смоктій поставилъ въ Ногайскѣ свои ворота». Но окрестные болгары, пріѣзжая изъ окрестныхъ селъ въ городъ Ногайскъ и видя удивительныя человѣческія фигуры на воротахъ Смоктія, опредѣлили значеніе ихъ, по свойству своего практическаго ума, такъ: «Одынъ чоловикъ стоить на воротяхъ Смоктія, показуе на село: якъ нема грошій, то идь, Смоктій, на село,—тамъ грошій дадуть; а другый чоловикъ показуе на городъ: «якъ вернешься, Смоктій, изъ села, то поспишай у городъ,—тамъ бильшъ грошій треба, нижъ на сели»... Окончивъ свою работу, Гордій Даниловичъ отправился въ Петербургъ навѣстить своего старшаго сына и при первой же съ нимъ встрѣчѣ торжественно ему объявилъ: «Ну, сынку, тамъ же я ворота у себе соорудывъ! Таки ворота, шо не тилько въ Петербурзи, а десь и на всимъ земному шари нема»!.. А то, бывало, вскорѣ послѣ сооруженія воротъ, въ какой-нибудь изъ лѣтнихъ очаровательныхъ вечеровъ, когда жгучее солнце спрячется за горизонтъ и когда по улицамъ Ногайска пробѣжатъ съ поля домой всѣ стада свиней и поросятъ, Гордій Даниловичъ выйдетъ изъ собственнаго двора на улицу, отойдетъ черезъ дорогу къ противоположному сосѣднему дому, заложетъ руки назадъ подъ сюртукъ, откинувъ хвостъ его на отлетъ, обернется лицомъ къ своимъ воротамъ и самъ себѣ задастъ вопросъ: «Шо бъ тутъ ще додать? Чи не положыть коло фигуръ

шары? Чи не дать якій фигури въ руку винка? Чи не зробыть бы побильше хвистъ у орла?.. Ни, уже бильшъ ничого неможна додать! Шо можна було и якъ можна було зробыть—усе зробывъ! Тутъ главне мысль: одна фигура дывытця туда, а друга дивытця сюда»!..

И долго такъ стоитъ Гордій Даниловичъ противъ своихъ воротъ, погруженный въ глубокія думы; стоитъ до тѣхъ поръ, пока его думы случайно не нарушитъ какое-нибудь животное, въ родѣ свиньи: поотставъ отъ стада и тащась медленнымъ шагомъ по улицѣ, вся вымазавшаяся въ грязь, едва переваливающаяся съ боку на бокъ отъ готовности ежеминутно разрѣшиться десяткомъ или больше того поросятъ, полосатая хавронья, хрюкая и чавкая во всю свою обширную свиную пасть, медленно подойдетъ къ самымъ воротамъ Гордія Даниловича Смоктія и безцеремонно начнетъ «чухатьця» о коллонну воротъ, наполняя при этомъ всю панель самымъ непристойнымъ запахомъ. «Ахъ, ты, падлючище! Ахъ, ты, стервозыще! Ичь куды пидибралась чухатьця! Якъ бы жъ ты могла пиднять у гору свое свыняче рыло та якъ бы ты могла глянуть на ти фигуры, шо стоять на верху воротъ?.. Геть, паскуда, звидциля!.. Тьфу, и дыхать не можна черезъ паскудну тварь! Сказано, свыня»!..

Таково было то великое произведеніе зодчества, которое дало громкое имя Смоктію. Но это было первое и послѣднее напряженіе зодческаго генія его: съ тѣхъ поръ зодческій геній Гордія Даниловича какъ бы застылъ навсегда и въ такомъ дремлющемъ состояніи находится и по настоящій моментъ. Отъ зодчества Гордій Даниловичъ окончательно перешелъ къ церковной живописи и тутъ пріобрѣлъ себѣ широкую популярность не только во всей Таврической губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Къ воротамъ же своимъ онъ даже видимо охладѣлъ: такъ, возведя грандіозное сооруженіе и не найдя ничего, что можно было бы прибавить къ нему, Гордій Даниловичъ не сдѣлалъ въ немъ одной сущей, но весьма необходимой, бездѣлицы,—деревяннаго засова. Восемнадцать лѣтъ онъ все собирался купить на базарѣ деревянный обрубокъ для засова и въ теченіи всего этого времени никакъ не могъ этого сдѣлать. И сколько, вслѣдствіе того, что ворота не запирались наглухо въ ночное время, претерпѣлъ самъ Гордій Даниловичъ и вся его семья! Не разъ забѣгали къ нему во дворъ бѣшеныя собаки, не разъ забирались къ нему воры, не разъ пу-

гали его жену пьяные рабочіе, заходившіе, въ отсутствіе Гордія Даниловича, въ его дворъ и стучавшіеся подъ окна или подъ самыя двери его дома. И всякій разъ послѣ подобнаго происшествія Гордій Даниловичъ собирался непремѣнно купить деревянный обрубокъ и непремѣнно сдѣлать засовъ въ ворота: «Ну, теперь уже куплю, теперь такъ, шо непременно куплю на базари добрый дрюкъ и велю зробыть зъ нёго добрый засовъ»! И намѣренія Гордія Даниловича бывали иногда столь рѣшительны, что онъ даже внушалъ къ себѣ вѣру со стороны жены и собственныхъ дѣтей; онъ даже съ тою цѣлью ходилъ на базаръ, но приносилъ оттуда вмѣсто деревяннаго дрючка пару большихъ и сочныхъ арбузовъ или же полдесятка ароматичныхъ дынь. Такъ это и велось до самаго послѣдняго пріѣзда старшаго сына его, Анастаса Гордіевича, въ городъ Ногайскъ. Уже тутъ, въ отсутствіе Гордія Даниловича, Анастасъ Гордіевичъ и пишущій эти слова раздобычились на березовый дрюкъ, лично обтесали его, лично пригнали къ воротамъ и лично задвинули его на ночь для безопасности отъ воровъ. Всякъ можетъ представить себѣ, какого было послѣ этого удивленіе Гордія Даниловича Смоктія, когда онъ, пріѣхавъ домой въ позднюю ночь, нашелъ свои ворота запертыми на засовъ?!..

Есть у Гордія Даниловича Смоктія, кромѣ двухъ названныхъ слабостей, еще одна,—это ничѣмъ необъяснимая его привязанность къ лукавому, лѣнивому и разжирѣвшему коню, постоянно стоящему подъ навѣсомъ въ садку и только то и дѣлающему, что жующему сѣно или овесъ, да и то какъ-то вяло, точно во снѣ. Сколько разъ Гордій Даниловичъ собирался продать или промѣнять цыганамъ своего совершенно безполезнаго и никуда негоднаго коня, но всякій разъ, въ виду рѣшительнаго момента, онъ находилъ обстоятельства, смягчавшія вину стараго коня, и снова оставлялъ его спокойно стоять подъ навѣсомъ, въ садку, и спокойно жевать сѣно или овесъ. Этотъ конь въ самомъ дѣлѣ на столько лѣнивъ, что на немъ нѣтъ никакой возможности и никакого терпѣнія ѣздить даже на купанье къ морскимъ берегамъ: три или три съ половиной версты въ одинъ конецъ на немъ нужно ѣхать мало что не полдня, да и то съ огромнымъ кійкомъ въ рукахъ. Если, онъ и везетъ, то везетъ только подъ гору, внизъ: тогда на него не только не надо кійка, а надо держать на крѣпкихъ возжахъ, чтобы онъ не понесъ съ горы. И однажды въ самомъ

дѣлѣ конь такъ понесся съ горы, что перекинулъ возокъ, вывалилъ изъ него Гордія Даниловича Смоктія и сломалъ ему ногу пополамъ. Если Гордію Даниловичу нужно сдѣлать разстояніе отъ Ногайска въ какое-нибудь село всего 60—65 верстъ, то онъ дѣлаетъ къ своему отъѣзду такія приготовленія, точно собирается въ далекій Іерусалимъ. Свое путешествіе въ шестьдесятъ верстъ совершаетъ онъ въ теченіи трехъ дней и въ теченіи столькихъ же дней возвращается домой. Но если бы кто—нибудь подумалъ, что Гордій Даниловичъ негодуетъ на своего лукаваго коня за его невозможно медленную ѣзду, то тотъ жестоко ошибся бы въ своемъ предположеніи: «Ну, жинко, сегодня нашъ гнидый тай закатувавъ же додому, наче той петербурській рысакъ!.. Зовсимъ було хотивъ цыганамъ коня сбуть, та бачу, шо на-нёму треба уміючи издыть, або, якъ бы тамъ вирнійше сказать, обиходытыця зъ нымъ»... И послѣ этого Гордій Даниловичъ заводитъ своего коня подъ навѣсъ, самъ идетъ во дворъ, вырываетъ съ корнемъ самый роскошный кустъ зеленаго вѣника, беретъ тотъ вѣникъ въ руки, идетъ съ нимъ къ коню и начинаетъ съ особенною заботливостью отгонять отъ него назойливыхъ мухъ. «Гм, продать коня! сбутъ цыганамъ коня! Та ты подывысь, яки у нёго ногы! Та ты глянь, яка у нёго кисть! Де жъ такы ёго продавать? Онъ у Антона и пара коней, такъ начхать же на ныхъ! Одынъ хромый, а другый слабый, а тутъ же жъ, ты подывысь, ты тилько подывысь, чого стое оця одна нога!... Оце треба бъ зъ морськои свыни сала купыть та помазать спыну коню, шобъ анахтемськи мухы не трогалы бидолаху... Гм, цыганамъ коня продать! Та ты глянь, яка у нёго грыва, якый у нёго хвистъ»!.. И снова Гордій Даниловичъ идетъ во дворъ, снова срываетъ тамъ вѣникъ и снова начинаетъ свѣжимъ вѣникомъ сгонять съ коня назойливыхъ мухъ. Для того-то именно, а не для чего иного, и насаженъ у Гордія Даниловича среди двора цѣлый лѣсъ вѣниковъ. Впрочемъ, каждый день Гордій Даниловичъ собирается купить жиру морской свиньи, запаху котораго не переноситъ ни одна муха: «Ну, теперъ суччій я буду сынъ, якъ не куплю! Теперъ уже съ тимъ, шо куплю! Тоди вже не одна паскуда не сяде на мого коня»!.. И все-таки онъ никакъ не можетъ собраться на то, чтобы, зайти въ лавку и купить тамъ жиру морской свиньи и вмѣсто того, какъ только утромъ встанетъ съ постели и какъ только уберетъ все во дворѣ, тотъ часъ же срываетъ вѣникъ и съ тѣмъ вѣникомъ бѣжитъ къ

коню съ тѣмъ, чтобы согнать съ него «анахтемськихъ» мухъ. И такъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ день Гордій Даниловичъ навѣдается подъ навѣсъ къ своему любезному коню, штукъ двадцать вѣниковъ истреплетъ надъ его спиной и столько же разъ полюбуется и его костью, и его ногой, и его гривой, и его хвостомъ.

Такъ вотъ къ этимъ-то Смоктіямъ, отцу и старшему сыну, я и завернулъ проѣздомъ изъ Бердянска въ Мелитополь въ іюлѣ мѣсяцѣ, 1896 года. На другой же день послѣ моего пріѣзда въ Ногайскъ Гордій Даниловичъ Смоктій уѣхалъ на своемъ удивительномъ конѣ и въ своей удивительнаго устройства бричкѣ куда то верстъ за 60 отъ Ногайска, что означало, что онъ можетъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вернуться домой никакъ не раньше, какъ черезъ 6 или черезъ 8 дней. Въ домѣ остался одинъ старшій сынъ, Анастасъ Гордіевичъ, съ семьей.

Стояла страшно жаркая, сухая и удушливая погода Вслѣдствіе, такой погоды вяло двигались члены, вяло дѣйствовалъ и мозгъ. Мы поминутно перемѣняли мѣста своего сидѣнія, то переходя изъ душныхъ комнатъ подъ тѣнь старой шелковицы, стоящей у стѣны стараго флигеля, то располагаясь подъ вѣтвистыми деревьями садика, то забираясь подъ бѣлыя акаціи, растущія передъ домомъ, на улицѣ. Вотъ вылазимъ мы на улицу въ самыхъ легкихъ костюмахъ—безъ шапокъ, въ туфляхъ, въ полотняныхъ съ мережками сорочкахъ,—садимся за воротами, прямо на земляномъ тротуарѣ, свѣшиваемъ ноги въ канаву и упираемся бокомъ или спиной въ дерево. Къ намъ подходитъ сосѣдъ Антонъ Платоновичъ Пидлужный, совсѣмъ босой, безъ шапки, въ толстой сорочкѣ и въ нанковыхъ шароварахъ; онъ также садится на тротуарѣ и также спускаетъ ноги въ канаву. Надъ всѣми «керуе» Анастасъ Гордіевичъ Смоктій. Онъ сидитъ немножно согнувшись и наклонивши голову впередъ. Запустивъ руку въ глубину собственной пазухи, Анастасъ Гордіевичъ уловляетъ въ ней какое-то насѣкомое и потомъ, покрутивъ-покрутивъ его пальцами, медленно выбрасываетъ его вонъ на солнечную спеку, стараясь подальше отбросить его отъ себя. Послѣ того онъ медленно и съ разстановкой вопрошаетъ:

— Скажить, голубчыкы мои, якихъ вы знаете малоруськихъ чортивъ?

— Малоруськихъ чортивъ?

— Эге жъ, малорусськихъ чортивъ! Яки воны есть?

— А яки жъ воны есть? Я знаю одного Безпьятого чорта.

— А якый же той Безпьятый чортъ?

— Чортъ, якъ чортъ, а Безпьятымъ звется видъ того, що вовкъ ёму пьяту одкусывъ.

— Ну, якъ хочете жъ вы знать, то чорты бувають водяни, степови, хатни и лисови. Изъ водяныхъ самый важэнный, Анцыболотъ,— це главне начальство надъ усима водяными; потимъ Водяный чортъ,—це той, що гребли рве; дали Синько водяный,—це старый бородатый чортъ, такый, що у ночи хапа людей та топе ихъ мижъ лотокамы у водяному млыну; есть ще изъ водяныхъ Рябый бисъ,—це дуже злый чортъ, моя бабка було якъ лаитця, то каже: «А щобъ тебе Рябый бисъ узявъ». Изъ степовыхъ чортивъ самый главный Куцакъ,—у шкоди десь бувъ тай хвоста збувсь; дали Танцюрыстый чортъ: у выхори танцюе та бьетця зъ другымы чортамы; кажуть, якъ кынуть у той выхорь ножа, то винъ увесь буде у крови. Есть ще Шуть чортъ: цей украде або оброть, або путо у хлопця, чи у дядька, що пасе коней у степу, тай закыне геть; то хлопець ходе—ходе, а дали й каже: «Ну, годи вже, пошутывъ и буде», то винъ и пидкыне. Одынъ чоловикъ такъ и бачывъ степового чорта: винъ, каже, якъ и чоловикъ, та тилькы безъ с...ы, сами кынкы тягаютця по земли... Изъ хатнихъ чортивъ самый першый Дидько; отъ то у старовыну такъ лаялысь було: «Що ты робышъ? Дидько бъ панувавъ твого батька»! Або: «Шобъ тебе Дидько взявъ»! Цей Дидько, якъ у день, то все на горищи сыдыть, а якъ у ночи, то пластае по синяхъ та по коморяхъ. Такъ отъ то для того, щобъ винъ не шаставъ ничью, треба ляду на горищи на ничь закрывать, або винъ спустытця зъ горища до дижкы, що въ синяхъ зъ водою стоить, тай локче воду, якъ той псесъ. Такъ бабка моя було що вечора и каже: «Хвесько, а Хвесько, чи ты закрыла ляду на горищи»? Изъ хатнихъ же чортивъ есть ще Бисытель чортъ; отъ тожъ и лаютця нымъ: «Бисытель твоему батькови»! Потимъ того Луканька,—це дуже проказный и лукавый чортъ: винъ, якъ що треба кому капость яку-небудь учыныть, такъ уже пидстрое таку, що будешъ чмыхать увесь день; той такъ пидведе, що й на печи ус.....я; не найдешъ ничью дверей, зъ просонку, тай учхаешься; однымъ словомъ, дуже капосный бисъ. Хатни чорты плохи, а степови

дыки. Отъ тожъ и птыця домашня плоха, а степова дыка. Изъ лисовыхъ чортивъ есть Лисовыкъ чортъ; винъ самъ билый, а пьятки шмалени; цей крипко дурыть людей: винъ оце скынетця чоловикомъ тай иде по лису на такому вози, шо такъ полудрабкы и сыплютця зъ нього, а винъ знай лупе та торохтыть якъ скаженый по лису; то лисовый сторожъ дума, що воно ворюга якый забравсь у лисъ, та давай за нымъ гонытьця, ажъ то воно чортъ. Одынъ дидъ, по фамылии Попенко, розсказувавъ про того лисового чорта таке: «Иду, каже, разъ я по лису и дохожу до ричкы, а въ нашому лиси, та бачьте, ричка Озныця протикае; дохожу до ричкы, дывлюсь, стоить у берега човенъ. Я сивъ у той човенъ тай давай гребтысь до другого берега. Гребусь соби тай гребусь; колы це выбравсь на середыну, ажъ тутъ човенъ якъ росколыхавсь, якъ росколыхавсь, и хто ёго зна видъ чого. Дывлюсь я, ажъ на дни човныка лежить якесь собачатко, такъ якъ отъ то саща, лежыть, и пьятка у нёго на одній нози обшмалена, свернулось у клубочокъ тай мугоче. Такъ не знаю уже, чи воно у мене була на голови шапка, чи не була, а тилько я й весло зъ рукъ выпустывъ. Тилько шо човенъ ставъ пидходыть до другого берега, а воно зъ човна пулькъ! Та такъ у воду и пулькнуло... Отъ тожъ воно и бувъ настоящій лисовикъ... Окримъ цихъ усихъ чортивъ есть ще чортъ Люцепырь. Це уже страшенный чортюга! Усимъ чортамъ чортъ! Це, мабуть, той, шо у нимцивъ звется Люцыхверъ. Ще есть якись чорты, наши таки, украинськи та теперъ я ни якъ не прыгадаю всихъ, а чувъ, якъ малымъ бувъ. А шо якъ бы цей вопросъ, про украиськихъ чортивъ, та на збиговыщи археологивъ пиднять? Чи не знайшлась бы ще яка—небудь спасенна душа, шо знае нашихъ чортивъ?

— А шожъ? Це мысль! А я ще отъ шо думаю, Анастас Гордіевычу?

— А шо вы думаете?

— Я думаю, якъ бы такъ, шобъ намалювать въ картынахъ усихъ нашихъ малоруськихъ чортивъ.

— А шожъ? И це мысль!..

Отъ малорусскихъ «чортівъ» Анастасъ Гордіевичъ неожиданно переходитъ къ каменнымъ бабамъ и объявляетъ, что у двухъ нагайскихъ жительницъ, вдовы болгарина Марка Кралева и бабы Карпущихи, есть каменныя бабы, и одна изъ нихъ стоитъ въ садку, а другая на улицѣ, у прысьбы.

Тогда медленно поднимаемся мы со своихъ мѣстъ и идемъ смотрѣть каменныхъ бабъ. Изъ двухъ бабъ болѣе интересной оказывается баба у вдовы Марка Кралева,—она наилучше сохранилась и даетъ много интересныхъ деталей; менѣе интересна баба старой Карпущихи, такъ какъ она сильно «подзюбана», снизу обмазана бѣлой глиной, сверху—жёлтой и представляетъ собой уже не бабу, а скорѣе какое-то «чупырадло».

Осмотрѣвъ каменныхъ бабъ, мы снова возвращаемся къ смоктіевскому дому и снова садимся за воротами, но уже не на тротуарѣ, а въ палисадникѣ, возлѣ стѣны дома, гдѣ больше тѣни. Тутъ Анастасъ Гордіевичъ заводитъ рѣчь о черныхъ паукахъ и неожиданно спрашиваетъ меня, знаю ли я о томъ, что возлѣ города Ногайска, да и въ самомъ Ногайскѣ, водятся черные пауки, причиняющіе своимъ укушеніемъ страшныя страданія людямъ.

Я отвѣчаю, что о существованіи такихъ пауковъ въ запорожскомъ краѣ только читалъ въ книгахъ, но натурально никогда ихъ не видалъ.

— Ну, такъ постойте жъ, голубчику мій, ось я вамъ и натурально ихъ покажу та ще й до тіеи бабы васъ поведу, шо тутъ личе видъ тыхъ паукивъ.

Оказалось, что лѣто 1896 года особенно богато было черными пауками, и не было въ іюнѣ и въ особенности въ іюлѣ мѣсяцѣ того дня, въ который бы не привозили въ городъ Ногайскъ кого-либо изъ крестьянъ, укушенныхъ чернымъ паукомъ. Этотъ врагъ человѣка величиной съ ягоду спѣлаго терна, цвѣтомъ настоящаго чернаго бархата, сидитъ большею частью не въ норѣ, какъ тарантулъ, а въ паутинѣ на скошенномъ хлѣбѣ или на низкомъ деревѣ при землѣ. Человѣкъ, укушенный чернымъ паукомъ, испытываетъ необыкновенныя страданія, при видѣ которыхъ зритель приходитъ въ ужасъ и содроганіе. У несчастнаго распухаютъ вѣки, носъ дѣлается краснымъ, все тѣло синѣетъ, покрывается обильнымъ потомъ и какъ бы вздувается; больной трясется всѣмъ тѣломъ, становится на четвереньки, страшно кричитъ и стонетъ; жалуется на то, что у него внутри все какъ бы горитъ и раздирается, и поминутно проситъ воды, рветъ на себѣ платье и порывисто мечется въ разныя стороны.

И вотъ не успѣли мы исчерпать всей темы разговора о черныхъ паукахъ и объ ужасныхъ для человѣка послѣдствіяхъ отъ

укушенія ихъ, какъ мимо насъ промчалась бричка, въ которой лежала больная женщина, укушенная паукомъ, прикрытая толстымъ рядномъ и издававшая на всю улицу страшные стоны и крики, раздиравшіе нашъ слухъ. Мы немедленно встали со своихъ мѣстъ, наскоро одѣлись и побѣжали вслѣдъ за больной, которую повезли къ лекаркѣ, помогающей несчастнымъ отъ укушенія паука, Марьѣ Трофимовнѣ Могилихѣ, пользующейся широкою популярностью не только въ самомъ Ногайскѣ, но и далеко за предѣлами его. Прибѣжавъ ко двору Могилихи, мы увидѣли стоявшую у воротъ только что пріѣхавшую бричку, но больной въ ней уже не нашли, такъ какъ ее отнесли въ хату. Войдя въ хату, мы увидѣли больную лежащею на лавкѣ и тутъ же суетившуюся возлѣ больной бабусю, у которой и попросили позволеніе взглянуть поближе на больную и посмотрѣть самые пріемы леченія, на что тотчасъ и получили полнѣйшее дозволеніе. Бабуся Марья Трофимовна Могилиха въ высшей степени симпатичная, привѣтливая и добрая старушка и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма типичная, и по своему обличью, и по всѣмъ своимъ пріемамъ, малороссіянка. Ея доброта, казалось, такъ и просилась наружу, просвѣчивая въ каждомъ мускулѣ, въ каждой черточкѣ тѣла. За свое леченіе она ничего не требуетъ и беретъ только то, что добровольно ей предлагаютъ: «Кусочекъ хлибця, два, або три ячка, а якъ колы шматочокъ сальця. Тай за що єго брать гроши зъ людей? Треба людямъ въ биди помогать, а не гроши зъ ныхъ драть»...

Бабуся Марья Трофимовна Могилиха живетъ очень убого на концѣ города Ногайска, какъ бы подтверждая собой народно-малороссійскую пословицу—«Моя хата зъ краю—я все горе знаю» Кромѣ леченія отъ укушенія паукомъ, бабуся Могилиха лечитъ еще отъ бѣшенства и укушенія гадюкой. Всѣмъ этимъ она обязана своему отцу, столѣтнему старцу, Трофиму Ахтуляренку, теперь уже впавшему въ дѣтство, но когда-то пользовавшемуся широкой славой замѣчательнаго лекаря, навлекшаго на себя даже преслѣдованіе со стороны врачей, но спасеннаго заступничествомъ самихъ крестьянъ: «Якъ его въ тюрьму, такъ и насъ въ тюрьму», категорически заявили крестьяне властямъ, запретившимъ было врачевать диду Трофиму Ахтуляренку подъ угрозой наказанія.

Леченіе бабуси Могилихи состоитъ въ томъ, что, принявъ у себя больного или больную, она кладетъ его или ее у себя въ

хать на лавку, открываетъ мѣсто, укушенное паукомъ, и начинаетъ придавливать его тремя пальцами, крестя тѣло черезъ ранку на четыре стороны и приговаривая шопотомъ какія-то слова. Эта манипуляція повторяется довольно долго, до тѣхъ поръ, пока вся формула неизвѣстныхъ словъ не будетъ произнесена 9 разъ. Послѣ этого лекарка даетъ больному стаканъ воды съ уксусомъ и нашатыремъ и на первый разъ считаетъ дѣло леченія оконченнымъ. На второй и третій день снова продѣлываетъ тоже самое, что и на первый, и къ концу третьяго дня больной совершенно выздоравливаетъ. Лекарка раньше прибѣгала еще, по примѣру своего отца, и къ горячимъ ваннамъ, но потомъ оставила это средство, послѣ того какъ посадила одну больную въ ванну и у той больной «очи повыперало якъ цыбулю». У батька ея это средство приносило большую пользу, можетъ быть, отъ того, что онъ что-нибудь прибавлялъ въ воду, но у нея оно не приноситъ никакой пользы, и потому отъ горячихъ ваннъ она давно уже отказалась.

Что именно въ леченіи бабуси Могилихи дѣйствуетъ благотворно на больного—предоставляется судить и думать каждому; но можно передать за фактъ то, что когда родные слишкомъ медлили доставкой больного къ лекаркѣ, то онъ не выдерживалъ страданій и умиралъ по дорогѣ къ Ногайску. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ или иначе, а леченіе бабуси Могилихи имѣетъ для больныхъ свои благодѣтельныя послѣдствія.

— Бабуся, а не можна жъ узнать одъ васъ, яки вы слова прыговорюете, якъ личыте хворого?

— Цёго вже, голубчыку сызенькій, не можна, ни якъ неможна, бо якъ я скажу вамъ, чи кому другому, ти слова, такъ бильше и ликарювать не буду,—бо тоди зъ мене вся сыла выйде. Тилькы й можно сказать тоди, якъ буду вмираты. Теперъ у мене ни дочокъ, ни сынивъ нема, такъ я сестри, меньшій видъ мене, передамъ ти слова.

Послѣ этихъ словъ намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ поблагодарить добрую бабусю за оказанный съ ея стороны любезный намъ пріемъ и уйти отъ нея.

Никогда раньше мнѣ не доводилось слыхать о существованіи черныхъ пауковъ въ Новороссіи, не смотря на то, что я уже 15 лѣтъ подъ рядъ разъѣзжаю по разнымъ куткамъ и закоулкамъ ея съ цѣлями археологическими, топографическими и этнографическими.

Мнѣ приходилось только читать о томъ у историка запорожскихъ козаковъ XVIII вѣка, князя Семена Ивановича Мышецкаго, который говоритъ о паукахъ мармукахъ, водившихся въ низовьяхъ Днѣпра, у лѣваго берега рѣки, и причинявшихъ большой вредъ русской арміи при движеніи графа Миниха съ полками къ устью Днѣпра и къ Крымскому побережью. «Отъ рѣки Валивелы внизъ Днѣпра въ 20 верстахъ, при Конскихъ-Водахъ, имѣлся тутъ въ древнее время татарскій великій городъ, а какъ именовали, того неизвѣстно, который отъ самыхъ татаръ разоренъ за тѣмъ, что въ ономъ городѣ пауки, а по турецкому званію мармуки или тарантулы, людей поѣдали: ково оные ни ужалятъ, тотъ уже не будетъ живъ. А отъ оного города, въ 5 верстахъ, имѣлся у нихъ другой городъ, о наименованіи его также неизвѣстно, и въ ономъ такіе жъ пауки людей поѣли, того ради и тотъ у нихъ оставленъ. Во ономъ городѣ и нынѣ имѣется пустая ихъ каменная мечеть. Которые пауки и нынѣ на тѣхъ мѣстахъ имѣются, и въ 1738 году, когда россійская армія на томъ мѣстѣ нѣсколько дней стояла, отъ оныхъ пауковъ нѣкоторый вредъ людямъ учинился» [1]).

Признаюсь, читая раньше сочиненіе князя Мышецкаго, я до послѣдняго случая не вѣрилъ его показанію и относилъ его сообщеніе о паукахъ, причинявшихъ такой серьезный вредъ людямъ, къ обыкновеннымъ баснямъ, которыми разные историки прошлыхъ вѣковъ наполняли свои повѣствованія.

Какъ бы то ни было, но, оставивъ привѣтливую бабусю Могилиху и выйдя изъ ея двора, мы тотъ часъ взяли направо и пошли пѣшкомъ въ степь съ тѣмъ, чтобы дойти до рѣчки Обиточной, падающей въ Азовское море, и полюбоваться прекраснымъ видомъ, открывающимся за лѣвымъ берегомъ рѣчки и идущимъ до самаго моря. Едва сдѣлали мы четверть версты по степи, какъ на наше счастье намъ попался на глаза на низкой стернѣ тотъ самый черный паукъ, который причинялъ людямъ столь великія страданія. Но это пока былъ еще молодой паучекъ, величиной съ небольшую горошинку, но черный какъ смоль и совершенно круглый какъ шарикъ. Къ сожалѣнію, при насъ не было никакой стклянки, въ которую можно было бы захватить для рѣдкости опаснаго паука, и мы, насмотрѣвшись на него вдоволь, потянули по степи дальше и пришли въ обрывистому и

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852. 63.

высокому берегу рѣки Обиточной. Высмотрѣвъ самое высокое и самое живописное мѣстечко у праваго берега рѣчки, мы и расположились на немъ, предварительно осмотрѣвъ всѣ норки и всѣ ямочки, въ которыхъ могъ бы скрыться опасный паучекъ.

Солнце только что скрылось за далекимъ горизонтомъ, и потому въ степи потянуло той живительной прохладой, которая особенно бываетъ пріятна послѣ продолжительнаго и страшнаго дневного зноя. Передъ нами развернулась далекая и въ своемъ родѣ рѣдкая перспектива. Справа тянулся по обширной низинѣ городъ, слѣва открывалась на безконечное пространство степь, а прямо передъ глазами развертывалась на необъятное пространство низкая луговина, окаймленная съ одной стороны рѣкой, съ другой охваченная моремъ, сплошь поросшая зеленой и сочной травой и по мѣстамъ усаженная деревьями — осокоремъ, лозой, вербой, ивой. Сама рѣчка Обиточная течетъ въ очень глубокомъ ложѣ, заросшемъ мѣстами высокимъ камышомъ, мѣстами густыми кустами деревъ, и дѣлаетъ множество поворотовъ то вправо, то влѣво, то на большомъ разстояніи, то слишкомъ на незначительномъ и сразу круто. Глубина рѣчки отъ этого бываетъ весьма различна—отъ нѣсколькихъ саженъ до одного аршина.

Никто не можетъ ни доказать, ни разсказать того, когда и почему рѣчка Обиточная получила свое прозваніе. Зато многіе могутъ повѣдать о томъ, какъ не разъ и не два, въ весеннее время, тонули и безслѣдно исчезали въ этой рѣчкѣ люди, уносимые быстрымъ теченіемъ въ море.

Вотъ одна изъ такихъ повѣстей, извѣстная очень многимъ въ Ногайскѣ.

Когда-то очень давно, жила въ городѣ Ногайскѣ одна богатая вдова Доманчиха. У нея и земелька была своя, и волики были, и коровъ не одна «штука», и овечатъ «чимало», и птицы всякой многое множество; зато дѣтей всего лишь былъ одинъ-единственный сынъ, да и тотъ какъ-то непохожій на другихъ: съ виду онъ какъ будто казался и здоровымъ парнемъ, а на самомъ дѣлѣ былъ хилый, вѣчно сердитый и противъ всего и противъ всѣхъ озлобленный. Ужъ чего-чего старая вдова не предпринимала и не дѣлала для того, чтобы разогнать «тугу» своего сына? Ходила она и къ бабкамъ-знахаркамъ, нанимала и батюшку служить молебны, подавала и на часточку за здравіе Васыля, посылала гроши и въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы выслали ей для головы больного отъ свя-

тыхъ мощей шапочку, но все было напрасно: сынъ Васыль будто и не хворалъ ничѣмъ, а все ходилъ какимъ-то смутнымъ и невеселымъ. Хоть бы пошелъ повеселиться къ товарищамъ—и къ товарищамъ нейдетъ! Хоть бы пошелъ къ дивчатамъ да пожартовалъ съ ними,—такъ куда тамъ, о дивчатахъ и слушать не хочетъ! Что же, наконецъ, съ нимъ дѣлать? Женить его—больше ничего!..

Была за городомъ, въ какомъ-то селѣ, также одна вдова Роздайбида, убогая и неимущая, зато гордившаяся своей дочерью, красавицей Настусей. Такой красавицы ни въ Ногайскѣ, ни далеко за Ногайскомъ не было да, кажись, и не могло быть, какъ Настуся, «вдовьина дочка». Роста выше средняго, станъ «тонкій та гнучкый» какъ молодая тополя, бровки черныя, какъ намалеванныя, глазки темные-темные, какъ бываетъ темна ночь осенняя, и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе ласковые-ласковые, что какъ посмотрятъ они на человѣка, то тому человѣку и тепло, и радостно, и весело на душѣ становится; коса черная-пречерная съ сизымъ отливомъ, длины чуть ли не до самыхъ пятъ; зубки бѣлые—бѣлѣе сахару: какъ засмѣется она, какъ раскроетъ свои коралловыя губоньки, то такъ и блеснетъ своими зубками, точно выточенными, точно на подборъ подобранными А голосокъ у Настуси! Такой звонкій да высокій голосокъ, что какъ выведетъ она какую-нибудь пѣсенку да какъ протянетъ конецъ ея, то эхо отъ той пѣсни такъ и зазвенитъ, какъ серебряный колокольчикъ, такъ и разольется по открытому воздуху, какъ разливается по зеленой долинѣ чистая, катящаяся съ высокихъ горъ, вода. Уже пѣсня давно окончена, уже сама пѣвица давно убѣжала домой съ улицы, а голосъ ея все стоитъ въ воздухѣ, все дрожитъ и переливается... «Ну, й дивчина жъ! Не дивчина, а втиха».. Возлѣ такой дивчины жениховъ, какъ возлѣ сладкаго меду мухъ. Но дивчина пока чиста и тѣломъ и душой. Изъ парубковъ ей не нравится ни одинъ на селѣ. Только и приходится ей по душѣ городской «панычъ» Мыкола Тихій, котораго она случайно видѣла на базарѣ, въ городѣ. Онъ хоть и панычъ, а такой простой, добрый, взглядъ у него такой ласковый, голосъ такой тихій, но проникающій прямо въ душу и заставляющій отъ чего-то трепетать молодое сердце. И еще разъ видѣла Настуся паныча, когда онъ ѣхалъ черезъ ихъ село въ какой-то далекій городъ Москву. Странно кольнуло ей въ сердце, когда она увидала заднія колеса брички, катившейся за селомъ, и цѣлое облако пыли, закрывавшее бричку отъ взора. «Но то панычъ,

а Настуся простого козака дочка, убогая при матери сирота, она неривня панычу». Вотъ краще было бы, если бы ее посватала богатая вдова Доманчиха за своего Васыля. Такъ твердить Настусѣ ея матинка, и Настуся въ который разъ уже слышить это и въ концѣ концовъ свыкается съ тѣмъ, что она должна сдѣлаться «дружиною» Васыля. Такъ на самомъ дѣлѣ и сталось оно: Настуся вышла замужъ за Васыля.

Но замужество не принесло Настусѣ счастья, да и не измѣнило нрава Васыля: Васыль попрежнему былъ мраченъ и угрюмъ: Настуся, прежде живая и веселая, также стала задумчива и грустна, и на ея дотолѣ свѣтлое лицо легла точно мрачная тѣнь. Иногда Настуся подойдетъ къ Васылю, нѣжно приласкается къ нему, нѣжно приголубится, но онъ вмѣсто того, чтобы взять ее за стройный станъ, вмѣсто того, чтобы горячо прильнуть къ ея пламеннымъ губамъ, рѣзко оттолкнетъ ее отъ себя и тотъ часъ же уйдетъ изъ хаты или куда-нибудь въ огородъ, или еще дальше, куда-нибудь въ степь.

Такъ проходитъ цѣлый годъ. Настуся все болѣе и болѣе увядаетъ. а Васыль все мрачнѣе и мрачнѣе дѣлается. Старая вдова не знаетъ уже, какихъ ей средствъ и искать, чтобъ Васыль ласковѣе сталъ къ своей Настусѣ и чтобъ Господь Богъ послалъ ея «невистоньци, чи сыночка, чи дочечку». Но все было напрасно. Однажды крѣпко занедужалъ Васыль. Настуся передъ тѣмъ уѣхала къ матери, въ село, и за сыномъ стала ухаживать сама мать. Уже который день Васыль лежитъ безъ движенія и безъ памяти и который день уже мать убивается возлѣ своего сына. Но тутъ, переворачивая сына съ боку на бокъ и одѣвая и раздѣвая его, старая вдова неожиданно открыла то. отъ чего невольно вскрикнула и невольно произнесла: «Ни, тутъ ни бабы, ни диды ничого не можуть запомигты моему Васылю»..

Скоро послѣ того Васыль выздоровѣлъ. но онъ сдѣлался еще озлобленнѣй и еще мрачнѣй. Скоро вернулась къ свекрови и Настуся изъ своего села. Прошли жаркіе дни лѣта. Настали первые и чудные дни осени. Однажды, въ какой-то праздникъ, Настуся отправилась съ тремя дивчатами къ рѣчкѣ Обиточной. Весело щебеча и подпѣвая игривыя пѣсенки, дивчата пришли къ берегу рѣчки, увидѣли тамъ, въ тиховодѣ, между густыми лозами, лодочку, недолго думая повскакивали, какъ дикія козочки, въ ту лодочку, нашли на днѣ ея весельце и начали разгуливать по рѣчкѣ въ ло-

дочкѣ. Вотъ проплыли онѣ мелкое плёсо, вотъ обогнули крутой и высокій мысъ, далеко вдавшійся въ рѣчку, вотъ выскочили онѣ на очень глубокое плёсо. Но тутъ лодочка ихъ вдругъ накренилась на бокъ, зачерпнула однимъ бокомъ воды, зашаталась въ разныя стороны и стала медленно опускаться ко дну. Крикъ ужаса вырвался изъ устъ несчастныхъ дивчатъ и вмѣстѣ съ этимъ крикомъ лодка опрокинулась вверхъ дномъ. Долго боролись несчастныя съ сильнымъ теченіемъ рѣки, но потомъ, обезсиленныя и обезумѣвшія отъ ужаса, стали опускаться одна за другой на дно...

Случайно проходилъ въ ту пору мимо рѣки городской панычъ Мыкола Тихій, тотъ самый, который когда-то припелся по сердцу Настусѣ, но котораго она не видала давно и уже очень давно, потому что онъ отданъ былъ отцомъ въ далекую науку. Теперь панычъ уже окончилъ свою науку и проживалъ временно у отца, оставаясь неженатымъ козакомъ. Проходя мимо рѣки и увидя страшную картину, панычъ, недолго думая, подбѣжалъ къ ея берегу, моментально снялъ съ себя платье и моментально бросился на самую глубину рѣки. И такъ какъ онъ выросъ при морѣ и еще съ дѣтства научился отлично плавать, то ему ничего не стоило и очень долго держаться на поверхности рѣки и безъ всякаго затрудненія, опускаться на ея дно. Вотъ онъ нашелъ одну утопленницу, вотъ нашелъ другую, досталъ и третью, и всѣхъ сложилъ рядомъ на берегу рѣки. Никакъ не можетъ найти только четвертой. Между тѣмъ къ берегу рѣки сбѣжался народъ и въ нѣмомъ ужасѣ смотрѣлъ на страшную картину. Прибѣжала и мать одной, потомъ другой утонувшей дивчины, и воздухъ огласился страшными воплями. А панычъ все еще ищетъ четвертую утопленницу, и никакъ не можетъ ее найти въ топкомъ илѣ рѣки. Наконецъ, кто-то принесъ длинный багоръ, и тогда панычъ извлекъ имъ и послѣднюю утопленницу изъ воды. Выскочивъ на берегъ, наскоро накинувъ на себя платье, панычъ началъ хлопотать о томъ, чтобы привести утопленницъ къ жизни. Ихъ тотчасъ раздѣли, уложили въ одѣяла и начали качать въ разныя стороны. Долго и безъ устали работалъ надъ трупами панычъ и подъ конецъ трехъ изъ утопленницъ спасъ, и только четвертую, ту, которая дольше всѣхъ была подъ водой, отдалъ матери, у которой она была единственной дочкой, бездыханнымъ трупомъ. Въ числѣ спасенныхъ была и красавица Настуся, печальная жинечка Васыля Доманченка. Панычъ, поглощенный одною мыслью о

томъ, какъ бы привести утопленницъ къ жизни, сперва не обратилъ особеннаго вниманія ни на одну изъ нихъ; но потомъ, когда онъ немного пришелъ въ себя и бросилъ спокойный взглядъ на тѣло Настуси, то онъ до того былъ пораженъ, что чуть было не выпустилъ и одѣяла изъ своихъ рукъ. Много на своемъ вѣку видалъ панычъ разныхъ красавицъ, но такой ослѣпительной красавицы во всей ея откровенной наготѣ, какъ Настуся, онъ никогда во всю свою жизнь не видалъ. Когда же у Настуси открылись глаза и все лицо ея залилось яркимъ румянцемъ, то панычъ почувствовалъ, что у него по всему тѣлу пробѣжалъ какой то трепетъ, странный и непонятный для него самого...

Прошла съ тѣхъ поръ осень, прошла зима, наступила чудная весна. Одну изъ утопленницъ давно похоронили, другую выдали замужъ, третья еще пока весело скакала и пѣла задушевныя, но всегда грустныя малороссійскія пѣсни, а четвертая, красавица Настуся, состояла при своемъ угрюмомъ и печальномъ мужѣ. Панычъ въ это время завѣдывалъ большимъ, гдѣ-то далеко отъ города Ногайска, имѣніемъ своего родственника и проживалъ въ большомъ барскомъ домѣ съ садами, прудами и оранжереями. Онъ жилъ въ домѣ все еще неженатымъ; только ему и было развлеченія, что «тихомовная» гитарка. Усядется онъ, бывало, вечеркомъ, на балконѣ, возьметъ въ руки гитарку, ударитъ пальцами по всѣмъ ея струнамъ и начнетъ выводить какую-нибудь козацкую пѣсню. Но странное дѣло: начнетъ онъ съ козацкой, а кончитъ «дивочею писнею»; протянетъ Марусю, а выведетъ Настусю... Такъ вотъ она, эта самая Настуся, вся, во всей ея ослѣпительной красотѣ и неотразимой прелести, и стоитъ у него передъ глазами... «И дѣ-то она, та карокая, чорноброваяя, но всегда грустная и задумчивая Настуся»?..

— Панычу, панычу!

— А шо тамъ?

— Ось якась молодычка прыйшла до васъ та пытаетця, чи не можна навятьця у горныци?

— А яка тамъ молодычка? Звы сюды!

Молодычка поднимается на балконъ, и панычъ отъ удивленія невольно вскрикиваетъ:

— Та це ты, Настусю?

— Я, панычу!...

И вотъ Настуся въ «панськихъ горныцяхъ»...

...Наступилъ мѣсяцъ май. Чудный этотъ мѣсяцъ май во всей Руси, но краше и очаровательнѣе онъ въ Малороссіи. «Май-розмай—усе горе роздай»!.. Въ саду щелкаютъ и заливаются «соловейки»: въ пасѣкѣ жужжатъ и гудутъ «божьи мушки»—пчелки; въ лѣсу воркуютъ горлицы, куютъ кукушки, перекликаются иволги; въ прудахъ и озерахъ стрекочутъ, квакаютъ и брекекекаютъ лягушки; въ степи свистятъ, сидя на заднихъ лапкахъ, суслики; въ лугу, за рѣчкою, ржатъ молодые жеребятка и имъ вторятъ ихъ нѣжныя и заботливыя матки; на горѣ, за мельницей разливается по чистому воздуху широкая и далекая пѣсня, а съ толоки, оттуда, гдѣ ходитъ чабанъ со своей отарой, несутся тонкіе звуки сопилочки... Въ старомъ барскомъ домѣ—тамъ тоже свой май, тамъ тоже своя жизнь. Вотъ на высокомъ балконѣ, выходящемъ въ старый садъ, обвитомъ плющами и обсаженномъ тѣнистыми липами, въ тихій вечерокъ, сидитъ на широкой съ откидною спинкой скамьѣ съ веселымъ и радостнымъ лицомъ панычъ, а на коврѣ, у его ногъ, красавица Настуся.

— Голубчыку мій, панычевьку мій, люблю васъ, люблю якъ душу свою... Такъ люблю, що нетреба мени ни злата, ни серебра ни богатства, ни роскоши, а тилько васъ, одного васъ... Вы жъ спаслы мою жысть, вы жъ мене и берить соби... Панычу, панычевьку мій, голубчычку, я дивчына... Я хочъ и замужемъ, я ще дивчына... Я ваша уся, якъ есть уся...

И снова пробѣжалъ у паныча по всему тѣлу трепетъ... Но теперь онъ понялъ, отъ чего трепещетъ молодое сердце его: оно жаждетъ любви, страстной, беззавѣтной, «огненной и палкой» любви. И сердце его находитъ отвѣтъ въ горячемъ сердцѣ красавицы Настуси, дочери бѣдной вдовы, жены физическаго урода, Васыля, утонувшей было въ рѣкѣ и спасенной «панычемъ» для обоюднаго счастья и для «щирой» любви...

И расцвѣла Настуся, «якъ рожевый квитъ» въ садку, и сдѣлался веселымъ панычъ, какъ бываетъ весело раннее утро майскаго дня. «Май-розмай—усе лыхо роздай»!..

— Такъ отъ таке-то на цимъ свити діетця! Невольно вскрикнулъ я, когда подошелъ къ рѣкѣ и увидѣлъ ту «кутлубань», изъ которой когда-то городской «панычъ» извлекъ трупами четырехъ дивчатъ и тремъ изъ нихъ возвратилъ жизнь.

— Це вы объ чому? неожиданно раздался за моей спиной вопросъ.

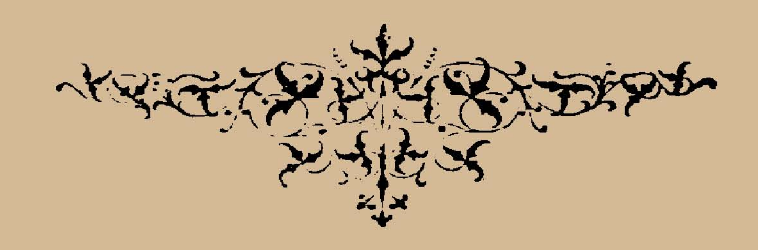
Я оборотился назадъ и увидалъ передъ собой какого-то дида съ «рогэлею» въ рукѣ, повидимому, пробиравшагося къ рѣкѣ съ тѣмъ, чтобы изловить рыбки или раковъ на ужинъ для семьи.

— Та це мы, дидусь, прыгадалы, якъ отъ тутъ саме, колысь-то дуже давно, одынъ городскый панычъ вытягъ изъ воды одну молодычку и трехъ дивчатъ, — чи правда воно?

— Истынна правда, — хоть запрысягнуть!

Уже поздно, очень поздно вернулись мы отъ рѣки домой; еще позже положились спать. Не знаю, какъ Анастасу Гордіевичу, но мнѣ очень плохо спалось: въ моихъ ушахъ раздавались страшные крики утопавшихъ дивчатъ, а передъ моими глазами стояла красавица Настуся, страстно обнимавшая на балконѣ колѣни «паныча» и шептавшая ему любовныя слова...

Чуть свѣтъ — я уже былъ на ногахъ. Въ этотъ день я долженъ былъ покинуть милый моему сердцу Ногайскъ и ѣхать въ городъ Мелитополь, куда меня тянула коллекція запорожскихъ древностей, собранная нѣкіимъ господиномъ Павломъ Дзяковичемъ и давно уже манившая меня къ себѣ. Простившись съ добрымъ и дорогимъ мнѣ Анастасомъ Гордіевичемъ Смоктіемъ, я сѣлъ въ бричку и, промчавшись черезъ пустую площадь соннаго Ногайска, выбрался на открытый и широкій шляхъ. Проѣхавъ черезъ Камышеватку—русское село, Преславъ—болгарское село, Орловку—смѣшанное изъ болгаръ и русскихъ село, Райновку, Кичкань, Царедаровку или Сустугунъ — болгарскія селенія, Покровку или Шуютджуреть — русское село, я къ вечеру того же дня прибылъ къ рѣкѣ Молочнымъ-Водамъ и тутъ же увидѣлъ раскинувшійся вдоль праваго берега рѣки городъ Мелитополь.



По Низовью Днѣпра.

КОМУ случалось проѣзжать по открытымъ степямъ Новороссіи въ лѣтнее жаркое время, тому хорошо извѣстно, какое великое счастіе составляетъ перейти, послѣ страшнаго зноя, въ конецъ разслабляющаго все тѣло и убивающаго всѣ мысли, отъ тяжелой «нѣмецкой» брички къ какому-нибудь изъ пароходовъ на рѣкѣ Днѣпрѣ. Необыкновенно пріятное чувство испыталъ пишущій эти строки, когда онъ проѣхалъ на лошадяхъ огромное разстояніе Азовскаго побережья отъ города Бердянска и до города Мелитополя, Таврической губерніи, и отъ Мелитополя добрался до мѣстечка Никополя, Екатеринославской губерніи. Это было 3 августа, 1896 года. У пристани Никополя стоялъ пароходъ русскаго общества «Ловкій», дѣлающій рейсы между Никополемъ и Херсономъ и считающійся однимъ изъ лучшихъ на этомъ разстояніи Днѣпра. Пассажировъ было на ту пору во всемъ пароходѣ на удивленіе мало, и въ первомъ классѣ оказалось всего лишь четыре человѣка.

Намъ предстояло идти въ виду мѣстъ и въ археологическомъ, и въ историческомъ отношеніяхъ весьма замѣчательныхъ. Самый Никополь ничто иное, какъ древнѣйшее запорожское поселеніе Микитино. въ которомъ нѣкогда. а именно уже раньше половины XVII столѣтія. существовала запорожская Сичь, ознаменованная пребываніемъ въ ней знаменитаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Въ этомъ Микитинѣ окончательно объявленъ разрывъ Малой Россіи и Запорожья Польшѣ и положено начало слитія ихъ въ единое и нераздѣльное цѣлое съ Великой Россіей. Изъ Микитина Богданъ Хмельницкій, получивъ помощь и запорожскими козаками, и арматами. ходилъ въ 1648 году противъ поляковъ къ рѣчкѣ Желтымъ-Водамъ и нанесъ тамъ страшное пораженіе гордымъ полякамъ, уложивъ ихъ всѣхъ, кромѣ одного-единственнаго, на мѣстѣ битвы. Потомъ въ тоже Микитино, послѣ побѣды надъ поляками, Богданъ Хмельницкій прислалъ для сѣчевой церкви богатый вкладъ деньгами, а для запорожскаго войска—новыя пушки и всѣ войсковые клейноты или принадлежности власти, т. е. большое войсковое знамя, дорогую булаву, перначъ или шестоперъ, трости атаманскія. бубны.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло въ широкомъ Днѣпрѣ. и не мало чего перемѣнилось на широкомъ свѣтѣ. Сичь, которая 250 лѣтъ тому назадъ помѣщалась на «рогу» или на мысу Микитиномъ, давно уже смыта водой и унесена. вмѣстѣ съ бывшими на ней запорожскимъ кладбищемъ и деревянной часовней, весеннимъ разливомъ Днѣпра. Церковь, гдѣ молился «старый Хмель», уже три раза перестраивалась съ куполовъ и до фундамента. и теперь въ четвертый разъ заново отстраивается, только, къ крайнему сожалѣнію, не по старому, типично-малорусскому образцу, а по новому. фантастично-уродливому плану. Самый Днѣпръ совершенно измѣнилъ здѣсь свое теченіе и, подавшись далеко вправо отъ стараго русла, оторвалъ отъ материка огромное пространство земли и унесъ ее внизъ по теченію.

Воспоминаніемъ о быломъ служатъ только немногія изъ козацкихъ вещей въ старой церкви да двѣ запорожскихъ жилыхъ постройки, до нашихъ дней сохранившіяся у мѣстныхъ обывателей. Изъ церковныхъ вещей замѣчательны—евангеліе въ серебряной оправѣ, вѣсомъ два пуда безъ трехъ фунтовъ; великолѣпный аналой изъ чернаго арабскаго дерева съ превосходными инкрустаціями изъ черепахи, слоновой кости и перламутра, присланный

запорожцами изъ Константинополя патріархомъ и составлявшій, какъ говоритъ преданіе, пару тому аналою, на которомъ писалъ свои проповѣди св. Іоаннъ Златоустъ; далѣе икона животворящаго Креста съ частицею того древа, на которомъ былъ распятъ Христосъ: «У семъ крестѣ животворящее древо»; нѣсколько иконъ, изъ коихъ одна съ изображеніемъ цѣлой группы запорожцевъ съ чубами, въ кафтанахъ, широкихъ шароварахъ, въ красныхъ сафьяновыхъ чоботахъ, съ длинными саблями и съ длинной, въ видѣ ленточки, молитвой изъ устъ кошевого къ уху Богоматери, нарисованной выше группы запорожцевъ: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». «Избавлю и покрою люди моя»; далѣе, прекрасный рѣзной напрестольный крестъ въ серебрѣ съ позолотою съ частицею мощей Лаврентія и Силуана, пожертвованный козакомъ кущовскаго куреня Лавреномъ Горбомъ; прекрасная бархатная плащаница съ изображеніемъ тѣла Спасителя изъ кованнаго серебра, пожертвованная козакомъ тимошевскаго куреня Иваномъ Гаркушей; нѣсколько церковныхъ хоругвей; двѣ серебряныхъ съ позолотой кружки, изъ коихъ одна, вмѣстимостью до 4 стакановъ, называется чаркою кошевого атамана Сирка, которую онъ, по преданію, «доскочывъ» у крымскаго хана; золотая медаль, пожалованная запорожскому полковнику Коленку за храбрые подвиги при взятіи въ 1778 году турецкой крѣпости Очакова; два портрета, писанные съ живыхъ запорожцевъ, братьевъ Шіяновъ и представляющіе ихъ въ полномъ костюмѣ и вооруженіи. Внѣ церкви сохранились одинъ домикъ («господа»), построенный въ 1751 г. куренными атаманами Онуфріемъ Назаровичемъ да Гавриломъ Игнатовичемъ, теперь принадлежащій Ксеніи Ивановнѣ Жидковой, по отцу Панченковой, и одинъ запорожскій курень, построенный въ 1763 году, теперь составляющій собственность купчихи Анны Степановны Гончаровой.

Ниже Никополя, съ правой стороны, пароходъ проходитъ мимо глубокой и полноводной, но очень короткой «вѣтки» Скарбной, и тутъ путешественники могутъ видѣть издали высокій, но пустынный и дикій островъ Чортомлыцкій.

На этомъ острову нѣкогда была славнѣйшая изъ всѣхъ Сичей-Сичь Чортомлыцкая. Она просуществовала 57 лѣтъ (1652—1709) и прославлена именемъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ за все время историческаго существованія Запорожья—

кошевого Ивана Дмитріевича Сирка. При кошевомъ Константинѣ Гордіенкѣ эта Сичь пережила такіе страшные дни, какихъ запорожцы никогда не видали отъ начала и до конца своего существованія: она разрушена была полками Петра Великаго и при этомъ защитники ея подвергнуты были невѣроятнымъ жестокостямъ со стороны освирѣпѣвшихъ великороссійскихъ солдатъ, предводимыхъ русскимъ полковникомъ Яковлевымъ и полковникомъ-ренегатомъ изъ запорожцевъ Галагановъ. Уничтожены были курени, разрушена церковь, казнены 26 человѣкъ куренныхъ атамановъ и 130 простыхъ козаковъ, не пощажены даже могилы и трупы умершихъ. «Учинилось у насъ въ Сичѣ то, что по Галагановой и Московской присягѣ, товариству нашему головы лупили, шеи на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ, откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали».

Такъ писали запорожцы послѣ разрушенія Чортомлыцкой Сичи малороссійскому гетману Ивану Скоропадскому и черезъ него самому царю Петру Алексѣевичу [1]).

Теперь на островѣ Чортомлыцкомъ растетъ высокій бурьянъ да свободно гуляетъ «буйнесенькій» вѣтеръ, навѣвающій тяжелыя думы о быломъ. Какая широкая, разгульная, могучая и неудержимая жизнь нѣкогда кипѣла здѣсь, а теперь стоитъ одинъ мертвый островъ, да и тотъ ежегодно обмывается водами то Скарбной и Скаженой, то водами Павлюка и Чортомлыка и ежегодно, по частямъ, уносится далеко въ Днѣпръ... А костей и череповъ козацкихъ сколько валяется по берегу рѣчки Чортомлыка! И они также уносятся водою далеко къ низовьямъ Днѣпра. «Плывутъ низовые лыцари, плывутъ добрые молодцы изъ своей старой Сичи далеко къ Черному морю, потому что имъ трудно лежать въ глубокихъ могилахъ безъ того, чтобы не побиться съ заклятыми врагами бусурманами, турками и татарами»...

Въ слѣдъ за козацкими костьми уносимся и мы къ низовью Днѣпра. Вотъ доплыли мы до «новой» Сѣчи, при устьѣ рѣчки Каменки, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Это уже далеко ниже вѣтки Скарбной и еще ниже мѣстечка Никитина—Никополя.

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, СПб., 1897, III, 489.

Теперь здѣсь богатая усадьба землевладѣльца херсонскаго уѣзда Михаила Өедоровича Огаркова, а когда-то (съ 1711 года) здѣсь начинались владѣнія Турціи. Нѣсколько ниже этихъ предѣловъ и поселились запорожцы, разбитые великороссійскими войсками на Чортомлыкѣ и потомъ бѣжавшие оттуда подъ защиту Крыма и Турціи. Теперь со всякаго парохода, идущаго мимо устья рѣчки Каменки, можно видѣть высокую могилу и возлѣ нея большой каменный крестъ надъ прахомъ кошевого атамана Константина Гордіенка. *«Во имя отца и сына и святаго духа. Зде опочиваетъ рабъ божій Константинъ Гордъевичъ атаманъ кошовый славнаго войска запорозкого низового, и куреня платнъровского: преставися року 1733 мая 4 числа».*

Подъ такимъ крестомъ покоится прахъ самаго выдающагося изъ кошевыхъ атамановъ, конца XVII и начала XVIII вѣка, взявшаго на себя смѣлую задачу, во что бы то ни стало, сохранить вольности козацкія отъ притязанія московскаго правительства, но увы, не достигшаго своихъ цѣлей и сошедшаго съ болью въ сердцѣ и съ великою горечью на душѣ въ мрачную могилу. Такой человѣкъ, какъ Константинъ Гордіенко, казалось, нарочно выдвинутъ былъ на историческую сцену для того, чтобы на его примѣрѣ живѣе и нагляднѣе показать, на сколько тщетна борьба отдѣльныхъ лицъ, хотя и сильныхъ волей, съ духомъ исторіи и съ ея мощнымъ и непреложнымъ теченіемъ. Гордіенко обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ полководца, далеко превосходя въ этомъ случаѣ своего современника, гетмана Мазепу. Стоя близко къ народной массѣ и понимая текущіе интересы времени, Гордіенко открыто возставалъ противъ наступленія московскаго правительства, желавшаго, черезъ построеніе крѣпостей въ самомъ Запорожьи, наложить руку на исконныя права и вольности козацкія, и былъ горячимъ поборникомъ внутренней автономіи и независимости Запорожья отъ московскаго правительства. Но надеждамъ его не суждено было исполниться: онѣ разлетѣлись въ прахъ при столкновеніи запорожскихъ козаковъ и шведовъ, подъ городомъ Полтавой, съ полками царя Петра. Самъ кошевой, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой и королемъ Карломъ XII, бѣжалъ въ предѣлы Турціи. Проживъ тамъ больше 20 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ запорожская масса, горько сожалѣвшая объ утратѣ своихъ прежнихъ привольевъ, вновь потянула къ русскому царю и едва даже не лишила жизни Гордіенка, противившагося такому влеченію.

На 30 верстъ ниже мѣста Каменской Сѣчи пароходъ пристаетъ къ правому берегу рѣки Днѣпра и останавливается у города Берислава, въ прошломъ столѣтіи извѣстнаго у турокъ подъ именемъ крѣпости Кызыкерменя. Кызыкермень крѣпость, по многимъ обстоятельствамъ, былъ памятенъ запорожцамъ. «У турокъ по Днѣпру, говорилъ историкъ Запорожья XVIII вѣка, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, имѣлися славные города: Кызыкермень и противъ онаго Тавань-городъ, лежащій на острову Днѣпра, и на устьѣ же острова того былъ городокъ Осланъ; и отъ того Кызыкерменя до Товань-городка, черезъ Днѣпръ, бывали цѣпи желѣзные протянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; также и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до крымской стороны; а посреди оныхъ рѣкъ оставлены были ворота, и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто поѣдетъ, то турки все могутъ разбить. Но оные запорожскіе козаки прохаживали по ночамъ такимъ вымысломъ: не доѣзжая оныхъ городковъ, вырубятъ древо толстое со всѣмъ прутьемъ и везутъ предъ собою, и какъ будутъ пріѣзжать къ онымъ городкамъ, то въѣдутъ въ рѣчку Касмаху ночью, которая идетъ близъ Кызыкерменя съ московской стороны, и пустятъ оное дерево къ тѣмъ цѣпямъ; какъ то дерево въ цѣпи ударитъ, и цѣпи забрянчатъ, то изъ пушекъ пойдетъ пальба, и какъ изъ тѣхъ пушекъ выпалятъ, которыя на цѣпи наведены, то оные вдругъ и пройдутъ мимо тѣхъ городковъ; а турки хотя по проѣзжающимъ изъ ружья палили, однако ихъ не могли удерживать».

Спустившись ниже города Берислава, мы увидѣли съ правой стороны устье балки Тягинки и противъ него—три, параллельно другу другу расположенные, острова и принадлежащіе владѣльцу И. И. Волохину. На одномъ изъ этихъ островковъ, самомъ ближайшемъ къ Днѣпру, имѣются развалины древняго генуэзскаго города. Генуэзцы съ XIII по XV вѣкъ господствовали на Крымскомъ полуостровѣ и, поднимаясь оттуда вверхъ по Днѣпру, строили собственныя крѣпости у его береговъ. «При оной рѣки Тягинкѣ, у самаго Днѣпра, пишетъ тотъ же князь Мышецкій, имѣлся великой городъ Тягинка и при немъ треугольный замокъ, съ круглыми башнями, кругъ котораго водою окружено; въ длину оный городокъ верста, а въ ширину болѣе полуверсты, у котораго фундаментъ каменный и нынѣ знатенъ. А построенъ тамъ

отъ древнихъ нѣмецкихъ народовъ франковъ [1]). А въ 1738 году отъ россіянъ оный замокъ былъ возобновленъ». [2]).

Миновавъ устье рѣчки Тягинки, пароходъ спускается еще ниже, и тутъ путешественники видятъ устье рѣки Малаго Ингульца, падающаго въ Днѣпръ съ той же правой стороны.

Противъ устья Ингульца протянулся обширный островъ, теперь безыменный, на планахъ XVIII вѣка носящій названіе Ингульской плавни, имѣющій длины шестнадцать съ половиной верстъ, покрытый зеленѣющимъ лѣсомъ и густой травой и изрѣзанный заливами, рѣчками и ериками, входящими на островъ изъ Днѣпра. При устьѣ Ингульца, по высокому берегу его, усаженному прекраснымъ садомъ, раскинулась усадьба землевладѣльца херсонскаго уѣзда, Николая Николаевича Коместадіуса, Фалѣевка-Садовая.

Фалѣевка и по своему поистинѣ очаровательному мѣстоположенію, и по собраннымъ въ ней владѣльцемъ археологическимъ рѣдкостямъ достойна особеннаго со стороны всякаго просвѣщеннаго туриста вниманія. Владѣлецъ ея, Николай Николаевичъ Коместадіусъ, ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, ведетъ свой родъ по мужской линіи отъ шведа Карла Кометадіуса, перешедшаго изъ Швеціи въ Польшу. Внукъ Карла Кометадіуса, Θедоръ Савельевичъ Кометадіусъ, около 1774 года перешелъ изъ Польши въ Россію и получилъ въ даръ дачу Фалѣевскую отъ своего друга, полковника Михаила Леонтьевича Фалѣева. По женской линіи Николай Николаевичъ Кометадіусъ ведетъ свой родъ отъ гетмана малороссійскихъ козаковъ, Даніила Апостола, и состоитъ въ свойствѣ съ фамиліей Запорожскихъ, ведущихъ въ свою очередь свой родъ отъ какого-то сѣчеваго козака. Кровь запорожца сказалась у Кометадіуса особенной страстью къ древностямъ запорожской старины прежде всего, а потомъ и ко всякимъ древностямъ вообще. Въ своей Фалѣевкѣ Н.Н. Кометадіусъ имѣетъ нѣсколько экземпляровъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, одну чугунную мортиру, вытащенную изъ Днѣпра крестьянами противъ города Берислава; нѣсколько запорожскихъ желѣзныхъ копій изъ крѣпости при рѣчкѣ Вороной, Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда; нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ

---

[1]) Слѣдуетъ разумѣть именно генуэзцевъ.

[2]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 13, 72.

русскихъ и польскихъ монетъ, найденныхъ въ разное время ниже усадьбы, при старомъ козацко-татарскомъ черезъ рѣку Днѣпръ перевозѣ. Кромѣ того, въ Фалѣевкѣ можно видѣть различные предметы древности доисторическихъ временъ, которые выкопаны самимъ владѣльцемъ изъ собственныхъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ по степи, и изъ обширной, болѣе 70 саженъ длины, пещеры древнѣйшихъ временъ, находящейся въ правомъ берегу рѣки Ингульца, на 10 верстъ выше усадьбы. При самой усадьбѣ, нѣсколько выше церкви, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, устроенъ фамильный склепъ Комстадіуса, огороженный оградой и усаженный деревьями, красиво выдѣляющійся зеленѣющимъ пятномъ на высокомъ берегу Днѣпра ниже дома владѣльца. Въ томъ склепѣ погребены тѣла Өедора Савельевича Комстадіуса, его сына Августа Өедоровича, бывшаго херсонскаго губернатора, и внука, Николая Августовича, бывшаго полковника лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка. Для каменныхъ бабъ и для доисторическихъ предметовъ древности владѣльцемъ отведено особое мѣсто, такъ называемое «капище» у самаго спуска къ устью Ингульца и къ правому берегу Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ прекрасной каменной лѣстницы, ведущей съ высоты горы до берега рѣки, живописно обвитое со всѣхъ сторонъ дикимъ виноградомъ и открытое только съ четвертой стороны, обращенной къ рѣкѣ.

Необыкновенно поразительная картина получается, если смотрѣть съ берега рѣки Днѣпра въ тихую лунную ночь на это «капище» съ его величественными каменными статуями и другими памятниками далекой старины. При мягкихъ переливахъ свѣта полной чистой луны, при абсолютномъ спокойствіи величественныхъ пирамидальныхъ тополей, разставленныхъ вдоль древняго барскаго дома и высоко поднимающихся вверхъ, при невозмутимой тишинѣ, охватывающей въ ночное время и всю дремлющую окрестность и всю застывшую въ своемъ теченіи рѣку — получается поистинѣ волшебная картина, переносящая все наше воображеніе, всѣ наши и мысли и думы на многія и многія столѣтія назадъ... Забываешь и сонъ, забываешь и всѣ текущіе интересы дня, забываешь и самого себя, видя ясно, вотъ какъ будто бы здѣсь передъ самыми глазами, другихъ людей, другую обстановку, другіе обычаи, другіе нравы... И какъ это живое и ясное представленіе

старины связываетъ насъ съ отдаленными народами, какъ способствуетъ оно укрѣпленію въ насъ живой связи съ нашей исторіей, какъ дѣйствуетъ оно на нашъ умъ, вызывая въ немъ ясное сознаніе принадлежности отдѣльнаго человѣка ко всему роду человѣческому! Увлеченіе стариной не есть увлеченіе празднаго ума, а есть необходимая потребность всякаго просвѣщеннаго человѣка, ревниво относящагося къ дѣяніямъ своихъ предковъ и заботливо воздвигающаго зданіе для своихъ потомковъ.

Но мы отрываемъ свой взоръ отъ благодатнаго уголка при устьѣ Ингульца и, спустившись ниже Фалѣевки на 18 верстъ, прибываемъ въ городъ Херсонъ. Въ городѣ Херсонѣ туристъ увидитъ памятникъ виновнику уничтоженія Запорожья и творцу новороссійскаго края, князю Потемкину-Таврическому, и тамъ-же найдетъ останки его, въ церкви св. Екатерины, за фурштатомъ. Потемкинъ доставленъ былъ въ Херсонъ послѣ кончины близъ крѣпости Бендеръ и погребенъ, подъ поломъ Екатерининской церкви, строившейся по его же распоряженію въ память великомученицы Екатерины, патронессы императрицы Екатерины II.

Въ оградѣ той же крѣпостной Екатерининской церкви находится нѣсколько могильныхъ памятниковъ, скрывающихъ подъ собой кости сподвижниковъ Потемкина, убитыхъ турками во время осады турецкой крѣпости Очакова; въ числѣ такихъ сподвижниковъ находится генералъ-маіоръ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій губернаторъ, послѣ паденія Запорожья. На памятникѣ, стоящемъ надъ прахомъ Синельникова, сдѣлана слѣдующая надпись: «*Генералъ-маіоръ Синельниковъ убитъ при осадѣ Очакова 1 октября 1788 года*». Такое указаніе, какъ надпись на памятникѣ, казалось бы, должно считаться указаніемъ первой важности. Однако, мы имѣемъ и другое указаніе, изъ коего видно, что Синельниковъ скончался не 1 октября, а 29 іюля. Это указаніе принадлежитъ Роману Цебрикову, состоявшему при походной канцеляріи князя Потемкина, въ теченіи всего 1788 года, подъ Очаковымъ, ведшему свой дневникъ и изо дня въ день записывавшему все, что онъ видѣлъ, слышалъ, испыталъ и пережилъ. Вотъ краткая выписка на этотъ счетъ изъ дневника: «25 іюля. Въ сумеркахъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій; привезли одного раненаго изъ нашихъ егерей, и что всѣхъ болѣе удивило, то, что это былъ губернаторъ Екатерино-

славской губерніи, Синельниковъ, который ядромъ раненъ въ пахахъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ... 27 іюля. Сей день екатеринославскій губернаторъ Синельниковъ просилъ, при восчувствованіи жесточайшихъ болей отъ полученной въ пахахъ опасной раны, послѣдней у свѣтлѣйшаго князя милости: застрѣлить себя въ лобъ пистолетомъ, и чтобы взялъ жену и дѣтей его подъ свое покровительство... 28 іюля. Губернатору отрѣзали ногу; во время операціи ни малѣйшаго не явилъ знаку, что чувствуетъ боль и притомъ, яко сущій стоикъ, просилъ табаку понюхать... 29 іюля. Губернаторъ Синельниковъ погребенъ въ Кинбурнѣ»[1]). Въ послужномъ спискѣ Ивана Максимовича Синельникова, сохранившемся въ числѣ различныхъ бумагъ у внука его, отставного генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, день смерти Ивана Максимовича Синельникова обозначенъ также 29-мъ іюля. Послужной списокъ И. М. Синельникова подавался на высочайшее имя его внуками съ тѣмъ, чтобы доказать дворянское происхожденіе Синельниковыхъ и вписаться въ родословную книгу россійскаго дворянства. Въ такомъ документѣ трудно допустить какую-либо намѣренную или ненамѣренную ошибку, и потому онъ прежде всего долженъ браться въ разсчетъ. Основываясь на такихъ показаніяхъ, какъ формулярный списокъ и названный дневникъ Цебрикова, можно съ увѣренностью сказать, что Иванъ Максимовичъ Синельниковъ скончался 29 іюля, а не 1 октября, какъ помѣчено на его памятникѣ. Что касается этого памятника, то онъ ставился уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ивана Максимовича, сыномъ его, Василіемъ Ивановичемъ, который перенесъ тѣло своего отца изъ крѣпости Кинбурна, что́ на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ ограду крѣпостной церкви св. Екатерины, на правомъ берегу Днѣпра, и тутъ соорудилъ памятникъ ему. Вырѣзывая, однако, надпись на памятникѣ, Василій Ивановичъ Синельниковъ, очевидно, допустилъ невольную ошибку въ показаніи мѣсяца и числа смерти своего отца.

Можно даже, идя дальше въ предположеніяхъ, допустить, что Василій Ивановичъ только отдалъ приказъ свой соорудить памятникъ, самъ же лично не присутствовалъ при сооруженіи его, и потому люди, исполнявшіе приказаніе своего господина, по

---

[1]) Русская Старина, 1895, сентябрь, 174—176, 178.

собственнымъ соображеніямъ обозначили годъ смерти Ивана Максимовича Синельникова вмѣсто 29-го іюля 1-мъ октября [1]).

Кромѣ могилъ князя Потемкина и генералъ-маіора Синельникова туристъ въ томъ же Херсонѣ, но уже за городомъ, къ западу можетъ видѣть могилу знаменитаго филантропа Джона Говарда (1726—1790). Джонъ Говардъ, родомъ англичанинъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что первый сталъ добиваться у разныхъ правительственныхъ лицъ дозволенія ввести въ тюрьмахъ работы, которыя до того времени вовсе запрещены были для преступниковъ, но которыя могли приносить великую пользу всѣмъ заключеннымъ тѣмъ, что избавляли ихъ отъ бездѣлья и сокращали время.

Кромѣ того, Джонъ Говардъ повсюду искалъ случая, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ помочь страждущему человѣчеству.

Для этого онъ нѣсколько разъ ѣздилъ на дальній востокъ, гдѣ свирѣпствовала страшная моровая язва или чума, съ цѣлію изученія способовъ леченія отъ нея больныхъ и устройства карантиновъ. Въ послѣднее время онъ ѣздилъ на дальній востокъ черезъ южную Россію и, по случаю войны русскихъ съ турками, долженъ былъ остановиться въ Херсонѣ.

Въ то время Херсонъ представлялъ собой сплошной лазаретъ, наполненный ранеными и умиравшими. Говардъ съ полнымъ самоотверженіемъ предался здѣсь своему призванію и, не зная устали, посѣщалъ тюрьмы, лазареты, ѣздилъ къ больнымъ за городъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ за городъ онъ посѣтилъ домъ владѣльца села Фалѣевки, Ѳедора Савельевича Комстадіуса, но тамъ жестоко занемогъ и, по возвращеніи въ Херсонъ, скончался 20 января 1790 года. Надъ прахомъ Говарда воздвигнутъ былъ, недалеко отъ города, каменный обелискъ. Въ 1826 году, во время передѣлки

[1]) Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника», 1896 года, помѣщена моя статья «И. М. Синельниковъ передъ судомъ исторіи», гдѣ сказано, будто на памятникѣ Синельникова означено, что онъ скончался 10 октября, 1788 года. Но тутъ уже произошла ошибка того, кто снималъ, по моему порученію, копію съ надписи, а именно херсонскаго обывателя, повѣреннаго Л. К. Попова: принявъ въ словѣ «октября» букву *о* за *нуль*, онъ отнесъ ее къ предшествовавшей цифрѣ *1* и прочелъ вмѣсто *1* октября «*10* ктября». Посѣтивъ лично могилу И. М. Синельникова, я увидѣлъ, что надпись на памятникѣ сдѣлана совершенно ясно и совершенно отчетливо: «Генералъ-маіоръ Синельниковъ убитъ подъ Очаковомъ 1 октября 1788 года».

обелиска, сынъ Θедора Савельевича Кометадіуса, Августъ Θедоровичъ, бывшій въ то время херсонскимъ губернаторомъ, взялъ на себя нѣкоторую часть издержекъ по перестройкѣ этого памятника «изъ уваженія и признательности его къ памяти Говарда» [1].

Отъ города Екатеринослава до деревни Капуливки.

РЕДПРИНИМАЯ одну изъ лѣтнихъ поѣздокъ по Запорожью и имѣя въ виду закрѣпить на бумагѣ нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, запорожскія мѣста и урочища, я рѣшилъ привлечь къ своему путешествію художника и фотографа и, разумѣется, остановилъ мое вниманіе на такихъ, которые, будучи по рожденію малороссы, живо интересовались всѣмъ, что касалось Запорожья.

Выборъ мой палъ на Артемія Юрьевича Ногайченка и Ѳому Ѳедотовича Полтавченка. Первый — художникъ-фотографъ, второй только художникъ.

Весело и радостно выѣхали мы изъ сѣверной и холодной столицы въ южныя и теплыя мѣста Запорожья. Изъ Петербурга нашъ путь лежалъ прежде всего до города Екатеринослава и оттуда внизъ къ днѣпровскимъ порогамъ, переправѣ Кичкасу, острову Хортицѣ, Чортомлыцкой Сичи и Сичи на вѣткѣ Днѣпра, Подпильной.

Высадившись въ городѣ Екатеринославѣ, мы рѣшили нанять въ немъ подводу и на той подводѣ изъ Екатеринослава первѣе всего спуститься до крѣпости Кодака, сооруженной въ XVII столѣтіи, по распоряженію правительства польской Рѣчи-Посполитой, противъ запорожскихъ козаковъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ и фигурировавшей въ исторіи Запорожья во все время его историческаго существованія, въ особенности же въ XVII столѣтіи.

Ничто, говорятъ не даетъ такихъ средствъ къ познанію характера человѣка, какъ совмѣстное и продолжительное съ нимъ путешествіе: тутъ, при различныхъ неожиданныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ пути, и при постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, ясно опредѣляются и его вкусы, и его воззрѣнія, и его инстинкты, и его дурныя и хорошія качества. И это совершенно справедливое мнѣніе вообще, совершенно справедливымъ оказалось и въ частности: уже по прибытіи въ Екатеринославъ, въ особенности же по дорогѣ отъ Екатеринослава до Кодака, ясно обрисовались облики какъ Артемія Юрьевича Ногайченка, такъ и Ѳомы Ѳедотовича Полтавченка. Первый оказался человѣкомъ слишкомъ пунктуальнымъ, черезчуръ осторожнымъ, слишкомъ ко всему присматривавшимся, слишкомъ ко всему прислушивавшимся, всегда боявшимся того, какъ-бы и чѣмъ-нибудь не обидить человѣка, всегда приступавшимъ съ распросами какъ-то особенно деликатно и нерѣшительно, всегда озабоченнымъ мыслью о томъ, гдѣ избрать ночлегъ послѣ дневного путешествія и какъ бы поудобнѣе устроиться во время ночлега. Второй былъ человѣкъ совершенно беззаботный, весело и всегда съ хохотомъ относившійся ко всѣмъ путевымъ неудобствамъ, довольствовавшійся самымъ малымъ, приступавшій къ дѣлу сразу и безъ всякой робости, исполнявшій все, что нужно было, безъ всякихъ возраженій, но главное вѣчно перепутывавшій всѣ, предварительно и совмѣстно выработанныя, рѣшенія и вѣчно забывавшій гдѣ-нибудь то одну, то другую, изъ своихъ немногихъ ручныхъ вещей.

За послѣднее свое качество Ѳома Ѳедотовичъ Полтавченко получилъ прозваніе Хомы Забутного и съ такимъ прозвищемъ остался извѣстнымъ навсегда въ дружественномъ кружкѣ. И по лѣтамъ и по житейской опытности онъ былъ самымъ младшимъ членомъ компаніи, зато по теплотѣ своей души, по непосредственности натуры и въ особенности по страсти къ пѣнію малоруссkихъ пѣсенъ самый первый и самый веселый членъ составившагося товариства. Онъ обладалъ хорошимъ теноромъ и съ особенымъ увлеченіемъ распѣвалъ, на манеръ деревенскихъ парубковъ, народныя пѣсни, что ему не стоило ровно никакихъ усилій, такъ какъ онъ по происхожденію былъ крестьянинъ. Ѳома Ѳедотовичъ Полтавченко не имѣлъ съ собой почти никакого багажа, кромѣ небольшой шкатулочки съ рисовальными принадлежностями да записной книжечки. Артемій Юрьевичъ Ногайченко везъ съ со-

бой всѣ принадлежности фотографическаго аппарата и нѣсколько другихъ вещей; пишущій эти строки имѣлъ съ собой ручной саквояжъ и сверхъ того шерстяное, толстое грубой работы одѣяло. Послѣднее не мало вызывало остротъ и шутокъ со стороны другихъ спутниковъ: глядя на него, они не разъ съ усмѣшками и ироніей спрашивали:

— Для чого це вы, пане отамане, тягáете за собою одіяло?

— Такъ трéба, панóве молодци!

— Якъ — то трéба?

— Треба, тай бильшъ ничого!

— А чомъ жо вы ще й пуховыкá зъ собою не вóзыте?

— Пуховыка мени не трéба, а одіяло треба.

— А чомъ же вы ще й скрыни на колесахъ не визьмете?

— Скрыня на колесахъ тутъ некчемна ричъ, а одіяло потребна ричъ.

— Такъ для чого жъ воно вамъ? Не вже жъ такы це поотаманськы? Отаманъ зъ одіяломъ! Гм!..

— Для чого воно мени—побачите, а що воно поотаманьскы—узнаете... Та вы краще скажить мени, Хома Хведотовичъ, чи все вы зъ собою жъ города взялы.

— А вже жъ шо все!

— А обдывитця лышень, козаче, округъ себе!

— Усе!.. Отъ хиба той.., якъ ёго? Хиба ящикъ зъ краскамы? Такъ и есть! А маттери ёго ковинька! Забувъ ящыкъ! Зъ тымъ, шо забувъ! Ну, постривайте, панове: я якъ пыть дамъ, збигаю за нымъ.

— Отъ вамъ и ковинька: зъ отамана сміетéсь, а самы що? Эхъ, вы, Хома Забутный!

Не раньше, какъ черезъ полчаса времени Ѳома Полтавченко возвратился изъ города, весь красный какъ ракъ, сильно запыхавшійся, съ ящикомъ въ одной рукѣ и со сверткомъ въ другой.

— Забувъ було ще й табакъ, та спасыби шо вернувсь за ящикомъ, а то такъ бы и загибъ безъ табаку.

— Ну, сидайте лышень та швыденько поидымъ до Кодака.

Ѳома Полтавченко усаживается въ бричку, и мы ѣдемъ прямо въ Старый-Кодакъ. Въ Кодакѣ осматриваемъ древнюю церковь, дѣлаемъ фотографическіе снимки со всѣхъ сохранившихся въ церкви козацкихъ древностей, снимаемъ копіи съ надписей на книгахъ и сосудахъ церковныхъ. Сильно интересуетъ насъ также въ Старомъ-

Кодакѣ земляная крѣпость, насыпанная въ XVII вѣкѣ инженеромъ Бопланомъ, находящаяся какъ разъ противъ перваго, Кодацкаго порога на правомъ берегу Днѣпра, и составляющая теперь собственность купца-раскольника. Когда крѣпость была осмотрѣна, измѣрена и снята на бумагу, то послѣ того возникъ вопросъ о посѣщеніи дома самого владѣльца крѣпости, у котораго, по слухамъ, имѣлась небольшая коллекція древностей, добытыхъ въ разное время на крѣпостномъ пепелищѣ. Мнѣ уже раньше было извѣстно, что владѣлецъ крѣпости не особенно дружелюбно встрѣчалъ туристовъ, которые пытались проникнуть къ нему въ домъ, и по этому поводу у насъ произошли жаркіе дебаты, идти ли намъ къ владѣльцу или проѣхать его домъ мимо. Заключеніемъ спора было то, что къ владѣльцу рѣшился отправиться только одинъ Артемій Юрьевичъ Ногайченко. Но результаты, вынесенные имъ отъ посѣщенія владѣльческаго дома, были неутѣшительны: не заставъ отца, онъ возвратился ни съ чѣмъ отъ сына.

Было еще довольно рано, когда мы оставили Старый-Кодакъ и двинулись по широкому шляху прямо въ село Николаевку, стоящее на томъ же, правомъ, берегу Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога. Но едва успѣли мы отъѣхать четверть версты разстоянія отъ Стараго-Кодака, какъ вдругъ Ѳома Полтавченко неожиданно закричалъ:

— Стой! Стой!

— Что тамъ такое?

Тутъ Ѳома Полтавченко, хватаясь то за правый карманъ своего пиджака, то за лѣвый, вдругъ заявилъ, что онъ забылъ въ церкви, на клиросѣ, свою записную книжку, куда занесъ точныя копіи съ надписей, сдѣланныхъ на церковныхъ книгахъ и сосудахъ.

— Отъ це маттери ёго хрипъ, дыво, такъ дыво! Кныжку забувъ! Треба бигты назадъ.

И не успѣли мы осмотрѣться, какъ Ѳома Полтавченко уже мчался во весь духъ назадъ по шляху по направленію къ Старому-Кодаку, мелко перебирая своими изогнутыми въ дугу ногами и поминутно запахивая полы своего куцаго пиджака.

— Чисто тоби Хома Забутный! Це комедія зъ нымъ тай годи! Доведетця десь одибрать у нёго уси речи ёго та держать пры соби!

— Та тамъ и ричей тихъ якъ котъ наплакавъ, та бида зъ нымъ бидоласи Хоми: винъ десь скоро черезъ ныхъ и себе забуде...

Но Ѳома Полтавченко уже летѣлъ назадъ и уже издали помахивалъ въ воздухѣ своею бѣлою книжечкой въ знакъ того, что теперь она уже у него въ рукахъ и не уйдетъ никуда... Вотъ онъ, наконецъ, вновь въ бричкѣ, и мы съ веселымъ хохотомъ продолжаемъ нашъ путь дальше.

Оставивъ съ лѣвой стороны нѣмецкую колонію Ямбургъ, молдаванское селеніе Волошское и русское село Звонецкое, мы скоро прибыли въ село Николаевку и вмѣстѣ съ тѣмъ очутились у Ненасытецкаго порога, называемаго, по мѣстному, Дидомъ, гдѣ и расположились у самаго берега рѣки Днѣпра.

Уже издали, не доѣзжая до самаго порога, нашимъ глазамъ представилась такая грандіозная и такая величественная картина, передъ которой мы невольно остановились въ нѣмомъ восторгѣ и какъ бы на нѣсколько мгновеній застыли. Да и было отъ чего! Рѣка Днѣпръ, освободившись отъ четырехъ предшествовавшихъ пороговъ, Кодацкаго, Сурского, Лоханскаго и Звонецкаго, дойдя до пятаго, Ненасытецкаго, и вновь встрѣтивъ на своемъ пути громадныя, никѣмъ неодолимыя и никѣмъ несокрушимыя скалы, разбросанныя въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ по всему руслу, рѣка Днѣпръ съ страшной силой ударяется объ эти вѣковѣчныя твердыни, съ необыкновеннымъ шумомъ перекатываетъ черезъ нихъ свои необъятныя волны и вмигъ вся покрывается рѣчной, стале-жемчужнаго цвѣта, пѣной, клокочущей, бурлящей и вздымающейся, какъ клокочетъ, бурлитъ и вздымается пѣна въ какомъ-нибудь раскаленномъ, огромныхъ размѣровъ, чугунномъ котлѣ. Стремясь далѣе и, то поднимаясь на самую вершину скалъ, то снова опускаясь внизъ, громадные водяные валы чрезъ то разбиваются на неисчислимые милліоны свѣтлыхъ и легкихъ струй, и потомъ, врываясь въ промежутки между нѣсколькихъ, особенно высокихъ, скалъ, съ гнѣвнымъ и бѣшеннымъ ревомъ стремятся выбраться изъ своихъ страшныхъ тисковъ. Отъ всего этого во всемъ порогѣ стоитъ такой стонъ и гулъ, точно въ немъ безостановочно, день и ночь, работаютъ пятьсотъ тысячъ водяныхъ мельницъ, безпрестанно переливающихъ черезъ свои колеса огромную массу неудержимо несущейся впередъ воды. «Винъ, той Дид, такъ меле, що ажъ гремыть усе, що ажъ земля трусытця! На нѐго, якъ тилькы подывышся, то й то у тебе духъ займáетця»... Тутъ всякій отдѣльный звукъ, всякій, самый сильный крикъ человѣка исчезаетъ въ одномъ общемъ ревѣ рѣки, какъ ис-

чезаетъ ничтожная песчинка, подхваченная вихремъ съ земли и унесенная въ безконечную небесную высь. И во всемъ этомъ хаосѣ рѣчныхъ волнъ, во всемъ этомъ страшномъ и никогда-несмолкаемомъ стонѣ рѣки слышится такая сила, чувствуется такая стихійная мощь, передъ которой всякій живой человѣкъ кажется нетолько безпомощнымъ, но даже самымъ жалкимъ, ничтожнымъ существомъ. Но вотъ эти-то, именно эти мѣста и были священны для всѣхъ низовыхъ козаковъ: тутъ они родились на свѣтъ; тутъ, въ этой страшной стихіѣ, они черпали себѣ сверхчеловѣческія силы; тутъ они получили свое названіе за-по-рож-цевъ и съ этимъ именемъ, т. е. съ именемъ непобѣдимыхъ рыцарей и нпкѣмъ неодолимыхъ героевъ, вошли на страницы не только русской, но даже міровой исторіи. И не одинъ изъ нихъ сжживалъ у этихъ дикихъ, но чарующихъ своимъ величіемъ мѣстъ, отдавая свои мысли, свои чувства, свои радости и свои тревоги бурнымъ и грознымъ волнамъ могучаго порога...

Бьють пороги; мисяць сходыть,
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ.
Вернитеся!..
Не вернутця сподиванни,
Не вернетця воля,
Не вернетця козатчына,
Не встануть гетьманы,
Не покрыють Украину
Червони жупаны...

Восхищенные и очарованные этой величественной картиной, мы всецѣло отдались своему дѣлу и, забывъ о пищѣ и питьѣ, проработали нѣсколько часовъ подъ рядъ безъ отдыха, снимая и общіе и частные виды на весь порогъ, на его скалы, Монастырько и Корабель, на водовороты, Пекло и Смолярь, на старый и новый каналы.

Изъ села Николаевки мы выѣхали въ тотъ же день и къ полудню прибыли въ деревню Волниги, находящуюся противъ шестого порога, Волниговскаго. Подъѣхавъ прямо къ расправѣ, мы нашли ее запертою на «килокъ» и, вынувъ «килокъ» изъ дужки, вошли въ самую расправу. Расправа оказалась обыкновенною съ земляною «доливкою» хатой, раздѣленной неравномѣрно на двѣ

«кимнаты», одну очень большую, другую очень маленькую. Такъ какъ въ тотъ день было воскресенье, то присутствія въ расправѣ не было; не было при ней и сторожа. Мы тотъ же часъ внесли наши вещи въ расправу, разложили ихъ по лавкамъ и отправили нашего кучера въ поиски за сторожемъ.

Вотъ скоро явился и сторожъ. Это былъ высокій, сухощавый дѣдусь, босой, въ широчайшихъ холщевыхъ бѣлаго цвѣта шароварахъ, крѣпко выпившій и оттого съ трудомъ державшійся на ногахъ. Войдя въ расправу и прислонившись спиной къ печкѣ, онъ отвѣсилъ намъ низкій-пренизкій поклонъ и потомъ едва-едва и съ большимъ трудомъ поднявши кверху голову, сталъ во фронтъ и сдѣлалъ серьезное-пресерьезное лицо, полузакрывъ свои маленькіе глазки и выдвинувъ впередъ свой короткій носъ. И во всей фигурѣ, и въ выраженіи лица дида было столько комизма, что мы, глядя на него, съ большимъ трудомъ удерживались отъ того, чтобы не разразиться гомерическимъ хохотомъ.

— Ты хто жъ будешъ, сторожъ, чи що?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Шо жъ це ты такъ стережешъ, шо у тебе росправа замкнута килкомъ?

— Та це мы, ваше благородіе, плоты черезъ порогъ пускалы такъ, звисно, не безъ того, шобъ тіеи *паскуды* не выпыть.

— Це, диду, не порядокъ!

— Простить, ваше благородіе!

— Не порядокъ, диду! Не порядокъ и то, шо у тебе въ росправи парсуны царя-государя нема.

— Простить, ваше благо... чи то пакъ: ваше высокое благородіе, — на парсуну грошій нема.

— На парсуну грошій нема, а на ту *паскуду* такъ е?

— Вынуватъ, ваше высокое благородіе, — помылуйте!

Произнеся слово «помылуйте», дидъ еще болѣе закрылъ свои очи и еще болѣе высунулъ впередъ свой «куценькый» носъ, а все лицо свое точно сжалъ въ небольшой кулачекъ, отъ чего сдѣлался еще оригинальнѣй и еще смѣшнѣй. Въ общемъ получилась такая преуморительная фигура, которая такъ и просилась на фотографію.

— А добре бъ було знять его для типа!

— Тай знимить!

Дидъ, услыхавъ такое рѣшеніе и вообразивъ, что ему пред-

стоитъ нѣчто роковое, протянулъ впередъ свои руки и жалобно взмолился.

— Знять, знять его!

Но тутъ, когда Артемій Юрьевичъ сталъ наводить на дида объективъ и просунулъ свою голову подъ черное сукно, то дидъ до того «злякавсь», что съ перепугу присѣлъ «на доливку» и, выражаясь малороссійскимъ языкомъ, «упустывсь»... Вдругъ на эту сцену неожиданно явилась въ расправу жена дида, бойкая, живая, смѣлая, сухощавая и дробная старушонка, и вопрошающе остановилась на самомъ порогѣ «кимнаты».

— Шо доброго скажешъ, баба?

— Усе добре скажу! Смѣло отчеканила баба и потомъ, не говоря худого слова, схватила за рукавъ своего дида и помчала его прочь изъ расправы. Едва только баба скрылась за дверью расправы какъ мы, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать себя, разразились громкимъ и дружнымъ хохотомъ... Хохотали мы до тѣхъ поръ, пока къ намъ не явился сельскій писарь и не сообщилъ о прибытіи лошадей, готовыхъ везти насъ до слѣдующаго селенія Федоровки.

Уже солнце совсѣмъ спряталось за горизонтъ, когда мы подъѣхали къ большой волости села Федоровки. Взойдя въ зданіе, мы нашли въ немъ писаря и, предъявивъ свою бумагу, просили доставить намъ лошадей съ тѣмъ, чтобы доѣхать намъ къ ночи въ Игнатьевку, гдѣ имѣли расположиться на продолжительный отдыхъ у землевладѣльца Игнатьевки, А. И. Алѣева.

Едва вошли мы въ волость и едва успѣли размѣститься возлѣ стола по лавкамъ, какъ тутъ въ комнату вошелъ дидъ-сторожъ, который въ одной рукѣ держалъ огромный пукъ только что сорваннаго съ корнемъ полыня, въ другой — коротенькую люлечку, такъ называемую зинькивку съ металической красной мѣди крышечкой и съ такой же протычкой. И по выраженію лица, и по взгляду, который дидъ бросилъ на всю нашу компанію, я сразу опредѣлилъ, что это «знаючій» дидъ.

— А я знаю, диду, на шо це вы й полыню несете!

— А на шо?

— Шобъ блихъ выгонять!

— Правда! Шо правда, то правда!

— И знаю, звидкиля вы будете ихъ выгонять.

— А звидкиля?

— Изъ матни!

— Ха! ха! ха! И це правда! Одначе, по чомъ же вы знаете, шобъ васъ Богъ любывъ?

— Я бачу, шо вы запорожськый дидъ, а запорожцы, якъ шо на ихъ нападалы блохы, тилькы й спасалысь видъ ныхъ тимъ, шо клалы соби въ матню полыню.

— И це справжня правда! Отъ яки богатыри булы,—земля не держала, а блихъ було безъ полыню не здоліють.

— А богатыри велыки булы?

— Куды жъ не богатыри? Ще й яки? У нёго, у того запорожця, симъ пудивъ голова, — дидъ мій самы бачилы, божутця було, шо истынна правда. А вуса у нёго таки, шо, якъ визьме було винъ ихъ у рукы та якъ росправе, одного туды, а другого сюды, то и въ двери не влизе, хочъ бы ти двери булы таки, шо черезъ ныхъ и тройка коней зъ повозкою проскочила. Воны на дванадцатѝ языкахъ умилы балакать; воны изъ воды моглы сухымы выходыть; воны умилы, колы треба, и сонъ на людей насылать, и туманъ, на кого треба, напускать, и въ ричкѝ перелыватьця, и котамы перекыдатьця: оце перекынетця у кота зъ круглою, якъ кавунъ, пыкою та зъ цупкыми, якъ дритъ, вусамы, тай нявчить: ты думаешъ, шо воно и справди китъ, ажъ воно запорожецъ!.. Воны малы у себе таки верцадла, шо, дывлячись у ныхъ, за тысячу верстовъ бачилы, шо воно у свити й робытця. Оце якъ итты куды у походъ, то винъ, хто тамъ у ихъ бувъ за старшо́го, чи ватажокъ якый, чи самъ кошовый, то винъ, кажу, визьме у рукы верцадло, подывытця въ нёго тай каже: «Туды не йдимъ, бо тамъ ляхы йдуть, и туды не йдимъ, бо тамъ туркы, або татары заходять, а сюды йдимъ, бо тутъ ажъ никогисенько нема»... Воны булы таки хымородныкы, шо було тилькы дочеркнетця который-небудь зъ ныхъ до замка, шо коло скрыни, то скрыня такъ сама собою и одчинетця. Онъ якый народъ бувъ! Вѐлыть-люде, знаюкы, у, яки знаюкы! И мысли̇вци велыки!

— И знаюкы, и мысли̇вци велыки, а супротѝ блихъ тилькы, кажете, одынъ полынь и зналы?

— Гм, супротѝ блихъ! Воны, може, тимъ полынемъ не тилькы блихъ, а и нечистыхъ выгонылы изъ своихъ куренивъ...

— А хиба такы ти нечисти и справди есть?

— А тожъ скажете и нема?

— А не вже жъ такы есть?

— На це вже я й самъ скажу вамъ, що есть!

— Якъ такъ?

— А отъ якъ: оце я, бувайте здорови, якъ самы бачите, теперъ у волости за сторожа служу, и отъ то колысь жывъ за сторожа у цегельни; та оце зимою було улизышъ у сторожку та тильки шо заберешъся на пичь та укынешъся въ сонъ, а винъ — простить за слово — чортяка, уже й тутъ, уже й коло тебе: пидберетця анахтымъ пидъ бикъ тай спыть, одному, бачъ, падлюци холодно спаты. А якъ колы, то не вспiешъ и заснуть, а винъ уже хапъ тебе за ногу. «Постiй, постiй,' я ще не сплю! Тоди вже будешъ хапать, якъ захроплю! То винъ и втыхомырытця на якый тамъ менть...

— Онъ якъ!

— А такъ!

— Ну, а що жъ вамъ, диду, не въ замитку, якъ винъ, той чортъ, чи хвостатый, чи куцый?

— Чорты бувають не въ одну миру; а цей чортъ, що ходывъ до мене спать, такъ винъ бувъ куцый: у нёго хвистъ такъ що, може, зъ палець завбильшкы, а тилькы дуже цупкый, такый цупкый, якъ дритъ.

— Ну, а видёмъ вамъ не доводылось бачить?

— Видёмъ? Чомъ не доводылось? Разъ, у литку, сплю я якось на погриби, у саняхъ, колы чую скризь сонъ, шо наче мене шось нюха; роскрывъ я очи — а на двори було мисяшно-мисяшно — глядь, ажъ воно собака, била-била, якъ снигъ; ото жъ воно й видьма.

— А, може-жъ воно то такы собака?

— Де тамъ вамъ собака?.. Такъ вона мене, кажу, й нюха, а я iи, паскуду, навидли якъ тельгыну дрюкомъ, такъ вона ажъ на хвистъ прысила!.. На другый день пишовъ я до сусиды сокыры позычаты, а у неи уся пыка на бикъ звернута. . Отъ вамъ и собака!.. Та ще добре, що вона за носа не хапнула.

— А хапають хиба?

— Ще й якъ!

— Родыма видьма, то вона не хапá, а роблена видьма, то та хапá, — вона дуже зла.

— Що жъ це воно родыма и роблена видьма?

— Родыма — вона такъ и родытця уже видьмою, — у неи есть ззади коротéнькый хвостыкъ; якъ пóле вона на вгорóди, або пере

сорочкы на ричци, то ёго й выдко. Ця добра видьма. У робленнои жъ видьмы хвоста нема,—ін уже робе видьмою родыма. А робе безпременно у ночи, при мисяцю: оце у саму пивничь, якъ мисяць стане супроты хаты и якъ блидке одъ мисяця проминня пробьетця черезъ викна у саму хату та заграе по доливци, тоди родыма видьма устае зъ полу, бере въ рукы два ножы, стромляе ихъ середъ хаты въ доливку,—одного зъ одного боку, другого зъ другого, и потимъ ставе свою дочку мижъ ножамы зъ тимъ, шобъ вона трычи перекынулась черезъ голову. Тутъ якъ ухопе мате свою дочку за потылыцю та якъ скрутне-скрутне, то такъ и перекыне іи разъ! два! и тры!.. А у тіеи ажъ пина изъ рота покажетця, уся коса роспустытця, очи такъ и запалають огнемъ, а на ножахъ ажъ кровь выступе живцемъ... Отъ тоди вже вона и роблена видьма. Ця вже, якъ кусне, ть й носа не стане.

— И не вже жъ таки цёму всёму правда, шо и чорты и видьмы на свити есть?

— Правда! Якъ прожывете стилькы, скилькы я прожывъ, то тоди й повирыте, а теперъ ось вамъ и брычка гуркотыть.

Подъ окномъ дѣйствительно раздался стукъ отъ колесъ брички, и мы, простившись съ очень интереснымъ и занимательнымъ дидомъ, направились изъ Федоровки къ Игнатьевкѣ. На этотъ разъ Ѳома Полтавченко ничего не забылъ въ Федоровкѣ, и намъ не пришлось возвращаться назадъ за вещами. Зато намъ поданы были такіе отчаянные кони, которые, сдѣлавъ всего лишь пять верстъ отъ селенія, стали на одномъ мѣстѣ какъ вкопанные и дальше ни за что не хотѣли идти. Въ добавокъ къ тому на небѣ стали сгущаться темныя тучи и не въ далекомъ будущемъ могъ полить большой дождь. Намъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ выдти изъ брички и идти пѣшкомъ, тогда какъ наши кони поплелись въ слѣдъ за нами. Долго ползли мы черезъ какіе-то байраки, балки и выбалки и уже очень поздно добрались до Игнатьевки. Вся деревня уже давнымъ-давно спала, когда мы, измученные и усталые, доплелись, наконецъ, до нея. Простучавъ понапрасно подъ окнами одной, потомъ другой, потомъ третьей хаты и нигдѣ не добившись никакого отвѣта, мы рѣшили въ концѣ концовъ ѣхать въ усадьбу помѣщика А. П. Алѣева и, забывъ всякое приличіе, стучаться къ нему въ дверь до тѣхъ поръ, пока онъ не пуститъ насъ къ себѣ на ночлегъ. Никто изъ насъ не

былъ лично знакомъ съ владѣльцемъ Игнатьевки, и это-то обстоятельство и ставило насъ въ тупикъ.

Спустившись въ потьмахъ въ какую-то яму и потомъ изъ ямы поднявшись на какую-то гору, мы очутились въ обширномъ и полуразгороженномъ дворѣ помѣщика и тутъ встрѣчены были такимъ отчаяннымъ лаемъ собакъ, который заставилъ насъ всѣхъ моментально повскакивать въ бричку и въ ней, какъ въ неприступной крѣпости, искать себѣ защиты. Сидя въ бричкѣ, мы коекакъ добрались до людской избы, стоявшей въ одномъ изъ угловъ панскаго двора и, вооружившись, кто чѣмъ могъ, кнутомъ, зонтикомъ, подставками отъ фотографическаго аппарата, спустились у самыхъ дверей людской и заняли тамъ оборонительную позицію, спиною къ дверямъ, лицомъ ко псамъ. А псы, заливаясь на разные голоса, оскаливъ страшные зубы и сверкая своими гнѣвными глазищами, завѣшанными, точно забраломъ, длинною щетинистою шерстью, такъ и рвались, такъ и рвались къ намъ, готовые ежеминутно растерзать насъ на мелкіе куски. Безъ преувеличенія можно сказать, что если ихъ не было тамъ полной дюжины, то безъ сомнѣнія былъ цѣлый десятокъ. И все какіе псы! Не псы, а настоящіе звѣри! Это тѣ степныя овчарки, огромнаго роста и свирѣпаго вида, которыхъ боятся даже и степные волки.

Между тѣмъ въ то время, когда на дворѣ происходила такая отчаянная собачья атака и раздавался по всѣмъ угламъ двора невообразимый лай, въ это время господа и слуги мирно почивали по своимъ куткамъ и, казалось, вовсе не слыхали ничего того, что происходило во дворѣ. Простоявъ нѣсколько минутъ безъ движенія у дверей и не видя ни откуда себѣ помощи, мы вдругъ нажали, всѣ трое разомъ, двери людской, и когда онѣ внезапно распахнулись передъ нами, моментально вскочили въ сѣни и моментально захлопнулись. «А, будь же ты проклята, окаянна собачня! Отъ скажени, такъ скажени!..»

Изъ сѣней мы попали въ обширную избу и тутъ, освѣтивъ ее спичкой, поражены были не менѣе того, какъ и числомъ собакъ во дворѣ, безчисленнымъ количествомъ мухъ. Озаренныя внезапнымъ свѣтомъ, мухи бросились со всѣхъ оконъ, со всѣхъ угловъ, со всѣхъ полицъ и со всего потолка къ намъ на свѣтъ и подняли такое невообразимое жужжаніе, съ которымъ не могло сравниться жужжаніе цѣлаго десятка согнанныхъ вмѣстѣ, на одно дерево, роевъ пчелъ. По всей хатѣ отъ такого полета мухъ про-

неслась какъ бы цѣлая полоса вѣтра. И при этомъ невообразимомъ роѣ мухъ въ хатѣ стояла невообразимая духота, отъ которой свѣжаго человѣка сразу бросало въ жаръ и проливной потъ. Не смотря, однако, на такія не особенно благопріятныя удобства, на низкой «примосткѣ» или на низкихъ нарахъ хаты лежалъ какой-то человѣкъ и храпѣлъ, что называется, во всю ивановскую, то восходя отъ самыхъ высокихъ и густыхъ до самыхъ низкихъ и свистящихъ нотъ, то выводя въ одинъ пріемъ, безъ перерыва, длинные звуки, то обрываясь на каждомъ отдѣльномъ звукѣ и зато разражаясь самымъ могучимъ и ни съ чѣмъ несравнимымъ храпомъ. Приблизившись къ самой «примосткѣ» и освѣтивъ спящаго человѣка спичкой, мы начали пробуждать его разными способами отъ сна, но всѣ наши старанія оказались совершенно напрасны: какъ ни кричали мы, какъ ни толкали человѣка, онъ и знать никого не хотѣлъ. Онъ такъ крѣпко, такъ богатырски крѣпко спалъ, что до него рѣшительно не доходили ни крикъ, ни смѣхъ, ни толчки, ни разные эпитеты, которыми мы попеременно награждали его. Только подъ конецъ, когда Хома Забутный особенно энергично толкнулъ спящаго носкомъ сапога въ заднюю часть тѣла, спящій приподнялся съ наръ и, не раскрывая глазъ, скороговоркой произнесъ: «И якый тутъ чортяка товчетця! Овець уже давно роспродавъ панъ, а кони пасутця у степу, — тамъ и купуй!..» Послѣ этихъ словъ спящій вновь повалился на примостку и еще сильнѣе и еще отчаяннѣе захрапѣлъ: «Тьфу ты, собачій сынъ, отъ спыть, такъ спыть»! выругался тотъ же Хома Забутный.

Не добившись ничего въ людской, мы вновь вышли во дворъ и, сѣвъ въ бричку изъ опасенія быть растерзанными озвѣрѣвшими отъ злости собаками, подъѣхали прямо къ господскому дому и начали стучаться въ главную его дверь. Долго на нашъ стукъ никто не подавалъ намъ никакого отвѣта; наконецъ, въ одномъ изъ оконъ дома отворилась форточка, и насъ спросили, кто мы и чего намъ надо. Тутъ я назвалъ мою фамилію и въ свою очередь спросилъ, могу ли говорить съ владѣльцемъ имѣнія, Александромъ Ивановичемъ Алѣевымъ. Мнѣ отвѣтили, что Александра Ивановича нѣтъ дома, что въ домѣ осталась одна его сестра съ прислугой, но что фамилію мою сестра Александра Ивановича очень хорошо знаетъ и проситъ пожаловать, нисколько не стѣсняясь, со всѣми моими спутниками въ домъ. Отъ такой любезности

мы сразу почувствовали большой приливъ радости и поспѣшили войти въ домъ. Скоро весь домъ освѣтился огнями, и мы поочередно представились гостепріимной хозяйкѣ, оказавшейся молодою и очень привлекательной барышней... Уже совсѣмъ свѣтомъ мы разошлись по назначеннымъ намъ комнатамъ, очарованные и восхищенные любезностью, радушіемъ и полною сердечностью хозяйки...

На слѣдующій день, по пробужденіи отъ сна, первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ мѣстность Игнатьевки, чего мы за темнотою не могли сдѣлать въ прошедшую ночь.

Мѣстность, гдѣ сидѣла Игнатьевка или Алѣевка, оказалась совершенно открытой, наклонной и постепенно спускавшейся къ рѣкѣ и по обыкновенію, прорѣзанная вдоль нѣсколькими балками, изъ коихъ самыя большія носятъ названія Бырдиной и Лишней. Усадьба помѣщика приходилась какъ разъ противъ порога Лишняго, и это послѣднее обстоятельство придавало ей особенную прелесть и привлекательность. Конечно, той грандіозности и того величія, какимъ поражаетъ туриста порогъ Ненасытецкій, на Лишнемъ порогѣ нѣтъ, но зато здѣшній ландшафтъ ласкаетъ зрителя необыкновенною мягкостью своего тона и какъ-то успокоительно дѣйствуетъ и на душу и на сердце человѣка. Казалось, вѣчно сидѣлъ бы противъ этого порога и вѣчно смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся на него. И этотъ прекрасный уголокъ владѣлецъ опредѣлилъ продать, начавъ распродажу съ овецъ и лошадей...

Мы не особенно торопились нашимъ отъѣздомъ изъ Алѣевки. Особенную неторопливость выразилъ старшій членъ нашей компаніи, Артемій Юрьевичъ Ногайченко, но намъ доподлинно неизвѣстно было, что именно въ данномъ случаѣ дѣйствовало на Артемія Ногайченка, прелести ли степной природы, или же ни съ чѣмъ несравнимый блескъ черныхъ очей обворожительной хозяйки...

Только слѣдующимъ днемъ мы оставили плѣнительную Алѣевку и, сѣвъ въ лодку, перебрались съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра, въ село Андреевку, Иваненково тожъ. Явившись въ волость, мы предъявили тамъ требованіе на пару лошадей съ бричкой и, въ ожиданіи подводы, вошли въ разговоръ съ мѣстнымъ писаремъ. Писарь, прочитавъ губернаторское предписаніе, имѣвшееся въ нашихъ рукахъ и гласившее объ оказаніи намъ закон-

наго содѣйствія въ нашихъ археологическихъ изысканіяхъ, вообразилъ, что мы очень вліятельные люди, близко стоящіе къ особѣ губернатора, и сталъ, подъ самымъ строжайшимъ секретомъ, сообщать намъ о разныхъ злодѣяніяхъ, какія чинилъ въ селѣ мѣстный урядникъ: «Тутъ такый злóдій, такый злóдій, шо никого мимо не пропуска; ни жинокъ, ни дивчатъ... Тутъ одна дивчина отъ нёго забигла геть изъ села. Навпосли найшлы, чувъ, ажъ геть за сто верстовъ... Одно слово, харцызъ не харцызъ, а настоящій харцымонъ»... Найдя въ насъ полное сочувствіе, писарь долго еще говорилъ намъ объ урядникѣ, передавая о многихъ другихъ его паскудствахъ, які той харцымонъ завивъ на сели»...

Но вотъ намъ послѣ долгаго ожиданія подали лошадей, и мы, простившись съ писаремъ, повидимому заклятымъ врагомъ урядника, сѣли въ бричку и покатили вдоль лѣваго берега Днѣпра на Маркусову, Вознесенку и переправу Кичкасъ. Кичкасъ назначенъ былъ послѣднимъ пунктомъ нашего путешествія на тотъ день. У Кичкаса въ рыбальнѣ одного знакомаго мнѣ рыбака, по фамиліи Харченка, мы предполагали остановиться на нѣкоторое время нашимъ кошемъ и оттуда предпринять поѣздку на островъ Хортицу для осмотра въ западномъ берегу его, такъ называемой Вышей-Головы и находящейся въ этомъ же берегу пещеры Зміевой.

Уже вечеромъ мы выѣхали изъ села Андреевки по направленію къ Кичкасу и выѣхали съ предзнаменованіями не особенно благопріятными для насъ: на западномъ горизонтѣ стали собираться темныя тучи и изъ-подъ тучъ сталъ повѣвать влажный и порывистый вѣтеръ. Но я успокаивалъ моихъ спутниковъ, еще не совсѣмъ привыкшихъ ко всѣмъ неудобствамъ путешествія, тѣмъ, что мы ѣдемъ не въ какую-нибудь безлюдную степь, а къ берегу Днѣпра, гдѣ стояла рыбальня моего давняго пріятеля, Ивана Харченка, который съ большою радостью и пріиметъ насъ къ себѣ и укроетъ отъ дождя.

Между тѣмъ бричка наша, то опускаясь въ глубокія балки, то поднимаясь на длинные и высокіе кряжи или небольшіе пригорки, то выскакивая на открытую степь, пошла, наконецъ, все книзу и книзу, и скоро мы, взобрались на послѣдній пригорокъ, опустились въ очень низкую и довольно глубокую ложбину. Тутъ мы увидѣли впереди себя темную полосу Днѣпра и вмѣстѣ съ этимъ самую переправу Кичкасъ, указателемъ которой служилъ большой на-

ромъ, двигавшійся отъ лѣваго берега рѣки къ правому. Подъѣхавъ къ самому берегу Днѣпра и немного свернувъ вправо, мы остановились тутъ возлѣ небольшой деревянной будочки, которая была рыбальней Ивана Харченка. Не смотря на то, что рыбальня оказалась запертой на замокъ, мы, однако, тотъ же часъ сложили возлѣ нея весь нашъ багажъ, а своего извозчика отпустили домой.

Хотя я не видалъ Харченка уже болѣе двухъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе хорошо зналъ весь его образъ жизни и былъ увѣренъ, что онъ отправился куда нибудь на ловлю рыбы и что скоро — недолго онъ вернется къ своей рыбальнѣ, и тогда мы расположимся у него какъ дома. Но прошло полчаса, прошелъ и часъ, а Харченка нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ уже и сумерки. Вотъ, наконецъ и ночь, а Харченка все нѣтъ и нѣтъ. Съ наступленіемъ ночи изъ темныхъ тучъ полилъ давно уже собиравшійся дождь. Что было тутъ дѣлать? Видя, что весь лѣвый берегъ Днѣпра, на которомъ мы расположились, усыпанъ крупнымъ пескомъ и по мѣстамъ заваленъ огромными глыбами дикихъ скалъ, я, недолго думая, выбралъ себѣ одну, самую большую, съ навѣсомъ, скалу, разгорнулъ руками подъ ней песокъ, потомъ взялъ свое толстое шерстяное одѣяло, завернулся въ него съ головой, легъ въ приготовленную ямку подъ скалой и засыпалъ самъ себя по самую голову пескомъ, чрезъ что сдѣлался совершенно недоступнымъ для дождя. Мои спутники, видя то, какъ я отлично устроился въ пескѣ, подъ скалой, начали и себѣ приспособляться возлѣ меня.

— Слухайте, пане атамане, вы не знаете, якый у мене ремонтысъ у руци?

— Ни, не знаю, пане Артемію! Шо жъ мени зъ вашимъ ремонтысомъ робыть?

— Шо робыть? Якъ бы мени такъ, шобъ пидгорнутьця зъ вашого правого боку пидъ ваше тепленьке одіяльце.

— А, якъ бида, такъ и до жыда! А хто сміявсь зъ атамана черезъ те, шо винъ тягае за собою одіяло? Га? Хто сміявсь?.. Ну, та дарма, винъ зла не памьятае: лизьте уже та пидгортайтесь.

— Слухайте, пане атамане, а вы не знаете, якый у мене рымантысъ у нози?

— Ни, не знаю, пане Хомо! А шо жъ мени зъ вашимъ ремонтысомъ робыть?

— Та якъ бы мени такъ, шобъ прымостытыця коло васъ, хочъ уже пидъ лывый бикъ.

— А хто глузувавъ зъ атамана, якъ винъ зъ одіяломъ тягавсь?

— Та я такы, правду сказать, и забувъ, хто воно тамъ зъ него глузувавъ...

— Забувъ! Забувъ, мабуть, черезъ те, шо Хома Забутный?..— Ну, якъ забулы, то лизьте уже и вы пидъ бикъ!..

И вотъ размѣстившись такимъ порядкомъ и залегши подобно бабакамъ въ пескѣ, мы почувствовали себя не только хорошо, а даже превосходно, не смотря на то, что дождь лилъ надъ нами какъ изъ ведра: находясь подъ толстымъ слоемъ песку, мы совершенно недоступны были для дождя и въ тоже время, припоминая, какъ намъ еще такъ недавно было и удобно и пріятно въ Игнатьевкѣ, смѣялись и хохотали отъ души вслѣдствіе внезапной перемѣны декораціи.

Прошелъ еще добрый часъ, и дождь, мало-по-малу прекращаясь, подъ конецъ совсѣмъ перестал. Скоро мы оставили наше убѣжище, нашли себѣ большую, но низкую скалу и усѣлись на ней всѣ трое подрядъ, оборотившись лицомъ къ Днѣпру. Хотя въ воздухѣ стояла еще большая сырость, тѣмъ не менѣе всѣ признаки указывали на скорое наступленіе хорошей погоды. По краямъ неба, то тамъ, то сямъ, все еще ходили темныя, насыщенныя влагой, тучи, но средина его уже начала понемногу проясняться и вмѣсто сѣрой стала постепенно принимать синеватый оттѣнокъ. Вотъ послѣдняя, огромной величины, темная туча вдругъ разорвалась на двѣ половины, и одна изъ этихъ половинъ, опускаясь все ниже и ниже, свалилась гдѣ-то за лѣсомъ, ниже острова Хортицы; а другая, ринувшись всею массою сразу внизъ, свалилась гдѣ-то далеко-далеко въ Днѣпръ, тамъ, гдѣ подходятъ къ рѣкѣ огромныя гранитныя скалы и гдѣ ревутъ и стонутъ грозные и шумливые пороги. Чрезъ это весь необъятный сводъ неба мгновенно очистился и мгновенно же засвѣтился безчисленнымъ числомъ звѣздочекъ, которыя мигали и переливались необыкновенно мягкимъ и необыкновенно нѣжнымъ блескомъ, казавшимся послѣ продолжительнаго дождя, особенно яркимъ и оттого особенно привлекательнымъ. Такъ бываетъ съ очаровательной красавицей, которая долго туманя слезами свои чудныя очи, вдругъ перестанетъ лить слезы и внезапно даритъ своего обожателя чудною и обворожительною улыбкою... Для полноты картины не доставало только луны: она

скрыта была темною стѣною лѣса, стоявшаго недалеко отъ Днѣпра въ нѣмомъ молчаніи и бросавшаго отъ себя длинную тѣнь на скалы, на берегъ рѣки, на самую рѣку. Но вотъ черезъ вершины деревъ прорѣзалась своимъ верхнимъ рожкомъ и молодая луна, и тогда вся окрестность заблистала и заискрилась голубымъ свѣтомъ, трепетавшимъ и разливавшимся по всему бѣлому песку, по темнымъ гранитнымъ скаламъ, по свѣтлымъ и чистымъ водамъ рѣки. Сама рѣка, протянувшаяся длинной и блестящей лентой, казалась до того спокойной, точно она замерла, точно она застыла и совсѣмъ остановилась въ своемъ теченіи. Въ ея спокойныхъ водахъ, какъ въ самомъ дорогомъ хрустальномъ зеркалѣ, отчетливо и во всѣхъ подробностяхъ отражались и поднявшаяся кверху луна, и мигавшія въ высотѣ звѣзды и самый сводъ темно-синяго и высокаго неба. Въ воздухѣ стояла тишина необыкновенная. Если кто и нарушалъ эту зачарованную, эту царственную, эту величественную тишину, то нарушала только рыба одна, игравшая въ водѣ: вотъ она мгновенно вывернется во всю свою длину изъ холодныхъ струй рѣки, сильно ударится по поверхности воды своимъ хвостомъ и также мгновенно исчезнетъ въ рѣчной глубинѣ, оставивъ послѣ себя только одинъ широкій кругъ на водѣ. Но и тотъ кругъ, двигаясь и расходясь во всѣ стороны и оставляя отъ себя нѣсколько другихъ круговъ, подъ конецъ также совершенно исчезаетъ и совершенно расходится вмѣстѣ съ другими кругами по застывшей водѣ. И тогда снова наступаетъ царственная, зачарованная и заколдованная тишина.

Но вотъ тамъ, гдѣ-то далеко, по тотъ бокъ рѣки, въ чистомъ и спокойномъ воздухѣ медленно и широко начинаетъ разливаться какая-то пѣснь. Она звучитъ сперва слабо, но потомъ, по мѣрѣ приближенія пѣвцовъ къ берегу рѣки, слышится все сильнѣе и сильнѣй и, наконецъ, разливается такой задушевной и такой очаровательной мелодіей, которая, наполняя всю окрестность своими дивными переливами и своею необыкновенною мощью, по истинѣ и поражаетъ и восхищаетъ слушателя, постепенно захватывая все его вниманіе и постепенно овладѣвая и его сердцемъ, и его мыслями, и его душой.

«А Сама́ра рі́чка неглыбо́ка,
И на перево́зи неширо́ка,
А лугы́ зъ берега̀мы.
Берегы́ зъ берега̀мы,
Не прохо́дять зъ кораблямы».

— Стойте, панове, стойте! Та цю писню и мы добре знаемъ. А, ну, починайте-ка, Хома Хведотовычъ, а мы пидхватымъ за вамы!

И Ѳома Ѳедотовичъ начинаетъ, а мы за нимъ подхватываемъ:

«А колысь було проходылы,
И бурлаченькивъ проводылы,
А теперь не проходять,
И бурлакъ не проводять,
Все за вражимы панамы.
Та віють же вітры все буйніи,
Та идуть доцш залывніи,
Та землю намочають,
А траву розрущають,
Все цвитамы зукрашають.

— Эге-ге-ге-ге! хлопци! хлопци! Перебырайтесь черезъ Нипро до насъ та будемъ умисти спивать писень! кричать намъ съ противоположнаго берега пѣвцы, очевидно, принявъ насъ за деревенскихъ парубковъ.

— Эге-ге-ге-ге! Перебырайтесь вы до насъ, то тутъ и будемъ умісти спивать.

— А якъ же намъ перебратыця, якъ нема каюка?

— А якъ же намъ перебратыця, якъ у насъ нема и весла?

— Ну, такъ прощайте, молодци-парубкы!

— Прощайте, молодци-козакы!

И пѣсня снова, только еще звончѣй и еще сильнѣй зазвучала и разлилась по воздуху. Но, по мѣрѣ того, какъ пѣвцы удалялись отъ Днѣпра, она постепенно все ослабѣвала и ослабѣвала и подъ конецъ совсѣмъ растерялась въ необъятномъ пространствѣ необъятнѣйшихъ степей.

Но вотъ на смѣну пѣсни послышались тихіе и медленные всплески веселъ, сперва гдѣ-то вдали, вверху рѣки, а потомъ все ближе и ближе. Скоро на свѣтлой и спокойной поверхности рѣки показалась маленькая лодочка и въ ней обрисовались двѣ высокія фигуры пловцовъ, изъ коихъ одна, стоя назади, дѣйствовала весломъ, но такъ тихо и осторожно, что, казалось оно вовсе и не касалось воды; а другая, стоя напереди, быстро перебирала что-то руками, очевидно вытягивая изъ рѣки сѣти и вмѣстѣ съ сѣтями пойманную рыбу въ водѣ; возлѣ второй фигуры копошилась третья, небольшая фигурка, также что-то перебиравшая руками и очень низко наклонившаяся лицомъ къ водѣ.

— Козаки!

— А шо?

— Радуйтесь,—це Харченко!

— Правда?

— Правда! Я бачу по зросту, шо Харченко!

Скоро лодка причалила къ нашему берегу, и изъ нея вышли всѣ три фигуры. Впереди всѣхъ шелъ Харченко Приблизившись къ своей рыбальнѣ и увидѣвши возлѣ нея трехъ неизвѣстныхъ ему людей, онъ немедленно подошелъ къ намъ и, пристально всматриваясь въ наши лица, спросилъ:

— Кого тутъ Богъ прынисъ до моеи рыбальни?

Вдругъ, увидя меня, Харченко всплеснулъ отъ удивленія руками и громко вскрикнулъ:

— Дывысь, та це Дмытро Ивановычъ! Такъ и есть! Оце гость, такъ гость!... Якъ це васъ сюды прынесло, чи човнычкомъ, чи весломъ? Ахъ, ты, Господи! Ахъ, ты-жъ, Боже мій! Та здоровенькы жъ булы, мій голубчику! Та якъ же жъ вы? Та звидкиля жъ вы? Та чого жъ вы въ рыбальню не йдете?

— А якъ же намъ у вашу рыбальню йти, якъ вона замкнута замкомъ?

— Оце такы не дай, Господи! Хиба жъ вы чужый чоловикъ, шо не знаете, де я вишаю ключъ?

— Положимъ, шо й не чужый, а все жъ такы уже два годы, якъ у васъ бувъ, то трошкы ставъ и забувать, де у васъ и ключъ, де що й другé.

— Марьянко! Марьянко! А, ну — лышень одмыкай рыбальню! скомандовалъ Харченко своей молоденькой дочери, бывшей вмѣстѣ съ отцомъ и съ другимъ человѣкомъ на ловлѣ рыбы.

Марьянка бросилась къ рыбальнѣ, достала подъ стрѣхой ея ключъ и отперла имъ замокъ. Тутъ я познакомилъ Харченка съ моими спутниками, а Харченко назвалъ мнѣ по имени дида, который рыбачилъ съ нимъ на Днѣпрѣ, и мы тотчасъ всѣ полѣзли въ рыбальню. Но рыбальня, однако, была такъ тѣсна и такъ низка, что мы могли въ ней только сидѣть, и то повосточному, поджавши подъ себя ноги. Обмѣнявшись еще разъ дружескими привѣтствіями и пораспросивши другъ друга о здоровьѣ, о дѣлахъ, о всякихъ предпріятіяхъ, мы подъ конецъ пришли къ такому рѣшенію: Марьянка разложитъ возлѣ рыбальни костеръ, дидъ достанетъ изъ лодки самой хорошей рыбы и приготовитъ «мудрои

юшкы», т. е. ухи, а самъ хозяинъ переправится лодкой черезъ Днѣпръ и добудетъ въ Кичкасѣ «оковытой».

Послѣ такого рѣшенія тотчасъ приступлено было и къ исполненію. Хозяинъ отправился въ Кичкасъ по горилку, Марьянка сложила костеръ, зажгла дрова и навѣсила на перекладинку казанокъ, а дидъ захватилъ изъ каюка самой лучшей рыбы и сталъ расчинять ее для ухи. Мы же, выйдя изъ рыбальни, приступили къ диду и размѣстившись на камняхъ, точно на самыхъ удобныхъ стульяхъ, тотъ же часъ завели съ дидомъ «бала́чку». Первый, впрочемъ, открылъ рѣчь самъ дидъ.

— А чи здалека, панычи, вы прыихалы сюды?

— Здалека, диду, дуже здалека, такъ, шо й не выдко звидциля.

— А звидкиля жъ ыменно?

— Изъ Петенбурху, диду! Чулы про такый городъ?

— А чомъ же й не чуть? Чувъ!

— На шестьсотъ верстóвъ дальше одъ Москвы! Чулы?

— Чомъ же не чуть? Чувъ!

— Славный городъ! Куды бильшъ, нижъ вашъ Катеринославъ. Тамъ жывуть уси цари, тамъ находятця сенатъ и сынодъ, тамъ и гвардія состоить! Чулы?

— Чувъ и це! И не тилькы чувъ, а й знаю! Знаю я и ричку Неву, и Петропавловськый соборъ, и Казанськый соборъ, и Васылёвськый острывъ и царськый дворець...

— Отъ тоби й на!.. Почóму жъ вы знаете?

— По тóму знаю, шо я въ тій самій гвардіи и служывъ, шо тамъ состоить, а потимъ ще по воли служывъ, та ажъ пьятнадцять годъ выжывъ у Петенбурзи.

— Гм, отъ тоби й штука, а мы думалы... Гм! Ну, а якъ же це воно такъ, шо, прожывшы пьятнадцять годъ у Петербурзи, вы балакаете не попетербургському, а поукраинському?

— Балакавъ я и попетербургському, та якъ выйшовъ у *чисту* отставку, то усе петербурське *чисто* й забувъ.

— Онъ якъ!

— Такъ!

— Ну, де жъ було вамъ лучче жыть, чи въ Петербурзи, чи на Украини?

— А вже жъ шо на Украини лучче: тутъ и сонечко свое, и люды свои, и мисця уси свои; тутъ же и батькы, и диды тай прадиды жылы.

— А хто жъ ваши диды та прадиды булы?

— Кажуть, шо будьто запрозськи козакы, а чи такъ воно, чи не такъ—того уже вамъ не докажу.

— А яка жъ у васъ, диду, хвамылія?

— Лупцюй.

— Це черезъ шо жъ вы соби таку хвамылію доскочылы?

— Не я ій доскочывъ, а ще дидъ мій доскочывъ.

— А черезъ шо жъ воно такъ?

— Та черезъ шо? Мій прадидъ живъ тамъ десь на Самари—прозывався винъ Макогонъ, — тамъ у нёго и хуторець бувъ, и жинка була, и худобчинка якась, и хлопчишка,—такъ, може годъ симъ, або висимъ; це, бачъ, мій дидъ. Ото якось паскочывъ на той хуторець татарськый загинъ; прадида дома не було, а прабабка зъ хлопчишкомъ сыдила въ куреньци. Баче вона, шо лыхо, та скорійшъ хлопчика засунула у пичь, а сама влизла въ коминь, стала тамъ тай стоить, стоить и въ рукахъ чавунъ окропу держыть. Отъ то якъ ускочывъ у хату татарынъ тай давай нюхаты скризь якъ та собака: нюхъ-нюхъ! та до печи, чи нема тамъ чого зъисты; а та прабабка, недовго думаючи, та якъ кыне ёму горячого окропу у вичи, то винъ такъ якъ скаженый прысь одъ печи! А вона ему въ друге якъ кыне на с...у, то винъ такъ и черкнувсь носомъ объ доливку, тай лазе по ній. А прабабка стоить у комини та ще й прыговарює:

«Татарынъ с . . . у обпарывъ,
Въ хату увійшовъ,
Бабы не найшовъ»...

Хлопчишка жъ той, якъ винъ маненькій та прудкый бувъ, баче таке дило та якъ выскоче изъ печи, якъ ухопе въ рукы сокыру тай давай рубать того татарына.

— Лупцюй ёго, сынку, лупцюй проклятого татарюгу! прыговарює ёму мате. Винъ и улупцювавъ ёго, та отъ того и прозвався съ тыхъ пиръ Лупцюй. Отъ якъ воно було! Бидовый же, кажуть, изъ нёго и парубокъ выйшовъ! Шо вже на выгадкы та на прыз-сказкы—такъ такого ридко де й найты. Оце, кажуть, захоче винъ горилкы выпыть, а грошій нема, заразъ зробе изъ яворыны скрыпчыну, злагодыть смычка тай у корчму до жыда. Увійде у корчму, сяде на лави тай давай грать:

«Жыдъ панъ, жыдъ панъ,
Жыдівка панянка,

Жыдынята панынята,
Бувайте здорови»!

«А цуешъ, Хайко, каже жыдъ, якъ винъ добре грае! Дай ёму кусокъ хлиба та одынъ оселедець». То Хайка и положе ёму на стилъ и добрый шматокъ хлиба, и цилого оселедця. А винъ упьять за скрыпку та впьять грать:

«Жыдъ панъ, жыдъ панъ,
Жыдивка панянка,
Жыдынята панынята,
Бувайте здорови»!

— Ну, якъ же жъ винъ такы добре й грае! Дай ему, Хайко, ще й пивкварты горилкы, а на закуску грудку сахарю». То Хайка поставе на стилъ пивкварты горилкы и положе грудку сахарю. А винъ тоди покыне скрыпчыну, росправе хорошенько свои вуса, визьме въ рукы пляшку горилкы та такъ и перекыне іи одразу въ ротъ,—тилькы забулькотыть... Потимъ визьме хлибъ, умереже и ввесь хлибъ, дали заветь оселедця, потрощить зубамы сахарь, обітретця рукавомъ, зновъ визьме въ рукы скрыпчину, пидниме тонъ повыще и заведе уже инакшу писню:

Жыдъ чортъ, жыдъ чортъ,
Жыдивка чортыця,
Жыдынята чортынята,
Шобъ вы поздыхалы!...»

— «А, якъ же винъ погано ставъ играть! Выжены ёго, Хайко, геть изъ корчмы,— хай ёму грець изъ ёго музыкою»! То Хайка кынетця ёго гнать, а ёго уже и слидъ простыгъ.

— Кого не тамъ слидъ изъ корчмы простыгъ? Чи не дида Лупцюя? вдругъ неожиданно вмѣшался въ разговоръ Иванъ Харченко, только что возвратившійся самъ изъ корчмы съ доброю бутылью горилкы и внезапно очутившійся у самаго костра.

— Дида жъ Лупцюя.

— Це винъ вамъ уже розсказуе, якъ ёго дидъ та въ корчми на скрыпци жыдамъ гравъ?

— А тожъ!

— А про себе самого ничого не казавъ?

— Ни, про себе ничого не казавъ!

— Не казавъ, якъ разъ найвся винъ дынь та прыбигъ додому та шо зъ нымъ було?

— Ни, того не казавъ! А що жъ зъ нымъ було?

— Та що? Зъивъ винъ, значить, на баштани зъ десятокъ дынь та ще й холодною водою запывъ, потимъ прыйшовъ додому, а у него въ жыботи и тее... Винъ до штанивъ, а въ штаняхъ очкуръ та такъ зашморгнувсь, що винъ его и сюды и туды, а ни якъ ёго не розшморгне. Бига тилькы по хати та шука, чимъ бы ёго очкуръ розризаты; бигавъ-бигавъ—нема такого ничого. Тоди якъ закрычыть не своимъ голосомъ: «Жинко! Диты! Несить сюды нижъ, ножныци, долото, сокыру! Скорійшъ тягнить, несить!» А ти дывлятця на него, та не знають, що ёму й казать. Думалы, що винъ, може, збожеволивъ, або що. Покы воны догадалысь та покы прынеслы ёму те, що було треба, то винъ уже и впустывсь... Упустывсь та тоди стоить, схылывъ на бикъ головку, маше рукамы тай каже: «Не-тре-ба!..»

Отъ таке зъ нымъ було! Такъ про це винъ и мовчокъ... А не казавъ винъ вамъ про те, якъ винъ, колы выйшовъ изъ гвардіи, служывъ у одного пана за камендынера та якъ було пойде ёго панъ у кіятры, а винъ надине на себе ёго часы на вказію, визьме въ карманъ прытабакъ, такъ, якъ панъ робе, сяде за картоплясъ тай давай по нёму кулакамы выбывать наче молоткомъ по ковадлу. Не казавъ винъ про це вамъ?... Гм! Цей дидъ тоже стое за свого дида, що жыдамъ на скрыпци у корчмы гравъ... Ну, та це вже давня давына, а теперь отъ що: я бачу, що и юшка и рыба вже готови, — теперь такъ, що благословляйтесь, панове-молодци, за хлибъ, за силь систы. Чи такъ, дочко, кажуть на весилли?—«Такъ, тату!» То тожъ гляды та частійшъ прыговарюй, шобъ женыхы лизлы до тебе, якъ свыни до гарбуза. А вы, дидусь, зробить кубельце на писочку та знимайте казаночка зъ вогню.

И вотъ по слову Харченка дидъ снялъ кипящій казанокъ съ перекладинки и установилъ его въ удобное для трапезы мѣстечко, и вся компанія тотчасъ образовала вокругъ казанка правильный кругъ. Снявъ съ себя шапку и перекрестившись, потомъ взявъ въ одну руку бутыль въ другую чарку, хозяинъ сталъ прежде всего «частувать» гостей горилкою.

— Ну, хай же усимъ нашимъ жывымъ родычамъ легенько загадаетця, а всимъ помершымъ — царство небесне и вичный покой!

— Царство небесне и вичный покой!

— А теперь, дай же, Боже, намъ ще тай ще побачытьця!

— Дай, Боже!

Выпивъ до самаго дна по огромной чаркѣ, всѣ принялись за уху. Для того уху поставили прямо въ казанкѣ, а рыбу выложили особо на деревянные ваганкі и присолили ее слегка крупной солью. Уха оказалась отмѣнно хороша: никогда во всю мою жизнь, ни раньше, ни позже, мнѣ не приходилось ѣсть такой «мудрой» ухи, и это находилъ не только я одинъ, но и оба сотоварищи мои, которые не разъ вспоминали о ней уже спустя нѣсколько лѣтъ. И не потому эта уха показалась намъ особенно вкусна, что мы были голодны — говорятъ, «лучшаго повара нѣтъ, какъ голодъ», а потому что она въ самомъ дѣлѣ была отмѣнно вкусна: уже наѣвшись вдоволь и едва переводя духъ, мы все таки никакъ не могли отстать отъ ухи и снова принимались за нее... Отъ ухи мы перешли къ рыбѣ, и рыба, посоленная слегка солью, сваренная съ лучкомъ, облитая немного уксусомъ, оказалась не менѣе вкусна, какъ и уха.

Нашъ ужинъ и дружеская бесѣда продолжались до самой поздней ночи. Послѣ ужина мы завели съ хозяиномъ длинную «балачку», и уже послѣ «балачки» перешли къ малорусскимъ пѣснямъ. Пѣсни пѣлись такія, какія только кто могъ припомнить. При этомъ Харченку съ его товарищемъ и дочкой очень нравились наши пѣсни, намъ всѣмъ особенно нравились пѣсни Харченка, его товарища и дочки... Только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда въ Кичкасѣ пропѣли послѣдніе пѣтухи, мы всѣ, не исключая и дивчинки Марьянки, влѣзли въ рыбальню и, расположившись рядомъ другъ возлѣ друга, заснули богатырскимъ сномъ.

Когда мы пробудились на другой день ото сна, то солнце стояло уже выше скалъ, окружавшихъ лѣвый берегъ Днѣпра, и залило своимъ яркимъ свѣтомъ всю песчаную котловину, спускавшуюся къ самой рѣкѣ. Первымъ нашимъ дѣломъ было идти къ Днѣпру и омыться въ его холодныхъ водахъ. Пока мы спустились къ Днѣпру, пока освѣжились въ немъ, пока поднялись къ рыбальнѣ, тѣмъ временемъ Іванъ Харченко уже успѣлъ похлопотать о новой ухѣ и о новой бутылѣ «оковитой» для «снидання». Не прошло и одного часа, какъ и то и другое было уже готово. И на этотъ разъ уха оказалась также безподобна, какъ и въ прошлый разъ...

Тотчасъ послѣ завтрака мы рѣшили отправиться лодкой, взятой у Харченка, къ западной части острова Хортицы, гдѣ имѣлась пещера Зміева. Уложивъ въ лодку всѣ наши вещи, въ томъ числѣ фотографическій аппаратъ, и сѣвъ втроемъ, безъ лодочника, мы

пустились отъ Кичкаса внизъ по Днѣпру. Прежде всего мы пристали къ огромнѣйшимъ, стоявшимъ среди Днѣпра, въ виду сѣверо западнаго угла Хортицы, скаламъ Столпамъ, осмотрѣли и сняли съ нихъ фотографіи; потомъ остановились возлѣ двухъ, не менѣе громадныхъ, скалъ Стоговъ и, обозрѣвъ и облазивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, пустились такъ называемымъ Старымъ-Днѣпромъ до Высшей-Головы Хортицы. Высшая-Голова громадными массами своихъ скалъ прямо таки поразила насъ съ перваго же на нее взгляда. Это настоящее, если можно такъ сказать, каменное великолѣпіе, которое невольно плѣняетъ и умъ и воображеніе каждаго человѣка, но котораго не сравнить, ни уподобить рѣшительно ничему другому нельзя. Вся сѣверозападная сторона острова Хортицы, на сколько можетъ охватить ее человѣческій глазъ, состоитъ изъ сплошной стѣны массивнѣйшихъ темно-сѣрыхъ гранитныхъ глыбъ и эти глыбы по мѣстамъ стоятъ ровно какъ по струнѣ; по мѣстамъ нѣсколько отходятъ назадъ отъ рѣки; по мѣстамъ же страшно нависаютъ надъ самой рѣкой и грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ въ Днѣпръ. И вотъ въ одномъ изъ выступовъ такихъ скалъ виднѣется Зміева пещера, которая подпимается отъ поверхности воды Днѣпра не менѣе, какъ аршина на три высоты и издали кажется какой-то дырой и расщелиной между двухъ скалъ. Къ этой-то пещерѣ мы и направили нашъ каюкъ. Такъ какъ противъ самой пещеры образовалась небольшая площадка отъ наноснаго песку, аршина въ три длины и столько-же ширины, то мы, подойдя къ площадкѣ, прежде всего вытащили нашу лодку на песокъ и атаковались тамъ. Послѣ того двое изъ насъ, становясь поочередно на плечи третьему, повлазили во внутрь пещеры; послѣдній же взобрался въ пещеру уже при помощи весла, приставленнаго вплотную между отверстіемъ пещеры и выступомъ гранитной скалы. Уже раньше того, спускаясь отъ Стоговъ по Старому Днѣпру, мы видѣли, что на рѣкѣ начинали ходить небольшіе перекаты волнъ и, при совершенно ясной и жаркой погодѣ, начиналъ «подыхать» довольно сильный сѣверо-восточный вѣтерокъ. Не придавъ тому особеннаго значенія, мы спокойно оставили нашу лодку со всѣми вещами стоять на песку, а сами влѣзли во внутрь пещеры и стали осматривать ея помѣщеніе. Пробывъ въ пещерѣ около получаса и выглянувъ изъ нея на свѣтъ, мы были мгновенно поражены, и на время отъ удивленія совершенно онѣмѣли: на Днѣпрѣ свирѣпствовала настоящая буря, и наша лодка, снятая вѣтромъ съ песку и отне-

сенная далеко отъ пещеры въ открытый Днѣпръ, безпомощно качалась между огромныхъ волнъ, готовая каждую минуту опрокинуться вверхъ дномъ и выбросить изъ себя весь нашъ драгоцѣннѣйшій багажъ, т. е. прежде всего мое незабвенное одѣяло, потомъ всѣ наши снимки, записныя книжки и фотографическій аппаратъ. Намъ самимъ, съ уплытіемъ лодки, грозила опасность просидѣть нѣсколько часовъ, а можетъ быть, даже и дней между небомъ и водой и ждать счастливаго случая, когда какой нибудь случайный пловецъ не заберется въ Старый Днѣпръ для ловли рыбы и не вызволитъ насъ изъ бѣды. Положеніе было, можно сказать, поистинѣ «крутическое». И вотъ въ эту-то минуту и сказалось, что значило имѣть въ своей компаніи такого съ виду беззаботнаго, но въ минуты опасности рѣшительнаго сотоварища, какъ Ѳома Полтавченко. Ѳома Полтавченко, онъ же Хома Забутный, недолго думая, спустился съ пещеры на площадку, моментально снялъ съ себя все платье и моментально же бросился вплавь по рѣкѣ за лодкой. А лодка уплыла въ Днѣпръ уже не менѣе, какъ на версту разстоянія и, все больше и больше раскачиваясь по волнамъ, положительно заставляла насъ дрожать за наше добро. Но Хома Забутный былъ не изъ послѣднихъ пловцовъ: отлично лавируя между подводныхъ скалъ и избѣгая большихъ волнъ, онъ все ближе и ближе подходилъ къ лодкѣ, но зато все дальше и дальше уходилъ отъ насъ.

— Колы бъ, не дай, Боже, ще не потонувъ!

— Э, ни, не такый козакъ!

Вотъ Хома Забутный доплылъ до песчаной косы и вылѣзъ на нее: скорчившись подобно обезьянѣ, онъ видимо отдыхалъ отъ страшной усталости и собирался съ силами для дальнѣйшей погони за лодкой. Не прошло и пяти минутъ, какъ Хома уже вновь разбивалъ своими руками высокія волны и вновь мчался въ слѣдъ за лодкой. Голая и смуглая спина его блестѣла яркимъ пятномъ на солнцѣ и служила для насъ издали главнѣйшей точкой, куда мы направляли все наше вниманіе. Вотъ Хома, наконецъ, возлѣ лодки; вотъ онъ уже схватилъ ее рукой за бортъ: вотъ онъ, наконецъ, подвелъ ее къ какой-то скалѣ и со скалы прыгнулъ въ самую лодку. Глядя на Хому черезъ бинокль, мы видимъ, какъ онъ, влѣзши въ лодку, сперва нашелъ въ ней шерстяное одѣяло, закутался въ него весь до самой головы, потомъ найдя оставшееся на днѣ лодки весло, сталъ дѣйствовать имъ и направлять

лодку къ мѣсту нашего сидѣнія. Прошло около часа времени и наконецъ, лодка стояла у площадки. Шумно и радостно привѣтствовали мы нашего драгоценнаго Хому Забутного и, бросившись къ нему со всѣхъ ногъ, едва не задушили его въ своихъ объятіяхъ. А онъ стоитъ весь нагой, какъ Адамъ, первозданный, смуглый почти какъ голенище, и добродушно заливается хохотомъ.

— Чуть бисивъ каюкъ не втикъ бувъ, такъ я его все-жъ таки піймавъ!

— А не забулы ничого, якъ отдыхалы на косѣ?

— А шо жъ бы я тамъ и забувъ, якъ увесь голый бувъ?

И такъ: и наша честь и наше имущество спасены. Послѣ этого, осмотрѣвъ самыя достопримѣчательныя мѣста острова Хортицы, мы пригнали нашу лодку къ рыбальнѣ Харченка, а сами въ тотъ же день выѣхали изъ Кичкаса въ городъ Александровскъ.

Слѣдующимъ днемъ, утромъ, сѣвъ на пароходъ, мы направились изъ Александровска въ мѣстечко Никополь, бывшую Микитинскую Сичь, освященную пребываніемъ въ ней, въ 1648 году, гетмана Богдана Хмельницкаго: въ то время помѣщалась Сичь на Микитиномъ-Рогѣ; потомъ, въ 1848 году, къ великой скорби она снесена и разрушена была напоромъ весенней воды.

Высадившись въ Никополѣ со всѣмъ нашимъ багажомъ и расположившись на время въ заѣзжемъ дворѣ, мы тотъ же часъ, по прибытіи въ мѣстечко, представились мѣстному настоятелю древняго собора, протоіерею Іоанну Карелину, и, съ его разрѣшенія, занялись фотографированіемъ тѣхъ многочисленныхъ церковныхъ древностей, которыя сохранились до нашего времени въ соборѣ. Изъ всѣхъ церковныхъ древностей болѣе всего восхищалъ художниковъ прекрасный аналой, сдѣланный изъ арабскаго дерева съ инкрустаціей и подаренный запорожцамъ въ началѣ XVIII столѣтія константинопольскимъ патріархомъ Когда этотъ аналой вынесенъ былъ изъ церкви въ ограду и когда на немъ заиграли лучи только что поднявшагося надъ плавнями утренняго солнца, оба художника положительно не могли отвести глазъ отъ прекраснаго произведенія искусства и, заходя къ нему то съ одной, то съ другой стороны, не находили словъ для выраженія своего восхищенія.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы уже катили изъ мѣстечка Никополя по направленію къ селу Покровскому, екатеринославкаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя запорожская Сичь, на рѣкѣ Под-

пильной, уничтоженная въ 1775 году, 4 іюня, на 3 день Троицы, по повелѣнію императрицы Екатерины II.

Прибывъ въ село Покровское, мы направились прямо къ дому старой матушки, вдовы Барышпольской, давней знакомой моей и, встрѣченные ею какъ родные люди, тамъ же и расположились нашимъ кошемъ. Къ вечеру тогоже дня ко мнѣ пришли всѣ мои старые знакомые, кто изъ мѣстныхъ крестьянъ, кто изъ служащихъ въ экономіи, и у насъ тотъ часъ же устроилась на зеленой плавнѣ, за рѣкой Подпильной, подъ одной изъ гигантскихъ вербъ, грандіозная каша...

Село Покровское съ его земляными укрѣпленіями, оставшимися отъ временъ запорожцевъ, съ его церковью, хотя и новою, но имѣющею въ себѣ не мало козацкихъ древностей, удержало насъ на долгое время; тѣмъ болѣе, что мы нашли себѣ самый радушный и самый теплый пріемъ у мѣстнаго оберъ-лѣсника, Митрофана Савича Моздалевскаго, и подъ конецъ провели съ нимъ и съ его семьей нѣсколько пріятныхъ и незабвенныхъ часовъ въ небольшомъ палисадничкѣ, противъ оконъ его квартиры. Поснимавъ фотографіи со всѣхъ, найденныхъ нами въ покровской церкви, древностей, мы подъ конецъ, сопровождаемые большимъ обществомъ, изъ села Покровскаго выѣхали въ деревню Капуливку, къ славной Сѣчѣ на островѣ Чортомлыкѣ и къ славной могилѣ славного кошевого Сирка.

У памятника Сирка, на самой вершинѣ могилы его, вся наша компанія составила небольшую группу, и эта группа снята была для пріятнаго воспоминанія, нашимъ художникомъ-фотографомъ. Сняты были также отдѣльно памятникъ и могила Сирка, общій видъ на Чортомлыцкую Сичь, зарисованы были всѣ каменные намогильные кресты и каменныя подставки подъ кресты, уцѣлѣвшія частію, на бывшемъ запорожскомъ кладбищѣ, частію отдѣльно, по дворамъ и огородамъ крестьянъ.

Уже поздно оставили мы деревню Капуливку и еще позднѣе вернулись въ Никополь. Въ Никополѣ мы простились другъ съ другомъ и разстались самымъ дружескимъ и самымъ сердечнымъ образомъ, послѣ чего одинъ изъ членовъ нашей компаніи направился въ Таврическую губернію, другой въ Полтавскую, а пишущій настоящія строки пустился внизъ по Днѣпру, къ Каменской и Алешковской Сичѣ.

— Хома Хведотовычъ! Хома Хведотовычъ! Постойте! постойте на одну хвылыночку!

— А шо таке?

— Чи не забулы вы чого?

— Ни, не забувъ! Теперъ усё забравъ! Хиба отъ шо?..

— А шо?

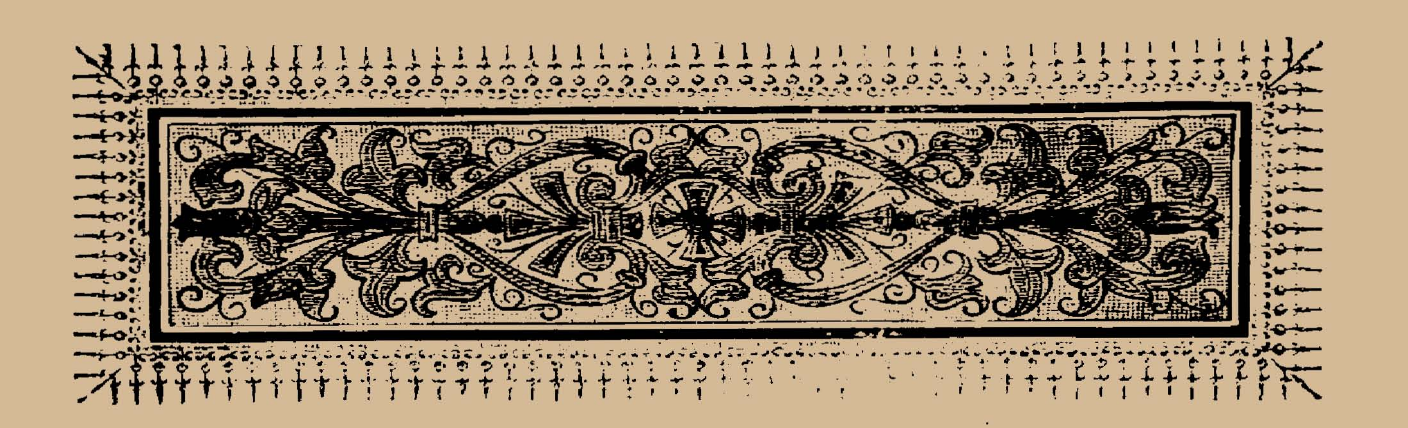
— Душу забувъ!

— А де жъ вы ii забулы?

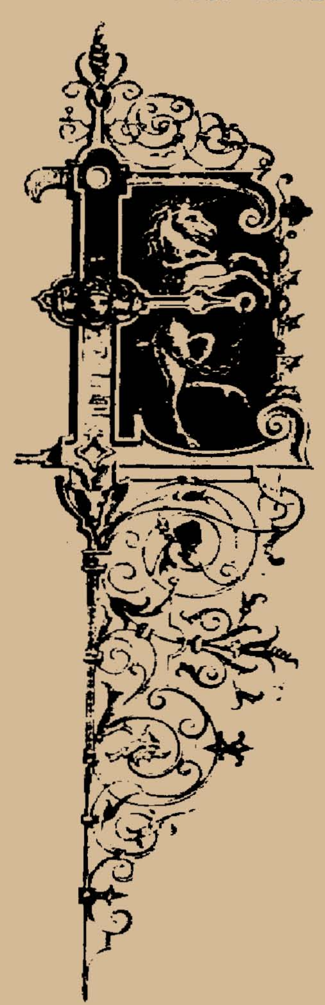
— На Чортомлыци! Тило пойде у Полтавщину, а душа зостáнетця на Чортомлыци, коло Сирка...

— Ну, це забутокъ добрый! Зъ тимъ и прощайте, козаче!

— Прощайте, пане атамане!..



На пепелищѣ Чортомлыцкой Сичи.



ЕЖЕГОДНО я предпринимаю поѣздки по разнымъ мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ козаковъ и ежегодно я одобычиваюсь разнымъ, то археологическимъ, то этнографическимъ, матерьяломъ и тѣмъ пополняю и исправляю мои прежнія изъ этой области работы. Въ прошлое лѣто я посѣтилъ, кромѣ многихъ другихъ, болѣе или менѣе достопримѣчательныхъ запорожскихъ урочищъ, урочище славной изъ всѣхъ Сичей, Чортомлыцкой, прославившейся многими историческими событіями, происшедшими на ней, и прославленной знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ, атаманомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Сиркомъ. Для того, чтобы видѣть урочище Чортомлыцкой Сичи, надо проѣхать въ мѣстечко Никополь, Екатеринославскаго уѣзда, и оттуда добраться въ деревню Капуливку, какъ она называется въ народѣ, или Капыловку, какъ она оффиціально пишется, въ 16—17 верстахъ къ западу отъ Никополя.

Было прекрасное утро 5-го сентября, когда я выѣхалъ изъ Никополя и направился черезъ Лапинку и Неплюево (Сулицко-Лиманское тожъ) на Капуливку. На передкѣ моего фаэтона сидѣлъ

молодой безусый парубокъ, еле сдерживавшій своихъ черезчуръ горячихъ коней, неудержимо рвавшихся впередъ.

— Тутъ и кони! Огнённи кони! Якъ бы не державъ, такъ занеслы бъ десь ажъ у Москву.

— Онъ воны яки у тебе!

— Оттаки воны у мене! Воны у мене ажъ у Гуляй-Поли куплени.

— А самъ ты звидкиля? Изъ Ныкыполя?

— Я зъ Неплюевой. У мене такъ шо ни батька, ни матери, ни дида, ни бабы — я одынъ сырота.

— А жинка жъ у тебе е?

— Яка тамъ жинка, якъ у мене й хаты нема? якъ тутъ у Бога й женытця.

— Такъ це ты, прямо сказать, бурлака.

— Та прямо шо бурлака.

— Ну, а якъ же тебе звуть?

— Ёсыпъ Зузуля.

— А призвыще у тебе, бурлаче, таке, шо наче бъ то ты изъ запорозцивъ?

— Богъ ёго зна, чи я изъ запорозцивъ, чи не зъ запорозцивъ, а тилько запорозци тутъ саме й жылы. Оце скризь, шо бачыте, могылы, одна за одною простяглысь, то все запорозьски.

— Не вже запорозьски?

— Запорозьски!

— А шо у тихъ могылахъ есть?

— Я такъ думаю, шо въ ныхъ добро яке-небудь есть. Отамъ пидъ Черныщевою, стоитъ велыка могыла, а въ тій могыли лёхъ съ трёма дверыма. Балакалы, шо въ той лёхъ ходывъ одынъ чоловикъ; такъ черезъ двое дверей пройшовъ, а черезъ трети не пройшовъ: такъ на нёму усю чысто одежу и поризало, кровъ на тили такъ и выступыла, а кожа на лыци уся ажъ потрискалась. То, мабуть, запорозьска могыла. Не безъ того, шо въ неи и кладъ лежыть: уже жъ воно не даромъ трое дверей тамъ зароблено.

— Може й кладъ, а може й мертвякъ лежыть.

— Мертвякъ то вже я знаю, шо лежыть: отутъ коло Солонои [1])

[1]) Солоная — притокъ рѣчки Базавлука.

найшлы якось чоловика зъ шаблею, — мать [1]) запорожець захованный: уже жъ никому тутъ буты зъ шаблею, якъ не запорозцю.

— Шо жъ воно за люды булы ти запорозци?

— Шо воно за люды булы ти запорожци — цёго вже я вамъ добре не докажу, бо я ще молодый для такого дила, — про те вамъ розскажуть у Капуливци: тамъ есть *великольпніи* диды.

На этомъ мой разговоръ съ Есыпомъ Зузулею и прекратился, и мы скоро въѣхали въ Неплюево. Перемѣнивъ въ Неплюевѣ лошадей, я направился дальше и къ часу дня прибылъ въ Капуливку. Подъѣхавъ ко двору престарѣлой бабуси Зиновіи Ивановны Нелипы, я тутъ и «атакувався» въ виду могилы кошевого Ивана Сирка, находящейся въ небольшомъ садку Зиновіи Ивановны. Вѣсть о моемъ пріѣздѣ немедленно разнеслась по всей деревнѣ, и ко мнѣ потянулись разные диды и дядьки, кто побесѣдовать, кто предложить какую-нибудь запорожскую древность, а кто просто посмотрѣть на новаго человѣка. Перекинувшись нѣсколькими словами со всѣми знакомыми и незнакомыми мнѣ лицами, я спустился ближайшимъ переулкомъ къ рѣчкѣ Чортомлыку, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ было запорожское кладбище. Мнѣ хотѣлось прежде всего поклониться останкамъ тѣхъ славныхъ и могучихъ рыцарей, которые цѣлыми вѣками боролись за православную вѣру, твердо стояли за свои права и вольности, мужественно, стойко и неуклонно обороняли своей грудью цѣлый міръ славянскій отъ міра мусульманскаго... И я увидѣлъ это кладбище, но увы! уже болѣе, чѣмъ на половину обрушенное водами Чортомлыка и унесенное внизъ по теченію Днѣпра... Мнѣ подали два козацкихъ черепа, изъ коихъ одинъ вытащенъ былъ изъ рѣки Подпильной рыбаками и отъ дѣйствія на него воды сдѣлался чернѣе сажи. Тутъ же я узналъ, что недавно одинъ капуливскій дидъ, по фамиліи Онисимъ Палахъ, нашелъ у себя въ огородѣ скелетъ запорожца, лежавшій въ гробу: доски отъ того гроба дидъ забралъ себѣ на «лижко» и за то былъ страшно напуганъ явившимся къ нему ночью покойникомъ. На мое счастье я встрѣтилъ дида Палаха у такъ называемой Заборы, на правомъ берегу рѣчки Чортомлыка, и немедленно вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Чи правда тому, диду, шо вы найшлы десь-то запорозького мертвяка?

[1]) Мать сокращено изъ мабуть.

— Правда, истынна правда, пане. Це було весною. Оравъ я въ городи [1]), колы бачу, земля провалылась пидъ киньмы: дывлюсь дальше, ажъ воно могыла; ну, та якъ мени тоди дуже заниколылось, то я іи такъ и покынувъ. Ажъ то настало лито, прыйшлы й жныва. Писля жнывйвъ я взявъ лопату тай давай копать тамъ, де кони провалылысь. Копавъ-копавъ и выкопавъ труну, а въ тій труни — чоловика. Одкрывъ, ажъ воно здоровенный чоловикъ! Узявъ я оцей гомилокъ, шо одъ пьяты та до колина, та якъ прыложывъ до себе, такъ винъ дійшовъ ажъ до пояса. А труна уся, якъ есть, цила; дошкы таки мицни та крипки, шо ажъ онъ яки! Подывывсь я на ти дошкы тай думаю: дай я соби зроблю зъ ныхъ пилъ. Вытягъ тай зробывъ пилъ заместъ лижка. Пройшло скилько тамъ день. Сплю я на своему лижку, колы чую скризь сонъ, шо наче шось пидійшло до мене тай каже: «На шо ты мою жысть потривожывъ»? Я гулькъ! ажъ передо мною стоить здоровый та чорный чоловикъ, а на двори мисяшно та выдко такъ, що хочъ голкы збирай. Схопывся я зъ лижка, перехрестывсь — нема никого... Пройшло ще скилько тамъ день. Сплю я зновъ. Колы це бачу, знову той чорный та здоровый чоловикъ стоить середъ хаты. Пидійшовъ до мене тай каже: «На шо ты мою жысть тривожышъ? Однесы на мисто те, шо взявъ! А потимъ якъ оперёже мене по заду, такъ я такъ и скотывсь зъ лижка на землю. Прокынувсь и бачу самъ, шо лежу на земли... Тоди бачу я, шо дило плохо, пишовъ до лавкы, купывъ гвиздкивъ, вынявъ изъ лижка дошкы, збывъ ихъ, якъ треба на труну, склавъ маслакы въ труну и закопавъ на тимъ мисти, де й вырывъ. Все такъ истынно и було, — хочъ побожытця. Отъ и въ лавци знають, шо я ходывъ по гвиздкы, шобъ збыты труну та закопаты мертвяка. Винъ ажъ два разы до мене прыходывъ и все казавъ, па шо я ему жысть тривожу тай ще якось казавъ, та тилько теперъ я нияк не згадаю.

Простившись съ дидомъ Палахомъ, я спустился ниже Заборы и очутился у рѣчки Подпильной, за которой возвышается высокій островъ Чортомлыцкій. Тутъ я сѣлъ въ стоявшій у берега Подпильной каюкъ и переправился на немъ на знаменитую Сичь. Эта Сичь просуществовала 57 лѣтъ, съ 1652 по 1709 годъ, и

[1]) То-есть въ огородѣ.

была разрушена полками Петра Великаго, предводимыми полковниками Петромъ Яковлевымъ и Игнатомъ Галаганомъ. Много разъ я бывалъ на пепелищѣ Чортомлыцкой Сичи, и всякій разъ меня охватывала при этомъ ничѣмъ неотразимая и ничѣмъ непобѣдимая грусть. Да и было отъ чего грустить? Сколько тутъ подвизалось славныхъ героевъ, сколько тутъ завязывалось и развязывалось событій, сколько тутъ было жизни, веселья, музыки и поэзіи! И теперь на мѣстѣ всего этого стоитъ унылый, покрытый горькимъ полынемъ, небольшой островокъ, скрывающій подъ своими развалинами чуть ли не цѣлую треть всей исторіи Запорожья.. Теперь на мѣстѣ «старой» Сичи осталось нѣсколько глубокихъ ямъ, да виднѣются остатки небольшого вала, а у береговъ кое-гдѣ валяются черепки разбитой посуды да обломки глиняныхъ изразцовъ, изукрашенныхъ различными узорами. Для меня не было сомнѣнія въ томъ, что то были остатки кафельныхъ печей, имѣвшихся при запорожскихъ куреняхъ, и потому я съ любовью подобралъ эти священныя реликвіи старины и наполнилъ ими всѣ свои карманы.

Обремененный добычею, я оставилъ Сичь, переправился черезъ рѣчку Подпильну и вновь очутился въ деревнѣ Капуливкѣ. Пройдя мимо такъ называемаго запорожскаго базарища, гдѣ дворъ Демьяна Хмеленка, я поднялся съ берега въ одну изъ улицъ деревни и скоро очутился во дворѣ дида Кондрата Дывныченка, о которомъ мнѣ передали, какъ о дидѣ очень «балакучемъ» и о такомъ, «що дуже кохаитця у древностяхъ запорозськихъ». Ко мнѣ вышелъ средняго роста дидусь, весь бѣлый какъ молоко, съ нависшими надъ глазами, точно низкая стрѣха надъ небольшою хаткою, сѣдыми бровями, съ маленькими, далеко ушедшими въ орбиты, но живыми и полными огня и веселья глазками и съ свѣжимъ, почти юношескимъ, цвѣтомъ лица. Его душа такъ и свѣтилась насквозь. И интонація голоса, и вся фигура дидуся сразу очаровали меня и, такъ сказать, спаяли мое сердце съ его сердцемъ. Этотъ въ высшей степени симпатичный и пріятный дидусь оставилъ у меня навсегда самое свѣтлое воспоминаніе какъ о самомъ себѣ, такъ и обо всемъ томъ, что мнѣ пришлось видѣть на этотъ разъ на мѣстѣ Чортомлыцкой Сичи. Фамилію мою онъ хорошо зналъ, какъ зналъ онъ и фамилію дорогого моему сердцу, теперь уже увы! покойника А. Н. Поля, и потому мнѣ не приходилось подходить къ дидусю «задами».

— Оце я, коханый мій дидусь, хотивъ васъ роспытать де-що про старовыну, а найбильше про кошового Сирка.

— Про кошового Сирка? Про того Сирка слава, слава и прослава... Сирко на тры частьі захованный: перша ёго часть лежыть отутъ саме, де Чортомлыцька Сичь; друга—пидъ Крывымъ-Рогомъ, а третя—пидъ Полтавою. Винъ якъ умиравъ, такъ давъ таку заповидь: «якъ я помру, то отберить у мене правую руку и носить іи симъ годъ; хто буде мою руку носыть симъ годъ, то владитыме нею усе равно, якъ я й самъ владію; а де случытця вамъ яка прыгода,—де васъ нещасна волна спобижыть, чи на води, то бросайте руку у воду—волна утышытця, чи на земли—не буде вамъ нияко́го случаю; а съ симы годъ уже поховайте въ могылу. И хто буде мою могылу штыть, братыме навкругы землю та буде могылу обсыпать, то я ёго самъ своею сылою буду дарыть. А на сёмому году хай мене жде, и хто выйде до могылы або на Риздво, або на Велыкдень, або на Зелену недилю, такъ нехай мене дожыда. Не бойся, шо я неправославный хрестіянынъ,—я есть православный хрестіянынъ Сиренгій Іоанновичъ!» Огъ таку винъ, той Сирко, давъ заповидь! Якъ я бувъ ще молодымъ, то й я носывъ землю до могылы Сирка. Разъ противъ Велыкодня, въ субботу, у вечери, набравъ я земли у платочокъ тай пишовъ обсыпать могылу. Якъ обсыпавъ, такъ у велыку сылу зъ могылы спустывсь: такый на мене страхъ навалывся, шо я, якъ выскочывъ на шляхъ та якъ дременувъ, такъ не счувсь, якъ и за слободою опынывсь... А разъ пишовъ я якось до могылы зъ одною дивчыною. Я тутъ, бачьте, якъ разъ недалечко жывъ коло могылы Сирка. Огъ пишовъ я зъ дивчыною—звисно молодый бувъ!—тай лигъ коло могылы: трошкы й полежавъ. Колы такъ якъ у половыни ночи якъ выскоче изъ могылы жеребець та якъ зарже, такъ ажъ уся слобода затрусылась; а лона (sic) по плавняхъ тилько: го-го-го-го! такъ и покотылась... А воно було такъ тыхо-тыхо та мисяшно. Такъ мы такъ и роскотылысь якъ ти жукы... Такъ съ тихъ пиръ уже шкода ходыты до тіеи могылы Сирка.

— Може вы, дидусь, якъ прожылы стилько годъ коло Сичи, малы у себе яки-небудь древности, або находылы якого-нёбудь клада.

— Мавъ я тихъ древностей довόли, та де-яки попродававъ Полю,—винъ частенько до мене прыиздывъ изъ губерніи; э, панъ добрый бувъ!.. А де яки у мене жыды повыманювалы. А то ще

давно дило було: пасъ я отутъ у степу, де оце млынъ, овечатъ: колы бачу, пидъизжають до мене якись-то люды. «А шо, парныще, чи не можна коло тебе остановытця та попасты коней?» — Чомъ же неможна? Та съ продовольствіемъ». Воны сталы, роспряглы коней, вытяглы якійсь планокъ тай давай оглядать скрозь миста. Дывлютця у планокъ тай кажуть: «Оце тутъ такого була пасика» а це такого... А оце й землянка, оце й двери, оце смитныкъ, оце саме й викно було, отутъ и вулыкъ есть... Усе дывлютця планокъ та прымиряютъ, а мени воно й не въ шапку, для чого то воно робытця. Ну, братыще, шобъ же намъ попоисты»?

— Та шобъ же вамъ попоисты? Наварю я вамъ каши. Наварывъ я имъ каши молошнои. Наилысь воны, подякувалы мени. «Ну, спасыби тоби, братыще, шо ты насъ прывитавъ! Прощай, братыще, бо завтря раненько мы вже геть поидымъ соби».—Прощайте, добри люде». Полягалы воны спаты; лигъ и я. Колы вставъ я ранкомъ, а ихъ уже нема. Я на могылу, ажъ дывлюсь, тамъ шось чорніе. Дывлюсь, тамъ лежыть вулыкъ, лежыть и релизна плыта, а коло неи одынъ талиръ. Эге, якъ же воны мене обманылы! Хочъ бы штукъ десять покынулы талярив, а то тилько одного!..

Тутъ багато усякого добра заховано, та тилько треба знаты, якъ ёго узять. Отутъ, де у насъ теперъ Нечипиръ Бувалка, у Сэдлыщи, такъ жывъ колысь кошовый Кальчинській, а у нёго служывъ за кухаря хлопець Лысый,—фамылія така. Винъ прыйшовъ у Сичь ажъ изъ Самари. Такъ той Лысый, якъ уже старымъ ставъ, такъ частенько було розсказуе, якого добра навозылы соби запорозци зъ войны. Поидуть було оце у Польщу ляхивъ драть та якъ прыидуть назадъ, то понавозять скилько тамъ вьюкивъ юхтовыхъ зъ золотомъ та якъ почнуть дилыты, то кождому прыпаде по цилому юхтовому мишку. А той хлопець було пидмита куринь, найде золотого тай каже кошевому: «Батьку, ось я найшовъ золотого, куды ёго диты»?—«Озьмы, озьмы ёго соби на гостынець»... Винъ якъ прыйшовъ до кошового, то зовсимъ бувъ голый, тилько шо сорочка на нёму, а штанивъ Бигъ-ма. Та оце якъ поставе було бакиръ [1]) та насыпе туды пшона на кашу та якъ повернетця було задомъ до якого козака, то винъ ёго, шо есть у руци, чи люлька, то й люлькою, такъ и опереже. Не по-

---

[1]) Бакиръ значитъ котелъ.

казуй, бачъ, задныцю запорожцямъ. А потимъ того якъ пожывъ той хлопець у Кальчиноького, то кошовый зробывъ ёму каптанъ пырчовый, и якъ було захожуетця хлопець куховарыть, то пырчовый каптанъ скида съ себе и вишае на ключци, а въ просту одежу вбыраетця и куховарыть.

Э, то бидовый народъ бувъ ти запорожци! Гулякы велыки булы, а жилы якъ ченьці,—жинокъ не любылы. Отъ тожъ недаромъ и писня спиваетця:

Ой, не ходы, Насте, тай на ту вулыцю,
Сыды, Насте, зъ намы въ городочку,
Бо піймають хлопци-запорожци,
То по самый пупъ одрижуть сорочку.

Такъ какъ день уже склонялся къ вечеру, то я оставилъ привѣтливую хатку дидуся Дывныченка и направился къ хатѣ Зиновіи Ивановны Нелипы. Въ просторной хатѣ Зиновіи Ивановны, устланной свѣжей и пахучей травой и уставленной множествомъ иконъ и картинокъ, собралась крайне интересная для меня компанія, съ которой я провелъ время въ бесѣдѣ далеко за полночь. Тутъ были—Кондратъ Дывныченко, Трофимъ Лысый. Аврамъ Лысенко, Өедоръ Коваль, Микита Явтушенко, Иванъ Соломаха и нѣкоторые другіе. Скоро на столѣ передъ нами показалась горилка и вмѣстѣ съ горилкой явилась закуска, и тогда рѣчь полилась рѣкой.

Первый началъ рѣчь дидъ Лысенко. Онъ повторилъ разсказъ дида Давныченка о томъ, какъ его предокъ. Лысый, «набрякався уже въ совершенныхъ литахъ въ Сичь» и поступилъ кухаремъ до кошевого Кальчинскаго, а потомъ неожиданно спросилъ всѣхъ, знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ, за что царица Екатерина II уничтожила Сичь. Такъ какъ на этотъ вопросъ никто не нашелся, что отвѣтить, то дидъ Лысенко самъ отвѣтилъ на свой вопросъ.

«Прыихавъ изъ Россіи полковныкъ зъ жинкою въ Сичь, шобъ смырыть запорожцивъ. Увійшла та жинка у церкву тай давай поклоны быть; а у неи було плаття зъ обручами; отъ вона стала навколюшкы, а плаття и пиднялось вгору. А одынъ козакъ пидъ плаття голову пидклавъ, пиднявъ жинку вгору, ходе по церкви тай крычить: «кыръ-кыръ!» А други запорожци соби: «кыръ-кыръ!» Отъ тоди царыця Катерына розсердылась, прыслала військo тай розигнала запорожцивъ».

Дружный хохотъ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ былъ отвѣтомъ на такой разсказъ дида Лысенка. Компанія на всѣ лады повторяла слово «кыръ-кыръ» и долго никакъ не могла успокоиться. Когда всѣ наконецъ насмѣялись вдоволь, то я въ свою очередь предложилъ диду Лысенку вопросъ.

— Ну, а про Сирка жъ вы, диду, ничого не знаете?

— Про Сирка я знаю отъ шо: якъ Сирко помиравъ, то й сказавъ: однимите у мене руку, де у васъ буде стычка зъ непріятелемъ, то вы махнить навхрестъ моею рукою, то ище помичь буде.

— А я ще отъ що скажу вамъ про того козака Сирка, откликнулся на мой запросъ дидъ Дывныченко.

Давно-давно, ще якъ бувъ молодымъ, пошиты ще за запорожцивъ. чувъ я про Сирка. Пройшло чи мало рокивъ съ того времья, якъ Сирко бувъ, а слава ёго и доси ве пропала: винъ бувъ на врага страшный, а для православныхъ мылостывый. Оце жъ я и хочу розсказаты, якъ одынъ разъ хрыстіянъ забралы у полонъ татары и якъ ихъ вызволывъ Сирко. Одынъ разъ запорожцы пишлы кудысь у походъ, а татары ускочилы у Сичь тай ну хозяйнуваты тамъ! Якъ хотилы, такъ и хозяйнували: усихъ православныхъ хрыстіянъ забралы тай повелы у полонъ. А воны, бидны хрыстіяны, не хочуть иты, плачуть та рыдають: а татары на плачъ не вдаряють та нагайкамы ихъ пидганяють. Узнавъ про це Сирко та заразъ зибравъ своихъ козакивъ тай погнався за татарамы въ погоню, православныхъ людей вызволяты. Баче Сирко, що татаръ багато, а козакивъ мало, и летыть якъ птиця, а самъ хытрытця (sic). Сталы козакы догонять татаръ, спынывъ тоди Сирко коня тай крычить на козакивъ: «А постійте, братця, пидождить, не шевелитця!» Уставъ съ коня, отдавъ ёго якомусь козакови, а самъ кувырдь! тай зробывсь хортомъ,—такый ставъ красывый хортъ! Нагнавъ татаръ, а татары побачилы хорта, — подобавсь винъ имъ; узялы его, нагудувалы и напоилы. Отъ якъ прывыкъ до ихъ хортъ и якъ сталы воны десь виддыхать, то винъ имъ такъ поробывъ, що воны вси поснулы. Тоди Сирко вернувсь до козакивъ, забравъ ихъ зъ собою, прыихавъ зъ нымы до татаръ тай вырубавъ ихъ усихъ сонныхъ, а хрыстіянъ забравъ назадъ. Хрыстіяны дуже радилы, що вернулысь на слободу, подякувалы Сирка и поплылы Днипромъ додому, а Сирко поихавъ на Сичь зъ своими козакамы и ставъ гулять попрежнюму.

— Скажить же мени теперъ, диды, якъ воно такъ сталось,

шо москали забралы у такыхъ лыцарінвъ, якъ запорозци, Сичь.

— Якъ сталось? А ось якъ. Воны сперше пробувалы взяты Сичь сылою, такъ ничого не зробылы: оце якъ понакыдають у Сичь куль, то кошовый и каже козакамъ: «А пидить, хлопци, та повыкыдайте ти кули геть, — чого воны тутъ будуть качатьця»? Бачуть москали, шо дило ихъ плохо, пиднялысь тоди на хытрощи: обибралы десь церкву, забралы охресты та иконы и давай молебствовати та три дни молебствовалы. Дойшлы воны до ривчака, а тамъ башта стояла; тамъ и сталы. А у Сичи бувъ одынъ хлопчикъ, литъ дванадцяты. Винъ и каже кошовому: «Позволь, батьку, мени срибнымъ гудзыкомъ отъ того генерала у воко встрелыть,— а его треба було въ праве око улучать. Якъ позволышъ его вбиты, то не будешъ червоныхъ чобитъ носыты». А кошовый ему не позволывъ, бо москали зъ иконами та зъ охрестами йшлы. «Якъ не позволышъ, батьку, генерала вбыты, то позволь, батьку, хочь шапку зъ него збыты». Кошовый позволывъ. Такъ той хлопець якъ стрельнувъ, такъ и шапкы не порунтавъ, а тилько збывъ іи зъ головы... Тутъ москали знову давай молебствовать та охресты пиднимaты. Козакы и впустылы ихъ въ Сичь. Тоди москали зазвалы до себе кошового та пысаря у гости та й давай неби-бъ то ихъ угощаты: посадылы ихъ на тоненьки лавкы, попрыкрывани сукномъ, а тамъ уже, нижче тихъ лавокъ, приготовлени булы ямы. Якъ воны силы, такъ и провалылысь. Тоди москали кынулысь до кошового та до пысаря, облупылы имъ ногы по колина, а головы по вуха. А хлопчикъ баче таку биду тай каже: «Я пиду та позову въ гости ще другыхъ». Иде тай спивае: «Наши братци—запорожци побралы по колино красни чоботы, а по вуха шапкы червони». А це винъ хотивъ упредыть другыхъ козакивъ. Такъ де жъ тамъ? Москали позазывали козакивъ до себе та давай ихъ горилкою поить, а тимъ часомъ солдатня попровирчювала вси чайкы, що запорожци було приготовылы соби. То котори запорожци булы здорови, то одлылы воду тай повтикалы, а котори слаби, то воны й зосталысь сыднями. Писля того уже москали кынулысь на Сичь и де шо було, то вже не мынуло ихъ рукъ.

Бралы-бралы москалыки
срибро-злото, войськовіи свичи,

Остаетця панъ кошовый
　　зъ пысаремъ у Сичи...

Одновременно съ разсказами чарка дружно переходила изъ рукъ въ руки, и скоро компанія отъ преданій о Сиркѣ и запорожцахъ перешла къ пѣснямъ. Меня спрашивали, знаю ли я ту или другую пѣсню, но я, по всегдашнему обыкновенію своему, отвѣчалъ, что пѣсенъ никакихъ не знаю и просилъ пѣть мнѣ ихъ подъ рядъ, какую кто только вздумаетъ. Начали сперва съ козака Нечая.

Та козакъ Нечай та козацькый звычай
　　я не думае не гадае,
Зъ кумасе́ю та Хмельныцькою
　　медъ-выно кружляе.
Та посидалы та съ кумасею
　　та щукы-рыбы исты,
Ой якъ гляне та на кватыро̀чку,—
　　десять тысячъ ляха війська.
Ой якъ крыкне козакъ Нечай
　　та на джуру малого:
«Сидлай, джуро, та сидлай, малый,
　　та коня вороного!
Та пидъ себе та, малый джуро,
　　та старого гнидого.
Та щобъ не вбывъ, та щобъ не вбывъ
　　та тебе молодого.
А чи це жъ тее та клынъ-дерево,
　　Шо ю гылочкы вьетця,
А чи це той та козакъ Нечай,
　　що зъ ляхамы бьетця.
Якъ пробигъ же та козакъ Нечай
　　отъ баштьі до башты,
Начавъ ляхивъ та ще лядскихъ панивъ
　　якъ снопыкы класты.
Якъ пробигъ же та козакъ Нечай
　　одъ рынку до рынку,
Забравъ ляхивъ, забравъ панивъ
　　та всихъ за чупрынку.
Якъ оглянувся та козакъ Нечай
　　та на джуру малого:
А справляетця та джура малый
　　ще й лучче за его.
А якъ оглянувся та козакъ Нечай
　　а на правую руку.

Не выскоче кинь вороный
та съ-пидъ лядького трупу·
Ой, оглянувся козакъ Нечай
та на правее плече,
Тече ричка та ще й кривовая,
шо й конемъ не втече.
Якъ поихавъ та козакъ Нечай
бытымы шляхами,
Тай зустривъ же та козакъ Нечай
та Перебыйниса съ трёма шабельками.
Та не вспивъ козакъ, та не вспивъ Нечай
та трехъ словъ сказати,
Поблагословывъ же та Перебыйнисъ
зъ пличъ головку зняты.
Та збыралася та наша браття
та въ новыхъ костёлахъ,
Одправылы службу, одправылы божу
въ церкви на престоли.

Послѣ козака Нечая вспомнили про козака Супруна, и тутъ Микита Явтушенко, славящійся на всю Капуливку, какъ лучшій пѣвецъ, «вывивъ Супруна на голосъ».

Ой, не знавъ козакъ, ой не знавъ Супрунъ
та якъ славоньки зажыты,—
Ой, зибравъ військо, славне запорозське
тай пишовъ випъ орды быты.
Ой, ю суботу рано пораненько
Супрунъ та зъ ордою стявся,
А въ недилю, въ обидню годыну,
та въ неволыньку попався.
Ой, звязалы козака Супруна
назадъ рукы сырыцямы,
Ой, повелы козака Супруна
та вузькымы вулыцямы,
Ой, не ведите, превражіи ляхы,
я вузькымы вулыцямы,
Я поведите на Савуръ могылу
я зъ моими козакамы.
А зъ Савуръ-могылы та зъ запилъ-долыны
сызый орелъ вылитае,
Стоить військо, славне запоризське
а якъ сонычко сяе.

Микыта Явтушенко дѣйствительно обладаетъ прекраснымъ, очень высокимъ и сильнымъ, голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается большою страстью «лазить по деревьямъ», т. е. при

способляться къ чужимъ «молодычкамъ», что отразилось нѣсколько на его носѣ. «Бачьте, взлизъ винъ на дерево та зачепывсь десь носомъ за крывый сучёкъ. отъ воно ёму трошкы носа и пидризало»... Тѣмъ не менѣе Микита Явтушенко поётъ вполнѣ чисто и вполнѣ свободно; послѣ пѣсни о козакѣ Супрунѣ онъ спѣлъ съ большимъ одушевленіемъ пѣсню о чумацкомъ атаманѣ.

Ой, ясно-ясно сонечко сходе.
я хмарнесенько заходе.
Ой, ходыть-ходыть я нашъ панъ отаманъ,
ходыть ще й говорыть.
Ой, винъ ходыть-ходыть мижъ возамы,
своихъ хлопцивъ розбужае.
Ой, вы, хлопци, вы вдали молодци.
юставайте, возы мажьте.
Ой, хлопци юставалы, возы помазàлы;
сири волы запрягалы.
Ой, шляхомъ идуть, нови возы рыплять,
сири волы румыgають (sic)
Ой съ-пидъ лису, съ пидъ темного лугу
гайдамакы выгравають.
Нехай грають-выгрывають,
къ вальци блызько прыбувають.
Якъ прыскочивъ превражій ватаганъ,
пытаетця: «де жъ вашъ отаманъ».
«Нашъ отаманъ сыдыть мижъ возамы,
юмываетця слёзами».
Якъ прыскочивъ превражій ватаганъ,
якъ ударывъ спысомъ ю груды.
Спысъ вдвое-вдвое изогнувся,
нашъ отаманъ осмихнувся.
Ой, вы, хлопци, юдали молодци,
я берите въ рукы друкы,
Быйте, хлопци, быйте, ще вьяжите.
на нови возы кладите.
Ой, якъ повеземъ ю городъ Полтаву,
я зробымо соби славу:
Гей, шо гайдамакъ сорокъ ще й чотыри
насъ десятка не побылы.

И голосъ пѣвца, и мотивъ пѣсенъ и самое содержаніе ихъ глубоко трогали слушателей, и каждый изъ нихъ по своему выражалъ свое душевное настроеніе: одинъ сидѣлъ, глубоко задумавшись и склонивъ голову на столъ; другой, поднявъ голову къ верху, гдѣ-то виталъ въ небесахъ; третій, вникая въ смыслъ пѣсни,

на столько проникался ею, что воображалъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пѣсни и едва сидѣлъ на мѣстѣ: а дидъ Кондратъ Дывныченко, тотъ плакалъ старческими слезами и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: «онъ якъ воно, пане, було, онъ якъ було»...

— Ну, заспиваймо панови ще нашу, капуливеську, писню. Це якъ зигналы звидциля запорозцивъ, то тутъ котри зосталысь, зложылы соби писню,—такъ вона у насъ капуливською писнею и зветця.

Ой, шо жъ у насъ въ славнимъ городи,
Я шо за дыво стало:
Шо пидъ городомъ, пидъ Горбатого,
Множество ляшкивъ пропало·
Ты, Панасе, ускокы,
Берить Кузьменка у бокы,
Бо Кузьмечко знавъ—все позабиравъ.
Губенка за Десну загнавъ,
Ты, Пылыпъ Сытый, наився рыбы,
А Калюжный соломахы,
Капля зъ мушкета жарыть,
Лысого сердце вьяныть,
Гаврылко изъ страху вмыраить.
Ой, ты, Сычу, идь же ты на могылу,
Дывыся на Вкраину,
Гнатъ зъ коня впаде,
Добрунъ пропаде,
Лытвынкомъ покрые себе.
Ой, ты, Тимарку, нюхай запахы,
А ты, Антыпе, воду,
Ой шобъ же ты та не забувавъ,
Лысый Гаврылко, на вроду.

Отутъ воны вси и жилы ти запорожцы: и Горбатый, и Панасъ, и Кузьменко, и Пилыпъ Сытый, и Калюжный, и Капля, и Лысый, и Гаврылко, и Гнатъ, и Добрунъ, и Лытвынокъ и Тимарко. То ото про ныхъ и писня така зложена.

— Постойте жъ коли такъ: я жъ вамъ прокажу писню про козака Сирка, обозвался дядько Иванъ Соломаха,—на голосъ незнаю, а словами прокажу.

— Кажы, хочъ и словами, якъ шо на голосъ не знаешъ.

Гей, якъ крыкнувъ та козакъ Сирко та на своихъ хлопцивъ:
Ой, сидлайте коней, хлопци, та поидымъ до Крыма ю гости!
Та туманъ поле покрывае, Сирко зъ Сичи выизжае.
Мы жъ думалы, що то орлы злитаютця,

Ажъ то військо славне запорожське на крымську дорогу зъизжаетця.
Мы жъ думалы, що то сокилъ летыть,
Ажъ то козакъ Сирко на крымську дорогу конемъ бижыть.
Мы жъ думалы, шо то мисяць зійшовъ,
Ажъ то козакъ Сирко по крымскій дорози зъ козакамы пишовъ.
Мы жъ думалы, шо то мисяць сяе,
Ажъ то Сирко зъ козакамы та на коныкахъ грае.
Якъ дійшовъ козакъ Сирко та до крымськой засады,
Якъ крыкнувъ козакъ Сирко козацькой громады:
«Гей, вы, хлопци, та добри молодци, наступайте жъ вы смило,
Берить копья въ рукы та рубите вы превражую сылу»!
Якъ пишли жъ хлопци—та номижъ ордою шататьця,
Стала орда та скризь по-за ными якъ снопы валятьця.
Мы жъ думалы, що то дубъ та у лиси вьетця,
Ажъ то козакъ Сирко изъ ордою бьетця.

— А я знаю тилько шматокъ писни про Сирка, тай то не на голосъ, а на слова, откликнулся дидъ Дывныченко. Ось якъ ти слова кажутця:

Витеръ зъ моря повивае, орелъ зъ поля вылитае,
Козакъ Сирко зъ козакамы товарышивъ загрибае.
Та козацьки сылы та въ землю зарылы,
Та въ землю зарылы, клынъ-древо садылы,
Клынъ-древо сажалы, шобъ зузуленькы сидалы,
Шобъ зузуленькы сидалы—жалибненько кувалы,
Жалибненько кувалы—козацькимъ костямъ жалю завдавалы.

Было уже далеко за полночь, когда я всталъ изъ-за стола и сталъ прощаться со всѣми моими пріятными собесѣдниками.

— Ну, диды и дядькы, спасыби жъ вамъ за ваши старовынни розсказы та за ваши щири писни. Назавтря добудьте самои луччои рыбы въ Чортомлыци та зварымо доброи юшкы та помьянемъ на могыли нашого славетного и вично памьятного кошового Ивана Дмытровича Сирка.

— Оце ричь, такъ ричь! Це добрая ричь!

На слѣдующій день, едва только показалось изъ-за плавенъ и легкаго утренняго тумана привѣтливое солнышко, какъ я уже былъ у могилы Сирка. Прежде всего я распорядился смыть съ памятника, поставленнаго на могилѣ знаменитаго кошевого, весь мохъ и пыль, которые облѣпили его со всѣхъ сторонъ и проникли во всѣ буквы, вырѣзанныя на западной сторонѣ

памятника. Когда весь памятникъ былъ очищенъ, тогда я прочелъ на немъ слѣдующія слова:

РБ АХПМААД
ПРЄСТАВИСИ РАБЪ Бож
ИОАНЬ СЪРЬКо ДМИП
РОВИ҆АТАМАНЬ КОШо
ВИЙ ВОЙСКА ЄАПОРоКОГо
ЄА ЄГ··Ц П В ФЄѠДОРА
АЛЄѮЕВИЧА И ПАМЯТ ПР
АВЄДНАГО СО ПОХВАЛАМИ.

Это значитъ: «Року божого 1680, мѣсяца августа 1-го дня, преставися рабъ бож Иоань Сѣрько Дмитрович атаман кошовий войска запорозского за его ц. п. в. Феодора Алексѣевича и памят праведнаго со похвалами».

Пока я разбиралъ и копировалъ надпись на памятникѣ Сирка, тѣмъ временемъ ко мнѣ стали сходиться вчерашніе собесѣдники съ прибавленіемъ новыхъ лицъ. Въ это же время принесены были столъ, нѣсколько низенькихъ скамеекъ, казанокъ съ горячей ухой, деревянные ваганки съ жареной рыбой и вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько бутылокъ горилки изъ «монополя». Когда я покончилъ съ надписью и когда принесенная «страва» разложена была по надлежащимъ мѣстамъ, тогда всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна на могилѣ Сирка, и самый старѣйшій изъ всей компаніи, сѣдой какъ лунь, дидусь Кондратъ Дывныченко, прочиталъ въ слухъ Господню молитву «Отче нашъ» и сказалъ «Вѣчную память» Сирку: «Вичная памьять славному кошовому, Ивану Дмытровычу Сирку»!—«Вичная памьять славному лыцарю, що боровся за виру, за волю и за правду святу»! отвѣтили всѣ другіе въ разъ. Послѣ этого я налилъ большой стаканъ горилки и опрокинулъ его на могилу Сирка, который въ дни веселья «любилъ, какъ и всѣ запорожцы, выпить и закусить». Послѣ Сирка слѣдующій стаканъ предложенъ былъ дидусю Дывныченку. Дидусь Дывныченко всталъ со своего мѣста, поднялъ вверхъ стаканъ, «похиталъ» головою и сказалъ: «А я ще сёгодня и не будывъ своеи души... Дай же оце я ій розбужу!... Ну, вичная памьять славетному кошовому Ивану Дмытровычу, а на многая лита

Дмытру Ивановычу»!... И съ этими словами дидусь медленно и сладко потянулъ въ себя «добру горилчинку». Пріемъ дидуся повторили и всѣ другіе.

Поминки по Сиркѣ продолжались съ утра и почти до полудня, при чемъ одни посѣтители уходили, другіе приходили и тутъ кто приносилъ какую-нибудь древность для продажи, кто являлся съ какимъ-нибудь разсказомъ, а кто просто съ тѣмъ, чтобы «поскоромить свою душу горилчиною». Одинъ изъ пришедшихъ подалъ мнѣ запорожскую люльку, и по этому поводу началась бесѣда.

— У мена тежъ була одна люлечка, замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Тамъ же жъ и бородочка въ неи. — така, шо хто ёго зна й яка! Луччои и быть ненадо! Така хорменна та обмережена, шо мать ёго ковинька! Воны вже не любылы изъ поганыхъ курыть.

— И скилько ихъ тутъ було валнетця! замѣтилъ отъ себя дидусь Дывныченко. Мы було малымы поназбираимо ихъ коло Сичи та давай быться имы: такъ було и улучаешъ люлькою по макушци якого-небудь голомозого та чубатого хлопця.

— А хиба вы ще зазнаете, дидусь, якъ и чубы носылы?

— Э, а якъ же! Ця поведенція довго у насъ була. Якъ у якого така довгенна чупрына була, шо ажъ двичи округъ головы обмота. А то вже якъ сталы мы казёнными та понаихалы до насъ управляющи, то якъ побаче якый-небудь на голови у хлопця чупрыну, то заразъ и крычить: «А сукынъ сынъ, запорозськои юхы держытця, — одрижьте ему»! То такъ по саме тимья и одхватють продовы сыны.

— Ну, воно й панамъ тоди незовсимъ-то добре тутъ було, бо якъ нагрюка якый гайдамака которого пана у степу, то вже держысь, голубе сывый!

— Хто це такъ каже?

— Кузьма Лысый, на масть рыжій.

— А хиба жъ тутъ, Кузьмо, и гайдамакы булы?

— А де жъ имъ и буть, якъ не тутъ? Про цихъ гайдамакъ я таку прычту чувъ. Десь-то воно було, чи пидъ Самарью, чи ще дальше Самари. Осталысь братъ та сестра одъ батька та одъ матери. Жылы-жылы—нычимъ годуватысь: зоставсь у ихъ одынъ хлибъ на двохъ. Отъ воны взялы той хлибъ, выйшлы на шляхъ, роздилылы ёго пополамъ тай подалысь геть—одно туды, друге туды. А тутъ у степу жылы гайдамакы, де одынъ, де другый, а де й

третій. Воны такъ шо, може, у пьять годъ разъ и заиздилы одынъ до другого. То хлопець прыбывсь до одного гайдамакы, а дивка—до другого. Жывуть воны уже скилько годъ, жывуть и не знають, де и въ кого воны находятця, однымъ словомъ сказать, зовсимъ забулы одынъ одного. Уже хлопець той зробывсь и парубкомъ. Отъ бере ёго гайдамака якось зъ собою и иде до другого гайдамакы у гости, до того, до якого дивка прыбылась. Прыихалы. Бачуть, шо у того парубокъ, а у того дивка, давай сватáтьця. Звелы ихъ до купы. Тоди парубокъ и пыта дивку, звидкиля вона взялась у степу. «Звидкиля? каже дивка. Насъ було двое—братъ та я, осталысь мы одъ батька та одъ матери сыроты; оставсь у насъ одынъ хлибъ; такъ мы взялы той хлибъ, выйшлы на шляхъ, подилылы ёго пополамъ та одно пишло туды, а друге туды, та я, бачъ, ось де опынылась, а мій братъ, Богъ ёго зна, де й есть».—«Ось тоби и братъ твій»! каже тоди парубокъ. Оттакъ воны роспыталысь тай розъихалысь. Писля того той гайдамака поихавъ зъ парубкомъ до третёго въ гости. Прыихавъ до нёго, а винъ уже мертвый лежыть. «Ну, шо жь, хлопче, треба ёго поховать. Такъ отъ шо: я буду галушкы мишать, а ты окрипъ вары, шобъ було чимъ обмыты и помьянуть покойныка». Узялысь воны одынъ галушкы мишать, а другый окрипъ варыть. А мертвый лежыть ныцъ на лави, и одна рука его на нему, а друга помижъ лавы. А у тыхъ, шо прыихалы, та була собачка. Пидбигла та собачка пидъ лаву, а мертвый якъ ухопе ій за вухо та якъ скрутне, то вона якъ заскавучыть! Тоди той, шо мишавъ галушкы, побачивъ те тай дума соби: «Э, добрый оце мертвякъ». Пидизвавъ до себе парубка тай шепче ему на вухо: «Сидлай ты мерщій коней, пидтягай попругы кисно и держысь на кони крипко, та робы все те такъ, шобъ ныхто й не бачивъ, а потимъ я буду тебе пытать, чи готовый окрипъ, то ты кажы, шо готовъ». Отъ той парубокъ осидлавъ обохъ коней, сивъ верхы и жде. А хозяинъ его и пыта тоди парубка: «А шо готовъ окрипъ»?—«Готовъ»! Такъ винъ тоди якъ выскоче изъ хаты, якъ скоче на коня та тикать, а мертвякъ за нымы... То ото якъ стане вже добре мертвякъ ихъ догоняты, то воны тоди й кажуть на свого собаку: «Беры ёго»! То собака и почне рвать того мертвяка. Такъ добиглы воны до моста на Чортомлыку, ажъ тутъ пивни и крыкнулы: «кукурику»!.. Такъ винъ тамъ же й ляснувъ на землю. Тоди хозяинъ той отдавъ парубку коня, давъ грошей, одежу и

одпустывъ ёго одъ себе: «Иды соби, парубче, куды хочешъ, а я вже самъ буду ховаты того мертвяка: умисти товарышувалы, такъ мени ёго и ховаты, хочъ уже прыйдетця, може, и загынуты, такъ одному мени, а бильшъ никому». Такъ отъ такыхъ то гайдамакъ тутъ кисно було и панамъ.

Между тѣмъ компанія наша все увеличивалась, и къ намъ подошелъ еще Демидъ Коваль, принесшій козацкое стремя, найденное имъ въ запорожскомъ «базарыщѣ». Всѣ присутствовавшіе, кромѣ Кузьмы Лысаго, набросились на него съ разными вопросами, гдѣ и какъ онъ добылъ стремя.

— Э, такъ неможна чоловика туркать, замѣтилъ Кузьма Лысый. Хай винъ сяде сперше, выпье чарку, закусе, а тоди вже ёго и пытай. Отакъ и у запорожцивъ було. У ихъ якъ прыйшовъ оце якый чоловикъ, то воны спершъ посадють ёго тай кажуть: «Здрастуй, хлопче»!—Здрастуйте, добри молодци»! «Може ты хочешъ исты»?—«Тай хочу». «Ну, сидай». То винъ и сяде. Поставлють воны коло нёго стравы тай дывлютця: такъ якъ винъ исть та мовчыть, то воны й кажуть: «Ну, наивсь, то й зоставайсь у насъ». А якъ винъ исть та балака, то воны дадуть ёму наистысь, а тоди й кажуть: «Ну, наивсь, теперь иды соби геть, бо якый зъ тебе идець, такый и стрилець».

Въ пріятной бесѣдѣ, у подножья могилы Сирка, подъ сѣнью тополей и кудрявыхъ шелковицъ, я не замѣтилъ, какъ и время пролетѣло, и мнѣ грустно было покидать всѣхъ моихъ собесѣдниковъ, доставившихъ мнѣ столько истинно отрадныхъ и счастливыхъ часовъ. Изъ всей компаніи всѣхъ больше мнѣ пришлись по душѣ дидусь Кондратъ Дывныченко да Кузьма Лысый, еще молодой мужикъ, но очень симпатичный, разумный, ласковый и чрезвычайно привѣтливый. Но тяжелѣе всего мнѣ было разставаться съ Сиркомъ: точно что оборвалось у меня въ груди, когда я въ послѣдній разъ бросилъ прощальный взглядъ на высокую могилу и на памятникъ; скрывающіе подъ собой дорогіе останки могучаго бойца. Мнѣ предстояло ѣхать изъ Капулівки обратно на Никополь. «Якъ будете въ Ныкыполи, то найдить тамъ Грыцька Безштанька, на Мыкытыному,—у нёго есть запорозськы древности». Такое указаніе далъ мнѣ на прощанье Иванъ Соломаха.

Въ тотъ же день, 7 сентября, я былъ уже въ Никополѣ, а на другой день утромъ отправился на Микитино розыскивать

Грыцька Безштанька. Едва спустился я въ одну изъ улицъ, какъ увидѣлъ у воротъ старичка, средняго роста, сухощаваго, уже значительно ослабленнаго прожитыми годами.

— Чи не знаете, диду, де тутъ живе Грыцько Безштанько?

— Тутъ живе Грыцько, та тилько не Безштанько, а Таранъ, по призвыщу Слабый.

— Такъ це вы и есть?

— Це я и есть.

— За шо жъ васъ прозвалы Слабымъ?

— Мій дидъ та боровсь зъ запорожцемъ тай п.....въ. Э, якый же ты, братъ, слабый на вторы, сказавъ ему запорозецъ; та съ тыхъ пиръ и прозвалы его Слабымъ...

Я долго хохоталъ отъ такого объясненія и со смѣхомъ вошелъ къ Слабому во дворъ. Мы присѣли подъ какимъ-то навѣсомъ и тутъ я обратился къ диду съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ была запорожская Сичь, гдѣ бы я могъ найти козацкихъ древностей.

— Сичь була тамъ, да теперъ стоитъ Капуливка; тамъ же есть и могыла Сирка.

— Хто жъ воно бувъ той Сирко?

— Кошовый такый. Винъ такый бувъ, шо де-що знавъ. Оце бувало выйде изъ куриня тай гукà на своёго хлопця: «А ну, хлопче, возьмы пистоль, стань отамъ та стриляй мени въ руку.» Той хлопецъ визьме пистоль та тилько бухъ! ёму въ руку. А винъ визьме въ руку кулю, здаве іи та назадъ и кыне. Воны, ти запорожци, вси булы знаёвыти... Сирко три разы умиравъ у симыдесяты годахъ, а всёго ему було 210 годовъ. Винъ якъ умира було, той каже: «Оце вамъ тры пузырькы зъ водою,—першымъ пузырькомъ спрысныте — ожыву; другымъ пузырькомъ спрысныте — стану дывытыця, а третимъ спрысныте — устану и пиду у трыдцяты годахъ». Тоди травы таки сыльни булы: ото и вода зроблена була изъ такихъ травъ. Такъ якъ умре, то ёго клалы у гной и на трети суткы отгрибалы та спрыскувалы водою. Якъ изъ першого пузырька спрыснулы—ожывъ; зъ другого спрыснулы—ставъ дывытыця, а зъ третёго спрыснулы—уставъ и пишовъ. Отъ такъ до трёхъ разъ винъ робывъ. А въ послидній разъ винъ якъ умеръ, то велывъ себе спалыть и попилъ геть пустыть, а руку велывъ одрубать и носыть тры годы, а потимъ того положыты у могылу. Ото та могыла и есть у Капуливци.

— То въ Капуливци могыла, а у васъ же на Микитиному не було ни якыхъ запорозскыхъ могылъ?

— Булы и у насъ, та у сорокъ пьятому годи вода одмыла у насъ одъ берега запорозське кладовыще и знесла геть его въ Днипро. Тоди сотъ пьять запорозськыхъ гробивъ упало въ воду.

— Такъ и тутъ жылы запорозци?

— Жылы воны и въ Капуливци, и тутъ жылы.

— И що воно за народъ бувъ?

— Народъ воёвытый, бравый народъ; ёго уже зразу можно було пизнать, що воно запорозець.

— А якъ же ёго пизнать?

— По одежи.

— А яка жъ на нёму одежа була?

— Каптанъ кармазыновый, довжыний на четверть нижче колинъ, зъ закавращамы, зъ воротныкомъ и зъ карманамы,—и те все— закавраши, воротныкъ и поясъ — обложени булы шнурками, або червоными, або зелеными. Потимъ поясъ чотыри аршины довжений, а 6 вершкивъ шырины. Шапка двохпалубна зъ смушевою околыцею, двi четверти зъ околыцею уверхъ.

— И вы все те бачылы своима очима?

— Бачывъ, голубчику, та ще й онъ якъ бачывъ, бо и мiй батько тежъ бувъ изъ запорозцивъ. Таранивъ тутъ багато було,— та все запорозци.

— А окримъ Таранивъ ще хто—небудь тутъ у васъ есть изъ запорожцивъ?

— Есть; ось сусидъ мiй, черезъ вулыцю, Дмытро Степановычъ Быковскiй [1]); тому ажъ вiсимдесятъ-два годы; той багато чого балака про запорозцивъ.

Выспросивъ у дида Тарана все, что онъ зналъ о запорожцахъ, я перешелъ отъ него къ диду Быковскому и увидѣлъ передъ собой очень высокаго, съ густой бородой, худощаваго, нѣсколько сутуловатаго, съ одышкой старика. Войдя къ нему въ хату, я прямо объявилъ ему, что пришелъ съ тѣмъ, чтобы разспросить кое-что про старину, про запорожскихъ козаковъ, а главное про кошевого Сирка. Дидъ Быковскiй сѣлъ противъ меня на лавѣ и сразу впалъ въ легкое раздумье.

— Кажете, прыйшлы спытать про Сирка?

[1]) Въ III-мъ томѣ Исторiи запорожскихъ козаковъ (СПБ. 1897, 614) ошибочно напечатано вмѣсто „Быковскiй"—„Барановскiй".

— Про Сирка, диду.

— Сирко велыкій воинъ бувъ. Той знавъ, хто шо й подума. Ото тамъ по тимъ боци Днипра [1]), булы татары, Магометъ живъ; та якъ задумають воны було воювать, то Сирко и каже козакамъ: «Собирайтесь докупы, бо на насъ уже орда пиднемаетця». Винъ сильный такый бувъ, шо ёго якъ хто шаблею ударыть по руци, такъ и кожы не розруба,—тилько сыне буде. Не то шо кулею, а шаблею. Уже татары яки миры противъ нёго робылы, такъ ничого не зробыли. Воны ёго шайтаномъ такъ и прозвалы. Винъ якъ умиравъ, то сказавъ такъ: «Якъ будете ротомъ до сходъ сонця воду носыть изъ рички, шо коло Сичи, и якъ обмочите тіею водою усю мою могылу, такъ будете знать те, що й я»... Такъ нихто не змигъ,—дуже велыка могыла. «А якъ буде велыка потуга на Россію, то раскопайте мою могылу, одрижьте мою руку, то буде вамъ защыта». Такъ ото якъ хранцузъ найшовъ на Москву, то руку Сирка взялы и повезлы въ Москву, а потимъ прывезлы и упьять положылы на мисто. Бувъ у запорожцивъ ще кошовый Чалый, добрый воинъ бувъ! та тилько проты Сирка не було. Цей якъ брань, такъ винъ самъ тамъ постоянно, тамъ уже и кладе,—безъ нёго не було ниякои стычкы. Винъ таки молытвы знавъ. Винъ побожому, не то шо чары яки.

— Звидкиля винъ узявся тутъ? и чи булы у него жынка та диты?

— Не знаю, чи винъ уже зъ горы де взявся, чи зъ другого якого миста, а жынкы и дитей у него не було,—одынъ якъ есть. Ото у насъ въ церкви и кружка Сиркова есть, — пивкварты, якъ есть, улазе. Такъ Сирко кошовый пывъ на тощакъ горилку зъ тіеи кружкы. Тамъ и карбованьци позалываня на чотыри стороны. Мабуть при нему на заказъ и зроблено... Такъ оце мени розсказувала про Сирка моя баба, а ій було тоди сто двадцять пьять годъ; якъ вона умерла, то мени було шиснадцять литъ.

— А окримъ Сирка про запорозцивъ вамъ ваша баба ничого не розсказувала?

— Розсказувала вона багато чого; разсказувавъ и дидъ мій про запорозцивъ де—що. Воны сперше давалы дань полякамъ: шо тилько не плодылось, — третю скотыну. А посли того воны якъ пидкупылы короля, такъ винъ и позволывъ имъ отутъ жыть.

---

[1]) То-есть, по лѣвому берегу Днѣпра.

Отъ то въ Капуливци була у ихъ сама главна Сичь; сперше якъ спустылысь воны съ порогивъ, то вона була на Городку, пидъ Чернышевою, та тилькы ненадовго; а вже у Капуливци була ажъ двисти годъ. А ихъ було сорокъ тысячъ. Отъ тоди вже воны и почалы роскошувать! Прогналы геть ляхивъ ажъ по Случъ ричку: «Оце жъ, ляше, по Случъ наше»! Тоди вже воны й завелы соби Сичь; ото якъ волость теперъ — такъ у ихъ Сичь. Де хто находытця, то тамъ, въ Сичи, звисно; де хто шкоду зробывъ—тамъ звисно. «Отъ такого-то и такого куриня козакъ тамъ шо зробывъ». Про такого козака отамана заразъ и пытають. А у ихъ на двадцять—пьять чоловикъ бувъ отаманъ: якъ двадцять-пьять чоловикъ, такъ и отаманъ. И де вже козакъ одънижжаить погулять, то вже довжéнъ отамана спытатьця. Мижъ ными булы и жонати, такъ тилько таки жылы на степу, скотыну плодылы тамъ: ты оры, сій и косы, за те на службу не ходы. Ото называлысь сыдни, — имъ и помичь дадуть козакы, тилько робы. А въ Сичи то вже бурлакы, нежонати. Землею владилы обтомъ; земля була войськова. Онъ де Коржевы могылы, а то жъ усе ихъ було! Табуны коней, рогата скотына такъ и ходе у ихъ по воли безъ пастуха: тилько вивця зъ постухомъ ходыла. А на степу було така трава росте, шо й на зиму ии ставало.

— Съ кимъ и за шо воны былысь.

— Былысь зъ ляхамы за виру, бо ляхы отдавалы на откупъ жыдамъ церквы; былысь зъ татарамы за Крымъ та за перевозы, шобъ получить пропускъ за силью; былысь и за другу здобычъ, бильшъ усего за коней. Оце поидуть у Польщу, позаймають тамъ коней та продадуть туркамъ; а въ Турцію поидуть, позаймають коней. ляхамъ продадуть. У ихъ добра було! Оце пьють-пьють тай кажуть: «А шо, хлопци, штаны порвалысь, треба ихать на здобычъ». Поидуть, займуть табунъ коней и есть на штаны. Тоди прыиде изъ Сичи въ степъ, збере людей, хочъ двадцять чоловикъ, накупе горилкы, напое всихъ, сяде тай поиде до Сичи. Здоровенный та сильный народъ бувъ! Чарку склянну возьме въ ротъ, та такъ усю зубамы и покусае; теперъ ничимъ и хлиба укусыть, а винъ чарку склянну всю покуса. Одынъ тутъ чоловикъ двери кочергою пидперъ, такъ винъ (запорожецъ) лобомъ двери одчинывъ и кочергу погнувъ. Ото знаете на Днипри есть Бизюкивъ манастырь; тамъ, коло нéго, балкы есть, одна Куца, а друга Довга; нижче Куцои воны сядуть тай сыдять тамъ, а туркы съ кораблямы

йдуть у верхъ по Днипру, пидъ Січу и стережутця запорожцивъ. А винъ,—одынъ запорожець,—возьме пушку, посаде ін на плече, переберетця черезъ Днипро на другый берегъ, сховаитця у плавню тай сыдыть по другій стороны Днипра. То туркы бережутця правого берега та держутця ливого, а винъ тутъ прыспособытця коло вербы, та якъ выстриле изъ пушкы у корабель, то такъ и пусте його въ Днипро.

— Якъ вашъ дидъ бувъ запорожець, то чи не зосталось у васъ якыхъ-небудь древностей козацкихъ?

— Ни, нема ажъ ничогисенько. У дида моего Сергія Быковського було дви чаркы золотыхъ,—такъ зъ осьмушку завбільшкы. Такъ одна до сына, бачъ, до моего батька, перейшла, а друга до дочкы. Такъ, якъ батько було гостей заведе, то й поштуе изъ чаркы, и згадують запорожцивъ. Теперъ уже тіи чаркы давно нема. Булы и люлькы запорозськи, такъ тежъ попропадалы десь. А люлькы вже вси запорожци курылы. Ото жъ и писня така була:

Вражи сыны запорозци не добре робылы.
Шо въ недилю до схидъ сонця горилочку пылы.
Шо въ недилю до схидъ сонця горилочку пылы.
До церквы йшлы, въ боже свято, та люлькы курылы.

Э, булы колысь запорозци, та теперъ ихъ нема и не буде! Це все паны такъ пидвелы царыцю, шобъ у запорозцивъ землю одибрать: кажуть, шо воны разбойныкы, ну и розибралы землю. Хотилы ихъ у салдаты повернуть, такъ воны зибралысь, та на дубахъ и пишлы пидъ турка. Ото тамъ есть Козачьи лагери, коло Олешокъ, то воны тамъ и стоялы, ажъ покы турокъ прыняв. Тилько де-яки зосталысь и тутъ: воны булы за вольныхъ матросивъ. Отъ якъ мій дидъ та дидъ Грыцька Слабого, Таравъ. Тутъ у насъ, на Мыкытыному, була и запорожська камплычка, до сорокъ пьятого году, а то вже ін въ 1845 году ричка завалыла. И церква святои Покровы була,—ще нова стояла, такъ іи перенеслы въ Шолохову. И кладовыще запорозське було, и скилько було на нему запорозськихъ головъ валяитця, а теперъ уже и тихъ головъ нема,—усе чысто перевелось.

Грустно было слушать слова дида Быковскаго, грустно было и смотрѣть на него. Оборвавъ внезапно свою рѣчь, дидъ Быковскій молча всталъ съ лавы, молча вышелъ въ сѣни и потомъ, вернувшись минутъ черезъ пять въ хату, подалъ мнѣ

древнюю бумагу, завернутую въ какой-то лоскутокъ. Я развернулъ поданный мнѣ лоскутокъ и прочелъ на старомъ пергаментѣ слѣдующія слова:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской и проч. и проч. и проч. Объявитель сего казакъ Сергей Быковскій служилъ въ бывшемъ запорожскомъ воиске, ныне же во уваженіи оказанныхъ имъ въ прошедшую турецкую воину въ деиствіи противу непріятеля заслугъ какъ отъ общественныхъ тягостей, такъ за имеющеюся болезнию отъ службы уволенъ на его собственное пропитание въ губернию новороссійскую, въ засвидетельствование чего данъ ему сеи пашпортъ за подписаниемъ моимъ и съ приложениемъ герба моего печати въ санктъ петербурге Марта 24-го дня 1783 года. Ея Императорского величества всемилостивѣйшеи государыни моеи отъ арміи генералъ аншефъ командующіи легкою конницею войскомъ донскимъ и всеми иррегулярными войсками, государственнои и военнои коллегіи и вице президентъ новороссіиской, азовскій, астраханскій и саратовскій, генералъ-губернаторъ воискъ тамо поселенныхъ и днепровской линіи главный командиръ, Ея императорскаго величества генералъ адъютантъ деиствителный камеръ геръ, лейбъ гвардіи преображенскаго полку подполковникъ, ковалергардскаго корпуса порутчикъ, новотроицкаго кирасирскаго полку шефъ, орденовъ россійскихъ с-го апостола Андрея перво званнаго, с-го Александра невскаго, с-го великомученика и победоносца Георгия болшого креста, с-го равноапостолнаго князя Владимера перваго класса, королевскихъ прускаго черного орла, датскаго слона, шведскаго серафима, полскихъ белаго орла с-го Станислава, и великокняжескаго голстинскаго с-я Анны ковалеръ князь Потемкинъ. [мѣсто печати] № 731».

Прочитавъ подлинный документъ, списавъ себѣ документъ, утверждающій запорожское званіе дида Дмитра Степановича Быковскаго и списавъ съ него копію, я уже поднялся было съ мѣста, чтобы распроститься съ моимъ собесѣдникомъ, какъ онъ внезапно остановилъ меня такими словами:

— «Ну, колы жъ такъ, то я вамъ прокажу ще про козака Саву».

— «А чи я жъ не вморывъ васъ своимъ пытанням, диду»?

— «Э, ни!.. Такъ слухайте жъ. Прыбигъ звидкилясь одынъ молодыкъ на Запорожжа. Куды жъ его опрeдилыть? Кошовому.